1 КХ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЫПУСК ГАЗЕТЫ

Республика

Дым ОТЕЧЕСТВА

2002
2003

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

2002-2003 гг.

книга четвертая

Сыктывкар • 2009

ББК_66.3(2Рос.Ком)
С 34

Сивкова А.Н.
С 34 Дым Отечества. 2002-2003 годы. – Сыктывкар, ООО «Коми республиканская типография», 2009. – 656 с.

В книге собраны материалы, опубликованные в 2002-2003 годах на страницах историко-краеведческого приложения к газете «Республика» – «Дым Отечества».

ББК_66.3(2Рос.Ком)

ISBN 978-5-7934-0298-9

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Читатели, поклонники, авторы публикаций и герои материалов «Дыма Отечества» дождались выхода очередной, четвертой книги в этой серии. Сюда вошли газетные статьи за 2002-2003 годы. Все вместе они составляют своеобразный пласт истории нашей республики, собранный и обобщенный разными авторами на страницах приложения «Дым Отечества».

Как и при составлении трех предыдущих книг, работая над изданием очередной, вновь пришлось пройти непростой путь перенесения и «вживления» газетных материалов под одну обложку. Не все, что выходило на страницах приложения, удалось поместить в новинку. Хотя большинство материалов за указанный период включено в книгу. Кроме того, сюда вошли и публикации историко-краеведческой тематики, которые в свое время появлялись не на страницах приложения «Дым Отечества», а в ежедневных номерах газеты «Республика». Несколько видоизменен и фоторяд: в книгу включены дополнительные фотографии. В то же время сюда по разным причинам вошли не все газетные иллюстрации. Во всех главках, на которые разбита книга, соблюден временной принцип: статьи расположены в зависимости от их появления на страницах газеты. Этот том снабжен двумя указателями: именным и географических названий.

Полновесную иллюстрированную книгу по истории нашей родины донести до читателей помогло огромное желание автора-составителя, помноженное на постоянную поддержку многих жителей республики, читателей газеты, друзей и коллег. Особая благодарность заместителю Председателя Госсовета РК Валерию Маркову, председателю Союза писателей Республики Коми Елене Козловой, академику Михаилу Рощевскому, ученому-физиологу Надежде Чермных, ученому-биологу Маргарите Гецен, историкам Михаилу Рогачеву, Игорю Жеребцову, Ларисе Рощевской, этнографу Ирине Ильиной, краеведам-следопытам Анатолию Смилингису и Людмиле Королевой, библитекарям Рите Мингелайте и Людмиле Муравьевой... Техническую работу выполнили мои коллеги Татьяна Микушева, Татьяна Новгородцева, Трофим Мяндин, Надежда Азарова, Ирина Трофимова. Сердечная им всем благодарность.

Анна СИВКОВА,
журналист, редактор историко-краеведческого приложения
к газете «Республика» – «Дым Отечества».

НОВЫЙ ТОМ – НОВАЯ УДАЧА КРАЕВЕДОВ

После выхода трех томов «Дыма Отечества» продолжение его публикаций ожидалось как явление естественное и необходимое. Надежды читателей оправдались: перед нами новый, 4-й том, составленный из материалов краеведческого приложения за 2002-2003 годы. Уже знакомое по предыдущим выпускам мозаичное сплетение рубрик – разделов книги отражает тематическую широту и разнообразие представленных сюжетов. Но доминирующее начало всего тома проявляется отчетливо – это отражение жизни и судеб людей недавних лет XX столетия, двух поколений наших соотечественников-земляков, современников переломных, драматических событий века.

Главному автору и редактору сборника А.Н.Сивковой удалось и на этот раз подготовить и издать книгу весьма интересную и познавательную. В значительной мере тем, что читательской аудитории представлены уникальные свидетельства участников Великой Отечественной – их дневниковые записи, воспоминания, устные рассказы. Сильное впечатление производят, погружая в контекст атмосферы политических репрессий 30-40 гг., журналистские повествования о личной трагедии людей, ставших жертвами тотального насилия.

Органично входят в содержание сборника и очерки о соединенных судьбою с Коми краем многих людях науки, писателях, поэтах, священнослужителях. Примечательны рассказы о некоторых необычных именах жителей Севера, о семьях северян и семейных традициях, о неоценимой роли в семье и в общественной жизни коми женщины.

И о многом другом, что заключает в себе немало интересных наблюдений, множество малоизвестных и даже неизвестных фактов. Перед читателем предстают в итоге зримые черты повседневной прошлой жизни и горожан, и сельских жителей Коми края, образа жизни, быта крестьян, сельской интеллигенции.

Заметим при этом, что публикацию фактического материала сопровождают фотографические снимки, и это придает изданию качественно новый облик.

Другое отличие нового тома – появление в нем рубрики «Документ без комментариев». Под таким общим заглавием опубликованы некоторые документальные материалы 20-30-х годов, выбранные из фондов бывшего партархива Коми обкома. Комментариев к документам в книге, как и в газетном приложении, действительно, нет. Читателям, как отмечает редакция, предоставлена возможность самим составить мнение об ушедшем времени. Способствовать тому, на мой взгляд, могла бы определенная системность в отборе документов из безбрежного архивного океана. И, конечно, желательно видеть эту рубрику наполненной более разносторонними материалами, побуждающими читателя к беспристрастному их осмыслению.

Самое же главное в книге – то, что явственно проступает через многие страницы. Это непреоборимое стремление людей к сохранению в себе человеческого достоинства, внутренней свободы и честности, любви к жизни, веры в друзей, в свой народ. Всегда. Даже тогда, когда на него и на тебя обрушиваются горы невзгод и страданий.

Видя жизнеутверждающую гуманистическую направленность книги, можно полагать, что она привлечет внимание широкой читательской общественности, заинтересованной в утверждении в нашей современной жизни высоких нравственных начал.

Пожелаем всем авторам-краеведам успехов в подготовке последующих книг сериала.

Профессор Юрий РАПОПОРТ.

ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА

Арестованный кров

У тысяч крестьян в 30-е годы были насильно отобраны дома. Возвратить их сумели единицы

Из нажитого годами и соленым потом домашнего имущества семье Кузнецовых советская власть оставила лишь три предмета: алюминиевую миску, чугунную ступу и медную яндову. И то эти вещи достались хозяевам случайно, их не углядели в суматохе конфискации. Жаль было все нехитрое добро: и корову с лошаденкой, и перины, и зимнюю одежду, увезенные на подводах со двора. Но ни с чем не сравнимая обида обжигала обреченную семью при мысли об отобранном доме. Долгих 70 лет на окраине Сыктывкара стоял этот свой-чужой дом, каждый раз заставляя Кузнецовых заново переживать семейную трагедию. Пока наконец он снова не стал принадлежать законным владельцам.

В начале прошлого века в деревушке Ягвыв, где заканчивались вереницей тянущиеся тентюковские селеньица, вовсю кипела работа. Отделившийся от большой семьи Василий Кузнецов поднимал свой дом. На помочи собралась вся родня, все соседи. Строить свой дом в то время принято было добротно, просторно, на века. Кузнецовский дом встал под стать соседним. Отличали его от других разве что новые, отливающие золотом желтые, смолистые бока.

Зимнюю и летнюю половины отчего дома вскоре обживали три маленьких новосела Валя, Аня и Володя – дети Василия Семеновича и Александры Петровны. Из больших окон открывались дали с еловыми перелесками, сосновыми урочищами. Вроде и в городе живут, а кругом лес. Тишь, гладь да Божья благодать.

Вдруг – революция. Все кругом забурлило, заклокотало. Василий Кузнецов, как и все, крестьянствовал. Тяжелая работа и к земле пригнула. Еще и не старый совсем, а горбатым стал. Ходить за плугом и взбираться на лошадь стало невмоготу. Новая власть поначалу крестьян на лозунги «подняла». А потом и торговать призвала. Сосед к Кузнецовым пожаловал. Мол, чего бояться, давай, хозяин, мясо в соседних селах покупать да и продавать его на базаре. Оформили все чин-чинарем: лицензию взяли, объехали близлежащие деревни, стали мясом торговать да налог в казну платить.

Владимир Кузнецов на фоне родового дома.

Эх, знали бы, чем вскоре предприимчивость обернется! В кулаки торговцев записали. Сосед, правда, отделался лишь испугом. Нашлись у того заступники в верхах. А Василия Кузнецова защитить было некому. Тогда-то и заявились к дому на подводах экспроприаторы. Верховодили две женщины-комсомолки. По-хозяйски зашли в дом, переворошили все вверх дном в поисках припрятанного богатства. Но ничего не нашли. Тогда стали хватать и бросать на подводу все, что под руку попадется. Александра Петровна припрятала было пару детских валенок под перину, но и те забрали.

Когда в комнатах и в сарае было хоть шаром покати, взялись за хозяев. Василию Семеновичу приказали отправляться в ссылку. А его жене с детьми указали на все четыре стороны.

Валентина Васильевна Сорвачева (Кузнецова) обо всем этом рассказывает по-будничному просто, сдержанно, спокойно. Потом вдруг замолкает, вытаскивает откуда-то исписанные мелким бисером тетрадные листочки: «Вот, записала для внуков историю своей жизни, может, захотят узнать, через что пришлось бабушке пройти». Читаю долго. Снова и снова возвращаясь к деталям и событиям чужой жизни. Никак не удержаться, чтобы не примерить прочитанное на себя. От этого становится зябко, жутко, страшно. Понятно, отчего Валентина Васильевна не смогла рассказывать дальше, запнулась, тетрадку протянула.

Дальше наступил кошмар. Ни кола, ни двора. Хоть ложись посреди улицы да смерти жди. Погибнуть не дали соседи. Приютили. Но добывали хлеб сами. «Кулаков» в колхоз не принимали. Александра Петровна ходила стирать в городские семьи. Дети с ранней весны до поздней осени «паслись» на лугах и в лесу. Валентина, как себя помнит, торговала ягодами на рынке. Иногда так сводило живот, так хотелось хоть одну ягодку в рот положить, но стоило подумать, что маленький братишка хлебушка ждет, так ягодка и в рот не шла. С особой радостью ждали Пасху. В праздник ходили к храму, пристраивались у паперти, протягивали за милостыней руки.

Александра Петровна Кузнецова.

Отца отпустили из ссылки. Кинули из огня да в полымя: осудили на семь лет лагерей. Он уже и ходить не мог, так вынесли на руках, на телеге в лагерь, в Чов, отвезли. Жене время от времени разрешали навещать угасающего мужа. Однажды передачу не взяли. Сказали, что муж умер. А когда и где похоронен, никто объяснить не мог. Сын Володя потом 27 лет нес службу в МВД, столько усилий приложил, чтобы узнать время гибели отца. Ничего! Только и осталось детям «кулака» – навещать в родительские субботы лагерное кладбище близ Чова, поминать отца на чужих могилах.

Меньшой в семье, Владимир Васильевич, к счастью, многого не понимал, не запомнил. А Валентине Васильевне, старшей, досталось с лихвой. В школу приняли с грехом пополам. Но после четвертого класса спохватились, выгнали: не место кулацкой дочке в советской школе. На улице свирепствовал тентюковский председсельсовета. Стоило попасться ему на глаза, как у того кровь к лицу приливала. Подходил к девчушке и готов был задушить ее: «Да как ты смеешь, кулацкое отродье, на улице болтаться! Шагом марш в лес, работать!» Однажды мамы не было в доме. Забарабанили в дверь. Открыла. Девочку вытащили, повезли в городскую тюрьму. Десятилетнюю худышку заперли в камере с матерыми мужиками. Один не выдержал, взмолился перед конвоиром: «Да возьми девчонку отсюда, куда она денется». Рядом с конвоиром она и скоротала ночь. Утром пришла обезумевшая мама, сумела как-то вызволить дочь из тюрьмы.

Валентине удалось закончить школу, а потом даже педвуз. Ей очень хотелось учиться дальше. Не дали. Но звание учительницы окрыляло. Она почти 40 лет проработала в школах республики. Красная папка с золотыми буквами – самая высокая награда. Заслуженный учитель РСФСР.

Время – лучший лекарь. Как знать, быть может, оно зарубцевало бы раны, притупило обиды, примирило с несправедливостью. Запамятовать, забыть все пережитое Кузнецовым не давал отцовский дом. Под его окнами они, считай, и выросли. На их глазах он менялся, старел, ветшал. Не мудрено. Сначала колхоз в дармовом доме устроил общежитие для ссыльных. Потом – клуб. Его сменил птичник. Под конец перевели сюда ремонтную мастерскую. Сколько раз переделывали все внутри, ломали, переставляли, а он продолжал служить.

Сейчас брат с сестрой очень жалеют, что их дом не дождался своей хозяйки. Александра Петровна Кузнецова умерла в 1975 году. Ей, столько перетерпевшей и перенесшей, даже в голову не приходило, что когда-нибудь она еще раз переступит порог отнятого дома. А дети дождались этого дня. В начале 90-х они узнали, что имущество, отобранное в годы репрессий, можно возвратить. К тому времени дом Кузнецовых уже пустовал, здесь все пришло в совершеннейшую негодность. Но понадобилось несколько лет хождений по многочисленным инстанциям, прежде чем по решению суда Кузнецовым выдали документ о праве на владение домом. «Смотреть-то тут и то нечего, – указывает Владимир Васильевич на почерневшее невзрачное строение. – Ремонтом не обойтись. Надо заново строить. Но уже нет ни денег, ни сил. Слава богу, жильем обеспечены». И через минуту добавляет: «Тут хорошо. Не то что в городе. И воздух чистый, и лес кругом. Родное все».

Несколько минут ходьбы от Кузнецовых, и снова перед глазами живописнейшая картина. Под взгорком, облепленным деревянными домами, спит река. А дальше – белый простор, который не объять взглядом.

«Мы с этой горки в детстве на лыжах, на салазках катались. Шумно было, весе-

ло. А потом выставили из собственного дома. Помыкались вдоволь», – Вера Андриановна Сорвачева застыла возле заснеженной калитки. Сзади нее высится дом: все еще крепкий, могучий, с мансардой на широкой крыше.

На переднем плане – отнятый у семьи Сорвачевых дом в Сыктывкаре.

Андриан Степанович Сорвачев от своих соседей отличался разве что оравой детей да домом на загляденье. Девять лет – с 1905-го по 1914-й – поднимал он гнездо для своей ребятни. Не успели обжить, как сменилась власть. Ничего плохого крестьянской семье она не сулила. Хозяина после революции взяли на службу в упродком. Позже уполномоченным по землеустройству назначили.

«А потом ни с того ни с сего зажиточным признали», – горько вспоминает Вера Андриановна прошлое. Еще от того горше, что знает: это соседи «постарались», намозолило глаза голытьбе добро чужое.

Большая семья Сорвачевых свой дом отстоять не смогла. И очутилась в бане. Но им очень повезло: некоторое время спустя «подкулачникам» разрешили занять мансарду. Так и жили много лет: внизу школьные классы, интернат, жилые комнаты учительниц, а наверху, под самой крышей, – «постояльцы»-хозяева. Мать Веры Андриановны посчитала за счастье, что ее взяли в школу уборщицей. Изо всех сил старалась содержать свой-казенный дом в порядке, любовно мыла-скоблила каждый закуток, боролась с запустением.

Трое братьев Сорвачевых после объявления войны ушли на фронт. Иван вернулся инвалидом. В тесной мансарде семье фронтовика места уже не нашлось. Тогда он пошел в горисполком, попросил помочь найти угол для житья. Удивительно, но факт: обосноваться под кровом отцовского дома без разрешения властей было бессмысленно и даже небезопасно. К счастью, Иван Андрианович получил добро обосноваться в родных стенах. Тогда же с мансарды спустились в горницу старики родители. Отцу пожить в хоромах удалось всего пару лет. Он умирал с тяжелым сердцем: семья, ради которой он надрывался – строил дом, оставалась здесь квартирантом.

Лишь в 60-е годы школа № 3 из дома Сорвачевых наконец съехала. Тогда же на свой страх и риск старые хозяева «завладели» всем домом. Жили на птичьих правах. Хоть дом к тому времени в реестрах жилья и числился бесхозным, прописаться в нем Сорвачевым не разрешали.

Шли годы. В 1975 году Александры Алексеевны Сорвачевой не стало. Поредела и ребячья орава: кто умер, кто разъехался. Дослужившись до подполковника, вышел на заслуженный отдых младший из Сорвачевых – Анатолий Андрианович. 52 года отработав медицинской сестрой, ушла на пенсию Вера Андриановна. «Надеяться уже перестали, что дом станет нашим, – говорит она. – Прознал обо всем брат. Он же обегал все инстанции, собрал документы. Потом суд был. Без канители не обошлось. Но мы ни о чем не жалеем. Дом перейдет детям, внукам. Разве

можно не заглядеться на этот вид, открывающийся из окон?»

«Не может быть! – всегда сдержанный председатель сыктывкарского «Мемориала» Михаил Рогачев не скрывает удивления. – Пересчитать людей, которым в нашей республике возвратили отнятые в 30-е годы дома и имущество, хватит, пожалуй, пальцев одной руки. А тут две семьи-«новосела», и обе из Сыктывкара».

Возвращение отнятого в годы репрессий добра – боль и проблема из проблем для тысяч людей. Одно дело – спецпереселенцы, которых в миг вырвали с родных мест, увезли «на край света». Совсем другое – северные, местные «кулаки». Часто и места более сурового, чем родной край, карательные органы подыскать для них не могли. Вот и Василий Кузнецов пресловутую ссылку отбывал рядом с Сыктывкаром – в соседнем Корткеросском районе. Многие из раскулаченных семей в баньках, на гумнах и обретались. Рядом с отобранными домами. Но попробуй сейчас доказать, что жили на задворках или квартирантами, как тентюковская семья Сорвачевых.

Александра Алексеевна Сорвачева с внуком.

Трудно, а подчас невозможно доказать и сам факт конфискации дома и имущества. Занести все отобранное на бумагу экспроприаторы часто не удосуживались. Теперь, чтобы заявить о своем праве на наследование родового дома, дети и внуки репрессированных должны или найти документы, или запастись свидетельскими показаниями очевидцев. Но свидетелей часто и в живых уже нет.

Самое поразительное: то, что у «кулаков» в период раскулачивания отобрали все что можно, до сих пор официально считается законным. Так оно и выходит. Семья «кулака» не смогла расплатиться по налогам и поставкам. Сорвала выплату прогрессивного налога, которым обкладывались «зажиточные» хозяйства. Как же при этом она не провинилась перед государством? Отошедшие дом и имущество – законная плата за недоимки. Доказать обратное до сих пор если и удается, то с превеликим трудом.

«Это – продолжение издевательств над людьми, – уверен Михаил Рогачев. – Законы 30-х годов до сих пор не упразднены, продолжают действовать. Новые же законы обратной силы не имеют».

Возвратить отобранное можно сегодня двумя путями. Или получить в личную собственность дом, от которого чаще всего остались лишь стены. Или деньги в сумме ста минимальных окладов. Но государство даже эту сумму неохотно отрывает «от сердца». А если и оторвет, то уже безо всяких извинений и благодарностей.

Анна СИВКОВА.

Фото Георгия Лисецкого и из личных архивов Кузнецовых и Сорвачевых.

(«Дым Отечества», 16 февраля 2002 г.)

Право на новую жизнь

С каждым годом все меньше остается свидетелей Великой Отечественной войны. Все труднее воссоздавать ее детали, приоткрывать завесу над неизвестными страницами. А белых пятен остается много. О чем говорить, если каждый год из-под спуда времени всплывают новые имена не просто участников войны, а Героев Советского Союза! Новый 2002 год принес известие еще об одном неизвестном герое из Коми. Его судьба сложна, неоднозначна, полна загадок, окутана тайной. Даже слово «герой» пока не рискуем написать с большой буквы. Хотя некоторые доказательства, что наш земляк Георгий Иванович Чугаев – Герой Советского Союза, уже есть.

На его след вышла одна из нас. В Государственном архиве Российской Федерации в Москве случайно попала в руки любопытная книга. Ее подготовило и издало в 1946 году издательство «КВО ГУЛАГа МВД СССР». Книга называлась «Их воспитали чекисты». Подзаголовок гласил, что здесь собраны рассказы об участии бывших заключенных в Отечественной войне Советского Союза против фашистской Германии. И пометка: «Для пользования только внутри лагеря». Книга очень любопытная. На ее страницах помещены очерки о бывших зеках, призванных в годы войны из гулаговских зон и не просто отличившихся мужеством и геройством на фронтах Великой Отечественной, а удостоенных звания Героя Советского Союза. Знакомство со сборником обернулось открытием. Один из очерков назывался «Георгий Чугаев». Конечно, не зная, что в Коми Чугаевы – коренная сысольская фамилия, можно было бы перелистнуть страницу. Но задержала первая строчка очерка: «Село Грива Сысольского района Коми АССР расположено по обе стороны широкой проселочной дороги. На небольшом пригорке, поближе к окраине села, стоит домик...» Герой оказался из Коми, наш земляк. Но ни в одном списке Героев из нашей республики его имя найти так и не удалось.

Георгий Чугаев. 1942 г.

И тогда другая из нас, журналист, поехала в «разведку» в Гриву. Теперь это село входит уже не в Сысольский, а в Койгородский район. Но прошедшие без малого 60 лет мало что изменили в облике этих мест. Грива так же стоит по обе стороны

широкой проселочной дороги. А на окраине села – все тот же дом Чугаевых. Только теперь нежилой, заброшенный.

Оказалось, на родине Георгия Чугаева не забыли. В Гриве живет его двоюродный брат – ветеран Великой Отечественной войны Егор Владимирович Попов. А в соседнем поселке Седтыдор обосновались его родной брат Геннадий Иванович и семья уже умершей сестры Татьяны Ивановны. Можно было предположить, что приезд корреспондента, да еще с такой неожиданной целью, застанет их врасплох. Ничего подобного.

– Вы знали, что ваш родственник был удостоен звания Героя Советского Союза?

– Конечно, знали.

– Откуда?

– Из книги. Называется «Их воспитали чекисты». Мы эту книгу сами не видели, но знаем, что такая есть.

– И до сих пор никому об этом не рассказывали?

– А нас никто об этом не спрашивал, – разводили руками пожилые люди.

Правда, оказалось, что очерк о Георгии Чугаеве, впрочем, как, наверное, и другие, помещенные в книге, «замешан» на натяжках, домыслах, неправде. Расспросы и воспоминания развенчивали каждую главу, каждый образ.

«...В 1919 году родился Георгий Иванович Чугаев. Родители его – советские люди – работали и в осенний дождь, и в северную стужу, и в весеннюю распутицу, чтобы воспитать своего сына в духе трудолюбия.

Но у Георгия уже в ранние годы стали проявляться наклонности к депрессиям, крайняя неустойчивость и горячий характер. Забияка, непоседа, он прослыл в селе мальчишкой-хулиганом.

Ни убеждения, ни ласки и увещевания родителей не могли пробудить распущенного мальчика изменить свое поведение. С каждым днем он становился все более и более невыносимым...»

Егор Владимирович Попов.

Егор Владимирович Попов, несмотря на возраст, выглядит молодцом. Высокий, все еще крепкий. Из-под седой шевелюры смотрят внимательные, пытливые глаза.

– Богатырем, наверное, были?

– Я-то так себе, середнячок. Вот до войны у нас в Гриве целая ватага богатырей была. Двоюродный брат Егор два куля с мукой под мышками играючи мог до места донести. Жаль, война всех скосила.

С двоюродным братом Георгием они родились в 1919 году почти в одну ночь. С детства были не разлей вода. Три брата Чугаевых – Гавриил, Андрей и Егор (Георгия Ивановича в селе знали и звали Егором) рано остались без матери. В семье крестного Владимира (отца

Егора Владимировича Попова) Егор-Георгий был почти что своим. Уже позже отец привел в дом новую хозяйку. Родились брат Геннадий и сестра Татьяна. Но к тому времени старшие уже покинули родной дом.

– А каким рос Георгий? – пытаю Егора Владимировича.

– Как и все. Разве что характер был как спичка. Поперек его не вставай – тумака получишь. Крепкий был, как боровичок. И рыжий.

Но хулиганом Егор Чугаев не был. Хорошо учился. После школы отправил документы в город, в кооперативный техникум. Не каждый деревенский мальчишка, даже при живых родителях , мог в то время мечтать о профессии. А он «покорил» Сыктывкар. Стал бухгалтером.

А между тем книга «Их воспитали чекисты» продолжает наводить тень на плетень: *«В 19 лет за хулиганство он попал на скамью подсудимых. Это время можно было считать началом его преступной карьеры. Однако из случившегося он не сделал необходимых выводов и продолжал жить по-прежнему.*

Он многое перепробовал, переезжая с места на место, оставляя всюду о себе плохую память. И своим поведением заставил заинтересоваться судебно-карательные органы.

В ноябре 1940 года по совокупности он был осужден к трем годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовых лагерях...»

Воспоминания о проделках своего родича рассмешили койгородских мужиков. О «подвигах» Егора Чугаева все они наслышаны. И о том, что в конце концов он в тюрьму угодил тоже. Знают, но мнения разделились, за что же конкретно он срок схлопотал.

После техникума Чугаева направили в Троицко-Печорск. Там, по рассказам, он по уши влюбился. Зазнобой молодого бухгалтера стала местная женщина Клавдия Тюрнина. Все бы хорошо, да на Клавдию в это же время другой мужчина глаз положил. Чугаев отступать не намеревался. Но и его соперник тоже. Тот подбил двух своих дружков отдубасить как следует нахала. Не знали они, с кем дело иметь предстоит. Ретировались бы без потасовки. А тут драку затеяли. В считанные минуты Чугаев раскидал обидчиков в разные стороны. А одному из них даже лишку досталось – ребра поломал. Тогда же он и попал под бдительное око недремлющих органов.

Все родные помнят и другое, главное «преступление» Чугаева. Еще во время учебы в техникуме он часто наведывался в городской тир. Как-то раз зашли туда с приятелем, а там бумага с мишенями кончилась. Пострелять же ребятам очень хотелось. Тогда Георгий полез в сумку и отодрал от ученической тетрадки обложку. Нарисовал круги, прилепили листок на стенд – и давай палить. Вволю настреля-

Иван Иванович и Геннадий Иванович Чугаевы.

лись. Заглянул в тир какой-то милиционер. Зацепил взглядом самодельную мишень, изрешеченную пулями. Не поленился, снял ее со стены, повертел в руках. И тут побагровел, впившись глазами в «расстрелянные» портреты вождей – Ленина и Сталина, помещенные на тетрадной обложке. «Кто?!» – багровый подступил к перепуганной работнице тира. Она указала на пареньков.

Как знать, может, были и другие проступки, совокупность которых и потянула на три года лагерей. Осудили Георгия Чугаева по статье 74 Уголовного кодекса «Хулиганство, т.е. озорные действия, сопряженные с явным неуважением к обществу». Согласитесь, второй «проступок» молодого гривенца, да и первый тоже, подходили под это определение на все сто. Но он легко отделался! Куда больше в то время было тех, кто и за более безобидные штучки получал «расстрельные» статьи.

«В заключении как-то особенно работает мысль. Часто ночью на нарах заключенный оценивает всю свою жизнь, думает о том, как чудесна была юность, отрочество, как грубо он сам все это от себя оттолкнул, как нелепо и бессмысленно пронеслись годы от честной жизни к преступлению и от преступления к скамье подсудимых. В такие минуты страшная пустота и отчаяние овладевают душой заключенного. И ему страстно хочется вернуть свободу, потерянное счастье.

Когда Георгий Чугаев прибыл в исправительно-трудовую колонию НКВД, он не сразу оценил свое положение. Но постепенно под влиянием воспитателей он решил, что прежде всего надо переделать свой несносный и тяжелый характер, привыкнуть к полезному труду и уничтожить ржавчину в своей душе.

Много трудностей он встретил на своем пути. Они возникали ежечасно, на каждом шагу.

Новая жизнь в колонии, жизнь будущего сознательного и культурного человека призывала к настойчивой борьбе.

В минуты слабости и сомнений чекисты-воспитатели поддерживали его.

В колонии Чугаев прозрел.

У него началась кипучая трудовая жизнь. Мечты о счастливом будущем стали воплощаться в действительность.

Он стал развитым человеком. Много узнал, читал, работал над собой. В быту стал вести себя образцово, не сквернословил, все свободные минуты посвящал общественно-полезной работе…»

Так отрезок жизни длиною в три лагерных года описан в книге. Георгий Чугаев все-таки добился руки и сердца Клавдии Тюрниной. Они, видимо, перед самым его арестом поженились. Как бы то ни было, она переехала в Сыктывкар. Чтобы быть поближе к мужу. А его определили в Верхнечовский лагерь.

Подтверждение этому лежит перед глазами. Из Управления исполнения наказаний по Республике Коми нам сообщили, что Чугаев Георгий Иванович содержался в лагере Верхний Чов с 23 ноября 1940 года. Эта дата занесена в учетно-архивную карточку заключенного. На ее обратной стороне указано, что осужденный отправлен на фронт. Вот и все сведения. Архивное же личное дело Чугаева уничтожено еще в 1954 году.

Сухую информацию из УИНа дополнили рассказы родственников. В 1942 году брательник Чугаева – Егор Попов – на фронте получил сильное ранение. Его списали. Из Ташкентского госпиталя на перекладных доехал до Сыктывкара. Как дальше добираться? Зашел с расспросами на почту. И здесь прямо на крылечке по-

встречал свою землячку из Гривы. «Что-то сегодня мне одни братья Чугаевы на глаза попадаются», – пошутила она при виде солдата на костылях. Он удивился: «Какой брат, все на фронте вроде». Оказалось, что несколько минут назад из здания почты вышел Георгий Чугаев с женой. Егор попытался было разглядеть, куда ушли, да какое там. Про себя же подумал: «Что это он по улицам разгуливает. Вроде как заключенным увольнительные не полагаются».

Еще несколько земляков позже подтвердили, что в начале войны встречались с Георгием Ивановичем на улицах Сыктывкара. Можно эти слова и не принимать на веру. Если бы не еще одно подтверждение. Незадолго перед отправкой на фронт Георгий Чугаев отослал в Гриву фотокарточку, где он снят вместе с женой. Молодожены сидят, прижавшись друг к другу, довольные и счастливые. Ничто на этом снимке не подсказывает, что он – заключенный. Ни одежда, ни прическа, ни лицо. А дата – «1942 год» – говорит, что как раз в это время Георгий Чугаев должен был находиться в лагере. Опять загадка.

«Проходили годы. Война продолжалась. Красная Армия разгромила гитлеровские банды и уверенно шла на Запад. Весь советский народ переживал радостные дни.

В феврале 1943 года Чугаева вызвали в штаб колонии. В учетно-распределительной части ему объявили, что за хорошую и образцовую работу и хорошее поведение в колонии он досрочно освобождается.

Чугаев почувствовал, что кончилось то нелепое и тяжелое прошлое, какое у него было до прибытия в исправительно-трудовую колонию, и твердо решил завоевать свое право на новую жизнь.

Над колонией поднимался хмурый рассвет. Держался сильный февральский мороз. Ночью выпал обильный снег. Было тихо и холодно. За небольшим костром сидели заключенные. Они слушали своего друга Чугаева. Вот что он говорил на прощанье:

– Сегодня всю ночь я не находил себе места. Многое передумал. Вся прошлая жизнь прошла передо мной. Вспомнил отца, детство, преступную юность. Сердце сжалось от боли. Но колония показала истинный смысл жизни. Я сейчас возвращаюсь на свободу уверенным в моем будущем. У меня одно желание – быть примерным бойцом...»

Младший брат Георгия Чугаева – Геннадий Иванович и его зять Иван Иванович Чугаев в один голос утверждают, что он жаждал поехать на фронт. В лагере Георгия навестил отец, пытался увещевать, мол, не рвись туда, сложишь буйную голову. Но он и слышать его не хотел.

В отчетном докладе наркому внутренних дел Берии начальник ГУЛАГа НКВД СССР комиссар госбезопасности Наседкин в 1944 году сообщал: «Если в начале войны общее число заключенных, содержащихся в ИТЛ и колониях, составляло 2 300 000 человек, то на 1 июля 1944 года... снизилось до 1 200 000... По представлению НКВД СССР Президиумом Верховного Совета СССР 12 июля и 24 ноября 1941 г. были изданы указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную Армию. По специальным решениям ГКО в течение 1942-43 гг. произведено досрочное освобождение с передачей в ряды Красной Армии 157 тысяч человек из числа осужденных за незначительные преступления».

Под это решение и попал Георгий Чугаев. В феврале 1943 года он отправился на фронт.

«Вечера были серые и туманные. На передовых позициях разворачивалась артиллерия, готовились к бою тяжелые и быстроходные танки. Пехота рвалась на Запад. Взламывая долговременную вражескую оборону, бойцы Красной Армии неудержимо и стремительно шли вперед.

Георгий Чугаев с женой Клавдией. 1942 г.

В этих многочисленных и тяжелых боях выдвинулся Георгий Иванович Чугаев. В каждой схватке с врагом, в каждом сражении он показывал высокую военную доблесть, мужество, храбрость и героизм. Чем сложнее была боевая операция, тем интересней становилась она для него. С гранатами в обеих руках он полз навстречу немецким «тиграм» и «фердинандам».

Однажды он незаметно подполз к вражескому блиндажу. Чугаев набросил на часового плащ-палатку и бесшумно снял его, затем гранатами забросал блиндаж и уничтожил засевших в нем немцев.

Он недвижно лежал в поле в маскировочном халате, прижимаясь всем телом к снегу, а когда враги подходили близко, автоматными очередями расстреливал их в упор.

Он дрался против превосходящих численностью врагов, шел впереди наступающих и ни при каких обстоятельствах не отступал...»

С фронта приходили в Гриву бодрые письма. Но они быстро иссякли. Уже спустя восемь месяцев почтальон принес Чугаевым похоронку. Рядовой 316-го истребительного противотанкового артиллерийского полка Георгий Чугаев погиб в бою возле деревни Синява под Киевом. Тот роковой бой произошел 22 октября 1943 года.

Известие сильно опечалило отца погибшего солдата. Он попытался найти когонибудь из однополчан сына. И ему повезло. Однажды его племяш Егор Попов по делам поехал в Сыктывкар. Где-то на бензоколонке он разговорился с одним фронтовиком. До сих пор помнит его фамилию – Арихин. Слово за слово, и вспомнили войну. Узнав, что его собеседник из Гривы, мужик обрадовался. Сказал, что гривенцем был его знакомый – Георгий Чугаев. И тут же ошеломил новостью: «Он ведь герой, настоящий Герой. Сам видел книгу, где написано об этом».

Арихин сам захотел сообщить об этом отцу фронтового товарища. Приехал в Гриву. Всем рассказывал о случайно прочитанной книге. С того времени и запало в память родных ее название – «Их воспитали чекисты».

«За доблесть, мужество и героизм Президиум Верховного Совета Союза ССР присвоил ему звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» – так заканчивается очерк «Георгий Чугаев».

Отец Героя сам прошел сквозь огонь и воду. Еще в Первую мировую несколько лет провел в немецком плену. После такой новости он взялся за поиски наград

сына. Вместе с сельским учителем слали письма во всевозможные инстанции. Приходили одни отписки, а многие письма остались и вовсе без ответа. Не стало отца, некому стало и правду искать.

Не зря говорят: все тайное когда-нибудь становится явным. Понадобилось более полувека, чтобы жизненные коллизии Георгия Чугаева и его подвиг всплыли вновь. Понятно, сегодня сквозь толщу лет докопаться до сути, расставить все точки над «і» в его непростой судьбе гораздо труднее. Нелегко отыскать и подтверждение о присвоении Чугаеву звания Героя Советского Союза.

Хотя уже сам факт упоминания об этом в книге, изданной под эгидой ГУЛАГа МВД СССР, сам по себе чего-нибудь стоит. Излишне говорить, что руководители этого сурового ведомства, тем более работавшие во времена Сталина, звезд с неба не хватали. А значит, и факты, попавшие на страницы печати, проходили через сито всевозможных сверок и проверок.

Другое подтверждение о присвоении звания Героя Советского Союза Георгию Чугаеву нам удалось найти тоже в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации. В архиве хранятся дела о переписке Устьвымлага НКВД с фронтовиками, ушедшими из лагеря на фронт. (Оказывается, в годы войны была и такая форма культмассовой работы в лагерях.) Устьвымлаг переписывался с 21 своим «воспитанником». Кстати, 14 из них были награждены орденами и медалями, в том числе двое – орденами Красного Знамени, один – орденом Отечественной войны, а двоим бывшим зекам были присвоены офицерские звания. В этом же деле упоминается и Георгий Чугаев. Как бывший заключенный, удостоенный звания Героя Советского Союза.

Других подтверждений о присвоении этого высокого звания нам найти пока не удалось.

Удивительно, но уже после публикации первой части расследования у нас появились «оппоненты». Смысл их возражения сводился к извечному русскому «без бумажки ты букашка». Нам говорят, что, не обнаружив документов о представлении к званию Героя и сам указ Президиума Верховного Совета СССР, нечего огород городить. Мол, вымышленный ваш герой, раз не числится он ни в каких списках награжденных.

Действительно, в том же Госархиве Российской Федерации в фондах Верховного Совета СССР, где велись учет и регистрация награжденных за 1936-1947 гг., документов, подтверждающих присвоение звания Героя Советского Союза Георгию Чугаеву, нет. Но остаются другие архивы. Тот же архив Министерства обороны в подмосковном Подольске, в котором осело множество документов военных и послевоенных лет. Мы обратились туда, а также в другие архивы, где могло «застрять» личное дело Чугаева, и надеемся, что они прольют какой-нибудь свет на эту историю.

Не вошла фамилия Чугаева и в двухтомник «Герои Советского Союза», выпущенный «Воениздатом» в 1987-1988 гг. Слов нет, это бесценное, уникальное издание. Но сразу же после его выпуска в кругах, не понаслышке знакомых с историей Великой Отечественной войны, двухтомник породил изрядную долю... недоумения. По разным причинам на его страницы не попали многие известные Герои Советского Союза. Оплошность пришлось исправлять уже в другом издании. Фамилии забытых Героев поместили в конце справочника «Кавалеры ордена Славы», выпущенного в 2000 году тем же «Воениздатом».

Знакомясь с этим справочником, делаешь интересное открытие. Знаменитый герой-молодогвардеец Иван Туркенич, прославленные героини-летчицы Лидия Литвяк и Екатерина Зеленко, легендарный подводник Александр Маринеско, подводная лодка «С-13» под управлением которого уничтожила «цвет» фашистского флота... Все эти люди, оказывается, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза лишь... в 90-х годах прошлого столетия. Хотя их всех представляли к этому званию, как говорится, по горячим следам, еще в годы Отечественной войны. Бюрократические препоны, чванство военных чиновников, сами герои, чьи человеческие качества не всегда умещались в прокрустово ложе советской морали, надолго отодвинули их от заслуженных наград. А ведь так же могли поступить и с нашим героем. Тем более, он попал на фронт из лагеря. Представить к званию – представили, а лагерное прошлое не дало документам ходу.

В годы войны, да и после нее, были в ходу отмены указов о присвоении звания Героя, практиковалось и лишение этого звания. Некоторые расставались со звездой Героя заслуженно: предатели, люди, совершившие уголовные преступления. По некоторым сведениям, звания Героя Советского Союза были лишены 78 человек. Но ведь среди них значился и Сергей Щиров, чье имя и подвиг возвратились из забвения лишь в последние годы. К слову, фамилия прославленного летчика, собравшего за годы войны огромную жатву орденов и медалей, вошла наконец в дополнительный список Героев, о котором уже упоминали. Щиров пострадал совершенно безвинно, в воркутинские лагеря прославленного аса упрятал его личный враг Берия. Он же постарался «изъять» имя летчика из всех списков Героев.

Если справедливость по отношению к летчику-герою все же восторжествовала, то одному из чудом уцелевших 28-и героев-панфиловцев Ивану Добробабину

Иван Иванович и Геннадий Иванович Чугаевы.

до сих пор не везет. В том же самом справочнике «Кавалеры ордена Славы», в конце которого помещен дополнительный список Героев Советского Союза, есть и другой список. Это лица, лишенные высокого звания Героя. Так вот, Добробабин оттуда до сих пор не вычеркнут. Героя-панфиловца уже нет в живых, он умер в 1996 году. А за год до этого мужественного воина восстановили в звании Героя Советского Союза. По поводу возвращения ему высокого звания на страницах печати кипели нешуточные страсти. Журналисты, военные историки, все, кто знал Ивана Евстафьевича Добробабина, в один голос ратовали за восстановление справедливости. Но понадобились десятилетия, чтобы этому вняла военно-бюрократическая махина. Внять-то вняла, да, оказывается, не совсем. Даже в издании 2000(!) года Иван Добробабин продолжает числиться среди «лишенцев». А кто они, другие люди из этого списка? Кто проследил их судьбы, какие преступления совершили они, не пора ли некоторым из них, как Добробабину, возвратить честное имя?

Документами Георгия Чугаева наверняка по своему усмотрению могло распорядиться лагерное начальство. Раз он ушел на фронт из лагеря, вполне возможно, туда же после его гибели они и попали. В другом случае их бы передали семье. Как известно, кроме родительской семьи у Георгия Ивановича была жена Клавдия. Что сталось с ней после гибели мужа, где жила, жива ли она?

Поиск ответов на эти вопросы завел в село Троицко-Печорск. Ветеран связи Зинаида Михайловна Колесова поначалу не могла понять, о ком идет речь. Оказалось же, что под фамилией «Чугаева» Клавдию Андреевну в Троицко-Печорске мало кто и знал. Вскоре после войны она вернулась из Сыктывкара и до самой пенсии проработала в отделении связи. Вышла замуж, стала Казаковой. Детей с Георгием Чугаевым у них не было. Сын и дочь родились уже во втором браке.

Клавдия Андреевна Казакова землякам запомнилась очень активной, даже бесстрашной. Когда в Троицко-Печорске приземлился первый самолет, она единственная рискнула сесть в кабину и покружить над селом. А однажды побывала на волоске от смерти. В аппаратную отделения связи ударила молния и попала в телефонистку. Этой телефонисткой и была Клавдия Казакова. Выжила чудом. Но и после этого оставалась душой компании, заводилой многих дел. К сожалению, никто из близких знакомых никогда ничего не слышал от нее о геройском подвиге бывшего мужа. Скорее всего, ничего, кроме похоронки, она не получила и после его гибели.

Эта публикация – первый шаг в расследовании жизненного пути нашего земляка Георгия Чугаева. Чтобы найти недостающие звенья, восстановить справедливость или, наоборот, доказать, что наш земляк не был представлен командованием к званию Героя Советского Союза, необходимы совместные усилия всех, кому небезразлична наша история. Одно несомненно: отдавший за Родину свою жизнь Георгий Чугаев все равно заслужил право называться героем.

Елена БОЛЕ,
аспирантка ИЯЛИ Коми научного центра;
Анна СИВКОВА,
корр. «Республики».
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
Москва – Сыктывкар – Койгородский район
(«Дым Отечества», 16 февраля, 23 марта 2002 г.)

Улица, улица

Раз возвращаюсь домой я к себе:
Улица странною кажется мне.
Раз возвращаюсь домой я к себе:
Улица странною кажется мне.
Левая, правая
Где сторона?!
Улица, улица,
Ты, брат, пьяна...
И фонари так неясно горят,
Смирно на месте никак не стоят.
Эх! Да вы пьяные все, господа!
Левая, правая...
Ты что за рожи там, месяц, кривишь,
Глазки прищурив, так странно глядишь?
Лишний стаканчик хватил, брат, вина;
Стыдно тебе – ведь уж ты старина.
Левая, правая...

Жизнь и песня «бурсацкого зоила»

«Улица, улица» – в свое время очень популярная русская песня. Широкая, вольная, удалая, разгульная – она многим памятна по пластинкам и записям в исполнении великого Федора Ивановича Шаляпина. В песенных сборниках «Улицу» помещают без авторства. Иногда отмечают – «слова народные». Но, оказывается, это не так, у песни есть автор, и он имеет отношение к Коми краю.

Первой, кто узнал об этом, стала детская писательница Елена Габова. В руки Елене Васильевне как-то попал сборник стихов поэта-вологжанина Юрия Леднева. Здесь же была помещена и его драматическая поэма «Василий Сиротин». В предисловии к поэме автор писал: «Талант Василия Сиротина пробился к нам лишь немногими строками его стихов, из которых полностью известна лишь одна песня «Улица, улица...». Теперь благодаря усилиям писателей-вологжан Владимира Степановича Железняка и Валерия Васильевича Дементьева авторство этой песни установлено. Дальнейшее исследование архивов, возможно, поможет нам найти новые, неизвестные страницы сиротинского творчества. Хотя, признаться, надежд на это мало. Реакционные церковники постарались истребить все, что связано с именем опального бурсацкого зоила. Протест против этого и заставил меня взяться за перо, чтобы воскресить образ забытого поэта».

Уже из предисловия ясно, в каком ключе написана поэма. Сюжет ее вкратце таков. Талантливый семинарист Сиротин пишет стихи, за которые его не жалует церковное начальство. Он бы без сожаления расстался с бурсой, пошел на вольные хлеба, да некуда больше податься сыну пономаря. Походы семинариста по бильярдным и ресторанам не остаются без внимания. В семинарии гуляку «жалуют» розгами. По окончании ссылают в один из приходов в Зырянском крае. Насильно женят на попадье умершего священника, устанавливают за ним надзор. После одного из семейных скандалов Сиротина вызывают на суд к епископу Христофору. Он и выносит приговор: бить кнутом и отправить схимником в Спасо-Преображенский монастырь на Кубенском озере. Последняя сцена поэмы: в Архангельском порту жандарм узнает в толпе отплывающих за границу пассажиров беглого монаха Сиротина. На глазах у изумленных пассажиров тот прыгает за борт и тонет. Оркестр на борту наяривает:

И фонари как-то странно горят.
Смирно на месте никак не стоят.
Так и мелькают туда и сюда.
Э-э-э!
Да вы пьяные все, господа-а-а?!!

Как и в любом художественном произведении, в описании судьбы поэта-священника автор не обошелся без вымысла. На это же указывают и факты из краеведческого словаря «Вологда. XII – начало XX века», изданного в 1993 году Северо-Западным книжным издательством в Архангельске. Так вот, судя по ним, Василий Сиротин был в 1865 году уволен из духовного звания, а затем странствовал по Руси, но подробности биографии этого периода его жизни неизвестны. Прочерк стоит и в дате смерти Сиротина.

В других деталях словарь солидарен с Юрием Ледневым и с его драматической поэмой. Василий Иванович Сиротин происходил из сословия священнослужителей, был сыном пономаря Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Он родился в 1830 году, а в 1835-м семья переехала в Вологду. Здесь Василий окончил Вологодское духовное училище и Вологодскую духовную семинарию. По окончании последней был рукоположен во священники. Но уже спустя два года подал прошение о снятии с него сана. Чтобы привлечь внимание к своей судьбе, он несколько своих прошений зарифмовал. Кроме «Улицы» в Вологде были известны и другие его стихи: «Друзья», «Свобода наша пала», «Колокольчики звенят», а также поэма «На докладе у Сатаны».

Писательницу Елену Габову заинтересовал не только сюжет драматической поэмы, но и небольшая деталь из нее, где упоминается о ссылке опального священника в Зырянский край. В словаре «Вологда» тоже упоминается об этой ссылке, есть здесь и более конкретный адрес – Керчомский приход.

Священники на протяжении столетий оставались особым, едва ли не самым грамотным и влиятельным сословием в крестьянской России. Поэтому без особого труда можно проследить и их судьбы. Многие документы по истории Церкви Коми края сейчас хранятся в Центральном государственном архиве Республики Коми. В клировых ведомостях Усть-Сысольского духовного правления за позапрошлый век сохранились ежегодные отчеты о положении дел во всех приходах края. Есть здесь и документы по Керчомской Иоанно-Предтеченской церкви.

Василий Сиротин на страницах клировых ведомостей появляется в 1856 году. В возрасте 26 лет его рукополагают во младшие священники. Отмечается, что грамоту он имеет, вдов, судим и оштрафован не был, поведения «хорошаго». Но уже через год картина резко меняется. Поведение у молодого батюшки «худое», он состоит под надзором «за буйные и насильственные поступки». Что стоит за этим – не расшифровывается.

В «ведомостях» за 1858 год есть лишь упоминание, что место младшего священника вакантно, потому как священник Василий Сиротин послан отсюда в Семигородскую пустынь.

Больше ничего об опальном священнике и авторе широко известной песни найти не удалось. Хотя, возможно, что инцидент с сельским батюшкой остался в памяти прихожан-керчомцев и в селе память о нем жива до сих пор.

Анастасия КУДИНОВА.

(«Дым Отечества», 23 марта 2002 г.)

Не обрел чертог спасенья...

С интересом познакомилась с публикацией «Жизнь и песня «бурсацкого зоила» («Дым Отечества», 23.03.02 г.), рассказывающей о нелегкой судьбе священника и поэта Василия Сиротина, автора широко известной песни «Улица, улица». Но не могу согласиться с автором материала, что В.Сиротин – большой поэт и страдалец по жизни.

Мой прадед – священник Константин Головков после служения в Вельском и Кадниковском уездах Вологодской губернии был направлен в Зырянский край. Десять лет он нес службу в Усть-Сысольском Троицком соборе, после чего еще десять лет был настоятелем Ыбского Вознесенского храма, в ограде которого в 1902 году был и похоронен. Но ссылкой прадед службу в храмах далекого лесного края не считал, был за то отмечен многими наградами Святейшего Синода.

В 1998-2001 годах я тщательно проштудировала «Вологодские епархиальные ведомости», издававшиеся с 1864 по 1917 год. В них нашла много упоминаний и о своих предках-священниках. В годовых сборниках за 1909-1913 годы обратила внимание на интересный материал Лальского протоиерея Алексея Попова «Воспоминания причетнического сына». В них среди прочих лиц упоминается и Василий Иванович Сиротин. Оба они, и Попов, и Сиротин, обучались в свое время в Вологодской духовной семинарии, которую первый окончил в 1862 году, а второй – на два года раньше.

Вот что пишет Попов о Сиротине: «Как поэт, он так широко был известен в Вологде, что с кем вы ни заговорили бывало, все знали его. А в семинарии и до сего времени, кажется, помнится имя Сиротина. Да, это был поэт, правда, большею частию нечистоплотный и не дороживший талантом, хотя в прологе к поэме «На докладе у Сатаны» и рекомендуется, между прочим, хвастливо и гордо таким образом:

Я Данте друг по Аполлону,
Собрат по лире мне Гомер.
Так дайте ж путь мне к Геликону,
Скрывать таланты не манер.

Его стихотворения «Друзья, свобода наша пала», «Улица, улица, ты, брат, пьяна», «Колокольчики звонят», «Вечер Б....а», «На докладе у Сатаны», конечно, не были напечатаны и не могли быть напечатаны в то время, но были широко известны. Лично мне нравилась поэма Сиротина «На докладе у Сатаны».

Далее А.Попов вспоминает, что по окончании семинарии Сиротин принял сан священника со взятием в жены неграмотной девушки где-то в Зырянском крае. Жена его не любила ни книг, ни писаний. Муж писал, а она все написанное сжигала. Он стал пить, а она – браниться. Жизнь превратилась в ад. Впрочем, скоро Сиротин овдовел. Лишившись жены, лишился он и места службы. Начались печальные странствия по монастырям.

Живу на Каменном у Спаса,
Приют мой ныне монастырь.
Весь скарб мой – сапоги да ряса,
А библиотека – псалтырь.

Так писал он по какому-то случаю в одном из своих писем императрице Марии Александровне, которая и пожаловала ему за большое письмо стихами 50 рублей. Но деньги у поэта в это время шли уже на одну водку, расстроившую его здоровье. «От нее, конечно, он и умер давно и преждевременно, но какую и где Господь послал ему кончину, ничего не знаю», – констатирует Алексей Попов.

Характеризуют Василия Сиротина и другие страницы из «Воспоминаний причетнического сына». «Раз один отец семейства, из числа вологодских отцов диаконов, имевший возрастных сына и дочь красавицу-девицу и живший в церковной сторожке в самом корпусе храмового здания, по просьбе детей устроил в своей квартире танцевальный вечер, – рассказывает автор воспоминаний. – На этот вечер приглашено было столько девиц и мужчин из числа товарищей сына-семинариста и подруг дочери, сколько в квартире поместиться могло. Но в числе приглашенных почему-то не оказался один из видных товарищей сына о.диакона известный уже в Вологде поэт Сиротин. Сиротин обиделся и жестоко отомстил своему недальновидному товарищу, и не только ему, но и всей семье отца его. Когда шла на этом вечере пляска веселящейся молодежи, Сиротин, посидев на соборной горке, прошел мимо этой церковной квартиры, зашел в гостиницу «Париж», где и написал весьма известное в свое время стихотворение под заглавием: «Вечер Б....а». Для того чтобы дать читателям понятие о силе и язвительности языка Сиротина, я, пожалуй, могу прочитать с памяти хотя бы начальные стихи из этого нецензурного, как и большая часть его стихотворений, эскиза. Вот его начало:

Раз случилось в час вечерний
Мне долгонько погулять,
И я шел с горы соборной
Вдаль, туда, где рыбный ряд.
Вижу я, Чертог спасенья
На пути моем стоит,
Это церковь Вознесенья.
Подхожу. И что за вид!
В окнах там свечи мелькают,
И трезвонят, и поют,
Танцы, пляска. Знать, играют
Груню ягоду мою... и т.д.

Описав беспощадно далее сына и отца и обозвав все собрание молодежи глупым стадом Гадаринских свиней, жестокий поэт не пощадил и ни в чем не повинную перед ним дочь о.дьякона. Он говорил о ней:

А Раиса молодая, и резвяся, и играя,
С раскрасневшимся лицом лихо пляшет с молодцом.
То, как серна, быстро вскочит, то, как пава, проплывет,
То вернется ловко, браво, то вдруг медленно пройдет.

На другой день это стихотворение было уже у епископа, по городу распространилось из гостиниц в сотнях списков и произвело большую сенсацию. Отцу же дьякону оно принесло много хлопот и горя, а бедная дочь его так была поражена

ее публичным осмеянием и широко развернувшимся скандалом, что вскоре после этого захворала от стыда и тоски и умерла.

Этот отрывок во многом характеризует Сиротина и как поэта, и как человека. Печальный итог его жизни предрекли ему Богом данные способности и талант, не подкрепленные моральными устоями.

Галина ВИШЕРСКАЯ.
г.Сыктывкар
(«Дым Отечества», 25 мая 2002 г.)

Фея волшебного ситечка

Памятью о муже проникнуты для Нины Грин долгие годы лагерей

Александр Грин – любимый писатель поколения 60-х годов. «Алые паруса» и другие его произведения стали в советской литературе символами романтизма. Светлый образ Ассоль находил свое второе воплощение в творчестве бардов, художников, кинематографистов.

«В конце 40-х – начале 50-х годов, работая медсестрой на печорской «пересылке», я встретилась с женой известного советского писателя Александра Грина», – надо ли говорить, что эти слова моей собеседницы Юлии Григорьевны Соколовой прозвучали не только неожиданно, но чрезвычайно меня заинтересовали. Ведь она рассказывала о женщине, которой посвящены знаменитые «Алые паруса».

Памятуя о словах Юлии Григорьевны, что в городе Печоре не найти уже других свидетелей пребывания жены писателя, решила написать письмо в дом-музей Александра Грина в Феодосию. Вскоре пришел ответ от сотрудника музея Л.М.Варламовой. «Ваше письмо счастливо совпало с выходом в свет книги Ю.А.Первовой «Воспоминания о Нине Николаевне Грин»,– писала она. Эта книга, изданная тиражом всего 300 экземпляров, стала дорогим подарком Печорскому музею от коллег из Феодосии. Материалы книги и воспоминания печорского старожила Ю.Г.Соколовой и стали отправной точкой этой публикации.

Нина Николаевна обладала хорошим художественным вкусом и тонким чутьем. Именно на ней Александр Грин проверял читательское восприятие своих произведений, называя ее «феей волшебного ситечка». Со временем в ней развилось и редкое чувство слова: об этом свидетельствуют ее воспоминания о Грине.

Свои воспоминания Нина Грин писала в лагере на Печоре. Судьба уготовила ей немалые испытания. Выпускница Высших Бестужевских женских курсов, она работала в редакции газеты «Петроградское эхо», где осенью 1917 года и встретилась с Александром Степановичем. В 1932 году, после смерти мужа, она окончила фельдшерско-акушерскую школу и работала медсестрой в Институте физических методов лечения в Феодосии. По ее ходатайству к десятилетию со дня смерти

А.С.Грина здесь планировалось открыть дом-музей писателя. Помешала война.

Оказавшись в оккупации с тяжелобольной матерью, Нина Николаевна вынуждена была некоторое время работать корректором в немецкой типографии. Потом ее угнали в Германию. Осенью 1945 года «остарбайтерин» за номером 406 железнодорожного лагеря в немецком городе Бреслау вернулась к родным могилам. И получила десять лет лагерей за «сотрудничество с немцами». Отбывать срок ее послали на Печору, где в ту пору строилась железнодорожная магистраль.

Нина Николаевна Грин.

Автору книги воспоминаний о Нине Николаевне удалось разыскать восемь человек, знавших ее по годам заключения.

Одна из них – уже упоминавшаяся Соколова (Смирнова) Юлия Григорьевна. Она рассказывала: «После окончания фельдшерской школы в г.Иваново, в 1947 году, нас направили на строительство железных дорог в п.Абезь. С Абези мы, четыре медсестры, попали в Печору, в лазарет при центральном пересыльном пункте. В трудовой книжке у меня записано: фельдшер лазарета ЦПП СЛЖДС» (Северного управления лагерей железнодорожного строительства. Эта лагерная структура просуществовала недолго – с апреля 1947 года по ноябрь 1949 года. Управление располагалось в Абези, а затем переместилось на Игарку. В структуру входили семь лагерей всего северного региона СССР, в том числе Печоржелдорлаг, Севжелдорлаг, 501-я стройка – строительство железной дороги Чум – Лабытнанги. – **Т.А.**).

Лазарет, в котором работала Юлия Григорьевна, имел семь корпусов и относился к печально знаменитой 501-й стройке. В 1949 году, после реорганизации лагеря и закрытия центрального пересыльного пункта, лазарет передали в ведомство Печорстроя.

Персонал лазарета состоял в основном из репрессированных врачей. Но начальником санчасти всегда назначали вольнонаемного. В бытность здесь Юлии Соколовой эту должность занимала член партии В.Н.Дробышевская. Главным врачом лазарета при пересылке был Сузрико Состикович Агнаев, хирург, осетин по национальности, находившийся на поселении после 10 лет лагерей. Соколова работала в хирургическом отделении вместе с врачом-поляком Витольтом Бориславовичем Ирошевским и хирургом Агонасьяном. Оба были из бывших заключенных, прекрасные специалисты и замечательные люди, учившие молодых медсестер профессиональным навыкам и этике.

В бараке размещалось десять палат, а в них до двухсот больных. «Прибывали с этапа истощенные, грязные, – вспоминает Юлия Григорьевна. – Санпропускники обрабатывали одежду для уничтожения вшей. От клопов спасались тем, что опускали топчаны в кипящую воду в разобранном виде. В корпусах очень чисто, на территории лазарета порядок, посыпанные дорожки, аллея из осинок возле второго корпуса, ноготки перед входом. В кабинете врача, процедурной и коридорах – марлевые занавески, подкрашенные зеленкой, с вышитыми цветами – тюльпанами... Заключенные сами наводили порядок, среди них были мастера на все руки, но это не могло скрыть лагерной убогости, бутафорности окружающей обстановки. Сурово и уныло стояли бараки, и окружающая устроенность казалась памятником обесцененному труду.

При обходе врача из-за нехватки бумаги для записей мы пользовались деревянными дощечками, на которых писали химическим карандашом предписания врача, а потом переписывали в историю болезни, а дощечки сдавали на обработку, их скоблили стеклышком и утром приносили чистые. Самый распространенный диагноз – дистрофия, цинга».

В такой обстановке они и встретились – вольнонаемная медсестра и жена знаменитого писателя. Нина Грин обреталась в женском корпусе № 6 при лазарете. Это был жилой корпус, но жили в нем лишь те, кто находился «на истории болезни», то есть инвалиды. Нина Николаевна работала в обслуге. Днем она приходила на работу в больничный корпус № 2. Хорошо читала по-латыни, раздавала лекарства, помогала медсестрам делать уколы. Иногда их дежурства с Юлией совпадали. «Мне очень хотелось сойтись с ней поближе, но по ночам вольнонаемные не дежурили, оставались фельдшера из заключенных, а днем это было сложно: нам запрещали беседовать с заключенными. Мы старались не нарушать запрета не потому, что были сильно боязливыми, попросту не хотели подводить самих заключенных. Помню такой случай: мы сидели на лавочке перед зданием 2-го корпуса, к нам подсели два медбрата – и только за это их отправили по этапу», – рассказывает Юлия Григорьевна.

Нина Николаевна была невысокая, уже пожилая, приятная черноглазая женщина. Следует заметить, что здесь женщины-заключенные одевались не полагерному. Бушлаты, которые им выдавали, они перешивали у портнихи под пальто по фигуре, ходили стройные и женственные. На ногах – хорошо отремонтированная обувь: при пересылке была обувная мастерская. Нина Николаевна носила длинное платье и белый ажурный вязаный платок, который ей подарил кто-то из женщин-заключенных. В корпусе она ходила, как все, в медицинском халате.

Однажды начальник пересылки послал девчонок отвезти мешок с личными делами заключенных во второй отдел управления в Абезь. А они ночью расшили мешок, предварительно пометив места швов карандашом, чтобы точно так же зашить снова, – и всю ночь читали личные дела. Среди этих любопытных была и Юлия. «Меня больше всего интересовало личное дело Нины Николаевны, из которого я узнала, что ее арестовали по статье 58 (1а) – измена Родине. Облик этой миловидной женщины в возрасте никак не вязался с материалами личного дела, где речь шла об опасном враге советской власти», – уже тогда зародилось в ней подозрение в неправильности вынесенного обвинения.

Александр Грин.

Даже в таких условиях Нина Грин работала над увековечением памяти мужа. Работавшая в лазарете на пересылке бывшая заключенная Татьяна Тюрина вспоминала: «Нина Николаевна имела авторитет у персонала и заключенных. По ночам на дежурствах она писала воспоминания о муже. Возле ее койки на тумбочке стояла его фотография. Она часто рассказывала о нем. Помню, как мы выходили смотреть северное сияние. Чудо! Нина Николаевна даже плакала от радости».

Она получала много писем, помогающих в работе над воспоминаниями о Грине. К несчастью, вариант воспоминаний, посланный брату в 1950 году, был уничтожен из страха перед обыском, так как в это время началась кампания против Грина-писателя. Узнав о гибели своих записок, Нина Николаевна погоревала... И принялась писать заново.

А вот письмо, адресованное Нине Николаевне представителем княжеского рода Сумароковых. Он вынужден был сменить фамилию, что не спасло его от ареста:

«Касимов. 1 октября 1966 года. Вы много лет тому назад морально поддержали меня в страшный первый день по прибытии на Крайний Север. Лежа на нарах, я с ужасом взирал на окружающую меня жуткую обстановку. Вдруг я увидел, как в палату вошла женщина в белом. С какой кроткой материнской лаской обращалась она с обступившими ее полуодетыми, истощенными существами. То были Вы, Нина Николаевна. Едва ли Вы помните сейчас жалкую, донельзя истощенную «развалину», как тогда назвал меня врач-ординатор барака. Я только что прошел тяжелый искус следствия в Лефортовской тюрьме, потом длительный кошмарный переезд из Москвы до Печоры. Испытал бесчеловечное отношение конвоиров, издевательства и насилие урок. Я был сломлен физически и нравственно... Вот в такую минуту отчаяния я услышал от Вас несколько слов участия. Как они были в то время дороги, могут понять только те, кто все это пережил...»

Сюда же, в Печору, шли посылки от первой жены Александра Грина, которая была привязана к Нине Николаевне, как старшая сестра. Вера Павловна Калицкая высылала ей из своей крохотной пенсии деньги и даже переписывала от руки произведения писателя, отсутствовавшие у Нины Николаевны.

После закрытия центрального пересыльного пункта, в начале 1950 года, Нину Грин отправили в более южный лагпункт, в Иоссер.

Варя Бондаренко, медсестра первого корпуса лазарета рассказывает: «Весной 1946 года меня с третьего курса филфака Львовского университета отправи-

ли на Печору... Как-то в пятьдесят первом году, уже будучи в Иоссере, я зашла в аптеку второго корпуса. Худенькая немолодая женщина отпустила мне лекарство. Мы познакомились. Внутренне я ахнула: Грин был мой любимый писатель. Спросила, есть ли у нее книги мужа. Нина Николаевна повела меня в аптеку, где хранился чемодан с книгами. Ей многие присылали – друзья, родственники. Нина Николаевна дала прочитать все, что у нее имелось. Я была счастлива – читала, перечитывала...

В 1953 году мы встретились с ней в Астраханском инвалидном лагере. Это был страшный лагерь, куда переводили с Севера «доходяг», быстро умиравших здесь от перемены климата. Нина Николаевна, сильно ослабевшая, больная, вынужденная жить в одном бараке с уголовницами, вынесла и это испытание».

Лишь в 1955 году Нину Николаевну по амнистии освободили. Она вернулась в Старый Крым и начала борьбу с местными властями за свой домик, его восстановление и организацию в нем мемориального музея Александра Грина.

Ко времени ее возвращения из ссылки в домике Грина располагались сарай и курятник первого секретаря горкома партии. Разгорелась многолетняя тяжба. Старая, больная женщина стояла «насмерть» в борьбе с партийными бюрократами. Старокрымские аппаратчики пошли по пути обмана и проволочек, в глаза говорили одно, а за глаза обливали ее грязью, клеветали, что она не жена А.Грина, что она отреклась от больного писателя. Все эти измышления были отпечатаны типографским способом и показывались всем, кто проявлял интерес к заботам вдовы. Но недруги Нины Грин недооценили ее. Она подняла на ноги правление Союза писателей СССР и Украины, министерства культуры, подключила многих авторитетных писателей, прессу...

В этой нелегкой борьбе ей помогали поклонники и почитатели творчества Александра Грина. «Только благодаря сознанию, что за моей спиной стоят такие люди, я имела силы и мужество бороться с чиновничьей инертностью и косностью целых три года», – слова признательности Нины Николаевны в их адрес. Ей удалось отстоять домик, а потом десять лет, до самой смерти, она посвятила тому, чтобы добиться официального признания музея.

О своей жизни в 60-е годы она говорила так: «Тону в делах, «хождениях по мукам», добываниях того-другого; ползаю на коленях по земле, радуясь, касаясь ее, сажая цветы. Руки стали, как черные грабли, а на душе тихая радость, которую

не могут смутить даже мелкие гадости местного щедринского помпадура. Мне теперь все хорошо. Только очень не хватает времени. И уже над домиком А.С. жильцы-скворцы. Я так тосковала о них на Печоре».

Нина Николаевна Грин умерла в 1970 году, при жизни так и не добившись ни реабилитации, ни открытия мемориального музея.

Александр Степанович Грин вернулся в русскую литературу во многом благодаря своей жене. Теперь ему посвящены экспозиции трех музеев: в Старом Крыму, Феодосии и Кирове. (Родился писатель в г.Слободском Кировской области.)

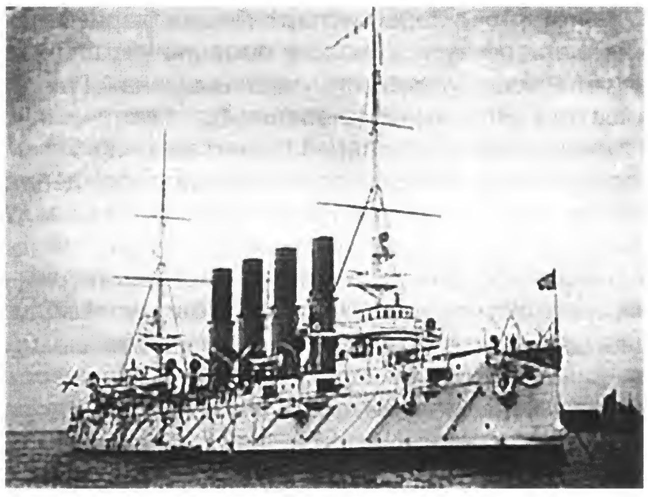
Только спустя 27 лет после смерти Нины Николаевны ее реабилитировали.

Отныне они всегда будут рядом: муж и жена, певец и его муза, Ассоль и Грэй.

Татьяна АФАНАСЬЕВА,
научный сотрудник краеведческого музея.
г.Печора
(«Дым Отечества», 20 апреля 2002 г.)

Матросы из песни

Во многих семейных альбомах жителей нашей республики хранятся снимки моряков. Выходцы из Коми края несли матросскую службу на кораблях едва ли не с самого зарождения российского флота. Фотографии, другие семейные реликвии, оставшиеся в наследство от сильных, мужественных, бесстрашных земляков-моряков, могли бы стать стержнем интереснейшей выставки или даже целого музея, посвященного истории Военно-морского флота. Почетное место в них заняли бы материалы о моряках из Коми края, служивших на легендарных кораблях. Один из них – крейсер «Варяг». Меньше двух лет отделяют нас от столетия со дня героической гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

На легендарном крейсере «Варяг» служил и погиб наш земляк Андрей Трофимов.

Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» с первых дней начала Русско-японской войны оказались в заливе Чемульпо, оторванные от своей эскадры, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура. Артиллерия японских крейсеров более чем в три раза превосходила артиллерию русских кораблей. Торпедное вооружение японской эскадры было сильнее аж в пять раз. Русские моряки, отвергнув ультиматум о сдаче, 27 января 1904 года в 11 часов 47 минут вступили с японцами в неравный бой.

Всех воодушевляли слова командира крейсера «Варяг» В.Ф.Руднева: «...Мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть – мы не сдадим им крейсера, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю».

Русские моряки стояли насмерть. «Варяг» оказался один против 14 вражеских кораблей, так как на канонерской лодке было лишь четыре орудия устаревшего образца. Но и «Кореец», не принимавшийся японцами всерьез, стрелял снарядами с дымным порохом, окутываясь после каждого выстрела густыми клубами дыма, что делало его неуязвимым для прицельного огня с японских кораблей. «Варяг», на которого обрушилась вся мощь противника, повредил два крейсера, потопил один миноносец. Но и сам получил тяжелые ранения: четыре подводных пробоины, разбитые орудия, 32 человека убитыми, шесть офицеров и 185 матросов ранеными. Контужен и ранен в голову был и командир крейсера В.Ф.Руднев. Для израненного «Варяга» бой закончился в 13 часов 15 минут. Экипажи взорвали «Кореец» и затопили «Варяг». Потом через нейтральные порты оставшиеся в живых члены экипажа вернулись в Россию.

Командир канонерской лодки «Кореец», капитан второго ранга Беляев в рапорте на имя В.Ф.Руднева так отзывался о сослуживцах. «Во время боя все, начиная со старшего офицера и кончая последним матросом, действовали в бою с удивительным спокойствием, точно они были на обыкновенном ученье или стрельбе по щитам. Все они блестяще исполнили долг свой».

Свой долг исполнили и выходцы из Коми края: матрос с крейсера «Варяг», комендор орудия № 9 Андрей Николаевич Трофимов и матрос с канонерской лодки «Кореец», комендор Дмитрий Михайлович Белых. (Комендор – это матрос, обслуживающий артиллерийское орудие на корабле.)

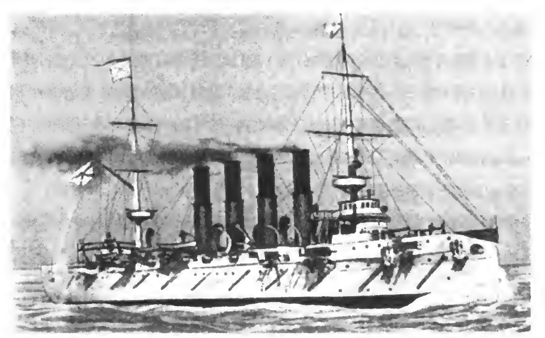
Об Андрее Трофимове сохранилось немало документов в Национальном архиве Республики Коми. Из них явствует, что Андрей Николаевич родился 19 октября 1879 года (по старому стилю) в деревне Бор Ношульской волости Усть-Сысольского уезда. Отец Николай Серафимович был государственным крестьянином. Андрей был вторым в семье, а она к 1886 году была большая: четыре сына – Степан, Андрей, Ефим, Василий и четыре дочки – Александра, Анна, Марья, Пелагея.

В 1901 году, когда Андрея призвали на военную службу, отца и брата Ефима уже не было в живых. Управляла хозяйством мать-вдова Татьяна Кирилловна. В крестьянской семье ценились прежде всего рабочие руки. Поэтому учиться Андрею много не пришлось. Не успел и семьей обзавестись.

В апреле 1904 года по всей России собирались деньги для раздачи в качестве пособий семьям погибших матросов с крейсера «Варяг». Это был специальный фонд, учрежденный в память мичмана графа Алексея Нирода, бывшего младшим штурманом «Варяга» и ставшего первой жертвой боя под Чемульпо.

14 апреля 1904 года из канцелярии вологодского губернатора в Усть-Сысольск пришел запрос о безотлагательном сборе данных о родных Трофимова и их материальном положении. В начале мая Ношульское волостное правление сообщало о Трофимовых:

«Погибший Трофимов до поступления на службу проживал на неотдельном от братьев хозяйстве, и общее их имущество состояло из надельной земли – пахот-

Канонерская лодка «Кореец».

ной земли 1400 кв.сажен, сенокосной – 1 десятина; деревянного дома о двух избах и необходимых надворных построек, стоящих около 100 рублей. В хозяйстве их имелись еще лошадь и две коровы, стоящие 40 рублей, да прочего имущества у них не более как на 50 рублей». В заключение письма указано, что «вообще, хозяйство Трофимовых в отношении зажиточности нужно отнести к категории бедного».

Документ этот поступил в Усть-Сысольск. Оттуда ушел в Вологду, но получили ли родные Андрея Трофимова какое-то пособие за погибшего сына и брата – неизвестно.

В Национальной библиотеке Республики Коми, в книге И.И.Пономарева «Герои «Варяга», вышедшей к 50-летию подвига русских матросов, я нашел описание смерти нашего земляка: «... Уже погибли многие герои-артиллеристы. Крупным осколком оторвало ногу комендору Островскому. Островского заменил его друг Андрей Трофимов. Он успел произвести лишь два выстрела: разорвавшимся снарядом разбило оружие и убило Трофимова...» В феврале 1907 года в журнале «Русская старина» были опубликованы воспоминания командира «Варяга» – капитана I ранга Всеволода Федоровича Руднева – «Бой «Варяга» у Чемульпо», где приводится список убитых в том сражении. Благодаря ему мы и знаем, где исполнял свой воинский долг наш земляк Андрей Трофимов. Вот эта запись: «Шканцы. 21. Комендор Андрей Трофимов – 6-дюймовое орудие № 9». В переводе с корабельного языка это значит, что место Трофимова находилось в средней части верхней палубы «Варяга», он обслуживал шестидюймовое орудие № 9, а в списке погибших значился под номером 21.

О Дмитрии Белых, матросе с лодки «Кореец», тоже сохранились документы в Национальном архиве, а также в Национальном музее Республики Коми. Дмитрий Михайлович родился 18 сентября (по старому стилю) 1876 года в деревне Гавриловской Палевицкой волости Яренского уезда в семье крестьянина Михаила Петровича Белых и жены его – Елены Корнильевны. Родители – хлебопашцы. Дмитрий тоже, как и Андрей Трофимов, не смог получить грамоту и жениться до службы. Различие в судьбах двух матросов лишь в том, что Белых остался жив и вернулся домой.

Героям боя при Чемульпо 19 марта была устроена торжественная встреча в Одессе. Сюда они прибыли на пароходе «Малайя». «Прямо на палубе матросам прикрепили на грудь Георгиевские кресты (интересно, где сейчас эта награда Дмитрия Белых?). В их честь салютовала батарея в Александровском парке, а суда на рейде и в порту подняли флаги расцвечивания. В Москве всем офицерам преподнесли лавровые венки, а форменки матросов украсили бутоньерками из живых цветов. Позже в Спасских казармах был устроен обед, во время которого матросам на память от города Москвы раздали серебряные жетоны.

16 апреля 1904 года матросы «Варяга» и «Корейца» прибыли в Петербург. Торжественным маршем прошли по Невскому проспекту, на Дворцовой площади

Моряки с «Корейца», один из них – наш земляк Дмитрий Белых.

состоялся парад. Затем все герои были приглашены в Зимний дворец, где в Николаевском зале для них был накрыт стол. Там же им объявили об учреждении специальной серебряной медали «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 г. – Чемульпо». В городской думе каждому матросу преподнесли именные серебряные часы и благодарственные письма.

После окончания войны с Японией, возможно, даже раньше, Дмитрий Белых был уволен в запас. Вскоре после возвращения домой он женился. В метрической книге Покровской Палевицкой церкви за 1906 год об этом записано: «Апрель 19. Жених – запасной комендор дер. Гавриловской Дмитрий Михайлович Белых, 30 лет, невеста – крестьянская девица Фекла Гавриловна Осипова, 19 лет».

Дмитрий Белых так и жил в родной деревне, занимался сельским хозяйством, растили с женой шестерых детей. А земляки постепенно забывали, что рядом с ними живет герой, человек из песни о «Варяге». Поначалу и в метриках детей не забывали упоминать, что их отец матрос, а потом перестали это делать, указывали, что «крестьянин деревни Гавриловской», и все.

Дмитрий Михайлович Белых умер 11 апреля 1931 года от разрыва сердца. Свалили героя непосильная работа на пашнях да лесоповале.

Дочки выросли, вышли замуж, почти все разлетелись. В деревне осталась лишь Анна, вышедшая замуж за тракториста Михаила Огибина.

В сентябре 1976 года старейший работник Коми республиканского краеведческого музея Аристарх Михайлович Рубцов (к сожалению, его уже нет среди нас) побывал в селе Палевицы и встретился с дочерью матроса с «Корейца» Анной

Дмитриевной Огибиной. Она передала в дар музею фотографию своего отца с товарищем и благодарственное письмо, подписанное всеми предводителями Санкт-Петербургской губернии.

Снимок пожелтел от времени. На нем много трещин, на оборотной стороне – следы клея, газетной бумаги. В верхней части фотографии хорошо видна надпись на бескозырках: «Кореец». К сожалению, Аристарх Рубцов не указал, кто же из двоих матросов наш земляк. И узнать это вряд ли уже удастся.

Благодарственное письмо тоже пожелтело от времени. Вот его текст. «Миролюбию России не суждено было рассеять мрачную тучу войны на Востоке. Не дрогнула горсть наших ратных людей и не спустила Андреевского флага перед целой эскадрой. Доблестные участники боя в Чемульпо, вы доказали всему миру, что в русском флоте живы заветы старины, живы прежняя безграничная храбрость и готовность жертвовать жизнью за Родину.

Санкт-петербургское дворянство, приветствуя ваше возвращение домой в дни новых тяжелых испытаний, молит Бога – да сохранит Всевышний всех дорогих братьев, призванных защищать честь и достоинство земли русской!

Вместе со всей Россией мы спокойно перенесем отдельное горе. Вместе со всей Россией мы не сомневаемся в окончательной победе оружия в руках народа, беззаветно преданного Царю и Отечеству.

Живите же, братья, на многие и многие лета с отрадным спокойствием исполненного долга и в сознании, что отныне имена «Варяга» и «Корейца» составляют достояние Истории».

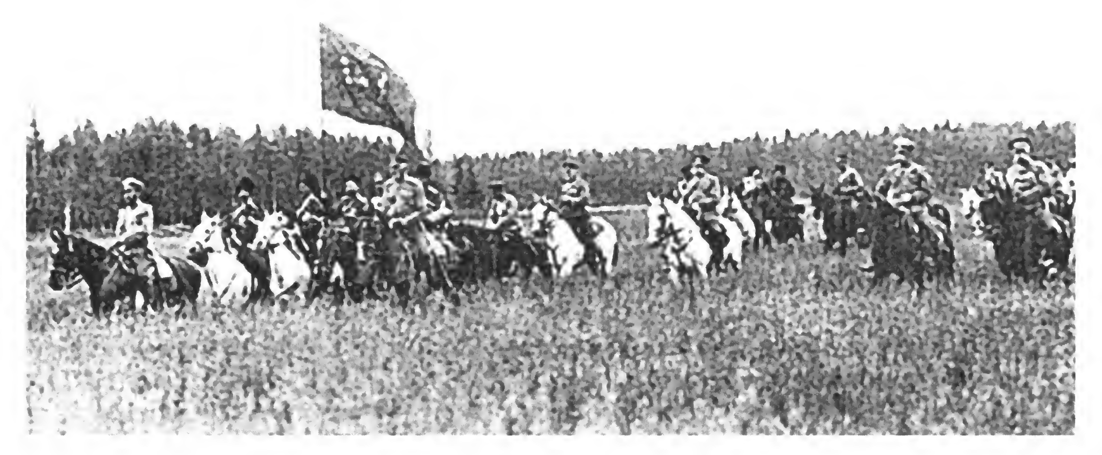
К великому сожалению, следы других наград – Георгиевского креста, серебряного жетона, именных серебряных часов – обнаружить не удалось. Скорее всего, все они пошли в трудные годы в обмен на продукты, столь необходимые для большой семьи.

Остается добавить, что героям «Варяга», погибшим в бою у Чемульпо, на морском кладбище во Владивостоке был установлен памятник – пятиметровый четырехгранный обелиск, увенчанный Георгиевским крестом. Это памятник и нашему земляку – комендору с крейсера «Варяг» Андрею Трофимову.

Владимир ПАРШУКОВ,
научный сотрудник
Национального музея РК.
(«Дым Отечества», 25 мая 2002 г.)

Памятник героям «Варяга» во Владивостоке.

Дочь атамана

Даже среди людей, прошедших через все круги ада сталинских лагерей, судьба Елены Семеновой одна из самых пронзительных и трагичных. Вина этой женщины, чей лагерный срок растянулся почти на всю ее жизнь, состояла лишь в том, что она – дочь атамана Григория Семенова.

В сыктывкарском «Мемориале» есть документ, выданный архивным отделом управления ИТЛ МВД Республики Коми. Он гласит: «Сообщаем, что по нашим учетам значится отбывающей срок в Воркутинском и Минеральном ИТЛ Семенова Елена Григорьевна, 1921 года рождения, уроженка гор. Порт-Артура, которая была судима особым совещанием при МГБ СССР 10 мая 1949 г. по ст. 17-15-1-а, 58-II УК РСФСР на 25 лет лишения свободы, начало срока – с 24 июля 1948 года.

Вторично судима 10 мая 1952 г. спецлагсудом Минерального ИТЛ по ст. 82 часть 1 УК РСФСР и ст 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года на 25 лет лишения свободы. Начало срока – с 10 мая 1952 г. Убыла 29 октября 1956 года для дальнейшего отбывания срока наказания вместе с личным делом в УИТЛК УМВД Ярославской области».

Елену Григорьевну Семенову арестовали в городе Дальнем (сейчас это китайский порт Далянь). Туда после Гражданской войны «прибило» атамана Григория Семенова. Генерал белой армии, казачий капитан, он здесь нашел свою половинку. В 1920 году женился на дочери священника Елене Терсицкой. Здесь, на восточной окраине земли, родились их дети – Елена, Михаил, Татьяна, Елизавета.

Советская власть генерала Семенова объявила своим злейшим врагом. И ждала удобного случая, чтобы с ним расправиться. Григорий Семенов остро пе-

реживал разлуку с родиной, но убеждений своих не изменил, считал большевиков врагами России. Мужественный воин (за доблесть в войне 1914 года он был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени и золотым оружием), в эмиграции он стал доктором философии.

Его арестовали 22 августа 1945 года в Дальнем после вступления сюда советских войск. Через год вступил в силу приговор, по которому атаман Семенов был казнен.

В 1948 году смершевцы забрали всю семью генерала. Еще до этого в их лапы угодил его единственный сын Михаил, которого застрелили на этапе. Каждой из трех сестер дали по 25 лет лагерей. Их вину скупые на слова следователи объясняли просто и лаконично: «Вы – дети атамана Семенова».

А вот дословно та статья 58 п.I-а, по которой осудили сестер: «Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданином СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу...» Вопрос: какой родине изменили дочери атамана Семенова, родившиеся за границами СССР и никогда здесь не бывавшие?

Татьяну и Елизавету отправили строить дорогу Абакан – Тайшет. Елизавета, до ареста игравшая в джазе и на фортепиано, в лагерях освоила еще и аккордеон. Аккомпанировала даже Лидии Руслановой, тоже отбывавшей в это время срок в лагерях.

Труднее всего в ГУЛАГе пришлось Елене. Сначала ее разлучили с шестилетним сыном Гришей, которого определили в советский детдом. Он так потом и не нашелся. Уже одно это могло сломить материнское сердце. Бесконечные этапы, издевательства, голод и холод подтолкнули Елену Григорьевну на самый отчаянный шаг. В воркутинском лагере в 1952 году она пошла в запретную зону за колючим ограждением. Охранник с вышки дал по ней очередь из автомата.

Она чудом выжила. Врач-заключенный обрезал и зашил пробитые кишки и через пару месяцев Елена начала ходить.

Акт отчаяния лагерное начальство расценило по-своему. В том же году Елену Григорьевну перевели в Ярославскую область и определили в психиатрическую лечебницу. Пребывание здесь для нее затянулось почти на ... 40 лет.

Она никого не беспокоила, никому не надоедала. По словам одного из главврачей больницы, изредка рассказывала о жизни в Порт-Артуре, про дом, отца. Много читала. В том числе книги на французском и английском языках, обходясь без словарей.

В 1994 году родственницы Елены Григорьевны – живущая в Новороссийске сестра Татьяна и племянница Татьяна – обратились к атаману Черноморского окру-

Елена Григорьевна Семенова.

га Всекубанского казачьего войска Борису Шульженко помочь забрать ее из психушки. Пройдя по бесчисленным инстанциям, в конце концов они выпросили разрешение на 10 дней пребывания Елены Григорьевны у близких. Из поезда ее вынесли на руках – ходить она не могла. Ровно через десять дней пришло предупреждение из милиции: «Пора отвозить Семенову обратно».

Родные проигнорировали предупреждение, а применить силу милиция не рискнула. Елена Григорьевна осталась жить в Новороссийске. Здесь ей впервые в жизни выдали российский паспорт. Здесь же она получила и реабилитацию.

А 21 июля 2000 года Елены Григорьевны не стало.

На телефонное сообщение о ее кончине врач психбольницы под Ярославлем с душевным волнением сказала: «Слава Богу, на воле умерла...»

Леонид МАРКИЗОВ.

(«Дым Отечества», 25 мая 2002 г.)

Драма над тайгой

В 1947 году в Коми республике произошел единственный за всю историю случай угона самолета

Жизнь ежедневно преподносит новости о различных экстремальных ситуациях, катастрофах, терактах. Складывается впечатление, что с каждым годом их становится все больше. На их фоне прошлое многими воспринимается как относительно безоблачная, тихая, спокойная пора. Бесспорно, раньше чрезвычайные ситуации случались гораздо реже. Но они происходили во все времена. Просто их не предавали огласке. Многие документы из нашей недавней истории, связанные со всякого рода ЧП, до сих пор хранятся в архивах под грифом «секретно». Одна из таких папок, попавшая в фонды Национального архива Республики Коми и не так давно рассекреченная, стала отправной точкой для журналистского расследования.

Останки самолета С-2, обнаруженные в Пермской области в 1948 году.

Пропажа С-2

28 августа 1947 года Усть-Кулом всполошился. Первым забил тревогу начальник местного аэропорта Попов. Вечером 28 августа вышестоящему начальству он доложил, что в 10.00 на патрулирование района в сторону села Усть-Нем вылетел самолет С-2, который обратно не вернулся.

6 сентября на стол заместителя министра МВД Коми АССР Фальшина легла докладная записка, в которой подробно излагались обстоятельства пропажи самолета, который к тому времени так и не был найден.

Заместитель командира сыктывкарского отдельного авиаотряда ГВФ Лущенко сообщил в МВД следующее. 27 августа 1947 года пилот авиаотряда Меньшуткин и летчик-наблюдатель «Лесавиа» Григорьев должны были совершить полет из Усть-Кулома в Усть-Нем, посмотреть за обстановкой в лесных массивах района, а заодно перевезти бухгалтера ОРСа Усть-Немского леспромхоза. Из-за плохих метеоусловий полет был перенесен на утро 28 августа. Вечером 27-го летнаб Григорьев сообщил Меньшуткину, что хоздоговорной полет до Усть-Нема переносится на вторую половину дня, а утром они сделают еще один патрульный полет. Слетают через Керчомъю до Усть-Нема и обратно. Григорьев предупредил пилота, что возьмет с собой в полет невесту Валю Володько. Сказал, что, мол, в магазине Усть-Немского леспромхоза присмотрел для нее зимнее пальто, хочет чтоб она его померяла. На том и разошлись.

Утром следующего дня, заправившись 125-ю килограммами авиабензина и 18-ю килограммами авиамасла, самолет С-2 взмыл в воздух. На его борту находились трое: Меньшуткин, Григорьев и Володько. Ничего подозрительного провожавшие борт начальник аэропорта и техник-механик не заметили. Женщина была легко одета, даже головной убор с собой не прихватила. Судя по всему, полет обещал быть недолгим.

Но самолет как в воду канул.

Первая версия

В течение недели после пропажи борта «СССР К-1248» руководство сыктывкарского авиаотряда предпринимало некоторые усилия по поиску самолета. Пилоты Фадеев и Прянишников вылетали по различным маршрутам, по которым мог и должен был следовать пропавший С-2. В Усть-Неме и Ындине они производили посадку, расспрашивали местных жителей. Как оказалось, многие видели летящий низко над землей днем 28 августа самолет. Некоторые из свидетелей заметили, что, долетев до деревни Парч, самолет развернулся и полетел в обратном направлении. Затем появился вновь, перелетел на левый берег Вычегды и скрылся за лесом в южном направлении. Жители деревни Канава и поселка Ындин видели, как между 12 и 13 часами над ними в южном направлении пролетал самолет.

Из расспросов работников ОРСа Усть-Немского леспромхоза проводившие служебное расследование авиаторы выяснили, что никакой договоренности о покупке пальто Григорьевым для Володько не было. Как не было в магазине и зимних пальто.

Без лишних усилий удалось установить и характер взаимоотношений между летнабом Григорьевым и старшей сестрой райбольницы Володько. Он изо всех сил добивался руки и сердца своей возлюбленной. Она же, похоже, водила его за нос, все просьбы выйти замуж отвергала. Из этого и родилась первая версия угона самолета. «Григорьев, будучи безнадежно влюбленным, обманным путем пригласил ее на самолет с целью принудить ее в воздухе выйти за него замуж и, применяя оружие для острастки, случайно выстрелил и убил ее. Чтобы скрыть следы преступления, Григорьев выбросил труп и силой оружия принудил пилота лететь в юго-восточном направлении, в сторону Соликамска, к железнодорожной магистрали, где после посадки на случайную площадку убил пилота, сжег само-

лет и сам скрылся», – это вывод заместителя командира сыктывкарского авиаотряда Лущенко, сделанный по горячим следам.

Во все соседние области ушли депеши с подробными приметами пропавшего самолета. Уже вскоре к его поиску подключились органы Министерства государственной безопасности. Курировало поиск МГБ СССР.

Смерть пилота

Версия об убийстве в воздухе Валентины Володько возникла не на пустом месте. Во время сбора свидетельских показаний многие жители деревни Парч рассказывали о том, как с высоты где-то около 200-300 метров от кружащего самолета отделилось что-то, похожее на человека, и упало в лес в 3-4 километрах от деревни. После пропажи борта в окрестностях Парча были организованы поиски. Но тогда ничего найти не удалось.

«Нечто, похожее на человека», на самом деле оказалось человеком. Здешний житель Михаил Попов в середине сентября недалеко от Парча собирал грибы. В местечке «Керес ув ты бок» он наткнулся на труп мужчины. Человек, судя по всему, на краю болота уже пролежал изрядно. На нем было защитного цвета пальто и шлем пилота. Попов сообщил о находке в сельсовет. Вскоре сюда явились милиционер с понятыми. Труп привезли сначала в деревню, а оттуда – в Сыктывкар. Найденные в карманах погибшего документы не оставляли сомнений. Это был пилот Василий Меньшуткин.

Судебно-медицинское вскрытие установило причину смерти. Пилот был убит выстрелом в голову.

Услышав этот рассказ, закончившийся убийством в воздухе, даже опытные пилоты не скрывают удивления. Удивляться есть чему. Самолет С-2 похож по конструкции на более известный ПО-2. Такой же маленький. Требовались недюжинное хладнокровие и ловкость, чтобы, застрелив находившегося за штурвалом пилота, занять его место, выбросить труп, при этом не потерять управление и не врезаться в землю. По всему видать, случившееся в воздухе Григорьев просчитал наперед, исключив все оплошности.

Был и еще один факт, говоривший в пользу такой подготовки. С собой в полет летнаб прихватил не только пистолет системы Коровина, который постоянно носил, но и мелкокалиберную винтовку, которую на время попросил у школьного военрука.

Вообще-то, летнаб – лицо гражданское, и иметь при себе оружие никакой надобности ему не было. Тем не менее оружием он обзавелся. Как? Каким образом?

Это было недавно...

Эта давняя история в Усть-Куломском районе, оказывается, до сих пор на слуху. В свое время она произвела очень сильное впечатление на здешних жителей. Об этом в течение нескольких

В этом доме в Усть-Куломе летнаб Григорьев снимал жилье.

лет говорил и спорил весь район. История обросла домыслами, преувеличениями, ведь получить официальную информацию люди не смогли до сих пор. Устькуломцы были поражены не только страшной трагедией, приключившейся здесь. Они удивлялись: люди из пропавшего самолета жили рядом с ними, бок о бок, ни в чем предосудительном замечены не были, а тут такое...

Редактор усть-куломской районной газеты «Парма гор» Николай Лютоев тоже слышал про угон самолета. Об этом ему уже давненько рассказывал сын квартирной хозяйки в Усть-Куломе, который дружил с летнабом Григорьевым. Он говорил, что часто захаживал к Федору (так звали Григорьева), у которого всегда водились и деньги, и выпивка. Летнаб снимал комнату у пожилой женщины, всегда вовремя расплачивался за постой. Еще отлично играл на баяне, на звуки которого, словно пчелы на мед, слетались усть-куломские девушки. Редактор районки несколько лет назад вспомнил об этом и опубликовал в своей газете небольшую заметку.

В ответ на нее хлынул поток писем. Наконец-то люди могли поделиться впечатлениями и деталями этого чрезвычайного происшествия. В «Парма гор» в 1998 году друг за другом вышли несколько подборок читательских отзывов. К примеру, один из жителей поселка Смолянка сообщил, что видел падающего человека в бинокль, будучи на рыбалке недалеко от Парча. Нашлись и понятые, присутствовавшие в лесу при опознании погибшего пилота.

В том, что интерес к этой истории в Усть-Куломе не пропал, мы убедились сами, встретившись с некоторыми из старожилов села.

Он и она

Николай Яковлевич Охапкин хорошо знал Федора Григорьева. Тот как раз и жил у его бабушки. Приехал летчик в Усть-Кулом вскоре после войны. Управление «Лесавиа» находилось в Аджероме. В обязанности летнаба входило инспектирование на самолете лесных массивов. Самолеты прилетали из Сыктывкара, он совместно с пилотом облетал район и возвращался в Усть-Кулом.

Какими ветрами русского летчика из Омска занесло в захолустное село, Николай Охапкин не знает. У Григорьева хранился фотоальбом, который, бывая у бабушки, Николай изредка перелистывал. В нем были наклеены фотографии фронтовых друзей-летчиков бабкиного постояльца и его самого.

Федор Григорьев хорошо играл на баяне. Чаще всего слушательницей задушевных мелодий, наигрываемых летнабом, была Валя Володько. Судя по бабушкиным замечаниям, отношения меж-

Федор Григорьев.

ду молодыми складывались не просто. Однажды Григорьев уговорил-таки пойти Валентину в загс. Там попросили предъявить паспорта. А Валя взяла да и сказала: «Ой, а я забыла свой паспорт дома». На что изменившийся в лице кавалер процедил: «Я тебе это еще припомню».

Валентина Володько (слева).

Несмотря на то что в Усть-Куломе Григорьев прожил недолго, он успел стать своим для многих руководителей. Дружил и со здешними милицейскими начальниками. Через них же обзавелся пистолетом и патронами к нему. Говорил, что случаются вынужденные посадки, может напасть зверье.

Валентину Володько хорошо помнит Анастасия Александровна Булышева. Семья Володько приехала в Усть-Кулом из глухого поселка Ындин. Родители трех сестер были спецпереселенцами, в 30-е годы попали в Коми край из Белоруссии. Как-то сумели выжить, а детям дать образование. Старшая из сестер была трактористкой, а две младшие выучились на медсестер.

Валентина в 1947 году исполняла в райбольнице обязанности старшей медсестры, а Анастасия была медсестрой палатной. Приезжая сестричка была бойкой на язык, любила шутки и смех. Все в больнице знали и про ее ухажера. У райбольницы был свой сенокосный участок, куда всей больницей ходили ставить сено. Несколько раз в разгар сенокосной страды в небе появлялся смолет. Сделав несколько кругов над лугами, он резко снижался, чуть не касаясь земли, затем стремительно взмывал в небо. Все знали, что это перед старшей медсестрой показывает свою удаль ее жених-летчик.

Исчезновение Вали, а затем и известие о гибели всех, кто ее знал, сильно взволновало. Коллег и главврача больницы много раз вызывали на допросы. Наверное, не оставляли в покое и близких медсестры. Вскоре после случившегося семья Володько спешно собралась и покинула Усть-Кулом. Больше о них здесь никто никогда ничего не слышал.

Здравствуй, Кужба, и прощай!

Погибший пилот Василий Иванович Меньшуткин был свой, местный. В деревне Малая Кужба, где он родился в 1922 году, сейчас живет его племянник Николай Алексеевич Тарабукин. А в Усть-Куломе другой племянник – Анатолий Александрович Тарабукин. Они и рассказали, что их дядя – брат отца – был внебрачным ребенком. За это и наградили его в загсе нездешней фамилией Меньшуткин.

Рос Василий впроголодь. Но до знаний был охоч сильно. После семилетки окончил сельскохозяйственную школу в Ульяново, вышел зоотехником. А перед самой войной стал курсантом Серпуховского летного училища. Диплом летчика получил

Анастасия Булышева.

Николай Лютоев.

Николай Охапкин.

в Павлодаре в разгар войны. Успел и повоевать, летал на тяжелых бомбардировщиках.

После войны вернулся на родину, устроился работать в сыктывкарский аэропорт. Женился, в 1947 году сын родился. Часто по делам службы наведывался в родной район. Пролетая над Кужбой, всегда делал несколько кругов. Все знали, что это Вася летит.

Незадолго до трагической гибели за стахановскую безаварийную работу молодой пилот был представлен к Почетной грамоте Верховного Совета Коми АССР.

Сын Анатолий даже не успел запомнить лицо отца. Похоронили его в Сыктывкаре, очень торжественно, с духовым оркестром. Спустя годы жена погибшего пилота Екатерина вышла замуж. Но вскоре жизнь ее оборвалась. Трагически, как и у мужа. Поехала по делам в Москву, там попала в автокатастрофу, погибла.

Анатолий Меньшуткин сейчас живет в Мурманске, работает в траулерном флоте.

«Василий Иванович Меньшуткин – один из первых коми летчиков. А ведь забыт, никто о нем и не помнит. Хоть бы в каком музее фотографии его показать, рассказать», – вслух помечтал редактор газеты «Парма гор» Николай Лютоев, проникшись трагической судьбой летчика, которому прожить суждено было всего 25 лет.

Воздух – дом родной

Нехватка летно-технических кадров остро стояла перед республикой и в довоенные годы, а в годы войны и после нее обострилась еще больше. Свои, местные кадры, были наперечет. Добровольцев подобру-поздорову приехать работать на Север было немного. В 20-30-е годы дело спасали заключенные летчики, прокладывавшие над республикой первые воздушные трассы.

Документы, хранящиеся в Национальном архиве, красноречиво показывают, как обстояла летная работа в Сыктывкарском аэропорту в первые послевоенные годы. В 1947 году самолетно-моторный парк насчитывал 21 самолет С-2, из которых восемь стояли неисправные, из четырех самолетов типа СП – два, а из трех ПО-2 – один тоже не были пригодны для эксплуатации. Даже для обслуживания исправных бортов не хватало четверых техников и трех мотористов.

Но комиссия государственного управления воздушного флота, работавшая в Сыктывкаре в 1947 году, особо отметила не это, а то, что «полеты на аэродроме Сыктывкар ничем не узаконены, пилоты могут летать как кому вздумается, на аэродроме во время полетов пасется скот, нет ни ракет, ни ракетниц, в нарядах не указывается целевое назначение полетов...» и т.д., и т.п.

В 1948 году командир сыктывкарского авиаотряда Неезжалый, видимо, по приказанию свыше составил список командно-начальствующего состава аэропорта, находившихся в годы войны в плену. Сюда вошли многие пилоты и авиатехники отряда. Все они, несложно догадаться, попали в Коми не по своей воле. Многие из них искупили свою вину, работали на совесть. Но летчики даже среди собратьев-военных всегда слыли «белой костью», были на особом счету. Это развязывало им руки, вернее – крылья. Как тут не вспомнить легендарного Валерия Чкалова, устраивавшего показательные полеты под мостом и другие небезопасные трюки.

В небе над Коми республикой летчики 40-х годов тоже вовсю демонстрировали свое лихачество. Упоминавшаяся уже комиссия управления воздушного флота в

Василий Меньшуткин.

Анатолий Тарабукин.

числе прочих «героев неба» называет командира звена Сурова, который в День воздушного флота прямо над аэропортом Котласа на глазах изумленной публики производил боевые развороты, перевороты, петли и даже... пикировки на здание аэровокзала.

Красноречивый пример из этой же оперы в своих воспоминаниях приводит бывший Председатель Президиума Верховного Совета и Совета Министров Коми АССР Зосима Панев.

В первые дни войны на самолете У-2 он вылетел из Сыктывкара в Удорский район. Где-то на самой серединке пути самолет вдруг резко спикировал вниз. Ошеломленный пассажир увидел бегущих у кромки леса лосей. Летчик стал палить по ним из пистолета, но каждый раз промахивался. Все остальное происходило как в дурном сне. Очнуться заставила тишина. Самолет стоял на краю реки, пилот лежал неподвижно рядом. Чуть позже выяснилось, что летчик до вылета выпил с приятелем бутылку водки, а в полет захватил еще и бутылку спирта, которую в пути осушил. Как удалось посадить самолет, у которого кончилось горючее, он не помнил. К счастью, незапланированная посадка произошла рядом с райцентром, летчик и пассажир легко отделались.

В свете рассказанного становятся понятны и некоторые причины, повлекшие за собой преступления, совершенные Григорьевым. Начальник Усть-Куломского аэропорта Попов имел все основания не дать разрешение на непредусмотренный расписанием вылет. Но о своих служебных обязанностях в то утро он напрочь забыл. За это был подвергнут дисциплинарному наказанию, уволен с должности начальника аэропорта. В Усть-Куломе рассказали, что несколько лет спустя после случившегося ему пришло письмо от летнаба Григорьева, в котором тот просил прощения, что по его вине он лишился начальственной должности.

Небо над головой

Исчезнувший самолет был обнаружен в середине апреля 1948 года. Его нашли в молодом березняке возле деревни Кондас Молотовской (ныне Пермской) области. Двое местных жителей, первыми увидевшие развороченный самолет, сообщили о находке в милицию. 16 апреля на место происшествия выехала милицейская комиссия.

Самолет врезался в землю, был прогнут, тем не менее винт оставался цел, а шасси касалось земли. Более всего пострадала задняя часть самолета. После вскрытия бензобака стала понятна причина столь не мягкой посадки. Горючего оставалось не более полукилограмма, а масла в баке было всего сантиметров на 20.

Прибывшая в лес комиссия рядом с самолетом обнаружила останки человека. Это была женщина. Она лежала рядом с самолетом, на спине. Вокруг были разбросаны женские вещи. Возле самолета милиционеры подобрали и обрывок газеты «За новый Север» – органа Коми обкома и Сыктывкарского горкома ВКП(б).

В городе Березники Пермской области была проведена судебно-медицинская экспертиза. Она установила, что смерть неизвестной женщины наступила от выстрела в голову.

Вскоре была установлена и ее личность – Валентина Антоновна Володько.

Преступление и наказание

«Принятыми раскопками снега около самолета обнаружить труп пилота не удалось» – так записано в протоколе осмотра места возле разбившегося самолета.

Видимо, уже вскоре искать беглеца под снегом перестали. Отвинченные в кабине самолета часы, исчезнувшие документы и оружие – все говорило о том, что пилот скрылся.

Далеко ли можно убежать из дремучего леса, где на каждом шагу подстерегает опасность? Но даже если выберешься отсюда, куда пойдешь, коль ты объявлен во всесоюзный розыск? Многим в Усть-Куломе запомнился цепкий, пронизывающий взгляд летнаба Григорьева. Он выдавал что-то мстительное, недоброе, глубоко затаенное. Не слишком приятное впечатление производит летчик и на сохранившихся фотографиях. Кто он, что было за его плечами до Усть-Кулома, изменили ли его трагические обстоятельства, связанные с бегством отсюда? Похоже, на эти вопросы ответа уже не получить.

В Усть-Куломе уже никто не надеялся узнать новых подробностей о громком деле, когда два года спустя несколько человек получили повестки в суд. Суд по воспоминаниям состоялся в Аджероме Корткеросского района, где базировалась «Лесавиа». Сюда и был доставлен Федор Григорьев.

Его арестовали в Донбассе. До этого он зачем-то побывал в Белоруссии, откуда была родом Валентина Володько. В Донбассе, видимо, по подложным документам устроился работать на шахту. Свидетелям детали его опознания и ареста выкладывать не стали.

Суд вынес приговор – 20 лет лишения свободы. Это был потолок, расстрел в послевоенном советском законодательстве для убийц не был предусмотрен. Григорьев вел себя на суде хладнокровно. Позже дошли известия, что срок он отбывает в мурманском направлении, руководит художественной самодеятельностью, играет на баяне. И имеет все шансы освободиться досрочно.

Ирина БУКИНА,
сотрудник Национального архива Республики Коми,
Анна СИВКОВА, корр. «Республики».
(«Дым Отечества», 25 мая 2002 г.)

Первый среди равных

Санкт-Петербургский горный институт – одно из старейших высших учебных заведений России. Здесь, на набережной Невы, путевки в жизнь получили десятки тысяч высококлассных специалистов. Имена лучших выпускников по заложенной еще с дореволюционных времен традиции остались вписанными золочеными буквами на большой мраморной доске. Среди тех, кем по праву гордился институт, был и наш земляк Иван Михайлович Попов. Горный инженер, человек энциклопедических знаний, ученый-исследователь. Все, сделанное им для Коми земли, трудно переоценить. Но имя его сегодня мало кому что говорит. Словно и не было в нашей истории этой яркой, незаурядной личности.

А между тем в республике не найдется ни одного крупного архивного учреждения, где бы вы не наткнулись на простое имя – Иван Попов. В 20-30-е годы не было в Коми крае отрасли, в исследование которой не внес бы лепту этот человек. Гор-

ные разработки, деятельность областного совнархоза, работа треста промышленных предприятий, выпуск журнала «Трудовая кооперация», редактирование «толстушки» – журнала «Коми му», лекционные поездки, геологические экспедиции, актуальные статьи... Все это лежало на плечах одного человека.

Иван Михайлович Попов.

Не так давно обнаружились многостраничные рукописи , тоже оставшиеся от Ивана Михайловича. Одна из них, посвященная исследованию мергалитовых стяжений, вышла из-под его пера еще в бытность студентом. Вторая работа – о полезных ископаемых и развитии добывающей промышленности в районе строящейся железной дороги Пинюг – Сыктывкар принадлежит уже зрелому человеку. По словам нынешних ученых, многие разработки, выводы, наводки одного из первых наших геологов не потеряли своей актуальности и поныне. По крохам и крупицам собирая о нем материалы, я столкнулась и с тем, что наследием Попова пользовались и некоторые из его коллег. Правда, при этом никаких ссылок на работы своего предшественника не делали. Расчет был верный – геолог пропал бесследно, а значит, никто не придерется.

Думаю, что такие факты, будь жив Иван Михайлович, не сильно опечалили бы его. Фонтан идей и фантастическая работоспособность в любое время делали Попова первым среди равных. В то, что он еще покажет себя, достигнет новых вершин, принесет большую пользу, Иван Михайлович верил до последней минуты. Даже очутившись за колючей проволокой, отбывая срок за мнимую контрреволюционную деятельность, он отказывался верить, что ни его энергия, ни знания отныне не нужны. Сохранилось огромное, на 68 страницах, письмо Попова народному комиссару внутренних дел СССР Ежову, написанное им в сыктывкарской тюрьме в январе 1937 года. Есть там и такие строчки: «Я даже просил бы направить меня на Новую Землю или на Землю Франца-Иосифа, или, наоборот, в горы крайнего юга или востока советских пределов, где бы я мог дать действительно существенную пользу своей социалистической Родине в самых трудных ее начинаниях, в самых отдаленных ее местностях, с тяжелыми жизненными условиями и с риском для здоровья и своей жизни». Последняя надежда быть услышанным...

Откуда в человеке столько упорства, веры, одержимости? Поиск ответов на эти вопросы всегда и всех приводит к началу начал – к детству, юности. Ивану Попову выпало счастье родиться в том самом кругу, из которого еще в девятнадцатом веке вышла плеяда образованных и талантливых людей, в числе которых был и основоположник коми литературы Иван Алексеевич Куратов. Бабушка По-

пова по отцу – Антонина Алексеевна – доводилась поэту родной сестрой. Это только в работах советских историков весь девятнадцатый век окрашен в черные цвета рабства и беспросветности. А братья Куратовы, их дети и внуки – все сумели получить неплохое для своего времени образование. Пятилетнего Ваню Попова «натаскивала» по математике, письму и другим предметам старшая сестра. Так, дома, в Кебре, он и прошел курс начального училища. А о том, что этот курс он прошел весьма успешно, сказали вступительные экзамены в 1892 году в Усть-Сысольское духовное училище. Восьми лет от роду будущий геолог покинул родной дом.

Иного пути, чем духовная семинария, у сына священника после училища не было. По его окончании, казалось, тоже все загодя предрешено: приходской храм, место дьячка, а затем сан священника. Но, оказывается, для самых упорных и настырных существовал еще один путь. В столичные университеты путь бурсакам был заказан. А вот в вузах на периферии – в Томске, в Юрьеве и Варшаве – попытать счастья они могли. Иван выбрал самый ближний университет – в Юрьеве (сейчас это Тарту), успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом физмата.

Университет открыл глаза на мир. И студент-зырянин из тысяч заманчивых дорог тут же разглядел свою, единственную. Это были геолого-минералогические науки. Но такого факультета в Юрьеве не было. Общие представления о них давали лишь на естественно-историческом отделении. Тогда недолго думая Попов перевелся в Харьковский университет. А с дипломом геолога-минералога в 1909 году поступил в горный институт в Петербурге.

Юность города берет. В престижный вуз поступить-то он поступил, но остался на «голых» бобах. Будущим горным инженерам стипендия не полагалась. Ждать помощи из родной Кебры тоже не приходилось: обремененный большой семьей отец сам еле-еле сводил концы с концами. Что делать? Еще будучи в Юрьеве, Иван прознал, что стипендию получают студенты-медики. Тогда он между делом сдал экзамены еще и в Императорскую военно-медицинскую академию и стал параллельно учиться сразу в двух вузах. Диплом со званием лекаря Иван Михайлович получил в 1913 году. А в 1916 году по первому, высшему, разряду завершил учебу в горном институте. Тогда же за проект по горно-заводской механике и за отчет по двухлетней практике выпускнику вручили престижную среди технарей премию имени профессора Н.А.Иосса. И премией, и другими своими заработками Попов делился с братом и сестрой, тоже учившимися в вузах.

С прекрасным багажом знаний и рекомендаций перед вчерашним студентом распахнулись самые заманчивые двери. Но он безо всякого сожаления прошел мимо них. Единственным местом, куда он страстно желал поехать, была далекая родина. А в том, что ее недра таят множество сокровищ, он не сомневался ни минуты.

Не успел возвратиться на Север – грянула революция. Перед натиском сиюминутных проблем на второй, третий, самый задний план отодвигалась любимая наука. Специалист с двумя дипломами был нарасхват. Сразу после Гражданской войны Попов получает назначение возглавить Кажимские горные заводы, затем правление Северо-Вятского горного района, чуть позднее – всю горную промышленность Северо-Двинской губернии. Сохранились многочисленные документы, в которых инженер ратует за развитие горнорудной промышленности в крае. Но в

Иван Михайлович Попов (справа) с братом Александром Михайловичем. 1917-1919 годы.

середине 20-х годов перспективная отрасль не находит поддержки в верхах, и разработки Попова надолго оседают «под сукном».

Между тем он назначается главным редактором экономического и краеведческого журнала «Коми му». Аналога такому изданию, где в 20-е годы считали за честь и потребность печататься все талантливые и мыслящие люди края, в республике за всю ее дальнейшую историю так и не было. Восемьдесят лет разделяют нас с теми публикациями, но многие из высказанных в то время идей обретают реальные очертания лишь сегодня. Вот бы и сегодня услышать такой же спектр мнений по развитию экономики и краеведения, которые не случайно в 20-е годы шествовали бок о бок.

Это радение о родном крае уже вскоре аукнулось на всей редколлегии журнала «Коми му». Люди жили, ни о чем не догадываясь, а на них исподволь собирался компромат. В 1925 году Иван Попов женился на вдове Ольге Лениной. Через десять лет этот брак стал «козырем» в руках правосудия: «Как мог советский работник связать свою жизнь с супругой расстрелянного советской властью царского чиновника, дворянина». Волею судеб в конце 20-х годов в Коми прибыл студенческий друг еще по Харькову Николай Тихонович, один из открывателей ухтинской нефти. Николай Николаевич, безконвойный заключенный Ухтпечлага, бывал в Сыктывкаре, встречался с Иваном Михайловичем. Потом припомнили и это. Не только припомнили, но и сделали выводы.

Атмосфера с каждым годом становилась все накаленнее. Были всякие люди: и те, кто доносил, и кто лег на дно. Удивительно, но самые лучшие, самые талантливые даже в этих условиях пытались двигать вперед науку. Издание трехтомной энциклопедии «Республика Коми» в конце 90-х годов прошлого века едва ли не всеми было признано уникальным, не имеющим аналогов в нашей республике. Действительно, такая энциклопедия до сих пор у нас не выходила. Но она могла выйти еще в 30-е годы. Именно тогда подготовили словник-проспект «Коми советской энциклопедии», который должен был вылиться в солидное издание. В мае 1935 года отчет о проделанной работе над энциклопедией заслушали даже на выездной сессии Северной базы АН СССР в Сыктывкаре с участием таких корифеев науки, как Толмачев и Перфильев. Уже вовсю шла борьба с шовинистами

и буржуазными националистами. Стенографический отчет с сессии пестрит политическими ярлыками и призывами к борьбе с двурушниками. Но снова и снова берет слово Иван Попов, отвечающий за раздел по геологии в редколлегии создаваемой энциклопедии. И тут же канва разговора перетекает в деловые предложения: «Правобережье Вычегды – будущая территория целлюлозно-бумажного комбината»; «Кроме сланцев надо изучать вопрос об использовании торфа, изучать методы сжигания, рентабельность»; «Рекомендую организовать комплексную экспедицию для геологического картирования района Сыктывкара и Иба»...

Тот словник-проект – предтеча энциклопедии – увидел свет в 1935 году. Но само издание вышло лишь 60 лет спустя и уже совсем в ином виде. В 30-е годы завершить работу над энциклопедией было просто некому.

Обвинение сорокалетнего инженера Попова было шаблонным для тех лет: «Восхваление фашизма». Каких-то людей, знакомых с Иваном Михайловичем лишь «шапочно», попросили наговорить на него. Арест, обыск... Голытьба в мундирах хватала впервые в жизни увиденные в доме Поповых мудреные вещи, тащила их в НКВД, а следователи припирали подследственного к стенке. «Зачем вам понадобились пишущая машинка «Метеор»?» – спрашивали у Ивана Михайловича, и он, наверное, с немалым удивлением пытался доказать, что это самая что ни есть необходимая для ученого вещь, а приобрел он ее еще до революции, в пору студенчества. Никак не могли поверить, что изъятые при обыске кокарды, погоны, наплечники, сутажный воротничок – это часть амуниции студента военно-медицинской академии. Вот еще небольшой перечень изъятых «контрреволюционных» предметов: «Ложка для чая серебряная – 1, десертные серебряные щипцы – 1, серебряная черная солонка – 1, поварешка серебряная – 1, серебряная масленка с крышкой – 1...».

Куда более жаль не этого растворившегося в распределителях НКВД имущества. При обыске унесли с концами все, чему Иван Михайлович отдал лучшую часть своей жизни. Лишь фотокарточек пропало около 250. Кроме того, 15 папок геологической переписи, ящик студенческих записей, корзина писем, 44 папки геологических исследований, три коробки разных книг...

Но даже все это ничто перед погубленной жизнью. На допросах Иван Михайлович держался мужественно, никого не оклеветал, ни на кого не сваливал «вину». Наоборот, многих выгораживал, защищал как мог. Притянутые за уши подозрения лопались, словно мыльные пузыри. Но участь арестованного была предрешена.

Отбывать техлетний срок Ивана Михайловича отправили в Воркуту. В карточке заключенного осталась запись, что трудится он инженером-горняком. В 1939 году срок закончился. Но в Сыктывкар геолог так и не приехал. В последнем сообщении, полученном из Воркуты, он сообщал близким, что его направили в Мурманск.

И все, как в воду канул. В документах 1954 года Иван Попов значится уже как умерший. Где его могила, где последняя пристань неутомимого, неугомонного человека, сегодня не скажет никто. Не забыть бы в суете будней его самого, в самые трудные годы делавшего все для процветания родного края.

Анна МАЛЫХИНА.

(«Дым Отечества», 20 июля 2002 г.)

Иван Попов дома и на охоте

С большим интересом прочитала в газете «Республика» статью А.Г.Малыхиной «Первый среди равных» (20.07.02) о нашем земляке Иване Михайловиче Попове, горном инженере и исследователе.

Ивана Михайловича я знала не как ученого, а как домашнего человека. Мои родители и семья Лениных были хорошо знакомы, а дочери Ольги Николаевны, супруги Ивана Михайловича, от первого брака – моими соученицами и подружками по школе II ступени. Я частенько бывала в их уютном небольшом домике. Иногда к нам подходил их отчим, красивый, подтянутый мужчина средних лет – таким я его знала в 30-е годы.

Его интересовало, как мы учимся, что именно нравится в школе, чем увлекаемся. Его доброжелательность подкупала нас, и мы охотно отвечали на его вопросы. У него был удивительно мягкий характер, приятные манеры. Чувствовалось, как он бережно относится к неродным детям.

То, что он женился на вдове, муж которой был в 1918 году расстрелян и у которой осталось четверо детей, уже говорит о его отзывчивости на чужое горе, о его доброте. Мне казалось, что он больше всех любил Наташу, младшую дочь Лениных. Когда ей исполнилось 12 лет, он решил ее удочерить, дал ей свое отчество и фамилию. Звали ее теперь не Наталия Леонидовна Ленина, а Наталия Ивановна Попова.

Когда Ивана Михайловича в 1936 году арестовали и отправили в Воркуту, а потом следы его вообще затерялись, семья распалась. Саша, старший сын Ольги Николаевны, уехал в Ленинград к родственникам. В паспортном столе, куда он пришел, чтобы получить прописку, ему сказали, что двух Лениных не бывает, и поставили над буквой «е» две точки, так он остался на всю жизнь Лёниным.

Вскоре к нему перебралась сестра Наташа, но во время Великой Отечественной войны ее эвакуировали в Сыктывкар. Вера, ее сестра, уехала в Москву, мама осталась с дочерью Тамарой.

Иван Михайлович, как и мой отец Синцов Александр Дмитриевич, был заядлым охотником. Любил он охотиться на боровую дичь и на зверя. Изредка заходил к моему отцу. Его посещения были для меня праздником, я садилась в уголок и вслушивалась в каждое слово, ничем не выдавая себя. Разговор начинался с охотничьих новостей, часто переходящих в байки, потом шла договоренность о совместной охоте. И, конечно, двум технарям-интеллигентам хотелось поговорить о науке. Иван Михайлович рассказывал, над чем работает, о своих изысканиях, о путешествиях... Эти встречи проходили 70 лет назад, но я их помню так ясно, как будто они происходили вчера.

Хочется рассказать об одном интересном эпизоде из их охотничьей жизни. Раз собрались смелые охотники и решили пойти на медведя. Обложили берлогу, спустили собак, на лай и шум медведь вылез из берлоги. По уговору каждый охотник, а их было семеро, мог выпустить по одной пуле.

Охотники возле туши убитого медведя.
Второй слева в первом ряду – Иван Михайлович Попов.

Осталась на память фотография Н.П.Кулакова. Туша медведя лежит на снегу, а вокруг нее сидят и стоят довольные охотники. Наверно, думают, чья же пуля стала смертельной для медведя! Когда тушу разделали, мой отец достал сердце медведя и вытащил оттуда пулю, на которой он заранее иголкой нацарапал свои инициалы: «А.С.». Большая, пушистая шкура долго висела в комнате моих родителей и радовала нас, а потом и моих детей. Между прочим, пули для штуцера отец отливал сам в домашних условиях.

Когда в 1938 году моего отца, как и Ивана Михайловича Попова, арестовали и унесли все охотничьи причиндалы, не забыли захватить и машинку-самоделку для отлива пуль. Забрали и дневник, куда отец записывал всю жизнь свои секреты, сведения по охоте и рыболовству, как это делал его любимый писатель Аксаков. Унесли четыре ружья, забрали даже мелкокалиберку сына, опустошили все ящики стола. Одна лишь шкура медведя и осталась.

Иван Михайлович Попов оставил свой след во многих областях: и в геологических открытиях, и в составлении карт полезных ископаемых, много вышло из-под его пера статей о добывающей промышленности…

Как же тяжело было то время, губившее лучших из лучших. Еще горше, что мы так и не узнали, где и как закончилась жизнь этого замечательного человека.

Ксения ПОПОВА,
старожил столицы.
г.Сыктывкар
(«Дым Отечества», 14 сентября 2002 г.)

Печора молодости нашей...

Пройдя через все лишения, семья Сергеевых сохранила честь и достоинство

Для меня, заведующей музеем «Покаяние», эта история началась с письма из г. Томска. Письмо написала Татьяна Николаевна Инзель, бывшая жительница города Печоры, кандидат медицинских наук, доцент кафедры терапии военно-медицинского факультета Сибирского медицинского университета. Она сообщала о том, что познакомилась с книгой «Печора молодости нашей», и ее, как потомственного медика, привлекла моя статья о врачах, стоявших у истоков здравоохранения г. Печоры. Одновременно с письмом томчанка прислала документы семейного архива, воспоминания своей матери Надежды Николаевны Клепининой, печорского врача, другие предметы. Среди них была и лагерная телогрейка отца, бывшего заключенного Печорлага. Все вместе они составили еще одну страницу печальной эпохи ГУЛАГа.

Дальнейшее знакомство с Татьяной Инзель переросло в заочную дружбу. Судьба этой удивительной женщины, дочери бывшего «врага народа», не могла не взволновать. Одних трагические ситуации ломают, калечат, других – облагораживают, возвышают. Татьяна Николаевна потеряла своего единственного сына. Сергей родился в городе Печоре в Республике Коми, в 1993 году заканчивал Томский университет, когда случайно и нелепо оборвалась его жизнь. Врач в четвертом поколении, он погиб от рук наркоманов при выполнении профессионального долга. С детства в нем воспитывали уважение к людям в белых халатах. Да и как иначе: мать Татьяна Николаевна – преподаватель вуза, практикующий терапевт, автор более 40 научных трудов, монографии «Трудные вопросы в клинической практике», отец Геннадий Аркадьевич – известный в городе хирург-онколог. «Доктором от Бога» называли Сергея, пророча талантливому юноше блестящее будущее. Им владели две страсти: медицина и музыка. Сергей был известен в Томске как автор и исполнитель бардовских песен. В 1996 году вышла в свет небольшая книжка его стихов. Прозвучали передачи по Томскому областному и российскому радио, о нем много писали в газетах, были сняты два фильма. А в 1997 году президент России Б. Ельцин наградил Сергея посмертно орденом Мужества.

Это была вторая после смерти жизнь, которую дала своему сыну мать, поклявшаяся на его могиле, что сделает все, чтобы восстановить справедливость. Первое, с чем столкнулась после гибели сына Татьяна Николаевна, было равнодушие облеченных властью людей, объявивших для своего спокойствия молодого доктора наркоманом и закрывших заведенное против его убийц уголовное дело. Но мать знала своего сына лучше, чем кто-либо. На судебном слушании, которое состоялось благодаря ее настойчивости, выяснились подробности дела. «Мы убили доктора за то, что он не встал на колени», – сказали наркоманы, лишившие

жизни молодого врача, которого вызвали для оказания медицинской помощи погибающему от передозировки приятелю.

В июле этого года Татьяна Николаевна с сестрой Ольгой предприняли поездку в город своей юности Печору, на могилу отца, чудом сохранившуюся и найденную сотрудниками Печорского отделения общества «Мемориал». Ольга Николаевна, инженер по профессии, ныне живет в городе Омске. Замуж она вышла за печорского парня, своего одноклассника, сына известного в Печоре детского врача Ю.С.Куниевской, заслуженного врача Коми АССР, работавшей на научно-исследовательской базе САНО Печорлага под руководством профессора Г.М.Данишевского.

Объясняя причины, заставившие ее сесть за воспоминания, мать Татьяны Николаевны – Надежда Николаевна призналась, что взялась за них, чтобы пролить свет на «истоки нравственной твердости и глубокой духовности нашего сына и внука Сергея, который чем-то напоминает деда Николая Леонидовича. Нет, не обликом, а интеллигентной сдержанностью, абсолютной порядочностью и всем тем, что по своей торопливости не могу обозначить словами».

Они познакомились в Усть-Вымлаге. Сюда Надя Клепинина попала в 1942 году по распределению в составе группы лучших студенток-комсомолок, направленных в учреждения ИТЛ после окончания Иркутского медицинского института. Николай Сергеев – бывший заключенный, находился на поселении. Она вольнонаемная, он – вчерашний зек. Казалось бы, между Надеждой и Николаем высится стена. Но Николай Леонидович внушал уважение даже видавшему виды лагерному начальству, поэтому и их брак все восприняли спокойно. Все к Сергееву обращались исключительно по имени-отчеству. И сейчас, много лет спустя, жители п.Ропча Княжпогостского района помнят эту семью: «Видная была пара, и дочки-красавицы». Еще отмечают, что Николай Леонидович был из тех, кто ни перед кем не ломал шапку. Он же не простил властям нанесенную обиду и не захотел возвращаться в Москву, к прежней жизни, по окончании срока заключения.

Семья Сергеевых.

Слово Надежде Николаевне: «Печальна судьба Николая Леонидовича Сергеева, моего мужа. Выросший в семье с достатком, происходившей из знатного петербургского рода и получивший хорошее образование и воспитание, Николай Леонидович стал

быстро продвигаться по службе и вскоре занял очень высокую должность начальника ветсектора Главмясо (Главное управление мясной промышленности СССР). Но уже в 1932 году начались гонения на людей непролетарского происхождения. 2 февраля 1933 года его арестовали. Сидел на Лубянке. Очень скрытный, «застегнутый на все пуговицы», он все же однажды проговорился, как его били, заставляя подписать ложные показания о том, что он был организатором крупного контрреволюционного заговора в животноводстве. После суда отправили на строительство железной дороги в Таштагол, был на общих работах, где физически крепкий, молодой, здоровый, он быстро «дошел». Затем попал в Сиблаг, где уже работал по специальности. В Усть-Вымлаге Николай Леонидович был заведующим ветлабораторией на конзаводе, обслуживал огромное количество лошадей, работавших на вывозке леса, осматривал и совхозных лошадей».

В своих записках Надежда Николаевна описывает жизнь обитателей Усть-Вымлага, одного из крупных подразделений ГУЛАГа. «Наш домишко был близко от вахты на берегу староречья р.Ропча. Посредине между руслом и старицей – колючая проволока. Через старицу – мост, по которому шли этапы заключенных. А потом назад по этому же мосту увозили их на погост». Это были голодные военные годы, умирали от истощения заключенные, голодали и вольнонаемные. Основным занятием обитателей лагеря оставался лесоповал. Среди заключенных выделялись «рекордисты», которые перевыполняли норму выработки, за это получая дополнительное блюдо: дробленую перловку, разваренную, разлитую по железному листу с бортиками, остуженную и разрезанную квадратиками. Но и добавочный паек не спасал: «рекордисты» быстро истощались и гибли. Гоняли на лесоповал и вольнонаемное население. «Нас, молодых девушек, не заставляли валить деловую древесину, а только швырки, и рудостойку для воркутинских шахт. Швырки шли в топку паровозов, а грузовики, вывозившие древесину по лежневке, работали на газочурках. Мы быстро освоили, как надо очищать комель от снега деревянной лопатой, подрубить, подпилить с противоположной стороны и валить топором. Лучок пилил сам, врезаясь в мягкую, свежую древесину, как в масло. Мы честно напиливали по два рауметра. Зимой возвращались по натоптанной тропе и не мочили ног, но весной уходили утром по насту, а днем, бывало, проваливались в болото. Вечером валенки с трудом стаскивали друг с друга. Ели в столовой суп, «где крупинка за крупинкой гонялась с дубинкой». Еще давали треску и 400 граммов хлеба на день».

В Ропче располагалось 12-е лаготделение Усть-Вымлага, здесь же находился лазарет соседнего Севжелдорлага, куда попадали «доходяги», строившие железную дорогу. Здесь же размещалась большая конебаза, где были собраны лошади, зараженные инфекционной анемией, заразным заболеванием, не сразу проявляющимся, но смертельным. Свезены коняги были, как и люди-заключенные, со всего Советского Союза, и подобно им обречены на гибель в далекой Коми республике.

Среди лагерных врачей были известные люди. Один из них –Левит Александр Ефимович, бывший санитарный врач Кремля. Его жена – актриса театра им. Ермоловой. В Усть-Вымлаге Левит тоже был главным санврачом и так поставил дело, что при нем на вверенном участке не было даже вшей. Это при голоде и дефиците мыла! Сменил его на посту главного санврача Болеслав Яковлевич Смулевич, профессор социологии, имевший печатные труды. Профессор Давид Григорьевич

Златковский, специалист по гигиене питания, возглавлял работу пищекомбината, где организовал коллектив врачей для изучения местных растительных ресурсов и витаминоносов, спасая от цинги и пеллагры сотни заключенных. Врачом стационара ОЛПа № 12 была Мария Александровна Копьева. Настоящая русская красавица, жена «врага народа», крупного ученого Шмидта, одного из технических руководителей строительства Норильлага, она была разлучена с мужем и двухлетней дочкой, с которой встретилась лишь долгие годы спустя.

Когда в 1944 году стало известно, что в семье Сергеевых скоро появится первенец, радости будущего отца не было конца. Рождение дочери подвигло отца засесть за дневники, где день за днем он отмечал изменения в растущей дочурке. Дневниковые записи свидетельствуют о тонкой, нежной душе этого человека, сохранившейся вопреки испепеляющим все живое реалиям лагерного существования. Через год появилась Оленька. «Когда принесли Олю, старшая сестренка стала в пеленки заворачивать полено, укачивая его. До этого у нее не было игрушек и кукол. К нам приходило много заключенных, и кто-то из них принес самодельную куклу».

Николай Леонидович впервые за многие годы обрел обыкновенное человеческое счастье. Но разве мог быть в те годы хоть сколько-нибудь прочным мир, окружающий пусть бывшего, но «врага народа»? 1951 год принес новую волну репрессий, и одной из их «первых ласточек» оказался Николай Сергеев, осужденный особым совещанием без суда и предъявления обвинения. Это был страшный удар, который разрушил затеплившуюся надежду на дальнейшую достойную человеческую жизнь. Николай Леонидович так до конца и не оправился от этого последнего потрясения, и его добровольный уход из жизни в 1967 году стал следствием этого трагического события.

А тогда он сказал молодой жене, что между ними все кончено. Не хотел подставлять под новый удар семью, не хотел, чтобы близкие ему люди подверглись репрессиям как «члены семьи врага народа».

Жене не положено было знать о его новом месте пребывания. Но земля полнится слухами. Добрые люди сообщили Надежде, что муж находится в Печоре, работает на конбазе. Отвела Надежда Николаевна детей в коровник на попечение знакомой телятницы и села на поезд.

В Печоре милиция проверила документы и показала путь на конбазу. Жил Николай Леонидович тут же, в конемойке, в закутке с лежанкой. Увидев жену, он не бросился навстречу к ней с приветственной радостью, а отчужденно стал отсылать прочь. Вмешался в разговор конюх: «Не гоните ее, у вас такая молодая и красивая жена».

Почти год прожил он один в Печоре, в жутких условиях, с истерзанной душой. Каждые две недели ходил отмечаться в ОЧО (оперативно-чекистский отдел). Заведующим конбазой был рыжий, рослый, почти безграмотный мужик, на «контриков» он глядел свысока и соответствующим образом обращался с ними, не брезгуя рукоприкладством.

Добросердечные коллеги стали отпускать Надежду Николаевну в Печору. Когда по просьбе мужа она привезла на свидание детей, он лежал с высокой температурой, десны опухли от цинги. Надежда Николаевна приняла непростое решение переехать в Печору к мужу. Жить им пришлось на первых порах в том же закутке, в конемойке. Пришли холода. Промерз угол. Старшая дочка пошла в школу – и ей

негде было готовиться к урокам. А однажды девочки не пришли домой: они нашли себе более уютное гнездышко, оставшись ночевать у подруг в школе-интернате. Тогда мать, забив тревогу, добилась жилья в бараке, на самой окраине города, невдалеке от конбазы. Здесь и прожила семья долгие печорские годы. Он же стал последним пристанищем Николая Леонидовича. Этот полуразрушенный дом и сейчас стоит по улице Стадионной, его разыскали сестры Татьяна и Ольга во время нынешнего приезда в Печору.

В 1956 году дело Николая Леонидовича было пересмотрено и прекращено «за отсутствием состава преступления». Жизнь постепенно стала налаживаться. Семья любила свое скромное жилище, красила, белила его, на белоснежных наволочках дочек расцвели вышитые хозяйкой анютины глазки. С соседями жили дружно, во всем помогая друг другу. Быт был суров: без взаимопомощи не выжить. «За 30 лет работы на Севере я встретила много людей, большинство очень хороших. Людей благородных, всегда готовых протянуть руку помощи. Не могли мы накрывать богатых столов, но делились друг с другом последним», – пишет Надежда Николаевна.

Она бессменно работала зубным врачом, ее ценили как детского стоматолога, обладающего редким даром подхода к детям и умением лечить почти безболезненно. Она трудилась с утра до вечера, прихватывая и ночные дежурства: нужно было зарабатывать деньги, чтобы прокормить семью, а на плечи Николая Леонидовича легло воспитание дочерей. Он начал собирать библиотеку. Тогда все было лимитировано, и приходилось простаивать в очередях ночами, чтобы подписаться на «Юность», другие журналы. Надежда Николаевна пишет, что под влиянием Николая Леонидовича она впервые поняла серьезность чтения художественной литературы. На русской классике он воспитывал и своих любимых дочерей. Они стали прекрасными людьми и профессионалами. Не поступился своим профессиональным и человеческим достоинством и внук Сергей. Унаследовала от деда любовь к лошадям внучка Ирина, дочь Ольги, и ее сын, работающий ныне в США, воспитан в почтительной памяти к своему деду. За всех них взяли на себя миссию посещения могилы отца Татьяна и Ольга, предприняв для этого неблизкий путь в Печору. Мы, мемориальцы, рады, что смогли помочь им в этом путешествии по зову памяти.

Татьяна АФАНАСЬЕВА.

г.Печора

(«Дым Отечества», 14 сентября 2002 г.)

Могила Николая Сергеева.

По следам десанта

Фашистский десант, высадившийся в июле 1943 года недалеко от Кедрового Шора, для жителей Коми республики остается одним из самых интригующих событий ушедшего века. Интерес к нему не затихает. Первыми из наших земляков, не только обратившим внимание на эти события, но и собравших о них документальный материал, стали писатели Александр Рекемчук, Геннадий Юшков, Серафим Попов. Многое в их произведениях осталось недосказанным. Ведь на протяжении десятков лет материалы о десанте хранились в архивах под грифом «секретно». Пока наконец в начале 90-х годов их неожиданно не рассекретили. После этого многим показалось, что сведения о печорском десанте исчерпаны. Однако нашелся в Коми человек, который не ограничился рассекреченными материалами и которому удалось, можно сказать, невозможное. Краевед Валентина Пашинина вышла на людей, стоявших у истоков организации фашистских десантов в глубь Советского Союза. Одно из самых поразительных открытий, сделанных ею, кратко можно обозначить так: «крестным отцом» печорского и других десантов был пленный советский генерал Иван Бессонов.

Погружение

Поиском сведений о печорском десанте Валентина Семеновна Пашинина занялась около 30 лет назад. Тогда она учительствовала в ухтинской школе № 7. Интерес возник не на пустом месте. В числе десантников оказался школьный учитель ухтинки Пашининой – Александр Гаевич Доронин. Известие о том, что учитель – фашистский десантник – ошеломило, потрясло. Утешением служило лишь то, что с десантниками, бывшими военнопленными, разобрались, они избежали сталинских лагерей.

Спустя годы Валентина Семеновна возглавила поисковый отряд в 7-й школе. Вопрос, с чего начать поиск, у следопытов не стоял. «Конечно, надо заняться немецким десантом», – решили они. Сбор материалов растянулся на многие годы.

Поездки, документы, письма, воспоминания – готовая рукопись для большой, содержательной книги. Ухтинские следопыты и их наставник добились приема на

Лубянке – Валентина Пашинина обращалась лично к тогдашнему главе КГБ В.Крючкову. При содействии первого секретаря Коми обкома КПСС Ю.Спиридонова она смогла проникнуть и в «святая святых» – в архив КГБ и партархив. Документы соединили недостающие звенья многолетнего поиска.

А вскоре, в начале 90-х, засекреченные дела о печорском десанте стали достоянием гласности. За исключением документа, который, похоже, не привлек ни чьего внимания. Это была невзрачная бумажка, датированная 1950 годом с текстом, написанным карандашом. Как она попала в дело о десанте 1943 года, сказать трудно. Но она и стала одним из ключиков к разгадке многих тайн.

Липовая операция

О печорском десанте в свое время было много написано. Но здесь нелишне хоть пунктиром обозначить его этапы и действующих лиц.

В ночь с 5 на 6 июня 1943 года с норвежского аэродрома Нарвик взмыли в небо два «кондора». На их борту находились 11 немецких десантников – бывших советских военнопленных, а также их руководитель, бывший колчаковский офицер. Десант приземлился в Кожвинском районе Коми АССР. После приземления двое десантников – Одинцов и Доронин – сговорились о ликвидации руководителя группы Николаева. Правда, убили его не они, сделали это другие десантники. Все без оговорок решили тут же пойти к своим и сдаться. Так и сделали.

Известие о десанте дошло до ушей самого Берии. На поимку и разоружение десантников были мобилизованы сотрудники Печорлага НКВД, а также сыктывкарские «энкавэдэшники» всех уровней. Руководил операцией нарком внутренних дел Коми АССР полковник госбезопасности Кабаков.

Андрей Одинцов.

Поимка десанта оказалась почти бескровной. Кроме убитого самими десантниками руководителя группы Льва Николаева, пуля вохровца нашла десантника Алексея Куликова. Рана оказалась смертельной. Хотя, по рассказам очевидцев тех событий, и этой смерти можно было избежать.

Интересно, что личности задержанных «диверсантов» в архивных бумагах оказались «погребенными» под толщей груза, выброшенного с двух «кондоров». Это 34 парашюта с оружием, боеприпасами, продуктами питания, документами, теплой одеждой... Поиски этого имущества на таежных просторах затянулись на недели.

Среди имущества десантников отыскались рация и динамо-машина к ней. Было принято решение их задействовать. Приехали специалисты из Архангельска, Москвы. В задуманной радиоигре с немцами первая скрипка отводилась радисту-десантнику Андрею Одинцову. Его почерк немцы успели хорошо изучить. Руководители операции по поимке и

ликвидации десанта таким образом надеялись заманить в свои сети другие фашистские десанты. Но из затеи ничего не вышло.

Все материалы о поимке фашистского десанта (а ведь перед ним стояли такие сокрушительные задачи, как взрывы мостов, других стратегических объектов, организация восстаний заключенных!) несут на себе печать легкой добычи, бесшабашности, расхлябанности, вседозволенности.

Учитывая сложную обстановку того времени, усугубленную вторжением вражеского десанта, последующие события тянет назвать «пиром во время чумы». Трофеи, найденные в лесу, вскружили головы и начальству, и рядовым вохровцам. Не брезговали ничем, присваивая и деньги десантников, и личные вещи, и оружие. В кабинете директора совхоза «Кедровый Шор» высокое начальство устроило грандиозную пьянку. После чего занялись списыванием патронов, причем в довольно большом количестве. Куда их израсходовали, если десант сдался без боя? Догадаться несложно. На стрельбу по мишеням во время пьяных оргий.

Весной 1944 года бюро Коми обкома партии приняло специальное постановление, осудившее преступное и халатное отношение к трофейному имуществу, а также факты мародерства при ликвидации десанта. Виновными были признаны не только вохровцы, средний комсостав, но и высшее руководство. Был отстранен от работы и нарком внутренних дел Коми АССР Кабаков. Валентина Пашинина проследила дальнейший жизненный путь и Кабакова, и других должностных лиц, попавших в немилость после ликвидации десанта. Оказалось, все они неплохо устроились на новых местах, даже получили повышение по службе. Так, полковник Кабаков перебрался в Грузию, где стал заместителем комиссара госбезопасности.

Имя и судьба

Удивительный факт: никто из десяти оставшихся в живых десантников не попал в советские лагеря. А ведь это было проще простого, попадали за провинности, которые в сравнении с десантом – чепуха. Но, видимо, даже видавшие виды чекисты ничего не могли предъявить десантникам, цели и помыслы которых были противоположны фашистским намерениям с самого начала операции. Как объяснить при этом то, что отбор десантников для диверсионных групп, забрасываемых с воздуха, проводился сверхтщательно, из проверенных абвером людей?

«Я не мог допустить, чтобы диверсанты что-нибудь смогли сделать плохого на родной земле... Нина, дорогая, поверь, что я ни в коем случае не мог быть предателем Родины, не мог допустить, чтобы немцы и в тылу принесли вред стране», – это строчки из письма Александра Доронина жене, которое нашли следопыты из Ухты.

Алексей Денисенко.

Михаил Годов со своими детьми.

Александр Доронин – единственный из десантников, кто родился и вырос в Коми. Такие люди были предусмотрены в фашистских десантах как проводники. Увы, хотя Александр Гаевич и избежал советской неволи, его жизнь сложилась трагичнее всех других сотоварищей по десанту. Даже оправданный карательными органами, он так и не смог на родине найти работу. Окруженный подозрительностью, враждебностью, уехал в Ростовскую область. А уже весной 1947 года его не стало. Меньше чем через год после этого от горя и болезней умерла и его жена Нина Нафанаиловна, тоже ухтинская учительница.

Валентина Семеновна Пашинина очень жалеет, что запоздала с поиском других участников десанта. Из остальных девяти десантников удалось связаться с родственниками лишь троих – самих участников десанта к тому времени уже не было в живых.

Кроме Доронина непонаслышке о Коми знал и Михаил Годов. Он здесь отбывал срок по бытовой статье. Из лагеря и ушел на фронт. После участия в десанте жил в Архангельске, затем попал на Урал, в город Первоуральск, где и умер в конце 70-х.

Передовиком производства, уважаемым в поселке Оргтруд (Владимирская область) человеком был Андрей Одинцов. Он много лет работал на заводе, неоднократно поощрялся. Андрея Аверьяновича не стало в 1977 году.

Следопыты Ухты сумели связаться и с сестрой Алексея Денисенко, которую отыскали аж на Дальнем Востоке. Она сообщила, что брат умер после операции в архангельской больнице вскоре после войны.

Об остальных участниках десанта сведений почти не осталось. Известны лишь имена и фамилии: Алексей Макаров, Алексей Реферовский, Николай Гламаздин, Василий Лукович, Николай Мурин, Ахкаматдин Расулев.

Свой среди чужих, чужой среди своих

До последнего времени принято было считать, что на той, вражеской стороне, в Германии, против нас воюют лишь немцы, фашисты, и их союзники. Еще генерал-предатель Власов и его приспешники. Обнародованные в последние годы данные, в частности, о немецкой разведке, развенчивают многие, в том числе и эти, стереотипы.

Главное управление имперской безопасности Германии было поистине неис-

сякаемым на создание всевозможных разведывательных и агентурных служб. Известно, что печорский десант готовился в Прибалтике у одного из асов по вербовке, обучению и заброске агентов Целлариуса. Его служба входила в специальный разведывательно-диверсионный орган «Цеппелин». В свою очередь «Цеппелин» имел разветвленную сеть отделов и служб. Его структурными подразделениями были и несколько русских союзов и партий, действовавших на территории Германии.

До последнего времени наши познания относительно плененных фашистами советских генералов замыкались на двух именах – уже упоминавшемся Власове, а также принявшем героическую смерть в фашистском лагере генерале Карбышеве. Несколько лет назад «Военно-исторический журнал» предпринял первую в официальной историографии попытку предать гласности биографии других советских генералов – военнопленных фашистских лагерей. Список получился внушительный.

Судьбы у всех сложились по-разному. Как явствует из приведенных журналом сведений, многие в плену были завербованы абвером, другими разведывательными службами, входили в «Боевой союз русских националистов», в «Русскую народную партию реформистов», в другие националистические организации, базирующиеся на территории Германии.

Даже сейчас, а тем более раньше, любая деятельность за линией фронта, в гитлеровской Германии, воспринимается и воспринималась однозначно негативно. Правда, в последние годы в центральной печати увидели свет и публикации другого плана. В них, основываясь на документах из западных и отечественных архивов, проводится мысль о создании в горниле войны независимой силы с целью освобождения России от антинародного режима. Под последним имеется в виду сталинская диктатура.

Александр Доронин.

Едва ли не первым такую мысль на страницах российский прессы высказал историк из Парижа Николай Рутыч (журнал «Родина», 1991 год). Кстати, вскоре после его публикации и появился в «Военно-историческом журнале» список плененных советских генералов. Там же, как бы между прочим, историк из Парижа Рутыч был «расшифрован» как Николай Николаевич Рутченко-Рудченко, официальный сотрудник разведоргана «Цеппелин». Оставим эту «рокировку» без внимания, чтобы не потерять основную нить. Так вот, силой, призванной противостоять большевизму, про-

возгласил себя и созданный на территории концлагеря Бухенвальд в 1942 году Политический центр борьбы с большевизмом (ПЦБ). Его возглавил бывший генерал-майор Советской армии Иван Георгиевич Бессонов.

Биография Бессонова типична для советского военного 30-40-х годов. Родился в Перми в 1905 году. Службу начал в войсках НКВД. Дослужился до начальника отдела боевой подготовки главного управления пограничных и внутренних войск НКВД. Надо ли говорить, что за время службы прекрасно изучил всю подноготную власть предержащих. Не был обделен наградами, получал орден Красного Знамени. Во время финской войны впал в немилость Берии. Но отделался «легким испугом». Перед самым началом Великой Отечественной перевели в действующую армию. 1941 год генерал-майор Бессонов встретил командиром 102-й стрелковой дивизии.

При выходе из окружения близ Рогачева попал в плен. Один за другим сменяли друг друга лагеря: Гомель, Бобруйск, Минск, Белосток. Затем – Хаммельсбургский офицерский лагерь, известный как Офлаг. От сотрудничества с власовцами генерал сразу открестился: «Я выше их и в военном, и в политическом плане». Попал под опеку представителей «Цеппелина». Вскоре возглавил «Русскую народную партию реформистов», а затем Политический центр борьбы с большевизмом. В его недрах и созрел план переброски фашистских десантов на Север России.

Вполне возможно, что, будучи на службе в войсках НКВД, Бессонов бывал в лагерях для заключенных на севере Коми. Но это лишь предположение. Как бы то ни было, первым районом, куда он предложил высадить десант, стали Усть-Печорские лагеря. Немецкое командование после непродолжительного времени вняло доводам генерала, хорошо знавшего и расположение сталинских лагерей, и систему их охраны. Никто не сомневался, что заключенные поддержат десантников и примкнут к ним. Соратники по партии помогли Бессонову подготовить воззвание к заключенным Воркуты. Можно лишь догадываться, как бы пошатнулся мировой порядок, если бы эти воззвания дошли до цели.

Десант, еще десант

Печорский десант – один из сотен десантов, выброшенных на территорию Советского Союза в годы войны. Уже после войны, очутившись в другом плену – советском, разжалованный и арестованный генерал Бессонов перечислял на допросах районы для развертывания повстанческой деятельности. «1. Нарьян-Мар, Усть-Цильма, Усть-Ухта; 2. Дельта Северной Двины; 3. Сыктывкар (бывший Усть-Сысольск); 4. Район Мезени; 5. Пункты на реке Обь: а) Обдорск; б) Березов; в) Самарово; 6. Район дельты реки Енисей; 7. Северный Урал – район Чердыни».

Большой материал по десанту, о котором в Коми известно мало, хотя он был сброшен с нами по соседству – в Архангельской области, – еще один итог поисков Валентины Пашининой. Этот десант приземлился в 1942 году в районе Няндомы и Коноши, ставших в годы войны стратегическими пунктами. Через них следовали составы с Севера на Ленинград и в центр страны с боеприпасами, продовольствием, углем, который шел на вес золота. Следует заметить, что в этот район десанты в годы войны сыпались как горох. Но большинство из них были быстро ликвидированы и пресечены. Коношский стал исключением. Видимо, потому, что в составе этого десанта были не заключенные фашистских концлагерей, а специ-

ально обученные в том же центре Целлариуса 13 спортсменов-эстонцев, учеников Гитлерюгенда. На их поимку были брошены большие силы. Тем не менее операция по ликвидации десанта могла обернуться провалом. К преследуемым диверсантам на помощь прилетел гидросамолет «Хейнкель-115». За его штурвалом сидел ас немецкой авиации Эрнест Легенхаген, кавалер двух боевых крестов. Между прочим, железный крест фашистским летчикам полагался за 20 сбитых самолетов противника. К середине войны эта планка поднялась еще выше – уже 40 уничтоженных самолетов. Надо думать, Легенхаген двух крестов удостоился не зря.

Но даже помощь с неба не спасла диверсантов. Шестерых взяли живыми, остальных уничтожили в ходе преследования.

Помните упоминание о невзрачной бумажке, случайно затесавшейся в дело о печорском десанте в нашем КГБ и не привлекшей к себе внимания? Вот ее текст. «Дополнительное расследование по делу бывшего командира 102 стрелковой дивизии комбрига Бессонова Ивана Георгиевича, осужденного военной коллегией Верховного суда к расстрелу.

Следственным отделом КГБ по поручению главной военной прокуратуры проводилось дополнительное расследование вновь открывшихся обстоятельств по уголовному делу на бывшего командира 102 СД Бессонова Ивана Георгиевича…

На допросе в 1946 году сотрудник главного управления имперской безопасности Германии Джон Александр Карлович показал, что по разработанному Бессоновым плану разведорганом «Цеппелин-Норд» была подготовлена и в конце 1943 года была заброшена северо-восточнее Сысольска (Сыктывкара) разведывательно-диверсионная группа под условным названием «Ульм», состоящая из 40 германских агентов, снабженная средствами связи с разведцентром и снаряжением для проведения подрывной работы в тылу советских войск.

По показаниям Джона группа «Ульм» после заброски на связь с разведцентром не вышла, что могло свидетельствовать о возможном ее захвате или ликвидации органами госбезопасности».

Как попала эта бумажка в дело о печорском десанте? Не из другого ли она дела, расшитого, уничтоженного и связанного с ликвидацией неизвестного доселе десанта? И кто такой Александр Джон?

Уж на последний-то вопрос, казалось, искать ответ и вовсе бессмысленно. Но Валентина Пашинина, похоже, если и не нашла точного ответа, то к разгадке агента Джона приблизилась вплотную.

Кто вы, генерал Бессонов?

Еще один очень важный вопрос. Огромное количество десантов. Мощные структуры задействованы в их организации. Но о диверсиях, проведенных на территории Советского Союза, история умалчивает. Конечно, все можно объяснить бдительностью, мобильностью подразделений и сотрудников НКВД. Но уже их поведение во время поимки сдавшихся без боя десантников на Печоре вызывает сомнение в этих качествах.

Между тем ответ на вопрос уже прозвучал. Печорский десант сдался без боя. Так же, без боя, сдались в июне 1943 года пятеро диверсантов, заброшенных в Туркмению. Уничтожили руководителей группы, а затем сдались органам НКВД фашистские десантники в Гурьевской области, в Перми. Согласно официальной версии, более половины из множества диверсионных групп, забрасываемых на

территорию Советского Союза, приземлившись, тут же шли с повинной в органы НКВД и госбезопасности.

Тут есть над чем подумать. И вспомнить в связи с этим генерала Бессонова. Не мог он не знать настроений диверсантов перед отправкой их на Родину в составе десантных групп. А если знал, то почему ничего не предпринимал? Или не хотел предпринимать?

А немцы после многочисленных провалов диверсионных групп приговорили Бессонова к повешению. План его признали провокаторским. Был расформирован и возглавляемый им Политический центр борьбы с большевизмом.

Но гибели в фашистских застенках Бессонов избежал. Его перевели в привилегированный блок в концлагере Заксенхаузен. Здесь компанию советскому генералу составили очутившиеся в руках гитлеровцев представители различных западных спецслужб.

Пробный шар

Два года из жизни «крестного отца» немецких десантов в Заксенхаузене, по логике вещей, не могли быть запечатлены в каком-либо объемном документальном материале. Разве что лагерная документация: списки заключенных, анкетные данные...

Верно, что смелость и настойчивость города берут. Через «Мемориал» Пашинина связалась с немецкими архивами. Из федерального архива Фрайбурга, других немецких организаций сыктывкарский краевед получила материалы, проливающие свет на жизнь заключенного генерала. Конечно, это были крупицы, но по-своему значимые, важные. В частности, из немецких источников удалось узнать о допросах комбрига Бессонова в плену. Из них явствует, к примеру, что, находясь в плену, Бессонов составил оперативно-исторический обзор боевых действий 102-й стрелковой дивизии со всеми «минусами» подготовки советских войск к войне. Писал он и личное письмо маршалу Василевскому...

Адресаты из Германии уведомили, что объемная документация о советских военнопленных, упакованная в 377 ящиков, еще в августе 1945 года была вывезена из Германии в СССР. Вполне возможно, что там оказались и материалы о генерале Бессонове.

Дух в клетке

Упоминавшийся уже историк Николай Рутыч из Парижа, ставший «возмутителем» спокойствия в умолкнувших за давностью лет баталиях о Второй мировой войне, в журнале «Родина» сделал ссылку на книгу «Spirit in the Cage» («Дух в клетке»). Ее автор Питер М.Черчилль – родственник знаменитого Уинстона Черчилля, во время войны тоже был узником Заксенхаузена. Воспоминания о годах, проведенных в фашистской неволе, и составляют книгу.

По нашим сведениям, в Россию эта книга еще не попала. Возможно, воспоминания бывшего английского разведчика особо никого не заинтересовали. Допустимо, что немногие знают и о существовании таких мемуаров. Валентина Семеновна Пашинина задалась целью познакомиться с ними. И это ей удалось.

Из Лондонской национальной библиотеки в Сыктывкар на ее запрос прислали сделанные на отличной бумаге ксерокопии. Причем, узнав об исторических изысканиях просительницы, за сделанную копию не взяли ни копейки. Ухтинские школьники и учителя перевели присланные из Англии главы на русский.

Питер Черчилль и Одетта Симпсон.

Книга «Дух в клетке» густо заселена персонажами. За свою бурную жизнь Питер Черчилль знался со множеством людей разных национальностей. Много места в мемуарах отведено солагерникам по Заксенхаузену. Главных героев в этих главах трое: сам автор, его жена Одетта и генерал Бессонов.

Питер Черчилль попал в лапы фашистов на территории Франции. Всем: и сносными условиями жизни в Заксенхаузене, и многочисленными друзьями, которых там обрел, и, наконец, своей жизнь – он был обязан своей связной Одетте. Всю вину, попав к фашистам вместе с Черчиллем, она взяла на себя, назвалась его женой, сумела убедить палачей, что выписала мужа из Англии по своей прихоти, потому что очень по нему скучала. Фашисты ей не верили, нещадно пытали, вырвали все ногти на ногах, сделали инвалидом. Но так и не добились ничего. Она не выдала своего «мужа»-разведчика, который после войны стал ее супругом. После войны чету Черчиллей приветствовал в Букингемском дворце король, Одетта Симпсон из его рук получила высочайшую награду Соединенного Королевства – орден Подвязки.

Одним из самых частых собеседников Питера Черчилля в Заксенхаузене был советский генерал Бессонов. Диалоги, приведенные в книге, затрагивают различные вопросы войны и мира. Англичанин общался с русским с неподдельным удовольствием, выделяя его из множества других солагерников. Называл даже пророком. Эта характеристика еще больше прилепилась к Бессонову после печально знаменитого варшавского восстания 1944 года. Советские войска вплотную приблизились к Варшаве, призывали варшавян к восстанию против фашистов. Те, надеясь на помощь советских войск, поднялись на восстание. Никто в эти дни не мог предположить, что советские войска окопаются и будут сторонними наблюдателями кровопролитных боев в Варшаве. Лишь советский генерал Бессонов в Заксенхаузене с самого начала был уверен, что так именно и случится. Он убеждал Черчилля в том, что это месть. Еще одна, после катынских расстрелов, месть Сталина непокорным полякам.

Так кратко можно пересказать самые волнующие главы из книги Питера Черчилля «Дух в клетке».

Последняя беседа с Бессоновым. В Заксенхаузене уже слышен рокот танков союзных войск. Англичанин предлагает генералу бежать, затеряться. Но он отказывается. Говорит, что это бесполезно. Его все равно выследят, найдут, расстреляют. И идет сдаваться советским войскам.

...Помните Александра Джона, который неведомым образом оставил свой след в архиве КГБ Коми республики? Именно он сообщил, что под Сыктывкар был заброшен еще один немецкий десант «Ульм». После знакомства с главами из книги «Дух в клетке» Валентина Пашинина вычислила этого агента. Похоже, он один из тех, с кем в свое время общался Питер Черчилль, и который, впрочем, как и многие агенты, работал на несколько разведок сразу.

Историческая мозаика

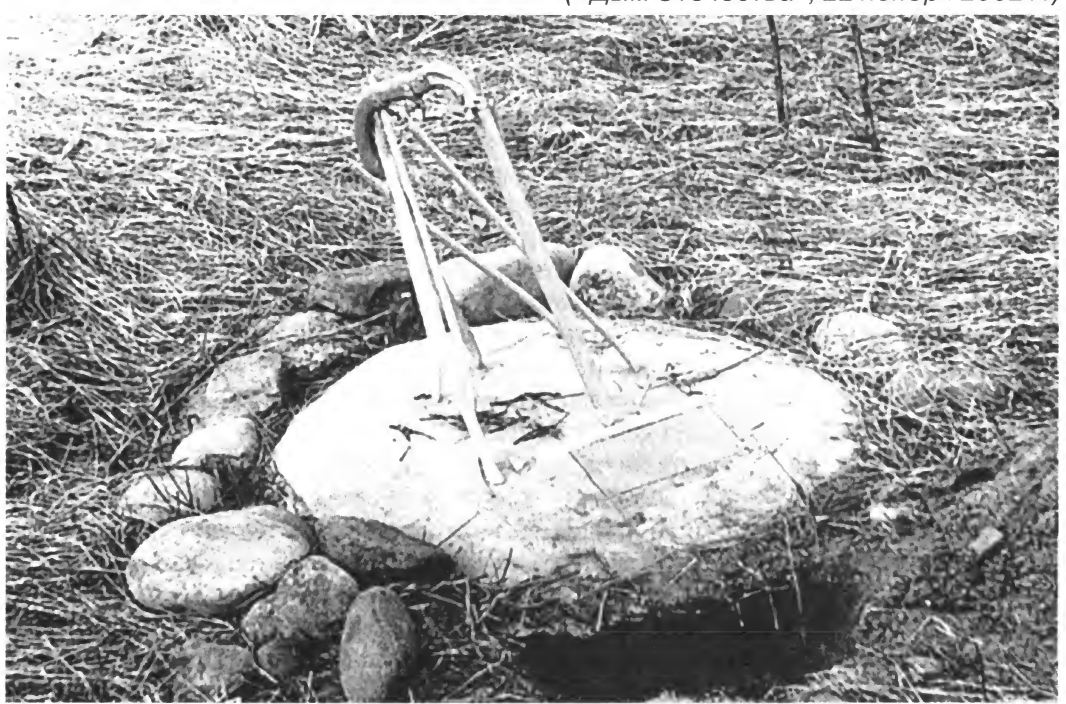
Репатриированных на родину генералов-власовцев, как известно, расстреляли в 1946 году. Генерала Бессонова тоже приговорили к расстрелу. На суде он держался уверенно. На вопросы отвечал четко. Когда спросили, признает ли себя виновным, отчеканил: «Виновным признаю себя полностью». Лишь раз в сердцах бросил, мол, и немцы, и свои посчитали его провокатором за одно и то же.

У генерала Бессонова осталась семья, четверо детей. Возможно, они живы. Но добраться до них пока не удалось. Его расстреляли в 1950 году. В тот «тихий» год были расстреляны десятки военачальников – генералы Гордов, Рыбальченко, Кириллов, Крупенников, маршал авиации Худяков...

Судьба генерала Бессонова неординарна, противоречива, сложна. Впрочем, сложны и противоречивы многие события и судьбы людей, о которых упоминается в этом рассказе. Вот несколько штрихов. В 1942 году будущий десантник Александр Доронин обучался в Пуховичском военном училище в Великом Устюге. Курсанты этого училища принимали участие в преследовании фашистских десантников, высадившихся возле Коноши – Няндомы. Доронин мог быть в их числе, если бы неожиданно, еще до окончания учебы, его не призвали на фронт. Там он попал в концлагерь, а затем в состав немецкого десанта. И последнее. На сдавшихся в Кедровом Шоре десантников были заведены уголовные дела. Но приехавший из Москвы генерал Мешик порвал порочащие их документы прямо на глазах «диверсантов». Он же приказал им молчать, а если спросят о прошлом, говорить, что они чисты. Между прочим, генерал Мешик разделил участь своего патрона – Берии, был расстрелян вместе с ним в 1953 году.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 22 ноября 2002 г.)

Памятный знак на месте высадки печорского десанта, установленный сыктывкарскими скаутами.

Остался в Абези

Сегодня, когда любая мало-мальски значительная дата в жизни конкретного человека или какого-то предприятия выливается в помпезное и шумное мероприятие, непонимание и горечь вызывает забытый юбилей человека поистине мирового масштаба.

13 декабря исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося русского ученого и философа Льва Платоновича Карсавина. Последние годы жизни Карсавина прошли за колючей проволокой вдали от близких и дорогих ему людей. Он умер и похоронен под Интой, в Абези, где несколько лет назад стараниями энтузиастов найдена и приведена в божеский вид его могила.

Ни один живой цветок не лег к подножию этой могилы в эти зимние дни, ознаменованные памятной датой в судьбе выдающегося мыслителя. Хотя этот юбилей, как никакой другой, мог стать поводом для проведения и уроков памяти, и книжных выставок, и, наконец, республиканской конференции, посвященной осмыслению прошлого и настоящего с участием ученых-философов.

Судьба Льва Карсавина не только трагична, многогранна, но и поразительна. До самого последнего часа в нечеловеческих условиях лагерей ученый размышлял и работал. Все его работы, от первых набросков до последних черновиков, посвящены мировой гармонии. Тому, что важно во все времена, тому, что особенно необходимо всем нам сегодня.

Долгие годы жизни выдающегося ученого связаны с Литвой. Именно литовцы в преддверии памятной даты навестили прошлым летом могилу Карсавина в Абези. Под эгидой Министерства культуры Литвы торжественные мероприятия, посвященные философу, прошли в эти дни в прибалтийском государстве.

Большинство из этих материалов тоже присланы к нам в редакцию из Литвы. Их подготовила Людмила ШЕРЕНАС, в недавнем прошлом – сыктывкарка, сейчас сотрудница Центра геноцида в Вильнюсе, объединяющего бывших узников сталинских лагерей.

Краткая биография Л.П.Карсавина

Выдающийся философ, историк, богослов, лингвист Лев Карсавин родился 13 декабря 1882 года в Петербурге в семье одного из ведущих танцовщиков Мариинского театра Платона Карсавина. Он брат Тамары Карсавиной, прима-бале-

рины Мариинского театра, звезды знаменитого Дягилевского балета, одной из легендарных танцовщиц начала XX века.

Л.Карсавин изучал историю в Петербургском университете, обучался за границей. Октябрьскую революцию встретил профессором истории Петербургского университета. В 1922 году – первый арест. В 1928 году Карсавин стал профессором Каунасского университета. В конце Второй мировой войны арестован и отправлен в лагеря ГУЛАГа. Умер 20 июня 1952 года в п.Абезь Коми АССР.

Основные труды: «Ноктес Петрополитанас», «Джордано Бруно», «Философия истории», «Диалоги», «Церковь, личность и государство», «Католицизм», «Теория истории» и др.

Лев Платонович Карсавин.

Лето 1952-го

Немного узников Абезьского лагеря осталось в Литве. Один из ныне здравствующих – Ионас Карла. Убеленный сединами, невысокого роста, крепкий в свои 78 лет, он не слишком охотно вспоминает о лагерном прошлом. И при этом безо всякого трагизма. Мол, такая выпала судьба.

В Абезь Ионас попал по 58-й статье в 1948 году. С 1944 года и до ареста сражался в рядах лесных братьев, отчаянно сопротивлявшихся приходу на территорию Литвы советской власти, олицетворением которой в те годы были люди в форме НКВД.

При поимке получил шесть пулевых ранений, едва выжил, на всю жизнь остался инвалидом.

Тяжелое состояние и стало причиной того, что попал он в Абезьский лагерь для больных заключенных.

– Первые два года был легкотрудником, – вспоминает Ионас, – работал то на кухне, то на складе, то в хирургическом отделении стационара, раздавал больным еду. В 50-м, когда оправился от ранений, меня включили в похоронную команду, и ежедневно под конвоем я отправлялся на лагерное кладбище копать могилы для умерших заключенных. Это были не могилы, а длинные канавы в метр глубиной, куда укладывались гробы. В день хоронили по 7-10 человек. Случалось – больше, случалось – меньше. Но мы не ждали «разнарядок», а просто копали, долбили мерзлую землю кувалдами в любую погоду. Грелись в специально выстроенной будке. На зиму мы обложили ее мхом, внутри была печурка, согревались чаем. В команде было человек 20. Помимо русских, украинцев, литовцев работали поляки, чехи, румыны.

Гробы сколачивались наспех, и пока их несли на кладбище (а это был неблизкий путь, через весь поселок), доски рассыпались и из щелей выпадали то руки, то ноги. Как могли, поправляли. К ногам умерших привязывались бирки с номерами. Таблички с соответствующим номером надлежало укреплять и на могильных холмиках. Но наш бригадир Москалев (он был из блатных) не отличался пунктуальностью и эти таблички вколачивал в мерзлую землю, не особо разбираясь, кто под каким номером лежит.

О профессоре Карсавине я, конечно, знал. Это был один из самых именитых заключенных Абезьского лагеря. Но он был очень болен и редко выходил из больничных стен. Так что увидеть мне его не довелось. Не удержала моя память и каких-то деталей его похорон. Я общался со своим земляком, врачом Владасом Шимкунасом, который сердечно опекал Карсавина и, насколько знаю, сделал все возможное, чтобы достойно проводить профессора в последний путь.

Лагерь притуплял в заключенных остроту восприятия. Каждый словно прятался в невидимую глазу оболочку. Но лагерь также проверял людей на человечность. И не только заключенных, но и тех, кто был «по ту сторону». Тепло вспоминаю ленинградский конвой, сопровождавший нас на работу и с работы. Ребята пережили в войну блокаду и, возможно, поэтому были сердечней, чем кто-либо из охраны. Был еще конвой вологодский – те держали дистанцию и мало нам сочувствовали.

...В Абези я пробыл шесть лет и ни разу не предался унынию. Я жил одной мечтой – увидеть родину. В 1954 году меня перевели в Инту, на шахту 10 ОЛПа, где я проработал еще год, после чего был освобожден и вернулся в Литву.

«Я здесь все больше живу воспоминаниями...»

Арестовали Л.П.Карсавина в июле 1949 года в Вильнюсе. Он к тому времени преподавал в Вильнюсском художественном институте. За год до этого отправили в мордовские лагеря его дочь Ирину. Ученого обвинили в «застарелой контрреволюции» (принадлежности к Евразийскому движению) и антисоветской пропаганде.

После ареста жену Лидию и дочь Сусанну из квартиры выселили в подвал.

Съедаемый миллиарным туберкулезом, на пороге своего 70-летия, Л.Карсавин был заточен в Абезьский особый лагерь для больных заключенных (вокруг Абези было девять лагерей, а на известном кладбище хоронили только людей из этого лагеря). На момент, когда он писал это письмо, он находился в медстационаре 4-го Абезьского ОЛПа, где плохо кормили, а лечил больных грубый помощник лекаря (лекпом). Но в письме Карсавин ни на что не жалуется. Лишь незадолго до смерти его переводят в 1-й больничный ОЛП, где работал его друг, врач, тоже заключенный Владас Шимкунас. Там Карсавину было легче, но жить ему оставалось совсем немного.

«7.08.1951.

Дорогие мои Лида и Суся, крепко вас целую. Сегодня год уже, как нахожусь здесь. Здоровье мое поправилось сравнительно с прошлым годом, и в общем чувствую себя физически довольно сносно. Конечно, годы дают себя знать. Но условия существования до сих пор были вполне сносными. Лечили меня и от легких (это старая история), и от сердца старательно и внимательно; даже пополнить недостававшие зубы удалось, так что теперь полон рот чужих зубов. Ем достаточно и голодным ни разу себя не чувствовал. Конечно, надоедает однообразие пищи, но здесь помогают ваши посылки, иногда же покупаю какие-нибудь вкусности в

ларьке, например, повидлы (были очень хорошие). Чтобы не забыть, сейчас же о посылке. Лучше всего на внутренней стороне крышки пишите химическим карандашом или чернилами список содержащегося в посылке. Из прочего же я бы просил класть и несколько спичечных коробков. Здесь временами недостаток в спичках. Масло до сих пор ни разу не портилось (как об этом спрашивали в одном из писем). Вообще же потребности мои те же... чай, сахар, табак. Всего посылаемого мне хватает. Курю же довольно (!) много. Главное же – не тратьте деньги, так как и вам самим нужны. Получать посылку приятно и не столько из-за ее содержания, сколько из-за того, что знаешь, кем и как каждая вещь положена. Воображаю себе ясно весь процесс составления посылки, хлопоты, и все волнует. Вообще материальное ваше положение меня очень беспокоит. Думаю, что и помещение сыро и плохо. Еще беспокоюсь о вашем здоровье. Показывайтесь доктору. Тебе бы, дорогая, следовало постоянно подлечиваться, а то я здесь воображаю, всякие заболевания возможны. Сусю мне страшно жаль: так как ей все в жизни не удается. Но сожаление не лекарство, а редкими письмами никак ее не успокоить и ничему не поможешь. Я здесь все больше живу воспоминаниями, и каждый день вас вспоминаю и представляю себе. Винишь себя за прошлое: того-то не сделал, того-то не сказал или к тому-то невнимательно отнесся. И, право, много от своей (никчемности?) выражать свои чувства. Мучительно вспоминаю, как последний раз (т.е. предпоследний) видел Иришу, когда она уходила на службу. Лицо у нее было расстроено. И не могу себе простить, что часто на нее раздражался, когда она нуждалась в сочувствии. Будете писать ей – и от меня передайте. Хотелось бы мне, дорогая Лида, чтобы ты поняла, как я всегда тебя любил и ценил. Только отношения своего никогда показать не умел. Единственное мое желание сейчас провести свои последние годы с вами. Но все же я здесь держусь и в отчаяние не впадаю. Держусь сколько можно. По-настоящему работать здесь я, само собой разумеется, не могу. И это досадно, так как внутренняя возможность налицо, и мыслей больше, чем требуется. Казалось бы, только возьми и записывай. Но вся моя работа, к сожалению, сводится к размышлениям, следов от которых не остается. Да и трудно обдумывать что-либо большое, не делая систематических записей, переработок и т.п. Насчет чтения не очень все в порядке. Состав читаемых книг случаен. От вас получил Леонова, Чаплыгина, Данте, Дж.Бруно, Брюсова и еще что-то (сейчас не упомню). Времени же свободного у меня сколько хочешь, т.к. по возрасту и инвалидности работать мне не приходится. Да, правду сказать, на физическую работу я бы и не годился: слишком скоро от всего устаю. Климат переношу хорошо, хотя лето у нас было плохое, а эти дни стоит точно и осенняя. Но м.б., как и в прошлом году, еще будут хорошие дни. Вообще лучшее время года здесь, видимо, зима. Тогда больше всего солнечных, хотя и коротких, дней. Хотелось написать обстоятельное письмо, да вот ничего не вышло. И хотелось бы много сказать, да не выговаривается как-то. Только не забывай, что вспоминая всю нашу прошлую жизнь, я признаю, что неудачно она сложилась, но все же считаю ее моею и нашей жизнью, и другой бы вместо нее не хотел. Мог бы сделать ее лучше и от этого страдаю; многое только теперь в ней понял и увидел; но повторяю – заменить ее другой не согласился бы. Крепко целую и тебя и дорогую Сусю.

Ваш Л.К.»

(Письмо печатается в сокращении.)

Как это было

Рука была теплой

(Отрывок из книги А.А.Ванеева «Два года в Абези»)

«Палата между тем просыпалась. Виктор Луи, спустив ноги с кровати, смотрел близорукими и не вполне еще проснувшимися глазами. Потом надел очки и сразу приобрел свой обычный интеллигентный вид. В ожидании завтрака все стали разговаривать. Так, в ленивых разговорах, прошло что-то около получаса. Дверь в палату приоткрылась. Мы думали, что это санитар несет завтрак. Но это был не санитар. В дверь заглянул Шимкунас, я понял, что ему нужно что-то мне сказать, и пошел к выходу. Пока шел, я припоминал, что сам собирался попросить Шимкунаса о чем-то, но о чем – никак не вспоминалось.

Когда я вышел, Шимкунас сказал:

– Тридцать минут назад скончался Карсавин.

Вот как. Значит, Карсавин скончался. Как ни был я внутренне подготовлен к этому, все равно это было неожиданностью. Я спросил: мучился ли он? Шимкунас ответил, что, наверное, да, так как он до конца был в ясном сознании. Имени умершего мы называть избегали, называя его местоимением третьего лица. Я спросил:

– В фанерную кабину его перекладывали?

– Нет, – сказал Шимкунас, – незачем было перекладывать, поблизости от него соседей не было.

Одна из бесчисленных могил на Абезьском кладбище.

– А где он теперь? – спросил я.

– В морге. Я пришел, чтобы проводить вас туда, – сказал Шимкунас, – пойдите, попрощайтесь.

В морге был светлый день. Но солнечный свет не проникал сюда, окна были завешены белой тканью.

На невысоком деревянном топчане лежал Карсавин. Лежал прямой, во весь рост, руки вдоль тела. В лице его уже не было припухлости, раздвоение бороды почти исчезло, она сделалась прежней.

Подойдя, я взял его руку. Его рука сохраняла еще податливую мягкость и теплоту. Так я стоял, держа его за руку. Я глядел в его лицо. Линии рта и бровей были

По воспоминаниям дочери Петра Семеновича и Нины Васильевны Шараповых – Людмилы Петровны Голдиной, с назначением отца на должность министра в их семье мало что изменилось. Разве лишь то, что поменяли квартиру в деревянном двухэтажном здании на жилплощадь в кирпичном трехэтажном доме по Кирова, 26. Здесь семье министра финансов предоставили три комнаты. По тем временам – роскошь. Но квартира министра гудела ульем, напоминала коммуналку. Не успели вселиться, приехала учиться в город одна из сестер Нины Васильевны, затем другая, потом третья. Все останавливались и подолгу жили у Шараповых. Не обходила стороной их дом и многочисленная родня Петра Семеновича. Ни о каких отдельных комнатах для детей министра не было и речи.

С началом Великой Отечественной войны в Сыктывкар из блокадного Ленинграда эвакуировались жена и сын старшего брата Петра Семеновича. А с ними еще одна знакомая женщина с ребенком. Всех приютили Шараповы и оставили у себя до снятия блокады.

Людмила Петровна говорит, что родителям и в голову не приходило отказать кому-либо. Они считали, что живут лучше других, лучше других питаются. Так оно и было. Министрам полагались спецпайки, которые очень выручали семью, особенно в военные годы. Макаронами, консервами, печеньем Людмила всегда делилась со своими одноклассниками, которые приходили в гости. Петр Семенович был неприхотлив в еде, мог ограничиться картошкой в мундире, самым простым деревенским супом. Не отличалась привередливостью и Нина Васильевна. Выходцы из деревни, супруги самым большим лакомством считали ягоды и грибы, которые сами и собирали.

Квартира министра финансов была обставлена скромно. Лишь самое необходимое, никаких излишеств. Единственным украшением служило рукоделие Нины Васильевны. Еще в юности она научилась отлично вышивать: окна украшали занавески, расшитые модными в то время узорами ришелье.

Но рукодельничать Нине Васильевне удалось недолго. Ее решительность, бившая через край энергия требовали другого выхода. В годы войны она пошла на курсы юристов. Успешно закончила их. После чего стала прокурором по гражданским делам. Но почему-то с юри-

Супруги Шараповы с внуком Сергеем. Начало 60-х годов.

совершенной точности, с каковою он исполнял свою обязанность, несмотря на то, что место настоящей его службы вне Петербурга.

Считая своим долгом обратить внимание начальства на похвальное служение г. Карцова и получив согласие г. Главного директора Пажеского и Сухопутных кадетских корпусов, беру смелость ходатайствовать перед Вашею Светлостью о награде сего чиновника орденом Св. Владимира 3-й степени.

Формулярный о службе его список и по установленной форме ведомость при сем имею честь представить».

Любое упоминание о Царскосельском лицее неразрывно связано с именем Александра Сергеевича Пушкина. А обратившись к материалам о лицее пушкинских времен, нетрудно определить, о ком идет речь в рапорте. Это Яков Иванович Карцов.

Профессор физических и математических наук Я.И.Карцов стоит в одном ряду с такими наставниками лицеистов, как В.Ф.Малиновский, Е.А.Энгельгардт, Ф.П.Куницын, Н.Ф.Кошанский, Д.И. де Будри, А.И.Галич, С.Г.Чириков, Ф.О.Пешель. Эти имена остались жить благодаря воспитанникам Царскосельского лицея, среди которых был и великий русский поэт.

Яков Иванович Карцов происходил из семьи духовного сословия, родился в 1784 году. После окончания в 1803 году Смоленской духовной семинарии поступил в Санкт-Петербургский университет. Еще в студенческие годы будущий профессор проявил свои незаурядные способности. Свободно владея немецким языком, он перевел на русский «Высшую физику» немецкого ученого Шредера. Учебник сразу же после выхода на русском языке был рекомендован для преподавания в гимназиях.

По окончании института Карцов едет для усовершенствования знаний за границу. Слушает лекции в Иенском, Галльском, Геттингенском университетах, а также в Париже. Способности русского студента за границей получают высокую оценку. Его принимают в члены Иенского Минералогического ученого общества и удостаивают чести быть действительным членом Ботанического общества в герцогстве Ольденбургском.

Три года спустя Карцов снова в Петербурге. В 1811 году он становится адъюнкт-профессором и в том же году получает назначение в Царскосельский лицей.

Из воспоминаний о лицее известно, что приоритет здесь отдавался гуманитарным наукам. Естественные науки многими лицеистами игнорировались. Не отличался особыми познаниями в математике и Пушкин. Лучший друг поэта И.И.Пущин писал: «Надо сказать, все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. Как-то Карцов вызвал Пушкина к доске решать алгебраическую задачу. Лицеист долго переминался с ноги на ногу, молча писал какие-то формулы. На вопрос преподавателя, что получилось, ответил: «Нуль». На что профессор сказал: «Садитесь на свое место и пишите стихи». Пущин продолжает так: «Спасибо и Карцову, что он из математического фанатизма не вел войны с его поэзией».

Остался карикатурный портрет профессора Карцова, вышедший из-под пера еще одного лицеиста – А.Илличевского. Невысокий, сутулый человек с крупной головой. Сам Пушкин своего учителя упомянул в стихотворении, датированном 1817 годом.

Почтенный профессор Царскосельского лицея ушел из жизни 15 февраля 1836 года. Эта смерть опечалила близких Карцова еще и тем, что всего немного он не дожил до 25-летия своей службы. А раз так, семья лишалась существенных льгот.

Вдова профессора – Каролина Федоровна – взялась хлопотать о выделении ежегодной пенсии и единовременного пособия. Но хлопоты растянулись на несколько лет, и всех причитающихся денег вдова профессора так и не получила.

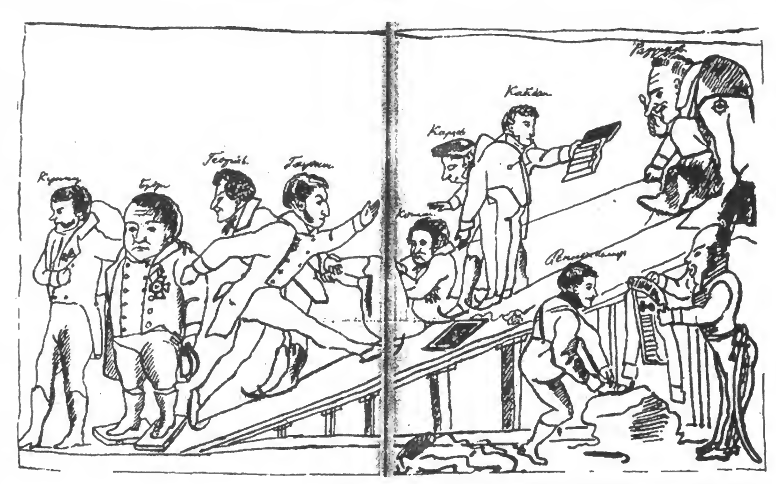

Рисунок лицеиста Илличевского.

Материальные затруднения преследовали Карцовых и в последующие годы. Один из сыновей Якова Ивановича служил штабс-капитаном. В 40-е годы XIX века он ввязался в тяжбу по квартирному вопросу, которая тоже растянулась на несколько лет.

Пошатнувшееся положение решил поправить внук профессора Карцова – Леонид Александрович. Искать счастье в столицах он не стал, а отправился на одну из окраин империи. Около четырех десятков лет он состоял на таможенной службе. Многие годы стоял у руля Мезенской таможенной заставы. Позже жил в Архангельске.

Так петербуржцы Карцовы стали северянами. Вот почему в наших краях очутились и документы этой семьи.

Леонид Карцов имел трех сыновей. Средств на обучение всех отцу явно не хватало. Тогда же родился еще один документ из стопки пожелтевших бумаг. Он датирован 14 ноября 1903 года.

«Его Превосходительству господину Управляющему Архангельскою таможнею по управлению Беломорскими таможенными учреждениями.

Управляющего Мезенского таможенного заставой Карцова

Прошение.

29 октября сыну моему Георгию исполнилось 9 лет, а потому на основании 30 ст. Положения об особых преимуществах службы в отдаленных местностях империи я ныне приобрел право на получение денежного пособия на домашнее воспитание названного сына».

Из других документов явствует, что еще один сын таможенника – Александр – в начале XX века обучался в архангельском торгово-мореходном училище. Технический склад ума династии Карцовых и здесь дает знать о себе. Из всех предметов курсанту никак не дается лишь русский язык. По нему стоят одни двойки.

Еще один документ ставит точку над последним «i»: объясняет, как и когда архив Карцовых «переехал» из Архангельска в Коми. Для этого следует процитировать эти строчки:

«Начальнику Управления Ухтпечлага НКВД старшему майору государственной безопасности тов. Морозу.

Находясь в заключении при Ухтпечлаге на севере более трех лет и работая по линии УРГ последнее время в Усть-Усе в качестве секретаря и начальника УРГ Усин-

ской Водной – Усинской транспортной группах, с работой таковой знаком. Прошу Вашего распоряжения о зачислении по вольному найму на должность секретаря АТК при Отдельном лесопункте вверенного вам управления до навигации 37 года».

Автор этих строк – Николай Леонидович Карцов. 5 декабря 1936 года его освобождают из-под стражи. Но судя по этим строчкам, покидать Ухтижемлаг вчерашний заключенный не торопился. К сожалению, на этом заявлении иссякает и стопочка семейного архива Карцовых. Можно лишь предположить, что коль он остался бесхозным, значит, Николай Карцов не уцелел. Хотя, быть может, читатели газеты опровергнут это предположение и подскажут адреса потомков царскосельского профессора.

Николай СУРКОВ,
доцент пединститута.
(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

«Здесь вам не советская власть, а Коми область»

В истории нашего края немало страниц, от которых больно и стыдно. Но ни стереть, ни забыть их невозможно

Невзрачное деревянное здание на обочине усть-куломской трассы сохранило многие атрибуты гулаговского режима. Массивные металлические скобы, насмерть приваренные к дверям железные ручки, стальные прутья решеток на окнах... Все осталось так, как было полвека и больше назад. Здесь когда-то располагалась комендатура Локчимлага. Один из тысяч островков архипелага ГУЛАГ. «Мемориальцы» из Корткеросского района в этом здании хотели бы обустроить небольшой мемориальный музей. Дело благое. Но пока невыполнимое. Бывшая лагерная комендатура уже много лет используется под жилье. Житель поселка Аджером Геннадий Смирнов живет под ее крышей давно и может многое рассказать о каждом из закутков бывшей комендатуры. «Я занимаю одиночные камеры, – делился он с нами, показывая свое жилище. – А напротив – многоместные камеры». «А там, – машет рукой за стенку, – расстреливали. За домом – лагерное кладбище». От перечисления – мороз по коже. Обитателю же лагерных апартаментов, судя по тону его речи, от страшного прошлого, пронизывающего его дом, хоть бы что. Он привык к этому. Встреча с человеком, который напрочь отметает от себя страшное прошлое, – лишь одно из потрясающих открытий, которые мы сделали, прикоснувшись к истории этих мест.

Голодный хлеб

В Национальном архиве РК хранится пухлое дело, привлекающее к себе внимание с самых первых страниц. Один из пожелтевших документов, подшитых в него, венчает размашистая подпись самого Ягоды, тогдашнего наркома внутренних дел. А перелистнув еще несколько страниц, натыкаешься на конвертик. В нем хранится самое существенное вещественное доказательство по начатому расследованию. Это кусочек эрзац-хлеба. Темно-коричневый, почти черный брусочек. Он изготовлен почти 70 лет назад. Любой хлеб за такое время претерпел бы изменения: заплесневел, искрошился. Этот остался в первозданном виде. Так как это вовсе не хлеб. А смесь всего, чем можно обмануть голодный желудок. Но не наесться.

Между этим каменным брусочком и подписью «кровавого» наркома прослеживается самая прямая связь. Выдаваемый вместо хлеба «антрацит» фигурирует в уголовном деле против руководства Северного (или Пезмогского) комбината Управления исправительно-трудовых учреждений. Так официально именовался один из первых на территории Коми республики лагерей. Он был создан всего два года спустя после организации печально знаменитого Ухтпечлага. Известно, что первая партия заключенных на берег Чибью прибыла в 1929 году. А в 1932 году появился собрат Ухтпечлага близ коми села Пезмог.

История создания Ухтпечлага скрупулезно исследована и воссоздана историками и краеведами. Благодаря им удалось даже установить фамилии всех, кто первыми прибыли на Ухту. О Пезмогском комбинате, так же, как и о его преемнике – Локчимлаге, до сих пор известно очень мало. В Корткеросском районе, на территории которого они располагались в свое время, люди говорили: «Этапы сюда идут и идут, а обратно не возвращаются».

Чудом сохранившийся кусочек эрзац-хлеба – один из ответов на вопрос, почему обстояло так. В начале 30-х годов этот же «вещдок» стал в центре беспрецедентного для нашего края расследования. Было взято под стражу все руководство Пезмогского комбината. Дело контролировал лично Ягода.

Кусочек лагерного хлеба, «подшитый» в следственное дело.

Умирай, но работай

Создание Пезмогского комбината ГУИТУ совпало по времени с принятием в стране второго пятилетнего плана. Взоры руководства страны обратились к отдаленным и труднодоступным районам. Север и был из таких. Силами аборигенов или даже вольнонаемных освоить огромные территории было немыслимо. Планов громадье требовало бесплатную и многочисленную рабочую силу.

Идея создания в Северном крае крупного комбинированного производства – лесопромышленного и сельскохозяйственного – принадлежала начальнику Северного краевого управления ИТУ

И.Карповичу. Ее поддержали и в Москве, и в руководстве Северного края. Первоначально было два варианта строительства комбината: в бассейне реки Верхняя Тойма в Архангельской области и по берегам реки Локчим Коми автономной области. В конце концов остановились на Локчиме. Свою роль сыграло обещание активно содействовать строительству председателя Коми облисполкома Ф.Г.Тараканова, а также лесные массивы по реке Локчим, в десятки раз превосходящие архангельские по В.Тойме. Планировалось, что Пезмогский комбинат станет частью триединой промышленно-транспортной зоны в Коми. Железная дорога Сыктывкар – Пинюг свяжет край с центром, а лес из Локчима будет поступать на построенный в Сыктывкаре целлюлозно-бумажный комбинат.

Житель Аджерома Г.Смирнов.

Не успели высохнуть чернила на бумагах о принятии эпохального решения, как в Пезмог прибыли первые партии заключенных. Между прочим, слово «заключенные» в лексиконе начала 30-х годов почти отсутствовало. Прибывших в Пезмог подневольных людей в документах обозначали так: «л/свободы». Иногда сокращение расшифровывалось: «лишенные свободы». Но это лишь всего штрих, можно сказать, мелочь.

Первыми обитателями наспех сколоченных лагерных бараков в Пезмоге стали 150 полностью обессилевших человек. С мая 1933 года, с открытием судоходства на реках, число освоителей локчимских лесов и болот стало увеличиваться. Опять же сюда попадали большей частью доходяги. В августе один из руководителей комбината докладывал в Москву, что из Ленинграда снова прислали партию цинготников в количестве 78 человек. Большой наплыв нетрудоспособного контингента, видимо, отчасти объяснялся тем, что Пезмогский комбинат, в отличие от других объектов, отгороженных колючей проволокой, располагался не в глубине республики, а рядом со столицей. Дальше везли людей относительно здоровых. Здесь же оставляли тех, кого уже покинули силы.

Пир во время чумы

Те же, у кого сил по прибытии оставалось достаточно, здесь быстро обессиливали. Пезмогский комбинат разрастался. Появились Позтыкеросская и Локчимская колонии. В ведение комбината были переданы шесть спецпоселков: Емельстан, Соль, Сапыч, Веж, Вуктыль, Теплогорка. Основной костяк лагнаселения (Пезмогский комбинат по сути и был лагерем) составляли вчерашние крестьяне. В лагерной документации их четко подразделяли на зажиточных, кулаков, середняков, бедняков, колхозников.

Спецпоселок Веж. Его население к концу 1934 года насчитывало 180 человек. Из них – 80 детей, 20 нетрудоспособных, 30 человек обслуги. Даже судя по этим

цифрам, иждивенцы в отдаленном лесном поселке в несколько раз превышали число трудоспособных. Последние должны были прокормить себя, несколько человек, живущих рядом, и вкалывать на государство. «Подобной каторги мы до сих пор не видели», – говорили подневольные. Но помощи ждать им было неоткуда.

Здание бывшей лагерной комендатуры.

Хотя о гулаговских нравах немало написано, документы, попавшие в наши руки, заставляют сожалеть, что они обойдены пером талантливого беллетриста. На сотнях страниц одного из дел по Пезмогскому комбинату в качестве действующего лица фигурирует... капуста. Если картошка для многих сходила за второй хлеб, то капуста для заключенных была все. Первым делом в Пезмог ее и завезли. Целых 350 тонн. И вся она сгнила на берегах Локчима. Обвинили за это начальника снабжения Управления строительства комбината Алейникова.

Испортилось и около 360 мешков муки, каждый по 80 килограммов. Провиант поместили в сырые, сколоченные из непросушенных досок склады, вся мука заплесневела, задубела. Начальство, узнав об этом, отыгрывалось на заключенных. Выдача хлеба на многих участках производилась в три часа ночи, в кромешной темноте, в давке, на улице. Руководство комбината этими мерами пыталось оправдать свое головотяпство и разгильдяйство. Вот, мол, каким трудом достаем и доставляем хлеб насущный.

Тот же Алейников позже ничтоже сумняшеся оправдывался: «Мне было известно, что в шести спецпоселках колонии существует большая смертность среди спецпереселенцев на почве недоедания, так как я выдавал детям и взрослым нетрудоспособным и временно потерявшим трудоспособность по 165 грамм муки, лишая их дополнительной выдачи другого продовольствия, кроме 10 г сахара и 6 г крупы. Следствием выдачи голодного пайка являются случаи смерти спецпереселенцев, доходящие по отдельным поселкам до семи человек в день... Одновременно с учащением случаев смертности в спецпоселках у меня в колонии были громадные излишки продовольствия, которые и до настоящего момента лежат без движения».

Эти излишки вскрылись во время следствия. В 1933 году рабочие не могли идти в лес из-за отсутствия обуви. А 250 пар сапог снабженцами комбината было замуровано... в гурты овса. Лагначальство снабжало продовольствием своих ближних и дальних родственников. Посылки, отправляемые ими из Сыктывкара в Москву, тянули на 40 и более килограммов. Жили припеваючи, заказывали все, что душеньке угодно. В делах фигурируют коробки с печеньем, мешки конфет, батареи душистых одеколонов...

Обратной стороной этого изобилия стало... людоедство, зафиксированное в нескольких спецпоселках. «Л/свободы» хотели выжить любой ценой.

Сербская мафия

С материалами уголовного дела о злоупотреблениях руководства Пезмогского комбината нас разделяют десятилетия. Сколько воды утекло... Сколько за прошедшие годы обнародовано документов, предано огласке дел, казалось бы, досконально описано многострадальное лагерное житье-бытье. Но с каждым новым документом становится очевидно, что эта тема неисчерпаема. Дело о пезмогских злоупотреблениях интересно и тем, что оно более других показывает суть и сущность людей, поставленных в 30-е годы «исправлять» пороки других людей.

Кто же они, эти начальники, доведшие строительство комбината до ручки, а тысячи людей – до могилы?

Сохранились фотографии одного из них. Это упоминавшийся уже Алейников, отвечавший в Севкомбинате за снабжение. Обычный, судя по снимку, человек, достаточно симпатичный, приятный. Немного щеголеватый, но это можно списать на молодость и военную профессию. Дмитрий Алейников родился в Енакиево Екатеринославской губернии в шахтерской семье. В 1914 году призвали на фронты империалистической. Отправили учиться в школу прапорщиков. Прапорщик оказался способным, дослужился до подпоручика. Воевал в Деникинской и Колчаковской армиях. Белых офицеров, перешедших в Красную армию, судя по литературе, вроде как не особо жаловали. Но Дмитрий Алейников не только оставался офицером и у красных, но в 1921-1922 годах сумел устроиться в особый отдел (!) штаба 22-й пехотной дивизии. Не бедствовал и в последующие годы. Но, видимо, не избежал каких-то промашек. За это и поплатился. По негласному закону тех лет начальниками северных лагерей, а также их заместителями становились чаще всего проштрафившиеся высокопоставленные чины из центра. Отбыв «ссылку», многие возвращались назад.

Ближайшими сподвижниками Алейникова в Пезмоге были сербы. Первый начальник комбината Иосиф Карпович, его заместитель Петр Станимирович, ставший преемником Карповича на посту начальника Пезмогского комбината. Еще один серб из лагначальства – Федор Теодорович. Сейчас бы об этой «троице» сказали – сербская мафия. Это недалеко от истины. Наверняка все трое были давно знакомы. А «ссылка» одного из них потянула от «греха подальше» и остальных.

Сербы, уроженцы Черногории и Боснии, попали в Россию на гребне революции. В 1918 году в Тамбове из них был организован «Югославский рево-

За этими дверями – жилище Г.Смирнова.

люционный отряд Красной гвардии». Как и многие интернационалисты, сербы храбро сражались с врагами революции. Петр Станимирович был обладателем именной серебряной шашки с надписью «Храброму воину Красной армии», а также именного маузера с серебряной рукояткой. После Гражданской войны революционера-интернационалиста жизнь прибила к Карелии. А оттуда – к Коми.

Славная революционная биография руководства Севкомбината рассеивается как мираж, когда знакомишься с их дальнейшими деяниями. Или, может, от них трудно ожидать чего-нибудь другого. Весь мир для них был окрашен в черное и белое, а люди делились на своих и врагов. Значит, с врагами можно было не считаться. И делать безбоязненно все, что вздумается. Самое неблаговидное, самое жестокое.

Кремлевские тайны

Из ответов Алейникова на допросе: «Кроме того, я сажал «л/свободы» в трюм баржи, которая стояла около колонии комбината. Этим методом я хотел поднять дисциплину среди «л/свободы» и заставить их лучше работать». Он же придумал такое наказание. За малейшую провинность сажал заключенных на крыши склада, где люди просиживали часами, мерзли в стужу, коченели на юру.

Сохранилось свидетельство одного из «л/свободы», бывшего ленинградского рабочего Д.Виноградова. «В колонию я прибыл этапом 14 октября 1933 года. Встретило наш прибывший этап начальство комбината, в том числе и начальник управления Станимирович. Когда вывели нас с парохода на берег, то Станимирович подозреваемых в кражах, а их нашлось шесть человек, выстроил в одну ше-

Памятный камень на месте Севкомбината и Локчимлага.

ренгу и стал им угрожать, что «за грабежи и за кражи мы здесь расстреливаем» и что «мы вас завтра же расстреляем». Так нагнал страх не только на этих шесть человек, но и нам страшно стало, что здесь за режим такой. Нас разместили по баракам, в которых должно было размещаться по 30-40 человек, а размещали по 300 и больше. Подъем на работу полагался в 5 утра, а поднимали в 2 часа утра. Постоянно налетало начальство, а особенно выделялся Теодорович (политрук колонии), у которого при себе всегда имелась плетка. Начальство кричало: «Эй вы, урки, вставайте. Сюда приехали не к маменьке в гости. Здесь вам не советская власть, а Коми область».

Революционеров, красных бойцов и офицеров в нашей литературе долгие годы восхваляли за скромность, непритязательность в быту. Начальники Севкомбината, а позже и коменданты Локчимлага тоже вышли из этой плеяды. Но спартанские условия жизни их явно не устраивали. Еще сегодня посреди поселка Аджером возвышаются развалины бывшего кремля. Так здешние жители окрестили дом начальника лагеря. Экскурсия по окрестностям поселка (кстати, поселок Аджером раньше назывался Пезмогом, как и соседнее с ним село) даст возможность воскресить и другие стороны безбедной жизни лагерных чинов. К их услугам, правда, уже в локчимлаговские времена, был даже аэропорт с личным самолетом коменданта. О парниках, теплицах и грядках в личном пользовании, но с подневольным трудом говорить не приходится.

В Севкомбинате процветало пьянство. В одном из архивных документов есть такой пассаж: «Карпович – этот рыцарь без страха и упрека, пьянствовал и развратничал перед отъездом из Пезмога в Москву. У сожительницы Изъюровой забыл револьвер, который она ему привезла в Сыктывкар. Здесь Карпович развернулся до того, что... пьянствовал двое суток, проспал отходящий пароход в Котлас. И уехал только на следующие сутки. На вопрос, как поступить с пропавшим билетом, ответил, что купить на другой, а этот представить в отчете как просроченный ввиду задержки по делам в обкоме».

Еще один эпизод подтверждает изречение, что от трагического до комического – один шаг. В комбинате праздновали очередную годовщину Октября. Решили устроить демонстрацию. Но людей для шествия не набиралось. Тогда пригнали из бараков заключенных. Выстроили их в колонны. Впереди верхом на лошади ехал начальник Пезмогской колонии Поддымов. За ним – оркестр. За оркестром – колонны «л/свободы». Замыкала шествие вооруженная винтовками охрана, подгоняющая прикладами отстающих. Местные жители такую демонстрацию подняли на смех. Это лагначальство не смутило. Вечером они закатили банкет, подрались, затем началась пальба из револьверов.

Д.Алейников (в центре) до революции.

Беспредел, царящий в комбинате, безнаказанность вышестоящего начальства развязывали руки и мелким сошкам. Во время следствия по делу о злоупотреблениях, вскрылось, например, что один из них принуждал к сожительству женщин «л/свободы». Беззаконие приняло такие масштабы, что уркам, которых, к слову, в Пезмоге было немного, ничего не стоило изнасиловать женщину во время какого-то киносеанса. А политрук колонии Теодорович мог расстреливать заключенных только исходя из каких-то своих туманных предположений.

Четыре года позора

Четыре года – такова биография Севкомбината. Но урон и последствия, нанесенные этим «монстриком» Локчимскому краю, людям, как живущим здесь, так и приехавшим сюда не по своей воле, ни с чем не сопоставимы. В здешние бараки, в комендатуру, в кремль уходят корнями и многие из зол и проблем сегодняшнего дня.

Строительство Севкомбината меньше чем четыре года спустя было признано ошибочным. Железная дорога Сыктывкар – Пинюг осталась недостроенной. А раз так, то отпала необходимость возведения в столице автономной области целлюлозно-бумажного комбината. Освоение Локчимского лесного бассейна стало бесперспективным. На ветер оказались выброшены огромные деньги, исчислявшиеся десятками миллионов рублей.

Но ни с какими деньгами не сравнимо то, как отразилась эта стройка на людях. Кстати, два года спустя после основания Севкомбината руководство ГУИТУ предпринимало последнюю попытку придать вес и значение своему детищу. Оно было признано ударной стройкой. Но этот порыв накрыла волна беспросветности, беспредела.

В начале 1934 года около 70 заключенных Лопыдинского отделения Пезмогского комбината не могли выйти на работу. Были почти голые, многие болели. Руководство комбината, только-только объявившее об ударных темпах работы на колониях, вышло из себя. В Лопыдино прислали специальную опергруппу. В 40-градусный мороз опера погнали 50 заключенных в Мордино, а оттуда – в Позтыкерос. Почти все получили сильнейшие обморожения. Видимо, не сладко пришлось и оперативникам, конвоировавшим этап. Иначе чем объяснить то, что по дороге они потеряли почти пятую часть колонны. Только в Позтыкеросе заметили отсутствие семерых подконвойных. Пошли искать. Но рыскать по лесам и селам не пришлось. Все семеро лежали вдоль дороги. Окоченевшие, умершие.

Кто мог, убегал. Сыктывкарское начальство слало в Севкомбинат гневные письма: в городе нет проходу от убежавших из Пезмога заключенных. Число убежавших из зоны «л/свободы» лишь за сутки достигало 20-30 человек. В июле 1933 года в Пезмогской колонии числилось в бегах 20,6%, в августе – 25%, в сентябре – 23,4% заключенных. С 1 июля по 1 ноября 1933 года со строительства комбината убежало 483 человека, из них 62 умерли.

Уголовники, убежавшие из лагеря, объединялись в разбойные группы. Одна такая шайка из бандитов-беглецов Севкомбината скрывалась в лесах возле села Керчомъя.

Беспрецедентных размеров в населенных пунктах рядом с Пезмогскими колониями достигло воровство. Убежавшие из зоны люди тащили все, начиная от живности, кончая овощами с огорода. Не редкостью были убийства зеками местных жителей. Сельское население возмущалось. Дошло до открытого противодействия. В селе Позтыкерос председатели сельсовета и колхоза вместе с односельчанами пытались разогнать направлявшийся к ним этап. В Мордине и Лопыдине люди кричали вслед лагерному начальству, чтобы они убирались отсюда. Все это не оставалось незамеченным, многие из местных за такое «недружелюбие» поплатились и работой, и свободой.

Преступление без наказания

Последнюю точку на комбинате руководство ГУИТУ поставило 13 марта 1934 года. Руководство Коми области еще недолго сопротивлялось этому решению, полагая, что промышленное освоение края оправдывает все жертвы. Но противостоять мощной структуре, какой в то время было Управление исправительно-трудовых учреждений, не смогло.

В 1934 году завершилось следствие по делу о начальственной тройке Севкомбината – Алейникову, Станимировичу, Карповичу. Их обвинили в беспримерной бесхозяйственности, в халатном отношении к своим обязанностям. Суд над руководством комбината состоялся в Сыктывкаре в феврале 1935 года. Но уже в январе 1936 года дело было прекращено. Начальству комбината удалось собрать «неопровержимые» улики в свою защиту. Можно лишь догадываться, что судебная развязка над своими пусть и проштрафившимися кадрами совсем не устраивала их московское начальство, даже самого Ягоду. Дело замяли. Осужден был лишь один Карпович как бывший руководитель комбината. Алейников и Станимирович отделались легким испугом – их сняли с работы.

...Следственное дело, от которого волосы дыбом, закончилось безрезультатно. Нет уже, наверное, и никого из упоминавшихся на его страницах людей. Бог всем судья. Лишь лежит в конвертике немой свидетель тех, уже давних событий. Закаменелый брусочек хлеба, черный как земля. Да осталось жить имя человека, который после посещения Локчимских колоний послал посылочку с лагерным хлебом в ОГПУ. Это сделал старший инженер Управления строительства комбината В.В.Воропаев.

Леонид КЫЗЪЮРОВ, Ирина БУКИНА, Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
г.Сыктывкар – Корткеросский район
(«Дым Отечества», 22 марта 2003 г.)

Два мужа графини Брасовой

Кого только не перевидела Коми земля за трагический XX век! Тысячи, миллионы людей оказались выбиты из привычной жизненной колеи и превратностями судьбы закинуты на далекий Север. Среди тех, кто в середине 20-х годов прошлого века несколько лет провел в Усть-Сысольске, был и Владимир Вульферт.

Это имя неожиданно всплыло в третьем томе мартиролога «Покаяние». Случайно в архивах МВД обнаружилась достаточно объемная коллекция фотографий, на которых остались запечатленными административно высланные в Коми область люди. Эти снимки – в фас и профиль – опубликовали в книге «Покаяние». К сожалению, почти никаких комментариев к ним обнаружить не удалось.

На одной из этих фотографий запечатлен некто Владимир Владимирович Вульферт, высланный по статье 58.12 от 10.12.1926 года на три года в Усть-Сысольск. В графе «место работы» указывалось, что до революции он служил в полиции. Вот, пожалуй, и все скупые сведения о сухопаром человеке, чей портрет пощадило время.

Владимир Вульферт в усть-сысольской ссылке.

Третий том мартиролога «Покаяние» вышел в свет в 2000 году. Вскоре после этого у меня завязалась переписка с московской семьей с усть-сысольскими корнями. Ирина Борисовна Елагина доводится внучкой усть-сысольскому священнику Михаилу Земляницыну. В одном из своих писем, как всегда богатом воспоминаниями и рассказами о прошлом Усть-Сысольска, моя корреспондентка поведала такую историю.

В 20-е годы Усть-Сысольск был буквально наводнен ссыльным людом. Один из них, по фамилии Вульферт, снял комнату в доме батюшки Михаила Земляницына. Священник, сдав комнату постояльцу с женой, какое-то время оставался в неведении, кто же он такой. Однажды на улице к нему подошел поп Еремеевский и с удовольствием «открыл глаза» хозяину дома на его постояльца. От него батюшка Михаил и узнал, что у Вульферта это вторая жена, дочь богатого фабриканта из Москвы. А первую свою жену ему пришлось уступить... великому

князю Михаилу Александровичу. Конечно, он не просто так уступил свою красавицу половинку, а взял с князя за нее большой выкуп. Так и разошлись. Теперь всех разбросало по миру: Вульферт очутился в захолустном Усть-Сысольске, князь Михаил расстрелян большевиками, а его жена успела сбежать за границу...

Сомнений быть не могло: человек, запечатленный на лагерном снимке, который вошел в третий том книги «Покаяние», и постоялец земляницынского дома в Усть-Сысольске в 20-е годы – одно и то же лицо.

В своем интересе к судьбе ссыльного Вульферта и его бывшей жены я оказалась не одинока. О перипетиях треугольника «Вульферт – его первая жена – великий князь Михаил» много писали еще до революции, по горячим следам событий. Новая волна интереса к этой семейной драме вновь наблюдается сегодня. Что же удалось узнать? Довольно объемная запись об этом осталась в дневниках Мориса Палеолога, посла Франции в России. 10 февраля 1916 года он писал:

«Проезжая около четырех часов по Литейному, я заглянул в антикварную торговлю Соловьева. Я стал рассматривать в глубине безлюдного магазина французские издания XVIII века. В это время входит стройная дама лет тридцати и садится за столик, на который для нее кладут папку с гравюрами.

Она прелестна. Ее туалет свидетельствует о простом, индивидуальном и утонченном вкусе. Из-под расстегнутой шиншилловой шубки видно платье из серебристо-серого шелка, отделанное кружевами. Шапочка светлого меха очень идет к ее пепельным волосам. Выражение лица гордое и чистое; черты прелестны; глаза бархатистые. На шее при свете зажженной люстры сверкает ожерелье из чудесного жемчуга. С большим вниманием разглядывает она каждую гравюру; иногда она от напряжения мигает и приближает лицо к гравюре. По времени она наклоняется направо, где около нее поставлена табуретка с другой папкой гравюр. Малейшее ее движение отдает медленной, волнистой, нежайшей грацией...

Выйдя на улицу, вижу за своим автомобилем другую элегантную машину. Мой выездной, который все знает, спрашивает меня:

– Ваше превосходительство, вы не узнаете эту даму?

– Нет. Кто это?

– Графиня Брасова, супруга его высочества великого князя Михаила Александровича.

Я еще ни разу не встречал ее до войны – она жила за границей, а затем почти всегда в Гатчине.

Ее романтические приключения, наделавшие много скандала, свойства довольно заурядного. Ее девичья фамилия была Шереметьевская. Дочь мос-

Наталья Брасова с семьей за границей.

ковского адвоката и польки, Наталия Сергеевна вышла в 1902 г. замуж за московского купца Мамонтова. Через три года она с ним развелась и вышла замуж за гвардейского ротмистра Вульферта. Полком синих кирасир, где служил ее новый муж, командовал великий князь Михаил Александрович, брат государя. Она немедленно стала его любовницей, всецело завладев им: с тех пор он стал послушным орудием ее замыслов.

Михаил был человек в высшей степени слабый в смысле воли и ума. Но в то же время он был сама доброта и скромность и очень привязчив. Несколько лет перед тем он увлекся фрейлиной своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, г-жей Косиковской, которой он легко вскружил голову обещанием жениться. Но когда он сообщил об этом матери, которую очень боялся, она подняла шум, упрекала его, делала сцены. Так из этой идиллии ничего и не вышло.

Г-жа Вульферт, особа интеллигентная, ловкая и энергичная, повела дело необычайно искусно. Прежде всего она развелась с Вульфертом. Потом она родила. Тогда великий князь объявил о своем решении вступить с ней в брак, несмотря на крайнее недовольство государя. В мае 1913 г. любовники поселились в Берхтесгадене, на границе Верхней Баварии и Тироля. В одно прекрасное утро они выехали в Вену, куда раньше отправился их доверенный. В Вене была православная церковь, устроенная сербским правительством для своих подданных. Настоятель этой церкви за тысячу крон наскоро тайно обвенчал высокую чету.

Извещенный об этом браке, Николай страшно прогневался. Он издал торжественный манифест, лишавший своего брата права условного регентства, которое он ему даровал по случаю рождения наследника. Кроме того, он учредил над ним по сенатскому указу опеку, как это делается над несовершеннолетними или слабоумными. Въезд в Россию ему был воспрещен.

Но пришлось все-таки считаться с некоторыми последствиями свершившегося факта. Нужно было, например, придумать фамилию для той, которая отныне стала законной супругой великого князя Михаила. Брак ее был морганатический, и стать особой императорской фамилии, носить имя Романовых она не могла, поэтому она приняла титул графини Брасовой, по имению, принадлежавшему великому князю, было даже получено высочайшее согласие на титул графа Брасова для ее сына.

Супруги-изгнанники вели самый приятный образ жизни – то в Париже, то в Лондоне, то в Энгадине и Каннах. Сбылось то, чего желала Наталия Сергеевна.

После объявления войны им было дозволено вернуться в Россию. Великий князь был назначен командиром казачьей бригады. Он проявил боевое мужество. Но его слабое здоровье скоро расстроилось, и ему пришлось оставить полевую службу и получить какие-то неопределенные обязанности по инспекторской части; он жил то в Гатчине, то в Петрограде.

Говорят, что графиня Брасова старается выдвинуть своего супруга в новой роли. Снедаемая честолюбием, ловкая, совершенно беспринципная, она теперь ударилась в либерализм. Ее салон, хотя и замкнутый, часто раскрывает двери перед левыми депутатами. В придворных кругах ее уже обвиняют в измене царизму, а она очень рада этим слухам, создающим ей определенную репутацию и популярность. Она все больше эмансипируется, она говорит вещи, за которые другой отведал бы лет двадцать Сибири...»

Еще несколько фактов об этих людях удалось почерпнуть из мемуаров ве-

ликого князя Александра Михайловича (1866-1933), дяди последнего русского императора Николая II. Он так характеризует племянника Михаила: *«Михаил был на 11 лет моложе Государя. Он очаровывал всех подкупающей простотой своих манер. Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал методическим умом и выдвинулся бы на любом посту, если бы не заключил своего морганатического брака. Это произошло тогда, когда великий князь Михаил Александрович уже достиг зрелости, и поставило Государя в очень трудное положение. Император желал своему брату полного счастья, но в качестве Главы Императорской семьи должен был следовать предписаниям Основных Законов. Великий князь Михаил Александрович женился на госпоже Вульферт (разведенной жене капитана Вульферта) в Вене и поселился в Лондоне. Таким образом, в течение долгих лет, предшествовавших войне, Михаил Александрович был в разлуке со своим братом и в силу этого никакого отношения к делам управления не имел».*

Великий князь Михаил Александрович.

Еще одно высказывание, где всплывает фамилия Вульферт, обнаружилось в книге Стаффана Скотта «Романовы», изданной уже в наши дни, в начале 90-х годов XX века.

«Подобно многим членам фамилии, он (Михаил) женился против воли государя, причем пошел дальше других, ибо избранница была вторично разведена, что в 1911 году встречалось реже, чем сегодня. Он женился в Вене на Наталии Шереметьевской, в прошлых браках Мамонтовой и Вульферт. О ней рассказывают, надо думать без преувеличения, как о самой неотразимой красавице Петербурга. Их сын Георгий родился в тот же год, что они обвенчались, и со временем ему был пожалован титул графа Брасова. Путешествуя инкогнито, Михаил Александрович имел обыкновение называться «князем Брасовым», а его супруга стала именовать себя «княгиней Брасовой», хотя никто не давал ей такого титула; во всяком случае, документа, что таковой ей был Николаем пожалован, не существует. Брасовом называлось любимое имение Михаила Александровича.

Великому князю Михаилу Александровичу минуло к моменту Февральской революции тридцать восемь лет. После революции он жил в Гатчине под Петроградом.

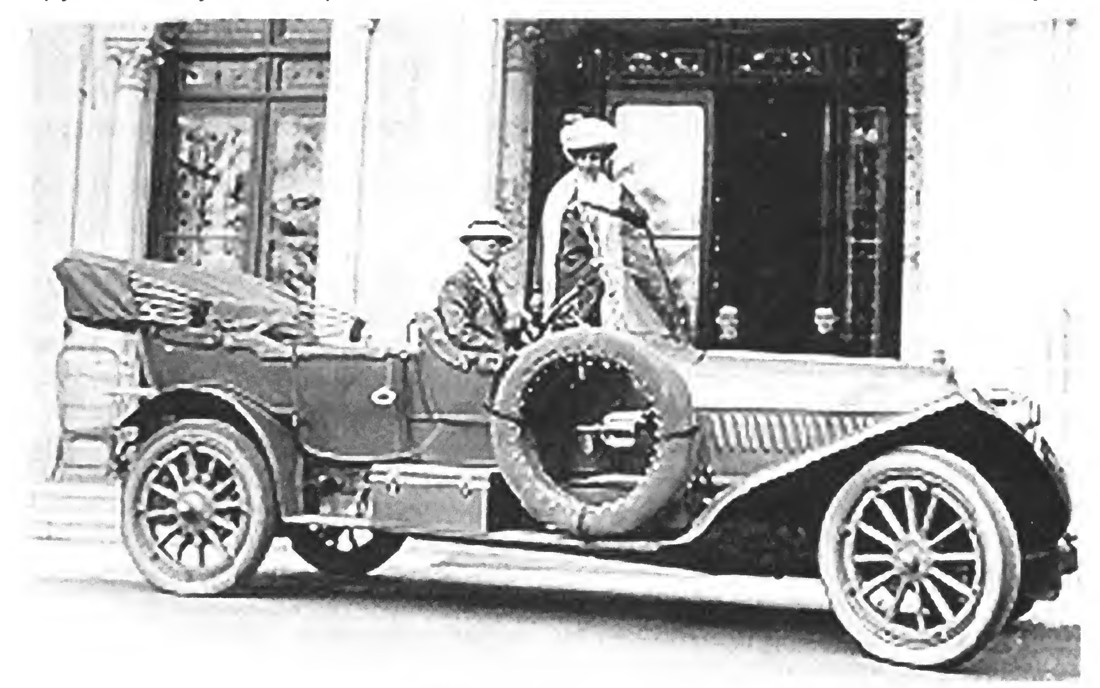
В августе его ненадолго арестовали, потом выпустили. В феврале 1918 года большевики отправили его в Пермь, и в ночь с 12 на 13 июля, за несколько дней до убийства царской семьи, он был расстрелян в лесу вместе со своим секретарем Николасом Джонсоном.

Его жене было во время революции тридцать шесть. В 1919 году она прибыла в Лондон и долгие годы жила в нищете на положении беженки. В такой же бедности она умерла в Париже в 1952 году. Ее единственному с Михаилом сыну Георгию не так везло с автомобилями, как отцу: он погиб в автомобильной катастрофе в 1931 году, не дожив двух дней до двадцати одного года».

Так трагически завершила земные дни эта известная в России семья. А следы второго мужа «неотразимой красавицы Петербурга» обрываются в Усть-Сысольске. В конце 20-х годов он с женой выехал отсюда, но куда – неизвестно. С изрядной долей вероятности можно предположить, что человек, пусть даже против его воли так близко связанный с царской семьей, не ушел от «возмездия» советской власти. И был, скорее всего, расстрелян.

И последнее. В 20-е годы в Коми области наблюдался небывалый всплеск интереса к истории своего края, зародилось и ширилось краеведческое движение. На те же годы пришелся расцвет журнала «Коми му», в котором печатались экономические, статистические, краеведческие материалы о Коми крае, нацеленные на его будущее освоение и развитие. Свою лепту в это дело внес и Владимир Вульферт.

В одном из номеров журнала «Коми му» им сделан подробный обзор и анализ фондов Коми областного музея. Автором этой работы Вульферт стал не случайно: будучи в ссылке в Усть-Сысольске, он некоторое время работал научным сотрудником музея. В середине 20-х годов ссыльные еще имели возможность уст-

Супруги Михаил Романов и Наталия Брасова за границей.

роиться на государственную работу. Но прошло совсем немного времени, и любым послаблениям для «врагов народа» пришел конец.

Статья Вульферта в журнале «Коми му» заканчивается очень ясными, мудрыми, значительными словами, смысл которых не потерял своей актуальности и по сей день: «Нужно много работы, много любви к своему краю, к музею, его олицетворяющему, и все могущие принести ему какую-либо пользу должны это сделать и словом, но не словом осуждения, без желания ближе подойти к его жизни и нуждам, а словом совета, а главное – делом, работой». Как знать, быть может, это последние слова усть-сысольского ссыльного, оставленные им при жизни на бумаге?

Анна МАЛЫХИНА.
(«Дым Отечества», 19 апреля 2003 г.)

Из коммунистов – в святые

В конце прошлого года Священный синод Русской православной церкви причислил к лику святых Павла Елькина. Это семнадцатый наш земляк, чья земная жизнь прославлена Церковью. Между тем личность Павла Николаевича Елькина едва ли не самая противоречивая из всех семнадцати. Убежденный коммунист, один из активных участников установления советской власти в Коми крае, в конце жизни он прилепился к Церкви, был обвинен по делу о «Священной дружине» и расстрелян.

В 20-30 годы прошлого столетия за веру пострадали тысячи людей, сотни священнослужителей и мирян были расстреляны. В Священном синоде Русской православной церкви материалы на канонизацию анализируются очень тщательно. Решения о причислении к лику святых удостаиваются лишь самые-самые. К удивлению многих, Павел Елькин попал в это число.

В решении синода наш земляк значится как святой Павел. Уже написана икона с его ликом. И вполне возможно, что иконописец сверялся с портретом из книги… «Очерки истории Коми областной партийной организации».

На одном из снимков, помещенных в книге, запечатлена группа активистов Усть-Сысольской городской парторганизации. В первом ряду сидят известные деятели первых послереволюционных лет: Я.Потапов, А.Маегов, Е.Напалков… А в центре снимка – П.Елькин. Памятный кадр сделан в 1928 году. А спустя девять лет Елькина расстреляли как ярого… церковника.

Примеров, когда большевик или коммунист в трагические 30-е годы перешел в стан Церкви, очень мало. Поэтому хотелось бы лучше проследить его жизненный путь, чтобы понять мотивы и причины, побудившие так кардинально все изменить и повлекшие гибель. Но сделать это почти невозможно. Документы фиксируют лишь видимые события жизни: даты, места работы… Другая жизнь – мучительная, внутренняя – осталась нигде не запечатленной.

Родина Павла Елькина – село Шошка Сыктывдинского района. Он родился в 1876 году. Как и в любой крестьянской семье, детей было, что называется, семеро по лавкам. После Павла родились Михаил, Василий, Александр, Иван, Мария... Десятилетнего Пашу взял к себе дед, проживавший в Усть-Сысольске. Здесь он окончил приходское училище. 16-летним подростком получил навыки кузнеца и слесаря в мастерской при земской управе. А в двадцать лет от роду поехал на Урал, на Богословский завод, где стал зарабатывать на жизнь распиловкой дров. Оттуда же в 1897 году его взяли на военную службу.

Службу проходил в Петербурге. Поставили его старшим подмастерьем в оружейной мастерской. Закончил службу в чине младшего унтер-офицера. С невскими берегами расстаться не торопился, пошел работать на завод слесарем.

На родину вернулся только в 1906 году. Устроился на Нювчимский чугунолитейный завод. С этого времени и вовлекла его политическая жизнь. В руки стали попадать различные листовки, манифесты, брошюры. Павел слыл среди собратьев-рабочих человеком грамотным. Ему и наказывали писать всякие прошения, выступать перед начальством.

Павел Елькин с супругой. 1925 г.

Но тут неожиданно он снова уезжает в Питер. Хотя уже не холостяк – жена и двое детей. Служит агентом в знаменитой компании «Зингер», затем становится управляющим строительством гражданских зданий. Но снова возвращается на родину. В 1909 году устраивается буровым мастером в изыскательную партию. Едет на Ухту, где пробуют добывать нефть. Три года мотается по буровым. Очередной зигзаг в судьбе – поступает в школу шоферов. А по ее окончании работает в углепромышленной компании Беккеля, на пивоваренном заводе.

К началу империалистической войны за плечами Елькина не только богатая событиями и разъездами жизнь, но и редкая для тех лет специальность – шофер. На русско-германском фронте он крутит баранку, одновременно заведует техническими складами в авиационном отряде. С воодушевлением встречает известие о революции. С вестями о свержении царского режима вновь приезжает на родину.

Павел Елькин с головой окуна-

ется в переустройство жизни. Ведь он не только демобилизованный с фронта солдат, крестьянский сын, но и «пролетарият» – так он обозначает себя в личном листке ответственного работника, оформленном в начале 20-х годов. Как говорится, и флаг ему в руки. В разгар Гражданской войны его назначают заместителем уездного продкомиссара и членом уисполкома. После гражданской возглавляет транспортный подотдел, торговые организации. В анкетах Елькин пишет, что присутствовал на VI всероссийском съезде советов, на уездном съезде советов, на VIII партийном съезде РКП...

Дом Елькиных в местечке Кочпон. 50-е годы.

В конце 20-х годов, судя по тем же архивным документам, Павел Николаевич отходит от дел. Трудится лишь инструктором по пожарному делу. К этому времени он уже немолод, наверняка не прошла бесследно для здоровья и бурная с молодости жизнь. Судя по снимку, помещенному в книге о парторганизации Коми области, его еще чтят, помнят. Но человек в косоворотке, с высоким с залысинами лбом, видимо, уже во многом разочарован. Пытается осмыслить происходящее. А тут жизнь разворачивается на все 360 градусов. Начинаются массовые репрессии.

...Местечко Кочпон. По обе стороны дороги тянутся старые, иссиня-черные от времени дома. В одном из них и жила семья Елькиных. Удивительно, их дом до сих пор не только стоит, но и обитаем. Правда, хозяева – чужие люди, купившие этот дом.

По соседству живет дочь Павла Николаевича – Людмила Павловна Забоева. Радушная, открытая, приятная женщина. Узнав о цели нашего визита и интересе к ее отцу, не может сдержать слез: «Столько воды утекло, а все перед глазами. За отцом пришли зимой 1937 года...»

Рассказывает, что дети в ту ночь спали на полатях. Вдруг стук в дверь. Затем – громкие голоса, какая-то сутолока. По избе ходят военные люди с наганами. Роются в сундуках, в шкафах, переворачивают кровати. С улицы доносится шум и топот. Рыщут в амбаре, в сарае, на сеновале. Плачет мама. А вслед за ней ревом заводится младший брат. Уже под утро отцу велят одеться. Его куда-то уводят. Все, с концами.

А через полгода забирают и маму. Люду с братом определяют в детдом. Через пять лет из Чибью возвращается мама. Измученная, больная, совсем старуха. Ей бы отдохнуть, подлечиться... Но на дворе – 1942 год. Через год женщина умирает.

Людмила Павловна в жизни не потерялась. Помогла вера родителей в Бога. Как помнит себя, мама водила их с братом в Кочпонский храм. Позже дорогу сюда проторил и отец. В 30-е годы в Сыктывкар жизнь прибила многих незауряд-

Людмила Павловна Забоева (Елькина).

ных людей, в том числе и священнослужителей. Пристанищем для них стал храм в Кочпоне. Здесь находили приют и молились фрейлины императорского двора, ссыльные епископы. Знакомство с ними, видимо, и перевернуло жизнь коммуниста Елькина. Наверное, не последнюю роль сыграла и жена, исполнявшая в одно время роль старосты при Кочпонском храме. Как бы то ни было, Павел Николаевич стал не только прихожанином, но и активным сторонником церкви. От Бога он не отрекся даже перед лицом расстрела.

Дочь Елькина о гибели отца долго ничего не знала. Ведь только в последнее время были обнародованы архивные материалы о деле так называемой «Священной дружины», якобы действовавшей в сыктывкарском пригороде Кочпон. Тринадцать человек, проходивших по этому делу, – священники и миряне – 15 сентября 1937 года были расстреляны. Среди них и Павел Елькин. Впервые об этом Людмила Павловна узнала от племянницы Инны, живущей в Санкт-Петербурге. Инна – дочь сына Павла Елькина от первого брака. Кстати, сын тоже носил имя Павел, был одним из организаторов первых пионерских отрядов в Усть-Сысольске, написал об этом интересные воспоминания. Павел Павлович погиб в Великую Отечественную. Его дочь еще в начале 80-х годов обращалась в соответствующие органы, чтобы реабилитировали деда. В 1989 году Павла Николаевича Елькина реабилитировали.

После окончания кооперативного техникума Людмила Павловна около сорока лет работала в потребкооперации. Несколько лет назад ее сразил инсульт. Долго лежала без движения. Но вдруг, к удивлению ее четырех дочерей, почувствовала облегчение, стала подниматься, ходить. Тогда она свое выздоровление ни с чем особенным не связала. Но теперь знает, что это заступничество отца. Ведь в то самое время, когда она училась заново ходить, отец обретал нимб святого. Его заступничеством она и выздоровела. Жаль лишь, что брат Володя рано ушел из жизни.

Вспомнила Людмила Павловна и то, как отец возил ее в свою родную Шошку. Там стоял родовой дом Елькиных. Интересно, помнит ли кто там коммуниста-активиста, ставшего святым?

Одна из долгожительниц Шошки – Харитина Михайловна Шурганова – оказалась родной племянницей святого Павла. Ее отец Михаил Николаевич – родной брат Павла Николаевича. Далеко ушла в воспоминаниях бабушка Харитина... Вспомнила трехэтажный дом у самой церкви, в котором до революции Елькины

жили. Потом церковь разрушили. Привязали веревки к крестам, привели школьников тянуть за концы. Скинули кресты и маковки на землю. Колокола на баржу погрузили, хотели увезти куда-то. Да колокола вместе с баржей на дно пошли…

В газете «Коми му» перед Пасхой было напечатано стихотворение «Ыджыд лун». «Ыджыд лун» – так по коми Пасху называют. «Сегодня солнце не нырнет за облака. Колокол поет – Пасха! Нельзя сегодня печалиться, нельзя – Христос воскрес на радость людям…» Подстрочный перевод, конечно, не передает всю палитру чувств автора в преддверии великого праздника. Да и стихов, воспевающих Пасху, много. Но эти строчки во многом символичны. Их написал Михаил Елькин, известный коми поэт, переводчик, главный редактор журнала «Войвыв кодзув». Внучатый племянник святого Павла.

Анна МАЛЫХИНА, Анна СИВКОВА.

Снимки из семейного архива Людмилы Павловны ЗАБОЕВОЙ.

Авторы благодарят Национальный архив РК за содействие в сборе материалов для этой публикации.

(«Дым Отечества», 11 июня 2003 г.)

Жертвы и палачи

85 лет назад в Коми крае была установлена советская власть. Хроника событий лета 1918 года

В нашей недавней истории есть даты, о которых, быть может, не стоило бы вспоминать. Столько за ними страшного, кровавого, несправедливого. Но и забывать их тоже нельзя. Прежде всего потому, чтобы снова и снова извлекать из них уроки. Летом 2003 года исполняется 85 лет со дня установления в Коми крае советской власти. Понадобился почти год, чтобы выстрел с крейсера «Аврора» докатился эхом до наших северных окраин. Последовавшие за этим события в советской историографии много лет преподносились с неизменным революционным пафосом. Но вчитываясь в документы и материалы тех лет, часть из которых представлена здесь, явственно видишь, какие смятение и сумятица царили в те дни в обществе. В конце концов обернулись гибелью безвинных людей. Самым пострадавшим в то лето семейством стала купеческая династия Кузьбожевых, единственных помещиков в обширном Коми крае.

Кузьбожевы: корни и крона

Из архива родовой общины потомков репрессированного духовенства Коми края.

Первое упоминание о роде Кузьбожевых относится к началу XVIII века. Это был крестьянин Благовещенской волости села Пажга Феофилакт Кузьбожев. У него был сын Павел (1729-1811). У Павла Феофилактовича двое сыновей – Василий (1748-1805) и Иван (умер до 1795 года). Сын Василия – Гавриил Кузьбожев (1778-

1824) переселился в 1795 году в село Лозым той же волости и продолжал крестьянствовать. Сын Ивана – Степан Кузьбожев (1784 г.р.) остался в селе Пажга, был грамотным, имел пятерых детей. Один из детей, Кирияк Кузьбожев (1817 г.р.), стал основателем купеческой династии Кузьбожевых. Он переселился в 1880 году в город Усть-Сысольск, заимел здесь деревянный двухэтажный дом со службами по улице Трехсвятительской. Детей у него было девять (четыре сына и пять дочерей).

Двое сыновей Кирияка Кузьбожева, Димитрий и Аифаил, занялись торговлей, продолжили начатое отцом дело и, переселившись в Усть-Сысольск, вошли в купеческое сословие.

У Димитрия Кирияковича Кузьбожева детей было шестеро – четыре сына и две дочери. В 1917 году его наследники имели каменный двухэтажный дом, построенный в 1912 году (до недавних пор в этом доме размещалась администрация Национального музея РК), а также деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте, деревянный одноэтажный дом, деревянный домик, владычные амбары на берегу реки Сысолы.

О детях Димитрия Кирияковича рассказала его внучка Валентина Ивановна Бояринцева, проживающая в Одессе. Ее отец, Иван Димитриевич Кузьбожев (1899 г.р.), учился в Свердловском горном институте. В 1922 году он умер от сыпного тифа. Валентину усыновила сестра отца Парасковья Димитриевна (1890 г.р.), которая была замужем за Евгением Гавриловичем Сорокиным (1887-1943). Сорокин работал техником-строителем, он автор проекта уникального здания в Усть-Сысольске – бывшего родильного дома. Из Сыктывкара семья Сорокиных была вынуждена уехать в 1933 году.

Семья Дмитрия Кузьбожева. 1890 г.

Василий Димитриевич Кузьбожев сменил родовую фамилию, стал Разумовским, окончил духовную семинарию, самостоятельно изучил шесть языков, работал учителем, архивариусом в Сыктывкарском архиве. В начале 1932 года его арестовали, но под залог в 50 рублей золотом выпустили. Вскоре он уехал из Сыктывкара, погиб в годы Великой Отечественной войны.

Петр Димитриевич Кузьбожев в те же годы уехал из Сыктывкара в Красноярск, там и умер.

Мария Димитриевна Кузьбожева (1888-1936) училась в Устюжской гимназии с 1902 по 1906 год. Затем еще четыре года проучилась на Высших

Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге. На последнем курсе сильно заболела, выехала для лечения в Швейцарию, где пробыла до 1914 года. По возвращении в Усть-Сысольск была связана с политическими ссыльными. Сидела за это в тюрьме, заболела туберкулезом. В 1920 году вышла замуж за Василия Ивановича Сорвачева (1884-1942), председателя Коми облисполкома. Скончалась Мария Димитриевна от рака в Ленинграде.

Михаил Димитриевич Кузьбожев также вынужден был уехать из Сыктывкара в Архангельск, где и скончался в 1955 году.

Аифаил Кириякович Кузьбожев (1851-1896) женился в 1880 году на дочери купца Комлина – Надежде Павлиновне. Супруги имели девять детей – троих сыновей и шесть дочерей. Аифаил Кириякович владел в Човской пустоши водяной мукомольной мельницей, двумя деревянными домами и хозпостройками в черте городских владений.

В 1903 году вдова Аифаила Кузьбожева – Надежда Павлиновна – владела 822 десятинами земли. После смерти мужа она оставалась главой большого семейства. Жили в своем имении Човъю 21 человек вместе с прислугой.

«Беспорядки» в Човъю

Из журнала «Коми му», 1924 г., №№ 7-10.

13 июня, около часу дня, и.о. комиссара юстиции П.Ф.Надеевым были получены сведения, что в имении Човъю, принадлежащем наследникам Кузьбожевых, произведен на почве отчуждения земли самосуд над обитателями этого имения. Комиссаром юстиции об этом было сообщено тотчас же председателю исполкома А.М.Мартюшеву и его товарищу А.Ф.Богданову. А.М.Мартюшев, присутствовавший в это время на заседании Лесного съезда (в Усть-Сысольске), посоветовавшись с Богдановым, решили командировать в Човъю члена исполкома А.А.Чеусова вместе с начальником городской милиции Евтушенко и отрядом милиционеров для расследования этого дела и принятия мер к охране жителей имения. Командированные, прибыв в Човъю, застали там дочь хозяйки Н.П.Кузьбожевой Марию Аифаиловну Макарьину-Горовую, которая сообщила прибывшим следующее. Около 12 часов сего дня (13 июня) к ним в имение явилась толпа мещан слободки Нижний Конец с заявлением, что им нужно видеть ее мужа Е.Е.Горового. (Е.Е.Горовой, которому 13 июня были нанесены побои и тяжкое увечье – поломаны ребра.) Толпа была вооружена ружьями и палками. Увидев Горового, толпа бросилась на него и стала избивать. Жена защищала мужа и, когда он упал, прикрыла собою его голову от ударов...

А.А.Чеусовым и начальником милиции Евтушенко было предложено Кузьбожевым выехать в город, а для охраны имения оставлен милиционер И.Потапов. После чего Чеусов и Евтушенко с милиционерами и пятью арестованными участниками буйства отбыли в город. Арестованные были задержаны при милиции.

Через несколько часов к Управлению городской милиции явилась толпа граждан численностью до 300 человек. Человек 50 из них вошли в помещение милиции и потребовали председателя исполкома Мартюшева и начальника милиции Евтушенко. Но ни того, ни другого не оказалось. Толпа освободила арестованных, отобрала вооружение у милиционеров (14 шашек, 23 винтовки и 2 револьвера).

В толпе участвовали: председатель горсовета В.П.Осипов, председатель земельной секции Х.Ф.Кудинов, член земельной коллегии В.И.Сорвачев (впослед-

ствии был председателем областного исполнительного комитета области Коми) и другие.

Вследствие вмешательства в это дело прибывшего к Управлению городской милиции комиссара Архангельского отряда Ларионова толпа сдала оружие в военный комиссариат, оставив у себя одну винтовку, одну шашку и два револьвера.

Толпа разошлась, но из нее шесть человек – Х.Ф.Кудинов, М.И.Молодцов и еще четверо неизвестных граждан – отправились вновь в Човъю, чтобы снять там милиционера Потапова, оставленного начальником милиции Евтушенко. По прибытии их в Човъю Кудинов был убит наповал выстрелом милиционера Потапова...

В 5 часов утра 14 июня уисполком в экстренном своем заседании постановил: «Ввиду происходящих вооруженных выступлений анархической толпы предложить комиссару Архангельского отряда тов. Ларионову арестовать руководителей толпы: В.П.Осипова, члена земельной коллегии В.И.Сорвачева, М.И.Молодцова». Комиссаром Ларионовым в 11 часов утра того же дня был арестован В.П.Осипов, но вечером в тот же день он был освобожден.

Роковой выстрел

Из публикации устьсысольца, краеведа А.Цембера в журнале «Коми му», 1925 г., № 2.

27 мая 1918 г. Кузьбожевы обратились в городской земельный отдел с просьбой разрешить им самим обрабатывать их девять десятин земли, но полу-

Семейство Кузьбожевых на фоне торгового дома. 1910 г.

чили отказ. Тогда Кузьбожевы адресовали ту же просьбу в уездный совет. 30 мая уездный земотдел и исполком решили предоставить Кузьбожевым право обработки земли, но только в текущем году и «с отнесением урожая в общегосударственный фонд».

Еще весной горземотдел решил поселить на части кузьбожевских земель усть-сысольца М.Цивилева. Кузьбожевы собрались выселить Цивилева, тот пожаловался соседям по слободке Нижний Конец, и группа горожан решила провести передел земли явочным порядком. 13.06.1918 г. около 20 вооруженных жителей Нижнего Конца явились в Човъю, избили двух членов семьи Кузьбожевых и потребовали, чтобы Кузьбожевы покинули Човъю, угрожая на следующий день сжечь их вместе с домом. А.М.Мартюшев – председатель исполкома направил члена исполкома А.А.Чеусова с отрядом в Човъю, где они застали картину разрушения. Пять человек, уличенных в избиении и погроме, были арестованы и приведены в городскую милицию. В Човъю для охраны был оставлен милиционер Потапов. Поздно вечером пред. Горземотдела Х.Ф.Кудинов и еще 4-5 вооруженных людей явились в Човъю и пытались ворваться в дом Кузьбожевых. Милиционер застрелил Кудинова. Кузьбожевы отправились в д. Слобода.

Во время погрома в Човъю в доме присутствовали: Мария Аифаиловна Макарьина-Горовая, ее муж Горовой Е.Е. (за принадлежность к социал-демократической партии был сослан в Усть-Сысольск, где и женился на Макарьиной М.А., впоследствии был ректором университета в г. Великий Устюг, затем директором фабрики в Москве), Оплеснина Валентина Николаевна, Кузьбожева Александра Александровна, Макарьина Ирина (Рина) Ивановна, Макарьин Георгий Иванович и другие.

О текущем моменте

Из журнала «Коми му», 1924 г., №№ 7-10.

15 июня, в 6 часов вечера, было назначено в помещении женской гимназии чрезвычайное собрание Усть-Сысольского городского Совета с участием представителей уездной власти.

Председателем собрания избирается единогласно военный комиссар Ларионов.

Оглашается повестка дня: 1) о текущем моменте; 2) о событиях в городе Усть-Сысольске 13 июня; 3) текущие дела. Повестка дня была принята собранием без изменения. По текущему моменту делает доклад тов. Ларионов, его дополняет Д.И.Розанов. Принимается соответствующая резолюция, предложенная тов. Ларионовым.

По второму вопросу – о событиях 13 июня – высказывается много ораторов. Речи их клонятся большей частью к обвинению в неправильных действиях предуисполкома, некоторых членов исполкома и начальника милиции.

Принята была собранием следующая резолюция: «Объединенное собрание, выслушав доклад уездного исполкома и городского совета о происшедших 13 июня несчастиях, жертвою которых пал тов. Кудинов, постановило: 1) вынести недоверие президиуму уисполкома; 2) реорганизовать президиум уисполкома; 3) назначить строгое расследование о действиях исполкома и, если найдутся виновные, предать их суду ревтрибунала; 4) поручить реорганизованному исполкому созыв крестьянского Съезда в срочном порядке». В дальнейшем

председатель собрания просит высказаться о порядке удаления членов исполкома.

Затем собрание постановило: «Милиционера, убившего Кудинова, обязать подпиской о неотлучке, и это дело передать в следственную комиссию».

(Дело о беспорядках в имении Човъю и разоружении милиции революционным трибуналом от 4 августа 1919 года было прекращено в силу амнистии VI съезда Советов 6 ноября 1918 г.)

Есть такая партия!

Из газеты «Зырянская жизнь», 27 июня 1918 г., № 5.

16 июня 1918 года в здании приходского училища происходило организационное собрание граждан, сочувствующих партии большевиков, по инициативе трех действительных членов партии: начальника Архангельского отряда Красной Армии Ларионова, его помощника Дубровина и представителя военного контроля матроса Андрианова. В председатели собранием был избран тов. Ларионов, в секретари – врач Д.И.Розанов.

«Красный террор»

Из публикации А.Цембера в журнале «Коми му», 1925 г., № 2.

9 сентября 1918 года рано утром на берегу реки Вычегды, не доезжая до Визябожа, недалеко от устья Лемъю и Озел вас, в 15-18 верстах от Усть-Сысольска, были расстреляны Надежда Павлиновна Кузьбожева – 60 лет, Нина Аифаиловна Кузьбожева – 22 года, Ирина Ивановна Макарьина – 17 лет. В расстреле участвовали Мориц Мандельбаум, Потапов, Н.Н.Суворов, И.П.Андрианов, Д.И.Розанов, латыш Дундер, матрос Исаков. Это было первое проявление красного террора в Коми крае. Уездная газета «Зырянская жизнь» сообщила об этом 19 сентября 1918 года. К этому времени городской каменный дом Кузьбожевых уже был занят Усть-Сысольской ЧК.

«Под венец вышла»

Из повести А.Мурзина и В.Новоселова «Тайна далекой пристани». Коми книжное издательство, 1970 г.

Их вывели на пустынный берег рано, еще туман висел клочьями, золотился в паутинных, холодных лучах солнца. Перед этим Кузьбожиха истово молилась с дочерью и внучкой на палубе – опять командир зачем-то разрешил, и кучка отрядников, ежась, долго смотрела, как все трое молча, на коленях, вздымали руки к небу, били о палубу свои последние, страшные поклоны этому миру. Яма была готова, и старуха Кузьбожиха зашагала с трапа прямо к куче сырого песка. Нина и Рина, в городских пальтишках, шли, взявшись за руки. У могилы... Кузьбожиха... сказала громко: «Стрелять их, потом меня». Мандельбаум – злой, голенастый – удивленно пожал плечами, усмехнулся. «Это фаш перед смерть шелайт. Пошалюста!»... Дробко хлестнул залп, загукал в лесу. Старуха, охнув, медленно побрела к могиле... Она поцеловала там, внизу, мертвые дорогие лица и теперь встала прямая, будто под венец вышла. Мандельбаум в ту же секунду выстрелил сам. Яму засыпали спешно, холмик вышел неряшливый, низкий. Кто-то догадался, однако, бросить к изголовью кучку стрельчатых листьев ивы.

«Все лично мною расстреляны»

Из донесения начальника отряда корпуса советской охраны (ВЧК) М.Мандельбаума командующему Котласским районом А.И.Геккерну о результатах первой военной экспедиции на Печору от 5 октября 1918 г.

Прибывшая 28 августа с.г. в г.Усть-Сысольск Архангельская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем сообщила о занятии белогвардейскими бандами с.Усть-Цильма. Чрезвычайная комиссия, обратив на это строгое внимание, выделила мне 11 товарищей для организации отряда и немедленного отправления на Печору.

С помощью тт.Андрианова, Розанова, Суворова и Исакова – членов усть-сысольской организации партии коммунистов (большевиков) – удалось экстренно создать отряд в 60 штыков, но снабжение отряда необходимыми военными припасами и продуктами первой необходимости, а также лошадьми для разведки не обошлось без принятия репрессивных мер по отношению к некоторым гражданам: мною расстреляны мать с дочерью Кузьбожевы и Макарьина за неподчинение распоряжению и оскорбление Российской Коммунистической партии.

Только 8 сентября удалось отправиться с отрядом по направлению к Печоре вверх по Вычегде.

Семья одного из братьев Кузьбожевых.

9 сентября отряд прибыл в с. Корткерос. Следуя далее, мне приходилось также бороться в с.Небдино, где мной была наложена контрибуция и конфискованы мануфактуры и др. товары, скрытые от продажи.

Из с.Небдино наш отряд отправился далее до с.Деревянск. Только пароход успел причалить к берегу, как пришли местные крестьяне и указали, кто тормозит работу Советов, и на более подозрительных. Из указанных нам лиц один оказался служащим в усть-сысольском уездном продовольственном отделе Алексей Лыткин (бывший торговец), на квартире которого при обыске найдено 13,5 дюжин ниток, 17 кусков мануфактуры, 5 фунтов чаю и письма, уличающих его вредную для Советской власти деятельность. На основании всего этого мною было сделано распоряжение о немедленном аресте гр. Алексея Лыткина.

В селе же Кужба мной была наложена на местного торговца Кузнецова контрибуция ввиду найденных у него портретов бывшей царской семьи, вывешенных на видном месте, и серебряных монет. Внесенная гр. Кузнецовым контрибуция в сумме 1500 рублей мною взята и зачислена в средства отряда.

Еще будучи в Ульяновском монастыре, наш отряд был встречен членом Усть-Сысольского уездного исполкома с извещением об убийстве в с.Керчомъя коммуниста-большевика Гичева *(секретарь партийной ячейки А.П.Гичев был убит кулаками 9 сентября 1918 г.)*. Убийство произведено на почве мобилизации буржуазии. Я не стал задерживаться в Усть-Куломе и немедленно отправился далее до с.Керчомъя. По прибытии мною был произведен допрос арестованных по подозрению в убийстве лиц, которые, несмотря на тщательный допрос, не признали за собой преступления, а также не указывали точно преступника, но подозревали в убийстве гр. Жикина, в доме которого произведено убийство. После допроса мною было созвано заседание совместно с членами Усть-Сысольской чрезвычайной комиссии тт.Андриановым и Розановым и членом Северо-Двинского губисполкома Ваддоровым, каковое заседание постановило расстрелять граждан: Алексея Семеновича Жикина, в доме которого произведено убийство, Алексея Васильевича Самарина и Михаила Семеновича Тарабукина, а также наложена на местных торговцев и богатеев контрибуция в размере 30 тыс.руб., а в случае повторения убийства кого-либо из товарищей-коммунистов объявить широкий красный террор.

После приведения постановления о расстреле в исполнение была почтена память убитого товарища пением на его свежей могиле похоронного марша и были произнесены как местными, так и красноармейцами речи.

14 сентября рано утром отряд отправился далее, а 15 сентября прибыл в с.Усть-Нем. Здесь также пришлось реорганизовать состав исполкома, ибо пост председателя занимал заведомый кулак. Удалив кулака-председателя и назначив на пост временного председателя из бедняков, пришлось помочь исполкому в изыскании средств, что и было немедленно сделано посредством наложения контрибуции. Местные бедняки, видя, что наш отряд является действительным защитником беднейшего населения, стали жаловаться, что местный священник Спасский произносит проповеди против Советской власти, называя ее властью грабительской. Арестовав священника Спасского, я с отрядом отправился далее. В пути был произведен допрос священнику Спасскому, который подтвердил свое выступление в церкви, но уклонился и сказал, что это было только сказано по отношению местного Усть-Немского волостного Совета. Заседание совместно с члена-

Место в Човъю, где находилось имение Кузьбожевых.

ми Усть-Сысольской чрезвычайной комиссии решило: приговорить священника Спасского к расстрелу, каковое постановление и было немедленно приведено в исполнение.

27 сентября утром нами была занята Усть-Цильма без малейшего сопротивления... Я арестовал правительственного комиссара, заместителя Естифеева – прапорщика Красикова и священника Суровцева. Правительственный комиссар, как главный руководитель движения и как организатор белой гвардии, был расстрелян на месте...

Одинокая правда

Из «Дневника» А.Цембера, Сыктывкар, 1997 г.

09.12.1929 г. На вопрос: «Правильно ли в 1918 г. были расстреляны три женщины Кузьбожевы – старуха, ее дочка и несовершеннолетняя внучка?» – я ответил, что неправильно. Во-первых, потому что их расстреливал некий Мандельбаум, полусумасшедший человек, который спустя некоторое время сам был расстрелян Советской властью за преступные действия. Во-вторых, потому неправильно, что Кузьбожевых расстреляли по пустящему поводу (не дали Мандельбауму лошадь). В-третьих, потому что не было никакого суда и следствия, и в-четвертых, потому что трех женщин Кузьбожевых нельзя отнести к классовым врагам, к кулакам – потому что это было интеллигентное семейство, давало приют многим ссыльным царской власти после 1905 года. Зампредседателя Совнаркома РСФСР А.П.Смирнов в 1908-1910 годах скрывался у Кузьбожевых по целым неделям, и, по словам бывшего председателя облисполкома Еф.Мишарина, т.Смирнов выражал сожаление по поводу их смерти. Зампред правления Хлебопродукта (а теперь Союзхлеба) тов. Капелинский считался женихом одной из расстрелянных (дочери Кузьбожевой) и выражал сожаление по поводу их смерти.

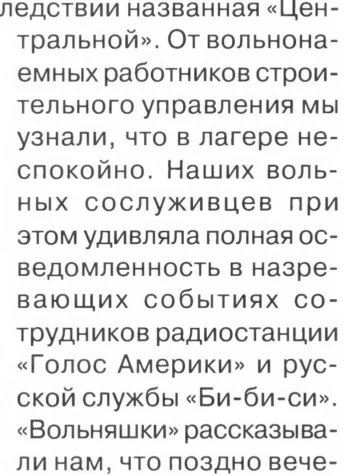
Публикацию подготовила
Анна МАЛЫХИНА.
(«Дым Отечества», 21 июня 2003 г.)

Не «волынка» – восстание!

Пятьдесят лет разделяют нас с событиями, происшедшими в Воркуте, в лагере для особо опасных преступников Речлаг. Долгое время о них было известно очень мало, все документы, относящиеся к лету 1953 года, были отмечены грифом «секретно». Понадобились десятки лет, чтобы тайное стало явным, а «волынка» заключенных названа своим именем – организованной забастовкой и восстанием. Сегодня о событиях в Речлаге вспоминает один из очевидцев – Леонид Павлович Маркизов, бывший заключенный воркутинских лагерей. Уже более полувека он живет в Республике Коми, из них 22 года проработал на комбинате «Печоршахтострой», затем трудился в Сыктывкаре, в Главкомистрое и НИИ организации управления в строительстве. Сейчас Леонид Павлович – член правления сыктывкарского общества «Мемориал».

Июль 1953 года. Мотавшие свои немыслимо долгие сроки заключенные воркутинских лагерей не ведали, наступит ли когда-нибудь предел беззаконию. Терпеть свое бесправие они уже не могли. Ощетинившаяся против без вины виноватых власть и одетая в робы, измученная, загнанная сила схлестнулись.

Условия труда и жизни в особом лагере №6 – так официально именовался Речлаг – в 50-х годах мало чем отличались от лагерных условий, скажем, 30-х или 40-х годов. Ужесточились преследования против верующих. Уносили шахтерские жизни многочисленные аварии.

В то время я находился в лаготделении № 13. Здесь строилась шахта № 30, впоследствии названная «Центральной». От вольнонаемных работников строительного управления мы узнали, что в лагере неспокойно. Наших вольных сослуживцев при этом удивляла полная осведомленность в назревающих событиях сотрудников радиостанции «Голос Америки» и русской службы «Би-би-си». «Вольняшки» рассказывали нам, что поздно вече-

ром «голоса» перечисляли номера забастовавших воркутинских шахт, при этом безошибочно называя воинское звание, имя, отчество и фамилию начальника, упоминали парторга и называли количество бастующих.

Наступило июльское утро, когда и в нашем лаготделении № 13 смена проходчиков горных выработок отказалась спуститься в шахту.

Лагерное начальство не на шутку всполошилось. Мы видели, как заместитель начальника лаготделения Дмитрюшкин и один из оперуполномоченных производили аресты на промплощадке строившейся шахты. Арестовав около сотни человек, они выводили их под конвоем за зону. И что же? Вскоре выяснилось, что проходчиков, отказавшихся спуститься в забой, среди арестованных было немного. Попали же в руки начальства люди, не имевшие к забастовке никакого отношения.

В Речлаге лагерных отделений было 17. Восстали шесть отделений: первое, второе, третье, шестое, десятое, тринадцатое. В них содержались около 16 тысяч заключенных. Еще в июне группы рабочих стали отказываться от выхода на работу. В конце июня на шахте «Капитальная» нашли листовки с призывами: «Не давать угля!», «Свободу заключенным!». На промзоне шахты № 40 кто-то написал на всю стену: «Не давать угля, пока не будет амнистии». Такими же надписями пестрели вагонетки, выходившие из шахты на поверхность.

19 июля во втором лаготделении отказались выйти на работу 350 человек. Они потребовали прибытия к ним начальника управления лагеря и прокурора. А на месте заявили им о недоверии, потребовав приезда в Воркуту представителей правительства страны и ЦК КПСС.

22-23 июля отказались выйти на работу сначала 1500, а затем уже 3000 человек. Множились листовки, подписанные «комитетом действия». 24 июля во всех лаготделениях прозвучало объявление о ряде льгот для заключенных. В частности, о введении 9-часового рабочего дня, о снятии номеров с одежды, о разрешении свиданий и переписке с родными, об увеличении выдачи денег с лицевых счетов. Но заключенные, наученные горьким опытом, обещаниям не верили. 25 июля бастовали уже 8700 человек.

События набирали оборот. 26 июля заключенные третьего отделения напали на штрафной изолятор и освободили 77 человек. Тогда же прозвучали первые выстрелы. Охрана штрафного изолятора убила двоих и ранила еще двоих нападавших. В восставших отделениях создавались штабы. Известно, что во втором лаготделении такой штаб возглавил бывший капитан польской армии Кендзерский, осужденный по 58 статье на 15 лет. Одним из организаторов забастовки здесь также был заключенный Левандо.

О волнениях за колючей проволокой узнало городское население. Ситуация грозила выйти из-под контроля местных органов власти. Тогда в Воркуту прибыла комиссия МВД СССР. Возглавлял ее генерал армии И.И.Масленников. Кроме него в состав комиссии входили генерал-майор Б.П.Трофимов, полковники М.В.Кузнецов, И.Я.Ильин, Ф.Я.Теплов, В.В.Михайлов, Г.И.Громов, а также майор А.С.Богданов, представитель прокуратуры СССР старший советник юстиции М.Д.Самохин.

Хорошо помню, как свита заместителя министра внутренних дел СССР генерала Масленникова пришла в наше 13-е лаготделение. Стояла хорошая погода. Во двор вынесли скамейки для заключенных и стол со стульями для начальства. Гене-

рал делал вид, что ничего не знает о происходящем. Слово держали заключенные.

Первым заговорил заключенный, немец по национальности. «Почему воркутинские зеки – воры и бандиты – могут переписываться с родными, получать от них посылки, приглашать их на встречи, а мы до сих пор не можем даже сообщить своим близким, живущим за границей, что мы живы?»

Масленников в ответ сделал удивленно-возмущенную гримасу и резко бросил в сторону руководства Речлага и нашего лаготделения: «Почему не разрешаете?!» Лукавил высокопоставленный чиновник в погонах. Переписка с заграницей политическим заключенным в СССР была не то что не разрешена, а запрещена вообще. Даже в свою страну речлаговцы имели право отправить не более двух писем в год. Если заключенные других лагерей могли воспользоваться открытками Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, то осужденным по 58-й статье не дозволялось даже это.

Заключенный Василий Ведь сказал, что он уже отбыл 18 из 20 лет заключения, но так до сих пор не знает, за что сидит, о каком вредительстве идет речь в его деле и почему ему нельзя с ним ознакомиться. Генерал Масленников конкретных ответов не дал. Лишь предложил через спецчасть подать заявления и обещал поднять эти вопросы в министерстве.

Не так давно рассекреченная «Докладная записка о работе комиссии МВД СССР в Речном лагере гор.Воркуты», адресованная министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С.Н.Круглову, дает возможность увидеть апогей забастовок, охвативших заполярные лагеря. 30 июля, уже в разгар работы комиссии, в 10 лаготделении большая группа рабочих вновь отказалась спуститься в шахту. Тогда опера совместно с администрацией лагеря выработали план по выявлению и взятию под стражу организаторов и активных участников забастовок.

31 июля в 10 часов по местному лагерному радио заключенным предложили прекратить «волынку» и всем через центральную вахту выйти из жилой зоны. В зону ввели надзирателей, а также усиленную войсковую охрану. Людей тут же брали под конвой и выводили в тундру.

Брожения продолжались. Люди отказывались верить обещаниям лагначальства. Обращения начальника управления лагеря Деревянко не возымели никакого действия. Еще раз обратиться к заключенным он уже не смог: были перерезаны провода трансляционной сети.

Первого августа около 400 заключенных организовали на территории жилой зоны сплошной заслон. На их подавление были брошены 50 надзирателей. Увидев их, заключенные бросились ломать забор и, вооружившись кольями и досками, стали вытеснять надзирателей. Невольники попытались взять штурмом и ворота, за которыми было выставлено оцепление из вооруженных солдат и офицеров. Там же находились прибывшие из Москвы генералы и полковники.

Из заранее подготовленной пожарной автомашины на передние ряды восставших направили струи воды. Но заключенным удалось вырвать шланг и разрезать его. До выходных ворот оставалось пять метров. Тогда последовал приказ открыть огонь на поражение.

Отвечать на выстрелы восставшим было нечем. Правда, в документах комиссии фигурировало оружие, которое нашли у восставших, – 17 ножей и две бритвы.

Жертвами расстрела стали 42 заключенных. 135 человек были ранены. 52 получили сильные ранения. Большинство из них погибли.

Члены московской комиссии, на глазах которых разворачивалась эта беспримерная трагедия, в действиях охраны лагеря никаких ошибок не усмотрели. Применение оружия против безоружных людей было признано правильным. А одна из причин, которая, по мысли членов комиссии, стала искоркой, обернувшейся пламенем, крылась в неукомлектованности кадрами. Поэтому в Речлаг следовало в кратчайшие сроки направить пять заместителей начальников лаготделений, шесть начальников оперчастей, двадцать оперуполномоченных, пять следователей и семь начальников частей режима.

По всему лагерю прокатилась волна арестов. 29 заключенных были водворены в карцер. 280 помещены в тюрьму. Еще для 883 построили специальный лагерный пункт.

Жестокая расправа над участниками забастовок и восстания тем не менее облегчила жизнь их собратьев по нарам. Вскоре после отъезда генерала Масленникова к проходной вахте 13 лаготделения пристроили помещение с несколькими комнатами для свидания. Уже спустя несколько недель к заключенным потянулись родственники. Было отменено ограничение на переписку внутри страны. Заключенным Речлага стали выдавать пропуска на бесконвойное хождение, а при необходимости и командировочные удостоверения. В 1953 году отменили и позорные нашивки на одежде политзаключенных.

Меньше года понадобилось, чтобы особый лагерь № 6 был ликвидирован. Страшный Речлаг переподчинили Воркутлагу, а строгий режим упразднили до общего.

Еще один неожиданный результат событий лета 1953 года. Вскоре после отъезда из Воркуты председатель московской комиссии, заместитель министра МВД СССР генерал Масленников застрелился у себя в кабинете на Лубянке.

Воркутинский Речлаг – одно из самых гиблых и страшных мест Севера – стал символом борьбы за свои права как в Коми республике, так и в целом по стране. Жаль, что до сих пор не обнародованы списки тех речлаговцев, кто 50 лет назад положил здесь свою жизнь. Скоро 1 августа. Давайте помянем жертв расстрела, соберемся и у часовни-памятника в Сыктывкаре, и на месте их гибели – в воркутинском Юршоре.

Леонид МАРКИЗОВ.

(«Дым Отечества», 12 июля 2003 г.)

Свято место

Бывшие заключенные и ссыльные, отбывавшие свои сроки на Коми земле, признаны новомучениками и исповедниками Русской православной церкви

На страницах нашей газеты мы не раз рассказывали о наших земляках-священнослужителях и мирянах, чьи стойкость в вере и мученическая смерть дали им право называться святыми. Но не только эти 17 человек, канонизированных Русской православной церковью, имеют отношение к Коми республике. Небесных заступников нашего края гораздо больше. В редколлегию мартиролога «Покаяние» недавно поступили сведения из московского Свято-Тихоновского института, где собран банк данных о всех пострадавших за веру в годы гонений. В списках, переданных нашим мемориальцам, несколько сот имен. Самое поразительное: едва ли не большинство имен, представленных в них, имеют самое прямое отношение к Коми, эти люди определенный отрезок жизни провели в нашем крае. 19 человек из них прославились как святые, некоторые остались лежать в нашей земле, нашли последний приют на лагерных кладбищах. Кто они, новомученики и исповедники из других епархий, куда, в какие уголки Коми земли забрасывала их судьба, где нынче чтут их и молятся за них?

Список святых, канонизированных по представлению различных епархий РПЦ, отбывавших сроки в Коми области

Богоявленский Иоанн Дмитриевич, священник Тверской епархии (1892-1941). Отбывал заключение в лагере возле Княжпогоста, здесь же умер от голода. Канонизирован в 2000 году по представлению Тверской епархии.

Виноградов Николай Михайлович, протоиерей (1876-1937). Отбывал заключение в ИТК поселка Усть-Коин. Погиб в Устьвымлаге. Канонизирован в 2001 году по представлению Московской епархии.

Грисюк Анатолий, митрополит Одесский (1880-1938). Отбывал срок в Ухтпечлаге, здесь и погиб, похоронен в братской могиле. Канонизирован в 2000 году по представлению Украинской православной церкви.

Гримблит Татьяна Николаевна, монахиня (1903-1937). В 1926-1928 годах отбывала ссылку в Коми области. Канонизирована в 2001 году по представлению Московской епархии.

Зернов Семен Алексеевич, митрополит Евгений (1877-1937). В 1927-1929 годах отбывал ссылку в Коми автономной области. Канонизирован в 2000 году по представлению Алма-Атинской епархии.

Игошкин Иван Иванович, архимандрит Гавриил (1888-1959). В 1937-1944 годах отбывал срок на Ветлосяне, в Ухтпечлаге. Канонизирован в 2000 году по представлению Московской епархии.

Козырев Василий Львович, архимандрит Феогност (1862-1939). В 1937-1939 годах находился в лагерях Коми АССР. Здесь и умер от голода. Канонизирован в 2000 году по представлению Алма-Атинской епархии.

Марков Михаил Федорович, священник (1868-1930). Отбывал ссылку в Коми области, умер от голода. Канонизирован в 2001 году по представлению Московской епархии.

Миротворцев Иоанн Николаевич, священник (1881-1938). В 1937 году попал в Ухтпечлаг, здесь и умер. Канонизирован в 2000 году по представлению Ярославской епархии.

Островидов Константин Александрович, епископ Виктор (1875-1934). В 1933-1934 годах отбывал ссылку в селе Усть-Цильма. Здесь и погиб. Его мощи обретены в 1997 году и перевезены в Вятку. Канонизирован в 2000 году по представлению Вятской епархии.

Остроглазова Анна Ивановна, дочь протоиерея (1900-1939). В 1937-1939 годах находилась в заключении в Севжелдорлаге. Здесь, в поселке Манок, умерла от пеллагры. Канонизирована в 2000 году.

Пашин Иоанн Димитриевич, епископ Иоанн (1881-1938). В 1926-1929 годах находился в ссылке в Коми области. Канонизирован в 2000 году по представлению Курской епархии.

Преображенский Вениамин Семенович, епископ Кинешмский Василий (1876-1945). В 1923-1925 годах находился в ссылке в селе Усть-Кулом. Канонизирован в 2000 году по представлению Ивановской епархии.

Сахаров Сергей Григорьевич, епископ Афанасий (1887-1962). В 1923-1925 годах отбывал ссылку в селе Керчомъя. Канонизирован в 2000 году по представлению Владимирской епархии.

Смирнов Константин Илларионович, митрополит Кирилл (1863-1937). В

1923 году находился в ссылке в селе Усть-Кулом. Канонизирован в 2000 году по представлению Казанской епархии.

Стасевич Лев Фомич, архиепископ Леонтий (1884-1972). В 1930-1933 годах находился в ИТЛ в Коми области. Канонизирован в 2000 году по представлению Ивановской епархии.

Тихова Ираида Осиповна, регент (1896-1967). В 1944-1948 годах находилась в ссылке в Сыктывкаре. Канонизирована в 2001 году по представлению Ярославской епархии.

Успенский Иван Васильевич, архиепископ Фаддей (1872-1937). В 1922-1923 годах находился в ссылке в Усть-Сысольске. Канонизирован в 1997 году.

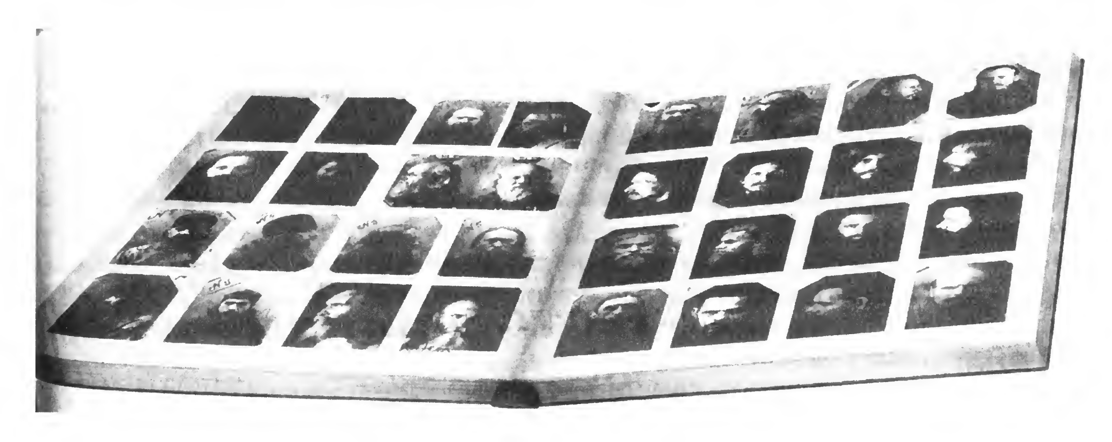
Чельцов Петр Алексеевич, протоиерей (1888-1972). В 1950-1955 годах был заключенным лагеря в поселке Абезь. Канонизирован в 2000 году по представлению Владимирской епархии.

Место ссылки – Усть-Кулом

Сведения о новомучениках скупы и сжаты. Это и понятно. Долгие десятилетия вспоминать этих людей, собирать материалы о них было чревато тяжелыми последствиями. Только в последние годы усилиями энтузиастов, как из числа краеведов, так и священников, удалось свести воедино некоторые факты их биографий. И то лишь самых известных из них.

Вениамин Семенович Преображенский, святитель Василий, родился в городе Кинешме Костромской области в семье священника. По окончании гимназии поступил в Киевскую духовную академию. Окончил ее в 1901 году и получил назначение в духовную семинарию города Воронежа. Знал в совершенстве как древние, так и новые европейские языки. Для более глубокого изучения европейской культуры в 1910 году уехал в Англию. Год жил в Лондоне. После возвращения в Россию стал преподавателем иностранных языков и всеобщей истории Миргородской мужской гимназии. В 1914 году переехал в Москву, устроился преподавателем латинского языка в Петровскую гимназию. В октябре 1917 года он – псаломщик Вознесенской церкви, где все еще служил его престарелый отец. Летом 1920 года митрополит Серафим (Мещеряков) рукоположил Вениамина в Костроме в сан священника. Вскоре он принял постриг с именем Василий – в память Василия Великого.

В 1921 году священник был хиротонисован в епископа Кинешмского, викария

Костромской епархии. Вскоре после хиротонии владыка Василий познакомился со своим будущим келейником Александром Павловичем Чумаковым, разделившим с ним затем трудности изгнания и тюремного заключения. Будучи в ссылке в Зырянском крае, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) о Чумакове говорил: «Много я видел келейников, но такого, как Александр Павлович, не видел. Повезло владыке Василию».

Меньше двух лет прослужил епископ на кафедре. В 1923 году последовал арест, а затем – ссылка в Коми край. Здесь, в селе Усть-Кулом, он провел два трудных года. Компанию ссыльному епископу составили другие высшие иерархи церкви – митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), епископ Новоторжский Феофил (Богоявленский), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Митрополит Кирилл в Усть-Куломе подарил епископу Василию свое архиерейское облачение, которое он бережно хранил, а перед смертью благословил разрезать на части и раздать своим духовным детям как святыню.

Ссыльные архиереи и священники совершали службы в небольшой таежной избушке. После литургии каждый из них произносил проповедь. По общему мнению, по глубине слова и благодатной силе проповеди митрополита Кирилла и епископа Василия отличались от всех. Вскоре в Усть-Кулом приехал и Александр Чумаков, добровольно разделивший с епископом все тяготы ссылки.

В мае 1925 года ссылка закончилась, и владыка Василий возвратился в Кинешму. Но меньше чем через три года последовал новый арест и новый срок, еще три года. На этот раз – в Екатеринбургскую область. После его отбытия, в июле 1933 года, – новый арест. Отправили уже в лагерь, на пять лет. Владыка строил канал неподалеку от города Рыбинска. В 1938 году освободился, а в разгар Великой Отечественной войны – в 1943 году его вновь арестовали и сослали в Красноярск.

Здесь, в отдаленном селе Бирилюссы, 13 августа 1945 года епископ почувствовал себя плохо, позвал жившую у хозяйки монахиню и попросил прочесть ее канон на исход души. Монахиня начала неспешное чтение, владыка молился. После окончания последней молитвы святитель произнес «аминь» и тихо скончался.

В октябре 1985 года были обретены останки святителя Василия, а в июле 1993 года они перенесены в Свято-Введенский женский монастырь города Иваново. В тот же год патриарх Алексий Второй благословил местное почитание епископа Василия.

От опалы – к расстрелу

Константин Илларионович Смирнов – митрополит Кирилл – родился в Кронштадте, в семье псаломщика. Санкт-Петербургскую духовную академию окончил со степенью кандидата богословия. В 1887 году был рукоположен в иереи. В 1902 году принял монашеский постриг с именем Кирилл. В 1908 году по желанию святого Иоанна Кронштадтского отпевал его после смерти.

До революции – епископ Тамбовский и Шацкий. В 1917 году принимал участие в Священном соборе Русской православной церкви. Во время выборов в числе первых был выдвинут кандидатом на патриарший престол. В 1918 году – митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский. Первый арест – в 1919 году. В 1920 году – митрополит Казанский и Свияжский, член Священного Синода при патриархе Тихоне. В 1920 же году последовал новый арест. Затем ненадолго возвратился в Казань. И снова арест. В 1922 году отправлен в ссылку в Усть-Сысольск, а оттуда – в Усть-Кулом.

В 1925 году патриарх Тихон в своем завещательном распоряжении назвал митрополита Кирилла первым кандидатом на должность местоблюстителя патриаршего престола. Как раз в это время митрополит Кирилл находился в ссылке в Коми. Осенью 1926 года он стал одним из трех кандидатов на тайных выборах патриарха. Отбывал ссылку в Вятской губернии, в Красноярском крае. Находился в оппозиции митрополиту Сергию (Старогородскому), по постановлению которого был уволен от управления Казанской епархией. Снова ссылка – в Казахстан. В 1937 году осужден к высшей мере наказания. 20 ноября того же года в местечке Лисий Овраг под Чимкентом был расстрелян вместе с митрополитом Иосифом (Петровых).

Один год и целая жизнь

Семен Алексеевич Зернов – митрополит Евгений – был родом из Подмосковья. Московскую духовную академию окончил со степенью кандидата богословия. В 1900 году принял монашеский постриг, был рукоположен в иеродиакона, затем – в иеромонаха. Преподавал в Черниговской духовной семинарии.

В 1906 году возведен в сан архимандрита, назначен ректором Иркутской духовной семинарии. В 1913 году – викарий Иркутской епархии, а с 1914 года – епископ Приамурский и Благовещенский. В 1917-1918 годах – член Священного собора Русской православной церкви.

Первый арест – в 1923 году. В том же году возведен в сан архиепископа. На следующий год – снова арест, приговор на три года заключения в лагере с последующей ссылкой еще на три года. Больше трех лет находился в печально знаменитом СЛОНе – Соловецком лагере особого назначения. Здесь принимал участие в составлении «Соловецкого послания». После Соловков год находился в ссылке в Коми области. Отсюда выехал в Вятку, где стал архиепископом Котельническим. В 1934 году возведен в сан митрополита Горьковского. А через год вновь арестован, осужден на три года лагерей. В Карагандинских лагерях приговорили к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в августе 1937 года.

Лесная кафедра епископа Звездинского

Епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) пока не причислен к лику святых. Но это не умаляет его крестного пути – невзгод и лишений, выпавших на его долю в годы гонений. Родился он в Москве в 1883 году, а закончил свой земной путь в 1937 году в городе Ишиме на Урале. Епископ оставил многочисленных духовных чад, которые чтут память о своем духовном наставнике. Епископ Серафим в 1923-1925 годах отбывал ссылку в селе Визинга. В 1991 году в Париже увидело свет его житие с интересными подробностями о пребывании в Коми крае. Вот отрывок из этой книги.

«17 марта 1923 года в день Алексия – человека Божия был зачитан приговор владыке: «Два года ссылки в Зырянском крае на вольном поселении». От Котласа до Усть-Сысольска на пароходе «Тарас Шевченко» владыка Серафим Звездинский и владыка Николай Ярушевич добирались в одной каюте. В Усть-Сысольске в это время находился митрополит Казанский Кирилл Смирнов с матушкой Евдокией, постоянной его спутницей. В село Визинга вместе с владыкой Серафимом отправили из Усть-Сысольска о.Филарета и о.Иоанна Суравьева (благочинного г.Дмитрова, осужденного вместе с владыкой).

Прибыли в Визингу 27 мая 1923 года, поселились в д.Средний Кольель у крестьянина Афанасия Семеновича в доме. Жизнь протекала мирно. Утром Божественная литургия. Приходил чудовский о.Филарет. Праздники отмечались соборным служением – служили вместе с владыкой и батюшки. Днем владыка ходил на молитву в ближайший лес. Здесь была у него пустынька – круглый холмик вроде кафедры. Вскоре ссыльная семья пополнилась: прислали вторую партию осужденного духовенства. Прибыли три батюшки: о.Петр Баженов, протоиерей – настоятель Тульского собора о.Сергий и о.Николай из Симбирской области, села Промзино. С отцом Сергием приехала матушка Агафья Семеновна и дочь Шура лет 11. Скоро все привыкли друг к другу. Батюшки в праздники приходили на торжественное архиерейское богослужение с четырьмя сослужащими протоиереями, игуменом и одним священником. Сделали отцу Серафиму ковер с орлом, митру, панагию с камушками, дикарий и трикарий деревянные, зырянской работы. Зыряне любили владыку за его приветливость. Хозяева – люди добрые, при-

ветливые. Афанасий Семенович очень заботливо относился к своему плательщику. Баня топилась по-черному, была низка, он ее поднял на аршин, она стала высокая и удобная. Сделал мебель: диван, деревянный комод и стулья, давал лошадь каждый раз на регистрацию владыке. Не жалел самую лучшую упряжь и лучший свой экипаж – корзинчатую повозку. В пасхальную ночь все молились вместе. Потом все говели, даже приходили соседи, но через несколько дней власти им запретили посещать ссыльных за богослужением. Приходили и светские ссыльные, студенты из Петрограда. По четвергам владыка и отцы ходили на регистрацию. Хозяйка приносила в каждый праздник целый поднос «шаньгов» – лепешки с творогом, картошкой, пропитанные маслом. В большие же престольные праздники – пиво, очень хорошо приготовленное.

Помню, как под равноапостольную Марию Магдалину мы собрались все молиться в лесу. На краю холма, в невысоком лесочке, выбрал владыка место. «Знай, – сказал он мне пророчески, – здесь будет женский монастырь во имя святой Марии Магдалины».

*Помню, как на Рождество пришел с иконой зырянский священник Стефан (Куратов. – **А.М.**). «Вы какой церкви принадлежите? – спросил его владыка. – К православной?» «Да, да, ваше преосвященство, к живой православной церкви!» «Как это? – спросил владыка. – Одно дело – к православной, другое – к живой. Если хотите, чтобы я вас принял, – заметил владыка, – вы должны отказаться от ложной церкви, покаяться и присоединиться к православной церкви вновь». «Желаю, ваше преосвященство», – ответил убеленный сединами протоиерей и тут же перед крестом и Евангелием дал обет быть верным православию, отказавшись от заблуждений живоцерковников.*

*Неприметно прошли два года. Наступила весна 1925 года. Кончился срок ссылки. 17 марта уже миновало. Было Благовещение Пресвятой Богородицы. Неожиданно пришел о.Иоанн. Принес радостную весть: «Владыка! Пришла бумага о нашем освобождении, мы свободны и можем ехать домой». А утром – телеграмма о кончине святейшего патриарха Тихона. Дожили до 26 апреля. В день святого Стефана Пермского, покровителя зырянского, тронулись в путь. Добрые зыряне провожали владыку Серафима со слезами. В Усть-Сысольске поехали к дому священника о.Клавдия (Тюрнина. – **А.М.**). Здесь догнал нас митрополит Кирилл, тоже получивший освобождение. Положение его было особенно тяжелым: в завещании патриарха Тихон назвал его первым кандидатом на местоблюстительство. Приезда его ждала православная церковь. Однако, несмотря на освобождение, его задержали в пути, не давали возможности вернуться в Москву. Когда мы были уже на подходе, митрополит Кирилл в белом подряснике стоял на берегу, провожая владыку Серафима в новый путь, на новые подвиги и испытания».*

Ничто не проходит бесследно. В архиве МВД РК сохранился уникальный фотоальбом со снимками административно-ссыльных, отбывавших ссылку в Коми области в 1928 году. Именно этот альбом, опубликованный в третьем томе мартиролога «Покаяние», помог увидеть лица некоторых иерархов Русской православной церкви, впоследствии погибших или расстрелянных. Снимки из альбома донесли до нас и земной облик нескольких святых мучеников, о которых рассказано в этой публикации.

Публикацию подготовила Анна МАЛЫХИНА.

(«Дым Отечества», 16 августа 2003 г.)

Концерт на печной бочке

Историю архипелага ГУЛАГ трудно представить не только без колючей проволоки и штрафных изоляторов, но и без театра. Сегодня открыты заново имена мастеров сцены, блиставших на подмостках лагерных театров Воркуты, Ухты, Княжпогоста. Свой театр был и в приполярной Инте.

Годом рождения интинского театра стал 1943 год. Летом этого года старший инспектор культурно-воспитательного отдела Интлага Галина Калакуцкая силами заключенных осуществила постановку агитмонтажа. После чего последовал приказ начальника Интлага майора госбезопасности Орловского: «Начальнику КВО тов. Дунаевскому, ст.инспектору Калакуцкой, начальнику ОУРЗ тов. Федоренко до 1 августа 1943 года выявить среди заключенных профессиональных работников искусства и сгруппировать их в центральный художественный агитколлектив до 20-25 человек, оформив их как музыкально-художественный ансамбль Интастроя».

А в это время в рабочем поселке Инта не было даже клуба. Но руководство Интастроя это не смутило. Более того, оно тут же решило построить Дворец культуры, который разместился на том самом месте, где был основан первый на реке Большая Инта лагпункт.

Начальнику деревообделочного комбината П.В.Мазурину поручили изготовить для Дворца культуры окна, двери, мебель. Он предложил покрыть дерево морилкой из особого состава, полученной из коры лиственницы. Новшество смотрелось хорошо. Мазурину объявили благодарность и выписали премию 200 рублей.

Не обошлось и без курьезов. Дворец культуры строился в авральном порядке. Бригаду отделочников возглавлял заключенный Иосиф Антонович Сивец, считавшийся в Интлаге не только мастером своего дела, но и балагуром, человеком, способным на различные хитрости. Отлично выполнив штукатурные работы, его бригада перешла к окраске.

Интинский зек Павел Аксенов в своих воспоминаниях запечатлел такой сюжет.

«Однажды главный инженер комбината Хромченко встретил на стройке Иосифа Антоновича.

– А-а-а, Сивец, и ты здесь? Ну и как идут дела?

Сивец показал главному инженеру пару окрашенных известью комнат. Тот похвалил:

– Хорошо работаешь, Сивец, молодец!

– Стараюсь, гражданин начальник. Вот только у нас нужных материалов нет, чтобы еще лучше делать.

– Что же вам нужно?

– Молоко, гражданин начальник, обыкновенное свежее молоко.

– Молоко! А зачем оно?

– Ах, гражданин начальник, какой вы шутник! Будто не знаете? Добавка молока

в раствор улучшит колер, тонкость цвета, сделает его более проникновенным, воздушным, можно сказать, художественным.

– Ну, не обижайся, Сивец, я не сомневаюсь в твоих познаниях. Сколько же нужно молока для колера?

– Сию минуту, гражданин начальник, подсчитаю.

Юров, бывший зек и опытный снабженец, получив распоряжение Хромченко и расчет Сивца, зарычал:

– Ты, Сивец, можешь морочить голову Хромченко, но не мне, я знаю ваши штучки-дрючки.

После долгих препирательств Сивец все-таки получил наряд на три бидона молока. Доставив для начала один бидон в свою кладовку на стройке, он собрал в конце рабочего дня бригаду, налил всем по кружке молока и предупредил:

– Имейте в виду, никакого молока вы от меня не получали. Болтуна бить будем.

До конца отделочных работ бригада Сивца аккуратно получала приличные порции молока. Начальство осталось довольно отделочными работами. Невыясненным осталось: действительно ли инженер Хромченко был жертвой аферы или играл роль простака, чтобы поддерживать бригаду?» – такими словами заканчивает описание «хитрости» бригадира-заключенного П.Аксенов.

Новый Дворец культуры сдали в эксплуатацию 1 мая 1944 года. В день открытия ДК на его сцене выступил гастролировавший в Инте Коми драматический театр. Начальником центрального клуба (так начали называть очаг культуры) и художественным руководителем была назначена Г.Калакуцкая. Здесь продолжала работать концертная бригада КВО, которая в течение года подготовила 44 концертных программы и дала 123 концерта.

Театр в Инте.

Открытие Дворца культуры в Инте.

Но новое здание для работы театра было плохо приспособлено. В воздухе витала идея создать при центральном клубе универсальный театрально-художественный ансамбль. Новый начальник Интастроя полковник М.Халеев в декабре 1945 года отдал приказ: достройку центрального клуба считать ударной. К строительным работам приступили незамедлительно. Но, как всегда, в сроки не уложились. Лишь в начале 1946 года строительство культурного центра было завершено.

Задержка произошла из-за несвоевременного пуска гипсолитового завода. Архитектурное оформление очага культуры предусматривало большой объем лепных работ: на сцене, потолках и стенах. Изготовленные заключенными лепные украшения были достойны того, чтобы украсить интерьеры настоящего театра. Над оформлением клуба-театра немало потрудился заключенный художник-оформитель Артур Тамвелиус.

Иметь свой театр для начальника лагеря было престижным делом. Он не скрывал своей гордости перед коллегам и заезжим начальством. Отдушину в нелегкой судьбе узников лагеря, стимул жизни и выживания видели в театре и заключенные.

В феврале 1946 года по требованию в Инту пришел специальный этап театральной интеллигенции: оперные певцы, артисты драмы, музыкальной комедии и балета, музыканты, два композитора. Художественным руководителем театра и исполнителем ведущих партий стал Н.К.Печковский, бывший солист ленинградского Кировского театра. Знатоки считали его самым выдающимся исполнителем партии Германа в «Пиковой даме», равных которому не было во всех театрах страны.

Балетную труппу театра возглавила Т.В.Вераксо, «рыжая бестия», как еще называли ее. Ансамбль включал 50-60 человек творческого персонала.

Любимцам публики за отличное исполнение ролей вместо цветов зрители преподносили тушенку или другие продукты, а в некоторых случаях – спирт. Эти дары таинственным образом передавались за кулисы или непосредственно в артистические уборные.

«Весь артистический состав был одет в одинаковые белые полушубки, серые шапки с ушами, валенки и меховые рукавицы. В общем, артисты по сравнению с другими зеками жили отлично. А Печковский был поставлен в особые условия. Он не питался в лагерной столовой и проживал за зоной. Для него был выделен небольшой домик, к нему приставили чистоплотную и скромную зечку, в обязанности которой входило приготовление пищи, отопление, уборка и т.п. Размещение художественного ансамбля на нашем лагпункте оказало большое влияние на развитие самодеятельности. Под руководством профессионалов зеки пели, танцевали, разыгрывали легкие пьесы, читали стихи, рассказы. Это очень способствовало смягчению зековских нравов, упрощало отношения между мужчинами и женщинами, делало их более уважительными и чистыми» – так описывал упоминавшийся уже П.Аксенов театральную жизнь послевоенной Инты.

Труппа интинского театра.

В начале сентября 1946 года театр осуществил постановку оперы Леонковалло «Паяцы». Опера произвела на всех огромное впечатление. Приказом от 10 сентября 1946 года художественному руководителю Николаю Печковскому объявили благодарность и выдали премию. Благодарностей и премий удостоились также музыкальный руководитель театра А.Ордынец, балетмейстер Т.Вераксо, артисты Д.Санин, С.Духай, О.Ачкасов – всего 36 человек. Н.Голубков был премирован отрезом на костюм.

Художественный руководитель драматической труппы театра Г.Калакуцкая сделала свой коллектив мобильным, артисты часто выезжали на гастроли. 16 февраля 1946 года сдали спектакль по пьесе А.Н.Островского «Без вины виноватые». А в июле того же года состоялась премьера спектакля «Русский лес».

Художественная самодеятельность не отставала от профессионалов. Недипломированные артисты в это же время осуществили постановку «Платона Кречета» Корнейчука.

Изысканной интинской публике пришлись по душе и премьеры оперетт – музыкальная труппа тоже прописалась в доме культуры.

Но расцвет театрального искусства в Интлаге продолжался недолго. Высшее лагерное руководство вскоре осудило совместные выступления мужчин и женщин и расформировало самодеятельные художественные коллективы.

Вслед за этим начались притеснения и профессиональных актеров. Артистам запретили заниматься в театре сверх установленного времени, и многие из них уже не могли так же виртуозно, как раньше, исполнять свои партии. Композиторы пользовались любезностью банщика, запиравшего их в моечном отделении в утренние часы, когда баня еще не работала. Но об этом узнала надзорслужба, отняла нотные записи и категорически запретила сочинять музыку в недозволенном месте.

В довершение ко всему опала обрушилась на руководителя коллектива Печковского. *«В начале лета 1947 года, не знаю, по какому случаю, – рассказывает знаток зековской Инты Павел Аксенов, – на одном из красивейших островков реки Инты был устроен большой праздник. В программу праздника включили выступление наиболее популярных артистов ансамбля. Было очень богатое угощение для всех приглашенных. Зеков-артистов кормили отдельно. Но в ходе всеобщей пьянки некоторые начальники потребовали новых выступлений певцов и танцоров. Печковский исполнил несколько популярных номеров, и к нему полезли со стаканами водки, угощениями и даже поцелуями. Подвыпивший певец спел еще что-то озорное, чем вызвал неудовольство начальника охраны Матвеева, тоже пьяного. Сделав оскорбительный выговор Печковскому, он приказал ему немедленно оставить общество свободных людей и отправиться к зекам.*

Печковский ответил:

– Я не один раз сидел за одним столом со Сталиным, а ты еще мелок, чтобы командовать мною.

Начальник охраны приказал тут же законвоировать и отправить Печковского в зону лагпункта. Там обиженный артист стал выкрикивать в адрес Матвеева оскорбительные слова. Кончилось тем, что охрана заперла Печковского в карцер, откуда его только на следующий день освободил начальник лагпункта. В тот же день в зону доставили из «загородной виллы» его личные вещи. Так кончилась полусвободная жизнь Николая Константиновича за зоной».

А из Москвы подули новые ветры. Под их дуновением начальству лагеря пришлось оставить увлечение искусством и переключаться с проблем эстетических на идеологические, поднимать бдительность, укреплять режим. Это требовало и безотлагательных решений.

Между тем Печковский, по свидетельству П.Аксенова, снова попав за зону, нашел повод перессориться и с коллегами-артистами. Увлекся игрой в домино и отдавал этому делу все свое время. Игра была азартная, на «интерес». Проигравший обязан был выполнять любое требование победителей. Процедура одного из наказаний заключалась в следующем. В середине барака стояла печь, сделанная из большой металлической бочки, в которую вставлялась дымовая труба, пропущенная через потолок и крышу. Проигравший партию должен был подняться на верхнюю часть бочки-печки и, обняв трубу левой рукой, а правую подняв в воздух, начать исполнение арии из «Цыганского барона».

Печковский не раз оказывался в роли проигравшего. Взобравшись наверх и держась за трубу, он почти мгновенно преображался. Превращался из лагерного зануды-неудачника в великолепного артиста, в настоящего, вольного, сильного цыганского барона. Голос его, наполненный силой и красотой, через барачные стены пробивался в другие бараки, люди выбегали на улицу, врывались в барак, откуда неслось пение и, подчиняясь мощи фигуры и голоса артиста, бешено ему аплодировали, кричали мужественные слова. Всем казалось, что в эти минуты и они вместе с певцом устремляются туда, где другая, свободная жизнь. Печковский все пел и пел. А потом неожиданно замолкал, спрыгивал с печки и по-свойски говорил: «Спасибо, друзья, вы превратили меня из «козла» в артиста...»

Концерты на печной бочке оказали сильное влияние и на самого Печковского. Он прекратил игру в домино, много в одиночку гулял по зоне, перестал жаловаться на судьбу и вести бесконечные разговоры о своих связях с сильными мира сего. «Во всех его действиях чувствовалась какая-то отчужденность и озабоченность», – констатировал наблюдательный Павел Аксенов.

Печковский после всего этого написал письмо А.А.Жданову, где сообщал, что жизнь вне театра не имеет для него смысла, просил об освобождении, чтобы вновь стать солистом Мариинского театра. Через два или три месяца после отправки письма артиста куда-то увели. Оказалось, что он побывал на Лубянке, после чего был вновь водворен в Инту, в Минеральный лагерь.

Звезда театра в Инте к этому времени окончательно закатилась. В смете расходов по содержанию лагеря на 1950 год вместо музыкального ансамбля уже числилась только культбригада из 20 человек. На ее содержание, приобретение театральных реквизитов, париков и прочее в тот год закладывалось 451760 рублей.

А вскоре, 3 мая 1950 года, последовал последний приказ по театру: «В связи с нерентабельностью работы театра в поселке Инта и отсутствием средств на дотацию по содержанию театра перевести его на положение клуба».

Любовь МАЛОФЕЕВСКАЯ,
краевед-исследователь.
(«Дым Отечества», 20 сентября 2003 г.)

Доктор Сапир

В одном из выпусков нашего приложения была помещена публикация об Альме Яковлевне Штрем (Пропп), сестре выдающегося ученого-филолога Владимира Проппа, много лет проживвшей в Сыктывкаре и работавшей в Коми научном центре. В рассказе о ней упоминался и доктор Сапир, которому сестра ученого была обязана своей жизнью. Редко так бывает, чтобы одно-единственное упоминание о человеке имело бы такой широкий читательский резонанс. Сразу несколько человек позвонили в редакцию с просьбой обязательно сделать публикацию и о докторе Сапире, а некоторые выразили и готовность поделиться своими воспоминаниями о нем. Уже одно это говорит о многом, и прежде всего о незаурядности личности Виталия Давыдовича Сапира.

Год 1948. Сыктывкар – маленький, деревянный городок, уже перевидел на своих улицах всех и вся: административно-ссыльных, спецпереселенцев, умирающих прямо на улицах поляков... Каждый день в гулких проулках нешумного городка мелькали все новые лица. В то утро коренной сыктывкарец Леонид Титов, как обычно, направлялся на работу. Ему навстречу шли двое – мужчина и женщина. Изможденные, в мешковатых одеждах, с тощими узелками в руках. Сразу видно, откуда держат путь. Приглядевшись к встречному, они замедлили шаг. «Можно вас спросить? Мы ищем, где остановиться. Подскажите, пожалуйста, кто бы мог предоставить комнатку?»

Случайная встреча оказалась счастливой. Путники в доме Титовых не только обрели кров, но в большом деревянном доме на берегу Сысолы прожили десять лет. Почти породнились и с приютившей их семьей. Уже нет в живых и хозяина дома, ни его очаровательной жены Валентины. Нет и того знатного дома по сыктывкарской улице Горького – на его месте сейчас высится гостиница «Югор». Сын Титовых – Сергей Леонидович – переехал в бла-

Супруги Сапир в Сыктывкаре.

гоустроенную девятиэтажку. Но и в новой квартире он почти ежедневно мысленно возвращается под своды родительского дома, вспоминает свою семью. Виталий Давыдович и Ольга Эмильевна Сапир – тоже почти как родные. Именно их когда-то и приютил отец, пригласил остановиться в своем доме.

Ольга Эмильевна Сапир.

Все, с кем я общалась, собирая материалы о чете Сапир, подчеркивали, что Сыктывкар стал для них тихой, уютной гаванью, а время, проведенное в маленькой окраинной столице, – самым счастливым. Они это счастье выстрадали. И о другом счастье, во всяком случае вслух, никогда не помышляли.

Все, что предшествовало их приезду в Сыктывкар, ни Виталий Давыдович, ни Ольга Эмильевна старались не ворошить. Лишь узкий круг людей был посвящен в перипетии их прежней жизни. На праздные вопросы досужих и даже довольно близких им людей оба отвечали гробовым молчанием. Молчание Виталий Давыдович хранил и тогда, когда интересовались его мнением о событиях в стране, в мире. В эти минуты он лишь поднимал на собеседника умные, проницательные глаза. Выждав паузу, заговаривал. Но уже совсем о другом. Чаще всего о работе.

Недалеко от титовского дома, по улице Береговой, располагался тубдиспансер. Туда через несколько дней и пришел Сапир, чтобы попроситься на работу. Его приняли сразу. В республике, как и по всей стране, свирепствовал туберкулез. Фтизиатров не хватало. В Коми ссыльные, а также вчерашние заключенные врачи в больницах работали повсеместно и составляли костяк всех учреждений здравоохранения.

Врач Июлия Михайловна Власова в тубдиспансер по Береговой пришла работать в 1956 году со студенческой скамьи. С первых шагов в медицине Виталий Давыдович Сапир стал для нее добрым, чутким, требовательным наставником. Она вспоминает, как, бывало, подойдет к Сапиру с каким-нибудь трудным вопросом. Он ее выслушает, а затем, лукаво улыбнувшись, скажет: «Июлия Михайловна, вот вы мне завтра сами на этот вопрос и ответите». Врачу ничего не оставалось, как проштудировать книги и найти нужный ответ на свой трудный вопрос. Именно так, наверное, и добываются самые прочные знания.

К этому времени Сапир уже заведовал отделением, затем стал главврачом больницы. А многие из персонала еще помнили первые дни доктора в этих стенах. Он был бедно одет, неважно выглядел, недоедал. Но за очень короткий срок сумел завоевать авторитет среди больных и неподдельное уважение персонала. Свое дело он знал досконально. И был уверен, что знаний много не бывает. Много читал, его библиотеке по фтизиатрии могли позавидовать даже московские свети-

ла. Сам делал снимки на рентгенологическом аппарате. Позже рентгенологом и работал.

Трудная работа, ежедневное соприкосновение с тяжелыми недугами, со смертью не сделали Виталия Давыдовича «сухарем». Никогда в стенах больницы он не появлялся хмурым. Только он умел находить такие слова, которые давали больным шанс победить смертельную болезнь. Сапир знал в совершенстве несколько европейских языков. В Сыктывкаре выучил коми. С приезжавшими из районов крестьянами и лесорубами общался на их родном языке. И сразу таял лед отчуждения, настороженности.

С исключительной теплотой Сапир относился к своим коллегам. Коллектив в тубдиспансере был женский. Виталий Давыдович не упускал случая, чтобы сделать комплимент, поздравить с обновой, приободрить. Еще всегда просил помнить главную заповедь фтизиатра: не приходить в больницу голодным и больным. Если замечал, что кто-то из коллег покашливает или чихает, тут же отправлял домой. Три дня можно было отлежаться безо всякого больничного листка. Сам же обладал завидным здоровьем, ни разу за время 30-летней работы бюллетень не брал.

Никогда не видели доктора и на кухне или в столовой диспансера. Сытные места он обходил не из-за какой-то брезгливости. Просто в его портфеле всегда находился тормозок: фляжка морса и большой бутерброд наподобие нынешних гамбургеров, приготовленные заботливой женой. Ольга Эмильевна почти всегда провожала его до работы. Супруги ходили взявшись за руки. Перед дверями туброльницы прощались, посылая друг другу воздушный поцелуй. Свою жену доктор называл ласково – Дзоринька. Это имя, оказывается, возникло из коми слова «дзоридз» («цветок»). Необычное слово чем-то очень понравилось Сапиру. А Ольга Эмильевна оставалась для него самым красивым, нежным, хрупким цветком.

Виталий Давыдович Сапир.

Познакомились они в лагере. За плечами каждого был уже немалый опыт семейной жизни, муж – у Ольги Эмильевны, жена и дочь – у Виталия Давыдовича. У обоих все рухнуло в одночасье. Супруг Ольги Эмильевны служил в царское время в генеральном штабе, она – из дворянской семьи. Вскоре после революции супруга расстреляли. Два раза приговаривали к расстрелу и ее. Спаслась чудом. В лагерях, где она находилась, всегда рядом оказывались люди, готовые прийти на помощь. Как только друзья узнавали, что над Ольгой нависла опасность, тут же клали в больницу. И оперировали. По-настоящему. Ольга Эмильевна об этом проговари-

валась редко. Виталий Давыдович знал обо всем, очень бережно относился к своей половинке, сильно переживал из-за любого ее недомогания.

Страшно обошлась судьба и с Сапиром. Его брата, профессора, расстреляли. В это время Виталий Давыдович работал в Саратове. Забрали и его, и жену. О судьбе маленькой Юлечки отец долгое время ничего не знал. Но девочка не потерялась, после ареста родителей ее приютила жена брата Сапира. Десять лет лагерей разъединили, развели супругов. Оба, и Виталий Давыдович, и его жена, выжили. Но воссоединиться было невозможно. Жена и дочь жили в Калуге. Юлия Витальевна Сапир выучилась на инженера.

Судьба свела Виталия Давыдовича с Ольгой Эмильевной на Беломоро-Балтийском канале. Кто-то устроил ее в лагерную больницу сестрой. Сапир освободился на год раньше. И остался дожидаться ее освобождения тут же, в лагерной больнице, где работал врачом. В Сыктывкар они прибыли вместе из Каргопольских лагерей. Путь в центральные города долгие годы им был закрыт. Родных к этому времени оба потеряли.

Сыктывкар не только приютил и обогрел их, но и подарил, казалось бы, несбыточное – общение и дружбу с интеллектуальной элитой. В доме Титовых, где они занимали уютную комнатку, а потом и в квартире, полученной Виталием Давыдовичем, часто устраивались вечеринки с изысканными беседами и музицированием. Другом семьи стала Альма Яковлевна Штрем. Большая дружба связывала семью Сапир с учеными Братцевым и Моисеевым, с их семьями. Кира Сергеевна Моисеева, супруга ученого-биолога, доктора сельскохозяйственных наук Константина Алексеевича Моисеева, до сих пор вспоминает эти встречи как глоток воздуха, как самые приятные в своей жизни мгновения. Фонтаны остроумия, изящество слога, энциклопедические знания завсегдатаев вечеринок совсем не случайно выплескивались за пределы их квартир. Обрастали легендами, домыслами.

«У меня никогда не болит голова», – частенько в кругу коллег говаривал доктор Сапир. Болезнь сразила его внезапно. В 1973 году с инфарктом доктора поместили в республиканскую больницу. Определили в отдельную палату, чтобы Ольга Эмильевна могла находиться рядом. В один из дней Виталий Давыдович почувствовал себя лучше, даже вставал. А на следующее утро его не стало.

Ольга Эмильевна пережила мужа на четыре года. Чтобы затем снова воссоединиться с ним на старом сыктывкарском кладбище. В последние годы она пыталась разыскать своих родных, заброшенных куда-то в Англию. Но в 70-е годы наладить связи с заграницей было тщетно, никого из близких она так и не нашла.

С оставшимися в Сыктывкаре друзьями отца сейчас переписывается дочь Виталия Давыдовича – Юлия. Несколько раз она приезжала в Сыктывкар навестить дорогие могилы. За прошедшие годы памятники и надгробия потемнели, растрескались. Подновить бы их. Но кому? Юлия Витальевна уже пенсионерка. Наверное, уход за могилами могли бы взять на себя сотрудники республиканского тубдиспансера. Дело это уж не такое дорогостоящее и хлопотное. Или еврейское общество «Шолом», которое пытается внести свою лепту в сохранение памяти о своих сородичах. Заслуженный врач России и Республики Коми Виталий Давыдович Сапир право на память заслужил и своей трагической жизнью, и тысячами спасенных им жизней.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 20 сентября 2003 г.)

Эпитафия Майфету

Сейчас ни один справочник по украинской литературе не обходится без упоминания фамилии Майфет. Хотя еще недалеко ушло время, когда это имя находилось под запретом, а сам писатель был надолго оторван от творческой деятельности, отправлен в лагеря ГУЛАГа. Здесь, в Печоре, он и скончался. Немногие в городе знают сегодня его могилу. А те, кто помнит, пришли сюда в один из августовских дней. Григорию Иосифовичу Майфету исполнилось 100 лет со дня рождения.

В Печоре живут люди, близко знавшие Майфета: Адольф Григорьевич Лудников, Виктор Степанович Казановский, Николай Васильевич Лапин, сохранившие не только благодарные воспоминания об этом человеке, но и книги, рукописи, письма, личные вещи и передавшие их в Печорский историко-краеведческий музей.

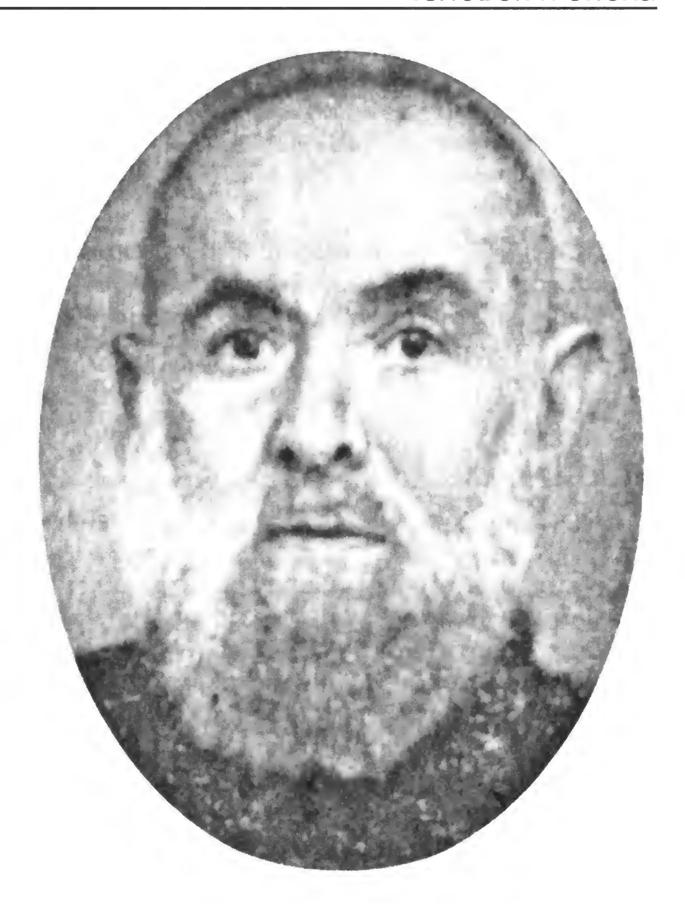
После смерти писателя в адрес А.Г.Лудникова поступило много писем с Украины от литераторов, журналистов, исследователей творчества Майфета. Всех интересовала судьба рукописей писателя, похороненного на чужбине. Адольф Григорьевич доверил свои воспоминания и фотографии украинскому литератору Петру Ротачу, который намеревается содействовать открытию музея Г.И.Майфета, а также изданию его трудов. Сотрудники Печорского историко-краеведческого музея, готовясь к юбилею писателя, совместно с городским обществом «Украина» отправили письма в адрес Союза писателей Украины, в краеведческий музей города Ромны, в Полтаву П.Ротачу, от которого вскоре получили ответ.

«Благодарю вас за информацию о мероприятиях по поводу 100-летия со дня рождения Г.И.Майфета. Надеюсь получить материалы научно-практической конференции, посвященной его юбилею, которую вы планируете провести в музее осенью. В свою очередь появляющиеся в нашей печати материалы обязательно пришлю вам. Я послал в Киев статью для журнала «Слово і Час». Готовлю материалы для местных газет. Должен сказать, что на родине этого выдающегося человека забыли. Я предлагал открыть мемориальную доску на домике, в котором он жил до ареста в 1934 году. Вместо этого домик снесли, потому что властям выгоднее на этом месте поставить пятизвездный отель...»

Григорий Майфет родился 1 августа 1903 года в местечке Ромны Сумской области в семье инженера-железнодорожника. О своем происхождении и национальности он говорил: «Я из полтавских шведов». Закончив гимназию, потом математический факультет Полтавского пединститута, начал работать педагогом, с 1924 года параллельно обучаясь в аспирантуре при Харьковском литературном институте им. Шевченко по специальности «Западноевропейская литература».

В эти же годы Майфет и вошел в украинскую литературу. Вошел уверенно, сразу удивив читателей огромной эрудицией, знанием европейских языков. Он владел английским, французским, немецким, итальянским, испанским языками. С 1924 по 1934 год Григорий Иосифович написал около ста литературно-

критических статей по украинской и иностранной литературе. А самым большим его достижением стал двухтомный труд «Природа новеллы» (1928-1929 годы). Готовилась третья, завершающая часть трилогии.

Григорий Иосифович Майфет.

Майфета выбирают делегатом первого (горьковского) съезда Союза писателей СССР, где он познакомился со многими писателями, советскими и зарубежными, а со Стефаном Цвейгом, крупнейшим европейским писателем, стал после этого переписываться. Весь в книгах, в занятиях в пединституте (был он еще и прекрасным музыкантом) – таков образ жизни писателя до 1934 года.

День убийства С.М.Кирова ознаменовался новой волной репрессий. «По кировскому набору» (выражение Майфета) он был осужден к десяти годам лишения свободы с грозной литерой КРТД (контрреволюционная троцкисткая деятельность). Очутился сначала на строительстве Беломоро-Балтийского канала, а в 1939 году попал на Печору, на рудник Еджыд Кырта. Там и находился до освобождения в 1946 году.

Поначалу грузил уголь на баржи, но на общих работах быстро «дошел». Одолели цинга, потом пеллагра, попал в сангородок.

Майфет лежал в бараке, наполовину врытом в землю, с окошком на уровне земли. В минуты возвращения из забвения глядел туда, где светило солнце и робко пробивалась первая апрельская зелень. Изо дня в день следил за первыми ростками, чтобы съесть щепотку травы, понимая, что в этом его спасение. Начал тянуться к свету, теплу, понемногу шевелить руками. Выхаживал его опытный фельдшер, сам бывший заключенный, В.С.Казановский.

В Кырте он встретил своих земляков – писателя Владимира Гжицкого и инженера Васыля Труш-Коваля. Благодаря Майфету, которому Труш-Коваль доверил свою тетрадь со стихами, они сохранились и были опубликованы после его смерти. О своей лагерной жизни писатель рассказал в сборнике «Эпитафии Г.Майфета».

В 1946 году после так называемого освобождения он оказался в Печоре – выезд на родину был запрещен. Майфет решил использовать свободу для научной работы. Стал вести большую переписку, в том числе и с заграницей, ему присылали книги на всех европейских языках. «Связь с заграницей» опять привлекла внимание органов. Его вторично арестовывают, отправляют в Сыктывкар, но спустя шесть месяцев отпускают.

Возвращение в Печору. Работу писатель нашел в пароходстве, устроился нормировщиком в бригаду, строившую жилье. Сам жил в хибаре.

В 1954 году начали строить электростанцию для судостроительного завода. Майфета пригласили туда как знатока итальянского: на станцию поступало итальянское оборудование. Здесь Майфет и проработал лаборантом в цехе химводоочистки до выхода на пенсию.

Один из наиболее близких Майфету людей – Адольф Григорьевич Лудников, начальник смены цеха химводоочистки. Майфет для работы обычно выбирал ночную смену: спокойнее, народу лишнего нет. Свободные минуты на работе посвящал чтению. После освобождения накинулся на литературу с жадностью, отовсюду ее выписывал.

Адольф Григорьевич вызвался помогать переписывать статьи Майфета. У него был трудночитаемый почерк, к тому же он писал на клочках бумаги, очень экономно относясь к ней, – срабатывала лагерная привычка. Сближали их и общие интересы, например любовь к литературе.

Еще один человек, которого Майфет удостоил дружбы, – Николай Васильевич Лапин. Он вспоминает: «Говорили мы с ним на разные темы. Он не скрывал своей неприязни к членам партии, о партбилете отзывался так: «Это ваша хлебная книжка». «Но у меня тоже партийный билет», – замечал я. «Нет, вы человек совсем другого склада», – возражал он и принес в подарок книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Не скрывал Майфет и отношения к своему времени, называя его «периодом сталинского фашизма».

В первый трудовой отпуск друзьям удалось отправить писателя в любимую им чеховскую Ялту. Тогда же он сумел побывать и на Полтавщине.

В 1957 году Григория Иосифовича реабилитировали. Но это мало что изменило в его жизни. Он по-прежнему оставался изгоем. Надежды вернуться на родину рухнули после отказа, который пришел в ответ на его письмо с Украины. Майфет просил взять его на вакантную должность на прежнем, еще до ареста, месте работы.

Его образ жизни в Печоре был аскетическим. Питался писатель в основном кефиром, черствым хлебом, почти не готовил. Не употреблял спиртного. Сосед Майфета вспоминает: «На обыденные темы он не любил говорить, был немногословен, конкретен, скромен. Убранство его комнаты можно было бы назвать убогим, если б не стеллажи с книгами, занимавшие все стены. Кроме них лишь топчан, покрытый старой шинелью вместо одеяла, стол, застланный синей картонной бумагой, заменявшей скатерть. Скрашивал его одиночество рыжий чердачный кот, живший с ним до глубокой старости».

Майфет был человеком исключительной честности. На работе отказывался от премиальных. «Я просто выполняю свои должностные обязанности» – этими словами мотивировал свой отказ. Просил почтовых работников пересылать назад и

переводы, которые в 60-е годы приходили из литфонда в качестве материальной помощи.

После достижения пенсионного возраста Майфет сразу ушел с работы. Подрабатывал тем, что давал частные уроки иностранных языков и музыки. Вырученные деньги целиком тратил на книги. Учителем он был редким. Вспоминает его бывший ученик, впоследствии известный печорский врач А.В.Хвиюзов: «У него была своя методика обучения разговорному иностранному языку на текстах подлинников классической литературы. И подход к ученикам был особый. Мог с первой встречи отказать родителям: мол, извините, я на ваше чадо тратить время не могу. Его ценили. Уроки давал своеобразно. Посадит на плечо чердачного кота, гладит спокойно и беседует. И попробуй не выполни домашнего задания! На вступительных экзаменах в вуз у его учеников отмечали явно не школьную, более глубокую подготовку». Но когда появилось вакантное место преподавателя иностранного в средней школе №5, Майфета туда не приняли.

Хрущевская оттепель принесла восстановление в 1965 году в члены Союза писателей Украины. Майфет снова загорелся желанием быть полезным для украинской литературы, писал рецензии на книги новелл Е.Гуцала, С.Жураховича, Г.Тютюнника, переводил Рильке, написал десятки кинорецензий. Захватила его и «стихия мемуаров». Григорий Иосифович писал об украинских литераторах Зерове, Шепотьеве, Тычине, Вражливом. В эти же годы вел огромную переписку. Ему приходили книги из ГДР, других зарубежных стран, по МБА – фотокопии из библиотеки им. Ленина.

В 60-е годы Майфет тесно сотрудничает с печорской городской газетой «Ленинец». Ратует за то, чтобы печорцы имели возможность приобщаться к подлинной культуре. Делает прекрасный репортаж о предстоящем открытии Дома культуры речников, где молодежь сможет слушать Чайковского. Чайковский – любимый композитор этого музыкально одаренного человека.

Реакция конца 60-х годов заставила Майфета откликнуться критическим письмом, направленным им в адрес ЦК КПСС. Письмо, озаглавленное «К 50-летию советской власти» носило, как тогда говорили, «ярко выраженный антисоветский характер». Власти не замедлили с ответом: был рассыпан набор почти готового к печати собрания сочинений Майфета. Его дело вел полковник КГБ Н.В.Верещагин из Сыктывкара, позже опубликовавший воспоминания о человеке, к которому он, вопреки обстоятельствам, почувствовал симпатию. «Когда тема нашего основного разговора была исчерпана, мы оба, невольно проникнувшись взаимным уважением, завели разговор на разные темы. Затронули и искусство, литературу. И тут Григорий Иосифович проявил себя человеком энциклопедических знаний. Оказалось, что он прекрасно знает не только украинских и русских писателей. Он готов был подробно рассказать о западных литераторах, начиная со Средневековья до наших дней. И обо всем имел свое оригинальное суждение, не совпадающее с официальным мнением». Спустя несколько лет, будучи в командировке, полковник Верещагин навещал Майфета уже не по служебной необходимости, а как доброго знакомого.

Пристальное и отнюдь не столь доброжелательное внимание органов безопасности Майфет вынужден был терпеть постоянно. Это не могло не угнетать, но

больнее всего было то, что его перестали печатать. В конце 60-х годов душевное состояние писателя угасает. Ему возвращают рукопись сборника с категорической рецензией «радикально переработать материал». От этой работы писателя «избавляет» болезнь.

Он принимает решение передать свою богатую библиотеку Союзу писателей Украины. Но сам быстро обрастает новыми книгами. «Не могу без них», – оправдывается Майфет.

Между тем все чаще дает знать о себе подступающая болезнь. «Ценой великих усилий сделал много рецензий на кинофильмы», – хвалится он в зиму 1971 года. Директор кинотеатра «Космос» М.А.Артеев разрешает ему бесплатное посещение киносеансов. В газете «Ленинец» один за другим выходят около 50 рецензий на кинофильмы. Их автор собрал и богатую справочную литературу об актерах советского и зарубежного кино. Но нашлись люди, которым помешала и эта деятельность Майфета. Дирекция кинотеатра вынуждена была отказать ему в бесплатном просмотре фильмов.

Это еще больше подорвало здоровье уже пожилого человека. Писатель чаще стал бывать в больнице. Положение усугубилось еще и тем, что вскоре ему пришлось оставить свою комнату увеличивающемуся семейству соседей. Его поселили в малосемейке с постоянными суетой и кутерьмой. Больному человеку, по натуре спокойному и тихому, на пользу это не пошло.

Майфет становился все более одиноким. В последние годы жизни он часто впадал в депрессию, отказывался от еды и питья. «Худо с сердцем, слабость, вялость, сонливость и прочее», – жаловался в письме к своему другу Готману. На помощь приходили друзья-врачи.

После принятия трудного решения уйти из жизни, Майфет пришел на квартиру к Лудникову. От чая отказался, сказал, что пришел по делу, к которому сразу же и перешел: «Адольф Григорьевич, вы сможете быть моим душеприказчиком, то есть распорядиться после меня мной и моим имуществом?» Лудников его просьбу исполнил.

15 сентября 1975 года писателя нашли бездыханным в его комнатке, куда он пришел из больницы на воскресные дни. Посылка с яблоками, отправленная из Арзамаса его другом Готманом, в живых адресата уже не застала.

На похороны Григория Иосифовича народу собралось немного. Благодаря хлопотам друзей удалось обустроить могилу. Менее благополучно сложилась судьба рукописей писателя. За неимением родственников квартира почившего была опечатана, архивы попали в руки органов соцобеспечения, их дальнейшая судьба неизвестна.

В статье о своем земляке В.Труш-Ковале Майфет писал, что на могиле друга хотел бы видеть высеченными строки любимого им русского поэта Н.А.Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Эти же слова были бы уместны и на надгробии большого человека и писателя Григория Иосифовича Майфета, имя которого стоит в одном ряду с трагическими именами других украинских писателей: Курбаса, Епика, Ирчана, Филипповича.

Татьяна АФАНАСЬЕВА,
руководитель музея «Покаяние».
г.Печора
(«Дым Отечества», 20 сентября 2003 г.)

Каторга по-советски

Исполнилось 55 лет со времени создания в СССР особых лагерей

Береговой, Луговой, Горный, Дубравный, Степной, Песчаный, Минеральный, Речной, Водораздельный, Озерный, Дальний, Камышовый. Эти определения, наверное, больше подходят для названий санаториев и домов отдыха. Между тем за этими красивыми вывесками в конце 1940-х годов в нашей стране были спрятаны каторжный труд, рабство, полное бесправие. Успокаивающие слух имена носили созданные в 1948 году 12 особых лагерей для политзаключенных. Два из них находились на территории нашей республики. В 2003 году узники особых лагерей отмечают печальный юбилей – 55 лет со времени их создания.

Секретное постановление Совета Министров СССР о создании особых лагерей и тюрем было подписано 21 февраля 1948 года. В нем содержался список лиц, уже осужденных и отбывающих сроки в лагерях. Лиц, которых требовалось перевести на «особое» положение: троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, монархисты, анархисты, националисты, белоэмигранты... Словом, все, кто выжил в чудовищной мясорубке, раскрученной Сталиным и его приспешниками с начала 30-х годов.

Конец 40-х – начало 50-х годов советскими историографами да и многими сегодняшними учеными рисуется в довольно радужном свете. Позади – большая война, весь народ занят созидательным трудом, идут на убыль и репрессии. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь: именно на этот «спокойный» промежуток времени пришлось создание лагерей с жесточайшим режимом содержания. Режим в них был близок к тюремному: на окнах – решетки, по ночам бараки запираются на замок, на одеждах заключенных, как на настоящих каторжанах, пришиты порядковые номера.

Секретный приказ Совмина СССР привел в движение весь механизм карательных органов. Уже в феврале 1948 года организацию особых лагерей «взваливает» на свои плечи Министерство внутренних дел. Начеку и чекисты: в особых лагерях МГБ спешно организуют структуры, призванные стать его глазами и ушами.

В особых лагерях устанавливаются 10-часовой рабочий день, строгий режим, запрещаются сокращение сроков наказания, другие льготы. Заключенных предписано использовать лишь на тяжелых физических работах. «Тщательно проверенными и заслуживающими политического доверия» кадрами укомплектовывается состав надзирателей.

В связи с последним вспоминается такой случай. В 13-м отделении Речного лагеря в Воркуте идет концерт художественной самодеятельности. Солист хора запевает:

...Не слышно шума городского,
На невских башнях тишина.
И днем, и ночью часовые...

При последних словах с разных сторон зала к начальнику лаготделения капитану И.Гаврюшину бросается сразу несколько надзирателей. На лицах одинаковое вы-

ражение: мол, в песне обнаружена крамола. Капитан не теряется, говорит: «Вы что, не знаете, что это старинная песня, которую еще революционеры пели?» Горе-интеллектуалы бредут к своим местам. Видимо, они не знают не только эту старинную песню, но и то, что весь репертуар лагерной самодеятельности подлежит предварительной жесткой цензуре.

Жестко, если не сказать жестоко, отрегламентирована и дальнейшая участь «особо опасных государственных преступников». Всех обитателей особых лагерей после истечения лагерного срока предписано отправлять в бессрочную ссылку. Определены и места ссылки: Колыма, районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее Транссибирской железной дороги, Казахстан, за исключением шести областей. Документ о дальнейшей судьбе «особо опасных преступников», понятно, имел гриф «совершенно секретно». Но каким-то образом произошла утечка информации, и узники поняли, что обречены на пожизненные репрессии. К счастью, уцелевшие и оставшиеся в живых уже вскоре, после XX съезда партии, были реабилитированы, а члены ВКП(б) – КПСС восстановлены в партии с непрерывным партстажем.

В Коми два особых лагеря возникли с интервалом в полгода. В последних числах февраля 1948 года на базе Интинского ИТЛ появился особый лагерь Минеральный. А в конце августа в Воркуте – особый лагерь № 6 Речной. Совсем недолго – с 25 октября 1952 года по 29 апреля 1953 года – на территории Айкинского лесхоза просуществовал еще один особый лагерь – Водораздельный, затем включенный в состав Устьвымлага.

Заключенные Минлага пополнили ряды подневольных шахтеров и шахтостроителей. В год своего рождения этот лагерь насчитывал более 33 тысяч зеков. За год до закрытия, в 1956 году, число узников составляло чуть более десяти тысяч. Наоборот, в Речлаге каторжан в 1948 году насчитывалось более шести тысяч, а в 1954 году их число приблизилось к 40 тысячам.

Пути-дороги заключенных, приведшие их на север Коми, были разными. В рождественский сочельник, 6 января 1948 года, меня, заключенного Востураллага (Тавда, Свердловская область), направили в центральный лазарет. Врач поставил диагноз: туберкулез правого легкого. В то время я уже работал старшим инженером отдела капитального строительства. Но эта должность мало что давала в обустройстве жизни за колючей проволокой. Единственное, что я мог позволить себе в лазарете, – покупать в день по стакану молока. Это, конечно, никак не сказывалось на улучшении моего самочувствия: температура зашкаливала за 40, дни мои были сочтены.

Но молодой организм сопротивлялся недугу. В начале марта я почувствовал себя лучше. Лечащий врач Гольцфохт, тоже заключенный, рассказал, что из ГУЛАГа пришел спецнаряд: меня, как инженера-строителя, отправляют в другой лагерь. Доктор дал справку о моем состоянии и невозможности переезда. Но пришел новый спецнаряд, и из лазарета доктор вынужден был меня выписать.

На пути в Речлаг я перебывал на пересылках Свердловска, Кирова, Вологды. Месяц провел в стационаре Каргопольлага с диагнозом: авитаминоз. На три года «застревал» в Архангельской области, работал прорабом вблизи поселка Ерцово.

В Воркуту, в Речлаг, прибыл 15 мая 1951 года. Определили в лаготделение № 13, расположенное вблизи строительства шахты № 30 (позднее она стала называться «Центральной»). Несколько надзирателей обыскивали «новичков». Книга о стро-

ительных конструкциях, которая имелась у меня, вопросов не вызвала. Зато надзирателю не понравилось, что зек имеет у себя «Краткий курс истории ВКП(б)»: я купил ее у вольнонаемного работника Каргопольлага. Книгу со словами: «А вдруг кто-то сделает непристойную надпись на полях?» у меня изъял оперуполномоченный.

На строительстве шахты меня назначили начальником производственно-технического отдела. Вскоре мне, как ответственному лицу, надо было участвовать в совещании у начальника стройки инженера-капитана Зусманова. В его кабинете собралось много народу: вольнонаемные, офицеры и только один я с номером на рукаве и брюках. Мой «знакомый» по «Краткому курсу» оперуполномоченный завозмущался: «Почему здесь присутствует зек?» Зусманов в ответ: «Потому что у меня начальник ПТО – заключенный». Препирались долго. В конце концов сошлись на том, что начальник ПТО доложит информацию о строительстве и покинет кабинет. Так и сделали.

Можно вспомнить множество других моментов, когда заключенных «ставили на место». Но одновременно с этим за тех же зеков Речлага все чаще заступались начальники, особенно из среднего звена. Казалось, уже в самом воздухе витает какое-то предчувствие перемен. И они наступили.

А мне вспоминается 1946 год. Один из подследственных – Александр Добровольский – пришел с очередного допроса, засмеялся, махнул рукой и сказал: «Представьте, мой следователь только что сказал, мол, знаешь, ты, конечно, свои десять лет получишь. Но у нас в стране что невероятно сегодня, завтра обернется фактом. Ты пока «посиди», а там видно будет».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года было упразднено Особое совещание при МВД (МГБ) СССР. А следом за этим переведены на общий режим и особые лагеря.

Не так давно достоянием гласности стали цифры пострадавших с 1921 по 1954 год по так называемым контрреволюционным преступлениям. Осужденным по этим статьям как раз и предназначались особые лагеря. Цифры огромные, страшные, потрясающие. 3777380 человек были осуждены, 642980 – расстреляны, 2369220 – отправлены в лагеря и тюрьмы сроком от 25 лет и ниже.

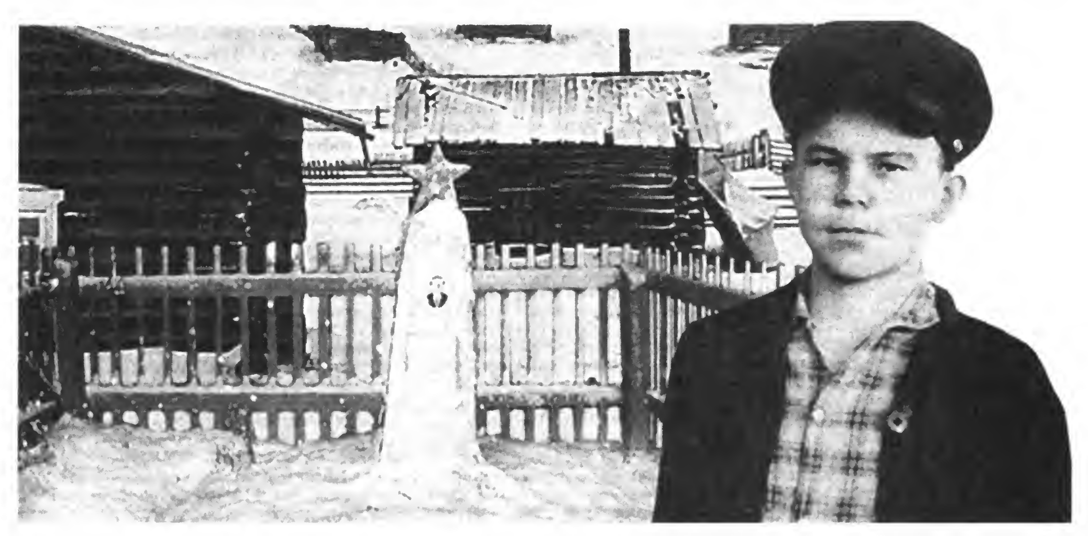
Леонид МАРКИЗОВ,
бывший узник Речлага.
(«Дым Отечества», 18 октября 2003 г.)

Погасшая звезда

Промелькнувшая за окнами машины в отдаленном селе Нижний Воч картина заставила вздрогнуть. За забором, недалеко от крыльца деревенского дома, стоял увенчанный звездой обелиск. Неужели кто-то похоронен рядом с домом? Предположение подтвердилось.

На окраине соседнего с Нижним Вочем поселка Зимстан, в другом доме, ухоженном и уютном, глотает слезы Светлана Федоровна Чаплыгина. Воспоминания даются ей с трудом, слова застревают в горле. Неловко мне, что разбередила ей душу, старые и новые раны. «Ничего, пройдет, – утешает моя собеседница. – Это хорошо, что приехали».

Все мысли Светланы Федоровны в эти минуты там, на родине, в деревне Нижний

Воч. Перед глазами родительский дом, построенный отцом и матерью в трудное послевоенное время. Троим маленьким Гичевым под его крышей было хорошо как нигде и никогда. Правда, отца дети видели мало, он пропадал на лесозаготовках. Спозаранку спешила в сельскую хлебопекарню мама. Потом, когда тесто начинало доходить уже в формах для выпечки, улучив момент, она обязательно забегала домой. Разбудит деток в школу, вынет из печи горшок с кашей, поставит на стол крынку молока. И обратно. После ухода мамы в избе оставался сладкий хлебный запах.

Своих детей – дочек Алю, Свету и сына Колю – Татьяна Степановна Гичева считала даром Божьим. Наверное, точно так думают и все другие матери. И все же счастье материнства этой женщине досталось слишком дорогой ценой. Совсем юной, еще не достигнув 20 лет, она ушла на войну. Надо ли объяснять, как обстояли в 1942 году дела на фронтах Великой Отечественной, если пришли повестки нежным, хрупким девчушкам с длинными косами либо смешными косичками.

После недолгой учебы девичий батальон, куда попала и Таня Лужикова, привезли в Москву. Поставили задачу – стеречь небо столицы. Их главным оружием на долгие месяцы сделались пузатые шары, наполненные сжатым водородом. Висевшие в воздухе аэростаты сбивали планы фашистских бомбардировщиков.

После Москвы девчоночий батальон нес службу в других городах, на других фронтах. На войне как на войне. Татьяна Степановна позже, бывало, признавалась, что за долгих четыре года войны страх притупился. Списывала это на юность. Говорила: бедовые, мол, были, даже солдатскую пайку умудрялись продать, а с вырученными деньгами бежали к парикмахеру, делать завивку, кудри.

Демобилизовавшись в августе 1945 года, Татьяна стала работать на маслозаводе в Усть-Куломе. А еще через год, в 1946-м, вернулся с фронта Федор Гичев. Судьбе было угодно, чтобы фронтовик и фронтовичка встретились. А вскоре сыграли немудреную послевоенную свадьбу.

Федор Егорьевич на фронте был буквально изрешечен, изуродован фашистскими пулями и осколками. Воевать пришлось в разных местах. Настоящим пеклом стал для рядового Гичева Карельский фронт. Держали оборону на продуваемых и обстреливаемых со всех сторон сопках. Мурманск, Печенга... Эти названия в душе ветерана отзывались сырыми окопами, котелком ледяной воды, запахом крови от грязных бинтов.

Уцелел чудом. Осколки от разорвавшегося рядом снаряда искорежили голову. Часть извлекли в полевом госпитале. Остальные носил всю жизнь, превозмогая адские боли.

Татьяна Степановна Гичева с фронтовыми товарищами.

Как и все деревенские мужики, Федор Егорьевич был скуп на слова, детей своих не баловал, да и баловать-то в то время было особенно нечем. Но в обстоятельном, суровом отце, а тем более в спокойной, ласковой маме дети не чаяли души. Особенно был привязан к отцу Коля. Единственный сын. Для отца он стал самым желанным и дорогим человеком.

Обыкновенный деревенский мальчишка, он не блистал знаниями в школе. Зато с детства Коля хорошо постиг азы и премудрости другой школы. Рыбалка, охота, сенокосная страда – все это мальчишка любил до самозабвения. Во всех играх среди нижневочских мальчишек Коля Гичев неизменно оставался командиром. Лидером среди сверстников делали его покладистый характер и сноровка. В то время редкий мальчишка не желал примерить солдатскую форму. Уже с младших классов мечтал пойти служить в армию и Коля. Можно сказать, самостоятельно изучил рацию, стал работать в лесном поселке Виль, связь которого с «большой» землей поддерживалась исключительно с помощью азбуки Морзе.

«Не волнуйся, все будет хорошо», – не скрывал Коля счастливых глаз на семейной вечеринке перед отъездом в армию и с улыбкой уговаривал маму не плакать. Попал он служить почти в те же места, которые когда-то защищал его отец. Слал с Кольского полуострова короткие, но бодрые письма. Эх, знать бы…

Короткий декабрьский день 1968 года. Было еще светло, когда возле дома Гичевых притормозила крытая брезентом машина. Из нее вышел человек в военной форме. На пороге представился, назвался сотрудником районного военкомата. Трудный разговор начал издалека. Спросил Федора Егорьевича о здоровье. Поговорили о том о сем. Потом гость поднялся и сказал негромко: «Крепитесь, мужайтесь. Погиб ваш сын».

С этими словами в доме будто бомба взорвалась. Схватился за голову Федор Егорьевич. Когда через несколько минут он разжал и опустил руки, между пальцев торчал клок вырванных с корнем волос. Закричала, заголосила Татьяна Степановна. Лишь после похорон дочери заметили, что от темных маминых прядей не осталось и следа. За несколько дней ее голова стала совсем седой.

Короткие сборы. И вот уже в той же военкоматовской машине, принесшей горькую весть, Гичевы едут в райцентр. Путь отсюда предстоит неблизкий. Наконец они видят своего Колю. Он лежит в кумачовом гробу в гарнизонном доме офице-

ров. Возле гроба – почетный караул. Не могут сдержаться, шмыгают носами толпящиеся рядом ровесники Коли. За их плечами – всего полгода службы...

Рота солдат возвращалась с гарнизона. Ехали в кузове грузовой машины. Дорога петляла между сопок. На одном из поворотов – навстречу другая армейская машина. Можно было безо всяких последствий разминуться. Однако не разминулись. У многих солдат были поломаны руки, ноги. Позже все поправились. Погиб один лишь Коля.

Татьяна Степановна Гичева после войны.

Солдат за рулем встречной машины был пьян. Посмотреть ему в глаза родители погибшего солдата в те дни не хотели да и не могли. Им, решившим увезти тело сына на родину, было не до этого. Уже после похорон в Воч пришло письмо от матери того солдата. Она писала, что сына вырастила без мужа. А теперь рискует остаться на этом свете и вовсе одна. Сына ждут суд и очень суровая кара. Вся надежда – на них, родителей погибшего Николая Гичева. Раздумья над ответом были недолгими. Уже утром Федор Егорьевич отнес на почту письмо, в котором просил военный трибунал проявить снисхождение к проштрафившемуся солдату.

Привычное нынче трагическое сочетание «Груз-200» в 60-е годы было еще не столь «популярно» в российских городах и весях. Цинковый гроб из Мурманской области добирался до Нижнего Воча почти десять суток. Еще несколько дней тело погибшего солдата оставалось в его родном доме. Отвести на погост, расстаться с сыном для родных Коли оказалось выше сил. Тогда кто-то из близких предложил похоронить его рядом с домом.

Так и порешили. Правда, желание родителей погибшего солдата похоронить его поблизости от дома всполошило местные власти и районное начальство. Вроде даже в райкоме партии на сей счет принимали специальное постановление. Увидеть этот документ, к сожалению, не удалось. Но как бы то ни было, могилу выкопать разрешили. Случай был не рядовой. Уважаемыми людьми в районе слыли и супруги-фронтовики. Убедить их отказаться от задуманного никто не сумел. А отказать им в эти скорбные дни было выше людских сил.

«Как-то не по себе жить рядом с могилой», – размышляю я вслух. Светлана Федоровна в ответ горячо доказывает, что бояться и в голову не приходило. А то, что могила брата находилась рядом с домом и можно было по нескольку раз на дню побыть возле нее, помогло родителям пережить потерю. Будь брат похоронен на сельском погосте, такой возможности у них бы не осталось. Оба села – и Верхний, и Нижний Воч – расположены на склонах холмов, с глубокими оврагами у подножий. Кладбища находятся еще выше домов, почти на самой верхушке склонов. В слякоть и стужу туда не добраться.

Могилу обнесли фигурным штакетником. Федор Егорьевич сделал из цемента

обелиск, увенчал его звездочкой из стекла. Провел к могиле электрический кабель, чтобы звездочка горела. В летние месяцы могила утопала в цветах. Зимой у ее подножия всегда зеленели еловые венки.

Федора Егорьевича Гичева не стало в 1980 году. «Отец вдруг сильно заболел, отвезли в больницу в Усть-Кулом, – голос Светланы Федоровны снова дрожит, прерывается. Не передать, каких усилий ей стоит продолжить рассказ: – В больнице сказали, что мест нет. Отцу становилось хуже. Поместили его в коридоре, прямо в проходе. В палате места так и не нашлось. Здесь, в коридоре, он и умер».

Нынешний год нанес Светлане Федоровне еще один удар – умерла мать. Ее заботы, участия, ласки хватало на всех: детей, внуков, правнуков, многочисленную родню. Как о человеке редкой участливости и большой души отзываются о Татьяне Степановне все, кто ее знал.

Пока могла, каждое лето она засаживала огород в Воче. Обустраивала могилу Колюшки. Но цемент на памятнике с годами потрескался, сгнил подведенный к нему кабель, погасла звездочка. Вместе с дочерьми Алей и Светой широкими бинтами обматывали остов обелиска, старались уберечь его от разрушения. Но дожди и снега каждую весну оставляли на нем новые раны и отметины. «Как бы Коле на могилу новый памятник поставить», – мечтала Татьяна Степановна.

Эти слова матери и стали ее завещанием дочери. Летом она выкроила время, съездила в Усть-Кулом, в управление по социальным вопросам. Хотела разузнать, занимается ли кто-нибудь обустройством могил погибших в мирное время солдат. В райцентре же узнала, что мраморный памятник на могилу матери, участницы Великой Отечественной войны, поставят обязательно. И даже бесплатно. А таким, как брат, бесплатные памятники не полагаются.

– Почему? – недоумевает Светлана Федоровна, – ведь Коля родину пошел защищать. И не его вина, что в 18 лет его жизнь оборвалась. Кто-то должен нас услышать, почувствовать нашу боль, помочь.

Мои попытки отыскать в столице республики организации и людей, которые бы занимались увековечением памяти солдат, погибших во время прохождения срочной службы в мирные дни, закончились ничем. Исключение представляют разве что воины-«афганцы», собравшие сведения о всех земляках, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. На слуху пока и солдаты, воевавшие и погибшие в Чечне. Но пройдет время, и не окажутся ли забытыми и они?

Забыты же сегодня десятки, сотни наших солдат, чьи запаянные гробы рассеяны по погостам всех городов и районов республики. Наши земляки за прошедшие полвека сложили головы на «невидимых» фронтах в Анголе, Вьетнаме, в других странах. Многие погибли во время боевых учений, аварий, ЧП, просто из-за разгильдяйства и безответственности армейского начальства. Добавьте сюда когорту ребят с подводной лодки «Курск». В Сыктывкаре живет женщина, которая почти 30 лет ежедневно посещает скромную могилу на городском кладбище. Там лежит ее единственный сын. Его убили в поезде, когда он возвращался домой после демобилизации.

Нужна нашей республике еще одна «Книга Памяти», которая увековечит их имена. Может, найдутся и люди, готовые взяться за обустройство могил этих солдат?

Анна СИВКОВА.

Усть-Куломский район

(«Дым Отечества», 5 декабря 2003 г.)

ИМЯ И СУДЬБА

«Что в имени тебе в моем?» Вслед за поэтом и мы зададимся этим вопросом. Издавна люди пытались в имени человека разглядеть, предугадать его судьбу. В последнее время к происхождению и значению имен проявляется все больший интерес. Глубинный, сакральный смысл, заложенный в имени, всегда волновал поэтов, ученых, философов.

Мы решили посмотреть на этот вопрос в несколько ином ракурсе. Перед вами портреты людей с необычными, уникальными, редкими именами. Все они – наши земляки или жили в наших краях.

Иуда, Вакх, Папа, Пуд

Коми семья с Верхней Вычегды на пороге XIX и XX веков.

Своего рода справочником по именам долгие века в России оставались церковные святцы. Всех детей после рождения крестили, а окунув в купель, нарекали именем. Почти всегда это было имя православного святого, чье прославление приходилось именно на этот день. Имен в святцах было много. Но исстари повелось давать новорожденным имена привычные, уже приспособленные к русской среде. Самыми распространенными во все времена оставались Иван да Марья. Сегодня уже, наверное, и никто не вспомнит, что по происхождению они не русские, а пришли с Иудеи.

Но во все времена были и исключения из правил. Привели к священнику крестить дитя, а в этот день по святцам прославился мученик или чудотворец с замысловатым для русского уха именем. Родители, конечно, в душе и противятся такому имени, да вслух не принято перечить духовному лицу.

В Удорском районе есть род Иуды. До сих пор родственников называют «Юда рӧдысь». Так закрепилось за потомками имя одного из предков. Иуда – стало именем нарицательным. Как известно, так в Священном писании звали человека, предавшего Христа. Большинство людей только этого Иуду и знают. Но был и другой Иуда – сподвижник Иисуса Христа, святой православной церкви, чье имя вошло в святцы. Он-то когда-то и стал небесным заступником младенца с Удоры. В то время люди знали об этом. Для удобства убрали из слова первую букву «и», а «у» переделали в «ю». Под именем Юда и прожил человек свою жизнь.

Чаще всего трудные и не особо благозвучные имена доставались в прошлые века незаконнорожденным детям. Улыбку вызывает один из документов Выльгортского волостного правления. Это список крестьянских детей, родившихся в один год. Все имена и фамилии выписаны мелким убористым почерком. А одно имя – чуть ли не полстраницы занимает. Это – Вакх. Сейчас это имя ассоциируется с древнегреческим богом вина и веселья. Но был и такой святой. А его имя зырянскому мальцу досталось за то, что мать его родила вне брака.

Человек с очень редким именем Папа жил в селе Керчомъя Усть-Куломского района. До войны это был большой, сильный, кряжистый мужчина, отец (папа!) двух дочерей. Когда я первый раз услышала это имя, подумала, а как же будет отчество у его детей. Ни за что не догадаетесь! Дочери Папы Кочанова стали Папильевны. Многим односельчанам он запомнился хворым, обвязывающим голову платком. Шум в голове появился после Великой Отечественной войны, где Папа получил сильную контузию. Деревенские мальчишки, стоило мамам перевязывать их платочком, например, после бани, принимались сопротивляться: «Не хочу платок, Папой будут обзывать». А подрастая, все спрашивали у взрослых, откуда в деревне такое имя взялось.

Папа Кочанов родился еще до революции. Родители припозднились с крещением своего малыша. И соседка тоже вовремя не успела отнести своего ребенка к иордани. Наконец пошли, да день выпал праздничный. Батюшка встретил недружелюбно, мол, что ж вы в такой день-то меня загружаете еще и крещением. Коекак уговорили. Лучше бы не уговаривали. Одного из младенцев он нарек Папой и другому тоже имя подыскал невзрачное – Пуд. Так и пришлось с мудреными именами жизнь прожить.

Лениан

Вообще-то, жителя поселка Ягкӧдж Усть-Куломского района надобно величать Ленинианом. Но один слог из его примечательного имени выпал, не прижился. Но и без него имя не потеряло звучности. А его хозяин слывет едва ли не самым оригинальным, интересным человеком на всей Верхней Вычегде.

Дом Игнатова тянет не то что на музей, на целый научный центр. Совсем не случайно здесь частые гости ученые Коми научного центра. Нет отбоя и от других желающих познакомиться с уникумом из Ягкӧджа.

Судьба была совсем неблагосклонна к мальчику с громким именем. Его отец, житель села Вольдино Алексей Игнатов, тринадцать раз становился отцом. Но вы-

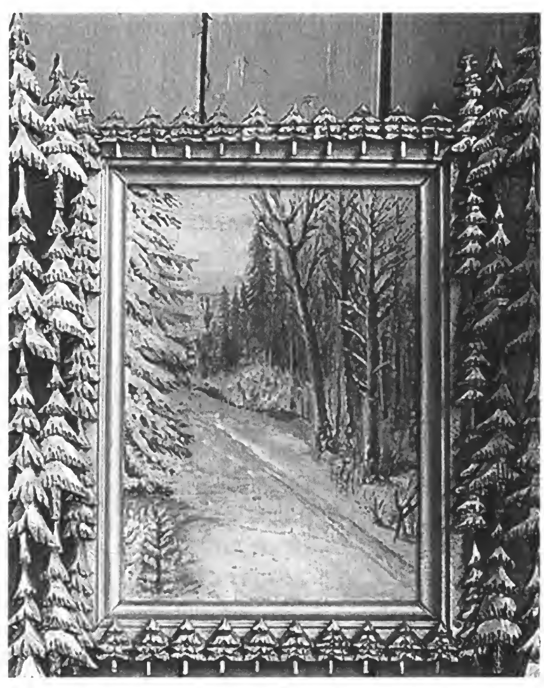
жить смогли лишь семеро детей. Отец для них выбирал имена революционные: Виль, Жорес, Луиза... Как и в других крестьянских семьях, дети росли как трава, опекать их взрослым было недосуг. Мальчишки есть мальчишки, затеяли как-то прыжки с крыши. Девятилетний Лениан тоже решил доказать свою смелость. Но мягкой посадки не вышло. Сломал колено. На санках, по бездорожью, мать тащила стонущего сына в неблизкий город Чибью. Врачи сказали, что ногу придется отнимать. Но мать наотрез отказалась от операции.

Лениан Алексеевич Игнатов.

Ногу удалось спасти. Но мучения Лениана растянулись на долгие восемь лет. За это время он успел пожить и полечиться в Вологде, Череповце, в Пустоши Сысольского района. Боли доводили до исступления. Временами даже жить не

хотелось. Сам удивляется, как сумел превозмочь адские боли. Научился и ходить. На костылях уже семнадцатилетним юношей вернулся домой.

Выучился, стал историком. Сорок лет отдал школе, детям. И все эти годы не проходило дня, чтобы не обходил окрестности Ягкӧджа. Себе определил и минимум – три километра в день. Летом эта цифра увеличивалась десятикратно, двадцатикратно. Не осталось в округе мест, куда бы Лениан Алексеевич не отправлялся с ребятами в походы.

Он хотел узнать все. И во всем преуспел. Самостоятельно провел исследования по самобытной топонимике здешних мест, изучил геологическое строение земли, проводил археологические раскопки... Занимался всем этим не абы как, а глубоко, всесторонне, как настоящий ученый. Теперь все разыскания оформлены в прекрасные рукописные книги, а некоторые из открытий вошли в энциклопедии

и справочники по Республике Коми.

Его разнообразным коллекциям, собранным за десятки лет, могут позавидовать знаменитые палеонтологические музеи. Чего стоит находка блях-плакеток, относящихся к IV веку до нашей эры! Точила, скребки, копья, фигурки божеств, окаменевшие обитатели морских глубин, на месте которых сейчас и стоит поселок Ягкӧдж, – все это не лежит мертвым грузом, а выливается в новые, интересные исследования. Лениан Алексеевич не только ногам покоя не дает. Из-под его пальцев выходят сказочные деревянные кружева: наличники, рамки для картин, неповторимые фигурки. Он и рисует отменно, портреты близких украшают гостиную дома. Другой бы на его месте от талантов зазнался давно. А он скромный донельзя. Недаром, что Лениан.

Аргентина

Уж насколько пестра палитра имен 20-30 годов прошлого века, но это имя поразило и слух, и воображение. Фантазия рисовала этакую разудалую особу с примесью южных кровей, яркую, колоритную, горячую.

А она в ситцевом платочке, завязанном на затылке, в таком же простеньком платьице, на огороде копается. «Вы Аргентина Михайловна Карманова?» – отвлекаю пожилую женщину от работы. Она поднимает голову, пристально вглядывается в незнакомых людей, а узнав, по какому мы делу, не может скрыть удивления: вздыхает, ахает, в дом ведет.

Дом огромный, чистый, ухоженный, с окнами на поля и перелески. Все располагает к покою, умиротворению. А у хозяйки слезы на глазах. Наши вопросы воскрешают из памяти далекое, горькое.

«Прожила жизнь, и мечта не покидала: хоть одним глазком увидеть эту самую страну Аргентину. Но не только ее, даже людей с таким именем никогда не встречала. Лишь раз за жизнь в газете прочла, что живет какая-то Аргентина в Москве. И обрадовалась, значит, не одна я такая особенная, двое нас», – говорит Аргентина Михайловна.

Особенным именем отцу обязана. Был он простым трудягой, всю жизнь в де-

ревушке Сордйыв прожил. Здесь и дети родились – Октябрина, Аргентина, Альбина, Роза... Жили как все, в трудах и заботах, но в мире и согласии. Только домашний очаг очень скоро у Игнатовых остыл. В войну, когда забрали отца, семья сильно голодала. Чтобы спасти детей, Екатерина Михайловна как-то раз собрала на сжатом поле горсточку колосков. Из зернышек кашу сварили. А сор в сарай вынесли. И угораздило в это время зайти к ним председателю колхоза, тоже женщине, да еще соседке. Через несколько дней направила она к Игнатовым милицию. Был суд. И оторвали маму от детей.

Навсегда оторвали. Всего-то несколько писем и пришло деткам из Нижнего Чова от матери. А потом вернулись в село женщины, тоже пострадавшие за колоски, сказали, что заболела Катерина, умерла. Аккурат в эти же дни похоронка с фронта в дом пришла. Так остались пятеро маленьких Игнатовых сиротами.

Аргентина Михайловна Карманова.

Аргентина Михайловна говорит, что ей повезло, старшая была, на попечении бабушки дома осталась. Остальных развели по детским домам. Роза там и умерла. Через многие лишения прошли Альбина с Октябриной и брат Анатолий. Учиться толком никому не довелось. Девочку с иностранным именем Аргентина уже в двенадцать лет отправили на самую трудную работу – на молевой сплав. «Больше лошади работать пришлось», – вздыхает Михайловна, но нет в ее словах ни горести, ни злости. Лишь глаза влажные.

На сплаве и с мужем познакомилась. А потом дети один за другим родились. Шестеро их у Аргентины Михайловны. Орава детей никогда не была помехой для работы. Всю жизнь – в совхозе, лишь в последние годы перед пенсией на легкий труд в детский сад определили. Всю жизнь в родном Сордйыве. Сюда же каждый год приезжает из Сыктывкара и сестра Октябрина. Октябрина Михайловна Вежева – человек знатный, Герой Социалистического Труда, знаменитый в недавнем прошлом овощевод. «Чего ей, сироте, стоило добиться признания да успеха, одному Богу ведомо, – вздыхает сестра. И тут же добавляет: – Нечего удивляться, чего-чего, а трудиться мы все с детства умели».

И все же есть у Аргентины Михайловны своя особинка, некое оправдание необычного имени. Она – гармонистка. Еще с юности пристрастилась к тальянке, на посидках подружки, бывало, гармошку найдут, поиграть попросят. Она играет, а все поют.

«А мама меня Тиной звала, – уже прощаясь, подсказывает Аргентина Михайловна. – Жаль, не высказать, как жаль, что она так рано умерла. А мне уже за семьдесят. Значит, и за нее я прожила».

Адольф

Это имя не редкость в коми селах. Нарекали им мальчиков задолго до войны, в 20-30-е годы. Можно представить, какие чувства обуревали молодых людей, когда началась Великая Отечественная. Имя Адольф надолго слилось с личностью нацистского главаря.

Адольф Иванович Туркин, известный коми ученый, как раз из поколения 30-х годов. Его не раз спрашивали, кому он обязан своим именем. Сохранился его рассказ об этом. Покойный ныне ученый вспоминал, что появился он на свет в вымской деревушке Ероздино накануне нового, 1936 года. Отец в это время проходил военную службу в Подмосковье, а мама жила у бабушки. Когда начались роды, решили роженицу довезти до усть-вымской больницы. Запрягли лошадь и тронулись в путь. Но по пути разразилась пурга, дорогу замело, и лошадь встала как вкопанная. В санях под вой и завывания ветра и появился на свет будущий ученый.

К утру пурга утихла, стали видны контуры дороги, а вдали засверкали купола усть-вымских церквей. Но в больницу новорожденный и его мама попали уже почти без признаков жизни. В схватку со смертью вступил дежуривший врач, немец по национальности. Звали его Адольф. В благодарность за спасение мать – Надежда Николаевна – и назвала его именем своего первенца. К сожалению, фамилию и отчество своего спасителя Адольф Иванович так и не узнал. Неизвестно и то, как сложилась дальнейшая судьба ссыльного немца-врача. Может, кто из усть-вымцев помнит его, расскажет.

Зарни

Зарни Евдоксиевич Хозяинов с внучками.

«Зарни» в переводе с коми означает «золото». «Золотко», «золотой» – так обращаются мамы к своим детям. По-коми такие же слова адресуют малышам – «зарни», «зарни тусь» (золотой, золотой мотылек). Для каждой матери свое чадо – золотое. Но ни одной не приходило в голову это ласковое словцо обернуть именем.

Сделал это отец. Когда Марфе Ильиничне Хозяиновой муж Ев-

доксий Иванович объявил, что в сельсовете записал новорожденного сына под именем Зарни, она не поверила. Пришлось демонстрировать метрику. Но и после этого ошарашенная мать долго отказывалась верить написанному. Никогда таким именем детей на ее родине, в Ижемском районе, никто не называл.

А Зарни вырос на загляденье. Почти восемь лет в армии отслужил. После службы вернулся в родной Кельчиюр. В колхозе «Правильный путь» поставили его бригадиром. А затем как хорошего работника в Сыктывкар на учебу откомандировали. Вернулся с дипломом агронома, а диплом-то с отличием. В сельхозтехникуме и половинку свою нашел, Елизавету Иосифовну. Уже 45 лет с лишним вместе живут, детей подняли, внуки растут.

Теперь Зарни Евдоксиевич на пенсии. Как жил, так и живет в Кельчиюре. Годы берут свое. А когда-то он спортсменом был известным, занимался легкой атлетикой, на лыжах бегал. В 1957 году ездил даже защищать честь республики на соревнования в Москву. Почетных грамот за победы – целая стена. Одним словом, нигде, ни в чем не подкачал, имя оправдывал.

Если в деревне поначалу и удивлялись редкому имени, то с годами к нему все привыкли. К тому же в Кельчиюре что ни семья, то имя необычное. Сыктывкарские земляки кельчиюрцев подготовили длинный список имен, заслуживающих внимания. Вот лишь некоторые из них: Неофид, Спартак, Радис, Юдифь, Рональд, Палладий, Франс (кстати, так звали отца Александра Франсовича Сметанина, возглавляющего Институт языка, литературы, истории Коми научного центра), Ювиль, Дормидонт. Свои «причуды» и в женских именах: Дросида, Графия, Февронья… Одним словом, имятворчество здесь било ключом.

Зарни Хозяинов в 50-е годы защищал честь республики на всероссийских легкоатлетических соревнованиях.

Аэлита

Алла Степановна Смолева вынимает из шкафа папки, альбомы, груды фотографий. В четыре руки перебираем их, ищем среди них ту, на которой была бы запечатлена она, директор Печорской школы-интерната № 6. Снимков – море, и везде – дети, дети, дети. А бессменного руководителя большого детского коллектива не видно нигде. Уже после командировки Алла Степановна переслала с оказией две фотографии, на которых есть и она.

Одно это говорит о многом: Алла Степановна человек скромный. Хотя известности ей в Печоре не занимать. Останови любого прохожего, назови имя и фамилию этой женщины, каждый подскажет, как пройти к ее школе.

Так и есть, это ее школа. Десятки лет она отдала детям. Если еще точнее – 42 года. «В такую даль возвратиться заставили...» – Алла Степановна никак не может унять волнение от прихода корреспондента, да еще по такому необычному поводу. Говорит, что почти всю жизнь со своим настоящим именем не дружила. Ведь оно такое экстравагантное, тут же заставит обратить на ее обладательницу внимание, остановить взор. В школе свое настоящее имя скрыла, назвалась Алей. А когда после института в школу пришла, представилась Аллой Степановной. «Аэлита – это же что-то необычное, фантастическое, а я такая обыкновенная», – подводит знаменатель под свои страхи и сомнения директор школы.

Аэлита она по паспорту. Так ее назвали родители. Романтичные, интеллигентные, начитанные люди. Имя дали в честь героини вышедшего в 30-е годы и ставшего сразу же суперпопулярным романа Алексея Толстого. Конечно, как и все папы и мамы, видели свою дочь самой привлекательной, самой необыкновенной. Она оправдывала свое имя, росла умницей. Все складывалось замечательно...

Аэлита Степановна Смолева.

А потом, раз – и очутилась семья в землянке. Сначала в Воркуте, а затем в Печоре. Отец отбывал заключение, а мама и дочь решили быть рядом. В Печоре Аэлита закончила школу. И вот тут-то, едва ли не единственный раз за всю жизнь, «взыграло» в ней ее космическое имя. Другая на ее месте не стала бы искушать судьбу, отправила бы документы в самый ближний вуз. А ей захотелось учиться в самом красивом городе. Русский Париж назывался Одессой.

Она поехала к черту на кулички. И поступила. И прекрасно проучилась. Кстати, еще в студенческие годы познакомилась с Николаем Садовским, быв-

шим министром образования Республики Коми, тогда еще просто Колей и тоже одесским студентом. Тесен мир, они встретились вновь, уже на Севере. Алла Степановна признается, что студенчество бесследно не прошло, Николай Александрович всегда, чем мог, поддерживал печорскую «одесситку».

Алла Степановна уже давно заслуженный отдых заработала. Но школа как взяла в плен, так и не отпускает. И с городом северным она тоже не разлей вода. Почетный гражданин Печоры.

Соловей

Из тысяч имен, возвращенных из лагерного забвения, это зацепило, задержало взгляд. Скорее всего потому, что никогда не встречала человека с именем певчей птицы. Оно значилось под следственным делом заключенного Сикорского.

Сикорский Соловей Ануфриевич, уроженец Киевской области, отбывал в Коми срок по статье 162. Вернее два срока, потянувших за собой шлейф диною в десять лет лагерей. Потом его освободили, видимо, без права выехать в родные края. И он снова попался. Уже на воровстве. Его снова водворили в лагерь и послали на лесоповал.

И тут на него завели новое дело. За отказ выходить на работу. Нашли свидетелей, которые в унисон с начальником утверждали, что Соловей Сикорский злостный прогульщик, что причин невыхода на работу у него нет. Заключенного стращали, водили на освидетельствование к врачам, которые признали его полностью здоровым. И одет, и обут он, как явствовало из документов, и на довольствие зачислен. А он ни в какую – все отлынивает. Его за отказы и в СИЗО сажали, и к совести взывали. А он все равно свое гнет: «Не пойду работать, и все».

Горы документов на Соловья наплодили. Между ними и затерялась невзрачная бумажка. Очередная медсправка на заключенного Сикорского. В ней черным по белому значится, что он страдает грыжей белой линии живота. Но тут же врач четвертого лагпункта Устьвымлага перечисляет перечень работ, на которых и с грыжей можно вкалывать: выносить дрова к дорогам, сучья обрубать, корить бревна, укатывать лес в штабеля... Такой «легкий труд» расписан в лагерных инструкциях.

И все же упорство у заключенного Сикорского было железное. Между отсидками в СИЗО он снова и снова стучался во все двери. Тогда на него завели дело, обвинили в саботаже, «припаяли» 58 статью, дали новый срок.

А потом – оправдали. Сделал это Верховный суд Коми АССР. Нашли, что человек больной, требуется операция. В 1941 году выпустили Соловья на волю. Что сталось с ним в дальнейшем, документы умалчивают. Важен прецедент, когда заключенный смог добиться справедливости. Таких случаев было в те годы ничтожно мало.

Ким, Спартак, Мир, Феликс, Рево, Люция и другие

Деревня Великополье – одно из сотен поселений, затерянных на просторах тайги. Сюда и сегодня доберешься нескоро, что уж говорить о начале века двадцатого. Привычный, размеренный уклад великопольцев потревожила революция. Сначала пришла молва, потом война грянула. Люди с недоверием относились к новой власти. Лишь здешний житель Иона Порфирьевич Нехорошев принял революцию, как свою.

Он верил в нее бурно, истово, самозабвенно. Как только узнал, что создаются общественные хозяйства, отнес в «общак» все нехитрое крестьянское имущество. Агитировал за колхозы, сам создавал тозы, коммуны.

В Гражданскую войну Нехорошева призвали на фронт. А у него молодая жена на сносях. Пришлось расстаться. Иона на прощанье попросил женку беречь себя. А еще наказ дал, что если сын родится, назвать его...

А как – забыли. Родила Мария Ефимовна сына да и всполошилась. Начисто запамятовала, какое имя сыну муж велел дать. Да и как не забыть, коли имя было столь мудреное, что никого до сих пор так не нарекали. Мария обежала и родных, и соседей, умоляла вспомнить, какое же Иона имя припас для младенца. Ломали головы всем Великопольем. Но память так его и не выдала.

Повели дитяти к попу. Завела было и с ним Мария разговор про мужнин наказ. Но поп революционным именем, да к тому же неизвестно каким, наречь новорожденного отказался. Было это в канун Петрова дня. Вот и окунул батюшка ребенка в купель с именем Петра.

Иона Нехорошев с семьей после коллективной стрижки.

Возвратился с войны Иона Нехорошев. За сына был несказанно рад. А имя его простое рассердило папашу. Но менять все же не стал. Знал, что дети – дело наживное, родятся еще. А уж как их назвать – он знает.

Появление еще одного наследника не заставило себя ждать. Снова сын. Иона Порфирьевич назвал его Кимом. Имя, рожденное на гребне революции, было очень популярным в двадцатые годы. Отцы думали, что дети объединятся в комму-

Феликс Нехорошев.

Рево Нехорошев (справа) с приятелем.

нистический интернационал, построят социализм на всем земном шаре. Объединиться не довелось. Кима семнадцатилетним призвали на фронт – началась Великая Отечественная. Отец и мать провожали сына на пароход. Мария плакала. Иона прикрикивал на нее: «Не смей плакать. Живым вернется».

Как в воду глядел. Возвратился Ким домой целехонек. После возвращения долго жалел, что потерял в дороге дневники, которые вел на фронте каждый день. Кто-то украл в поезде. Удивлялся, что взяли не трофейный бинокль, другие вещи, куда более ценные, а потрепанные тетрадки. Свой литературный талант он так нигде больше и не воплотил. С головой окунулся в работу. Работал технoруком, мастером леса, трактористом. Жить бы ему еще и жить. Кабы не лишения, невзгоды, унесшие его еще в самом расцвете лет.

Следующим был Спартак. Как и любой отец, Иона мечтал видеть сына сильным, умным, ловким. Все эти качества вобрало в себя и героическое имя. Но, увы… Судьбы и Спартака, и других детей Нехорошева не оправдали светлых, высоких надежд их отца.

От Спартака не осталось даже фотокарточки. Как и другие братья и сестры, он не был обделен талантами, хорошо учился. Перед войной отец отвез его в Сыктывкар, устроил на какие-то курсы. Но тут война. Голод, холод. Перебороть их у юноши не хватило сил. Он так и сгинул где-то в городе, вдали от родных.

Сохранился снимок семьи Нехорошевых еще в малочисленном составе. Он сделан по пути на Печору, куда им пришлось двинуться в поисках удачи. Как ни самозабвенно Иона Порфирьевич был предан делу революции, но в родном Усть-Куломском районе стал лишним. Завистники и недоброжелатели разразились доносами во все инстанции. Чуть не раскулачили бедняка-революционера! Пришлось трогаться с насиженных мест. Обосновались на Печоре, где Нехорошева назначили начальником Кожвинского леспромхоза.

Берега Печоры стали второй родиной для сыновей. Как раз перед тем, как двинуться в путь, Иона купил механическую машинку для стрижки волос. И всех пустил под «ноль», даже жену. Такими они и запечатлены на снимке 1936 года. Один из «бритоголовых» мальчиков носил еще одно заветное отцовское имя – Мир.

Но судьба и к нему оказалась неблагосклонной. Мальчик хорошо учился, писал стихи. В толстой тетради рифмовал свои впечатления, наблюдения. Но даже в этих бесхитростных стихах сквозило что-то роковое. В одном из своих стихотворений Мир с каким-то упоением описывал свою смерть, как положат его в гроб, обтянутый красной материей. Так оно вскоре и случилось. Матери надо было обменять паспорт. Ее не отпускали с работы. Мир вызвался сходить в Кожву за паспортом. Стояла зима. Мальчик, видимо, устал в дороге, присел на обочине отдохнуть. И замерз. Было ему 14 лет.

Следом за Миром появился Феликс. В семье его считали самым умным, подающим большие надежды. Он их оправдал. Закончил с отличием горно-нефтяной техникум. Его тут же пригласили продолжить образование в институте им.Губкина. Нехорошев был бы и рад поехать в Москву, да бедность не давала. Не было ни лишней пары брюк, ни рубашки. Пришлось ехать на буровую, осваивать Вой-Вож. Правда, институт он все же закончил, уже будучи взрослым, заочно. Но продвинуться по службе, применить знания и опыт в полной мере не дало подорванное здоровье. Феликса Ионовича не стало в 55 лет.

Рево, Феликс, Ким и Лия Нехорошевы.

Горно-нефтяной техникум, как старший брат, закончил и Рево. Тоже умница, светлая голова. Он работал в Нижнем Одесе, на Джеболе. Везде был нарасхват. Мог сконструировать любой агрегат, починить любую вышедшую из строя технику, придумать невиданные конструкции. Быть бы ему конструктором, изобретателем. Он нашел силы закончить физмат пединститута. Дружил с литераторами. Переводил на коми язык книги русских авторов. Ценил и понимал искусство. Трагическая смерть в 1960 году – сгорел в доме, в котором жил, – перечеркнула все.

Вторую половину гревшего душу слова – increasingly реvоЛЮЦИЯ – Иона Порфирьевич увековечил в имени своей дочери, родившейся следом за Рево. Но она прожила недолго, всего годик. Как и следующая дочь, названная отцом тоже новым именем, – Августа.

Иона Порфирьевич еще успел подержать на руках самую младшую дочь, которую нарек Лией. Вскоре сильно занемог. Сказывались не просыхающие от воды ноги, беспокойная работа. Он не мог уже даже сидеть. Его навещали начальники из района, ободряли, говорили, мол, ты и лежа можешь руководить. Но он чувствовал, что силы покидают. Отправился в Сыктывкар. Хотел подлечиться. Только было уже поздно. Здесь, в сыктывкарской больнице, и умер. Оставив своих дорогих деток и жену сиротами.

Трудная им досталась доля. Ничем не измерить горе матери, одного за другим терявшей своих детей. Сегодня из девяти братьев и сестер Нехорошевых осталась одна Лия, самая младшенькая. Лия Ионовна Пешкилева и рассказала историю своей семьи, которая, словно призывами на транспарантах, пронизана революционными именами.

Аврора Евгеньевна Осипова.

Аврора

Всегда интересно представлять, как выглядит человек, с которым только что договорился о встрече. Аврора Евгеньевна Осипова, пригласив к себе, сказала по телефону, что подъездная дверь у них запирается на ключ, поэтому она будет выглядывать из окна, чтобы открыть ее. У подъезда долго ждать не пришлось. В одном из окон верхних этажей появилось улыбающееся лицо. По приветливому взмаху руки я сразу же догадалась, что она и есть моя героиня.

Приветливость, радушие, улыбка не сходили с ее лица в течение всего разговора. Наверное, так и должно быть у женщины с таким редким, красивым именем. Оказалось, что и в жизни Авроры Евгеньевны не было драм и трагедий, омрачающих «утреннюю зарю» – ее имя как раз это и означает.

Она привыкла к своему имени, так свыклась с ним, что даже не особо интересовалась его происхождением. Лишь раз мама намекнула, что своим божественным именем дочь обязана одной женщине, очень славной. Аврору в детстве и в юности заменяли уменьшительно-ласкательные – Ара, Арочка. Некоторые переиначили на Аллу. Авророй ее неизменно называла лишь вся мужнина родня. Им очень пришлось по душе имя невестки, как, впрочем и она сама.

Аврора родилась и провела детство и юность в Казахстане. Скажи ей тогда, что жизнь забросит в Коми республику, она бы ни за что не поверила. Она и не знала долго, что есть такой край с труднопроизносимой столицей. Воркуту знала. В войну и после нее в Казахстане продавали воркутинский уголь. Сыктывкар же долго оставался белым пятном.

Пока однажды молодая актюбинская учительница Аврора Дмитриева не познакомилась с курсантом училища авиационных механиков Володей Осиповым. «Сто лет» прошло с того дня, но супруги помнят его во всех деталях. Как Аврора с двоюродной сестрой пошли на танцы. Как ту кавалер обхаживал. Как Аврора осталась без пары. Тут случайно и подвернулся молоденький курсант, вызвавшийся проводить девушку до дому. Удивительно, но строгая мама с первых минут знакомства прониклась к кавалеру дочери уважением. Но мало ли в юности кто кого провожает до дому? К тому же через пару месяцев Владимир закончил училище и уехал в свою Тьмутаракань. Обещал писать и приехать. Письма отправлял регулярно, но приехать не получилось.

У других бы на этом все и распалось. Но Владимир попросил свою знакомую приехать к нему. И Аврора решилась на неблизкий путь. Ей было интересно посмотреть мир. И увидеть город, в котором жил Владимир. Незадолго перед этим девушки гадали на блюдцах. У всех вышли названия городов, в которых им предстояло жить. А у Авроры буквы расплывались, рассыпались. Слово так и не сложилось. Проступали лишь две буквы – «с» и «к».

И вот она в Сыктывкаре. Встретили гостью очень радушно. И вдруг заговорили на каком-то языке, что, сколько ни силилась невеста, так и не разобрала ни единого слова. Она опечалилась: «Это куда же я попала…» Но прошло совсем немного времени, и коми речь уже не резала слух. Главное, что здесь ее все сразу полюбили. А вскоре в семье сыктывкарцев Осиповых сыграли свадьбу.

В Сыктывкаре Аврора Евгеньевна стала работать учительницей. Один за другим появились двое сыновей. Не было лета, чтобы семья не навещала родных в Казахстане. В то время такие путешествия рядовая семья могла позволить себе. Родители Авроры скучали по единственной дочери. Тоску глушили работой. И отец, и мать, и дед по отцу были ветеринарами. И в Гражданскую, и в Отечественную ветеринарные врачи оставались незаменимыми. Они лечили и домашний скот, и лошадей. Евгений Федорович Дмитриев – отец Авроры – всю войну отбирал лошадей для фронта. С табуном чистокровных скакунов представлял Западно-Казахстанский край на ВДНХ.

Родители Авроры, выйдя на пенсию, решили последовать примеру дочери. Расстались со своими степями. Приехали жить в Сыктывкар, чтобы видеть подрастающих внуков, быть рядом с дочерью. Здесь они и остались навсегда.

А их дочь более сорока лет проработала с детьми. С Владимиром Степановичем поставили на ноги сыновей, которыми гордятся. Радуют внуки. «Не знаю уж, в чем тут дело, в имени или еще в чем, но жизнью своей я довольна», – говорит Аврора Евгеньевна. Не часто в наши дни услышишь такое признание.

Прометей Ионович Чисталев.

Прометей

Имя античного героя, давшего людям огонь, в нашей республике уже давно ассоциируется с личностью человека, открывшего землякам музыку таежных просторов. Прометею Чисталеву своим вторым рождением обязаны коми народные музыкальные инструменты. Он всю жизнь отдал их собиранию, изучению. Объездил все районы республики, побывал в самых глухих селах и деревеньках, успел встретиться с последними мастерами, из-под натруженных рук которых выходили зильзели, чипсаны, сигудки. Неповторимый, самобытный, колоритный пласт культуры. Около 30 музыкальных инструментов обрели вторую жизнь благодаря одержимости, неутомимости, преданности Прометея Чисталева – искусствоведа, композитора, ученого.

Эта сторона деятельности Прометея Ионовича Чисталева описана в публикациях, в статьях, в энциклопедиях. Гораздо меньше известно о нем самом. Ни воспоминаний, ни подробной автобиографии, ни мемуаров Прометей Ионович оставить не успел.

Ему было о чем написать, что вспомнить. По-своему интересной в этой ненаписанной книге была бы и глава о рождении Прометея.

Он появился на свет 27 февраля 1921 года в Нювчиме в доме своего деда по матери Александра Васильевича Анисимова. В заводском поселке его прозвали «конторщиком». Был грамотный, служил. Это же прозвание на какое-то время закрепилось и за его внуком Прометеем, сыном дочери Елизаветы и коми поэта Ионы Чисталева.

А между тем этот брак мог и не состояться. Иона Тимофеевич Чисталев в то время работал в образовании, возглавлял подотдел УОНО. На одном из совещаний он познакомился с Риммой Александровной Анисимовой. Она работала учительницей. Инспектору девушка приглянулась, завязалась пере-

Прометей Чисталев в кругу близких в поселке Нювчим. 1974 г.

писка. Но вскоре у Риммы появился новый друг сердца. Сохранилось письмо Анисимовой к Чисталеву, подписанное «товарищ Римма». Это слово «товарищ» не оставляло никаких шансов на ее руку и сердце.

В последний раз молодые люди встретились в селе Вомын, где Римма учительствовала. Иона приезжал сюда с инспекторской проверкой. Попрощавшись, девушка попросила передать сверток своей сестре Лизе, усть-сысольской гимназистке. Что он и сделал. И с первого взгляда влюбился.

Лиза Анисимова не сразу поняла, чем привлекла к себе «лесного богатыря», «Жан Морӧса». Лесным богатырем прозвали Иону сокурсницы Лизы. А Жан Морӧс – его литературный псевдоним. Иона Чисталев уже был известным поэтом, талантливым, авторитетным в литературной среде. К тому же он был на семь лет старше своей избранницы. Но все барьеры пали перед натиском взаимного чувства.

В 1919 году Лиза и Иона поженились. Отпуска проводили в Нювчиме. Здесь Иона увлеченно играл в спектаклях, которые ставила заводская молодежь. Однажды с тестем возвращались из клуба. А им навстречу из дома повитуха выходит. Забежали в дом, а там ребенок пищит.

Своему первенцу Иона Тимофеевич имя придумал загодя. Героическое, яркое. Прометей. Чуть погодя появились дети и у его брата, поэта Вениамина Чисталева (Тима Веня). И он тоже окрестил их необычными, невиданными именами. Девочкам имя подобрал быстро. Одну назвал Музой, вторую – Авией – в честь зарождающейся авиации. Но для сына имя нашлось не сразу. Дочки его отцу подсказали. Безымянного братца, лежащего в колыбельке, они называли «вокан», что по-коми «брат» и значит. Отцу ничего не оставалось делать, как попросить вписать в метрику имя Вокан.

Как радовался Иона Тимофеевич своему сыну! Тут же сочинил для него колыбельную, где ласково называл Прометея «Тэушко». Вскоре семья переехала жить в Помоздино, на родину Ионы Чисталева. Супруги учительствовали. Но счастливая жизнь продолжалась недолго. Иона Тимофеевич заболел туберкулезом. Сказывалась окопная жизнь на фронтах империалистической. Друзья помогли достать путевку на юг, в Крым. Он поехал, подлечился, но улучшение не наступило. В июне

За фортепиано.

В экспедиции в селе Скородум Усть-Куломского района.

1923 года Иона Тимофеевич приехал в тубсанаторий в селе Подъельск. Здесь и покинули его силы. Елизавета Александровна получила телеграмму, что мужу стало хуже. Живым она его уже не застала.

Прометей остался без отца двух с половиной лет от роду. Он даже не запомнил его лица, голоса. Но всю жизнь уважал, боготворил его. В 1965 году на могиле отца возле санатория в Подъельске встал надгробный памятник Ионе Чисталеву. Знак благодарности, сыновней преданности.

Нелегко бывало Прометею, оставшемуся без отца. Он запросто мог разминуться с той стезей, которую лелеял для своего единственного сына Иона Чисталев. К искусству, к музыке шел он не по проторенному большаку, а далекими окольными тропками. Сначала стал учителем. Потом армия, война. Лишь в 1946 году вернулся к мирной жизни. Но, как и отец, заболел туберкулезом. Главное дело жизни отодвигалось, много раз зависало на волоске. Но он все превозмог, нашел себя, сделал замечательные открытия. Открыл и подарил родному народу уже подзабытую музыку. Наверное, Прометей и должен был это сделать.

Минерва

К сожалению, ни адреса, ни облика этой женщины узнать мне не удалось. Осталось лишь письмо. Теперь, по прошествии лет, с трудом припоминаю, что пришло оно где-то в конце 80-х в редакцию «Молодежи Севера», где я тогда работала. Помню, что автор жила в одном из северных городов. С началом перестройки вспыхнул большой интерес к неизвестным страницам истории. Оказалось, что под запретом долгие годы находились не только многие события и личности, но и судьбы целых народов. Одним из таких «запрещенных» народов были ингерманландские финны. К этому народу и относится женщина, поделившаяся в своем письме наболевшим и носящая необычное имя Минерва.

«Уважаемые товарищи, соотечественники!

Для меня было полной неожиданностью узнать, что где-то еще в России есть финны. Всю жизнь я скрывала свою национальность. Почему-то она вызывала одно презрение. О том, кто я, знали лишь те, кому доводилось видеть мои документы. Они у меня до сих пор подлинные, ничего в них я не меняла, хотя мысли изменить имя и отчество возникали не раз. Свою фамилию я поменяла по закону, выйдя замуж – стала Фирсова. Для знакомых была Марией Адамовной. Во время переписи я скрыла паспортные данные, думала, что незачем говорить подлинные.

Писать о выпавших на мою долю страданиях можно много. Но нужно ли это кому-либо? Родилась я в 1937 году в Мурманской области в деревне Ура-Губа Полярного района в семье финнов. Мое настоящее имя Минерва Адовна Эркалло. Отец Адо Федорович Эркалло, мать Ида Ивановна Эркалло. Отца своего помнить я никак не могу. Его арестовали в 1937 году прямо на работе.

Взрослые писали куда-то, пытаясь выведать что-то о нем. Но все отвечали, что ничего об Эркалло неизвестно. Тут началась война. Обоих старших братьев забрали на войну. Остались мы втроем, мать, я и старшая сестра. Но вскоре и мамы не стало, она умерла в 1947 году.

Как помню, мы всю войну куда-то ехали. То на лошадях, то на баржах. Барж шло много, и их бомбили. А где мы плыли, куда ехали, я не спрашивала. Было все

равно. Мы жили на чужих квартирах, снимали какие-то углы, ходили голодные, полураздетые. Но даже такие были кому-то опасны, и нас все гнали дальше и дальше. Сестра, помнится, работала в лесу, пилила дрова. А я еще не могла работать.

Немного за свою жизнь я успела узнать о своих родителях. Знаю лишь, что родом они из Финляндии. В 1918 году, не знаю, каким образом, отец с двумя детьми очутился в России. А старшую дочь оставил на попечении бабушки и дедушки где-то в Финляндии. Ничего о ней мне не известно.

У меня дочь и сын, пятеро внуков. Я уже на пенсии, но продолжаю работать, ведь жить теперь трудно. Слава Богу, дети трудолюбивые. Как-нибудь поживем еще.

И все же хочется увидеться хоть с кем-то из своей родни. Трудно быть на земле одной.

Извините, что расписалась. Вообще-то, писать я не люблю.

17 ноября 1991 года».

Вот такое письмо. К сожалению, конверт с обратным адресом утерян. Теплится слабая надежда, что автор письма, увидев его на страницах газеты, откликнется. И доскажет свою историю.

Любомир, Серафима, Ангелина, Эльвина, Сильва

15 октября 1925 года на окраине города Усть-Сысольска в местечке Коми грезд, три года спустя объединенном с Западно-Загородной улицей в улицу 1 мая (на нынешней улице Первомайской в квартале между современными улицами Орджоникидзе и Красных партизан, близ торгово-экономического колледжа), в бревенчатом доме № 26 родился мальчик, получивший весьма редкое и красивое имя – Любомир.

В роду его отца, Николая Михайловича Жеребцова, подобные имена ранее были в диковинку. Жеребцовы жили здесь издавна, впервые эта фамилия упоминается в переписной книге 1707 года. Николай Жеребцов побывал за свою жизнь и полицейским урядником в разных селениях Усть-Сысольского уезда, и продавцом казенной винной лавки в верхневычегодском Пожеге. Детям своим он дал простые, весьма распространенные имена: Агния, Иван, Николай, Мария, Анна, Евдокия и Александра.

А вот мать Любомира, напротив, сама была обладательницей не менее звучных имени и отчества. Серафима Аполлоновна происходила из семьи церковнослужителей Шумковых, живших в селе Зеленец. Псаломщик Аполлон Шумков, тезка греческого бога солнца, мудрости и искусств, позаботился о том, чтобы дать дочери Серафиме приличное образование. Она закончила Усть-Сысольскую учительскую семинарию, осталась работать в городе учительницей начальных клас-

Клан Шумковых (рубеж XIX-XX вв.). Крайняя слева – Серафима Шумкова. Рядом с ней – Аполлон Шумков.

сов. В Усть-Сысольске же Серафима Шумкова познакомилась со своим будущим мужем Николаем Жеребцовым, вернувшимся с Первой мировой войны в чине прапорщика и деятельно занявшимся организацией спорта в Коми крае. Кстати, Николай Михайлович был в числе создателей первого в Коми крае спортклуба «Заря» и первой футбольной команды, организатором первой летней олимпиады коми спортсменов, ответственным секретарем областного Совета физической культуры. Молодые венчались в церкви. Вероятно, по настоянию родителей невесты. Впрочем, Николай тоже был не чужд религии, ибо в свое время закончил духовную семинарию в Вологде. За венчание коммуниста Жеребцова чуть не лишили партбилета. Но поскольку на дворе были еще не тридцатые годы, а лишь первая половина 20-х, то все обошлось.

Имя сыну выбрала, скорее всего, мать. Николай Михайлович если и возражал против непривычного коми уху Любомира, то недолго. Его супруга в случае чего вполне оправдывала свое собственное имя. Серафима – женский вариант имени Серафим, согласно Библии – «огненный ангел». Древнееврейское слово «серафим» имеет значение «огонь, светоч», в этом смысле имя «Серафима» можно истолковать как «пламенная». Надо сказать, что в России имя Любомир всегда было весьма редким. Это старинное славянское имя особенно распространено в Польше и в меньшей степени в Болгарии. Образованное от слов «любить» и «мир», оно удивительно подошло Любомиру Жеребцову. Согласно одному объяснению, это имя означает «любим миром», согласно другому – «любящий мир». Жизнь показала, что Любомир Николаевич соответствовал обоим значениям – его уважали и любили окружающие, и сам он любил мир, спокойствие, старался сглаживать конфликты, находить в спорах золотую середину.

В книгах, посвященных связи имен и судеб, говорится, что дети, носящие имя Любомир, обычно не доставляют родителям хлопот, рано начинают читать и, как правило, хорошо учатся. К Любомиру Жеребцову оно подходит полностью. По воспоминаниям Серафимы Аполлоновны, ее сын рос очень послушным. Лет в шесть, еще до школы, он научился читать, причем, как рассказывала Серафима Аполлоновна, освоил грамоту как-то сам, без особых наставлений старших. Учиться Л.Жеребцову тоже было легко – и в школе, и в пединституте, и в аспирантуре... Учебе помогала блестящая память: он, например, помнил наизусть целые страницы из книг, в частности, из исторического романа Ивана Ле «Наливайко». Товарищи-студенты однажды специально проверяли его по книге и были просто поражены.

Любомир и Ангелина Жеребцовы.

Любопытно, что имя в известном смысле сочетается со временем рождения Любомира Жеребцова – осенью. Считается, что родившиеся осенью люди наделены ясным и уравновешенным умом, устойчивым и легким характером, настойчивостью в делах, принципиальностью, дипломатичностью, что они редко конфликтуют. Те, кто знал Л.Н.Жеребцова, могут подтвердить, насколько хорошо все это в нем сочеталось.

Любомир не был единственным ребенком Николая и Серафимы Жеребцовых. В 1924 и 1928 годах у них родились две дочери. Обе получили имена под стать брату и матери. Старшая стала Ангелиной. Ангелина – женская форма имени Ангел, распространенного у южных славян. Слово «ангел», хорошо известное нам по христианскому учению, греческого происхождения и означает «вестник». Стало быть, Ангелина – «вестница, возвещающая». Но более распространено другое понимание смысла этого имени – ангельская, возвышенно-нежная. Традиционно считается, что Ангелины очень самостоятельны, хозяйственны, не рассчитывают на чью-либо помощь, привыкли полагаться на себя. Ангелина Жеребцова вписывается в эти рамки. Она с большой нежностью и заботой относилась к брату и сестре, много помогала матери по хозяйству и по окончании девятого класса пошла работать в детский сад, чтобы помогать содержать семью. Отец Николай Михайлович скоропостижно скончался в 1933 году. Благодаря ее самоотверженности младшие дети смогли завершить учебу в старших классах. Младшая дочь Жеребцовых получила имя Эльвина. Имя настолько редкое, что его нет во многих книгах, посвященных именам. Можно предположить, что это вариант имени Альбина, которое происходит от латинского слова «альба» («белая»).

Интересно, что спутницей жизни Любомира Жеребцова стала тоже обладательница весьма редкого имени – Сильва. Сильва (или Сильвия) – женский вариант древнего римского имени Сильвий. Так звали героя эпоса, основателя рода, к

которому принадлежали легендарные основатели Рима Ромул и Рем. Происходит оно от латинского слова «сильва» («лес») и означает «лесной», «лесная». Вряд ли родители Сильвы Горшковой знали происхождение понравившегося им звучного имени. Тем более удивительно, насколько уместным оказалось «лесное» имя в нашем лесном краю. А отчество Сильвы – Всеволодовна – происходит из той же давней славянской эпохи, что и имя ее избранника, – из века Любомиров, Всеволодов, Изяславов, Святополков. Конечно, не именем привлекла Любомира Сильва. Молодую, красивую, умную, веселую студентку филологического факультета Коми пединститута, писавшую стихи и к тому же не лишенную дарования художника, всегда окруженную друзьями и подругами, не приметить было трудно. В книге Б.Ю.Хигира «Тайна имени» о Сильве можно прочесть такие строки: «Подвижна, обладает быстрой реакцией, испытывает тягу к живому общению, у нее масса друзей, она умеет легко находить их, щедра, сердечна, в быту немного безалаберна, деньги порой у нее сыплются сквозь пальцы; это тот тип женщин, жить с которыми беспокойно, но без них жизнь кажется неполной...»

Любомир и Сильва Жеребцовы.

Отто

Отто Андреевич Кетов.

Отто Кетов. Жил такой человек в Прилузском районе. Уже умер. Но остались жить дети, внуки, правнуки. Кануть в лету не дает и необычное для этих мест имя.

Андрей Петрович Кетов, житель села Летки, был участником двух войн – Первой мировой и Великой Отечественной. Как и где свела его фронтовая судьба с немцем по имени Отто, история, как говорится, умалчивает. Но когда после окопной жизни возвратился домой и родились дети, одного из них обязательно захотел назвать немецким именем. Сын Отто стал пятым в семье.

Хлебнуть лиха Кетовым пришлось немало. Хозяйку дома и мать шестерых детей рано увезли на погост. Дети остались без присмотра. Маленькая Анфиса отправилась за водичкой к реке и не вернулась – утонула. Нерадос-

тное название имела и деревенька, в которой жила-бедствовала семья Кетовых. Называлась она Шудтöм Ель – Несчастливый Ручей. Андрей Петрович решил, что все несчастья проистекают отсюда. И возвел дом для своей семьи в соседней Летке.

Время стояло тяжелое. Отец пропадал на поле да в лесу. Детей разобрали по детским домам. Но улыбнулось им счастье. Сосватался Андрей Кетов к добросердечной односельчанке Александре Федоровне. Та детей собрала из детских домов, обогрела.

Вырос Отто. То ли за его немецкое имя ухватились, то ли признали образцовым солдатом, но служить послали «по назначению» – в Германию. На родину крестного отца, которому своим именем парень был обязан. Возвратился домой. Закончил школу милиции. Ходил при погонах 15 лет. В звании старшины уволился в запас. Сложа руки не сидел. В совхозе трудился, в ПМК. С женой повезло. Половинкой Отто Андреевича стала Евдокия Ивановна. Шутница была. Все своего суженого в шутку называла Отто Юльевичем Шмидтом.

Не стало Отто Андреевича Кетова в 1995 году.

Гелиос

Деревня Березник, что в Койгородском районе, и по сегодняшним меркам не ближний свет. Что говорить о годах 30-х. Уж где какая сорока на каком хвосте занесла сюда весть о редком имени Гелиос – тайна. Вряд ли березниковцы были сильны в греческой мифологии. Скорее всего, не знали и о том, что Бог солнца Гелиос родился от титанов Гипериона и Фейи. Но ничто не смутило крестьянскую семью Ушаковых. Родился малыш, и не кто-нибудь, а родная бабка имя ему подыскала. «Гелиос, Гелий», – зашла в дом, подошла к колыбельке, взяла на руки мальчонку. Так и окрестила.

Боги из мифов всегда обладают волшебной силой. Все они величественные, могущественные, красивые. Что до других божественных качеств, Гелий Ушаков, видимо, их не унаследовал. Но некоторые в его судьбе и характере все же проглядывают.

Первый парень не деревне. Это про таких, как Гелиос Пантелеймонович. Косая сажень в плечах, бравый, не глаза, а глазищи. Жених – всем на зависть. Но связал демобилизованный с Балтики старшина второй статьи свою жизнь с девахой заезжей. Звали ее Дуся Грабоус. Познакомились в Сыктывкаре, где Геля учился в школе механизации сельского хозяйства. А Дуся с родной Ровенщины в 1943 году неожиданно попала на Север. Большую семью Грабоус обвинили в незнамо каких преступлениях. Из девяти детей выжили лишь двое. Дусе сказочно повезло, что смогла в Сыктывкаре закончить культпросветучилище.

Гелиос Пантелеймонович Ушаков с супругой Евдокией.

Молодожены Ушаковы обосновались в поселке Подзь Койгородского райо-

на. Здесь всю жизнь и прожили. Гелиос Пантелеймонович трудился в лесу, был слесарем. Евдокия Алексеевна заведовала библиотекой. Ни разу она не пожалела, что осталась на Севере. Ведь рядом был муж. Мастер на все руки. В его руках спорилось любое ремесло. Установить телеантенну, срубить баньку, обустроить колодец, смастерить стул или стол...

По плечу было и побороть любого зверя. На таежных тропах не раз встречался с лесным властелином – мишкой. Однажды перед изумленными жителями поселка провез добытого медведя на коляске своего мотоцикла. До сих пор Гелю и люльку с медведем вспоминают жители Подзи.

Но и это не все. Гелиос Ушаков отлично владел пером и карандашом. Его стенды и плакаты долгие годы украшали подступы к многим учреждениям в родном поселке. Часто просила помочь и жена-библиотекарь. Даже сейчас на стенах читального зала можно увидеть следы его художеств.

Пройденная жизнь не была гладкой, накатанной. Уже с самого рождения. Гелиос Ушаков лишился отца. Семья еле выкарабкалась из тисков голодной смерти. Всякие лишения пришлось перетерпеть и в дальнейшем. Сейчас обладатель редкого имени уже почти не выходит из дому, тяжело болеет. И все равно для детей и внуков Гелиос Пантелеймонович остается самым дорогим, любимым, солнечным человеком.

Шойткад, Великая, Будибор

В сыктывкарской семье, которая носит сугубо национальную фамилию – Коми, хранится необычный документ. Он как раз и объясняет, откуда такая фамилия взялась.

Первомайскую демонстрацию в Сыктывкаре в 1949 году открывает Шойткад Коми.

А родилась она на ветрах революции. В селе Пыелдино Сысольского района. И тогда, и сейчас это селение поражает приезжих своей протяженностью. Даже анекдот такой есть. На подступах к селу пассажир автомашины прикорнул. Спал-спал, выспаться успел. Очнулся, спрашивает у водителя: «Где едем?» А он в ответ: «Да все еще Пыелдино проезжаем».

Как и все коми села, Пыелдино делилось на маленькие грезды-деревеньки. Одна из них называлась Коми сикт. Жили большей частью здесь Князевы. Один из них – Павел Михайлович Князев. Он-то и составил в 1918 году необычное прошение в волостное правление. А вот какой документ выдали в ответ на его запрос.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие гражданину Павлу Михайловичу Князеву Пыелдинской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии.

О том, что отделом гражданской регистрации внутреннего управления по состоянию записей и актов действительно сего числа 29 июля 1918 года произведено переименование фамилии Князев, ввиду неблагозвучия и презираемого слова «князь», на фамилию Коми. Что подписями и приложением печати удостоверяется».

Павла Михайловича после революции избрали председателем волисполкома. Надежды и чаяния новой власти Коми-Князев воспринял близко к сердцу. Да так близко, что захотел увековечить их.

Родились дети. Два сына и две дочери. Имянаречение в первые годы советской власти было сродни магическому действу. Шло негласное соревнование, какой активист или колхозник придумает более звучное имя. Надо отдать должное Павлу Михайловичу Коми: имена его детей вряд ли встретишь где-нибудь еще.

Шойткад (Александр) Павлович Коми.

Будибор Павлович Коми.

Сыновей назвал Будибор и Шойткад. Одной из дочерей дал имя Великая. Хотел и самую меньшую наречь особенным именем, но тут воспротивилась жена. Так меньшенькая осталась просто Галей.

Имена старших детей отражали самые сокровенные мысли таежного крестьянина. Будибор расшифровывался как «Будь борцом». Величию времени преобразований было созвучно имя дочери – Великая. А после всех битв и трудов должно было наступить время отдыха. По-коми – «шойччан кад» – Шойткад. То есть коммунизм.

Предначертания отца в полном смысле воплотились, наверное, лишь в Будиборе. Он стал солдатом. В Великую Отечественную защищал Родину. И, как гласит извещение из воинской части, в которой он служил, «верный воинской присяге, проявив геройство и мужество», погиб 12 марта 1945 года. Меньше чем два месяца не дожил до Победы.

Великая Павловна Коми.

Дочь Великая, или Велия, как звали ее, как и все в те годы, приближала светлое время отдохновения. Она была партработником, всю республику исколесила, будучи лектором общества «Знание». Отцовскую фамилию сменила, стала Мурыгиной. Растила сына. Но рано ушла из жизни.

Самая насыщенная и долгая жизнь выпала Шойткаду. Этого человека в нашей республике многие знали. Правда, под другим именем. Шойткад Павлович свое имя поменял. Его жена Эмилия Александровна рассказывает, что сменить необычное имя ее муж решился перед регистрацией их брака. Друзья его звали Шошка. А он решил переделать на Сашку. Так после свадьбы стал Александром. Теперь наверное, многие поняли, о ком идет речь.

Александр Павлович Коми оставил большой след в жизни республики. Перед войной семья Коми переехала в Сыктывкар. Шошка-Сашка успел выучиться на моториста, работал на сплаве, чинил катера. В 1943 году ушел на войну. Прошел путь от рядового в противотанковом дивизионе до комсорга артиллерийского полка. В 1948 году демобилизовался.

В Сыктывкаре сразу оказался у дел. Отправили учиться в Москву, в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. После ее окончания избрали первым секретарем Сыктывкарского горкома комсомола. В начале 60-х закончил истфак пединститута. Вскоре пригласили работать в Комитет госбезопасности. Там и прослужил до выхода на пенсию.

Сотрудники этого закрытого ведомства часто «застегнуты на все пуговицы». Но все, кто знал Александра Павловича, отмечают его интерес к жизни, страсть к путешествиям, широкий круг знакомств и жажду творчества. Уже когда он был на пенсии, его пригласили в Коми филиал академии наук СССР, где несколько лет возглавлял отдел по международным связям. Все эти годы Александр Павлович не забывал и свою малую родину. Поездки туда и сподвигли взяться за перо.

В 1989 году на рабочем столе Александра Павловича появилась готовая рукопись. Из-под его пера вышли не мемуары, не автобиография, а настоящее художественное произведение. Автор назвал свою повесть «Зарни вӧр». По-русски – «Золотой лес». Книгу посвятил своим землякам-пыелдинцам. Об их нелегкой жизни в 30-е годы и рассказал. Удивительно емко, сочно, образно. Книгу уже включили в планы Коми книжного издательства. Но автор выхода ее в свет не дождался. Александра Павловича Коми не стало 13 августа 1989 года.

А повесть все же вышла. Четыре года спустя. Какое это было трудное время, объяснять не надо. Только Эмилия Александровна Коми знает, сколько усилий и хлопот потребовало от нее издание рукописи мужа. Книга стала данью памяти незаурядному человеку, который всю жизнь трудился, хотя и носил имя, подразумевающее лишь отдых.

Евангел

Не зацепиться за это имя невозможно. Его носил наш земляк, сыктывкарец. Наверное, не случайно то, что он стал актером. Как говорится, судьбу определило имя.

Народная артистка Республики Коми Софья Сергеевна Ростиславина вспоминает: «Гелька Михеев в драмтеатре появился после войны. К этому времени он уже успел и закончить Коми студию ГИТИСа, и повоевать. Пришел с Великой Отечественной войны в чине капитана. Евангелом его никто в театре не называл. Гелька и Гелька. Красивый, импозантный мужчина. Играл характерные роли молодых любовников, мужчин-сердцеедов. При колоритной внешности не отличался уживчивостью, имел сложный характер. Не знаю, это или что-то другое определило его быстрый уход из нашего театра. Вскоре он уехал из Сыктывкара. Говорили, что обосновался на Дальнем Востоке. Там же скончался».

Евангел Михеев в роли Сергея Тутаринова в спектакле «Кавалер Золотой Звезды». 1949 г.

Еще несколько штрихов к биографии Евангела Михеева. Он – один из четырех сыновей Николая Афанасьевича Михеева, кото-

рый дважды – до Великой Отечественной войны и после нее – возглавлял Коми пединститут. Почему своему первенцу он дал такое необычное, «евангельское» имя, неизвестно. Не менее звучным именем отец наградил и второго сына – Гораций.

Матерью Евангела и Горация была Анна Ефимовна Худяева. В военные и послевоенные годы о ней знала вся республика. Анна Ефимовна, учитель по образованию, избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР и Коми АССР первого созыва. В годы войны возглавляла отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству детей фронтовиков. В 1943 году работала заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Коми АССР.

Энгельс и Эмилия

Друзья Энгельса Козлова по институту как-то задались вопросом: «Какое у нашего Энгельса отчество? Ведь Энгельс – это фамилия. Но раз фамилия стала именем, почему бы имени классика марксизма-ленинизма не стать отчеством?» – рассуждали они. И решили что молодой художник – Энгельс Фридрихович. Но когда его спросили об этом, оказалось, что отчество у него простое, русское, совсем не идеологическое: Васильевич.

Энгельс Васильевич Козлов – наш именитый земляк, первый художник из Республики Коми, ставший членом Союза художников СССР. Большая, насыщенная, творческая жизнь принесла ему признание, успех, множество регалий. Стоит назвать лишь две из них – народный художник России и народный художник Республики Коми.

Так сложилось, что большую часть своей жизни Энгельс Васильевич прожил на берегах Невы. А на родных сысольских берегах бывал лишь гостем. Но гостил здесь часто, каждый год, объездил вдоль и поперек всю республику, оброс множеством друзей. Самыми дорогими людьми оставались для художника родители

Народный художник России Энгельс Васильевич Козлов работает над портретом академика Николая Павловича Юшкина. Апрель 1999 г.

– Василий Прокопьевич и Мария Ивановна. Да сестра Эмилия Васильевна. Самый верный и преданный друг. Одновременно – самый большой знаток, ценитель, почитатель творчества брата-художника.

Эмилия Васильевна никогда не спрашивала родителей, почему у них с братом такие имена. Объяснение нашла сама. Отец – партиец, коммунист. На дворе – кипучие 20-е годы. Все прошлое отметается в сторону, как говорится, на свалку истории. На смену идут новая жизнь, новые традиции и новые имена. «Наша Эмилия подобна Бастилии...» – рифмовали имя Мили Козловой одноклассники.

Эмилия Васильевна Козлова. 2000 г.

Корни Козловых – из вымского села Кожмудор. Отец до революции успел повоевать на фронтах империалистической, стал георгиевским кавалером. Энергичный, умный человек пришелся ко двору и новой власти. В Великом Устюге закончил курсы счетных работников. Вскоре получил назначение в Троицко-Печорск: налаживать райкооперацию. На берегу Печоры родились погодки – Энгельс и Эмилия.

Из Троицко-Печорска уехали в неспокойные 30-е годы. Отца исключили из партии. Прицепились к тому, что его дядя до революции служил попом. Легко отделался, не загремел в тюрьму. В Сыктывкаре обосновались, как оказалось, надолго, навсегда. Василий Прокопьевич устроился бухгалтером в Комиторг. Семье дали комнату в общежитии. Здесь, на 24-х метрах, прожили 33 года.

Энгельс Васильевич Козлов с родителями. Ленинград. 1959 г.

В тесноте, как говорится, да не в обиде. Дом, вернее, комнатка всегда была набита людьми. Приезжали родные, заходили одноклассники, соседи, друзья. Эмилия и Энгельс учились в 1-й и 12-й школах. В классе у Мили ее имя носили двое. Второй Милька – мальчишка, Эмиль Юркин. Окликнут одного

Эмилия Васильевна Козлова. 70-е годы.

Геля и Миля Козловы. 1930 г.

из них: «Милька!» – оба повернут головы. Последний звонок отдалил одноклассников. Как оказалось, навсегда. Эмиль ушел на войну и погиб. А Эмилия в военном 1944-м году поехала учиться в Ташкент.

Именно в Ташкенте находился эвакуированный из Ленинграда сельскохозяйственный институт, в котором был факультет защиты растений. Миля Козлова хотела учиться там, и только. Трех сыктывкарских подружек, решивших во что бы то ни стало покорить самый хлебный город, не смутили ни огромные расстояния, ни раскаты грохотавшей войны. Они добрались до Ташкента. Миля проучилась там два тяжелых года.

Эмилия и Энгельс – дети войны. Все тяготы, выпавшие на долю взрослых, для этих детей удваивались, утраивались. В Ташкенте Эмилия сильно заболела. Пришлось оставить учебу, возвратиться в Сыктывкар. Подлечившись, закончила Коми пединститут.

Своей трудной, тернистой дорогой пробирался к заветной стезе и брат Энгельс. В 1945 году он поступил в Московский архитектурный институт. Но пришлось возвратиться на родину. Стал учиться на истфаке пединститута. Потом год проучился в Ярославле, в художественном училище. Казалось, вот она, уже виднеется тропинка, которая выведет на долгожданный большак. Но нет. Снова – барьер. Через него трудно перескочить даже здоровому.

Еще в 30-е годы Энгельсу Козлову врачи вынесли приговор: туберкулез костей. Ноги не слушались мальчика, а к его рукам, казалось, накрепко «прилипли» костыли. Отцу в 1937 году чудом удалось приобрести путевку для сына в туберкулезный санаторий в Анапе, где Энгельс провел год. Угроза для жизни миновала. Но твердо встать на ноги Энгельс не мог еще долго.

Еще одно чудо сотворили хирурги послевоенного Ленинграда – сделали парню сложнейшую операцию. Домой он приехал в гипсовом корсете. Мало-помалу учился ходить без костылей. А уже год спустя сдал экзамены в институт живописи, скульптуры, архитектуры им. И.Е.Репина Академии художеств СССР. И с отличием закончил его.

Уже более полувека Энгельс Васильевич живет в Питере. Здесь его дом, семья, дочь, внуки. В Сыктывкаре остались сестра, могилы родителей, герои многих его полотен. Картины художника – достояние всей республики, десятки из них хранятся в Национальной галерее РК. Проникновенные, светлые портреты и этюды украшают и квартиру Эмилии Васильевны. Родители, грибное лукошко, проселочная дорога, уходящая вдаль… Сестра художника долгие годы проработала учительницей. Она и сегодня не сидит без дела, работает, много ездит. Признается, что сил ей прибавляют не только многочисленные друзья, интерес к жизни, но и картины брата. «Просыпаюсь утром, увижу эту дорогу с яркой зеленью по обочинам. И сразу бодрость прибывает», – говорит Эмилия Васильевна.

Винцетта

Узнав о приезде корреспондентов «Республики», Винцетта Лукьяновна Бровко поначалу опешила: «Что же это, корреспонденты о корреспонденте писать будете? Как-то неловко получается. Давайте я вас лучше с людьми интересными сведу. Их у нас в Койгородке много».

Уговорить Винцетту Лукьяновну все же удалось. Правда, рассказывала она большей частью не о себе, а о людях, с которыми свела жизнь, с кем познакомила профессия. Наша героиня – редактор отдела писем койгородской районной газеты «Новая жизнь».

…Печора – река привольная, широкая. Но все ей места мало. Сотни рукавов раскинула она во все стороны от своего полноводного тулова. Один из них расплескался возле села Уег. Както весеннее половодье перерезало дорогу молодому электрику, приехавшему сюда налаживать связь с большой землей. Увидела одинокого путника уегская девушка и рискнула перевезти его на лодке на свой берег. Много ли времени заняло лодочное путешествие по весенней разливанной Печоре? Но его оказалось достаточно, чтобы парень и девушка влюбились, а потом стали мужем и женой.

Винцетта Лукьяновна Бровко.

Эту романтическую историю знакомства отца с матерью Винцетта услышала, уже став взрослой. Тогда же узнала, что отец родом с берегов Лузы. Создав семью, он уже с Печоры не уехал. Конечно, как и в любой семье, последующая жизнь Никулиных была не столь безоблачной и красивой, как первая встреча. Случалось всякое. Но рождение первенца в семье – Винцетты – еще не омрачали никакие тучи и грозы. Откуда, из какой книги отец вычитал необычное имя – Винцетта, так, правда, и не узнала. Только и сказали ей, что попал когда-то в руки отца роман, героиней которого была Винцетта. Что она за девушка, как сложилась ее литературная жизнь, что с ней стало? Вопросы без ответа.

Жители припечорских сел и деревень – люди работящие, твердые духом, без лишних соблазнов. Хозяйкой большого дома, в котором росла Винцетта, его сердцем и душой была бабушка Екатерина Кондратьевна Попова. Спуску она никому не давала, но и для каждого из детей и внуков в нужную минуту было наготове доброе слово, дельный совет. А сколько песен она знала! Песни – от колыбельных до надрывных, надгробных плачей – сопровождали здешнего человека всю жизнь. Винцетту, к удивлению близких, они привели в культпросветучилище.

Светлая, шумная, веселая профессия после окончания училища разлучила с родной Печорой. Второй родиной стал Койгородок. Здесь вышла замуж, родился сын. Из сферы культуры переманили на радио, потом – в газету. О чем она не жалеет. Уже 22 года как пишет, ездит, правит материалы, встречается с людьми.

Жалеет лишь об одном, что редко удается свидеться с родной стороной. С теми местами, где росла в окружении оравы братишек, где слышала самые красивые песни и оставила самых дорогих людей. Правда, с песнями Винцетта Лукьяновна не рассталась. По словам коллег, ее песни – украшение всех концертов и встреч. Оказалось, что и Дима Фролов, недавно выигравший Гран-при на Всероссийской песенном фестивале в Ульяновске, – племянник Винцетты Лукьяновны.

Еще одно признание, созвучное с необычным именем. Во сне она часто летает. По поверью, если человек летает – значит, растет и ширится его душа.

К большому сожалению, расспросить обладателя этого очень краткого и чрезвычайно редкого имени не успела. Ор Николаевич Некучаев умер в 2002 году. Большую часть своей жизни он прожил в Ухте, трудился на ухтинской ТЭЦ-1. Фотография Некучаева, одного из знатных ухтинских энергетиков, вошла в первый том фундаментальной работы «Энергетика Республики Коми».

У Ора Николаевича остались сыновья, внуки. В Сыктывкаре живет его двоюродная сестра Клавдия Ивановна Макарова. Она – человек известный, беспокойный, неравнодушный. И благодарный ко всем, кто поддерживал ее, помогал словом и делом, ободрял. Брат Орик – один из этих людей.

Они – сереговские. Предки – потомственные солевары. Но не все. По рассказам, прапрадед Ора Николаевича был немцем. Попал в плен и каким-то образом очутился в Серегово. Здесь его записали под фамилией Некучаев. В Серегово он прижился. И влюбился. Но до свадьбы дело почему-то не дошло. А сын у немца родился. Незаконнорожденного младенца окрестил поп чудным именем – Ор.

Ор Николаевич Некучаев с родственниками. 1958 г.

Имя – не хомут, не шлея, шею не трет, вниз не тянет. Примирился, прижился тот Ор со своим именем. Время пришло – женился. Большое потомство дал. Четырех Оровичей оставил. У них, в свою очередь, тоже семьи пошли. Имена своим детям чаще всего солевары давали простые, привычные. Но имя предка с редким именем не забывали. Один из потомков Ора – Николай Степанович Некучаев – в 1932-м году нарек этим именем своего новорожденного сына.

Жизнь не баловала мальчика. Еще до революции Николай Некучаев успел недолго поработать в Шошке урядником. Бедность заставила пойти на эту службу. После революции урядники первым делом и попали в немилость новой власти. Попортили нервов и Некучаеву. А тут еще жена рано умерла. Орик остался без матери в пять лет. Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая жизнь, не повези с мачехой. Вторая жена отца стала для него настоящей мамой. К ее бы доброте да хлеба вдоволь. Но началась война. Уже в 12 лет Орик стал подмастерьем в сапожной мастерской сереговских инвалидов. И на хлеб зарабатывал, и медаль за доблестный труд заслужил.

И учиться не бросил. После войны поступил в Ухтинский горный техникум. Подавал большие надежды. За это же оставили работать в городе. Надежды он полностью оправдал. В своей отрасли всегда был в числе передовиков. Правда, этим никогда не бахвалился. О работе если и рассказывал, то как о чем-то само собой разумеющемся.

Подлинной страстью Ора Николаевича оставалась природа. Сказать, что он любил лес, простор, воздух, – ничего не сказать. Тысячи километров он отмахал по тайге на лыжах. Мог часами просиживать с удочкой, слушать плеск волн и шум ветра. Только он мог находить темные шляпки белых грибов в хоженых-перехоженых борах вокруг Серегово. Родное село на всю жизнь оставалось и самой боль-

шой любовью. Улучив свободную минуту, он мчался сюда. Обихаживал отцовский дом. На его огородах росли самые крупные во всей округе овощи. Он щедро делился дарами полей с ухтинскими друзьями.

Дорожил всем, каждой малостью. Не были для него пустым звуком и имена предков. Уже на склоне лет Ор Николаевич всерьез занялся изучением своей родословной. Одну из комнат сереговского дома оборудовал под домашний музей. Поместил там все, что удалось собрать и узнать от предка по имени Ор до себя самого, тоже Ора.

Аполлон

Аполлон Королев учится в школе села Нижний Воч Усть-Куломского района. Симпатичный, смышленый мальчик. Сказали, что и учится хорошо. Но не пятерки в дневнике привели нас к Аполлону.

Аполлон нисколько не смущается, что носит божественное имя. Говорит, что раз родители его дали – так и надо. Знает он и то, что такое же имя носил когда-то его прадед. Крепкий крестьянин, мастеровой мужик. Давно уже ушел в мир иной предок. Но остались возделанные его рукой пашни, поля. Да имя редкое.

Кстати, Аполлон не единственный, кому в наследство осталось имя предка. В школе Нижнего Воча учится еще один мальчик с редким именем – Варлам. Апполон говорит, что он еще не надумал, кем станет, на кого выучится. Но очень хочет жить в родном селе. Как знать, может, имя и судьбу определит. Придут на смену прадедам правнуки со старыми, родовыми именами. А также с крестьянской жилкой, привычные к труду и сельской жизни. И возродят село.

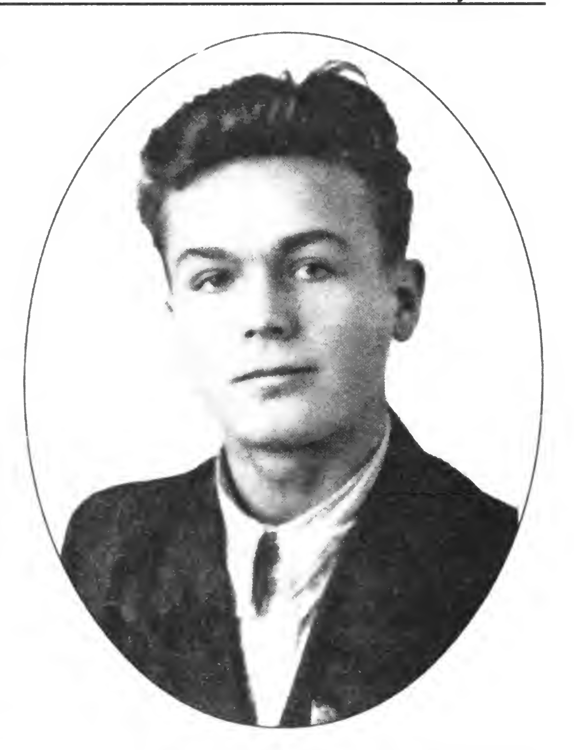

Аполлон Королев.

Ревир

В конце 70-х годов мне довелось работать в Корткеросском райкоме партии. Частенько приходилось сопровождать в поездках по району приезжавших к сельчанам гостей. Многие поездки уже запамятовал. А эту до сих пор помню четко, ясно.

На встречу со своими читателями и зрителями в село Сторожевск в тот раз приехали корреспондент республиканского телевидения Леонид Лыткин и сотрудник журнала «Войвыв кодзув» Николай Щукин. Встреча сторожевцев со столичными гостями прошла оживленно, интересно. Но для меня гораздо больше запомнилась обратная дорога до Корткероса. Мои попутчики знали столько анекдотов, былей, шуток, так образно рассказывали о встречах с разными людьми... Короче, заслушался. А позже, услышав или увидев фамилию Лыткина или Щукина, всегда старался послушать или посмотреть передачи одного из них и почитать рассказы другого.

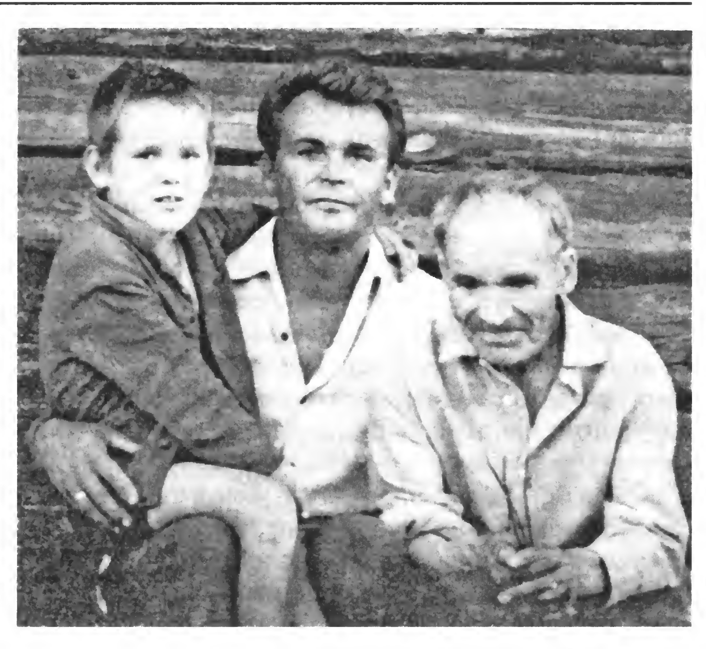
Ревир Григорьевич Карманов. 50-е годы.

Леонид Лыткин, можно сказать, открыл жителям Коми земли Сибирь. После поездки туда он сделал серию интересных передач. И главное, одним из первых в 70-80-е годы XX века раскрыл роль, значение коми охотников и землепроходцев в освоении Зауралья. Надо ли говорить, с каким интересом я вслушивался в коми фамилии людей, встреченных журналистом на бескрайних сибирских просторах. Об одном обладателе типичной коми фамилии – Карманове – Лыткин рассказал более подробно. В конце передачи попросил откликнуться людей, знавших этого человека: мол, есть задумка издать о нем книгу.

Книга, по моим сведениям, на родине Карманова так и не вышла. Хотя человек, «затерявшийся» в Сибири, как никто, достоин ее. Одно перечисление всех его регалий займет немало места. Ему не исполнилось и 40 лет, когда он был удостоен ордена «Знак Почета». Совсем молодым стал лауреатом Государственной премии СССР. Еще одной Государственной премии – уже Российской Федерации – Ревир Григорьевич Карманов удостоен в 2003 году. К сожалению, уже посмертно.

Родился Ревир Карманов 14 июня 1937 года в Усть-Куломе. Детство и юность прошли в селе Усть-Нем. Здесь долгие годы учительствовали его родители. Отец, Григорий Авраамович, первым в Помоздинском районе был удостоен звания «Заслуженный учитель школы РСФСР». Заслуженным учителем республики была и мама, Галина Дмитриевна (урожденная Спасская). Родителям пятеро детей были обязаны многими сторонами своего характера: выдержкой, целеустремленностью, трудолюбием. Они же нарекли их яркими именами: Феликс, Ирма, Валерий, Эмма, Ревир.

Феликсом отец назвал старшего сына в честь «железного наркома» Дзержинского. Ирме досталось имя некогда популярной певицы Ирмы Яунзен. Валерий стал тезкой прославленного летчика Валерия Чкалова. Эмму нарекли в

Ревир Григорьевич Карманов в кругу родных в Усть-Неме. 70-е годы.

честь врача, которая работала в Помоздинском районе. Ревир расшифровывалось так: революционная эпоха войн и революций. Имя во многом определило его судьбу. Сын учителей стал первопроходцем в сопряженной со многими трудностями и опасностями профессии. Войн и революций, слава Богу, он избежал. Но покой, как говорится, только снился.

Ирма Григорьевна Гопенко – заслуженный работник культуры Коми республики – живет в Сыктывкаре. С братом Ревиром их разделяли всего несколько лет, росли не разлей вода. По ее словам, уже в детстве брат среди сверстников слыл ученым. До школы в деревне – три километра. Да столько же обратно. Придут домой, закинут портфель под лавку – и на улицу. А Ревир – сразу за книжки. Пока не сделает всю «домашку» – на улице не показывается.

В старших классах с братом Феликсом увлеклись лыжами. И добились отличных результатов. Лыжная подготовка очень выручала Ревира позже в геологических экспедициях. В 50-е годы чемпионом Перми, а затем и Караганды становился Феликс Карманов. Феликс Григорьевич – известный сегодня в республике человек, депутат Госсовета предыдущего созыва. Он же – старший брат прославленного геолога Ревира Карманова.

В старших классах отличника Ревира чуть не исключили из школы. Причиной ЧП послужило то, что они с приятелем Генкой Юдиным влюбились. Но не в своих одноклассниц, а приехавших в Усть-Нем молоденьких учительниц. Но все обошлось. С мальчишками серьезно поговорили, а учительниц перевели в другие школы.

У многих усть-немских ребят в те годы любимым уроком в школе была география. Страсть к странствиям Ревиру привил отец, учитель географии. Григорий Авраамович никогда не замыкался на учебниках, каждое лето отправлялся за свежими впечатлениями то в Сибирь, то на Кавказ. Разнообразный природный материал, саженцы южных деревьев и кустарников, фотографии не давали усидеть на месте и подросшим ученикам, и прежде всего детям.

В год окончания Ревиром школы в Коми АССР впервые появились так называемые внеконкурсные места в вузы за пределами нашей республики. И он решил попытать счастья – обзавестись документом на право поступления вне конкурса. Поехал в Сыктывкар. В конкурсной комиссии раскрыли его аттестат в «сплошных»

пятерках и сказали, что с таким багажом он обойдется и без рекомендаций. То есть отказали во внеконкурсном месте. Парнишка сник. Он не сомневался в добротности своих знаний, пускай и полученных в сельской школе. Опечалило другое. Предстояло добраться до Свердловска, а в учительской семье таких больших денег не водилось. Но не зря говорят, что голь на выдумки богата. Вот и Ревир снял с себя пиджак, отнес на толкучку, на вырученные деньги купил билет до Свердловска.

Горный институт он покорил, как говорится, сходу: все вступительные экзамены сдал на «пять». И с головой окунулся в новую, но в такую близкую его духу стихию. Сестра Ирма, как-то навестившая брата в Свердловске, услышала за собой шепот «завистниц»: однокурсницы брата подумали, что она невеста Ревира. Многие мечтали выйти за него замуж, считая брак с красавцем и умницей блестящей партией. Большое будущее прочили талантливому студенту и преподаватели.

Когда Ревир обучался на третьем курсе, в Усть-Нем пришло из института заказное письмо. Адресовано оно было не его родителям, а в сельсовет. Но разве мыслимо что-нибудь утаить в селе! Родители студента тут же узнали о расспросах институтского руководства об их семье и всполошились: что-то тут не так. Все разрешилось лишь во время каникул, когда Ревир прибыл домой. Оказалось, что его переводят на спецотделение. О деталях сын попросил родителей не расспрашивать. Мол, это та же самая геология, только связанная с оборонной промышленностью.

Даже теперь, в пору гласности, разведка месторождений урановых руд окутана завесой секретности. Понятно, что долгие годы о своей работе ничего не мог рассказывать и один из первопроходцев таких месторождений. Не расшифрованы до сих пор и многие награды Ревира Григорьевича. Одна из них называлась «особая премия». Известны лишь некоторые из его многочисленных маршрутов: Дальний Восток, Забайкалье, Якутия, Монголия, Китай...

Про таких, как Ревир Карманов, говорят: сгорел на работе. В случае с ним слово «сгорел» не просто метафора. Разведка и добыча серебристо-белого металла всегда была, да, наверное, и сейчас остается занятием опасным, чреватым тяжелыми для человеческого организма последствиями. В расцвете сил – в 56 лет – в Краснокаменске ушел из жизни и Ревир Григорьевич Карманов.

Смоленское кладбище Иркутска, где похоронен брат, Феликс Григорьевич Карманов последний раз навестил в 2002 году. Встречался с коллегами Ревира в Сосновском геологическом объединении, побывал в здешнем музее, где обустроена галерея портретов лауреатов Ленинской и Государственной премий. Среди знаменитых разведчиков урановых недр и Ревир Карманов. Его дело продолжает сын Григорий. Он тоже пошел по стопам отца, закончил Иркутский геолого-разведочный институт, теперь пропадает в геологических партиях. Как и отец, погруженный в любимое дело, тоже не задумывается ни о почестях, ни о наградах.

А слава, как в песне поется, она обязательно найдет преданных своему делу людей. Не так давно Усть-Немской средней школе Усть-Куломского района, в которой учился Ревир Карманов, присвоено его имя.*

* *Эта главка написана Василием Поповым.*

Рюрик

Рюрик Дмитриевич Меньшиков.

Корни этого имени – в Древней Руси. Как повествуют летописи, ильменские славяне призвали княжить в Новгород братьев – Рюрика, Синеуса и Трувора.

Наш земляк – Рюрик Дмитриевич Меньшиков – тезка легендарного Рюрика. Он жил много столетий после него. Но в чем-то повторил судьбу варяжского князя. В середине XX века его тоже призвали в Москву. Рюрик Дмитриевич возглавил в Министерстве сельского хозяйства СССР отдел. А еще десять с лишним лет спустя стал заместителем министра союзного Минсельхоза.

Оригинальным именем окрестила мальчика мать, Агния Акимовна. До рождения сына она побывала на каких-то курсах, где лектор с особым удовольствием рассказывал о легендарном Рюрике. Муж припасенное для сына имя с двумя раскатистыми «р» нашел вполне созвучным революционному времени. Он и сам был в гуще преобразований. Дмитрий Иванович Меньшиков много лет находился на хозяйственной и партийной работе, стал секретарем горкома партии в Сыктывкаре, позже возглавлял республиканское Министерство пищевой промышленности.

Родители Рюрика были из деревни Койтыбож. Поселившись в Сыктывкаре и став горожанами, они продолжали считать самым важным занятием на земле хлебопашество. Благословили пойти по этой стезе и единственного сына.

В 1951 году Рюрик с дипломом Ленинградского сельскохозяйственного института вернулся в родной Сыктывкар. Приняли работать инженером в управление механизации. Страна потихоньку оправлялась от тяжелых военных и послевоенных лет. В колхозы стала поступать техника. Открывались первые МТС. Квалифицированные рабочие, тем более инженеры, не понаслышке знакомые с новой сельскохозяйственной техникой, были наперечет.

В 1955 году Рюрика Дмитриевича поставили директором Пажгинской МТС. Но уже три года спустя сельскохозяйственное начальство посчитало, что специалист с дипломом питерского вуза гораздо нужнее в стенах Минсельхоза, чем на сельской машинно-тракторной станции.

Приглашение в Минсельхоз СССР Рюрик Дмитриевич Меньшиков получил в 1965 году. Повышение было существенное, если не сказать головокружительное. О том, чтобы попасть из сельскохозяйственной структуры автономной республики в союзное министерство и возглавить там перспективный отдел, можно было только мечтать. Прыжок в карьере давался Меньшикову трудно. Его сестра, Свет-

Рюрик Дмитриевич Меньшиков с родителями, женой и дочерьми. 1967 г.

лана Дмитриевна, помнит признание брата, что первые три года в Москве он буквально «ломал» себя. Новые люди, несоизмеримый с провинцией ритм столичной жизни, отдаленность от природы – ко всему пришлось притираться. В Сыктывкаре оставались и друзья. Самые верные, преданные, лучшие.

Спасала работа. В 60-70-е годы сельское хозяйство страны было на подъеме. Успешно шло техническое оснащение и перевооружение сельхозпредприятий. Во все даже в самые отдаленные уголки страны поступала новая техника: тракторы «Беларусь», «К-700», культиваторы, плуги, сеялки, комбайны... Внедрение новшеств проходило при прямом участии Рюрика Дмитриевича. Маршруты его инспекций прокладывались не только по Союзу, но и по всему миру. Часто бывал в странах СЭВ. Еще в начале 80-х стал инициатором проведения в Болгарии соревнований пахарей Содружества социалистических государств. Помогал внедрять новую сельхозтехнику в Югославии, Германии, Венгрии, Монголии, Танзании, Дании, Финляндии... Собрал большой урожай дипломов и медалей ВДНХ за внедрение новой техники.

Перевести дух удалось лишь на пенсии. И снова привязала к себе земля-матушка. Отдушиной стал небольшой дачный участок в Подмосковье. От души радовался Рюрик Дмитриевич, когда удавалось навестить родину. Сыктывкар рос, строился. Но так же, как и в юности, на раскидистые деревья в Кировском парке, заречные дали выходили окна родительской квартиры. Непременно навещал он и двухэтажный деревянный дом сельхозников по Октябрьскому проспекту. Здесь с женой Валентиной Ивановной они когда-то обживали свой первый семейный угол. Здесь родились дочери Ирина и Светлана.

Совсем недавно дочери Рюрика Дмитриевича вновь приезжали в город, в котором они родились. И так же, как отец, первым делом пошли в тот неприметный

деревянный дом. Он уже изрядно состарился, да и живут в нем совсем чужие люди... «Открыли двери подъезда, на нас хлынул поток теплого воздуха. Все ожило. Показалось, что мы из Сыктывкара никуда не уезжали», – делились Ирина и Светлана Рюриковны.

В этот раз впервые в Сыктывкар приехали без отца. Рюрика Дмитриевича не стало минувшей осенью. Семья посчитала нужным, обязательным вспомянуть мужа и отца вместе с самыми близкими его друзьями, сотрудниками Минсельхоза Коми АССР 50-60-х годов.

Вечер в кругу друзей получился трогательным, теплым. Не было в помине казенных, выспренних слов. Вспоминали разное: как в складчину справляли свадьбы и новоселья, какие препятствия приходилось преодолевать, прежде чем привезти железных коней в отдаленные села, как до утра бывало шумно в московской квартире Меньшиковых, когда приезжали в командировку коллеги из Коми. Убеленные сединой люди говорили об эрудиции, огромной работоспособности, удивительном обаянии своего друга.

Долгая благодарная память – самая большая награда человеку с редким, древним, громким именем Рюрик.

Две Таиды

Писатель Василий Васильевич Юхнин вошел в большую литературу как создатель первого романа на коми языке. Его «Алую ленту» читали-перечитывали несколько поколений земляков. Автору удалось все: «закрутить» увлекательный сюжет, показать богатую палитру человеческих взаимоотношений и чувств, передать неповторимый колорит родной природы. Отличает этот роман и сочный живой язык.

Узнав о том, что одну из своих дочерей Василий Васильевич назвал Таидой, подумала, что это дань писателя словотворчеству, жажда оригинальности, свойственная творческим людям. Но на поверку все оказалось по-другому.

Самое поразительное: на встрече в квартире Таиды Васильевны Болотовой (Юхниной) передо мной предстали сразу две Таиды. Хозяйка и ее двоюродная сестра. Тоже Таида. Таида Ивановна Лыткина.

Своей старшей по возрасту сестре дочь писателя и оказалась обязана редким именем. Было это так. Родилась Таида Юхнина в селе Занулье, на родине отца. Отсюда же была

Таида Вязова и Таида Юхнина. 1955 г.

родом и мама Наталья Васильевна. Когда девочка появилась на свет, отец находился в Сыктывкаре. Мама пошла регистрировать новорожденную дочь в сельсовет одна. А там повстречала родственника – Ивана Васильевича Вязова. Он спросил: «Как дочку-то назвать собралась?» «Надеждой», – ответила Наталья Васильевна. Родственник в ответ: «Сдалось тебе простое имя. Давай Таидой назови. Я тоже свою крохотулю так назвал. Ведь, вправду, красивое имя?»

Домой Наталья Васильевна шла, держа в руке свидетельство о рождении дочери Таиды.

Две женщины, сидящие передо мной, говорят, что до сих пор не узнали, где родина их необычного имени. Отец Таиды Ивановны до войны много раз сплавлял лес до Лузы. Она предполагает, что, может быть, где-то на дальних берегах и повстречалась ему девушка Таида. Сестрам кажется, что это имя пришло из Греции. Таида им почему-то предстает в образе женщины, облаченной в тунику.

Отец Таиды Ивановны – Иван Васильевич Вязов – пропал без вести в 1942 году. Она осталась без отца двухлетней. В судьбе девочки большое участие принял Василий Васильевич Юхнин. Она хорошо помнит, как после школы приехала из Занулья в Сыктывкар. Дядя Вася отвел ее в строительное училище, где она выучилась на штукатура-маляра. А вскоре поехала учиться в Казань, в строительный техникум. После четырех лет учебы вернулась в Сыктывкар. Работала мастером, сметчицей в проектной конторе. Немногие из ее сверстниц в трудные послевоенные годы смогли так построить свою судьбу. Таида Ивановна говорит, что, если имя в чем-то и определило ее судьбу, так только в этом. Не дало прозябать, вывело в люди.

Детство и юность Таиды Васильевны Юхниной прошли в Сыктывкаре. Здесь Василий Васильевич после окончания пединститута работал в газете «Вӧрлэдзысь», десять лет руководил Коми отделением Союза писателей. Дома, по воспоминаниям дочери, всегда стояла звонкая тишина. Любую свободную минуту отец старался посвятить бдению над бумагами. Он торопился жить, творить. Василий Юхнин болел чахоткой, эта болезнь и унесла писателя из жизни в 53 года. В том, что Юхнин столько успел сделать, заслуга его жены. Она полностью посвятила жизнь мужу и детям. Имея за плечами всего четыре класса, безукоризненно знала синтаксис, пунктуацию, перепечатывала все рукописи супруга.

В семье росли три дочери. Две старшие стали учителями. Таида закончила Ленинградский библиотечный институт. После получения диплома под родительское крыло не юркнула. Поехала в сельский район. Более двадцати лет отдала объединению «Комикнига», где возглавляла библиотечный коллектор. Казалось бы, что интересного может быть в учреждении с таким сухим, казенным названием – бибколлектор? Но рассказы Таиды Васильевны о работе здесь звучат как песня. Сюда стекалась информация со всех библиотек республики. Сотрудники коллектора знали, какие книги в их фондах есть, а чего не хватает. Они же долгие годы оставались связными между библиотеками и различными издательствами, заказывали литературу, оформляли заявки.

Можно представить, как оглушило сотрудников «Комикниги» последовавшее в 90-е годы крушение налаженных годами связей, а затем и самой «книжной империи».

Оптимизм Таида Васильевна черпает в самой себе. В своем общительном, любознательном характере. А еще – в семье, во внуках. В минутах вдохновения,

когда из-под ее пера выходят стихи, чаще всего предназначенные в подарок близким людям. И в имени своем, которое расцвечивает мир если не в особо яркие, но приятные пастельные оттенки.

Анна СИВКОВА.

Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО и из семейных архивов героев публикаций.

(«Дым Отечества» за 20 июля, 14 сентября, 28 декабря 2002 г., 22 ноября 2003 г.)

Шойткад, Рюрик, Ким и другие

Тесен мир. А как тесна наша республика, тем более Сыктывкар! Читаешь «Дым Отечества» и столько знакомых встречаешь.

Героями рубрики «Имя и судьба» в прошедшие годы были два лучших друга моего брата Кима Александровича Нахлупина. Оба носили необычные имена – Шойткад и Рюрик. В нашем семейном архиве сохранился любительский снимок, где Шойткад Коми и Рюрик Меньшиков сняты вместе. Фотокарточка датирована 1947 годом. Ватага неразлучных друзей перед объективом изображает живую пирамиду. У подножия пирамиды – Шойткад Коми и Рюрик Меньшиков. Чуть выше Вадим Суханов, еще выше – Юрий Перевалов, а венчает конус Ким Нахлупин.

К сожалению, из всех озорных молодых людей, запечатленных на снимке, сей-

час в живых лишь Вадим Суханов, долгое время проработавший директором авторемзавода в Сыктывкаре и заместителем директора по производству совхоза «Сыктывкарский». Юрий Перевалов работал в системе МВД, его уже тоже нет в живых.

В прошлом году ушел из жизни и мой брат Ким Нахлупин, мастер – золотые руки, фотограф, часовщик.

Послевоенный город и сыктывкарские кавалеры тех лет запечатлены и на другом снимке. Рядом с Кимом Нахлупиным – Геля Кутькин. Так в 1948 году выглядел центр Сыктывкара. Снимок сделан на пересечении улиц Советской и Бабушкина. Двухэтажное деревянное здание до сих пор стоит. Правда, оно теперь обшито и его не так-то просто распознать в этом старом, большом, бревенчатом доме.

Альбина ПЫСТИНА.

г.Сыктывкар

(«Дым Отечества», 24 января 2004 г.)

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Александра Павловна Попова.

В семье Бычковых – пополнение.

Зона отдыха аэропорта Печора – гордость его начальника.

Николай Бычков среди сотрудниц аэропорта.

Александра Попова среди руководителей Главного управления гражданской авиации Коми АССР. 1967 г.

«От винта...» Супруги Бычковы – справа.

Лагерная культбригада в Пезмоге. Крайний слева – Николай Бычков.

Устройство по транспортировке пиломатериалов в Локчимлаге.

Наверное, каждого из нас хоть раз в жизни посещало желание увидеть лица своих прабабушек и прадедушек, не говоря уже о более далеких предках. И разочарование, поджидающее всех, тоже схожее: не сохранила история их облика. Без фигур и лиц красавиц из неолита или мезолита меркнут выставленные за музейными витринами и раскопанные археологами их украшения: подвески, ожерелья, серьги.

Мы же – счастливчики. Хотя бы потому, что можем остановить мгновение, запечатлеть его, а потом вглядываться в минувший день и в себя тоже. Да здравствует чудо фотографии! Именно к фотокарточкам в полной мере относятся слова: чем старше, тем ценнее. Что еще, кроме пожелтевших от времени снимков, смогло донести до нас вкус и цвет прошедших десятилетий, неповторимость и обаяние живших тогда людей, мир вещей и событий, из которых была соткана их жизнь?!

Давайте вместе перелистаем старые семейные фотоальбомы. Мы приглашаем наших читателей принять участие в конкурсе «Семейный альбом». Предполагаем, что конкурс растянется на много месяцев и заинтересует многих из вас. Условия конкурса вполне приемлемые: выбрать из семейных альбомов несколько интересных старых снимков и рассказать о людях и событиях, запечатленных на них. Главное, чтобы фоторассказ получился содержательным и любопытным.

Все ваши бесценные фотографии-реликвии редакция обязуется вернуть в целости и сохранности.

Нежность к ревущему зверю

ОНА появилась на свет под низким небом далекой северной деревушки. А детство и юность прошли в Архангельске, куда родители Саши Поповой переехали из таежного села в поисках лучшей доли. Пашню и покосы сменили на лесозавод. Сашке на роду было написано стать заводской девчонкой. А она взяла да и «разминулась» с заводской проходной. В небо упорхнула.

В 30-е годы небо для тысяч советских юношей и девушек стало ближе. «Молодежь, в ОСОАВИАХИМ!» – зазывали плакаты. Саша Попова заглянула в аэроклуб Архангельска. Зашла на минутку, а задержалась на несколько лет. «Выпустили» ее отсюда с дипломом. Он и судьбу определил.

Мыслимо ли сегодня, чтобы знания, полученные в клубе по интересам (именно таким и был в сущности аэроклуб), были настолько глубокими и прочными, что не давали осечки на протяжении многих лет. Александру Павловну Попову они не подвели. Правда, потом их подкрепили опыт да еще краткосрочные курсы летных тех-

ников. После аэроклуба направили на аэродром Архангельска. Поставили к неисправному самолету и оставили с техникой один на один. К утру она «вылечила» винтокрылую машину. На завтра ее поджидал уже другой «инвалид». В том, что техник в юбке «уговорит» и его, уже не сомневался никто.

В 1939 году Сашу Попову попросили помочь соседям. В летний день с фибровым чемоданчиком в руке она сошла на незнакомый берег Сысолы и поднялась по лесенке в город. Город назывался Сыктывкар. У встречной пожилой женщины она спросила: «Где у вас тут аэродром располагается?» А та в ответ будто воды в рот набрала, недоуменно водила глазами по тоненькой фигурке девушки, направлявшейся к аэропланам. Еще больший фурор «ценный кадр» произвела в самом аэропорту. Аэропортовские мужики не скрывали удивления: женщин на летном поле здесь отродясь не бывало. Но первый же рабочий день все расставил по своим местам. Техники попытались было «сунуться» с полезными советами, но тут же ретировались.

Александра Попова долгие годы оставалась в Коми первой и единственной женщиной-авиатором. Она же стала здесь и первой женщиной-начальником аэропорта. Следом за объявлением войны подоспело и новое назначение – возглавить аэропорт в селе Объячево.

Пять лет она принимала и отправляла из Прилузья винтокрылых трудяг – самолеты ПО-2. Заправляла летным полем, немудреным аэропортовским имуществом, дни и ночи напролет возвращала к жизни вышедшие из строя детали. Самым хрупким механизмом в сердце винтокрылой машины был поршень. Сколько часов, перепачкавшись в масле и мазуте, колдовала над стальными цилиндрами самолетный доктор! А придя с работы, изо всех сил отдирала моторную смазку с рук.

КОЛЯ Бычков родился в солнечной Армении и, как говорится, ни сном ни духом не ведал, что ему суждено переехать на далекий Север. Состоятельные, интеллигентные родители смогли дать сыну всесторонне образование. Шофер, радист, слесарь, электрик, классный стрелок-охотник – это лишь скромный перечень всего, что он умел, что успел. Перепробовав всякие ремесла, Николай в конце концов с головой окунулся в авиацию и изобретательство. Несмотря на молодость, преуспел и на этом поприще. Диплом инженера-электрика и всевозможные изобретения открывали перед ним все двери. А своим крестным отцом Бычков считал великого Циолковского.

Ученый и молодой изобретатель были знакомы. Лично. После революции Циолковский не раз приезжал в Армению, где недалеко от Еревана находилась космическая обсерватория. На встречи с корифеем съезжались ученые и любознательная молодежь. Среди них был и Коля Бычков. Сохранилось одно из писем отца космонавтики своему ученику. Оно написано живо, легко, дышит дружбой и покровительством. Константин Эдуардович советует юному другу не разочаровываться в неудачах, а думать, анализировать, делать дело. Пожелания Циолковского с годами стали чертами характера Николая. Они же помогли выстоять под натиском обрушившихся на него невзгод, а по большому счету – остаться в живых.

Николай Бычков поплатился свободой за невинную шутку. Шутить было опасно, да еще как – на дворе стоял 1937 год. Два года ушло на следствие. Затем этап, лагерь, лесоповал. Из Еревана молодой инженер попал в Локчимлаг. На родине оставались семья, родители. В бумагах Николая Алексеевича сохранилась копия

письма его отца к Сталину. Убитый горем Алексей Бычков в своем обращении не преминул упомянуть и о том, что он земляк «великого кормчего», тоже уроженец Гори, бывший воспитанник Тифлисской семинарии... Но все это в прошлом. Теперь он – ударник труда... В конце письма уже рукой Николая Бычкова сделана приписка: «Это заявление было послано весной 1940 г. Ответ получен не был».

Помощи ждать было тщетно. Оставалось положиться только на себя. И на знания, до которых зек Локчимлага был всегда охоч. И что же? Очутившись на новом непривычном месте, Бычков тут же принялся за дело. Чтобы хоть как-то облегчить участь вальщиков, уже вскоре он проектирует специальное устройство по транспортировке пиломатериалов на баржу в Пезмогском лесозаводе. Здесь же под его руководством стала строиться высоковольтная линия электропередачи. «Сознательный зек» записался в культбригаду, участвовал в спектаклях.

НО и это не все. Под покровом ночи Николай Бычков с упоением предавался тому, чему когда-то было настежь распахнуто сердце, что хоть немного заслоняло собой кошмар происшедшего с ним. Он размышляет об авиации, пытается найти и устранить слабые звенья в известных ему типах самолетов. Идет война. Инженер за колючей проволокой одну за другой отсылает свои разработки в главное управление инженерной авиационной службы ВВС Красной армии. Ему отвечают генералы, полковники. В авторе проектов, судя по ответным письмам, они видят вовсе не какого-то изгоя, а талантливого инженера. Разговор идет на равных. Пункт за пунктом они излагают свои контрдоводы. Вот строчки лишь одного ответа из Москвы:

«Идея предложенной вами управляемой авиабомбы с фотоэлементами известна уже из более ранних аналогичных предложений других авторов и практически неосуществима. 1. С самолета нельзя определить направление падения бомбы относительно цели, для его корректировки. 2. Невозможно с помощью луча осветить необходимые фотоэлементы на быстропадающей бомбе, все время изменяющей свое положение. 3. Отклонением рулей невозможно изменить траектории бомбы... 4. Самолет после сбрасывания будет связан в маневрировании, вследствие необходимости ловить бомбу лучом...».

Трудно сказать, было ли принято на вооружение хоть одно рацпредложение изобретателя-одиночки. Но его труды даром не пропали. Неожиданно Николай попал, как говорится, из грязи да в князи. Вчерашнего зека пригласили на работу в Министерство местной промышленности Коми АССР! И здесь он оказался у дел. Строил и усовершенствовал электростанции, проектировал всевозможные механизмы, без устали мотался по республике. Наградой за все пережитое и воплощенное в жизнь стала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

ОДНАЖДЫ из пассажирской кабины ПО-2 вылез и предстал перед начальницей аэропорта в Объячево симпатичный темноволосый человек. «Очередной командировочный», – отметила про себя Александра Попова. «Как интересно, женщина – и командует авиацией», – тоже про себя заметил Николай Бычков. Слово за слово, и собеседники не заметили, как... «улетели». Самолеты, двигатели, взлеты, посадки – все это в душе каждого из них откликалось трепетом, волнением. Это же и стало началом большого чувства, связавшего на долгие годы мужчину и женщину, начальницу крохотного аэродрома и представителя столичного министерства, вчерашнего зека.

После этой встречи начали зарубцовываться раны, нанесенные жизнью каждому из них. Еще в Сыктывкаре Саша Попова вышла замуж за авиатехника Пашу Кудрявцева. Дочка родилась. Мужа в первые же дни войны взяли на фронт. Только одно письмо и успел он прислать семье. Погиб в первом же бою. Очутившись в Объячево с крошечной дочуркой на руках, Александра разрывалась между домом и работой. Хотя дома-то не было. На несколько лет его заменила комнатка в здании аэропорта. Если мама была очень занята, за малюткой присматривал кто-нибудь из ее сослуживцев. В первые годы войны мать с дочкой перебивались с воды на траву. Застилавшие разноцветным ковром летное поле цветы, особенно клевер, перекочевывали и на обеденный стол. Потом, в середине войны, стали давать продовольственные пайки. Молоко, которое покупали у одной из объячевских хозяек, было настоящим лакомством.

Александра Павловна однажды помогла этой женщине. Как-то идет и видит: плачущая ребятня окружила свою кормилицу. А ее веревкой за рога тащит местный милиционер-битюк. Корова упрямится, дети ревут, все прохожие прячут глаза в землю. «Что это ты задумал, служивый, вдову с детьми по миру пустить», – подступилась Попова с расспросами. «Мое дело маленькое. Я приказ выполняю. Сама виновата твоя вдова – налоги не заплатила», – не сбавляет шаг милиционер. Но и заступница не отстает. Так дошли до заготконторы. Милиционер привязал корову к забору, а сам зашел внутрь. Следом за ним Александра Павловна. Тут она и выложила местному начальству, чем для них чревата отобранная у вдовы корова. Начальник аэропорта была в селе не последним человеком, вес ее словам придавали и погоны на плечах. Не успела она дойти до двери, как ее окликнули. Мол, извиняйте, переусердствовали, а корову сейчас же возвратим.

Из военных будней запала в память и еще одна история. После нескольких полетов в самолетах полагалось менять масло. Александра Павловна сливала его в цистерну за летным полем. Применения отработанному маслу долго не находили. Пока однажды к ней не подошел председатель соседнего колхоза: «Начальница, выручи, страда на дворе, – начал подступаться он к «неприступной» женщине в погонах. – Тут, смотрю, чан у тебя стоит почти бесхозный. Видать, тебе это масло уже ни к чему». «Разбазаривать» даже отработанное масло в условиях военного времени категорически запрещалось. Но Александра Павловна сжалилась над председателем, отлила ему масла. Шито-крыто это событие не осталось. Не прошло и нескольких дней, как потянулись ходоки из других колхозов. И у чана открылось дно.

В Объячево Александра Попова второй раз мамой стала. А еще двое детей появились на свет уже вблизи других аэродромов – в Ижме, в Кожве. Теплое местечко в министерстве Николай Алексеевич бросил не раздумывая, безо всякого сожаления. Как ниточка за иголочкой, следовал за своей женой, получавшей направления на северные аэродромы.

Подрастающие дети нередко «томили» маму расспросами, почему она не летчица. Ведь техник – он всегда в тени, а летчик – он герой, он у всех на виду. Александра Павловна не знала, какими словами рассказать о той радости, которую она получает от слаженной работы всех винтиков и деталей «ревущего зверя». Но пуще всего ей нравилось самой докопаться до сути, устранить неисправность. Ей это удавалось всегда. Ровно заурчит мотор... И за спиной словно крылья вырастают. Но в небо эти крылья так не подняли. Хотя одно время и довелось полетать

бортмехаником. Земля притягивала сильно, властно и уже надолго не отпускала от себя.

На «подступах» к Печоре роли в семье поменялись. Начальником стал папа, а мама, как и полагается женщине, его подчиненной. В конце 40-х годов развернулось строительство аэропорта в Печоре. Руководить стройкой поставили Николая Бычкова, которому в «помощь» даже офицерское звание присвоили – лейтенант гражданской авиации. Знали, на кого ставить. Строительство завершилось в рекордно-короткие сроки. Хотя перелопатить пришлось горы работ. Только леса выкорчевали на 85 гектарах!

Конечно, недостатка в бесплатной рабочей силе в те годы не было. Но и сами служащие аэропорта трудились на износ. И Николай Алексеевич, и Александра Павловна неделями не выпускали из рук топоры и пилы, из кожи вон лезли, выворачивая ломами пни вековых деревьев. Здесь, по соседству со стройкой, во временной хибарке и жили. Зимой топили снег для чая и супа. Самым большим праздником стало для всех 1 октября 1952 года. В то утро на летное поле приземлился первый ЛИ-2. Открылась новая воздушная трасса Сыктывкар – Ухта – Печора.

АЭРОДРОМ со всей прилегающей к нему территорий стал для супругов еще одним дитем. Особую заботу о нем проявлял Николай Алексеевич. Для сотрудников аэропорта разбили парк с беседками, соорудили бассейн под открытым небом для детворы. Хозяйственные заботы не уводили начальника от главного – от самолетов. Музыка их моторов затмевала для него все звуки мира. В мыслях и на рисунках рождались новые конструкции машин. А установка для подогрева моторов при низких температурах и в условиях Крайнего Севера, изобретенная Николаем Алексеевичем, попала даже на выставку в знаменитый Политехнический музей в Москве.

Подрастающие дети, своими руками построенный аэропорт, реабилитация Николая Бычкова – все окрыляло, радовало, раздвигало новые горизонты. Несчастье огрело обухом по голове. Летом 1957 года Николай Алексеевич упросил свою половинку с детьми отдохнуть у родных в Архангельске. Сам же предаваться ничегонеделанью никогда не мог, не умел. Вот и на этот раз остался работать. Семья отправилась в путь без него.

Возвратились в Печору спешно, по телеграмме. Всех по приезде оглушила тишина. Она царила и в доме, и, как показалось, на всем летном поле. Так оно, наверное, и бывает, когда уходит из жизни настоящий хозяин. Николай Алексеевич и был хозяином: и своего шумного дома, и огромного гудящего ульем летного поля, окаймленного веселым лесом.

Его похоронили на самой кромке летного поля. Не смолкала музыка самолетных двигателей…

Александра Павловна все так же копалась в самолетных моторах. А заступая с одной вахты на другую – домашнюю, с головой окуналась в мир живых моторчиков. Не дать им заглохнуть, устранить неполадки бывало намного труднее. Но она справилась. Все дети получили образование. «Бездельников нет», – оценивает свою материнскую ношу сама Александра Павловна. А за верность призванию и самолетам – около 70 благодарностей в трудовой книжке!

Сейчас Александре Павловне Поповой уже за 80. Она живет в Печоре. Никуда не отпускает ее от себя северный город. А может, самый дорогой человек, оставшийся лежать у самой кромки гудящего летного поля. К сожалению, самолеты на

летное поле в Печоре, отвоеванное супругами у хляби и буреломов, сейчас почти не садятся. Все реже и реже оглушает округу музыка «ревущего зверя». Самая пьянящая, самая манящая для всех, кто породнился с авиацией.

Семейный альбом Поповых – Бычковых листала Анна СИВКОВА.

г.Печора

(«Дым Отечества», 26 января 2002 г.)

Счастливое самосожжение

Ах, как звенит в августе воздух! Зной стоит такой плотный, хоть ножом режь. Жарко. Баню протопили быстро. Но не шли. Ждали, когда мужики работу закончат.

Аннушка все подготовила: чистые рубахи, квасу темного и холодного достала из голбца, а с вениками не торопилась. Недавно навязанные, они увядали на сеновале, и нечего было их заранее на жару тащить. Но на сеновал все-таки поднялась. Было ей тяжело и тревожно, а тут так пахло сеном, было так хорошо... Вспомнила родительский дом. Их безбедное житье. Не то что теперь – лук зеленый с солью да черным хлебом. Но что это она? Рядом со своим Николаем она и не такое готова выдюжить.

Потянулась было за веником, и вдруг боль острой спицей пронзила все тело.

– Началось, – подумала Анна.

Прямо на сеновале она и родила. Девочку нарекли Клавдией. Забеспокоившись отсутствием Анны, подошла свекровь и, сняв со своей головы платок, окушкала им новорожденную.

И день этот – Евстигнея-мученика, и место рождения – набитый духмяными травами сеновал определили судьбу девочки. Быть ей заступницей земли, вечной труженицей, и самыми сладкими будут по жизни для нее ароматы разнотравья.

С судьбой не поспоришь. Не спорила с судьбой и ее мать – Анна.

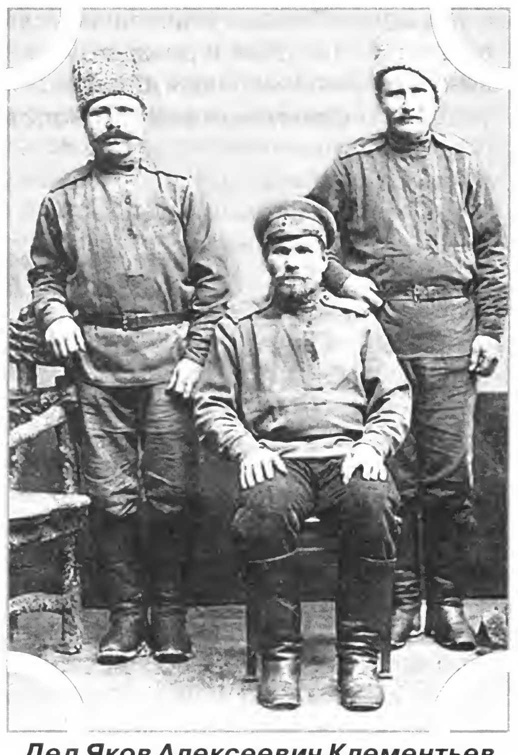
Была она из семьи большой и зажиточной. Все было: на дворе – кони, коровы, свиньи, куры, овцы, сенокосы, пашня, лесные новочисти,большой огород обрабатывали. Гордая красавица Анна была любимой дочерью отца. Баловал, наряжал и жалел он ее от всей души. Она платила за это сполна. Все умела. Была исключительной рукодельницей. Пряла, ткала, шила, вязала, умела крепко красить холсты и тонкие льняные полотна. А какие вывязывала крючком подзоры на кровати да напечные занавески! Хлеб пекла высокий, шаньги – сочные, блины – тонкие. Любимая ее присказка: «Сон – потвор, еда – повада».

Женихи все глаза проглядели. Но чтобы спасти Анну, отдал ее отец замуж в семью бедную. Потому что расцвела девушка аккурат, когда накрыла всех справных хозяев на Руси волна раскулачивания. Бедным оказалось быть безопаснее. Родители Анны были раскулачены, сосланы и в ссылке умерли.

В семье Ракиных, в которую вошла Анна, самым большим достоянием было благочестие. Дед мужа – Василий Ракин – совершил паломничество в Иеруса-

Клавдия Дулесова.

Дед Яков Алексеевич Клементьев (в центре).

Мама – Анна Яковлевна Ракина. 1965 г.

Папа – Николай Александрович Ракин. 1965 г.

Клавдия. 1958 г.

Танюха во дворе. 1966 г.

В первом ряду крайняя справа – А.Я.Ракина.

Дети и племянники на даче. 1989 г.

Дочь Татьяна. 1991 г.

Подарок из Киево-Печерской лавры. 1898 г.

Венчание старшей внучки Светланы с Романом Лушковым. 23 апреля 1999 г.

Дочь и внук в Ульяновском монастыре. 1996 г.

С любимыми внуками Алисой и Юрой и котом Альбой. 1997 г.

Сын Юрий на даче в Дырносе. 1987 г.

Муж Владимир Алексеевич Попов на учениях в Баренцевом море. 1960 г.

лим. И сегодня, а уж тем более тогда, это было сродни подвигу. Оставив все – семью, дом, пешком, через чужие страны, не побираясь, но нанимаясь по дороге в работники, он стал легендой.

Его сын (отец Аниного мужа) бывал в Киево-Печерской лавре, а также на послушании на Соловках. Его рассказы об этом монастыре, о суровой природе, об удивительных растениях, которые завезли туда монахи, об особых рукотворных каналах, о людях, встреченных в этих путешествиях, пробудили огромное любопытство и тягу к знаниям у его сына Николая. Этого любопытства хватило и на детей Анны и Николая.

Сам Николай Александрович сделал успешную карьеру, стал главным бухгалтером управления связи. О его дочери Клавдии – речь впереди.

Старшая дочь Мария окончила физико-математический факультет КГПИ, всю жизнь учительствовала в Инте.

Сын Виталий окончил электротехнический институт связи им.Бонч-Бруевича в Ленинграде, инженер радио и телевидения.

Юрий окончил политехнический институт в Ленинграде, инженер-рационализатор КомигипроНИИлеспрома.

Александр окончил лесотехническую академию, инженер-механик.

Николай окончил КГПИ, работал в проектном бюро.

Но это все состоялось после. А сначала молодые Анна и Николай из деревни Ракинской подались в город. Только начали обживаться – война. В первые же дни Николай был призван на передовую. Пулковские высоты, Дорога жизни, освобождение Риги – лишь часть его фронтовых дорог.

...ТОТ БОЙ был не на жизнь, а насмерть. Артиллерийские атаки захлебнулись. В рукопашной схватке полег не один взвод. И вот уже прямо на позицию ползут фашистские танки. Убиты заряжающий и наводчик. Николай берет на прицел вражескую машину. Успел выстрелить или нет – не знает. Очнулся – кругом тишина. Ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Что-то сверху придавило. А на губах и во рту вкус крови. Но почему такая тишина? Ведь вот бегут солдаты, недалеко горит танк, люди открывают рты, значит, что-то кричат. Почему же он ничего не слышит? Какой-то солдат наклонился и что-то спрашивает, а что? Потом куда-то тащит Николая. А дальше – медсанчасть, потом госпиталь в Пскове. Без движения, без слуха, без речи, с постоянными кровотечениями изо рта он начинает бороться за жизнь. Он очень старается. Потому что страшнее всего в тот момент для него было видеть, как сотни таких же, как он, контуженных молоденьких солдатиков отправляются в психушку.

Новый 1945 год он встречал уже в батальоне выздоравливающих. А дома в борьбу за его жизнь впряглись женщины. Его сажали в бочку. Мать запаривала одной ей известные травы, и он окунался в эти отвары. По утренней росе она собирала другие – и поила ими сына. Ее знание леса, трав, снадобий пугало односельчан. И только маленькая Клава ходила за бабушкой по пятам, собирала травы, выкапывала корни, составляла сборы, и было ей это все бесконечно интересно.

Она до пятого класса не переезжала к родителям в город, жила в деревне с бабушкой. Та часто напоминали ей, что родилась Клава на сеновале. А она и не собиралась забывать. Цветы и травы ей казались живыми, она понимала их язык, знала где и какие растут, как их использовать, чем, например, остановить кровь и

залечить раны. В чем прополоскать волосы, чтобы коса была толще.

Но странно было ей, почему это за околицей – разнотравье да цветы, а на огородах в деревне – лук да картошка? Ни цветочка, ни ягодки. Цветы – это баловство, учили ее деревенские. Ну а ягоды мы из лесу принесем. Клава не спорила, но знала, что, когда вырастет, сделает все по-другому. И в 1953 году после окончания школы с сухарями и книжками села на пароход и поплыла учиться.

Поступила в Саратовский сельскохозяйственный институт. И так ей хотелось красоты и чего-то необычного, что стала она агрономом плодоовощеводом-виноградарем. Распределение получила в Северную Осетию, в город Моздок. Это сейчас название этого города знают в России все, а тогда казалось, что девчонка с Севера попала на другую планету. Другая земля, другие цветы, другие запахи, другие растения. Как-то, еще будучи студенткой, во время практики в Астрахани поручили ей выбраковывать арбузы.

Огромное поле. И надо его пройти ряд за рядом. Отбраковывали арбузы по насыщенности окраски, по цвету полос. Не соответствует стандарту – крепко пни ногой. Арбуз этот надо разбить. Она дотронулась до одного такого, а он сочный, перезрелый хрустнул в ее руках, брызнул багровой мякотью. Как можно такое выбросить? Вся измучилась, испереживалась, ну не могла она сделать такую работу.

И уже тогда не давал ей покоя вопрос: а чем же ее родные северные земли хуже? Да, нет столько солнца. Нет столько тепла. Но зато есть длинные белые ночи, много воды, много земли…

В Осетии она вышла замуж за Геннадия Дулесова. И так заморочила ему голову рассказами о Севере, о его красоте и белых ночах, что вскоре они оба приехали в Сыктывкар. Жили небогато, но весело и интересно. Клава стала работать в КФАН, сначала агрономом на научно-экспериментальной биологической станции, а потом в Институте геоботаники. Работала рядом с такими видными деятелями науки, как М.М.Чарочкин, В.А.Космортов, И.С.Хантимер. Пешком, на надувных лодках, на машинах, и вертолетах прошла-проехала Клавдия Дулесова всю республику. Экспедиции, изучение растительного мира, опыты, эксперименты на какое-то время отодвинули семью на второй план.

Не выдержал такой жизни ее муж. Ушел. Она осталась с дочерью Татьяной на руках. Но продолжала свое. Брала девочку с собой в экспедиции. Таскала далеко за Усть-Цильму, где изучала растения поймы реки Печоры. На опыты по озеленению земель рядом с нефтепроводами…

Она поступила в аспирантуру. Стала готовить диссертацию.

И вот однажды в Сыктывкаре к ним в дом зашел (совершенно случайно) приехавший в город на побывку морской офицер. Глаза Клавдии и Володи встретились. И он оставил все – службу, карьеру, флот, перевернул из-за этой необыкновенной женщины свою жизнь. Вскоре у них родился сын Юрий.

После защиты диссертации ее приглашали на более престижную работу. Но всякий раз она отвечала отказом: «Хочу работать на земле. Хочу превратить родную республику в цветущий сад». И ушла учить ребят.

Работая в сельскохозяйственном техникуме, она организовала коллекционный участок.

Клаве хотелось много успеть, хотелось добиться своего – найти для Коми лучшие сорта крыжовника, красной и черной смородины, черноплодной рябины, яблони, земляники.

Ее работами заинтересовались многие учебные и научные заведения.

А тут оказалось, малинник, которым она так много занималась, вдруг перестал давать прежние обильные урожаи. В чем дело? Выяснилось, что недалеко была пасека, но недавно хозяин уехал, пчел не стало. Когда Клава это поняла, решила выучиться на пчеловода. И в этом деле тоже достигла успехов.

Но и этого ей было мало. Она ждала, что государство востребует ее намерения испытывать сорта ягодников на Севере. Система государственных сортоиспытательных участков в то время плотной сетью накрывала все регионы страны, кроме Севера. А почему? И Дулесова добилась своего: стала работать заведующей сортоиспытательным участком плодово-ягодных и декоративных культур.

ЗАКЛАДКА опыта, защита растений, подробные до миллиметров и миллиграммов замеры и взвешивания, километры таблиц сравнительного анализа, тысяча страниц отчетов – все это ради научной истины, ради того, чтобы дать людям такие сорта ягодников, которые порадуют небывалым урожаем. Но если бы только одной наукой приходилось заниматься Клавдии Николаевне! Все эти годы она боролась с бюрократами, которые не понимали сути ее труда, но зато имели власть распоряжаться землей. Клавдия Николаевна так любила свое дело, что по ее стопам не раздумывая пошли и дочь, и сын. Казалось, теперь все складывается хорошо. Столько планов, задумок! Столько уже сделано!

Но случилось страшное. Ее мальчика, ее Юрочку, вернувшегося из армии, убили подонки. Рухнуло небо. Ушла земля из-под ног. За что? Поиски преступников, суды, очные ставки – все это уже не имело никакого смысла. Она все обрубает. Обрезает косы. Уходит в себя. Муж теряет здравый рассудок.

Но и это были еще не все испытания, которые уготовила ей судьба. В 1994 году ее детище, ее сортоучасток был передан из подчинения Москвы в ведение республики. Но здесь он оказался никому не нужен. Не нашлось ни одной здравой головы, которая бы заступилась за уникальную коллекцию сортоучастка. Нужно было сохранить землю – не сохранили. Нужно было оформить статус – не сделали.

И непонятно было, почему так трудно добиваться очевидного. Многие сорта ягодников давали обильные урожаи, хорошую устойчивость к болезням и вредителям. Были перспективные сорта, учитывающие специфику северных земель и погодных условий. Ее посадочный материал разошелся по всем уголкам республики вплоть до Усинска.

Когда-то у ее родителей отобрали землю. Теперь, в конце XX века, у нее тоже отбирали дело ее жизни и землю. Чтобы не погибли результаты почти двадцатилетней работы, Дулесова продолжает одна трудиться на уже фактически отобранных у нее землях. Работает без зарплаты. Продолжает облагораживать землю, вносить органику, проводить посадки, эксперименты, опыты, фиксировать результаты, готовить подробные отчеты. Но слухи о том, что это теперь ничье, привлекают на ягодники сотни бессовестных вороватых сборщиков. Эта неравная борьба заканчивается в 1998 году. Ее изгоняют с земли.

Новые хозяева запахивают «ненужное», сажают на удобренных, подготовленных к закладке новых сортов землях картофель. В последней попытке Клавдия Дулесова пытается спасти хоть что-то из уникальных районированных сортов. На помощь приходят монашенки Кылтовского монастыря. День и ночь они выкапы-

вают и вывозят кустарники на территорию монастыря. Успевают спасти сорок сортов смородины, черноплодку, гибрид черемухи с вишней и другие бесценные кустарники. Но результаты главных опытов, которым цены не было, уничтожены.

КЛАВДИЯ Николаевна слегла. Последний раз она показалась на людях 23 апреля 1999 года. Потом даже подруг не хотела видеть. Приводила в порядок свои бумаги, архив. Утром 5 июня 1999 года попросила внучку почитать ей молитвы. Часа через полтора сказала: «Ну все, я ухожу, обо мне не плачьте».

Ее похоронили на старом кладбище в местечке Верхний Чов, между сыном и мужем.

Ее дочь, оставив все дела, стала бороться за то, чтобы не дать бесследно исчезнуть маминому научному наследию. У Клавдии Николаевны была практически готова к изданию рукопись. Но честно говоря, дочь Татьяна не очень надеялась, что когда-нибудь эти уникальные советы по выращиванию в наших условиях ягод и плодов увидят свет. Но случай свел ее с председателем Коми регионального отделения движения «Россия Православная», заместителем Председателя Государственного Совета РК Иваном Егоровичем Кулаковым. Он помог найти спонсоров. И недавно издательство «Печорское время» выпустило в свет книгу Клавдии Дулесовой «Дары земли моей».

По оценкам специалистов, достаточно иметь эту книгу в своей библиотеке и больше не понадобится никаких справочников, никакой другой литературы по вопросам возделывания и получения урожаев на нашей, такой трудной северной земле.

Татьяна ПЕТРОВА.
(«Дым Отечества», 23 марта 2002 г.)

«И подышать заветной стороною...»

Мне выпало на Вычегде родиться,
Я здесь живу, я здешний человек,
Но отчего тогда ночами снится
Таежной речки говорливый бег.
По разноцветной гальке перекатов,
Качая стариц жесткую траву,
Кружа у пастей омутов щербатых,
Несет речушка в Ижму синеву.
Вокруг – боров дремучие напевы
И тайны темных, пойменных озер,
И ожерельями таежной королевы –
Болот роскошных клюквенный узор.

ЭТО строчки из стихотворения молодого сыктывкарского поэта Олега Рочева. Они посвящены родине его предков – таежному селу Кедва. Олег не родился и не рос там, он почти не знает родного коми языка жителей тех мест. Читаешь его проникновенные строчки и диву даешься, как смог горожанин, столичный житель прочувствовать эту далекую северную окраину, проникнуться ее неброской красотой, сплести из увиденных картинок пронзительный узор стихов.

Снимок 1. Рочев Руслан Александрович.

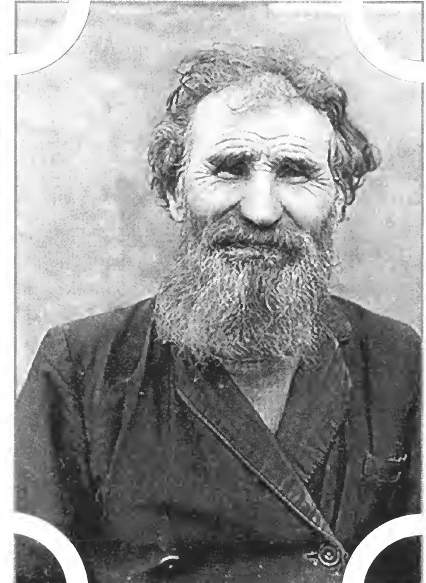

Снимок 4.

Снимок 2.

Снимок 3.

Снимок 5.

Снимок 6.

Снимок 8.

Снимок 9.

Снимок 7.

Снимок 10.

Снимок 11.

Снимок 12.

Снимок 13.

Да что Олег, отец его Руслан Александрович, тоже давно «отрезанный ломоть» для своей Кедвы. Еще в 50-е судьба привела его в Сыктывкар да так и не отпустила отсюда. Многие земляки завидовали ему – в самой столице свил семейное гнездо, в люди выбился. И то верно: звездочки с двумя просветами на погонах, почет и уважение коллег в МВД, два сына да внуки род продолжают. Что еще надо человеку?

А сердце все эти годы ныло, тревожилось, тосковало. Воспоминания и сны каждое лето звали туда, где бурлила своенравная, ледяная даже в июле Кедва, шумел старый лес, кружились в хороводе восемь улиц-сестер родного села. Отпуск таял, как летняя ночь. Надо было возвращаться в город. Чтобы снова ждать того часа, когда блеснет, словно улыбнувшись, окно дедовского дома в обрамлении ажурных наличников.

Шли годы. Тяжелее на подъем становился Руслан Александрович. Все реже удавалось навещать заветную сторону. Уходили из жизни родные кедвинцы, охотно привечавшие его, потчевавшие домашними пирогами, радовавшие милым сердцу говором, долгими рассказами, протяжными песнями. Последнее время, словно хватаясь за уплывающую соломинку, Руслан Александрович стал записывать воспоминания старожилов, копаться в архивах, собирать все, что связано с родиной. Уже почти готова книга. Издаст ее – сделает щемящий подарок всем кедвинцам, бусинками рассыпавшимся по стране.

А какие фотографии хранятся в семейных альбомах Рочевых! Сотни и сотни снимков из жизни Кедвы. Самым старым из них – 100 и более лет. За каждой – эпохи, соленые от пота, роковые и победные, с крапинками радостей и счастливых мгновений. Не просто было выбрать из кипы фотографий самые интересные, самые любопытные. Невозможно и объять необъятное, поведать всю историю Кедвы, рассказать обо всех кедвинцах. Даже для всех Рочевых не хватит здесь места. Мы с Русланом Александровичем решили прокомментировать лишь несколько снимков из его альбома. Они – перед вами.

1-2. Тот самый дом из тысяч сновидений. Срубленный еще дедом и украшенный знатными наличниками. В каждый приезд в Кедву наступал торжественный момент. Уже несколько раз подложены угольки в кипящий на столе самовар. Опрокинута не одна стопочка за встречу, за хозяев, гостей. Со всех уже сошло три пота. Вот тогда-то из сарая выносили на свет длинные скамейки. А на них чинно в ряд усаживались родные, соседи, приехавшие погостить дети и внуки. Руслан Александрович чаще всего замирал перед затихшей родней с фотоаппаратом в руке. Так продолжалось много-много лет. С каждым прожитым годом менялись лица возле завалинки. Уходили одни, рождались другие. Неизменными оставались лишь скамейки, прокопченные ветрами да вьюгами стены и отливающие белизной наличники.

3-4. Дети в крестьянских семьях рождались незаметно, неожиданно. Чаще всего родильной палатой служили голбец или хлев. Над головой топот ног, возня детей, гомон и шум. А внизу мать семейства до крови искусает губы, чтобы заглушить стоны и крик. Через час-другой на русской печке пищит живой комочек. А она уже хлопочет возле шестка, вытирает подолом юбки носы зареванных малышей.

Появление еще одного рта в доме Рочевых особой радости не вызвало. Четверо детей, а старшему всего пять. Частые роды из сил выбили Марфу Васильевну.

Муж ее – Александр Феофанович – пропадал на службе да в командировках. Узнавая о появлении еще одного наследника, он первым делом задумывался над его именем. Нарекал детей звучно, необычно. Руслан стал братом для Феликса, Клары, Роберта... После Руслана родились еще трое. Руку помощи многодетной сестре протянула Надежда Васильевна. С мужем Николаем Андреевичем они взяли к себе полуторагодовалого Руслана. Детей своих у них не было, а наследника иметь хотелось.

Руслан не помнит тот день, когда его увели жить в новый дом. У тети с дядей было хорошо, просторно, уютно. Но не проходило дня, чтобы он не прибегал в родительский дом. Дом ходил ходуном. С братьями и сестрами Руслан вдоволь резвился, шалил. А улучив момент, вскарабкивался на колени присевшей передохнуть маме. Прятал лицо в ее платье. Так бы и сидел всегда под теплым «крылышком» мамы. Золотой человек была тетя Надя, воспитала его, выучила. Но мама оставалась самой ласковой, самой лучшей.

«Тут я еще совсем несмышленыш, платочком голову, как девчонке, повязали», – Руслан Александрович подвигает снимок 30-х годов. В ожидании «птички» из аппарата застыли двое детишек да перевязанные шалями и полушалками шестеро кедвинских баб. Двое из них – мамины сестры.

«А здесь я уже почти мужик, – улыбается мой собеседник. – Штаны хоть и на лямках еще, а ремешок на поясе уже есть». Рядом с Русланом – братья и сестры поменьше. И усталая мама, слывшая в молодости одной из кедвинских красавиц.

5-6. Под стать кедвинским красавицам были и здешние мужики. Косая сажень в плечах, ручищи-кулачищи, волевой с лукавинкой взгляд. Это дед по матери – Василий Алексеевич Канев. Морскую выправку дед не утратил до самой старости. Служил он на Балтике. В одно время нес службу даже на легендарном первом русском ледоколе «Ермак», построенном еще в конце XIX века. Не раз рисковал собой, не раз получал поощрения от командования.

7-8. На Балтийском флоте еще до революции проходил службу дядя Руслана Александровича – Николай Андреевич, в чьем доме он рос. С собой после армии он привез ворох фотографий о флотской жизни. Служил он сначала в Кронштадте, потом был направлен на линейный корабль «Слава» комендором башенного орудия. Бывал в Гельсинфорсе, в Ревеле, в Либаве. Участвовал в жестоких боях в Рижском заливе против германского флота в Первую мировую. Однажды в бою заметил в перископ подводную лодку противника. Два выстрела из шестидюймовки оставили от субмарины лишь большое масляное пятно на воде. За этот подвиг комендор получил Георгия четвертой степени. «Слава» в боях была искорежена. Тогда командование открыло кингстоны и потопило корабль в самом узком месте Рижского залива, не дав противнику продвинуться вперед. Еще одна награда моряка из Кедвы – золотые карманные часы с изображением на крышке царствующей четы.

На снимках – он с друзьями-матросами, корабли Балтийского флота, участвовавшие в Первой мировой, сцены из матросской жизни. На корабельном камбузе друзья Николая Рочева пекут хлеб. Увольнительная на берег, а значит, долой «сухой закон».

9-10. Кедва до Отечественной войны была большим, многолюдным селом. В 1940 году здесь проживало 849 человек. На фронт ушли 178, погибли из них 92. Война отняла жизни еще 350 (!) кедвинцев – женщин, стариков, детей. Все они

умерли от голода и болезней. Этот зазор не смогли затянуть и все последующие годы. Он все рос, ширился...

Поредели не только ряды жителей, но и дома в селе. Чтобы протопить больницу, детский сад, школу, в войну разобрали на дрова около 30 кедвинских домов. И все равно военные годы для школьника Руслана Рочева зябкие, холодные. В школу их пошло 42 человека. А смог закончить ее лишь один Руслан. До знаний ли, когда сводит от голода живот. В школе пытались поднять боевой дух учащихся, отличникам первые два года войны выдавали по 200 граммов муки, хорошистам столько же толокна. Счастливчики, еле дожидаясь конца уроков, мчались домой, чтобы размешать сытную горсточку в теплой воде и выпить залпом.

Война скосила не только мужскую поросль. На фронте погибла кедвинка Агафья Никифоровна Рочева. В 1941 году ушла на фронт медсестрой и Марфа Ивановна Лобанова. До войны она работала медичкой в Ухте, моталась в командировках по району, не раз добиралась до Кедвы. Здесь останавливалась в доме Рочевых, где ее принимали как родную. В 1943 году до Кедвы докатилась печальная весть – погибла на фронте Марфа Ивановна. Лишь фотография и осталась.

Еще один снимок. На обороте дата – 1942 год. На фоне занесенного снегом дома – Руслан с тетей Надей, с дядей Николаем и своей первой учительницей Александрой Мисаиловной Горчаковой. Она была не местной, приехала из Сысольского района, у Рочевых квартировала. К учительнице наведывались из Ухты инспектора с проверками. Один из них – Александр Доронин – и сделал этот кадр. Не знал и не ведал Александр Гаевич Доронин, что через несколько месяцев очутится в пекле боев, попадет в плен, будет направлен в составе немецкого десанта в Ухту, где не даст фашистам осуществить диверсионные акции. Пройдет через множество испытаний, незаслуженных обид, наветов, унижений. Войдет в историю, станет героем книг и исторических исследований. А для Руслана Рочева навсегда останется приятным, интеллигентным человеком с портфельчиком в руке.

11. Смысл жизни кедвинцев из века в век уходил корнями в землю. В нее они вкладывали силы, из нее же и черпали ее. Единоличные хозяйства в 1929 году объединились в ТОЗ. А в 30-м году создали свой колхоз. Носил он замысловатое имя «Леунодеж». А придумал его для своего детища первый председатель колхоза Михаил Васильевич Канев. Расшифровывался он вполне в духе того времени – Ленин умер, но дело его живет. Названием колхоза передовой председатель не ограничился. Этим же именем назвал и своего сына. Кедвинцы упростили его до короткого Лео. Привыкать к полному имени односельчанина не пришлось, он погиб на фронте.

После войны колхоз, носивший уже название «Коминтерн», с новой силой, с каким-то даже вдохновением, азартом принялся возделывать, пахать и «утюжить» окрестные земли. Здесь, на подступах к Крайнему Северу, собирали неплохие урожаи хлеба. Колхозными теплицами могли похвастаться даже перед южными хозяйствами. Какие здесь огурцы выращивали! На урожаи «китайских» огурцов – длинных-предлинных – приходили посмотреть и стар, и мал.

После школы Руслан Рочев поехал учиться в Ижемскую сельхозшколу. Вер-

нее, пошел, ведь никакого общественного транспорта тогда, как, впрочем, и сейчас, в этих местах не курсировало. На четвертый день голодный, донельзя усталый добрался до Ижмы. А там дали от ворот поворот, прием студентов завершился. Тогда он в Мохчу пошел, там тоже учили сельскому хозяйству. Здесь взяли, но через несколько месяцев он из школы убежал. Не сбежал, так, может, и умер бы от голода. Несколько суток брел назад, домой. Чуть не замерз по дороге. Но когда увидел крыши кедвинских домов, всю усталость как рукой сняло.

И в Кедве еле сводили концы с концами. Но не падали духом, жили весело, дружно. Этим и спасались. Руслан устроился наблюдателем на здешнюю метеостанцию. Полдня там, полдня на колхозных работах. К концу дня готов был без сил свалиться, а в клуб шагал. В селе не было ни радио, ни света, лишь раз в месяц крутили кино. Правда, даже в эти годы в далекую Кедву – а это 120 километров бездорожья от Ухты – умудрились наведаться с концертами знаменитые в республике Валентина Есева и Вацлав Мастеница. Еще однажды пробились сюда лилипуты. Приезд маленьких людей в глухое село произвел переполох, не позабытый старожилами и поныне.

Молодые кедвинцы себя забавляли сами. Каждые десять дней выдавали спектакль, одними из первых поставили знаменитую «Свадьбу с приданым». Создали спортивное общество «Урожай», народную дружину. Руслана Рочева бригадмилом – начальником народной милиции – поставили. (Поэтому же, видимо, когда он в Сыктывкаре в Министерство внутренних дел пошел работать, никто из земляков не удивился.)

Комсомольский актив выезжал в Ухту. Остался снимок, на котором четверо кедвинских активистов, среди которых и Руслан Рочев, приехали в город на какое-то совещание. Уже скоро молодой кедвинец сам стал ухтинцем, прошел вдали от дома первые университеты.

12. В Ухте считалось шиком посетить местное фотоателье и сняться на фоне экзотических башенок в черкеске, в папахе, с кинжалом в руке. История умалчивает, почему руководство ателье одной из столиц ГУЛАГа выбрало столь далекий от северных традиций антураж для посетителей своего заведения. Быть может, для того, чтобы, облачившись в одежду горца, каждый мог побывать в «шкуре отца народов»?

Руслан Рочев устроился работать на райпромкомбинат. Постиг ремесло жестянщика. Наставником парня стал бывший зек Иосиф Францевич Кауцман. На комбинате трудился полный интернационал. Больше всего было немцев, немногословных, работящих, доброжелательных людей. Из отбросов жести кустари мастерили ведра, тазы, масленки. Работа кипела и в других цехах – в бондарном, в столярном, в гончарном, в швейном. Выпускали гуталин, а также колесную мазь для обработки телег и станков.

Люди вокруг подобрались хорошие, и работа спорилась. Но никак не мог устоять Руслан от соблазна убежать в свою Кедву. И снова он здесь. Работы вокруг – непочатый край. Есть кого веселить, радовать, завлекать. В Кедву же и пришла за ним повестка – пора в армию.

13. У внука моряка служба начиналась почти там же, где и у деда, под Питером. Потом продолжалась в Карелии. «Дембельский» альбом воскрешает в памяти марш-броски, стрельбы, лица товарищей. И все же как разнятся аль-

бомы у солдат разных лет. В альбоме Руслана Александровича на первой странице снимок, где он снят у знамени части. Сфотографироваться возле развернутого полотнища в 50-е годы было самым большим поощрением. На обороте снимка круглая печать воинской части скреплена словами: «За личную дисциплинированность, добросовестное отношение к своим служебным обязанностям, отличные показатели в боевой и политической подготовке награждаю личной фотографической карточкой при развернутом знамени части младшего сержанта Рочева Р.А.».

После армии всего немного и удалось пожить в Кедве. С дипломом сельскохозяйственной школы Руслан Александрович приехал домой, где его назначили заместителем председателя колхоза. Он с головой окунулся в колхозную круговерть.

Здесь, на родной сторонушке, и половинку себе нашел. С дипломом Харьковского метеорологического техникума приехала в Кедву Катя Гринченко. А повстречав Руслана, так на Севере и осталась.

Еще ничто в эти годы не предвещало, что жизнь в Кедве клонится к закату. Но уже в 1959 году колхоз ликвидировали, хозяйство кедвинцев передали в ведомство совхоза «Ухта». А сейчас отделение совхоза закрыли, оставили кедвинцев и вовсе без дела. Лишь забот житейских прибавили.

Неужели вот так в наши дни прямо на глазах угаснет жизнь, исчезнет с лица земли село, основанное в 1784 году одним из пращуров Рочевых – Тимофеем Васильевичем? Народ спивается. Кто хочет выжить – покидают родное село. Многодетных семей, как раньше, теперь здесь нет и в помине. Ветшают, уходят в землю, разрушаются дома. Вековые пашни уже не различить под крапивой да бурьяном.

А в Кедва-Воме все еще стоит
Столетний дом – омшалый монолит
И в срубе лиственничном тес лежит,
Ломая буры радиомонтера.
Неистребимо полон стариной
Особый дух, таинственный, живой,
И, чудится, кивает головой
Таежник-дед, с улыбкой, без укора.
Удастся ли еще хоть раз пройти
К своим корням неблизкие пути,
Проникнуть в стародавнее, родное –
Не знаю, но надеюсь, как-нибудь
Туда смогу на время заглянуть
И – подышать заветной стороною.

Эти тоже стихи Олега Рочева, сына Руслана Александровича. В них все: и очарование, и тоска, и боль. Эти-то строчки, вышедшие из-под пера горожанина «до мозга» костей, но крепко-накрепко породнившегося с Кедвой, и оставляют место надежде. Что бы ни было, что бы ни случилось, Кедва останется жить.

Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 20 апреля 2002 г.)

Продлись, продлись, очарование!

КОЛЛЕГА, журналист Дмитрий Сахаров, положил на стол стопку старинных фотографий. В картонных обрамлениях, с золочеными вензелями, с многочисленными медалями и атрибутами знаменитых некогда на всю Россию фотомастеров. Но эти детали я рассмотрела уже позже. Тогда, когда вдоволь насмотрелась на лица, запечатленные на старых карточках. Снимки были как новые, не чета нынешним, «мыльничным». Время их почти не тронуло. Никак не верилось, что разделяют с ними даже не десятки, а сотни лет. А какие люди остались жить на них! Породистые, осанистые, колоритные. Впечатляли мужчины, немой восторг вызывали женщины, умиляли дети. Время выдавали разве что туалеты: платья до пят, банты, сюртуки, пенсне...

Стопка старинных фотографий пролежала на моем столе довольно долго, прежде чем настал ее черед предстать перед читателями. Все это время нет-нет да и заглядывала я в нее. Взгляд нежился, отдыхал на красивых лицах. Чужая, неведомая жизнь, нечаянно очутившаяся в руках, будила воображение и вызывала тысячу вопросов.

Вспомнился Ленинград. Сенная площадь. В 80-е годы прошлого столетия она еще носила советское название – Мира. Первыми, еще совсем робкими предве-

Семья Генель. Середина XIX в.

Маргарита Генель.

Мария Генель с дочками.

Евгения Генель с братом.

Софья Сахарова.

Рита Сахарова с мамой Евгенией.

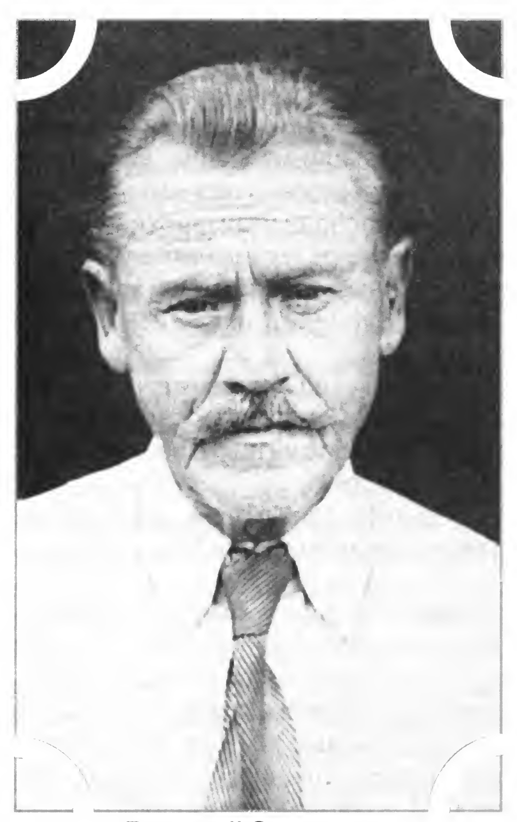

Женя Генель.

Маргарита Сахарова.

Маргарита Брицкая (Генель) с сыном.

Василий Сахаров.

Маргарита Васильевна Сахарова.

Дима Сахаров.

стниками грядущих перемен в городе на Неве в середине 80-х стали стихийные выставки на Сенной. Недалеко от станции метро какие-то люди натянули веревки, наподобие бельевых, а на них прикололи бельевыми же прищепками фотографии. Это были старые, еще дореволюционные снимки. Женщины, мужчины, дети, целые семейства... Развевающиеся гирлянды привлекали внимание, все ходили вокруг и просто рассматривали, не спрашивая, кто изображен, где жили эти люди, куда подевались. Мы, студенты, тоже немало часов провели на импровизированных вернисажах. Удивлению не было предела. Снимки перечеркивали целые главы истмата и диамата, шли в разрез только что услышанным лекциям. Они красноречиво говорили, что и до Октября в России кипела, бурлила, текла жизнь. Насыщенная, разнообразная, достойная.

Продолжением той выставки под открытым небом стал для меня в чем-то семейный альбом сыктывкарца Дмитрия Сахарова. Подумалось: даже если поместить эти фотографии безо всяких комментариев, все равно их никто не пропустит, не перелистнет. Хотя бы потому, что на них живет красота.

Но комментарии сделать необходимо. Хотя судьбы этих людей, как и всяких других, уникальны, неповторимы, они еще и тесно связаны с именами, известными теперь всему миру.

Большинство снимков из этой удивительной коллекции родилось в славном городе Ташкенте. Там корни Дмитрия по бабушке и маме. Но начать фоторассказ следует даже не с бабушки, а с прабабушки. Вот она дородная, статная, черноокая. Звали ее Мария. На других снимках она уже с детьми и с мужем Густавом Карловичем. Семья Генель в Ташкенте появилась в середине XIX века. Из немецкого Ганновера в Россию приехал по набору Карл Генель, обладатель редкой по тем временам профессии – машинист паровоза. К 70-м годам позапрошлого века к хлебному городу Ташкенту протянули железную дорогу, квалифицированных рабочих не хватало, вот и перебрался немец-железнодорожник из центра России в Среднюю Азию.

Здесь родились четверо детей: дочери Евгения и Маргарита, сыновья Павел и Георгий. Евгения Густавовна – бабушка Дмитрия Сахарова. Младшая в семье, она прожила долгую жизнь, 83 года. Большую часть – в Ташкенте. Но младшим Генелям – Евгении и Георгию – выпало на долю пройти через суровые испытания, необоснованные подозрения и ссылку. В годы Великой Отечественной войны их сослали из Средней Азии на Урал. Евгения Густавовна попала в Орск, а ее брат – в Челябинск. Георгий – технарь с университетским образованием – дослужился до директора оборонного завода, связанного с производством ракет, не раз встречался с Сергеем Королевым, с другими корифеями ракетостроения. На Урале он прожил до 60-х годов, затем переехал в Ленинград, где и умер.

В Ташкенте, кроме Евгении, которая вернулась домой после ссылки, жил старший Павел. Еще одна сестра Маргарита, настоящая красавица, судя по снимкам, связала свою жизнь с советским дипломатом, первым послом СССР в Китае Анатолием Брицким. Супруги много лет прожили в Китае. Их единственный сын погиб в Великую Отечественную. Известной личностью был свекор Маргариты, отец ее мужа. Он до революции носил титул митрополита «всея Средней Азии». Могила архиерея до последнего времени находилась в кафедральном соборе Ташкента.

Со временем немецкая семья почти полностью обрусела. Замуж за русского

человека вышла и Евгения Густавовна. В конце 20-х годов прошлого столетия она познакомилась с историком и археологом Василием Александровичем Сахаровым, с дедом Дмитрия Сахарова. В Среднюю Азию его привели, скорее всего, научные интересы. Василий Александрович был родом из Курской губернии, рос и воспитывался в семье известного за пределами края художника и галерейщика Александра Ивановича Сахарова. Художник – это понятно. А что такое галерейщик? Оказывается, раньше в России так называли владельцев картинных галерей. Александр Сахаров открыл ее в Курске на свои средства, привлекал сюда как именитых, так и начинающих художников. Именно ему приписывают открытие Исаака Левитана. Знаменитый художник рано начал писать картины. Но долгое время был лишен возможности выставляться. Над юным талантом «довлела» национальность. Предоставить залы для выставки картин юного Левитана уговорила Александра Ивановича жена – Елизавета Константиновна. Первая же выставка превзошла все ожидания. Левитан всю жизнь оставался благодарен Сахаровым.

Елизавета Константиновна Сахарова, урожденная Маркова, в свое время обрела такую же известность, как и ее муж-меценат. В среде родственников не было тайной то, что ее почитателем и поклонником до замужества числился Антон Павлович Чехов. Знаменитый писатель был огорчен и обижен, когда его пассия неожиданно связала свою жизнь с курским галерейщиком. После чего отправил ей письмо, известное по автобиографическим работам о великом писателе. Узнав фамилию счастливого избранника Лизы, он не без язвительности написал: «Пусть ваша жизнь будет такой же сладкой, как и Ваша новая фамилия». Помимо Чехова Лиза Маркова была знакома и переписывалась и со знаменитым автором «Идиота» и «Преступления и наказания». У Дмитрия Сахарова от тех времен и в память о бабушке остались и хранятся воистину бесценные реликвии – несколько писем от Антона Павловича Чехова и открытка от Федора Михайловича Достоевского.

Другие не менее интересные и интригующие подробности о курской ветви знатного рода погребло под собой время. Оно же разметало в разные стороны потомков. Василий Сахаров так и остался в Средней Азии, здесь же в 1949 году умер. Его две сестры – Софья и Наталья – проживали в Москве. Софья скончалась в 60-х годах. О Наталье известно лишь то, что она вышла замуж за родственника известного народовольца Владимира Кибальчича, носила эту же редкую фамилию. После революции уехала за границу, там и затерялись ее следы.

ЕДИНСТВЕННАЯ дочь Василия Александровича Сахарова – Маргарита – в 18 лет осталась без отца. Окончила филфак Ташкентского университета. Как и многих сверстников, в 60-е годы ее привлекала журналистика. Она стала работать в ташкентских газетах. Познакомилась с собственным корреспондентом одной из центральных газет Борисом Яснопольским. Родился сын Дима. Но совместная жизнь с заезжим журналистом не заладилась. Борис Александрович уехал в Москву. Позже он стал главным редактором газеты «Советская Россия», кандидатом в члены ЦК КПСС. Так получилось, что Дмитрий никогда отца не видел.

А мама в скором времени получила назначение на Север. В 60-е годы на окраинах страны стало активно внедряться телевидение. Телецентр открылся и в Сыктывкаре. Требовались кадры. Маргариту Васильевну вызвали в партком и предложили повышение – поехать главным редактором телевидения. Как когда-то прадед Густав Карлович, молодая женщина с удовольствием согласилась попробо-

вать себя на новом поприще, на новом месте. Предложений было два – Вологда и Сыктывкар. Услышав эти названия, Сахарова лишь спросила, есть ли там театры, и сколько. Сказали, что в Вологде один театр, а в Сыктывкаре их два. Она выбрала город, название которого и не выговоришь сразу. Здесь сразу же пришлась «ко двору». Обзавелась жильем и, что немаловажно, садиком для сына.

Но затем жизнь снова «свернулась» в спираль, пришлось возвращаться в Ташкент. Маргарита Васильевна работала здесь на телевидении, затем в медицинском журнале. Казалось, все возвратилось на круги своя. Но не зря говорят, что севером «заболевают». Так и тут, снова позвала дорога. На этот раз Сахарова устроилась работать на республиканское радио в Сыктывкаре. Появились новые друзья. Дочку и племянницу навещали мама и дядя Жора. В 1975 году старшего редактора радиовещания проводили на пенсию. А через одиннадцать лет она скоропостижно скончалась.

На географической карте запестрело еще одно название, в котором осталась частичка большого рода Генель – Сахаровых.

Дмитрий Сахаров живет в Сыктывкаре. Еще с детских лет ему в память запали многие детали удивительных поворотов судеб своих близких. По-настоящему же историей своего рода он загорелся недавно. Но как теперь соединить оборванные края, навести мосты и переправы? Родной город нескольких поколений предков – Ташкент – теперь заграница. Старшее поколение ушло из жизни, а из своих сверстников Дмитрий почти никого не знает. Своеобразным паролем в начавшемся поиске наверняка станут замечательные фотографии, которых у него ни много, ни мало – около трехсот. Поиск корней и ветвей двух славных родов попал в струю всеобщего увлечения родословиями. Тысячи и тысячи людей ищут и соединяют то, что подзабыто, потеряно, попрано. Это очень интересное, счастливое увлечение – накапливать сведения, находить родственников, открывать себя самого.

Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 22 июня 2002 г.)

Мировая бабушка

ДОБРЫЙ она человек, Парасковья Семеновна. Добрый, щедрый, широкий. Не проходит месяца, а иной раз даже недели, чтобы в ее доме не случилось столпотворение. Меньше чем с десяток гостей здесь никогда не получается. Родные, бывшие сослуживцы и однополчане, знакомые, знакомые знакомых… Целое застолье. Вот и сегодня у Паши Семеновны – так она просит для удобства называть себя – снова полный дом гостей. У нее день рождения. Восемьдесят два стукнуло. Другая бы на ее месте сидела на почетном месте да ждала подношений и поздравлений. А она, как белка в колесе, любого из своих гостей именинником заставит себя почувствовать. Лакомые кусочки подкладывает, шанежками потчует, приобнимет, что-то доброе скажет.

Послушаешь Пашу Семеновну – все вокруг нее добром пронизано. На дачу в Максаковку, рассказывает, летом поедет, в автобус зайдет, так всегда место для нее свободное найдется, обязательно кто-нибудь уступит. В магазин выйдет –

непременно с ней кто-нибудь по дороге поздоровается, заговорит, о здоровье поинтересуется. Иных из собеседников она и не вспомнит, но виду не подаст, что забыла. Что же касается многочисленной родни, то она у нее самая славная. А детям да внукам – цены нет.

Как такого человека не любить? Рассказать о ней, как говорится, сам Бог велел. Правда, Семеновна от моей просьбы опешила. Возвращаться в прошлое ей тяжело. Она, быть может, и отказалась бы от этого разговора, да меня пожалела. Не привыкла она никому отказывать.

Она так свыклась с Сыктывкаром, что и сама «подзабыла», что родилась в селе Вомын. И было это на третий год после Октябрьской революции. Только-только пророкотала Гражданская война, и в бабушкины сказки невзначай вкрапливались то «белые», то «красные». Паша Попова росла единственной дочкой в семье сельского лесника. Мать и отец души в ней не чаяли. Правда, холить и лелеять крестьянских детей было не принято.

Не успела опериться, как жизнь нанесла по девочке первый удар. Самый жестокий. Умерла мать. Перед этим послали ее разгребать лен на поле. Неделю там женщина пропадала. И всю неделю не переставали дуть колючие ветры. Они и заморозили.

Отец вскоре привел домой мачеху. А Парасковья вышла в люди. Пошла учиться в соседний Сторожевск. На неделю ей из дому давали котомку с ржаными лепешками наполовину с картошкой. К концу недели темные блины на дне узелка окаменевали. Но и это был хлеб.

Она сама себе удивляется, как на учебе крест не поставила. После школы приехала в Сыктывкар и поступила в педучилище. Уже потом, много позже, поняла, что пошла учиться на воспитательницу неспроста. Хотелось мамой быть для детворы. Ведь самой всю жизнь так не хватало матери.

Ну и наголодалась тогда она! Стипендия – 35 рублей. Обедом кормили в училище. Выдавали талоны. Эти бумажные «портянки» никогда не дотягивали до конца месяца. Тогда с подругой Марусей решили питаться «одним котлом». В обед на двоих тратили один талон. Суп хлебали из одной тарелки. А компот пили по очереди. Один день одна, а другая – на следующий.

21 июня 1941 года Парасковье выдали диплом об окончании училища. А назавтра – война. Стала она работать в детском саду № 16. От того довоенного садика сейчас в Сыктывкаре ничего не осталось, на его месте высится ресторан «Вычегда». Первый этаж садика занимали ссыльные евреи из Польши. А на втором этаже, в маленьких комнатушках, теснились дети.

ОПЯТЬ взял в тиски голод. От холода спасали дрова, которые персонал садика ходил заготавливать на Ош-видз. Сейчас там городской пляж. А в войну женщины с топорами здесь рубили сучья да валили небольшие деревья. Потом на санках везли топливо в город, чтобы протопить садик, обогреть детей. Весной и летом на тех же санках возили на Сысолу полоскать и стирать белье. Выходные воспитателям в то время не полагались.

В один из холодных ноябрьских дней 1942 года Парасковье принесли казенную бумажку. Ее просили прийти в военкомат. К урочному времени она пошла к длинному деревянному зданию на горке. Теперь на том месте стоят три женщины в камне и горит Вечный огонь. А тогда все коридоры военкомата заполнили девчонки. Кто плакал, а кто пытался спрятать страх за робкую улыбку.

У Парасковьи человек в погонах спросил: «Готова ли ты защищать Родину?» Она ответила: «Готова». Тогда военный сказал, чтобы пришла на сборный пункт, прихватив с собой запас еды и смену белья.

Промозглым зимним утром колонна девчат шла по гулким сыктывкарским улицам. Вот поравнялись с садиком, где Парасковья проработала целый год. Детишки высыпали на улицу. Еще долго утиравшая украдкой слезы воспитательница слышала, как дети прощаются с ней: «До сви-да-ния, Па-ша Се-ме-нов-на!»

Калейдоскоп впечатлений. Ночь застала в каком-то селе. На ночлег устроились в тесной комнатке, прямо на полу. Ноги под столом, а голова – возле печки. Станция Коноша. Недалеко и отъехали от Сыктывкара, а климат совсем иной. С вокзальной крыши капает капель. Оттепель посреди зимы. Такого в Коми Паша никогда не видела.

Привезли в Архангельск. Определили в зенитный дивизион. Послали на курсы шоферов. Привели в длинный высокий барак, с полу до потолка заставленный нарами. И облепленный девчонками – будущими шоферами.

ДВА месяца учили крутить баранку. Потом посадили на ГАЗ-2А, грузовую машину с небольшим кузовом. Уже потом попробовали и ЗИСы, и трофейные студебеккеры. А пока возили по городским улицам всякое снаряжение – и снаряды, и дрова.

Сколько воды утекло с тех пор, а страх остался. Дороги узкие, вдоль них – два бревна, словно рельсы проложены. По ним и должны скользить колеса. Не справился с рулем, съехало колесо в ямку – пиши пропало. Надо кого-то звать на помощь. Сколько ни подставляй под машину девичье плечо, не вытянешь.

Потом Парасковью на батарею перевели. Здесь опасность подстерегала сверху. Город бомбили. Зенитчики и днем, и ночью «шерстили» небо. Почти вся батарея, за исключением заряжающего, состояла из девчонок. Паша, как и все, стояла на дежурстве, выгружала снаряды, кашеварила. Работала с утра до ночи. Усталость снимала молодость. На сутки давали 800 граммов хлеба. Но зенитчицы свою пайку частенько жертвовали. На красоту. Продадут хлеб на «толчке» и бегут в город, в парикмахерскую, чтобы локоны свить.

За несколько месяцев гимнастерки и юбки так вылиняли и износились, что стали серо-буро-малиновыми. Тогда ребята где-то раздобыли краску. Все пошли на залив, словно в химчистку. В каком-то чане разбавили краску и давай окунать туда свое обмундирование. Высохнув, краска шелушилась, опадала. Но все равно гимнастерки обновились, стали «пофорсистее».

В Архангельске еще и в баню изредка зенитчиц водили. Как потом они вспоминали эти банные походы, очутившись в 1943 году в Прибалтике. Тут много месяцев ни о какой бане никто не вспоминал. Грузились в вагоны, выгружались, занимали позиции, дежурили, без конца подвозили снаряды... Ящик вмещал четыре снаряда, каждый по 16 килограммов. Этих ящиков Парасковья перевезла и перебрала в руках тысячи. Больше всего боялась, как бы снаряд не взорвался в руках. Были они скользкие, не сразу приноровилась, как их аккуратно скатывать на руки. Потом изловчилась. Привыкла и к ночным дежурствам. Многие часовые в эти черные ночи исчезали бесследно. Ее Бог миловал. А то, что к утру окоченевали и руки, и ноги, – это пустяк. На войне как на войне.

В зенитном дивизионе жили дружно. Ребята своих девчонок не обижали и другим обижать не давали. Но одна потеря до сих пор свербит сердце.

Прифронтовой Архангельск. 1943 г. Вторая слева – Паша Попова.

Старейшему детскому садику №2 в Сыктывкаре – 80 лет.
В первом ряду в центре – Парасковья Семеновна.

С однополчанами. Парасковья – слева.

Зенитчики в Архангельске. 1943 г.

Парасковья Семеновна Попова.

Паша с мамой (справа) и родственниками. 1926 г.

С отцом и матерью. 1930 г.

Муж Прокопий Семенович после войны.

Бракосочетание Татьяны с Леваном Топурия.

С фронтовой подругой Марией Лодыгиной. 2000 г.

Внуки-близнецы Саша и Алеша Топурия.

Нукзар и Наташа Надашвили.

Правнук Георгий Надашвили.

В Прибалтике прибежал кто-то и крикнул: «Настю Изъюрову сегодня хоронят». Паша побежала к машине, в кузове которого лежал гроб. А там – Настя, зенитчица, землячка из Корткероса. Похоронили. Тогда же узнали о нелепой гибели девушки. Она дежурила по кухне. Кушать бойцы заходили в землянку. Почти под самым потолком было прорублено окно. На подоконнике лежали карандаши и лезвия. В толкотне кто-то задел подоконник и лезвие соскочило в кастрюлю с супом. А потом из кастрюли попало в тарелку. Угораздило попасть не рядовому солдату, а какому-то командиру. Тот поперхнулся и пригрозил кашевару трибуналом. Этим кашеваром была Настя. Она выскочила в тамбур землянки, схватила свой автомат и выстрелила. В себя. Так одной зенитчицей стало меньше.

А остальные в полном составе дошли до немецкого города Шталупенина, где и встретили Победу.

О скорой дороге домой первыми возвестили стада коров, которых гнали обратно на Восток. Главным продуктом солдат-освободителей стало молоко. Молоко для Паши Поповой пахло домом. Вскоре их погрузили в вагоны.

Приехала домой, в Вомын. И снова попала в голод. Не сразу поняла, почему братишка все в голбец просит заглянуть. А там, оказалось, главное богатство семьи припасено – мешок моркови. Хлеба в доме не было ни крошки.

Отпуск победителям не полагался. Парасковья собралась в город. Встретила знакомую, которая в совнархозе работала. Та попросила прийти к ней, пообещала устроить на хорошую работу. Дом правительства располагался в нынешнем Доме печати. Посадили ее рядом с секретаршей и попросили подождать. В комнате колотун, секретарша дрожит, зуб на зуб не попадает. Поглядела на нее фронтовичка, представила себя на ее месте да и ушла. В детский сад.

Взяли работать в садик № 2, один из самых старых в городе. Двенадцать лет в его стенах провела Парасковья Семеновна. Потом совнархозовский садик открыли на горке, над стадионом. Здесь поставили ее заведующей. Потом для него новое здание построили во дворе гостиницы «Центральная». И здесь Парасковья Семеновна стала жизнь налаживать. Как взяла в свой водоворот детсадовская круговерть, так и не отпустила до пенсии.

За эти годы руки погладили сотни головок, вытерли сотни личиков и носиков, а в памяти до сих пор роем носятся десятки детских песенок и стишков. Это то, что греет душу. Но было и другое. Еще долго после войны работа воспитательницы в столичном садике была сопряжена с непосильным трудом. Продолжали катать тележки и санки с бельем на берег Сысолы. Сами пилили дрова. А сколько сил вложили в благоустройство детских площадок. Лопаты, вилы и грабли были такими же привычными для рук, как для нынешних педагогов ручки и указки.

ПАРАСКОВЬЯ Семеновна из того поколения, для которого жизнь прошла под знаком труда. Не для себя, для общего блага. Но у каждого была и своя тихая гавань – семья. С будущим мужем Паша познакомилась еще до войны. Потом оба воевали. На разных фронтах. Фронтовые треугольники своего Прокопия она хранила в кармане гимнастерки. После войны встретились и уже не расставались никогда. До самой смерти Прокопия Семеновича.

И не заметили, как выросла дочка Таня. Она тоже пошла по маминым стопам. Стала воспитательницей. Однажды поехала в отпуск в Сочи. Вернулась, а следом за ней приехал жених. Леван Топурия, житель солнечного Тбилиси. Южный человек Парасковье Семеновне приглянулся. Скромный, добрый, сразу же мамой стал

ее величать. Сыграли свадьбу. И уехала единственная дочка в далекую Грузию.

С выходом на пенсию для Парасковьи Семеновны начался новый виток ее жизни. Теперь она делила время между родным Сыктывкаром и экзотическим Тбилиси. Тоже ставшим родным. Не счесть, сколько раз она отправлялась в неблизкий путь. То с мужем, то с фронтовой подругой Марией Лодыгиной, у которой в Тбилиси после войны сестра стала жить.

Оказалось, что в стране цветущего миндаля и богатых виноградников живут тоже очень хорошие люди. Подружилась со своей сватьей Елизаветой Георгиевной. Мама зятя была наполовину немкой, наполовину сербиянкой. По отцу – Геллер, по матери – Димич. Очень колоритные люди, судя по фотокарточкам. Жизнь разбросала их по разным странам. Часть сербской родни вернулась в Югославию. Как-то Елизавета Георгиевна попыталась найти своих близких там. Но ей ответили, что Димич в Сербии столько же, сколько в России Ивановых.

В Тбилиси родились внуки. Все трое белокурые, как мама. Зять в шутку говорил, что, как посмотрит на своих чад, сразу тещу вспомнит. Никто не делил тбилисцев на своих и чужих. На всех автобусах висели таблички с маршрутами на грузинском и русском языках. Парасковья Семеновна полюбила далекий город. Хотя и удивлялась здесь на каждом шагу. По проспекту Ленина день-деньской ходили взад-вперед празднично одетые толпы народа. «Да работает ли тут кто-нибудь?» – спрашивала себя. Про себя же, бывало, разговаривала с тбилисскими воробьями. Их здесь развелось несметное множество. Много было их и в Коми. Но те, особенно зимой, были жалкие, нахохлившиеся. В Грузии и зимой ярко светило солнце. И воробьи всегда весело чирикали.

Северная бабушка как-то решила распахать участок недалеко от дома дочери. Взяла лопату и давай вгрызаться в землю. Но кончик лопаты отскакивал от земли: кругом были камни. Билась, билась Парасковья Семеновна с несговорчивой землей, подняла голову… А из всех окон пятиэтажки выглядывают люди. Потом один сосед кирку принес, другой еще что-то. Тут уж бабушка развернулась. Отвоевала кусочек земли. Соседи же потом помогли с саженцами, виноградную лозу подарили. Через несколько лет в маленьком саду гроздьями свисали ягоды.

Парасковья Семеновна до сих пор удивляется, как можно было все это порушить. В начале 90-х жизнь и в этой обетованной земле пошла под откос. В квартирах не стало ни тепла, ни газа. Тбилисцы готовили обеды на кострах во дворах многоэтажек. Стало опасно быть не грузином. Многие соседи Топурия заимели новые фамилии на «идзе» или «швили». Не стало русских классов, хотя до этого они были в каждой школе. Ни Татьяна, ни бабушка Паша не могли объяснить близнецам Леше и Саше условия задач в домашнем задании. Тогда Парасковья Семеновна отправлялась за переводом к соседям. Те, не поняв сразу, что хочет от них соседка, говорили, что школьные задачи и им не по зубам. «А мне не и надо, чтобы вы решали, вы мне только переведите на русский», – умоляла бабушка. Переводчики находились быстро.

Как ни трудно было расставаться с насиженным местом, но пришлось уезжать. Семья Топурия приехала в Сыктывкар. В Тбилиси осталась лишь старшая дочь Татьяны и Левана – Наташа. Наташа породнилась с очень известной в Тбилиси семьей Надашвили. Ее мужем стал Нукзар Надашвили, предприимчивый и удачливый коммерсант. У них родились двое детей – Христина и Георгий.

Но и они скоро покинули Грузию, переехали жить в Москву. Нукзар встал во

главе процветающей фирмы по снабжению пассажиров авиарейсов продуктами питания. Был на короткой ноге со многими сильными мира сего, в том числе с мэром Москвы Юрием Лужковым.

В сорок лет Нукзара не стало. Наташа одна осталась с двумя маленькими детьми.

И тут Парасковья Семеновна, вслед за Таней и Леваном, освоила еще один маршрут, погрузилась еще в одну жизнь. Теперь у семьи два дома – московский и сыктывкарский. Бабушке дороги оба. Там внук и внучка, правнук и правнучка. Здесь – еще один внук и вся многочисленная родня. Она везде нарасхват, везде нужны ее руки, слова, сердце. Продолжается жизнь...

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 19 октября 2002 г.)

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Тысячи людей, в разное время проживавших на Коми земле, покинули ее, уехали отсюда по разным причинам, в разное время, в разные города. Разъехались по всему миру. Но не забыли свою родину. Помнят ее, хранят в своих сердцах теплые воспоминания о милом Севере. О судьбах этих людей мы рассказываем в рубрике нашего приложения – «Унесенные ветром».

Дом у Ярославского вокзала

Москва оглушила с перрона Ярославского вокзала. Густые потоки людей, шум транспорта... В десятимиллионном городе это неминуемо. Командировочному человеку это надо перетерпеть, притереться. С этими мыслями я шагнула с подножки сыктывкарского поезда. И тут же встретилась с устремленными на меня большими синими глазами. Красивое, одухотворенное лицо расплылось в доброй улыбке: «Здравствуйте!» И все отступило: и шум большого города, и людская сутолока, и все неудобства, неминуемые вдали от дома.

Представители семьи Богословских-Поповых.

Валерия Владимировна Попова.

Встретившую меня женщину зовут Валерия Владимировна. А фамилию она носит нашу, северную – Попова. Тем не менее она – коренная москвичка.

С вокзала направляемся к ее дому. Это совсем недалеко, всего за несколько кварталов от площади трех вокзалов. Дом, к которому свернули, имеет почтенный вид. Но его возраст без подсказки не определить. Заходишь в лифт, а ноги обдувает ветер: это потому, что лифтовая шахта прилепилась к внешней стороне дома. Лестница, ведущая наверх, – настоящая парадная. Она не жмется, как привычные нам лесенки, к стенам подъезда, а шествует широкими пролетами посреди. Даже двери, ведущие в квартиры, особенные: двухстворчатые.

И в первый раз, когда я зашла в эту квартиру, и сейчас первым делом мысленно приветствую хозяина прихожей. Здесь властвует большой кованый сундук. Приехал и обосновался он здесь за десятки лет до моего рождения. Но все равно мы – земляки. Ведь он совершил свое путешествие в Москву оттуда же, откуда приехала я, – из Сыктывкара.

В квартире притаились и попутчики старинного сундука. Старый альбом хранит открытки вековой давности. Они адресованы в село Усть-Вымь. В других альбомах – уйма фотокарточек. Большинство из них из знаменитой усть-сысольской фотомастерской Кулаковых.

Вещи и документы, что родом из Коми, поселились в этом доме со дня его основания, с 30-х годов. Живут себе и живут. Это память: о маме, папе, бабушках.

Где-то в начале 90-х Валерия Владимировна все чаще стала ловить себя на одном желании. Ей вдруг захотелось узнать, что было с семьей до ее появления на свет. Мысль стала напоминать о себе все чаще. Она и преследовала, и пугала одновременно. Все, что было до ее рождения, было окутано мраком, покрыто тайной.

Республика Коми... Валерию Владимировну никогда никакими ветрами сюда не заносило. Теперь она пыталась переместиться туда. Хотя бы мысленно. Но даже от этого екало сердце. Какие расстояния! Такая долгая зима. И ни одной родной души.

Там, в стылом далеком безбрежье, родились мама и папа, оттуда были родом бабушки и дедушки, прадеды. Значит, по большому счету и она тоже оттуда.

Созвонившись с двоюродной сестрой Светланой Владимировной, которая живет в Петербурге, Валерия Владимировна робко спросила, согласна ли она съездить вместе с ней на родину своей матери. Та не отказалась.

Даже сейчас, спустя годы после встречи с родиной предков, все кажется сном. Сестры увидели столько, сколько смогла вместить в себя неделя. Удалось поработать в архивах. Увиденное и прочитанное на вылинявших документах пронзило,

Семья Богословских-Поповых. Усть-Сысольск. 1910 г.

потрясло. А какой шквал чувств объял, когда «белое пятно» на карте страны заговорило голосами многочисленных родственников, о существовании которых сестры и не подозревали.

Самые трогательные мгновения их ждали под занавес путешествия. Приехали в Усть-Вымь. И тут же, прямо в центре села, очутились лицом к лицу с родовым домом. Под белыми наличниками блестели-улыбались стекла окон.

Буйствовало короткое северное лето. Шелестели березы. Под ногами простирались цветущие луга. Над вымскими холмами раскинулся безбрежный, высокий голубой купол неба. Все красоты мира, увиденные до этого часа, отступили, померкли. На глаза навернулись слезы. Родина распахнула объятия.

В тот, пятилетней давности приезд Валерии Владимировны в Коми мы и познакомились. Год за годом... Письма и встречи помогли узнать историю ее семьи.

Россыпи старых фотографий. Эти карточки словно магические. Трудно отвести от них взгляд. Взять этот снимок. Завораживает каждая деталь. На переднем плане сидят лица духовного звания – отец и сын Поповы с семьями. Но какая это знать. Рядовые, приходские батюшки. И семьи у них обыкновенные. Такие же многодетные, как у крестьян.

Взгляд останавливается на доме, возвышающемся за спинами. Все дышит любовью – каждая плашечка, каждая реечка. Глядя на фигурный забор, трудно поверить, что сработан он из дерева.

Снимок сделан в Усть-Сысольске примерно в 1910 году. Трудно поверить, что уже спустя семь лет от этого спокойного достоинства героев снимка и следа не останется. Старый батюшка Андрей Попов, слава Богу, не увидел охватившего всех и вся раздора, разорения. А сыну его Николаю Андреевичу, тоже священнику, предстояло и увидеть, и вытерпеть многое. Правда, Бог смилостивился, не дал погибнуть от рук большевиков. Последним его приходом стала церковь в селе Палевицы. Здесь в 1930 году батюшка Николай и отошел тихо ко Господу.

Его безвременная смерть, оплаканная женой и детьми, выручила их от многих бед. Не стали после его смерти тягать семью по судам да ссылкам. Так и спаслись.

Правда, Анна Александровна, жена батюшки Николая, хоть и избавилась от «клейма» священнической жены, но осталась священнической дочкой. Ее отец – Александр Богословский – тоже был из заклейменного сословия, служил до революции в храмах Коми края.

Дед по матери носил фамилию Камбалов. В наших краях едва ли не все Камбаловы имели отношение к купеческому сословию. Где-то там, в центре, в Москве, купеческое дело передавалось от отца к сыну, разрасталось в династии. У нас большинство торговых людей счет вели от себя. Не был исключением и Павел Камбалов, крестьянский сын из Зеленца.

Павел Григорьевич до революции успел прослужить в царской армии. В чине унтер-офицера возвратился домой. Ехал и представлял, как увидит невесту богатую, как свадьбу широкую сыграют. Но мечты разбились. Не дождалась его зазноба с завидным приданым, замуж за другого вышла. Пригорюнился парень, а вместе с ним поникли и родители. Тогда он «ультиматум» выдвинул: «Ищите мне невесту не богатую, а бедную да красивую». И невеста отыскалась. Звали ее Аннушкой. Никаких богатств у крестьянской девушки за душой не было. Но благословили их родители жить вместе. А в подарок дали пуд соли. Этот пуд принес счастье.

Молодые поселились в Усть-Выми. Место для жизни выбрали знатное, бойкое. Здесь скрещивались все пути-дороги по Коми земле. Народ разный проходил. Пить-кушать просил. Продал Павел Камбалов пуд соли. А на вырученные деньги патент купил. Стал торговать вином.

В 1899 году в Усть-Выми затеяли строить земскую больницу. Расправивший к тому времени плечи купец Павел Камбалов и взял подряд на эту стройку. Снабжал строительство всем необходимым: от досок до кирпичей. На себя работал и для общества дело большое продвигал.

Потом лавку в центре села открыл. За прилавком сам не стоял, мотался по всему краю, до Архангельска за товаром ездил. Вскоре камбаловские лавочки открылись и в других селах Коми края.

Купец скупал у местных ремесленников их изделия, чтобы затем их продать. Пекарню открыл. Камбаловские калачи да пряники украшали все ближние лавки, громоздились горками на столах перед самоварами.

Семья Поповых. Усть-Сысольск. 20-е годы.

Семеро детей друг за дружкой родились. Маленькие Камбаловы для родителей обузой не были. Возвел для них отец просторный дом на манер городского особняка. Фундамент заложил каменный, чтоб на века. Наличники мастера резьбой затейливой украсили, а крышу железом покрыли. Дом был столь просторен, что семья удобно расположилась на верхнем этаже. А нижний купец отдал под магазин. Стали жить-поживать, добра наживать.

Но грянула революция. И объявила войну и купцам, и купеческим домам. Уже в 1918 году новые власти конфисковали все имущество удачливого купца. А в построенном им на свои деньги доме разрешили из великой милости оставаться недолго купцу.

Новая власть поначалу действовала на манер поговорки: чтоб волки сыты и овцы целы. Зверем глядела на купца Камбалова. Но при этом не «побрезговала» его сметкой, опытом. Пригласили в Яренск работать экономистом. Оттуда в Центросоюз, затем – в Хлебопродукт, в Госторг и Сырье... До 1925 года держали между молотом и наковальней. В конце концов отмахнулись, отрезали. Выгнали большую семью из дома. А хозяину взамен за работу на новую власть оставили баньку, где он и ночевал.

Надо было выживать, кормить семью. Начавшийся нэп заманил было бывшего купца в новые сети. Снова он выправил себе патент. На этот раз – торговать мя-

сом. Но продержался меньше двух лет. Плюнул на патент, сам встал за плуг, взял в руки лопату.

Тут его и придушили. Такими налогами обложили, от которых хоть вой. Но купец был не из слабаков, надрывался, но на налоги наскребал. Это лишь раззадоривало местные власти. Ни кола, ни двора уже у Камбаловых не было, когда взяли и раскулачили их.

Владимир и Клавдия Поповы.

Наивный купец заявление настрочил в Сыктывкар, просил пересмотреть решение уездного совета. Но в столице над ним лишь посмеялись. Заявление перечеркнула жирная надпись: «Не заслуживает уважения». Оставили в кулаках.

После всех бед Павел Григорьевич отослал семью от себя. Знал, что рядом с ним обречены. Купца вскоре арестовали и отправили неведомо куда, так он и сгинул бесследно.

Жена, сын, дочка Клавдия прибились к Сыктывкару. Девятилетнюю больную дочь удалось пристроить в лечебницу. Ее судьба до сих пор неизвестна. Двое сыновей сложили головы в Великую Отечественную.

Клавдия Камбалова, одна из дочерей купца, нашла работу в Сыктывкаре. Несколько лет выдались относительно спокойными. Затишье перед бурей. Молодость брала свое. Отодвинуть все беды, невзгоды, несправедливости Клаве помог симпатичный инженер-лесовод Владимир Попов. Так перекрестились пути двух известных родов и фамилий Коми края – Камбаловых и Поповых.

Валерия Владимировна показывает фотографии красивых, солидных мужчин, серьезных, одухотворенных женщин. Это сестры и братья бабушки Анны и деда Николая Поповых. Все – люди XIX века. И все сумели получить блестящее образование. Братья бабушки Анны Александровны Поповой (Богословской) – Владимир, Борис, Николай – еще задолго до революции уехали из Усть-Сысольска в Томск, чтобы учиться в университете. В Сибири многие из выходцев этого рода и остались. Теперь где-то там живет их поросль, внуки и правнуки.

Владимир Николаевич Попов после института с головой окунулся в работу. Пропадал в лесоустроительных партиях, не вылезал из тайги. Прошел где пешком, где на лодках все Приуралье. Проводил расчеты, разбивал лесосеки. Домой удавалось вырываться лишь во время недолгих отпусков. В один из них он и повстречал свою судьбу.

Только успели молодые сыграть немудреную свадьбу, как засобирались в дорогу. Местом службы Владимира Николаевича стал город Пермь, где его назначили начальником лесоизыскательской партии.

В череде лет, быть может, эти годы для четы Поповых и были самыми счастливыми. Родилась дочка Кирочка. Клавдия Павловна обрела душевный покой, женское счастье. Ее любил муж, у нее росла славная дочь. Казалось, что и все окружающие к ней благосклонны. Этой женщиной не восхищаться было нельзя. Влюбленный муж купил фотоаппарат и без конца наводил объектив на предмет своего обожания. Десятки фотографий передают неповторимое обаяние Клавдии Поповой. Нет, она не была броской, яркой красавицей. Но от нее исходили свет, тепло, покой. Даже на пожелтевших фотокарточках, словно живые, блестят ее прекрасные глаза. Дочь говорит: «А какая она была при жизни! Никогда не теряла присутствия духа, всегда улыбалась, помогала каждому, кто нуждался».

Клавдия Павловна Попова с дочерью Кирой.

Но и безмятежность в те годы была с привкусом страха. Он следовал за Поповыми-Камбаловыми по пятам. Из Перми пришлось уехать. Выбор пал на Москву. Сложили в большой сундук пожитки, затащили сундук в вагон, тронулись...

В Москве встретил брат Владимира Николаевича – Андрей. Его с родной сто-

Владимир и Клавдия Поповы (справа) с родственниками.

роны в Первопрестольную погнали желание больше увидеть, познать. Андрей Николаевич устроился работать на железную дорогу. Вскоре ему улыбнулась редкостная удача. Дали ордер в один из первых московких кооперативных домов. Он располагался поблизости от Ярославской железной дороги и предназначался для железнодорожников.

Это – та самая квартира, в которой нынче живет Валерия Владимировна. Надо ли говорить, как затаив дыхание перешагивали в 1930 году его порог новоселы, выходцы из северных краев. Удивляться было чему. Чего стоят лишь паркетные полы. А потолки под три метра! Больше всего изумленных возгласов вырывалось в ванной комнате с большим окном.

Два брата с семьями стали жить вместе. Андрей Николаевич был женат на москвичке Кате. Но жизнь с ней не сложилась. Симпатичная женщина вскоре вышла замуж за другого. На этот раз удачно. Ее мужем стал политкомиссар Красной Армии Гамарник. Но счастье продолжалось недолго. Знаменитый военачальник Ян Гамарник разделил участь своих прославленных сослуживцев – Якира, Уборевича, Тухачевского – его расстреляли. Жена Екатерина остатки дней провела в сталинских лагерях.

Андрей Попов обрел счастье со второй женой Валентиной. Но в 1941 году по ложному доносу инженеру-путейцу Попову приказали в 24 часа покинуть столицу. Он уехал в Сибирь, где и прожил оставшуюся жизнь.

Родителей Валерии Владимировны сия чаша минула. Но из чаши судьбы и они отпили до дна.

Началась война. Владимира Николаевича с первых месяцев Великой Отечественной мобилизовали в ополчение. На руках Клавдии Павловны остались двое детей – Кирочка и Лерочка. Второй дочурке исполнилось всего несколько месяцев.

Хозяин дома, опора семьи ушел на войну и как в воду канул. Ни слуху ни духу. Когда фашисты уже могли рассматривать в бинокли московские здания, семья Поповых покинула Москву. Очутились в Пензенской области. В 1943 году сюда дошло письмо от остававшейся в московской квартире тети Дины – сестры Владимира Николаевича. Она писала, что пустующие квартиры заселяют бездомными, хотят и ее «уплотнить». Тогда Клавдия Павловна решилась на отчаянный поступок. Возвращаться из эвакуации в разгар войны строго запрещалось. Но эти запреты ее не смутили. Правдами и неправдами она уговорила едущих на войну солдат поднять ее с дочками в теплушку. Так и доехали до Москвы. Но уже на подступах к столице проверявший документы «особист» отнял у москвички паспорт, грозился применить самые жесткие наказания, предусмотренные военным временем. Но упрямая женщина и тут проявила неожиданную даже для себя изворотливость. Запросилась по нужде на улицу, там остановила попутку и домчалась до дома.

Документы вернули. И кары никакой не последовало. Домой она попала вовремя. Помешкала бы еще несколько дней, лишилась бы угла.

Тут, на большом сундуке, в прихожей прямо за порогом, ей предстояло встретить известие, которое обожгло огнем. Пришло письмо от незнакомца, донецкого шахтера. Развернула листок, исписанный крупными буквами, на пол посыпались крохотные фотокарточки. Ее и дочери Кирочки. Выпавшие из конверта, заполненного чужим почерком, они все сказали сами за себя.

Писал, как оказалось, не однополчанин, а солагерник мужа. Народное ополчение шло на врага с одной винтовкой на пятерых. Многие полегли, не успев даже сделать выстрел. Некоторых ждала другая, не менее тяжкая участь – плен. Владимиру Никола-

Представители семьи Богословских-Поповых.

евичу выпало второе. Немцы пленили его под Вязьмой в 1942 году. Круги лагерного ада к концу войны привели в Витцендорф, что в 20 километрах от Берлина. До этого Попова отправляли куда-то в Норвегию, на каменоломни, где он окончательно сдал. В Витцендорфе ждали своей участи те, кто уже не мог работать. А значит и жить. Владимир Попов умирал. А перед смертью наказал одному из своих соседей по нарам передать жене и дочкам в Москву фотокарточки. Последний привет.

Эти черные дни Клавдии Павловне помогла пережить работа. До этого жившая за «каменной стеной» – рядом с мужем – она оставалась лишь домохозяйкой. Теперь устроилась на Ярославскую дорогу, научилась плести щетки для мытья вагонных окон. Но прокормить семью на крохи, которые платили щеточницам, было невозможно. Тогда рискнула пойти на курсы бухгалтеров. Диплом бухгалтера воодушевил на получение еще одной специальности – медсестры. Медсестрой в поликлинике она проработала до самого выхода на пенсию.

Дочери оправдали все надежды матери. Обе получили высшее образование. Стали инженерами. И остались при этом настоящими дочерьми – нежными, преданными, заботливыми.

Квартира Поповых на десятки лет сделалась теплым, гостеприимном домом для всех земляков, как живущих в Москве, так и бывающих здесь наездами.

Анна СИВКОВА.

Москва – Сыктывкар

(«Дым Отечества», 25 января 2003 г.)

Последний из Богословских

Многие люди сейчас активно занимаются поиском своих корней, составлением родословий. Край наш хотя и обширный, но людей здесь всегда проживало мало. Поэтому родовые линии у многих семей перекрещиваются. Очень часто они ведут в никуда. Многие наши земляки, особенно в 20-30-е годы, вынуждены были покинуть родину, навсегда остаться на чужбине.

Напомню, что коренная москвичка Валерия Владимировна Попова, героиня материала «Дом у Ярославского вокзала», ведет свое происхождение от Поповых, Камбаловых и Богословских. Все три фамилии в XIX и в начале XX века в Коми крае были очень известны, дали плеяду замечательных людей – священнослужителей, учителей, купцов, юристов, краеведов... А семья Богословских на протяжении десятилетий оставалась в Коми крае едва ли не самой образованной. Но так случилось, что уже к середине прошлого столетия в Коми из Богословских не остался никто. Краеведы и историки в последнее время пытаются воссоздать историю этой семьи. К счастью, нашелся и человек, который не только носит эту фамилию, но может рассказать о судьбах представителей славного рода.

Александр Павлович Богословский живет в Москве. Мы познакомились с ним несколько лет назад, когда я проездом побывала в Первопрестольной. Знакомство наше было почти заочное, так как пообщались мы только по телефону. На том конце провода, судя по живому, доброжелательному голосу, находился мужчина, как говорится, в расцвете лет. Слово за слово... Но уже через пару минут я сделала неожиданное открытие: у моего собеседника возраст более чем почтенный. Натолкнули на эту мысль его же вопросы. Он спрашивал о хозяевах сыктывкарских домов, расположенных в центре города. И называл адреса: улица Трехсвятительская, дом такого-то, Спасская улица, и следовала фамилия горожанина, который пострадал еще в 30-е годы.

Александр Павлович Богословский.

Общаться с таким необыкновенным собеседником было интересно и занимательно. Но встречу с ним пришлось

отложить еще почти на пару лет. И вот наконец московская квартира в микрорайоне Ясенево. Александр Павлович жмет руку. Уже знаю, что ему в 2003 году «стукнет» 90 лет. Но выглядит он молодцом. На лице – неподдельная радость: «Неужто вы из Коми края? Какое счастье! Бог весть сколько прошло, когда я там побывал в последний раз. А уехал оттуда насовсем, не поверите, еще в 30-е годы». И тут же, как и при первом разговоре по телефону, атакует вопросами: «Доводилось ли бывать в Шежаме? Церковь-то там стоит ли еще? А уцелел ли дом священника?»

Шежам – село в Усть-Вымском районе. Родина Александра Павловича. В здешнюю церковь в самом начале прошлого века – в 1901 году – определили служить его отца – Павла Александровича Богословского. Нести слово Божие Богословским было предопределено уже своей фамилией. Они делали это ревностно и бескорыстно. Службу в храме Павел Александрович совмещал с попечительскими делами и учительством. Обучал и девочек, и мальчиков сначала в Шежаме, а затем в Айкинской ремесленной школе. Еще совсем молодой батюшка из рук преосвященного Алексия, епископа Великоустюжского, получил набедренник – награду за усердие.

Жизнь повернулась так круто и стремительно, что первая награда для отца Павла стала последней. Будь по-иному, он, может быть, сумел бы повторить путь своего отца Александра Александровича. Священник усть-сысольского Троицкого собора, наверное, единственный в нашем крае иерей, который еще при жизни был облагодетельствован и церковными, и светскими властями. В сорок с небольшим лет – коллежский ассесор. За труды на учительской ниве ему была определена немалая по тем временам пенсия – 147 рублей. За семь лет до революции грудь священника украсила Анна 3-й степени. Это лишь малая толика многочисленных поощрений и наград Богословского.

На хорошей ниве взошли хорошие всходы. Девять детей радовали батюшку Александра и матушку Надежду. И дочери, и сыновья учились сначала дома, потом в школах и семинариях. Наверное, священнику-отцу хотелось видеть своих сыновей на амвоне, облаченных в мирты и камилавки. Но по стопам батюшки пошел один лишь Павел. Еще трое сыновей до революции стали грызть гранит разных наук в Томском университете.

А там – революция. Семья Богословских так больше и не собиралась вместе. Образованные братья осели на сибирских просторах. Сестры очутились кто где. Уже в 1917 году священника шежамской церкви Павла Богословского лишили избирательных прав. Еще через десять лет сослали на Печору. Но посчитав эту ссылку слишком мягкой, вернули в Човский лагерь. Где-то здесь, рядом с Сыктывкаром, он и отдал Богу душу. Но когда это случилось, в каком году, сын до сих пор не знает.

В родной Коми край после революции занесло ненадолго Николая Александровича Богословского. Октябрь 1917 года выпускник юрфака встретил с воодушевлением. В 20-е годы он работал следователем в Коми областном нарсуде. Где-то в архивах, наверное, имеются дела, которые он вел в то суматошное время. Но Николай Александрович оставил о себе память не только на судебном, но и на историческом поприще. В 20-е годы из-под пера пытливого, любознательного человека одна за другой вышли несколько статей на краеведческие темы. Одна из них посвящена династии купцов Сухановых, память о которых власти изо всех сил пытались перечеркнуть, вытравить из летописи Усть-Сысольска. Впрочем, крае-

ведов власти тоже не особо жаловали. Уже в 30-е годы над многими историками и краеведами сгустились тучи, и разразился гром. Николай Богословский в отличие от многих успел скрыться. Его следы обнаруживаются в сибирском городе Бийске, где он и похоронен.

У погибшего в лагерях Павла Александровича Богословского было пятеро детей. После расправы со священником семья из Шежама перебралась в Усть-Сысольск. Старший сын сгинувшего батюшки – Александр – продолжил учебу в советской школе. Совсем еще юный, он чувствовал, что на родине все зыбко, ненадежно. Мишенью служила даже его фамилия, которая ну никак не вписывалась в эпоху кумача, транспарантов и возгласов «Долой!». Кто-то посоветовал Александру оставить родину, затеряться в большом мире. Уезжая из Усть-Сысольска, он не мог предположить, что разлука растянется на всю жизнь.

Прибило к московским родичам. В гудящем улье столицы без куска хлеба остаться было трудно. А вскоре подвернулось дело, на долгих десять лет погрузившее парня в особенную, суровую и притягательную стихию. Она называлась Арктика.

В 30-е годы к Арктике было приковано внимание всей страны. Именно здесь осуществлялись самые яркие подвиги и рождались герои. На приарктическом побережье разворачивались работы по нефтеразведке, подсчитывались запасы угля. Освоение сурового края было по плечу не каждому. Для Александра Богословского командировки сюда стали надежным пристанищем от политических

Лидия Богословская (в центре) на одной из арктических станций. Конец 30-х годов.

бурь. А работа в полярных экспедициях осталась одной из самых волнующих страниц воспоминаний.

Вайгач, бухта Варнека, Амдерма, Югорский шар, Карское море, бухта Кожевникова, море Лаптевых... Названия, от которых, кажется, даже веет суровым норд-остом, для Александра Павловича – самые сладкие. Пережить и перевидеть удалось всякое. Ураганы, бураны, вьюги, бывало, за ночь сравняют барак или избушку с белым безмолвием, простирающимся на сотни километров. Людям стоит немалых усилий выбраться из снежного плена.

Александр Богословский в экспедициях обеспечивал надежность техники – был главным механиком. Возглавляли экспедиции маститые исследователи. Один из них – знаменитый «папанинец» Эрнст Кренкель. Можно сказать, в 30-е годы страна «переболела» Арктикой. На поверку запасы полезных ископаемых оказались там отнюдь не гигантские. Да и добывать их за полярных кругом было не дешевым удовольствием. Мало-помалу работа экспедиций сворачивалась.

Арктика для Богословского не только командировки и отрезок жизни. Это второй дом его семьи. Еще в Усть-Сысольске Александр познакомился с Лидой Башлыковой, которая чуть позже стала его женой. Муж тут же предложил своей половине свадебное путешествие. И увез ее на край земли. Лидии Дмитриевне жизнь возле белых медведей пришлась по душе. В экспедиции пригодились и ее навыки землеустроителя. Вернулись на «большую землю». Один за другим дети появились. Но и с малышами на руках молодая женщина смело поднималась на трапы кораблей и самолетов, чтобы вместе с мужем покорять Арктику.

Войну Александр Павлович провел за станком. Классный механик получил бронь. Семья Богословских обосновалась в Подмосковье. Стать москвичами мешали невидимые барьеры. Хотя ветеран Арктики имел и права, и заслуги, чтобы заполучить столичную прописку. Но он не умел ни просить, ни требовать. «Береженого Бог бережет» – эта поговорка смиряла с жизнью и обстоятельствами.

Лидия Богословская с дочерью на одной из арктических станций.

В подмосковном Царицыно купили дом. Для семьи Богословских даже воспоминания о нем какие-то особенные – светлые, праздничные. Свой дом открыл в хозяине страсть, дотоле неизвестную даже близким. Выйдя на пенсию, Александр Павлович сделался садоводом. Вокруг царицынского дома плодоносили не только яблони всех сортов. Александр Павлович стал одним из родоначальников выращивания на московских широтах винограда. В этом деле преуспел. Синевато-сизые грозди из его парников под изум-

Александр Богословский. 50-е годы.

ленные взгляды и возгласы демонстрировались на многочисленных выставках.

Когда разраставшаяся во все стороны Москва поглотила Царицыно, стали наконец Богословские москвичами. «Москвич-то, москвич, да шежамский я, или айкинский, – говорит Александр Павлович и добавляет: – Копни здесь теперь любого, все из губерний родом».

У Александра Павловича два сына и дочь Галина. По специальности она инженер-химик, работает в институте редких металлов. Простота, радушие, непосредственность – все в ней от отца. К сожалению, жены Александра Павловича уже нет в живых. Лидия Дмитриевна скончалась несколько лет назад. Старики часто тяготят молодых. Но для Галины Александровны отец – это все.

Уже попрощавшись с хозяевами радушного дома, укорила себя за то, что ничего не спросила Александра Павловича о судьбе братьев и сестер. Их у него было четверо. Но потом подумала, что так оно лучше, зачем бередить раны. Подтверждением этого стал и поступивший вслед за поездкой в Москву список наших земляков, реабилитированных военной прокуратурой Ленинградского военного округа. В их числе и Серафим Павлович Богословский, родной брат Александра Павловича. Его, бойца 256-й стрелковой дивизии, арестовали в 1942 году, прямо в окопах. Дали десять лет лагерей. Там он, видимо, и сгинул. Спустя 60 лет после войны лишение свободы признали ошибочным.

Анна СИВКОВА.

Москва – Сыктывкар

(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

Сорок ступеней на вершину

В этом году исполнилось бы 55 лет талантливому ученому, доктору физико-математических наук, профессору физического факультета МГУ Сергею Габову. Сергей Александрович – наш земляк, уроженец Сыктывкара, ушел из жизни до обидного рано – всего в 40 с небольшим лет. Его короткая и яркая судьба подтверждает горькую аксиому: многие сыны Коми края по разным причинам оказались невостребованы на родине, их именами и наследием гордятся сегодня отнюдь не земляки.

Жизнь Сергея Александровича безо всяких натяжек можно сравнить с яркой звездой, зажегшейся на небосклоне и в одночасье исчезнувшей с него. Он родился 24 мая 1948 года в Сыктывкаре. Умер 19 апреля 1989 года в Москве. Сорок лет, отпущенных судьбой, хватило ученому, чтобы обессмертить свое имя. Книги, диссертации, десятки статей... Все они посвящены развитию и анализу математической физики. Науки, которая всегда привлекала к себе лишь избранных.

Сергей Александрович Габов.

Имя Сергея Габова не забыто. Он живет в памяти коллег, учеников, последователей. Таких головокружительных успехов в науке добиваются немногие. Сергей Александрович в 1973 году с отличием закончил физический факультет МГУ. Уже два года спустя, на втором курсе аспирантуры, он защитил кандидатскую диссертацию «Исследования по теории волн Кельвина». Сам ученый столь быстрый взлет со свойственной ему скромностью объяснял тем, что ему повезло на учителей. Своими наставниками он называл профессора А.Г.Свешникова и С.Я. Секерж-Зеньковича. Профессору Свешникову он был очень признателен и за советы при подготовке докторской диссертации. Он защитил ее семь лет спустя после кандидатской. На суд взыскательной комиссии ученый снова вынес работу, которая требует и недюжинного ума, и неординарного мышления, и фантастической работоспособности. Называлась она так: «Задачи, связанные с колебаниями вращающихся стратифицированных жидкостей, и некоторые математические методы их исследования».

В архиве Сергея Александровича сохранился любительский снимок, на котором запечатлены Нильс Бор и Лев Ландау. Снимок, видимо, был сделан в один из приездов Бора в Московский университет. Этих великих ученых, а также Альберта Эйнштейна, Габов тоже считал своими учителями в науке. Стоит ли говорить, как непросто молодому провинциалу попасть в такое окружение и чувствовать себя равным среди светил.

С гордостью за земляка я следил за его публикациями, удивлялся легкости их изложения, «зубастости» в хорошем смысле этого слова. Познакомиться нам удалось лишь за месяц до смерти Сергея Александровича. Тогда он приезжал в академгородок Черноголовку под Москвой на конференцию по комплексному анализу и дифференциальным уравнениям. Такие научные форумы в 80-е годы были

традиционными и собирали весь цвет советской математики. Ученый земляк подарил мне изданную за год до конференции книгу «Введение в теорию нелинейных волн», оставив на ней дарственную надпись. Мы договорились о сотрудничестве, о совместной помощи своим ученикам в защите диссертаций...

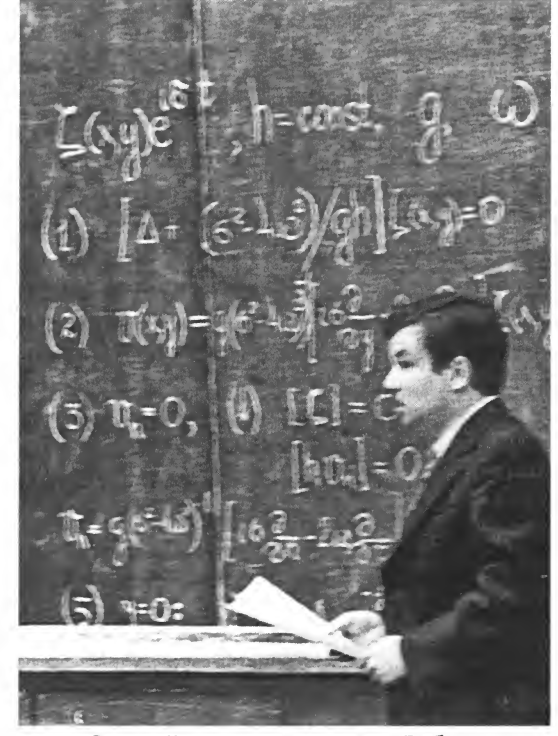
Смерть настигла Сергея Александровича неожиданно. В день кончины ученого исполнилось 70 дней со дня смерти его матери, Екатерины Сергеевны. Уход из жизни матери и жены подкосил и сына, и отца. Отец Сергея Александровича – Александр Тихонович – прошел через всю войну, дошел до Берлина. Именно его мастеровыми руками выстругано древко знамени Победы, водруженного над рейхстагом. После войны Александр Тихонович трудился в сыктывкарском телеобъединении «Экран».

Родители гордились сыном. Сын ни в чем не разочаровал родителей.

В журнале «Молодой коммунист» за 1972 год, еще будучи шестикурсником физфака МГУ, Сергей Габов определяет свою дальнейшую судьбу: «Мой жизненный выбор сделан: я буду физиком. Как и 3000 студентов нашего факультета, съехавшихся с разных концов Союза, спаянных крепкой шестилетней дружбой и страстной приверженностью науке. Мы пытаемся понять взаимосвязь явлений, познать новые закономерности и разрешить существующие противоречия...»

С альма-матер – с Московским университетом – он и связал свою жизнь. Стал профессором кафедры математики физического факультета. Не забывал и о родине. В качестве председателя государственной экзаменационной комиссии по математике не раз приезжал в СГУ.

Может сложиться впечатление, что Сергей Александрович был везунчиком, во всем ему сопутствовала удача. Между тем путь на вершину науки для него не был устлан розами. В 1966 году он с серебряной медалью закончил 11-й класс сыктывкарской школы № 4 им.Гагарина. Могло быть и «золото», но помешала четверка по сочинению. Удача отвернулась и от абитуриента Габова, попытавшегося после школы поступить в Московский инженерно-физический институт, в котором готовили кадры для атомной промышленности. Не прошел по конкурсу. Год после этого он работал в Институте геологии КНЦ. И упорно готовился к вступительным экзаменам. Благодаря знаниям и упорству на этот раз он достиг цели.

Сергей Александрович Габов.

С разрешения отца Сергея Александровича – Александра Тихоновича – я познакомился с письмами студента Габова к родителям и сестре. Письма беглые, зачастую без дат, передают дефицит времени, насыщенность студенческой жизни. «5 октября у нас пер-

вая контрольная по математическому анализу. Очень боюсь, так как это очень трудная вещь, придется оставшиеся 10 дней заниматься одним анализом. Но будем надеяться, что Бог не выдаст, преподаватель не съест». «Живем помаленьку, ребята у меня в комнате – просто клад, очень дружно живем, питаемся вместе, в кино ходим вместе и все делаем вместе». «Ваш перевод, посылку – все получил, за что большое спасибо. Грибы очень понравились. Вчера видел приказ, в котором говорится, что мне дают стипендию 35 р.».

Позже он посылал родителям оттиски своих публикаций и книги. Конечно, не рассчитывал, что родители будут читать про волны Кельвина или стратифицированные жидкости. Посылал просто так, для памяти...

Сергей ХУДЯЕВ,
доктор физико-математических наук, профессор.
(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

Был коми. Стал дальневосточник

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения первого «остепенного» коми геолога – кандидата геолого-минералогических наук Василия Прокофьевича Тебенькова. Страницы его биографии еще не до конца прочитаны. Многие из них зачеркнуты или вырваны с корнем.

Василий Тебеньков родился в селе Ужга. Там же окончил церковно-приходскую школу, проявил себя смышленым, с великолепной памятью учеником. Учебу по настоянию педагогов продолжил в Визингской высшей начальной школе. Одновременно работал счетоводом в кооперативе. Шла Гражданская война, семья голодала, надо было зарабатывать на жизнь. Желание учиться пересилило все трудности. И вот уже коми парень учится на рабфаке в Великом Устюге. В 1921 году Василий стал студентом горной академии в Москве.

Судьбы активистов краеведческого движения 20-х годов прошлого века во многом схожи. Все они были полны желания приносить пользу только что рожденной Коми (Зырянской) области. За неимением своего высшего учебного заведения многие уезжали учиться в крупнейшие вузы Москвы, Ленинграда, Перми, где объединялись в землячества, краеведческие кружки, в которых изучали историю Зырянского края, а летом в составе различных экспедиций выезжали на родину. В Москве краеведческий кружок возглавлял студент Коммунистического университета имени Свердлова И.Г.Коюшев. В правление входили А.И.Бабушкин (студент Института народного хозяйства им.Плеханова), А.С.Забоев (рабфаковец, впоследствии студент Ленинградского политехнического института), В.И.Лыткин (студент Московского государственного университета), А.Н.Надеев (студент Академии комвоспитания им.Н.К.Крупской), В.П.Тебеньков. Позднее Василий Прокофьевич и его земляки стали членами созданного в 1922 году в Усть-Сысольске Общества изучения Коми края, Московское отделение которого возглавил этнограф В.П.Налимов. Став

студентом горной академии, Тебеньков учился у именитого геолога А.А.Чернова, впоследствии Героя Социалистического Труда, с которым неоднократно выезжал в экспедиции для исследований западного склона Урала. Наиболее удачным оказался 1924 год, когда было открыто Печорское угольное месторождение. Эти события подробно освещены в книге Г.А.Чернова «Полвека в Печорском крае».

Василий Прокофьевич Тебеньков с родителями.

В 1927 году Василий Тебеньков уезжает в Ленинград и начинает работать в Геологическом комитете ВСНХ. Комитет стал одним из головных учреждений России, созданных для организации геологических исследований страны, а был основан в Петербурге еще в 1882 году одним из исследователей Коми края Григорием Петровичем Гельмерсеном (1803-1895). С 1931 года Геолком стал самостоятельным научно-исследовательским институтом. Став профессиональным геологом, Тебеньков уже сам возглавлял экспедиции.

В 1930 году выходит первая серьезная научная работа Василия Прокофьевича, написанная совместно с Т.А.Добролюбовой (Татьяна Алексеевна многие годы изучала Коми край) «Разведка на уголь по правым притокам Вуктыла в Печорском крае в 1927 году». Вслед за этим в 1932 году увидел свет сборник научных трудов под редакцией В.П.Тебенькова. Он обобщал главнейшие геологоразведочные изыскания за 1929 и 1930 годы угленосных отложений западного склона Урала. Здесь же была опубликована статья Тебенькова о результатах геологопоисковых работ в районе Нагорная-Усьва.

Ответы на вопрос, почему последующие годы не стали для геолога столь же продуктивными, содержатся в книге «Репрессированные геологи». На его страницах есть лаконичная запись: «Тебеньков В.П. Геолог-угольщик, был репрессирован». Как известно, в 1933 году арестовали и отправили на Дальний Восток известного ученого-лингвиста В.И.Лыткина. Не исключено, что Тебеньков был подвергнут аресту одновременно с ним и тоже оказался на Дальнем Востоке.

В 1937 году появляется первая, после перерыва, публикация В.П.Тебенькова в «Вестнике Дальневосточного филиала АН СССР», посвященная бурым железня-

кам. По некоторым данным, в 1938 году Василию Прокофьевичу удается защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. А в 1939 году издать монографию (совместно с И.В.Моисеевым и А.Ф.Михайловым) о геологическом строении и полезных ископаемых водораздела рек Нижней Тунгуски. Этот труд, как отмечалось в рецензии, «по своей полноте и глубине проработки является основным для данного района». Выходят из печати и другие работы: по геологии и полезным ископаемым Енисейско-Ленской области, Западного Таймыра. Во Владивостоке появляется сборник научных статей «Материалы по геологии Дальнего Востока», одним из ответственных редакторов и авторов которого также значится В.П.Тебеньков. Правда, к основной фамилии редактора добавлен псевдоним – Дальневосточный. Тебеньков из Коми, Тебеньков из Ленинграда и Тебеньков с Дальнего Востока… Один и тот же ли это человек? Это утверждение сегодня можно принимать на веру с некоторыми оговорками. Ведь в судьбе нашего незаурядного земляка не достает многих страниц.

Великая Отечественная война застала ученого в Ленинграде. Уже 3 июля 1941 года он добровольцем ушел на фронт. В декабре 1942 года на Волховском фронте Василий Прокофьевич был тяжело контужен, долго лечился, навсегда остался инвалидом. Но это не помешало ему продолжать геологические исследования. Известно, что он работал в Эстонии, где занимался изучением горючих сланцев. Затем снова Ленинград. Здесь Тебеньков трудился в Научно-исследовательском институте геологии Арктики. Последние научные работы ученого датированы 60-ми годами, они посвящены проблеме разработки пермских углей.

Василий Прокофьевич после войны не раз приезжал в Коми. Обязательно встречался с профессором А.А.Черновым, навещал своих родных в Ужге. У него было два брата – Степан и Михаил, сестра Мария, множество племянников и племянниц. Питерский земляк живо интересовался всеми событиями научной и культурной жизни республики.

Умер Василий Прокофьевич 1 января 1973 года в Ленинграде, похоронен на кладбище в Парголово. Могилу родича нашла и ухаживает за ней внучатая племянница ученого Надежда Константиновна Жукова, студентка первого набора Сыктывкарского государственного университета, ныне директор крупного туристического центра в Петербурге. Она никогда не видела при жизни своего именитого родственника, но много слышала о нем, и всегда – только хорошее.

В Сыктывкаре живут родственники Василия Прокофьевича. Одна из них – Нина Михайловна Арсеньева, учительница математики. По примеру дяди она тоже мечтала стать геологом, собирала минералы. Не раз она гостила в Питере у Тебеньковых. Жена Василия Прокофьевича Розалия Исаевна ушла из жизни в 80-е годы. Судьба их сына Леонида, окончившего школу с золотой медалью, печальна. Он был студентом Ленинградского государственного университета, шел по стопам отца – учился на геологическом факультете. На гребне студенческих волнений 50-х годов им заинтересовались органы. Они же предложили два варианта «расплаты»: или тюрьма, или психбольница. Леонид выбрал второе, надеясь на чудо. К сожалению, чуда не произошло. В конце 90-х годов Леонид был похоронен на одном из питерских кладбищ как «неизвестное лицо».

Вклад Василия Прокофьевича Тебенькова в геологическое изучение Урала, Печорского угольного бассейна был высоко оценен уже при его жизни. Он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями. Остается сожалеть, что имя Тебенькова почти неизвестно на его родине.

Майя БУРЛЫКИНА,
доктор культурологии.
(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

Кедры вырубили... А память?

Москвичка Любовь Михайловна Александрова родом из Усть-Сысольска. Она дочь одного из первых дипломированных докторов Коми края Михаила Никитина. Ее мать – учительница немецкого языка Мария Ивановна Никитина. Самые яркие впечатления о родине для москвички были связаны с пикниками горожан в Белом бору.

Любовь Михайловна Александрова.

Впечатления от встречи с Любовью Михайловной Александровой одновременно и радостные, и грустные. Ее адрес мне неожиданно подсказали в Москве. Знакомство с пожилой женщиной получилось очень полезным, а разговор – чрезвычайно интересным, насыщенным. Один из любопытных штрихов биографии моей собеседницы: детские годы она провела на Стефановской площади Усть-Сысольска. Здесь стоял дом ее отца Михаила Никифоровича Никитина. Эта встреча запала в память и другими фактами, которые наверняка заинтересуют историков и краеведов Коми края. Жаль, что уже никто не сможет больше встретиться с этой доброй и мудрой женщиной. Несколько месяцев спустя после нашего знакомства Любови Михайловны не стало.

Любовь Михайловну можно считать настоящей москвичкой. Семьдесят лет из своих восьмидесяти пяти она прожила в столице. И всего пятнадцать – в Усть-Сысольске. Но удивительно: отрезок жиз-

ни в Первопрестольной в ее устах выглядел будничным, достаточно ровным. Зато каждое воспоминание о детстве и юности, проведенных на Севере, – колоритное, яркое, масштабное.

В последний раз Любовь Александрова посетила Сыктывкар в начале 70-х годов. Площадь в центре города, самое родное место, изменилась до неузнаваемости. Москвичке подарили книгу, куда вошли старые, еще дореволюционные, снимки Усть-Сысольска. Там она и увидела свой дом, стоящий в двух шагах от Стефановского собора. Крепкий, бревенчатый, с большими окнами... С одной стороны он заглядывался на дом Друговых, с другой – на большое хозяйство соседей Сорвачевых. Никитинские хоромы ничуть не уступали соседским. А его обитатели прославились на всю страну.

Хозяйкой никитинского дома в детстве Любаши была бабушка Екатерина Павловна. Бабушка была коми, переехала в город из какой-то окрестной деревни. Деда уже не было в живых. Но мужчин в доме хватало. Никифор Никитин оставил после себя дочь и троих сыновей.

Хотя молодость братьев Никитиных пришлась на непростое время войн и революций, все сумели получить образование. Василий Никифорович стал агрономом, Николай Никифорович – математиком, Михаил Никифорович – врачом. Отец маленькой Любы, по рассказам взрослых, стал одним из первых дипломированных врачей Коми края. Пропадал в уездах и селах. Где-то в глухомани в голодном и холодном 1918 году подхватил тиф. Еле живого привезли в Усть-Сысольск. Многочисленные друзья хотели спасти Никитина любой ценой. Сумели отправить его на лечение в Вологду. Но там врачи спасти своего коллегу не сумели.

Люба Никитина осталась без отца в годовалом возрасте. Понятно, что даже его облик в ее памяти не запечатлелся. Но он для нее все равно оставался самым-

Пикник устьсысольцев в Белом бору.

самым. Представления об отце полностью подтверждали и старые карточки в маминым альбоме. Щеголеватый, волевой, красивый... Мама говорила, что лучше человека она не встречала.

Мама Любы – Мария Ивановна – была под стать отцу. Родилась она в Яренске. Очень рано лишилась родителей. Родственники и попечители сумели как-то устроить ее в Николаевский институт благородных девиц в Москве, где маленькая Маша получила образование, о котором не мечтали даже девушки из знатных семей. Восемь лет – с 1900 по 1908 год – постигала иностранные языки, хорошие манеры, рукоделие. При выпуске яренской девушке предложили или пойти гувернанткой в богатый дом, или поехать учительницей иностранных языков в одну из северных школ. Она выбрала последнее. Так очутилась в Усть-Сысольске.

В Усть-Сысольске Мария Ивановна Попова была нарасхват. Преподавала и в женской, и в мужской гимназии, затем в школе второй ступени. Обучала немецкому и французскому на дому. Проворная, легкая на подъем, дисциплинированная, она везде успевала и всех устраивала.

В 1911 году учительница вышла замуж за Михаила Никитина. Но счастье продлилось недолго. С тремя детьми на руках совсем молодой осталась вдовой.

События Гражданской войны, чехарда с белыми и красными для вдовы доктора Никитина перехлестывались другими. Вдруг она и ее дети стали лишними в никитинском доме. Будь по-другому, Мария Ивановна, может быть, и закусила удила, стерпела неминуемые в жизни под одним кровом свары, неприятности. Но за

Михаил Никифорович и Мария Ивановна Никитины. 1911 г.

Николай Никифорович Никитин с супругой. 1911 г.

хрупкой внешностью прятались мужская воля и непреклонность. Она оставила мужнин дом. Стала снимать квартиры в разных частях города.

Знания иностранных языков не оставили без куска хлеба и при советской власти. Только став взрослой, Любовь Михайловна поняла, как неимоверно трудно в те годы приходилось матери. А детство оно и есть детство. Переезды с квартиры на квартиру Любе очень даже нравились. Везде были свои порядки, разные люди, необычные вещи. Однажды попали в дом к музыканту-еврею. Он взялся обучать девочек игре на фортепьяно. В школе, куда ходила Люба, к праздникам устраивались балы и маскарады. Летом устьсысольцы семьями и компаниями на лодках устремлялись в Белый бор. В большие плетеные корзины, заказываемые у мастеров специально для летних пикников, набивали всякой снеди. Не забывали и о горячительных напитках. Белый бор в выходные гудел ульем, звенел женским смехом и детскими голосами.

Слушая Любовь Михайловну, ловлю себя на сомнениях. Ну никак не таким, веселым и беззаботным, сложилось в нашем представлении это время. Она достает фотографии. Рассказы оживают. Белые шляпки на женщинах, орава детей, довольные вальяжные мужчины… А перед ними – те самые походные плетеные корзины с провизией. Кругом шумит лес. Что ж, из песни слов не выкинешь. Люди в конце 20-х не только печалились и плакали, но и веселились, отдыхали.

В начале 30-х словно лопнула какая-то невидимая струна. Многие из Усть-Сысольска стали спешно уезжать. Хорошие знакомые Марии Ивановны – Городецкие – позвали ее в Москву. Она и тут проявила завидную волю, если хотите, мужество. Поменяла тихий захолустный город на бурлящую столицу. И здесь ни на кого не надеялась. Только на себя, на свои недюжинные знания иностранных языков. И в Москве пришлась ко двору. Не зря же говорят, воля и труд все перетрут.

А вот с жильем было очень туго. Брат Марии Ивановны служил в военно-историческом архиве. Сумел устроить семью сестры в одну из каморок архивных апартаментов. Но подрастали дети, а архивное начальство все чаще высказывало недовольство непрошеным жильцам. Куда податься? Тут Мария Ивановна решилась на такой шаг, от которого все знавшие ее люди пришли… в ужас. Она написала письмо Сталину.

Хладнокровию Марии Ивановны все удивлялись. Она же в своем поступке не видела ничего предосудительного. «Что тут такого, – удивлялась она в ответ. – Должны же мы иметь крышу над головой. И не бродяги мы какие-то. Муж был народным доктором. Я уже тридцать лет учительствую. Думаю, жилье заслужила».

Послание в Кремль возымело действие. В архивную каморку, где ютилась семья, стали наведываться комиссии. А вскоре Марию Ивановну пригласили за ордером. Хоромы Никитиным не достались, но своим жильем отныне они были обеспечены.

Не сбылись и сомнения, что в Москве будет недоставать сыктывкарских друзей, родных. В 30-40-е годы запросто могло сложиться впечатление, что в столицу страны перебралось чуть ли не пол-Усть-Сысольска. Бывшие жители городка на Сысоле не теряли связи друг с другом, встречались, общались. Мария Ивановна дружила и с семьей брата своего мужа – Николая Никифоровича Никитина. В Москве он трудился в одном из научно-исследовательских институтов. Судя по всему, работа не только приносила ученому радость, но и давала хорошие плоды. Именно Никитин стал разработчиком школьной программы по геометрии. А по

его учебнику «Геометрия» для старших классов долгие годы обучались во всех советских школах.

Мария Ивановна Никитина почти полвека отдала школе. Живо интересовалась всем происходящим вокруг. Всегда оставалась другом и советчиком младшей дочери Любаши. Она, правда, не пошла по маминой стезе. Закончила техникум радиосвязи. Радиопередающий центр Москвы после войны располагался на одной из оконечностей столицы – Октябрьском поле. Здесь и постигала Любовь Михайловна премудрости телеграфной и телетайпной связи, узнала все секреты сложной техники. Здесь же нашла и свою половинку. Сергей Иванович Александров тоже был радиотехником. Так получилось, что рядом с Октябрьским полем в двухкомнатной квартире она провела с семьей единственной дочери остатки своих дней. Здесь мы и встретились с Любовью Михайловной. Увы, в первый и в последний раз.

Люба Никитина (в белой шапочке) в первом ряду с родными. Усть-Сысольск. 1927 г.

Мария Ивановна Никитина не была отмечена никакими регалиями и наградами. Себя, нисколько не рисуясь, она называла народной учительницей. Так оно и есть. Влюбленная в жизнь, в свою профессию, в учеников, хрупкая и деятельная северянка ушла из жизни в 1975 году.

Ее дочь Любовь Михайловна спрашивала меня, помнят ли маму на далекой родине, в Сыктывкаре. Расспрашивала и о том, есть ли в наших музеях хоть маленький стенд о братьях Никитиных – народном докторе и прекрасном педагоге-математике. Увы, надежд пожилой женщины мои ответы не оправдали. «А растут ли еще в Сыктывкаре старые кедры? – под конец беседы неожиданно заинтересовалась моя собеседница. – Их много было в годы моего детства. Росли они и перед нашим домом. Неужели срубили все?» И добавила сокрушенно: «Что же осталось в Сыктывкаре от моего Усть-Сысольска?»

Анна СИВКОВА.

Москва – Сыктывкар

(«Дым Отечества», 19 апреля 2003 г.)

Здравствуйте, Мария Ивановна!

Это так необычно и удивительно – находить на страницах газеты отголоски и отзвуки давно минувших лет и дней. Прочитала статью «Кедры вырубили. А память?» и встрепенулась. Да это же о нашей учительнице немецкого языка Марии Ивановне Никитиной. Кладу перед собой номер «Дыма Отечества», а рядом – общую фотографию нашего седьмого класса. И начинаю вспоминать.

Далекие 1927-1930 годы. Усть-Сысольск. Школа второй ступени. Из тридцати моих одноклассников, озорных мальчишек и веселых девчонок, кроме меня, в живых нет уже никого. Некому и прийти на помощь, чтобы делать подсказки в путешествии по закоулкам памяти.

Учителя наши были удивительными людьми – интеллигентными, сдержанными, порядочными. Не могу объяснить почему, но к изучению иностранных языков в то время мы относились с прохладцей. Марии Ивановне Никитиной стоило больших усилий, чтобы убедить нас, несмышленышей, что иностранный язык образованному человеку знать необходимо. Силой убеждения, спокойствием, уверенностью она завоевала наши сердца.

Кроме всего прочего, Мария Ивановна из учителей-женщин была самая красивая. Невысокая, стройная, с пучком волос на затылке, она, приходя в класс, становилась центром внимания, восхищения, притяжения.

Седьмой класс школы второй ступени. 1930 г.

Помню и дом Никитиных на Стефановской площади, и дочь Марии Ивановны – Любашу, с которой мы бегали вокруг кедров, лиственниц и елей, окружавших площадь. Даже не верится сегодня, что тогда еще возвышался на площади величественный Стефановский собор. Как же давно все это происходило...

В 1930 году 8 и 9 классы упразднили, а школа второй ступени стала называться семилеткой. Несколько позже ее переименовали в фабрично-заводскую школу, а после этого – в десятилетку. В эти же годы в Сыктывкаре открылись первые техникумы. Многие учителя бывшей школы второй ступени перешли туда работать, благо знаний у них хватало. Мария Ивановна Никитина в эти же годы покинула Сыктывкар. Следы ее затерялись. И лишь в нынешнем году, 70 с лишним лет спустя, я заимела возможность узнать ее дальнейшую судьбу. Благодарна вам за эту встречу.

Ксения ПОПОВА.
г. Сыктывкар
(«Дым Отечества», 26 декабря 2003 г.)

Открыватель ИНТАзухидов

«Экспедитора посылочной на втором рудоуправлении Ковалева А.М. за связь с заключенными (передача писем, минуя лагерную цензуру) Особого лагеря с работы уволить и выдворить с территории Интинского комбината». Это один из приказов по Минеральному лагерю, с центром в Инте, датированный августом 1949 года. Уже из него видно, какие условия царили в этом приполярном лагере. К этому же страшному времени относится поразительное открытие, всколыхнувшее весь научный мир. Заключенный геолог Г.А.Дмитриев сумел передать на волю ученым-палеонтологам останки доисторических животных – обитателей Интинского ископаемого озера.

Минеральный лагерь в Инте был создан в конце Второй мировой войны и предназначался для «особо опасных государственных преступников». Меры «безопасности», предпринимаемые в Минлаге, шокировали даже видавших виды заключенных. Связь с внешним миром для них здесь была практически отрезана. В мае 1948 года Минлаг обзавелся кодовым телеграфным именем «Минерал». Даже вольнонаемные сотрудники не могли получать адресованную в лагерь корреспонденцию. Но и этого было мало.

Из управления лагеря продолжали поступать предписания «мобилизовать весь личный состав на повышение чекистской бдительности и изгнание беспечности и преступного отношения к сохранению государственной тайны».

В это суровое время в Инту из Ленинградской области и прибыл этапом Георгий Дмитриев. Биография у заключенного была рядовая. 1915 года рождения. Русский. Уроженец города Щербаков Ярославской области. Осужден военным трибуналом по статье 58-1 «б». Мера пресечения – 10 лет лишения свободы с

Георгий Андреевич Дмитриев.

последующим поражением в правах еще на пять лет. До ареста находился в лагере для военнопленных. А до этого много лет кочевал по немецким концлагерям: будучи младшим лейтенантом, еще в начале войны попал в плен.

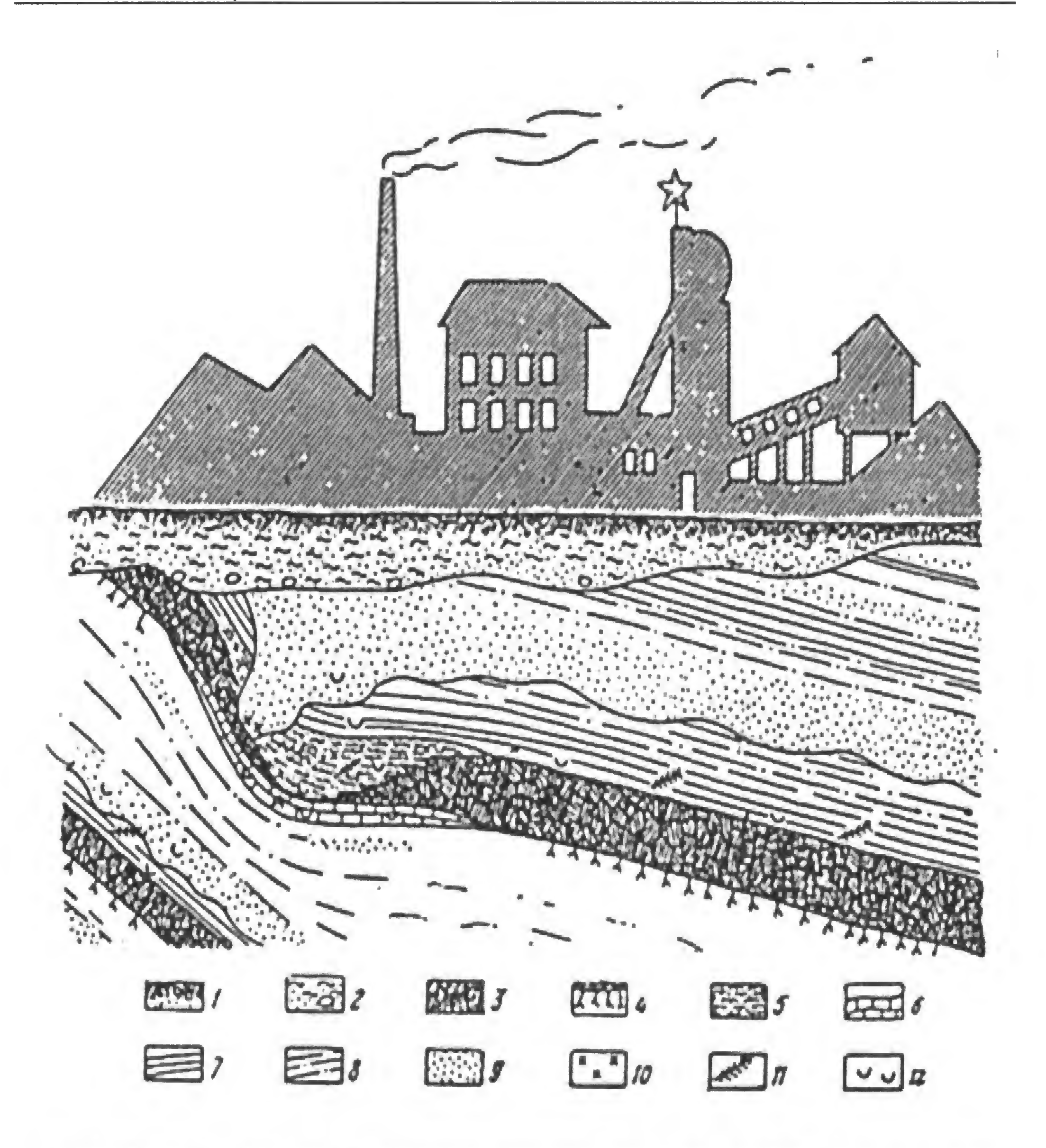
Особо опасный преступник в далекой мирной жизни успел получить высшее образование: в 1938 году с отличием окончил Ленинградский горный институт. В ГУЛАГе использовать подобных Дмитриеву «преступников» по специальности категорически запрещалось. Только тяжелый физический труд, и больше ничего! Но специалистов с «мозгами» на лагерном производстве не хватало катастрофически. Дмитриева назначили старшим геологом на шахту № 5 второго рудоуправления.

В год приезда Дмитриева в Инту, в 1948-м, заключенные шахтеры в породном отвале этой шахты стали находить окаменевшие кости. Чуть позже обнаружили и часть черепа какого-то неизвестного животного. Находки и попали в руки только-только приступившего к работе старшего геолога. Пятнадцатилетний опыт работы в геологических партиях, отличное образование инженера-геолога помогли быстро сориентироваться. Георгий Андреевич стал отбирать находки и хранить их у себя. Но определить, какому животному принадлежат найденные кости, в лагере не было никакой возможности. Требовалось отправить их в Москву, в Палеонтологический институт. Но как отослать с десяток посылок, если даже не могли просочиться на свободу из Минлага письма.

Позже Дмитриев вспоминал, на какие уловки и ухищрения приходилось идти, чтобы незаметно от лагначальства и стукачей уговорить «вольняшек» отправить очередную посылку с необычным содержимым. Попадись кто из них с «поличным» – не миновать бы самой тяжелой кары. Не удивительно, что на отправку в Москву костей неведомых животных ушло несколько лет. Все посылки добрались до цели – Палеонтологического института АН СССР.

Профессор И.А.Еремеев сообщил, что кости принадлежат земноводному животному из группы панцирноголовых амфибий, которые похожи на современных крокодилов. В то же время характерные особенности черепа и костей скелета дали возможность выделить этих животных в новое семейство интазухидов. Другими словами, в семейство интинских «крокодилов».

Так зек из Минлага Дмитриев за колючей проволокой сделал научное открытие. Ученые убедились, что в шахтах Инты найдены древнейшие позвоночные, жившие на Земле около 200 миллионов лет назад.

Схематический разрез интинского местонахождения позвоночных. *1* — почвенный слой и торф; *2* — рыхлые четвертичные отложения (глины, суглинки, пески, валуны); *3* — каменный уголь (отложения древнего торфяника); *4* — почва торфяника (окаменевшие глины с остатками корней); *5* — углистые песчано-глинистые сланцы (окаменевшие илы древнего озера-торфяника); *6* — пресноводный известняк (отложения небольшого озера); *7* — отложения больших озер (глинистые породы, окаменевшие илы); *8* — песчано-глинистые породы (отложения мелководных обширных озер); *9* — песчаники (отложения подводных русел, кос и дельт больших озер); *10* — остатки позвоночных; *11* — остатки растений; *12* — остатки раковин пресноводных моллюсков

В последующие годы Дмитриев нашел места захоронений древних позвоночных, собрал в шахте большую коллекцию их останков. Из Москвы в Минлаг приезжала группа ученых-палеонтологов во главе с Е.Д.Конжуковой, избавившая инженера-геолога от опасной пересылки необходимых коллекций, забравшая их с собой.

Вслед за захоронениями Дмитриеву удалось обнаружить в угольных пластах «подземный зоопарк». Он обратил внимание, что угольный пласт на одном из участков имеет прогиб почвы. Имелась и необычная «подстилка» – известняк с многочисленными моллюсками – отложениями небольшого озера. Озеро – в несколько сот метров ширины и не менее одного километра длины. Озерный бассейн, погребенный в торфянике далекого прошлого, был заселен уже известными интазухидами, а также архигозаврами (крокодилоподобными животными), батрахозаврами (группа животных, переходных между амфибиями и рептилиями), а также останками ганоидных рыб, двухстворчатыми моллюсками и раковинчатыми раками.

Многочисленная флора и фауна Интинского ископаемого озера дала возможность вычислить время образования интинских углей и пород. Она же подсказала новые решения добычи угля. Благодаря находкам Дмитриева об Инте узнали далеко за пределами республики.

А жизнь заключенного инженера складывалась почти так же, как и всех его уцелевших товарищей по несчастью. В ноябре 1954 года из лагеря освободили. Но оставили здесь на поселении. Полное освобождение пришло в феврале 1956 года. Георгий Андреевич поехал в Ленинград, к семье. Но 58 статья обжиться в родных пенатах не дала – крупные города для «политических» оставались наглухо закрыты. Пришлось вспомнить романтику геологических экспедиций. Лето 1956 года он проводит на Алтае. Жажда научных познаний и открытий берут верх. Все в том же 1956 году Георгий Андреевич поступает в аспирантуру, а еще два года спустя защищает по интинским материалам кандидатскую диссертацию.

Годы идут, но бывшие заключенные продолжают оставаться в обществе изгоями. Дмитриев принимает решение ехать с семьей в Улан-Удэ. Здесь он работает старшим научным сотрудником в Бурятском научно-исследовательском институте Сибирского отделения АН СССР, изучает геологическое строение Забайкалья. Постепенно Сибирь становится его вторым домом.

До 1970 года ученый совмещает исследования в лимнологическом институте и преподавание палеонтологии в вузе. В это же время работает над докторской диссертацией «Время С2». Уже по названию видно нестандартное мышление, философский подход к материалу, которые присутствуют во всех исследованиях ученого.

Перед выходом на пенсию Георгий Андреевич трудится в Иркутском университете. А в 1970 году он снова едет в Инту. Здесь спускается в шахту № 5, чтобы вновь увидеть открытый когда-то «подземный зоопарк». Но к этому времени это уникальная геологическая лагуна почти на две трети открыта и разрушена горными выработками. Дмитриев заново открывает до боли знакомый город, удивляется большим переменам, произошедшим здесь за последние 15 лет. Без устали рассказывает об интинской достопримечательности – ископаемом озере и его необыкновенных аборигенах – интазухидах.

Уже позже стали известны другие области знаний, изучению которых Георгий Андреевич предавался с такой же страстью, как и геологии. Это математика, исследования о симметрии в природе...

Последние годы ученый жил в Листвянке на Байкале. Напоминали о себе годы, проведенные в немецком плену и в лагерях ГУЛАГа. Стал сильно болеть. Все чаще попадал под воздействие тяжелых депрессий. Потерял семью. После очередного лечения в психиатрической больнице, где пробыл больше полугода, соседи его не узнали. Так сильно он сдал, одряхлел. Умер Георгий Андреевич Дмитриев 8 октября 1995 года.

Любовь МАЛОФЕЕВСКАЯ,
краевед-исследователь.
(«Дым Отечества», 19 апреля 2003 г.)

Браво, Чеусов!

«Виль-горд», – сидящий напротив меня пожилой человек повторяет по слогам непривычное название и тут же записывает, чтобы не забыть, на листе бумаги. Поправляю его: «Не Вильгорд, а Выльгорт, с буквой «т» на конце и с «ы» после «в». Он вносит поправки. Потом, задумавшись на минутку, спрашивает: «А где же находится Усть-Сысольск?» Неожиданный вопрос вызывает у меня улыбку: «Всеволод Васильевич, вы в Усть-Сысольске и находитесь. Сыктывкар раньше так назывался». «Ах, вот оно что», – удовлетворенно кивает головой мой собеседник и улыбается своему открытию.

Два географических названия – Выльгорт и Усть-Сысольск – отправная точка поисков Всеволода Васильевича Чеусова и сопутствующих им волнений, переживаний. Они и привели его из сибирского города Вихоревка в Республику Коми. У нас он впервые. Хотя мысленно путешествие сюда совершал неоднократно. А поездка все откладывалась. Главная причина – он здесь никого не знал.

Пока наконец не повстречал знакомого, который жил в Сыктывкаре. Тогда он и подумал, что Усть-Сысольск находится где-то поблизости от столицы Коми, и решил поехать. Знакомого звали Леонид Маркизов. Они встретились в Москве на одной из встреч бывших харбинцев. Харбин – это столица обширного края, примыкающего к Китайско-Восточной железной дороге, построенной еще царской Россией. После революции десятки тысяч россиян, осевших в районах КВЖД, оказались отрезанными от родины. Большинство из них затем попали в сталинские лагеря, многие погибли. Оставшиеся в живых по всему миру разыскивают друг друга, переписываются, встречаются, издают газеты.

Еще раньше, в письмах к Маркизову, Чеусов раскрыл причину своего повышенного интереса к Коми земле. Оказалось, что здесь корни известной в довоенном Харбине семьи Чеусовых. Отсюда родом глава семьи – Василий Иванович. Но его сын ничего о происхождении отца больше не знал. Фамилию Чеусовых в своих

странствиях по России и миру он никогда не встречал. Лишь раз по радио услышал свою фамилию. Однофамилец, Герой Труда, о котором рассказывали, тоже жил в Коми.

Неделя, которую Всеволод Чеусов провел в Сыктывкаре и Сыктывдинском районе, – череда потрясающих встреч и открытий. Наш гость даже не мог предположить, что Чеусовых в Коми так много. Это поначалу вызвало растерянность: как подступиться к своим корням, с какой стороны распутывать клубок? Но кто ищет – тот, и правда, всегда найдет.

Палочкой-выручалочкой для далекого гостя стала библиотекарь, краевед Мария Ивановна Ельсова. Уже много лет она собирает материалы о жителях села Выльгорт, составляет их родословия. Готов и материал для книги, в которой прослежены династии сотен выльгортцев. Чеусовым Мария Ивановна в своем исследовании уделила особое, пристальное внимание. Хотя бы потому, что сама в девичестве носила эту фамилию. В Выльгорте эта фамилия укоренилась очень давно, разрослась, расширилась.

Удивительное – рядом. Всеволод Васильевич ищет в пространном списке, составленном и распечатанном Марией Ивановной, имя отца. Палец, который скользит по мелованным страницам, застывает. Он читает: «Василий Иванович Чеусов, 1886 года рождения, сын Ивана Ивановича Чеусова, волостного писаря из села Выльгорт. Ушел в рекруты в 1904 году».

Из рассказов Чеусова-старшего Всеволод о прошлом отца знал немного. В 1911 году в чине унтер-офицера он демобилизовался из русской армии, поступил работать на Китайско-Восточную железную дорогу. Вскоре женился на поповской дочери из Иркутска Иулите Гавриловне Поповой.

Всеволод Васильевич Чеусов (справа) с родственником Михаилом Андреевичем Чеусовым.

Василий Иванович Чеусов.

Василий Иванович Чеусов.

Семья поселилась в Харбине. Здесь же родились дети. Двое умерли. Остались два брата – Всеволод и Вадим.

В Харбине же семью постигло большое горе – умерла мать. К этому времени Василий Иванович распрощался с железной дорогой и перешел работать... в театр. Способности и талант певца-самоучки вскоре оценил весь Харбин. А публика здесь была очень взыскательная, образованная. В 20-е годы на сцене харбинской оперы выступал весь цвет русского оперного искусства. С блеском прошли гастроли великого Шаляпина. Труппа театра на весь мир прославилась великолепными постановками опер европейских классиков. Пробиться на театральные подмостки знаменитого театра удавалось не всем профессионалам. А тут – самоучка.

Любопытно, что Леонид Павлович Маркизов, еще будучи студентом политехнического института в Харбине, не только много раз слушал Василия Ивановича в театре, но и сам, будучи старостой на благотворительных балах, организовывал его выступления. Уговорить знаменитого харбинского бас-баритона Чеусова выступить на балах считалось большой удачей. Его концерты всегда проходили на бис. Репертуар был огромный, в исполнении Чеусова часто звучали арии из опер, романсы, которые пел и прославленный Федор Шаляпин.

Трудно предугадать, как сложилась бы сценическая карьера Василия Чеусова-Чехова, если бы Харбин оставался русским городом в Китае. (Чехов – сценический псевдоним актера, ставший на всю жизнь неотъемлемой частью его фамилии.) Но в 40-е годы от русского Харбина не осталось ничего. Раскидало по разным частям света и Чеусовых.

Старший сын Василия Ивановича – Всеволод – закончил коммерческое училище, а затем японский университет «Кэнкоку Дайгаку». После 1917 года территория, по которой проходила КВЖД, стала предметом притязаний Японии. В конце концов в 30-е годы здесь было создано государство Маньчжоу-го. Оно просуществовало недолго. Но в судьбе Василия Чеусова оно сыграло немалую роль. Дело в том, что он один из немногих русских, кто имеет диплом японского университета, работавшего на территории Маньчжурии. Почти все студенты этого высшего элитарного японского учебного заведения были японцами. Несколько китайцев, корейцев, монголов. В первом потоке было всего трое русских. Один из них – Всеволод Чеусов.

Артисты Харбинского оперного театра после спектакля «Жизнь за царя». Иван Сусанин – Василий Чеусов – второй слева.

Он не только поступил в это высшее учебное заведение, но и успешно закончил его. Это при том, что все предметы преподавались исключительно на японском языке. Всеволод Васильевич говорит, помогло то, что к каждому «иностранцу» прикрепляли «буксир» из числа студентов-японцев. Тот должен был натаскивать подопечного в японском, помогать в быту, при контактах с другими студентами.

С дипломом университета «Кэнкоку Дайгаку» Чеусов поступил на государственную службу. Но поработать удалось недолго. Приход на Дальний Восток советских войск для тысяч русских «зарубежников» обернулся арестом, водворением в лагеря. Не избежал этого и Всеволод Чеусов.

Одиннадцать лет, проведенных им в неволе, – сюжет еще для одной книги о гулаговских временах и нравах. Всеволод Васильевич все эти годы о судьбе отца и брата ничего не знал: переписка бывшим харбинцам была запрещена. В лагерях Чеусов два раза «доходил», чудом выкарабкался, выжил. Несколько раз спасительной соломинкой становились люди и знания из заграничного прошлого.

Лесоповал в Севураллаге. Уже через несколько месяцев Чеусова покинули силы. И лежать бы ему в лагерном рву, если бы не привели этап заключенных японцев. Срочно требовался переводчик. А японский знали единицы. Чеусова назначили бригадиром. Так он остался в живых.

В 1947 году перевели в лагерь «фитилей» – на лагерном жаргоне так называли заключенных, отправленных умирать. Всеволод как-то заметил, что к нему все чаще присматривается пожилой дядечка, повар лагпункта. Однажды тот спрашивает: «А ты часом не Васин сын?» «Да, – говорит Чеусов, – отца Василием Ивановичем звать». «То-то, – говорит повар, – уж больно ты на него похож». Оказалось, говорят об одном и том же человеке. Николай Александрович Волков дружил с Васи-

лием Ивановичем Чеусовым еще в Харбине. Он здорово помог его сыну в лагере. Подкармливал, не давал упасть духом. Волков же научил его многим премудростям жизни за колючей проволокой. Эти знания очень пригодились в дальнейших скитаниях.

В 1956 году комиссия из Москвы освободила Чеусова из лагеря. В справке-бумажке записали, что он осужден необоснованно. Извиниться, конечно же, никто не подумал.

Ехать вчерашнему заключенному было не к кому. Здесь, на строительстве БАМа, под Братском, он и остался жить.

Сразу же начал поиск родных. Первым нашел брата Вадима. Судьба к нему оказалась более благосклонной, он избежал сталинских лагерей, стал музыкантом. В городе Вихоревке братья обосновались, женились, построили себе дома.

От отца долго вестей не было. Братья знали, что еще в 1938 году в составе хора платовских казаков он покинул Китай. Хор гастролировал по Европе, затем пересек океан, артисты осели в Америке.

Василий Иванович Чеусов тоже искал сыновей. А в 1967 году по туристической путевке приехал в Советский Союз. К этому времени он уже знал, что сыновья живут в Вихоревке. Нагрянул к ним. Уже немолодой (80 лет!), но очень живой, подвижный. Севе и Вадиму рассказывал о своей жизни в Сан-Франциско. Жилось нелегко, выступления на сцене и в храмах прокормить не могли, да и случались они все реже. Освоил другую профессию – линотиписта. Работал в типографиях, выпускавших газеты на русском языке. В Сан-Франциско после войны насчитывалось более миллиона русских. Здесь не только выпускались газеты, но и были свои театры, рестораны, целые улицы, заселенные выходцами из России.

Желание воссоединиться с детьми было столь сильным, что Василий Иванович решил приехать к ним жить. Но этому сбыться было не суждено. В 1971 году Чеусова-старшего не стало.

Бывший «японский шпион» Всеволод Чеусов долго оставался невыездным. Но в начале 90-х годов свидание с зарубежными друзьями и родственниками из мечты превратилось в явь. Первым государством, которое Всеволод Васильевич посетил, стала Япония. Одна из существенных черт менталитета японцев – культ студенческих лет и друзей-сокурсников. Уже с первого курса японские студенты создают сообщества однокурсников, затем на протяжении всей жизни устраивают встречи, продолжают дружить. Студен-

Василий Иванович Чеусов.

ты университета «Кэнкоку Дайгаку» не стали исключением. На карте мира давно уже не было государства Маньчжоу-го, но это никак не сказалось на студенческом братстве. Десятки лет они посвятили тому, чтобы найти и устроить встречи со своими сокурсниками из Китая, Монголии, Кореи. А с русскими завязать контакты отчаялись. За 40 послевоенных лет из них не откликнулся никто.

Всеволод Чеусов стал первым русским, кого вновь обрели однокашники-японцы. В Японии ему устроили торжественную встречу, водили из дома в дом, даже оставляли у себя ночевать, хотя в Японии это не принято. Более того, приглашения посетить Страну восходящего солнца стали посылать ежегодно. Уже восемь раз Всеволод Васильевич побывал у радушных, гостеприимных, замечательных японских друзей.

В 1998 году поехал в США. Посетил могилу отца на Сербском православном кладбище Сан-Франциско. Встретился с немногими из тех, кто еще помнил Василия Чеусова по его выступлениям в хоре Платова, в хорах Свято-Троицкого собора и храма Христа Спасителя в Сан-Франциско. Ему подарили газеты с многочисленными некрологами на смерть любимого артиста, а также публикации о триумфальном выступлении Чеусова-Чехова в день своего 80-летия в зале Русского центра. В последний раз на большую сцену Василий Иванович вышел в роли Ивана Карася в опере С.Артемовского «Запорожец за Дунаем». Русскоязычная пресса Сан-Франциско наградила постановку самыми лестными, высокими эпитетами. В заполненном до отказа зале Русского центра в Сан-Франциско не было конца овациям, крикам «бис», «браво». Виновник торжества был особенно растроган, когда на сцену вынесли торт, на котором горели 80 свечей.

Могила В.И.Чеусова на Сербском кладбище Сан-Франциско.

Рассказы Всеволода Васильевича об отце, документы и фотографии, прихваченные с собой, стали для земляков его отца настоящим открытием. Из Выльгорта родом замечательная когорта ученых, общественных деятелей, мастеров на все руки. Теперь к ним прибавилось еще одно имя, еще один талант – оперный певец, любимец публики, талантливый самоучка Василий Иванович Чеусов.

Уже на второй день после приезда в Сыктывкар Всеволод Васильевич оглушил новостью: «Нашел брата!» А на следующее утро привел его в редакцию. Михаил Андреевич Чеусов, казалось, полностью соответствовал родословным записям. У Василия Ивановича был брат Андрей Иванович, с которым он еще долго поддерживал связи из Харбина. Все сходилось: и инициалы, и год рождения. Но Михаил Андреевич сомневался: «Почему же отец ни разу не рассказывал нам о своем уехавшем брате?»

Еще один день, и снова звонок. Сомнения Михаила Андреевича Чеусова, оказывается, не беспочвенны. Он, конечно, родственник, но не двоюродный брат. Узнали, что на одной улице с ними жила семья еще одного Чеусова, и тоже Андрея Ивановича. Настоящего брата Василия Ивановича Чеусова.

До сих пор в этом мире у Всеволода Васильевича Чеусова ни одного двоюродного или троюродного брата или сестры не было. В Выльгорте он нашел-таки дочь своего дяди Андрея. Все сомнения развеяла Евдокия Андреевна Чеусова. Пожилая женщина сохранила доставшуюся от отца фотокарточку. На ней вытиснено: «Город Харбин». На снимке два маленьких мальчика. На обороте надпись: «Брату Андрею от моих сыновей – Севы и Вадима». И подпись: «Брат Василий Чеусов».

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 18 октября 2003 г.)

«Родные мои Чеусовы...»

Этот снимок сделан девять лет назад, во время возвращения из эмиграции всемирно известного писателя Александра Солженицына. Возвращение из Америки для писателя растянулось на много недель. С Дальнего Востока до Москвы нобелевский лауреат ехал на поезде, делал остановки во многих городах России. Одна из остановок была в городе Вихоревке Иркутской области, где Солженицына ждали бывшие узники Востураллага. Эта встреча и запечатлена на снимке. Один из собеседников Александра Исаевича – Всеволод Васильевич Чеусов (на снимке – в черном берете).

Встреча с Солженицыным – лишь одно маленькое, пусть и яркое событие в богатой жизни Всеволода Чеусова. Поразительные, ошеломляющие открытия жителя Вихоревки ожидали и в уходящем году. И не где-нибудь, а в Республике Коми. Об этом рассказывала публикация «Браво, Чеусов!» в октябрьском выпуске «Дыма Отечества» за этот год.

Недавно в редакцию пришло письмо из Вихоревки.

«Мое путешествие в Коми было полно удач, неожиданностей, удивительных совпадений. Как будто некая турфирма подготовила и подарила мне путевку под названием «Поиск родных через век». Даже не верится, что столько разных лю-

дей с фамилией Чеусов включились в этот поиск. Причем все делали это просто, свободно, бескорыстно, как будто мы давно знали друг друга. Это фантастика: уже на второй день пребывания в Коми я нашел своих родственников!

Поразили и родственники, которые даже особо не удивлялись обретению еще одного Чеусова, и тут же тепло, по-родственному стали помогать пробираться мне сквозь генеалогические дебри. Все они милейшие люди, открытые, душевные. Благодаря им меньше чем через неделю я нашел свою двоюродную сестру Евдокию Андреевну, о существовании которой до прошлой осени ничего не знал. Именно у нее и отыскалась фотокарточка, на которой изображен я, еще совсем юный. Снимок был сделан в 1930 году в Харбине, а в село Выльгорт Сыктывдинского района его в том же году отослал мой отец. Так были расставлены точки над «i» в моем поиске родственников.

Дорогие мои родичи из гостеприимной земли Коми, все многочисленные обитатели северного края, кто носит славную фамилию Чеусовых! Шлю вам поздравления с Новым 2004 годом и Рождеством! Всевозможных вам благ: сорок сороков и куль червонцев на мелкие расходы. Подойдет?

Искренне ваш, Всеволод ЧЕУСОВ.

г. Вихоревка,

Иркутская область»

(«Дым Отечества», 26 декабря 2003 г.)

Помяните в Палевицах

Михаил Васильевич Осипов, наш замечательный земляк, был крупным ученым и изобретателем в области создания электронной аппаратуры для авиации и космической техники. Несмотря на недуги, до последнего дня он оставался в строю – работал на предприятии в городе Фрязино Московской области. А умер по дороге на работу, уже на территории завода. Случилось это 10 ноября 2003 года.

Во втором томе энциклопедии «Республика Коми» есть о нем скупые строчки. «Основные работы Осипова посвящены разработке новых методик и исследованию вакуумных, теплофизических и механических свойств материалов для перспективных разработок изделий электронной техники и радиоэлектронной аппаратуры. Он был главным конструктором и научным руководителем свыше 50 научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Большинство разработок, которыми руководил Осипов, внедрены в промышленность. Михаил Васильевич опубликовал свыше 80 научных работ, имеет 12 авторских свидетельств на изобретения. В 1975 году он защитил кандидатскую диссертацию. Награжден медалями ВДНХ».

В последние годы отечественная промышленность перестала поставлять заказы на разработки. Поэтому Михаил Васильевич работал по договорам с Китаем, Индией, другими странами, оставаясь руководителем и ведущим специалистом многих проектов. Как и многие ученые, он тяжело переживал упадок отечественной науки и техники.

Родился Михаил Васильевич 3 августа 1935 года в деревне Гавриловка Палевицкого сельсовета Сыктывдинского района. В 1953 году с серебряной медалью окончил Палевицкую среднюю школу и в том же году поступил на физический факультет Ленинградского университета. Еще будучи студентом третьего курса, он начал заниматься научной работой. Учился у крупнейших ученых современности – академиков В.И.Смирнова, В.А.Фока, С.Э.Фиша, В.М.Тучкевича. Под руководством Тучкевича в стенах знаменитого Физико-технического института им.Иоффе выполнил и свою дипломную работу. Ее темой стало исследование электрических характеристик диффузных кремниевых элементов (солнечных батарей). Собранные Осиповым в 1957 году батареи были поставлены на второй искусственный спутник Земли с собакой Лайкой на борту. Хотя объекты исследования сгорели из-за выхода из строя системы ориентации, сам факт отношения к студенческой работе и ее значение уникальны.

После окончания университета по распределению Михаил Васильевич попал в НИИ электронной техники в подмосковный город Фрязино. Здесь и прошла жизнь. Позже НИИ был преобразован в Государственное научно-производственное предприятие «Исток».

После защиты диссертации в 1975 году Осипов назначается начальником круп-

ной лаборатории. Его исследования по разработке и испытаниям изделий электронной техники сверхвысоких частот (ИЭТСВЧ) широко внедрены в авиационной и космической технике.

Михаил Васильевич всегда трепетно относился к родной Коми земле. Интересовался событиями культуры и искусства в республике, а журнал «Выйвыв кодзув» постоянно находился у него под рукой. Ученый был в дружеских отношениях с писателями Альбертом Ванеевым, Александром Ларевым. Сам был не чужд поэзии, в молодости даже публиковался. Знавшие его люди ничуть не удивились тому, что Михаил Васильевич завещал похоронить его прах в родном селе Палевицы, где нашли последний приют его родители Василий Петрович и Александра Кондратьевна, простые сельские труженики, вырастившие замечательных детей.

Сергей ХУДЯЕВ,
доктор физико-математических наук.
(«Дым Отечества», 21 февраля 2004 г.)

Эпоха Качаловой на Бородинском поле

Электричка с Белорусского вокзала набирает ход. Но еще долго не может вырваться за пределы бесчисленных сооружений, пакгаузов, верениц зданий. Наконец шумная Москва позади. А на остановке, где мне выходить, дыхание гудящей ульем столицы, уже не ощущается вовсе. Разница между шумом и наступившей тишиной столь разительна, оглушительна, что кажется, попала из ада в рай. Вдоль узкой тропинки шелестят березки. Вдали взору открываются ухоженные ландшафты. Еще поворот, и откуда-то вынырнула главка храма. Наконец я у цели. Одно из зданий посреди величественного поля венчает вывеска: «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник».

Музей-заповедник на Бородинском поле – святыня России, ее гордость. Но мало кто знает, что возглавляет этот раскинувшийся на десятки гектаров музей под открытым небом человек, много лет работавший на Коми земле и оставивший на ней яркий след. Это Алиса Дмитриевна Качалова.

Алиса Дмитриевна для многих сотрудников российских музеев – Профессионал с большой буквы, эталон музейщика, настоящий подвижник. Трудно с первого взгляда в этой маленькой хрупкой женщине распознать удивительный сгусток силы, твердости, убежденности в своей правоте. Именно эти качества помогли Алисе Дмитриевне создать на 110 квадратных километрах один из лучших музейных комплексов в мире. Не только создать, но и сохранить. Сейчас подмосковные земли продаются за бешеные деньги. Современные нувороши не останавливаются ни перед чем, готовы захватить и «лакомые кусочки» Бородинского поля. Искушение продать землю велико. Хотя бы потому, чтобы эти деньги направить на восстановление музейных объектов. К сожалению, даже такой музей, как Бородинское

поле, сегодня финансируется по остаточному принципу. Надо знать, сколько директору этого величественного и просторного комплекса требуется выдержки, такта, мудрости, чтобы противостоять натиску сил, окружающих поле. Она стоит, держится.

Алиса Дмитриевна возглавила Бородинское поле в 1979 году. До ее приезда музей-заповедник имел вид забытый, запущенный. Чтобы восстановить поле русской славы, требовалось не просто руководить, а обосноваться на этой земле, вжиться, породниться. Маленькая хрупкая женщина сразу же приняла решение, больше достойное мужчин: она переселилась жить на поле, в небольшой деревянный дом.

За прошедшие 25 лет Бородинское поле неузнаваемо изменилось. Но директор так и не поменяла своего адреса – продолжает жить на поле. Надо ли говорить, что сегодня нет лучшего экскурсовода по этим обширнейшим владениям, чем она. Директор знает тысячи деталей величайшей битвы, рода войск, расположение русских и французов по флешам, редутам, историю сооружения каждого из 300 памятников, стоящих на поле... Благодаря усилиям Алисы Дмитриевны вновь поднялся монумент на батарее Раевского, открытый Николаем I и разрушенный в 1932 году. Восстановлены склеп Багратиона, памятник «Благодарная Россия – своим защитникам», церковь в селе Бородино, Спасо-Бородинский монастырь. Стараниями Алисы Дмитриевны возрождена монашеская община. На поле проводятся всевозможные выставки, конференции. Самое главное – поле воинской славы теперь знают и любят в России. Ежегодно в первое воскресенье сентября в Бородино вновь и вновь воссоздается историческое сражение. На грандиозный праздник съезжаются гости со всего мира. Многие из участников баталий борются за право попасть на Бородинское поле со своими костюмами, экипировкой, воссозданными по образцам 1812 года. Душой всех этих праздников является Алиса Дмитриевна.

Истоки этой цельной, решительной, созидающей личности – на Коми земле. Отправной точкой для Алисы Качаловой является Воркута. В начале 60-х годов она стала основателем музея в заполярном городе и первым его директором. В Воркуте же она возглавила отдел Географического общества СССР. Коми филиал этого общества находился в Сыктывкаре, его председателем была Валентина Александровна Витязева. Коллеги неоднократно встречались. По рассказам Валентины Александровны, силе обаяния, организаторскому таланту Алисы Дмитриевны позавидует любой. Причем талантлива она во всем. Стоило как-то в магазине Качаловой увидеть фигурку животного из глины, она тут же «заразилась» идеей попробовать самой лепить зверюшек. Мечту в долгий ящик не спрятала. Неделю спустя принесла Валентине Александровне глиняную фигурку веселого чертика. Позже подарила еще несколько чертенят – очень разных, но веселых, добродушных. В своем увлечении Алиса Дмитриевна преуспела. Вылепленные ею из глины маски и фигурки теперь являются достоянием музейных коллекций.

В 1970 году Алису Дмитриевну пригласили возглавить Коми республиканский краеведческий музей. Восемь ярких лет, когда она руководила музеем, ее бывшие коллеги называют «эпохой Качаловой». По словам бывшего научного сотрудника Ирины Забоевой, штат музея в те годы был совсем крошечный, на планерках все могли свободно разместиться в небольшом кабинете директора. А сколько успевали дел переделать! Инициативный, требовательный директор не только была

генератором идей, но и сама ни минуты не сидела сложа руки. С полной отдачей, помноженной на вдохновение, трудились и сотрудники музея. Экскурсия за экскурсией, череда выставок – стационарных, передвижных, выпуск проспектов, круговорот лекций – по селам, буровым, многочисленные поездки по России с изучением опыта работы других музеев... А потом директору провинциального музея пришло приглашение возглавить российский музей.

Алиса Дмитриевна – бесконечно занятой человек, в ней роятся и гнездятся новые идеи, замыслы, планы. И вместе с тем она очень жизнерадостна, радушна для всех своих многочисленных гостей. Друзьям и знакомым из Республики Коми в ее доме – особый почет. Она прекрасно всех помнит, осведомлена о нынешней культурной жизни северной республики, интересуется всем и вся. Ее ответный приезд к нам, в Коми, стал бы для всех, кто помнит и любит ее, дорогим, долгожданным подарком.

Майя БУРЛЫКИНА,
директор Музея истории просвещения Коми края.
(«Дым Отечества», 21 февраля 2004 г.)

«Мне уже некогда ждать...»

В 2003 году исполнится 95 лет со дня рождения известного коми прозаика, народного писателя Республики Коми Геннадия Александровича Федорова. На нынешний же год приходится и другая знаменательная дата – 165-летие со дня рождения основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова.

Два имени, два юбилея... В судьбах этих талантливых людей есть несколько точек соприкосновения. Геннадий Федоров доводился первому коми поэту правнучатым племянником. Его бабушка, Александра Афанасьевна, была крестной дочерью Куратова. В семье Федоровых чтили и помнили поэта. Совсем не случайно Геннадий Федоров стал автором первого в коми литературе романа о жизни Куратова «Востым» («Зарница»). К сожалению, на родине выдающихся литераторов их юбилеи, скорее всего, пройдут тихо, в узком кругу почитателей.

Геннадий Александрович и Надежда Осиповна Федоровы.

В конце 80-х годов я стала заниматься сбором материалов о своей родословной. Корни мои восходили к роду, из которого вышел и первый коми поэт. В это же время я узнала о наших пересекшихся родовых корнях с известным коми прозаиком Генна-

дием Федоровым. Обратилась к нему. Принял писатель меня очень радушно, рассказал все, что знал о своих предках. А в 1989 году состоялась еще одна встреча с Геннадием Александровичем и его супругой Надеждой Осиповной. Она была второй женой писателя. Его первая супруга – Анна Николаевна Федорова (урожденная Холопова), известный литературовед, автор первой монографии о жизни и творчестве Куратова, ушла из жизни в 1974 году.

К сожалению, наше общение с Геннадием Федоровым вскоре оборвалось. Второго января 1991 года писателя не стало. Помню, как после смерти мужа Надежда Осиповна предложила собрать и издать сборник воспоминаний о нем. Тогда по горячим следам идею с радостью подхватили. К сожалению, жизнь так круто изменилась, что погребла под собой множество интересных задумок. Вскоре из Сыктывкара в Киргизию, ближе к родным, перебралась жить и спутница Федорова по 16-летней совместной жизни – Надежда Осиповна. Все эти годы мы переписываемся. Несколько лет назад она вместе с близкими переехала жить в Израиль. Но связь с Коми землей не потеряла. Здесь остались многочисленные друзья, со многими из них она переписывается. Мысли, хлопоты, волнения Надежды Осиповны связаны с изданием творческого наследия Геннадия Федорова. Несмотря на расстояния и границы, в ее письмах сквозит неподдельный интерес к Коми краю, живой отклик на все происходящее у нас.

Анна МАЛЫХИНА,
руководитель родовой общины потомков
репрессированного духовенства Коми края.

02.01.1993 г., г.Фрунзе.

Рада была получить от Вас, Анна Георгиевна, весточку. Правда, и я виновата, давно Вам не писала. Долго и тяжело болела. Пережитое не прошло даром – начались сердечные приступы. Лечусь таблетками, которые остались от Геннадия Александровича (он и после смерти мне помогает), ведь в аптеках ничего нет, да и дорого. Сегодня для меня мучительный и страшный день – два года назад ушел от меня незабвенный супруг и друг. Эта утрата усугубляется еще и тем, что не могу приехать и посетить его могилу, поклониться его праху и попросить прощения, что уехала из Сыктывкара, о чем сейчас очень и очень жалею. Очень трудно смириться с потерей такого человека, каким был Геннадий Александрович. Пишите мне, с радостью отвечу. Вы ведь родственница моего Геннадия Александровича, а значит, и моя. Кстати, я уже дважды прабабушка (еще одно напоминание о моей старости). Целую, Надежда Осиповна.

20.02.1993 г., г. Фрунзе.

...Было время, когда я работала в газете, начала учиться в институте журналистики, но помешала война, эвакуация и т.п. Пришлось заниматься тем, что помогало выжить. Рада за то, что продолжаете заниматься родословной Геннадия Александровича. Конечно, я очень жалею о своем выезде из Сыктывкара, но тогда я не могла себе представить, что не смогу приезжать навещать могилу моего незабвенного Геннадия Александровича. Ведь за эти два года перевернулся весь нами созданный мир – развалилась такая огромная дружная страна, вдруг я оказалась «за границей», и приезд в Сыктывкар для меня теперь недосягаем не только по нынешним ценам, но и по здоровью.

10.09.2000 г., г.Ашкелон (Израиль).

Задолго до начала подготовки к 90-летию Геннадия Александровича я писала всем об установлении мемориальной доски и издании на русском языке дилогии о Куратове «Зарница» и «Вдали от родины». Вначале меня Союз писателей и Управление печати обнадежили, а затем, когда нагрянули юбилеи Куратова и Федорова, мне сообщили, что из-за издания книги стихов Ивана Алексеевича Куратова денег на издании дилогии Федорова о Куратове нет. Живу с семьей дочери, внучкой и правнуками, всего нас в квартире 8 человек. Мне, конечно, нелегко, но приходится мириться. Здоровье у меня неважное, мучают старческие болячки, и иногда без помощи дочери мне не обойтись. Привыкать к капиталистическому Израилю очень трудно.

05.12.2000 г., г. Ашкелон.

... В Израиле живут не только евреи, много русских, украинцев, белорусов, испанцев, марокканцев, эфиопов... Российские артисты продолжают приезжать с концертами и спектаклями, радуя нас и радуясь тому, что им сейчас есть куда приезжать на гастроли. Я продолжаю писать и требовать издания дилогии Геннадия Федорова о Куратове на русском языке. Это мой стимул к жизни...

02.01.2001 г., г. Ашкелон.

Сегодня исполнилось 10 лет со дня смерти Геннадия Александровича. Для меня этот день очень тяжелый еще и тем, что не могу сходить на его могилу, поплакать и попросить прощения за то, что не могу добиться издания дилогии о Куратове на русском языке, которую он не сумел увидеть при жизни. Издание этой книги необходимо, так как это история культуры коми народа, и молодежь должна ее знать. Видимо, я все же задела своими письмами нынешнего заместителя Главы республики, и в ноябре он мне прислал письмо с оправданием причин неиздания дилогии, в конце написал: «Мы высоко ценим Ваше внимание к этому вопросу и искренне надеемся на скорое его разрешение».

04.02.2001 г., г.Ашкелон.

Получила от заместителя Главы Республики Коми ответ по поводу получения моей заявки и аннтотации к дилогии, которые я отправила ему, в Союз писателей, в Управление печати и в издательство 7 ноября 2000 года с просьбой издать дилогию к 95-летию со дня рождения Геннадия Александровича в 2004 году. И вот что он мне написал: «При формировании госпрограммы Республики Коми по выпуску социально значимой литературы она (т.е.заявка) будет рассмотрена. Думаю, что вопрос будет решен, и к 95-летию со дня рождения Геннадия Федорова книга будет издана». (Слово «будет» повторяется трижды.) Мне очень помогли из объединения «Коми котыр» Троицко-Печорска, особенно Лидия Федосеевна Бажукова, присылающая мне копии всех документов, отправляемых правительству с ходатайством об издании дилогии Геннадия Федорова. Без их помощи вряд ли мне удалось бы чего-нибудь добиться.

20.05.2001 г., г.Ашкелон.

Извините меня, пожалуйста, за то, что не смогла Вам сразу ответить на письмо. Получила я Ваше послание, будучи в больнице, куда попала с инфарктом. Состояние было очень тяжелым, поэтому пришлось согласиться на шунтирование, которое делали дважды (в первый раз сумели расширить только один сосуд, а нужно было два). Благодаря этим двум нелегким операциям мне продлили жизнь, но до сих пор самочувствие у меня неважное.

10.12.2001 г., г.Ашкелон.

Большое спасибо Вам за доброе письмо и прекрасную открытку-икону ко дню моего юбилея! У меня юбилей был не только грустным, но и печальным. Мало того что я болела с марта месяца, пережив четырежды шунтирование, тяжело заболела сестра, сгорев в течение месяца от рака желудка. Ее смерть меня снова подкосила, и почти все лето я не вылезала из больницы. Сейчас я уже дома, но на улицу выйти не могу – мучают сердечные приступы. Принимаю кучу лекарств, но сердце, видимо, из-за возраста и пережитого не хочет или не может прийти в норму. Меня очень обрадовало известие о том, что Нине Никитичне Куратовой присвоено звание «Народный писатель». Она давно его заслужила.

20.01.2002 г., г.Ашкелон.

...С большим вниманием я прочла присланный Вами буклет в память новомучеников и исповедников. Людей, невинно погибших, нельзя забывать, особенно молодому поколению. В Израиле, в Иерусалиме, есть музей, где постоянно звучат имена евреев, погибших во времена холокоста от рук фашистов. Туда специально везут экскурсантов, особенно молодых, чтобы не забывали и чтили память тех, кто невинно пострадал.

16.04.2002 г., г. Ашкелон.

Время неумолимо бежит, и приближается наш очень в свое время долгожданный праздник – День Победы, с которым и тороплюсь Вас поздравить. К сожалению, убедилась, что у Вас там культурой заниматься никто не будет. Пришла весна, и все возрождается, надеюсь, что и самочувствие всех больных, в том числе и мое, улучшится. Стала выходить и греться на солнышке, надеюсь на его благотворные лучи. Глотаю много таблеток, без них сердце не хочет работать. Обстановка в стране напряженная, но, несмотря ни на что, гастроли российских артистов не прекращаются.

05.05.2002 г., г. Ашкелон.

...Я начиная с 1997 года пишу всем чиновникам об издании дилогии о Куратове на русском языке, но все бесполезно. Конечно, я далеко и не могу напомнить о том, кто был Геннадий Александрович и что он сделал для культуры Республики Коми и ее народа. Разве это не обидно? Очень хочется еще что-то сделать для увековечения памяти Геннадия Александровича Федорова, ведь если я сейчас это не сумею сделать, после меня вряд ли кто-нибудь о нем вспомнит...

17.09.2002 г., г. Ашкелон.

...Вашими молитвами я прожила еще год и надеюсь, что они мне помогут дожить до выхода книг Геннадия Александровича к его 95-летию со дня рождения в 2004 году. Это мне обещал новый заместитель Главы РК. Верила прежним обещаниям, но это обещание, думаю, будет выполнено – мне ждать уже некогда. Вот уже год, как нет моей сестры, но в мыслях она у меня всегда, ведь только с ней я могла поговорить обо всем, что меня беспокоит. Ни дочь, ни внуки уже меня не понимают, они живут своими заботами и проблемами, тем более что приходят после тяжелой работы уставшие, и им, естественно, не до меня. Но я благодарна дочери за то, что во время болезни она была рядом и делала все то, что не сделает ни одна медсестра, да и теперь, когда бывает плохо, старается помочь чем может...

10.02.2003 г., г. Ашкелон.

Спасибо за письмо, благодаря Вам я узнаю самые последние новости, помогающие мне ориентироваться в постоянном перемещении в Республике Коми должностных лиц.

23.03.2003 г., г. Ашкелон.

Недалеко от Израиля война, и мы ради нашей безопасности должны везде носить противогазы. Но жизнь в стране, на удивление, проходит нормально, нет паники, работают все магазины, с обилием продуктов, фруктов и овощей, все предприятия и учреждения, школы и детсады, радио и телевидение – круглосуточно, с ежечасными новостями. Очень хорошо работает русский телеканал «Израиль+», на котором работают все наши знакомые артисты и телеведущие.

18.04.2003 г., г. Ашкелон.

Для нас нынешняя Пасха – праздник вдвойне: война с Ираком нас не коснулась, и уже объявлено, что опасность миновала и противогазы можно спрятать подальше. Но, к сожалению, из-за всего этого сейчас страна в экономическом кризисе, и мы это уже почувствовали: все подорожало, ко всему многих увольняют, и безработных стало больше. Вот такие парадоксы – общая радость, а многим и печаль, ведь пособие по безработице платят только шесть месяцев, а еще труднее тем, кому больше 45 лет. А на пенсию здесь женщины будут уходить с 62 лет, а мужчины с 67 лет. Это по новому закону. А у меня все по-прежнему – пошаливает сердце.

30.04.2003 г., г.Ашкелон.

Моя просьба об издании дилогии Геннадия Александровича о Куратове, видимо, повисает в воздухе. Я об этом сужу и потому, что мои письма остаются без ответа. Очень жаль! А у нас в Израиле 28 и 29 апреля Дни памяти погибших евреев во времена холокоста. Вечером 28 апреля было торжественное поминовение, а 29-го в 10 часов утра в память о погибших завыла сирена, и все замерло на пять минут. Вчера вечером по нашему новому русскому каналу показали фильм «Бабий Яр» с участием Элины Быстрицкой. Наревелась вдоволь, ведь и моя бабушка, и многие родичи погибли так же...

02.11.2003 г., г.Ашкелон.

В конце сентября мы встретили Новый год по еврейскому календарю, позади остались почти все осенние праздники, а на улице пока еще тепло, и ходим в летних одеждах. Какой благодатный край! Рада была с Вами поговорить, поделиться своими мыслями. Здесь у меня друзей нет, поэтому единственная радость – пообщаться в письмах...

18.12.2003 г., г.Ашкелон.

У меня все по-прежнему. Один день похож на другой. Казалось бы, время должно тянуться, а оно улетает. Живу с одной думой – дождаться издания последней книги Геннадия Александровича об Иване Куратове.

(«Дым Отечества», 21 февраля 2004 г.)

СОКРОВЕННЫЕ СТРОЧКИ

«Небо одно, шинель одна, земля одна...»

Воспоминания солдата Александра Юркина

Великая Отечественная война изучена, собрана, обобщена в многочисленных мемуарах, в многостраничных документах, в многотомных исследованиях... А на другой чаше весов рядом с ними – фронтовые дневники и письма. И то, и другое – бесценно. И все же крохотные, пожелтевшие от времени бумажки ценнее первых. Мало их осталось. Все вместе они нанизаны на живую нить. Боли, терпения, любви, ненависти... Перед вами еще один сокровенный документ военной поры. Это странички из дневников сыктывкарского солдата Александра Юркина. Александр Васильевич дошел до Берлина. Испил до дна чашу солдатских невзгод. Поразительно, как он находил время и силы, чтобы запечатлевать мгновения войны. После войны часть его записей потерялась. Он восстанавливал их по памяти. Хотел, чтобы подраставшие сыновья прочли его рассказы. Писал дневники и после войны, когда сменил солдатскую шинель на мирную профессию торгового работника. Очень надеялся, что простор для мыслей наступит после выхода на пенсию. Пережитые невзгоды и трудности не оставили для этого времени. Автор фронтовых дневников умер в 1984 году. Его жена Антонина Варфоломеевна Юркина накануне Дня Победы передала их в редакцию.

Война! Народ стоит под репродукторами изо всех сил напрягая слух, чтобы уловить каждое слово. Кругом слезы, крик, рев – все смешалось. Появились и «герои» своего рода. Один хвастун, наш сосед, выхвастывал по пути, когда провожала его семья и другие родные, что, мол, «попадет пуля в руку – отшвырну, в ногу – пну, а в голову попадет – сама соскочит»...

Александр Васильевич Юркин. 1946 г.

Во вторую военную весну остались у нас в Слободе одни женщины и дети, всех мужиков забрали на фронт.

Осенью меня призвали на всеобуч. Учил кадровый командир (без ноги), но недолго он был военруком, запьянствовал и застрелился, хотя в общем парень был славный.

Зимой нас, как заправских вояк, стали учить военному делу, как убивать людей.

* * *

Лето 1943 года. Рост мой невелик, всего-навсего 148 см. И весом был обижен, ведь росли почти на голодном пайке, недоедали, недосыпали. Плачет мама, плачет сестра, но я еще не чувствовал и не представлял, что такое война. Почти деревенский, забитый парень и вот – иду на фронт.

После принятия военной присяги направили в военный порт. Недалеко от нас англичане разгружали вагон со своим продовольствием. В деревянных бочках у них были замешены в сахарном песке галеты, и вдруг они выронили с трапа одну бочку. Она разбилась. Наша «братва» бросилась подбирать рассыпанные галеты, и получилась свалка. После оказалось, что англичане столкнули бочку нарочно. Они сверху смотрят на нас, кричат, смеются, фотографируют.

На фронт я ушел ефрейтором.

Поселили в лесу – прощай, солдатская постель и военная казарма! С этого момента матрацем стала шинель, подушкой – шинель, одеялом – шинель, а крышей – небо. Небо одно, и шинель одна, и земля одна.

* * *

Взводного командира у нас не было, но перед выходом в бой назначили одного молодого, неопытного, не понюхавшего еще пороха, даже еще борода не росла у него, а были вместо бороды одни пушинки, и был он на год старше нас. «Разве он командир?» – думали мы.

Дивизия отправилась к передовой. Путь был очень трудный, жара невыносимая. Нагрузили на меня винтовку, две гранаты, 50 штук патронов, лопату, противогаз, шинель и вещмешок. Был там и НЗ – неприкосновенный запас, сам голодный, а не смеешь дотронуться до него. Впервые испытал, как можно спать на ходу: ноги двигаются, а сам спишь.

В местечке Н. нас предупредили, что передовая уже близко, чтоб мы готовились к бою. На сердце неловко, что-то скребет, или молодость, или глупость, или трусость, но скребет.

Надо форсировать речушку, есть мост, но к мосту нельзя было пройти, про-

тивник бил, просто спасу не давал. И вдруг крик: «Немцы!» Оказалось, что немцы были и сзади, но наш взводный растерялся, не зная, что делать, кричит: «Ложись!» – и сам первый бросается в яму. Впоследствии оказалось, что в тылу были только три мотоциклиста, они сразу же повернули и удрали.

* * *

Шли многие дни через Смоленскую область, затем Калининскую, все кругом было разорено и разбито. В деревнях торчали только печные трубы.

Что я понимал тогда? Все мы были, как толпа баранов. Вели нас, а куда? Тут еще командир сам неопытный, не обстрелянный. Из-за неправильных его действий погибло много рядовых. Об этом знало и высшее командование, но не принимали никаких мер.

Однажды при форсировании реки шириной около 30-35 метров, но не очень глубокой, командир дал приказ наступать. Батальон с криком «ура!» бросился вперед. Немцы застрочили из пулеметов, и погибли десятки солдат в реке, не добравшись до другого берега.

Я думаю, можно было по-другому этот бой выиграть. Вечером в темноте вплавь перебраться тихо и спокойно. Навести панику на немцев, они это очень не любили, тем временем перебраться остальным и дать немцам жару – меньше было бы жертв и больше удачи.

* * *

Однажды при отступлении меня оставили с одним молодым солдатом в дозоре в лесу, и мы с ним оказались в окружении. Как выбраться? Немцы впереди, сзади них танки. Наши танки, которые стояли на опушке леса, 8 штук, все сгорели. И как-то два танкиста оказались возле нас. К вечеру того же дня, к счастью, наткнулись на своих. Оказалось, совсем мало людей осталось во взводе. В роте, где я служил при формировании и вступлении в бой, было 144 бойца. Через месяц боев осталось 17 солдат.

Встретился как-то тот танкист, с которым вместе выходили из окружения – Саша Зоткин, сибиряк. Отправились с ним к его командиру. Он принял решение оставить меня при его части. Поставили на довольствие, дали сапоги (в пехоте все время ходили в ботинках). Так я стал служить в отдельной танковой бригаде.

В первое время все давалось с трудом, так как силенок не хватало, рычаги же танковые требуют большой силы и ловкости. Но постепенно я всему научился.

На харчах танкистов я быстро стал поправляться. Разведчики получали дополнительный паек. На одного разведчика выдавали масло сливочное, печенье, курящему – папиросы, часто выдавали спирт. В танковых частях народ дружный, спаянный, я нашел среди них настоящих товарищей.

* * *

Наши войска продвигались вперед с боями. На самой границе Белоруссии и Литвы была маленькая речушка, за которой укрепились немцы. Погода паршивая, глина, грязь, машины буксуют, танки вязнут по башню, орудия утопают, подвоз боеприпасов прекращен, питание отсутствует. И вот в такой момент осенью 1944 года был отдан приказ наступать. И пошла свалка.

Наши войска пододвинули всю технику к переправе, и в тот самый момент прилетели немецкие самолеты. Я насчитал 58 бомбардировщиков. Колонна горит, кони ржут, люди стонут, дым, копоть, огонь, взрывы! Я ощупал себя, вроде

живой. Оглянулся на белый свет… Все как при большом урагане. На ивняках нет ни одного листочка, а на ветках висят и кишки, и тряпье.

Прошли Оршу, Борисов, Минск. Были трудности, местами страх брал, но куда лучше воевать и куда смелее воюется при хороших товарищах. За взятие города Добеле и станции Дене наградили меня медалью «За отвагу».

* * *

Редко случалось такое удовольствие, как баня. Однажды разведчики во главе со старшиной решили вымыться как следует. Дело было к вечеру, баня готова. В первую очередь отправились «старички», семь человек. И что же придумал радист Иван Сальников?

Было у нас немецкое обмундирование, и он посоветовал троим бойцам переодеться в немецкую форму. Сам остается в предбаннике, забирает все вещи моющихся, прячет их, троих направляет в парилку. Там люди только разжарились, и вдруг «немцы»: «Хенде хох!» Темно, голых гонят куда-то. А тут, на грех, заместитель командира батальона по политчасти узнал, что разведчики баню сделали, а он тоже любитель попариться был, немного задержался и пришел как раз в тот момент, когда люди голые стоят, а за ними три немца с автоматами. Он кричит: «Тревога!» После этого разговор пошел по всему полку, а потом узнала и вся бригада. Смеху было! Но этот смех оказался перед большим горем.

На другой день приказ: двинуться дальше. Немного подморозило, погода ясная. Меня посадили водителем на американскую машину. Ее нельзя назвать танком, потому что пушка была 37-миллиметровая, два пулемета и гусеница только на ведущих колесах, передние же были из цельной резины. И вот на такой «гроб» посадили вместе со мной 12 человек и направили на передовую. В том бою потеряли мы командира полка полковника Мацуру, который был душа и герой всего полка.

* * *

Полк вошел в первый немецкий город Нойденбург.

Город взяли без единого выстрела. На первый взгляд – удача. Дома все целые, богатство все на месте. Солдату-вояке что надо? Во-первых, покушать плотно и если есть возможность – выпить. Перед выходом на немецкую границу подписали все бойцы и командиры воззвание мстить фашистам за гибель, убийства, насилия, грабежи и угнетения. Бойцы должны эти обещания выполнять. Город через час пылал в огне. Все тянут кто что, целыми ящиками натаскали коньяк, яиц, мед.

Назавтра команда: «По машинам!» Приказ один: «Вперед!» А надо было обмозговать: раз немцы вышли без боя из города, то они должны где-то занять рубеж и обороняться, устроить засаду.

Отъехали примерно два километра, и тут залпом как бабахнут по колонне. Первая машина загорелась, поворачивать некуда, справа и слева – рвы и впереди противотанковый ров. Влипли. Вспыхивает и последняя машина. Немец строчит из пулемета, не дает головы высунуть. Мой танк еще цел. Повернуть нельзя, назад нельзя, все горит.

Но выскочили.

Вечером подошло подкрепление: пехота, артиллерия и танки. Всех оставшихся в живых посадили на танки, и – вперед, на выручку тех, кто остался в окружении.

За одни день, который наши бойцы провели в плену, как только над ними не издевались! Кололи глаза, обрывали ногти, у кого были ордена, на их месте, на теле, вырезали знаки, вешали на одной ноге вниз головой. Я видел во время войны много ужасного: встречались сгоревшие в зданиях по 100 с лишним человек, как угольки, встречались такие убитые, над которыми издевались немцы, встречались и те, которые умерли с голоду. Но такое издевательство встретил впервые.

39 человек там похоронили, на земле врага. В полку остались в живых 82 бойца. Машин целых только четыре.

* * *

После варшавских боев мне вручили медаль «За отвагу».

В последнее время я вырос, стал поправляться, сменился голос, подход к людям.

После Гдыни и Цопота нашу танковую бригаду направили на Берлин. У бойцов и командиров настроение радостное, все веселые ходят, появились во взводах и ротах аккордеоны и гармошки. С питанием стало лучше. Попадали целые заводы спиртные. «Русский Иван» как заберется туда, дует просто из котелка. Немец пьет из рюмочек, если средний палец вставить в эту рюмку, то не поместится.

* * *

6 мая 1945 года. Встретились с американцами. Последние дни в разведку почти не ходили. «Языка» достать стало просто, иногда они сами приходили, рассказывали все любому солдату. Случалось сдавались ротами, даже целыми полками.

К вечеру подошли еще наши войска: мотопехота, артиллерия и другие части. Все переоделись в новое обмундирование. Как же, встреча с союзниками! Американцы очень разгульный народ, ведут себя свободно, вроде и не в армии. Было много негров среди них, народ этот крупный, белозубый.

День Победы 9 мая встретили в местечке. Тут уж дали волю: гуляли с утра до поздней ночи. Выпили сколько хотели, а на завтра опять все пошло своим чередом.

Подготовила к печати Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 8 мая 2002 г.)

Письма из довоенного времени

Письма. Самые пронзительные, трепетные документы человеческой жизни и ушедшего времени. Они же самые недолговечные и самые редкие. Каждая связка сохранившейся переписки – не только окошко в историю, но и в души ушедших из жизни людей. Самое незамутненное, ясное, сокровенное оконце.

Письма Вилена Васильева к матери Рише Давыдовне Аснович, которые вы прочтете на этой странице, подтолкнули нас к откры-

тию на страницах «Дыма Отечества» рубрики – «Сокровенные строчки». Здесь увидят свет и другие письма, адресованные близкими людьми друг другу в разные периоды нашей истории. Надеемся, что наши читатели, как всегда, и здесь помогут советом, делом, новыми адресами.

Риша Давыдовна Аснович.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 05.02.38 г. Аснович Риша Давыдовна была осуждена как жена репрессированного и сослана в ИТЛ на 6 лет. Отбывала срок в Потьме, в лагерях на территории Республики Коми. Реабилитирована 9.12.55 г. Умерла в возрасте 87 лет в Киеве.

Переписка взята из книги «Евреи в Республике Коми», которая готовится к изданию в сыктывкарском издательстве «Эскём». Автор-составитель книги – В.Полещиков. Письма подготовлены к публикации родственником Р.Д.Аснович – А.Е.Бернштейном. К сожалению, из-за ограниченной газетной площади письма печатаются с большими сокращениями.

«Здравствуй, дорогая моя и любимая мамочка!

Дорогая мамочка, мы все живы и здоровы, чего и тебе желаем. Мамочка, мы получили твое письмо, за которое мы тебе очень благодарны. Кажется, невозможным обыкновенным пером на обыкновенной бумаге описать тот восторг, ту радость, которой было охвачено все наше семейство при получении твоего письма, но я постараюсь описать чтение твоего письма. Дело было так: я играл у товарища, вдруг приходит бабушка и зовет меня домой, дома она мне дала твое письмо, и я с радостью принялся читать его, с первых строк я узнал, что ты жива и здорова, после этого не было предела моей радости, с радостью я дочитал письмо до конца, от радости слезы на глазах выступили, хотелось плакать и смеяться, но было стыдно, и я сдержал слезы, но зато дал полную свободу радости. Весь этот день прошел для меня радостно, этот день для меня останется одним из самых веселых дней в моей жизни. До скорой встречи! Любящий тебя твой сын Виля.

1939 г.»

«Здравствуй, дорогая моя и любимая мамочка!

...Мы также живы и здоровы, чего и тебе желаем. Скажу тебе, что чувствую себя отлично. Гуляю, бегаю, купаюсь, загораю, читаю много книг, хожу к товари-

щам. Товарищей у меня много, но лучших товарищей у меня трое, один из которых вне Орши, и я веду с ним переписку. Во время учебы я был записан в школьной библиотеке, там я прочитал много интересных книг, из которых мне больше понравились книги «Я люблю» Авдеева и «Борьба за огонь» Рони-старшего. Сейчас я записался в городскую библиотеку, а там взял книгу «Рассказ о моей жизни» Водопьянова. Кроме того, я читаю «Хаджи Мурата» Л.Толстого. Я хожу в кино. Последней картиной я видел «Руслана и Людмилу» по поэме Пушкина. Я думаю прочесть еще раз эту поэму и сравнить ее с кинокартиной. Мам, у нас уже поспевают вишни и малина. Я жду с нетерпением, когда поспеют яблоки. Но так как ждать приходится очень долго, то я иногда (неразборчиво) и непоспевшие яблоки. Будь здорова. До скорой встречи. Пиши почаще. Любящий тебя твой сын Виля.

1939 г.»

«Дорогая моя и любимая мамочка!

Нас очень удивляет то, что ты не получила от нас ни одного письма.

Мамочка, ты спрашиваешь о моем здоровье. Можешь быть спокойна, ибо я нахожусь в таких условиях, при которых плохо чувствовать себя невозможно, и всем этим я обязан дедушке и бабушке, ибо они меня воспитывают, кормят и одевают. В общем, обо мне не беспокойся, а заботься о своем здоровье и благополучии. Пиши почаще, как можешь и сколько можешь. До свидания.

Любящий твой сын Виля.

16.08.39 г.»

«Здравствуй дорогая и любимая мамочка!

Мы все живы и здоровы. Послали тебе три письма (это четвертое). На каждое твое письмо мы отвечаем ответным письмом и посылкой. Задержка писем и посылок происходит, по-моему, у вас. Ты сходи к тем, кто выдает вам посылки, и узнай, не прибывала ли от нас посылка. Мы шлем и будем слать, а ты добивайся, узнавай, прибыло ли кое-что от нас.

Мамочка, скоро начнется учебный год, и я обещаю тебе учиться хорошо. Ну, будь здорова. Жду не дождусь того дня, когда встречусь с тобой. Виля.

25.08.39 г.»

«Здравствуй, дорогая моя и любимая мамочка!

8 ноября у нас в школе был вечер, посвященный 22 годовщине Великой Октябрьской революции. На нем я говорил собственное стихотворение.

Мамочка, ты о нас не заботься, заботься только о себе. Напиши сама прокурору, так делают многие, а мы тебе будем помогать, как можем.

Целую тебя крепко. До скорой встречи! Виля.

Январь 1940 г.»

«Здравствуй, дорогая моя и любимая мамочка!

Мы получили от тебя сегодня второе письмо из Коми.

Вчера я был в кино, смотрел довольно хорошую картину «На границе». Дедушка и бабушка живы и здоровы и чувствуют себя хорошо. Попроси, чтобы тебе передали посылку. Напишу тебе, что в ней находится: 1 кг сала, 1 кг колбасы, банка масла, банка варенья, 2 кг сахара (1 кг в пачке, 1 – в мешочке), ситцевое платье… Мы сделаем все, что в наших силах, для того чтобы тебе помочь. Будем надеяться на скорую встречу. Твой сын Виля.

12.01.40 г.»

«Здравствуй, дорогая моя и любимая мамочка!

Мы все живы и здоровы, чего и тебе желаем. Сейчас готовлю доклад по биографии Ленина. Тема моего доклада «Детские и школьные годы Ильича». Кроме того, я пишу на эту же тему статью в газету.

Мамочка! Я позавчера смотрел кинокартину «Ошибка инженера Кочина» по пьесе «Очная ставка». С большим уважением и любовью смотрю я на наших чекистов Лавренко и Ларцева. Они на деле показали силу, упорство и энергию советских чекистов. С презрением и ненавистью смотрю я на шпиона Галкина. С уважением смотрю я на инженера Кочина, который сделал грубую ошибку, взяв чертежи самолета на дом, что помогло врагам переснять их, но он кровно предан своей Родине, своему народу.

До скорой встречи. Твой сын Виля.

19.01.40 г.»

«Здравствуй, моя дорогая и любимая мамочка!

Мамочка, почему ты не пишешь? Напиши от своего имени в Москву к прокурору. Мы узнали, что твое дело в Москве и уже разбирается прокуратурой. Надеемся на скорую встречу. Я скажу тебе словами Пушкина, что «несчастью верная сестра, надежда...».

До скорой встречи! Надейся, мужайся, борись! Любящий тебя твой сын Виля.

06.02.40 г.»

«Здравствуй, дорогая мамочка!

Мамочка, посылку, посланную в Косья Вом, мы получили обратно. На крышке была наклеена бумажка, на которой было что-то написано, бумажка была потерта и порвана, так что мы разобрали только... «месту подачи... прекращено...» и печать.

Мамочка, о нас не беспокойся. Мы обеспечены всем необходимым. До скорой встречи. Целую крепко-крепко-крепко. Твой сын Виля.

25.06.40 г.»

«Здравствуй, дорогая мамулька!

Отдыхаю, загораю, читаю. Из книг мне больше всего понравилась «Закономерность» Вирты, такая интересная, так просто написана, так легко читается. Я эту книгу читал запоем, за три дня прочел все три журнала. Мамочка, ты пишешь, чтобы я читал классиков. Знаешь ли, я их не очень уважаю. Пушкина я почти всего прочел, Толстой для меня кажется трудным. Но теперь я обязательно возьмусь за классиков. Любящий тебя твой сын Виля. Будь здорова, мамулька! До скорой встречи. Целую тебя крепко-крепко!

14.07.40 г.»

«Дорогая мамулька!

Относительно пересмотра твоего дела я тебе толкового ничего не могу сказать. Ведь не только твое дело разбирается в прокуратуре или в ОСО, есть много таких, как ты, и поэтому все это так долго разбирается. Но рано или поздно мы с тобой увидимся! Так должно быть и так будет у нас в Советской стране. До скорой встречи. Целую тебя крепко-крепко. Твой сын Виля.

17.07.40 г.»

«Вчера наш драмкружок выступал в гор. театре на комсомольском собрании, посвященном 26 годовщине МЮДа. Я участвовал в двух номерах программы, в пьесе: «Сын партизана», играя роль комиссара, и в клоунаде для двух человек...

Все эти торжества МЮДа, выступление и начало учебного года проходят тогда, когда ты испытываешь эту тяжелую участь. Но не огорчайся, мамулька, дело разберется, и мы снова будем вместе. Любящий тебя твой сын Виля.

01.09.40 г.»

«Дорогая мамулька!

Нас очень беспокоит твое молчание. Как твое здоровье, почему ты не пишешь? Напиши немедленно о себе. Мы все очень волнуемся. Ты ведь понимаешь, как нам тяжела разлука с тобой, а еще тяжелей твое молчание. Теперь копаем картошку.

Ах, картошка, объеденье,
Пионерская еда.
Тот не знает объеденья,
Кто картохи не едал.

Помнишь, как мы вдвоем ее распевали. Как ты вспоминала свою комсомольскую жизнь и работу с пионерами. Как далеки те дни, когда мы были вместе, как чудесны эти прекрасные дни... До скорой встречи!

08.10.40 г.»

«Мамулька, дорогая, миленькая!

Как долго мы от тебя не имели весточки, так долго мы ничего не знали о тебе. И вдруг вчера мы получили сразу два письма. Сколько радости, сколько слез. Мамулька, миленькая, какая ты у меня ученая, какая ты у меня умная, как много ты знаешь. Мне не хватало тебя, мне не хватало родного, близкого человека. Какая ты молодец, мамулька. Ты не падаешь духом и надеешься на скорую встречу. Значит, мы скоро встретимся. Твой Вилюшка.

18.10.40 г.»

«Дорогая, миленькая мамулька!

Письмо твое получили. В нем ты просишь узнать о защитнике, но если и можно будет пригласить адвоката, то все равно еще не известно, возьмется ли он за политическое дело. По-моему, лучше всего самим себя защищать. Напиши куда надо заявление и просьбы, укажи о своей невиновности, а я, в свою очередь, написал письмо т.Сталину, надо только его переписать и послать для проверки, а затем напрямую в Москву, в Кремль. Я думаю, что письмо, которое я напишу т.Сталину, поможет, и мы с тобой увидимся. Мамулька, напиши и ты т.Сталину, он хороший, он добрый, он нас скоро поймет, и мы скоро увидимся.

О себе скажу, что я чувствую себя хорошо, учусь неплохо, мне пошили хорошее зимнее пальто, купили ботинки. Между прочим, я ношу 40-й размер. Ты можешь представить себе, как я вырос.

Между прочим, мамулька, известно ли тебе постановление о платном обучении в старших классах и в высших учебных заведениях. Так как я уже в 7 классе, то мне надо подумать, куда мне поступать на будущий год, или вообще остаться учиться в Орше. Ну, до скорой встречи! Целую тебя крепко, крепко! Твой сын Виля.»

«Как я люблю твои письма! Недавно получил от тебя письмо и открытку. Ты пишешь, что переезжаешь. Долго мне пришлось искать на карте эту Воркуту, чуть нашел. Оказывается, она еще севернее Косья Вом. Ну, ничего, мамулька, скоро мы будем вместе. Я написал письмо т.Сталину. Сегодня получил его обратно. Тетя Цыпа тоже написала куда-то, куда не знаю, и написала мне, чтобы я по

некоторым соображениям, о которых я не имею понятия, не посылал сейчас письмо т. Сталину.

По истории нам надо к 5 февраля написать работу на тему «Крестьянская война в Германии в 1524-25 гг.». В библиотеке я взял «Историю крестьянской войны в Германии» Циммермана, надо будет достать книгу Энгельса об этой войне. Я себе представляю, что за работу я написал бы, если бы ты была со мной, сколько непонятных вопросов ты бы мне разъяснила.

Мамулька, дорогая, ты спрашиваешь, что я думаю о своем будущем. В настоящее время я хочу быть литератором, но это минутное решение: послезавтра я захочу быть ученым по естествознанию, а через неделю – по истории... До скорой встречи. Любящий тебя твой сын Виля.

1941 г.»

«Дорогая мамулька!

Недавно получили письмо от некой Ревеки Нейштадт, которая утверждает, что знает тебя. Какая она хорошая. Она так просто и хорошо написала, что сразу чем-то напомнила мне тебя. Очевидно, вы с ней крепко дружили. А теперь вас разлучили, тебя – на север Европы, а ее – на восток Азии.

Окончилось первое учебное полугодие. Отметки второй четверти не уступают отметкам первой: 7 «отлично», остальные – «хорошо». Недавно написал письмо товарищу Сталину. Надеюсь, что он легко поймет меня, и мы скоро будем вместе. Твой сын Виля. Сегодня слушал «Чио-Чио-Сан».»

«Дорогая мамулька!

Получили твое письмо и телеграмму. Наконец-то ты на месте. Почему ты так мало пишешь о своей работе, о своем положении на новом месте? Ведь нас это очень интересует. Напиши обо всем в следующем письме. Напиши так, как написала в Кочмесе, откровенно обо всем. Ведь я так люблю тебя, твои письма. Когда читаешь их – иной раз слеза пробьет, читаешь и думаешь: неужели у меня такая мамка.

Мамулька, я хочу спросить у тебя одну вещь. На литературном кружке мы разбирали «Старуху Изергиль». Учительница нам предоставила самим решать, кому было труднее вести за собой массы, народ, племя, – Данко или Павлу Власову? С тех пор класс живет этим вопросом. По-моему, труднее было Данко. Я расскажу так: Данко, выводя племя из леса и болот, был один. У него не было ни Сизова, ни Рыбина, ни Весовщикова, ни Егора, ни Натальи. Павел же имел поддержку в массах. Его идеи не были чужими для народа. Верно ли мое рассуждение? Целую. Виля.

1941 г.»

«Дорогая мамулька!

Вчера сдали последнее испытание. Завтра получу аттестат. Сколько радости. Ведь я ученик 8-го класса. Очень меня огорчает твое молчание. Сейчас отправлю тебе телеграмму. Отвечай, мамулька, пиши сколько можешь...

Что я думаю о дальнейшем? Мне хочется поступить в техникум. Вот в чем дело. Я чувствую в себе резкую перемену. Я стал замечать, как халатно, спустя рукава я стал относиться к учению. На уроке я сижу только телом. Мысли же мои далеко. Я не слышу объяснений учителя. Сижу, скучаю, жду с нетерпением звонка. Если учитель делает мне замечание, отвечаю грубо. Не знаю, будет ли мне по дисциплине «отлично». Мне теперь надо твое слово, твое мнение. Я лично другого

выхода не вижу, как поступить в техникум. Кроме того, я там буду освобожден от платы за учение как иждивенец пенсионера. А если сдам испытания на «хорошо» и «отлично», то буду обеспечен стипендией. В какой техникум – этого я еще не решил. Жду твоего мнения. Милая мамка моя, как я люблю тебя. Ведь мы уже четыре года не видели друг друга. Подумать только, ведь тогда я еще не представлял себе, что значит быть без тебя. Да, большое расстояние я проплыл без тебя. Очень беспокоимся о твоем здоровье. До скорой встречи. Целую крепко. Твой Виля.

Май 1941 г.»

Мальчик оставался с дедушкой и бабушкой до начала Великой Отечественной войны. В первые же месяцы войны стариков расстреляли немцы. Некоторое время Виля скрывался у соседей. Но хорониться удалось недолго. Во время очередной облавы он был застрелен полицаем.

Публикация Альберта БЕРНШТЕЙНА.

(«Дым Отечества», 23 ноября 2002 г.)

Каникулы влюбленного студента

Юрий Елизаров. 1964 г.

«Моя маленькая девочка, маленький, самый лучший в мире носик!» «Мой птенчик», «Верик, маленькое сердечко», «Умненькая Веринька, моя утинька». Как же необъятно богата, бездонна шкала проникновенных и нежных слов. Сколько ласковых сравнений и эпитетов может родить влюбленное сердце. Чтобы одарить ими самую-самую, одну-единственную.

Он и она. Ему около двадцати лет. За плечами – детство, отбеганное и отпрыганное в разных районах Коми. Родился в Летке. Потом очутился на Сысоле, затем – в вычегодских селах. За отцом, совработником, как ниточка за иголочкой, следовала и семья: жена, три дочери, сын. Хозяин дома получил новое назначение: возглавить сык-

тывкарский горисполком. В Сыктывкаре юноша окончил с серебряной медалью школу. Махнул в Ленинград, где легко перепрыгнул через экзаменационные барьеры знаменитого политеха. Стал учиться на электромеханическом факультете.

Она родилась на невских берегах. Там ее корни. Но Отечественная война искорежила корни, подрубила крону. В народном ополчении погиб отец. Почти на самом берегу «дороги жизни» – Ладожского озера мать спасала от голода трех своих деток. Эвакуация в Сибирь. В далеком и неприветливом Новосибирске обессилевшая от горя женщина вырыла землянку для своей семьи... Долгое возвращение в освобожденный Ленинград. У измученной матери тают последние силы. Сына успевает определить в детдом. На попечении родных остаются дочери. Мать умерла.

Любимым местом питерской молодежи 60-х годов был ЦПКиО. Из парка возвращались на трамвае № 2. 3 июня 1960 года в тряском вагончике сошлись ватага студентов политеха и горстка девочек из педучилища. Она, проведя весь день на воздухе, раскраснелась. А тут еще эти ребята. Стало неловко за свой красный загар. «Ну их» – и повернула лицо к трамвайному стеклу. Он по-своему расценил этот жест: «Какая скромная». И уже не спускал с нее глаз.

Так и доехали. Она – уставившись в трамвайное стекло. А он не в силах отвести от нее взгляд.

«Я познакомился с самой лучшей девчонкой на этой земле!» Эти слова он твердил все последующие годы. Сорок лет.

Он – Юрий Григорьевич Елизаров. Это имя в нашей республике знают многие. Фамилия бывшего директора Южных электрических сетей АЭК «Комиэнерго» вошла в уникальный, первый в стране справочник «Кто есть кто в энергетике России». Она попала туда по праву. Уже в 35 лет Елизаров возглавил Печорские электрические сети. Не осталось на карте республики ни села, ни захолустья, где бы не побывал. Везде был желанный гость. Ведь он давал людям свет.

Письма, первые слова которых приведены выше, адресованы тогда еще его невесте Вере Чижовой. Веру Григорьевну Елизарову тоже хорошо знают и в республике, и в Сыктывкаре. Она долгие годы проработала в педучилище № 2, дала путевку в жизнь и профессию сотням педагогов.

Письма передала в редакцию дочь Елизаровых – Екатерина Юрьевна. Она призналась, как нелегко было им с матерью доставать, перебирать, перечитывать этот архив. Погружаться в калейдоскоп прошедшей жизни, окунаться в поток нежности. Еще раз разворошить ту рану, которая не зарубцевалась от внезапной смерти отца и мужа. Юрия Григорьевича не стало в 2002 году.

Все уходит. Но если жива память, жив и человек.

«Верик, маленькое сердечко... Ты очень хороша на паспорте будешь, тебе нужно по-настоящему сфотографироваться. Твое фото вложил в военный билет, а его ношу всегда при себе.

Здесь всех моих товарищей в армию забирают, вот горе-то.

Вечером сарай убрал, я еще крышу подремонтировал, чтоб не текло. Еще электроплитку починил. А вчера с папой двустволку основательно прочистили и смазали. Он сегодня утку принес: как выстрелит шестирублевкой, так сразу наповал. Сегодня же передали постановление бюро обкома КПСС о воскреснике. Весь город, вместе с тунеядцами, как я, выезжает на уборку картофеля. А мы хотели всей семьей куда-нибудь на лоно природы махнуть.

Я, наверно, 29-го нагряну в Питер. Моя маленькая крошечка, крепко целую в щечки, в губки, в носик...

Осень 1961 г.»

«Маленький Верик! Что случилось? Я опять беспокоюсь за тебя. Ничего не пишешь. Вот дневник последних событий.

Понедельник. С утра проводил Зоечку на самолет «Ил-14». Пока был в самолете, какой-то шутник увез лестницу. Я прыгнул и приземлился не совсем удачно, правая нога до сих пор напоминает. Там бетонка, а прочность бетона проверяют другими способами.

...Сели в лодку, спустились по Сысоле, потом по Вычегде в Слободской рейд. По пути два раза залезали в лес. Но в понедельник, после воскресенья, там только рожки да ножки. День был солнечный, облака белоснежные, как парусные корабли, плавали в голубом, даже в изумрудном небе.

Четверг. Был у хирурга. Он – хирург (вообще-то, женщина) сказал, что у меня пустяки, или трещина на пятке, или просто перелом. Я покрылся воображаемой испариной, помчался в кабинет к рентгенологу, он (опять женщина) сделал мне два снимка, в профиль и фасад моей прекрасной ножки. С сырыми пленками я ворвался к хирургу. Та разочарованно пробормотала: «А у вас, оказывается, ничего нет». В смысле, кроме ноги. Вечером мы с мамой ходили на постановку «Маруся Богуславска» Крымского украинского музыкально-драматического театра из Симферополя. Много Тарасов Бульб (в штанах типичных), много красок и целых пять действий.

Суббота. С папой на «Победе» уехали в Кэччойяг (Заячий бор). А там чудесно, там просто прелесть. Корабельные сосны, внизу хрустящий белый ягель (мох)... Мы едем на «би-бике», увидели из окна белый гриб, орем: «Полундра!» – и наперегонки с папой к грибу, кто первый...

Верчик, всего хорошего!

28/VII – 1961 г.»

«...Надя учит меня музыке, с Римкой повторяли физику, с папой езжу везде, маме проверяю тетради.

...С папой ходили на коми балет «Яг-Морт» («Лесной человек»). Нам там стулья дали, так как народу было очень много. Этот балет через несколько дней едет в Москву. Будут в Кремлевском театре играть, в смысле танцевать.

1961 г.»

«Верик, здравствуй. А я уже весь в чернилах, давно уже так не пачкался, весь фиолетовый. Верик, маленький, ты все-таки любишь себя. Ну, ладно, я тоже тебя люблю. Будем вместе за Вериком ухаживать.

Моя жизнь – сплошная скука. В восемь тридцать провожаю папу, в десять сорок пять – маму, в час сорок – Надечку. Родители довольны, что провожу все время с ними.

А почему ты так редко пишешь? Папка уже смеется надо мной. Я все жду и жду. И вообще вся моя жизнь: «Стою, ожидая, тебя, дорогая, курносая радость моя». Мальчик Юрик.

1961 г.»

«Вчера возил тете Полли горбыль, целых четыре машины «ЗИЛ-164». Вообще, в последнее время мама всем говорит: «Юрик вам поможет». Сегодня после обеда, если не будет дождя, опять пойду копать картофельную яму. Сегодня же взял билет на «Ан-10А» на Ленинград. Прилечу 29/VIII рейсом 614. Можешь встретить, если не поленишься или что другое.

1961 г.»

«Верик, мой маленький ребеночек! Пишу бесцветными чернилами, если хочешь прочесть, то погладь утюгом. Сегодня точно месяц, как я тебя в последний раз чмокнул в щечку. Сейчас у меня слезы на глазах. Ты мне пишешь одно письмо на моих два.

В пятницу с мамой совершили путешествие по поселкам Дальний и Строитель... Ванька-шофер заехал в нетрезвом виде в кювет. Сам цел остался, а на похороны автомашины с него удержали 200 рублей.

А в понедельник встретил Ваську Спиридонова. С ним учился в 8-м классе. Зашли в ресторан «Эжва» («Вычегда»). Ну и нахалы там сидят, недаром раньше ресторан назывался «Парма» («Тайга»). Ходят там маленькие девочки-дружинницы с косичками из педучилища и успокаивают алкоголиков.

Еще сегодня нам с Надечкой надо дежурить в детской комнате в нашем доме.

1962 г.»

«Мой чик-чирик, богиня прекрасного, ты совершенно забыла про серенького смертного Е.Ю.Г., живущего рядом, рукой подать: наша Галактика, Солнечная система, планета Земля, СССР, РСФСР, Коми АССР, г.Сыктык.

Докладывает собственный корреспондент Верика в г.Сыктывкаре. 9/IX – 62 семья Елизаровых отметила ряд великих событий (будничных): День танкиста, день закрытия летнего парка К и О, воскресенье, день встречи с мамиными родственниками и торжественно отметила погоду «займи да выпей» (пасмурная с постоянным дождиком).

...Странные они, земляне, не то, что у вас, на седьмом небе. Оказывается, я в жизни ничего не знаю и не видел – это меня так тетка в очереди за солью оскорбить хотела. А ты как думаешь? Может и не знаю, и не видел, я не жалею. Я бесконечно рад, что немножко видел и чуть-чуть знаю прекрасную принцессу по имени Верик. Мне можно умереть, или повеситься, или погибнуть, или сгинуть, а можно и утопиться, но лучше, если это сделает та тетка из очереди.

1962 г.»

«Моя маленькая девочка, птенчик!

В субботу папка нас взял в лес. Но до леса так и не доехали, так как в городе весь день не было воды. И мы поехали на насосную станцию первого забора. Оказывается, река Сысола очень здорово обмелела, просто ужас. Когда проходит катер или пароход, то впадина волны обнажает водозаборник и насос закачивает воздух. Его выкачивают вакуумнасосом в течение полутора часов, а через

тридцать секунд снова кто-нибудь проедет, и все по новой. Там молодой инженер с ног сбился.

...У нас во дворе все перекопано, проводят газ в квартиры.

У папки в письменном столе лежит отпечатанная бумажка, подписанная сверху – «Лозунги». Вот что тут есть:

Да здравствует 1 мая!

Да здравствует ленинский ЦК!

Слава родной Коммунистической партии!

Да здравствует наш героический рабочий класс!

Да здравствует наше родное Советское правительство!

Слава советскому народу – строителю Коммунизма!

Слава ударникам коммунистического труда!

Разведчикам будущего – бригадам коммунистического труда – Ура!

Слава труду!..

Папка обладает исключительной памятью, зачем ему эта «шпора»?

Верик, моя чудо-девочка, сейчас уже поздно, час ночи, я тебе еще что-нибудь напишу. Выше носик!

3/VIII – 1963 г.»

«Верик, моя любимая девочка. Совсем скоро я к тебе приеду. Сегодня я от тебя получил второе письмо. Пишу тебе только лишь 7-е письмо. Хотя я, может, не меньше тебя письма ожидаю. Но ты, моя деточка, не заставляй трудиться свои пальчики. Пусть они будут белоручками. Я твои пальчики мысленно держу в своих руках и дышу на них. Ты мне позволишь такую вольность, если я очень попрошу?

... В часов шесть вечера загорелась база маслопрома. На складе было 80 тонн масла. Горело хорошо. Но, как всегда, пожарные полчаса копались с рукавами, стали греться у огня, потом потушили. Кое-что спасли. Масло придется перетапливать.

...Я скоро приеду. Все будет хорошо.

20/VIII – 1963 г.»

«Маленький, самый лучший в мире носик!

У меня интересного ничего нет. Вчера привезли дрова. У нас же нет газа еще. Я разгрузил целый грузовик... А сегодня утром встали с папкой в семь тридцать и пошли эти дрова заносить в сарай.

Прилечу 22, ты меня встреть, пожалуйста, как договорились.

1963 г.»

«Здравствуйте, дорогие мои мама и папа!

Мы с Вериком решились на такой большой шаг и ответственность. Можно было бы подождать? Мы и так ждали два с половиной года. И это будет лучше для нас обоих. Я вас, конечно, огорчал раньше, и не раз, но сейчас вы должны это понять и принять.

Кстати, Верик не подговаривала меня к этому, мы именно вместе решили быть всегда рядом...

Юрик и Вера.

19/X – 1963 г.»

Публикацию подготовила Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 25 января 2003 г.)

«Я еще вернусь...»

Нынешний 2003 год с новой силой воскрешает и озаряет события 60-летней давности. 1943 год. Апогей страшной войны. И неотвратимый поворот. К развязке, к Победе. Год самых ожесточенных сражений, освобождения занятых врагом первых городов и весей, огромных, невосполнимых потерь.

...Олег Иевлев погиб в 1943 году под Ленинградом. Ему было всего 20 лет. В 1941 году он окончил сыктывкарскую школу № 1. И в том же году прямо со школьной скамьи ушел на войну. Окончив Архангельское военно-инженерное училище, возглавил саперный взвод.

Олег Иевлев.

В памяти своих родных Олег навсегда остался юным. Его письма с фронта бережно хранились в семье Иевлевых. Незадолго до своей кончины отец Олега – Варфоломей Агапитович передал их в музей сыктывкарской школы № 11, что в Нижнем Чове. Уже после его смерти часть архива семьи Иевлевых попала в Литературно-мемориальный музей И.А.Куратова в Сыктывкаре. Это не случайно. Родственные узы связывают Иевлевых с основоположником коми литературы.

Олег рос домашним, даже чуть избалованным мальчишкой. С самого раннего детства пристрастился к чтению, в школе слыл отличником. Можно лишь посочувствовать ему, попавшему из родных теплых стен в военное училище, где зуб на зуб не попадает от холода, а за ночь так и не просыхают сапоги. По-детски трогательны и непосредственны строчки из первых его писем: «Очень хочется домой, покушать, выспаться. Если бы сюда стакан молока!» Молодость брала свое, даже самая малость возвращала присутствие духа: «Койка оказалась в самом темном углу, поэтому при случае и поспать можно, никто не увидит».

В 41-м взрослели быстро. Уже через год Олег писал домой: «Привык, что 12 часов в сутки приходится бегать на посту» и что «в сапогах вынес 30-градусные морозы, доволен, что так закалил себя». Еще одно признание мальчишки-солдата: «Если о каждой мелочи писать, то не хватит мне времени. И болезнь была чепуховая, опухло колено и ломило руки-ноги. Ничего страшного».

Потом был Волховский фронт...

*«**01.11.42 г.** Сегодня исполняется год моей службы. Синявино от меня всего в 25-30 км, а в те дни я был от передовой всего в 5-7 км. Тогда я сам слышал грохот этих боев. Сейчас стало тише, т.к. заняли оборону».*

*«**15.12.42 г.** Сейчас проводил товарища на задание по минированию... Так хорошо расстались! Трудно делается от мысли: «А вдруг не вернется?» Я просился вместе с ним посмотреть практическое минирование на переднем крае, но не пустили».*

*«**20.01.43 г.** Милые мои, дорогие папа, мама и бабушка! Наконец могу сообщить вам радостную весть. Вчера вы прочитали в сводке Совинформбюро о прорыве блокады Ленинграда. Началось это так. Я заступил на дежурство, еще ничего не знаю, но как-то чувствовалась напряженная обстановка. Я прошел в штаб и сказал, что чувствуется что-то неладное. Мне сообщили, что сегодня начинается наступление.*

Утром 21.01.43 г. нам зачитали приказ тов. Сталина о прорыве блокады. Ровно в 9.30 утра заиграла «катюша». Разрывы ее снарядов слились в сплошной гул – это забила вся наша артиллерия Ленинградского фронта. Через 5 минут ударила артиллерия с нашей стороны, 2,5 часа стоял этот невообразимый грохот. После все стихло – пехота пошла в атаку. В первый же день были достигнуты значительные успехи, а вчера все наши достижения окончательно закреплены. Еще летом шли упорные бои в районе Синявино. Это необычайно сильно укрепленный опорный пункт противника. Сейчас Синявино взято вместе с поселками (их 8 шт.). Наступление продолжается, скоро, наверно, освободят ж.д. Все слышится грохот артиллерии, но уже значительно дальше. Вот пока и все, что я хотел написать. Посылок ваших все еще ни одной не получил, но жду со дня на день. Крепко целую всех, ваш Олег».

*«**03.02.43 г.** ...Интересно, куда вы дели патефонные пластинки, т.к. ящик выслали мне».*

*«**14.02.43 г.** ...Уже неделю нахожусь на передовой линии».*

*«**23.02.43 г.** Поздравляю с 25-летием РККА. Недавно смотрел американский музыкальный фильм «Три мушкетера». Конечно, он далеко уступает «Большому вальсу». На торжественном митинге был целый концерт. Хорошо исполнили «Шотландскую застольную». Ребята уже веселятся, притащили патефон».*

*«**04.03.43 г.** Здесь я встретил папиного знакомого, бывшего ученика по Ульянову Полещикова Степана Степановича, он работает в нашем полку, имеет звание капитана. Папа, я думаю вступить в партию. Как твое мнение?»*

*«**06.03.43 г.** ...Вот уже 7-ю ночь ходили минировать. Пишу регулярно, через 4-5 дней».*

*«**12.03.43 г.** Со дня на день жду наступления. Вот-вот мы должны выступить. Это чувствуется по всему происходящему вокруг. Если бы вы видели эту подготовку – кругом трактора тянут тяжелые орудия, идут танки, пехота... Наверное, мы... крепко его попрем, т.к. пополнение дали крепкое, все молодой народ. Окончательно очистим дорогу на Ленинград».*

*«**22.03.43 г.** Сейчас стояли в обороне. Послал вам письмо 2 дня назад, но бойца, который нес письмо, убило, и оно, видимо, пропало. Озябли руки, поэтому пишу плохо».*

*«**13.04.43 г.** Позавчера немцы перешли в контратаку, пытаясь вернуть утерянные позиции. Они напали утром втихомолку и добились своего, но наши ответ-*

ным ударом опрокинули и заняли прежние рубежи. Ведут пленных, я их сам видел. Ведут себя очень покорно, гады. Погода у нас хорошая, поют жаворонки, скворцы, но грязь ужасная».

*«**18.05.43 г.** Живу я все по-прежнему, пока не плохо. Сейчас прямо как на курорте (фронтовом, конечно). Позавчера и вчера смотрели кино «Светлый путь», сегодня – концерт джаз-ансамбля. Все же, несмотря на это, очень скучно, надоела ужасно однообразная работа, надоели эти проклятые болота, надоели ежедневные жертвы. Погода стоит приличная. Сейчас цветет черемуха и, как обычно, холодно. Сегодня заглушил щуку и покушал свежей рыбы. Мы часто глушим рыбу взрывами. Вчера получил новую шинель и очень хорошие новые сапоги на кожаной подошве».*

*«**25.05.43 г.** ...Я еще вернусь к вам, только вот учиться, может быть, не придется, надо будет служить и помогать вам. Ты, папа, подумай: ведь сейчас только жить да жить. Разобьем проклятого врага и заживем счастливой жизнью. Для чего же унывать?»*

*«**30.05.43 г.** ...Сегодня ночью, возвращаясь с задания, узнал, что в соседней роте перешло два немца. Я дождался их в штабе полка. Оба молодые, австрийцы. Вид не особо привлекательный, одеты неважно. Рассказывают, что в роте всего 21 человек с офицерством. Кормят горячим 1 раз в день, хлеба – 600 гр. Говорят, что моральное состояние очень плохое и если бы не жестокие репрессии, то перебежчиков было бы очень много. О поражении и отступлении немецкой армии узнают только из писем родных и по нашим листовкам, там им ничего не сообщают. Жалуются, что мало отдыха, стоят беспрерывно на посту с 10 ч. вечера до 7 ч. утра. Как видите, фрицам там не сладко приходится. С питанием у меня хорошо, хлеба получаю 800 гр., сахару – 35 гр. в день, т.е. 1050 гр. в месяц. Как видите сахару больше получаю, чем вы все трое. У нас вместо мяса исключительно американская колбаса. Нет ли вестей от Жоржа Модянова? Можете поздравить меня с присвоением очередного воинского звания – лейтенант».*

*«**04.06.43 г.** ...Сегодня идет теплый-теплый дождик. Недавно я принес и посадил в ящике из-под патронов несколько тюльпанов, сейчас уже распустились большие синие цветы. ...Подписался на заем в сумме 1000 рублей».*

*«**01.07.43 г.** ...Сейчас в помощь дали 2 группы по 10 человек из саперного батальона, и приходится всю ночь бегать по обороне, руководить их работой. В последний месяц наши сильно прорылись вперед до 200 м, и все минные поля остались в тылу, так что приходится заново минировать. ...На днях постараюсь послать вам фото, завтра сфотографируюсь, уже договорился. ...Наверное, уже косить начали. Здесь трава исключительная. На переднем крае все амбразуры заросли метровой травой. ...Привет Иосифу Михайловичу».*

*«**05.07.43 г.** ...Два дня тому назад получил письмо от папы. Решил сегодня же написать Сафонову В.А. У меня есть предположение, что он сейчас работает начальником штаба инженерных войск нашей армии. Жаль, что я его в лицо не знаю. Немецкая артиллерия заметно утихла. Теперь все агитируют, бросают тучами листовки. Письма идут редко. От друзей тоже ничего нет. Леня Синцов и Гога (Модянов. – **Авт.**) пишут редко».*

*«**08.07.43 г.** Милые мои мама, папа и бабушка! Получил сегодня ваше письмо от 21.06.43 г. за № 1. Из ваших писем не получил только одно – от 13 июня.*

Остальные все получил. Вы, видимо, не получили только письма, где я писал, что мне присвоили звание лейтенанта. Живу я все по-прежнему. Сегодня у меня отвратительное настроение: ранило в ногу моего товарища старшину, очень хороший парень был. Строю себе новую землянку, поехали за бревнами и попали под минометный обстрел, и вот такое несчастье... На улице почти все время идет дождь, погода мерзкая. Немец пока не сует носа, только артиллерией постреливает, а вот на юге, как видите, сунулся. Ну, хватит об этом. Вообще у меня все в порядке. Есть шансы, что снимусь, только фотограф липовый. Напишите, как ваше здоровье. Я пока здоров как бык. Удивляюсь, что меня ничем не берет. Уже столько раз попадал в крепкие переплеты, сколько раз падал со мной рядом убитый или раненый человек, а я до сих пор не имею ни одной царапины. Жив ли мой котик? Да, чуть не забыл, если достанете пластинку «Прощай, любимый город», то обязательно купите. Исключительная вещь. Ну, пока. Крепко целую, ваш Олег».

Это последнее письмо, пришедшее в Сыктывкар от Олега. Вместо очередного письма почтальон принес Иевлевым извещение о его гибели.

В эти же дни любимая девушка получила письмо от фронтового друга Олега.

«Да! Хороший был друг, мне также больно, как и вам, но что ж, судьба в данный момент такова. Нюся! Со скорбью сообщаю о смерти Олега Варфоломеевича. Он погиб на моих глазах. Да, тяжело переживать эту утрату. Особенно прошу не горевать, т.к. много погибло за честь Родины и за счастье молодости, но, наверное, судьба наша такая. Не правда? Жалко, что наша молодая жизнь проходит в таких условиях. Ох! Как хочется вздохнуть свежим воздухом, где не почувствуешь гари снаряда, мин и чирикания пуль. Неправда, близок тот день, когда разобьем немецкую сволочь, свободно вздохнут освобожденные от немецкого рабства люди, а также усталая от войны молодежь, возможно, среди молодых свободно вздохну и я».

Публикация Анны МАЛЫХИНОЙ и Анны СИВКОВОЙ.

(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

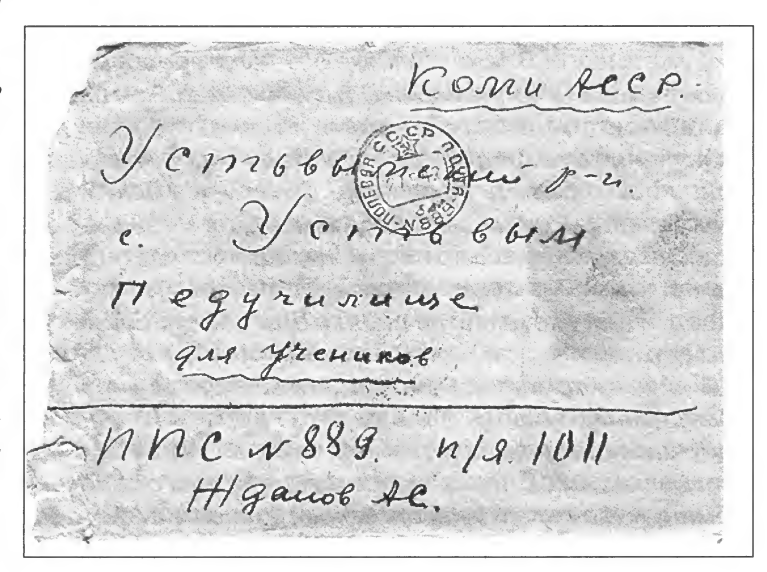
«Вы живете в плотное, кипучее, бурное время...»

Фронтовое письмо сельского учителя – единственное напоминание о его жизни

Осенью 2002 года фонды Усть-Вымского историко-этнографического музея пополнились очередным экспонатом. Ида Герасимовна Львова – дочь бывшего завуча Усть-Вымского педучилища Марии Елизаровны Старцевой – передала в музей сохранившееся в архиве матери фронтовое письмо. Ида Герасимовна давно москвичка, но каждый год на все лето приезжает в родное село. В наш музей она уже передала несколько десятков релик-

вий, сбереженных в их семье: «агитационную» фарфоровую посуду первых лет советской власти, иконы, самовары, фотографии начала XX века... Вот и на этот раз перед возвращением в Москву принесла фронтовое письмо. Желтоватый конверт с четким учительским почерком: «Коми АССР, Устьвымский район, с. Устьвымь, педучилище, для учеников». Обратный адрес: «ППС № 889, п/я 1011, Жданов А.С.». Хорошо читаются почтовые штемпели. На том, где написан адрес: «СССР. Полевая почта № 889. 27.09.42», на обороте – «СССР. Коми АССР, с.Устьвымь, 11.10.42». Внутри конверта – пять листков, заполненных с обеих сторон убористым почерком. Вот полный текст этого письма. Своеобразный наказ учителя своим ученикам.

«Действующая армия. Сентябрь, 28.1942. Здравствуйте, дорогие мои! Здравствуйте, товарищи ученики! Это пишет вам бывший ваш учитель Анатолий Степанович. Соскучился по вам и вот решил написать. Давно собирался.

Коми АССР.
Устьвымский р-н.
с. Устьвым
Педучилище
для учеников
ППС № 889. п/я 1011
Жданов А.С.

Ну, и как вы там? Учитесь? Как работаете? Как поживаете? Работайте хорошо, отлично работайте и учитесь, пока у вас есть возможность работать и учиться сравнительно спокойно. Ведь над вами не летают самолеты противника, в вас не стреляют из орудий и пулеметов – вы можете спокойно отдыхать, а это значит, вы можете и вы должны много и плодотворно работать. Когда я был в Устьвыми, мне казалось, что работаю много. И только теперь стало ясно, что работал недостаточно много, т.к. иногда целые часы проходили ничем не заполненные: работа над собою, над пополнением своих знаний должна и у вас занимать каждый ваш час, свободный от занятий в школе. Может быть, с вами мы никогда не встретимся: вы разъедетесь по окончании училища, будете учителями, а я могу вернуться, но могу и не вернуться. Это как посчастливится. Но как бы то ни было, а вас я очень прошу: экономьте свое время, заполните каждый свой час полезным трудом, учебой, чередуя это с разумным и экономным отдыхом. В вашей среде не должно быть места лежебокам. Гоните их, воспитывайте их. Вам надо знать, что вашему поколению придется много потрудиться над тем, чтобы восстановить все разрушенное в этой войне нашим противником. Это будет большой и необходимый труд как в хозяйственных, так и в ваших воспитательных делах. И к этому надо готовить

себя теперь, потому что этот колоссальный труд потребует колоссального напряжения сил ума, сил физических и духовных. Больше читайте, больше наблюдайте, больше старайтесь понять происходящее. Вы живете в плотное, кипучее, бурное время. Чем раньше поймете вы во всей глубине события, тем понятнее будет вам и дальнейший ход событий, наше будущее, наши стремления и цели, которые, несомненно, во многом будут зависеть от исхода событий наших дней. А чтобы все это понять правильно и глубоко, а не поверхностно, опять надо только хорошо учиться и много над собой работать, много читать, следить за происходящими событиями. Как видите, откуда ни начни рассуждать, а дорожки все равно придут к одному: учиться как можно лучше, работать как можно добросовестнее, больше. Этого требует от вас страна. Об этом прошу вас и я, ваш бывший учитель, которого, быть может, вы еще и не совсем забыли.

Немного напишу вам о себе. Хорошо помню, как некоторые из учеников провожали нас из Устьвымского военкомата. Я был, конечно, взволнован и в то же время обрадован такой чуткостью своих учеников. За это спасибо.

Через Котлас, Киров, Вологду прибыли мы в Архангельск. Там разъединились кто куда, и многих из Устьвымского р-на больше не встречал, а теперь не встречаю уже никого. В Архангельске обучался военному делу. Стал пулеметчиком. На фронт выехал в конце июня. Потом был назначен переводчиком немецкого языка в штаб бригады, а когда приехали на самую передовую линию фронта, то получил назначение в разведку, где и нахожусь теперь в качестве переводчика. Один раз пришлось побывать в разведке. Вернулись благополучно. Наши части, по данным разведки, сильно беспокоят немцев. Недавно пришлось мне переводить на русский язык несколько писем немецких солдат. Нерадостные письма. По всему видно, что война легла тяжелым бременем на всю Германию, на весь немецкий народ, и они уже давно не верят в благополучный для них исход войны с Россией. Это уже понял почти каждый немецкий солдат и каждая семья рабочего или крестьянина в Германии. Конечно, это еще далеко не означает, что немецкая армия сама закончит войну. Ведь ее ведут бароны (генералы), а не выходцы из семей рабочих и крестьян, вся сложная военная машина устроена так, что в ней вовсе не учитываются желание или нежелание каждого человека: солдат немецкой армии обманут. И в целом весь огромный коллектив этих обманутых людей составляет армию, с которой необходимо и придется бороться всеми силами нашего оружия и всеми силами народа нашего. Пока этот солдат вооружен и пока он выполняет волю своих баронов, он наш враг.

Вы много читали о немцах, об их жестоком отношении к русским в оккупированных местах. Мы видели их здесь, на фронте. Наше оружие мстит им за их жестокость. Но видим мы и других, которым осточертела война и которые при первой возможности переходят на нашу сторону. Таких становится с каждым днем все больше. Когда немецкий народ и армия, состоящая из народа, увидят, до какого ужаса довели их военные и политические руководители, они жестоко расплатятся с теми и другими. К этому идет весь ход событий. Но пока это наступит, мы должны давать отпор врагу, должны, обязаны истреблять его и будем так поступать, и так поступаем.

А чтобы армия наша за собою чувствовала постоянную великую силу своего народа, она должна знать, должна быть уверена, что эта сила создает все необходимое для победы. Так оно и есть. Вы в этой огромной массе своего народа

должны быть в самых передовых рядах, как бывает всегда впереди красноармеец. Когда он видит перед собою опасность, то смело идет ей навстречу.

Вот так хотелось мне вам давно уже написать, товарищи. Я знаю, что многое из этого для вас давно уже не новость. Вы и сами рассудили бы именно так, а не как-нибудь по-другому. Однако знать – это еще мало. Надо сделать, надо направить всю свою энергию, волю так, чтобы ваши дела были бы ежедневно частью общего дела своего народа, чтобы дни не терялись даром. Вот тогда и мы, учителя ваши, и вы, наши ученики, через ряд лет, когда война закончится и будет полностью восстановлено все наше хозяйство, сможем сказать: да, в больших событиях Отечественной войны каждый из нас нашел свое место и был полезным, в дыму и огне войны головы свои пронесли мы честно, гордо и не совсем даром.

Желаю здоровья вам, дорогие товарищи. Желаю успеха в вашей полезной и трудной работе, в вашей учебе. Когда-нибудь мы встретимся. Воображаю: я – седой старик (буду же когда-нибудь стариком-то), а вы – в моем возрасте. И вспомните об этих былых днях. Надо только прожить эти дни так, чтобы не стыдно было за себя в будущем.

Вот, пожалуй, все. Хотел написать немного. Да разве скажешь все, о чем хочется с вами поговорить. Меня иногда тянет в училище. Так бы вот и пошел. Сентябрь (начало учебного года) каждый учитель встречает немного взволнованно, радостно. Ну, ничего. Вернемся еще к мирному труду, еще поработаем.

Прошу вас написать мне. Подробно. Обо всем. Пишите и вместе, и по отдельности, и юноши, и девушки... Когда-то вам от меня крепко доставалось. Но, думаю, вы не сильно сердиты. Ведь я-то вот не сержусь на вас, что вы иногда не все выполняли мои задания. А ведь это было.

Где наши орлы – Шашев, Чукичев, Оньков? Хорошо их помню. Хорошие были ученики, но иногда они же были и отчаянные лежебоки. Так неправильно работать не надо. В каком составе сейчас третий класс (бывший 1-й)? Все помню, даже знаю, где кто сидел на парте. Напишите, кто в армии (пришлите адреса этих товарищей), кто и где работает из бывшего третьего класса? Вообще, пишите обо всем, о чем найдете нужным писать. Для меня все будет интересно.

У нас уже давно начались морозы. Выпадает снег. Тает, опять выпадает... Наблюдал северное сияние. Скоро начнется полярная ночь. Тогда оно будет еще ярче. Приеду – обо всем расскажу, кого из вас еще застану в училище. Интересная будет встреча. И не знаю, как для вас, а для меня – радостная встреча, волнующая.

Ну, будьте здоровы. Еще раз желаю вам хорошей и дружной работы, больших успехов в учебе.

С приветом к вам и к вашим учителям, А.С.

Отдельно – привет Марии Федоровне. А.С.

Адрес: полевая почта станция № 889. Почтовый ящик № 1011, А.С. Жданову».

В Усть-Выми сейчас осталось немного бывших выпускников педучилища. В основном это те, кто окончил училище уже в послевоенные годы. Вспомнить учителя Жданова никто не смог. В училище Анатолий Степанович преподавал немецкий язык. Правда, работал недолго: пришел в училище накануне войны, а 6 марта 1942 года был призван в действующую армию. В годы войны в училище преподавала биологию Мария Андреевна Жданова. Возможно, это его супруга.

О судьбе А.С.Жданова выяснить пока ничего не удалось. Неизвестно, где он родился, что с ним случилось на войне. Воевал он, судя по письму, где-то на Севере, возможно, под Мурманском. Но это всего лишь догадки.

В Книге Памяти Республики Коми на 677-й странице восьмого тома в разделе «Имена призванных в армию, судьба которых не установлена» о Жданове А.С. сказано: «1913 года рождения. Призван в марте 1942 года». И все.

Хотелось бы, чтобы имя скромного сельского учителя выплыло из небытия. Возможно, остались у Анатолия Степановича родные. Может быть, вспомнит его кто-то из бывших учеников. Откликнитесь!

Станислав САЛЬНИКОВ,
научный сотрудник Усть-Вымского краеведческого музея.
(«Дым Отечества», 24 мая 2003 г.)

Однофамилец

«Добрый день, Анюта, Славик, Алик и Галечка!

Шлю вам всем горячий привет с фронта Отечественной войны и желаю вам здоровья, успехов в делах и жизни.

Спасибо за письмо, которое от вас получил. Нового у меня ничего нет. Находясь на фронте, продолжаю драться с ненавистным врагом – с немецкими фашистами, стараясь быстрее истребить и изгнать с нашей родной земли. Поэтому дядя Паша, если как инженер-строитель до войны строил заводы и дома для советского народа, теперь с оружием в руках защищает нашу свободу, нашу прекрасную родину. И представьте сейчас дядю Пашу с внешнего вида: военный инженер, на правом боку револьвер ТТ, за плечом – автомат, на шее – бинокль, на левом боку – полевая сумка.

Приветствую Алика за то, что он вступил на следующую ступень своего жизненного пути – поступил учиться в школу. В школе надо вести себя дисциплинирован-

но, учиться хорошо. Надо стараться больше взять в школе знаний и навыков. Жду от Алика письма. Он, наверное, скоро будет уже писать. Славик, наверное, ходит в сад. Ему тогда тоже есть чем заниматься: делать игрушки, рисовать и т. д.

Итак, желаю вам здоровья и успехов в делах.

Будете писать, шлите привет Степе, Ване.

Ваш дядя Паша Полещиков.

Привет знакомым по Сыктывкару. Адрес: ППС № 1652, часть 100, мне».

«Привет с фронта, Анюта, Алик, Славик, Галечка!

Спасибо за открытку вашу от 12.05, которую получил сегодня. Сегодня же получил открытку из Архангельска от Николая Степановича Полещикова. Он сообщает о тяжелой утрате, постигшей Марковых. На фронте погиб Лувик Марков. Анюта! Прошу тебя от меня выразить Александру Александровичу и Екатерине Степановне глубокое соболезнование. Для них эта утрата особенно тяжела. На фронте погиб второй сын. Очень и очень мне жаль Лувика. Такой славный и боевой он был. Да, война, она жестока и требует жертв. За смерть погибших бойцов до последнего дыхания буду еще крепче бить фашистскую сволочь.

Анюта! На днях деньги я вам переведу и впредь буду посылать ежемесячно. До сих пор я не послал, потому что не знал нужды в деньгах у вас. Теперь я свою зарплату всю буду высылать тятеньке, сестре Ане и вам. Сейчас у меня есть деньги здесь еще на сберкнижке, тысяч восемь.

Живу по-прежнему. Чувствую себя неплохо. Здоров. Мучает только цинга. Сказалось, видимо, то, что в течение зимы совершенно не видел овощей.

Желаю вам здоровья и успеха в делах и жизни. Посылайте привет Степе и Ване. Привет знакомым и родным.

За боевые дела правительством награжден орденом Красной Звезды.

Пишите, очень жду.

Ваш Паша Полещиков. 5.6. 43 г.

Адрес: полевая почта, 82715, мне».

Эти фронтовые письма – немногие свидетельства жизни Павла Николаевича Полещикова. Они же – последний штрих его недолгой, но насыщенной, трудной судьбы. Фронтовые треугольники адресованы его родным в Коми. Успел ли солдат получить ответные письма на них – сказать трудно. 27 октября 1943 года Павел Полещиков погиб на Ингулецком плацдарме.

Павел Николаевич – мой однофамилец. Возможно, даже родственник. Он тоже уроженец села Серегово Княжпогостского района. Как сказал Иван Ильич Полещиков, ветеран строительной отрасли нашей республики, все Полещиковы имеют общие корни. Выходцы из Вятской губернии, они переселились на Сереговские солеварни, здесь обжились, остались навсегда. Семьи породнились, разрослись. Без архивных изысканий не скажешь, кто из какого колена.

Судьба Павла Полещикова заинтересовала меня неслучайно. В июне 1924 года в Усть-Сысольске проходил IV съезд коми комсомола. На нем выбирали делегатов на Всесоюзный съезд РКСМ. Больше всех голосов набрал Полещиков. Он же с 1924 по 1927 год возглавлял Коми обком ВЛКСМ. Потом был секретарем горкома партии в Усть-Сысольске, членом обкома ВКП(б). В 20-е годы мало кто мог соперничать с ним в таком стремительном восхождении по служебной лестнице. Казалось бы, все это должно найти отражение и в архивных документах.

Павел Полещиков.

Но архивы хранят молчание. По необъяснимой пока причине личное дело одного из первых секретарей Коми обкома комсомола оказалось уничтожено. Не осталось и личного дела коммуниста Полещикова.

Поиск сведений о Павле Николаевиче привел меня к Клавдии Ивановне Макаровой, заслуженной учительнице Республики Коми и России. У нее и нашлась первая зацепка, приоткрывшая завесу над личностью секретаря обкома комсомола. В семье Макаровых сохранилась автобиография Павла Полещикова. Очень ценный документ не только в историческом, но и в человеческом плане.

Павел родился 19 октября 1903 года в большом семействе сереговского солевара. Первыми воспитателями мальчика были тетушки и бабушки. Поэтому еще ребенком Павлик стал завсегдатаем сереговского храма, его ставил в пример другим местный священник.

Четыре года учебы в земской школе запомнились Полещикову подшучиваниями и насмешками детей богатых родителей. Но ему так хотелось учиться, так нравилось постигать новое, что все лишения отходили на задний план. Отличные отметки и прилежное поведение подопечного подтолкнули учителя заступиться за него перед отцом. Он же попросил направить Павла в ближайшее высшее начальное училище, которое находилось в Усть-Выми. Отец дал согласие.

Здесь юношу застали Февральская, а затем Октябрьская революция. В своей автобиографии он пишет: «Правильного толкования совершившегося события как мною, так и всеми учащимися не замечалось. Среди учащихся настроение было в сторону передачи власти брату Николая Второго – Михаилу, что выявилось в приеме присяги таковому».

Революционные настроения на улицы Серегово пришли позже. Жители села с красными флагами в руках проводили демонстрации у дома управляющего солеваренным заводом. Требовали увеличить заработную плату, прекратить издевательства и мордобитие. Жизнь заставляла вникать в происходящее. Павел проникся сочувствием к новой власти. А когда в 1919 году при школе организовали союз учащихся, стал его первым председателем.

Переполох в селе наделала банда Орлова. Но белые продержались здесь недолго, никто из активистов не пострадал. После их ухода объявили партийную неделю. Шестнадцатилетний Павел записался в ряды РКП(б). Но ввиду малолетства его не приняли.

Не смог он в 1920 году поехать и на войну с Польшей. Забраковали из-за слабого здоровья. Вместо этого избрали членом райкома РКСМ. Затем в качестве уездного инструктора и члена политпросветколлегии он пропагандировал декреты советской власти. Пошло – поехало. Из Усть-Вымского района перебросили в Усть-Кулом, приходилось параллельно работать в соворганах и волисполкомах, в комитетах бедноты, политкомом среди допризывников. Об учебе пришлось забыть. Так же, как и о собственном здоровье. Результат – катар дыхательных путей, другие болезни, неминуемые при многолетнем умственном напряжении.

Мечту об учебе не оставил. Но все просьбы и обращения в комсомольские и партийные инстанции направить на учебу в Москву оставались без ответа. Поступил было в 1930 году в Коммунистический университет имени Сталина в Москве, но дали проучиться всего год. Одолел всего два курса высшего инженерно-строительного училища. Добровольно, несмотря на слабое здоровье, ушел в Красную Армию. Стал слушателем инженерной академии РККА. Но почему же препятствовали Полещикову в учебе раньше? Почему в 1929 году сняли с партийной работы? Видимо, тогда же из архивов и изъяли его личные дела.

Ответы на эти вопросы прояснили две женщины, связанные с Павлом Николаевичем родственными узами. Обе – Валентины, обе – сыктывкарки. Валентина Владимировна Полещикова – заслуженный врач Республики Коми и России. Валентина Ивановна Прошева – доктор биологических наук, ведущий сотрудник Института физиологии Коми научного центра. Валентина Владимировна рассказала, что брат отца Павла Полещикова – Степан Павлович – перед революцией недолгое время был урядником. Во время коллективизации его раскулачили, отобрав всю живность и даже носильные вещи. Потом выяснилось, что оснований для раскулачивания никаких не имелось. Отобранный скарб обратно собирали по всему селу. Да разве найдешь все.

Валентина Ивановна Прошева и передала эти два письма от дяди, пришедшие с фронта ее родителям. У нее же хранится еще одна автобиография Павла Николаевича, написанная в смутный 1938 год. Племянница Полещикова знает и другие «темные места» родственных уз. Так, в 1929 году раскулачили, а затем отдали под суд родителей жены брата Павла Николаевича. Аресты и раскулачивания тенью ложились на комсомольского, партийного вожака. В этом, наверное, и кроется корень всех бед, преследовавших Полещикова.

Но все несправедливости и обиды отошли на задний план, когда на страну напали фашисты. Павел Николаевич проходил службу в войсках Степного и

Павел Николаевич Полещиков.

Второго Украинского фронтов, участвовал в Сталинградской битве. Знания начальника инженерной службы 24-й дивизии майора Полещикова очень пригодились при форсировании крупных рек на Украине.

Рано утром 27 октября 1943 года дивизионная машина, в которой находился инженер Полещиков, прибыла в село Родионовка. Павел Николаевич пошел на северную окраину села, чтобы поставить задачи перед саперным батальоном. Намечалось строительство переправы через реку Ингулец. Вдруг со стороны Кривого Рога налетели фашистские самолеты, началась интенсивная бомбежка наших позиций. Полещиков находился в крайней хате села. И сразу был убит.

Командир дивизии, узнав о гибели талантливого инженера, приказал похоронить его с воинскими почестями. Но уже вскоре наши части вынуждены были оставить Родионовку. Могила Полещикова до марта 1944 года оставалась в оккупированной зоне. Лишь в 1979 году останки майора перезахоронили на территории центральной усадьбы колхоза «Родина» в селе Чкаловка, где создан мемориал воинской славы.

В церемонии перезахоронения участвовал и племянник Павла Николаевича – Вячеслав Степанович Полещиков. Он еще застал в живых хозяйку дома, в котором погиб Павел Полещиков. Она помнила многие детали того страшного дня, когда оборвалась жизнь дивизионного инженера. Вернувшись после бомбежки в хату, она увидела прислоненного к стене мертвого солдата. Осколок попал прямо в висок. Обнаружить могилу Полещикова после 30 лет помогли местные жители.

Память об инженере Полещикове долго жила на берегу реки Ингулец. Вскоре после перезахоронения его праха в селе Чкаловка здесь появилась улица, названная его именем. Интересно, жива ли благодарная память о нашем земляке на Украине сегодня? На родине же его помнят сейчас лишь родственники.

Вениамин ПОЛЕЩИКОВ.

(«Дым Отечества», 16 августа 2003 г.)

ПЕРЕКРЕСТКИ

Живу сегодня и всегда

Мир людей един и тесен. Каждый человек связан с другими тысячами нитей, часто незримых, неожиданных.

...Перелистываю наши семейные альбомы. Ими набит целый шкаф в большом родительском доме в Удорском районе. Альбомы пухлые, старые. Один из них, уже изрядно растрескавшийся на сгибах, потрепанный, нечаянно скользит на пол. И рассыпается на листочки. «Надо заменить новым», – говорю про себя и начинаю освобождать из уголков снимки. Снимки, как и сам альбом, тоже старые. Многих из запечатленных на них людей я не знаю. Спросить о них уже не у кого. Кое-что удается узнать из надписей, сделанных на обороте карточек.

Анатолий Всеволодович Потеминский.

«На память Нюрочке от Анатолия Всеволодовича. 31 мая 1931 года. К сему А.Потеминский». «Потеминский, Потеминский...» В закоулках памяти на эту фамилию отзывается эхо. Зажмуриваю глаза, изо всех сил пытаюсь зацепиться за ускользающий шлейф событий, дат, имен. Вдруг осеняет: «Да это же фамилия расстрелянного священника. Всеволод Потеминский недавно причислен Русской православной церковью к лику святых». Но кто этот молодой человек за письменным столом, кем доводится святому? Неужели сын? Как его фотография попала в наш семейный альбом?»

Узнать сначала удалось немного. Анатолий Всеволодович Потеминский в 30-е годы учительствовал на Удоре. Работал в сельских школах Важгорта, Пучкомы. Вскоре отсюда уехал. Больше о нем никто ничего не слышал.

А фотографию он подарил моей тете Анне. «Нюрочка» – это она и есть. В 30-е годы она была такой же молодой, как и учитель со старого снимка. Жизнь ее сложилась трагически, она погибла в 38 лет. Именно тете Анне я обязана своим именем.

«Здравствуйте, мама, Нина и Юрий! Совсем недавно писал вам открыточку и сегодня решил написать опять. Живу пока по-прежнему, на сегодня жив и здоров, а что дальше будет – кто знает заранее. Не определишь своей судьбы. Сегодня получил зарплату, но прислать вам ничего не смог, уплатил за заем по новой подписке и по аттестату. И все. И хотелось бы хоть немного послать вам, но послать не смог. Буду жив – и будет такая возможность, буду стараться пересылать вам. Писем пока, кроме Ларисы и Юры, ни от кого нет. Ну пока и все. Буду жив – буду извещать о себе хотя бы коротенько. С приветом к вам, Анатолий. 17/V – 1944 г.».

Фотокарточку темноволосого молодого мужчины прихватила с собой в Сыктывкар. Шансы проследить его судьбу ничтожно малы. Даже если это и сын святого. По семьям расстрелянных священнослужителей время прошлось тяжелым молохом. Всех раскидало, развеяло, погубило.

Если бы кто-то сказал, что уже через несколько дней я буду держать в руках пачку писем и вчитываться в написанные героем снимка Анатолием Потеминским строчки, ни за что бы не поверила. Но получилось именно так.

«Здравствуйте, мама, Юрий и Нина! Получил письма от Ларисы и Симона. Отвечая им, пишу всем своим. Лариса прислала свою фотокарточку. Симон пишет, что думает побывать дома и имеет уже на это кое-какие шансы. Я рад за него, если это ему действительно удастся. А мне при данных условиях о чем-либо подобном, конечно, и думать не приходится. Я живу пока по-прежнему. На сегодня жив, здоров, а что будет дальше, кто знает. Ну пока и все. Буду жив – буду и в дальнейшем извещать о себе. С приветом, Анатолий. 4/VI – 1944 г.».

...Центром притяжения и украшением вымского села Семуково долгие годы оставался храм. На звон колоколов привычно стекался к Никольской церкви крестьянский люд. Перед революцией приехал сюда из вологодского городка Никольска новый батюшка – Всеволод. Вскоре в доме священника стало тесно от маленьких Всеволодычей. Августина, Нина, Варвара, Симон, Анатолий... Заправляла хозяйством матушка Агния.

Зимой 1937 года церковь в Семуково закрыли. Перед этим батюшку трижды под конвоем уводили из дома. После ареста в 1936-м он сюда уже не вернулся. Что с ним сталось – никто не знал. Развело в разные стороны всех Потеминских. Жена Агния жила то у одних, то у других. Все мужа ждала. Долго прождала. До 102-х годочков прожила. Муж так и не вернулся.

...Слушаю эту историю в редакции газеты «Вера» – «Эскöм». Позвонила перед этим, услышала в трубке голос Жени Суворова. Только заикнулась о Потеминских, он тут же прервал: «Брось все дела. Тебя тут сюрприз ожидает. Если бы не твой звонок, я начисто забыл бы об этом свертке».

Рассказывает о судьбе семьи Потеминских, разглаживает на рабочем столе солдатские письма-треугольники. «Вот он, обещанный сюрприз. Представляешь, засунул в стол и начисто о нем забыл. Никогда такого не бывало». Потом говорит о посетителе, который занес в редакцию эти бумаги. Было это в начале 90-х. Гость, мужчина в возрасте, назвался родственником священников Потеминских. Немного, кажется, с того времени и воды утекло. Но судьба расстрелянных батюшек тогда еще крепко лежала под спудом. Посетитель вынул сверток и вручил Евгению: «Ты журналист. Тебе это пригодится. Здесь письма. Их писал с фронта сын священника Потеминского – Анатолий. Отца уже не было в живых, его расстреляли в 37-м. Письма адресованы матери, сестре и племяннику Юрке».

«Здравствуй, Юрий. Получил твое письмо, за которое большое спасибо. Беспокоюсь о здоровье бабушки, но, к сожалению, ничем не в состоянии сейчас помочь, мне уже Симон писал о ней и вообще о вашей жизни. Я пока нахожусь в госпитале, на следующей неделе, а то и раньше, должен выписаться, а там как и что будет – кто знает. Буду жив – буду извещать о себе. Расти большим, здоровым, умным. Слушайся маму и бабушку, помогай бабушке в чем можешь, она хорошая, добрая. Передай маме и бабушке от меня привет. С приветом, твой дядя Тося. 4/VIII – 1944 г.».

Все письма из свертка Евгений Суворов прочитал. «Да это же фронтовые письма, семейная реликвия» – с этими словами принялся разыскивать незнакомца, передавшего ему свой архив. Нашел адрес. Но там его огорошили. Сказали, что хозяин умер. Так фронтовые послания, написанные аккуратным почерком, остались в его столе.

«Здравствуй, Юрий! Получил твое письмо, за которое большое спасибо. Сейчас хоть знаю, что вы живы. Конечно, трудно приходится, но ничего не поделаешь. Я вам много писем уже писал, два раза перевел денег 600 и 200 рублей. Должны получить, и может, куда-нибудь пригодятся. Сегодня получил письмо от Симона. Вот от Маруси никак не могу получить, не знаю, дождусь ли, ибо наша жизнь такова, сегодня – жив и здоров, а за завтрашний день ничего не знаешь, что случится. Может, это и странным покажется, но это так. Если сейчас не понятно, то погодя поймете. Буду извещать о себе регулярно. Привет маме, бабушке. Желаю всем вам здоровья, счастья, радостей в жизни и успехов в работе. С приветом, Анатолий. 2/VIII – 1945 г.».

Пробил час и запамятованная фамилия вновь стала на слуху. Возвратился из небытия батюшка Всеволод Потеминский. Так же, как раньше, в длинной рясе, с крестом на груди. Лишь вместо камилавки на голове – нимб. Теперь он небесный покровитель и всех Потеминских, и родного Семуково.

Как мотыльки на огонек, из дальних и ближних мест к отцу Всеволоду стали слетаться его разбросанные по весям потомки. Правнучка Наталья Игнатова взялась восстанавливать «подпиленные» временем крону и корни родового дерева. Правнук Михаил Цибенко закончил энергетический техникум. Но неожиданно для всех круто изменил жизнь. Поехал на родину предков, стал писать иконы. Несколько

Святой Всеволод Потеминский.

Никольский храм в деревне Семуково.

его образов теперь украшают алтарь Никольского храма в Семуково, в котором служил прадед.

«Здравствуйте, Нина, мама, Юрик! Нина, нас постигло большое, неожиданное горе: на днях получила извещение – Тося погиб 15 августа в Маньчжурии. Я не могу поверить, не может этого быть. Очень горюю, я его все ждала, ждала, думаю, вот-вот приедет, но вышло совсем не то. Я несчастна. Обидно, что он погиб после окончания такой большой войны, когда уже другие возвращаются домой. Не могу здесь живя даже ни с кем поделить горе, никого из родных. Не знаю, как доживу до весны, и не знаю, на что надеяться. Вся надежда была на Тосю. Но что же, видно, наша судьба такая... С приветом, Маруся. Привет всем от Лиечки. 12/X – 1945 г.».

Маруся – Мария Анисимовна Батманова – вдова Анатолия Всеволодовича. Лиечка, как полагаю, его единственная дочь. Узнала, что она живет в Усинске. Мы обязательно с ней должны встретиться. Хотя бы для того, чтобы я смогла передать портрет ее отца, который неожиданным образом стал причастен, близок и нашей семье. Тесен мир...

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 28 декабря 2002 г.)

Два портрета в одном интерьере

С удовольствием читаю «Дым Отечества». Многие события и люди, о которых рассказывается на его страницах, мне знакомы не понаслышке. Но и поводов для открытий, удивления здесь всегда хватает. Изумлением откликнулась во мне статья «Живу сегодня и всегда» в прошлом выпуске «Дыма Отечества».

Напомню, что она рассказала о судьбе священников Потеминских. Последний священник из этого рода – Всеволод Потеминский – причислен Русской право-

Полиевкт Павлович Попов.

славной церковью к лику святых. Героем газетной публикации стал его сын – Анатолий. В родительском доме в Удорском районе в семейном альбоме корреспондент случайно обнаружила снимок Анатолия Потеминского. Он же стал зацепкой в поиске сведений о жизни и трагической судьбе сына святого.

Вглядевшись в напечатанный в газете снимок, я не поверила своим глазам. Дело в том, что весь антураж комнаты, на фоне которого запечатлен Анатолий Потеминский, мне хорошо знаком: и массивный письменный стол, заваленный бумагами, и цветастые обои, и газета, висящая на стене. Отличие лишь в одном: место за столом на фотографии, которая хранится в нашей семье, занимает совсем другой человек. Это мой муж Полиевкт Павлович Попов.

Уроженец Удоры Полиевкт Павлович после окончания школы в селе Глотово, рабфака и педагогических курсов работал в удорских селах. Был учителем в Важгорте и Пучкоме, одновременно исполнял обязанности секретаря сельсовета. В 30-е годы здесь и свела его судьба с Анатолием Потеминским. По всей видимости, в один день родились и эти две фотографии. Но о существовании другой я до сих пор не подозревала.

Полиевкт Павлович Попов прожил короткую, но яркую жизнь. О нем рассказывалось в «Дыме Отечества». К этому добавлю лишь, что всю жизнь он вспоминал друга юности Толю Потеминского, еще до войны они много раз встречались, переписывались. В нашей семье до сих пор хранится и портрет Потеминского с теплой дарственной надписью на обороте, адресованной другу Полиевкту.

Ксения ПОПОВА.

г. Сыктывкар

(«Дым Отечества», 25 января 2003 г.)

Отец и дочь

Удивителен мир. Щедр, тесен и богат на неожиданности. На страницах «Дыма Отечества» уже не раз появлялись подтверждения этим словам. И снова есть повод для удивления и радости. Маленькое свидетельство о жизни одного человека свело, объединило, породнило разных людей.

Амалия Анатольевна Потеминская.

И тех читателей нашего приложения, кто давно следит за публикациями «Дыма Отечества», и тех, кто впервые взял его в руки, отсылаю к двум публикациям. Первая – «Живу сегодня и всегда» вышла в декабрьском выпуске, а вторая – «Два портрета в одном интерьере» увидела свет в январе этого года. Главный герой обеих – сельский учитель Анатолий Потеминский. До прошлой осени я ничего не знала о нем. Даже имени этого никогда не слышала. Пока в руки не попала его фотокарточка, почти случайно оказавшаяся в моем родительском доме в Удорском районе.

Фотокарточку привезла в город. В надежде, что удастся разузнать какие-нибудь факты из жизни учителя с красивой фамилией. Надежды превзошли все ожидания. Оказалось, что Анатолий Всеволодович Потеминский – сын священника, святого Русской православной церкви. Все перипетии, которые привели к этому и другим открытиям, подробно изложены уже в упомянутой статье «Живу сегодня и всегда».

Вслед за публикацией пришел отклик. Читательница из Сыктывкара Ксения Александровна Попова в помещенном в газете снимке узнала знакомый интерьер. Оказалось, что у нее имеется точно такая же фотокарточка. Только сидит за знакомым столом другой человек – ее муж. Друг юности Анатолия Потеминского.

Вскоре последовала еще одна встреча. Самая волнующая и незабываемая. К нам в редакцию пришла дочь Анатолия Всеволодовича – Амалия Анатольевна Потеминская. Специально для этой встречи она приехала из Харьяги Усть-Цилемского района.

Мы долго сидели, разговаривали. Перебирали оставшиеся от Анатолия Потеминского письма и фотокарточки. Уже одно то, что дочь сельского учителя, погибшего в 1945 году, бережно хранит отцовский архив, возит его с собой, говорит о многом.

Амалия Анатольевна о публикации узнала случайно. И бросив все дела, поспешила в Сыктывкар. Наверное, так поступит каждый, если узнает, что вернулся из плена времени близкий человек, уже давно ушедший из жизни.

Родные пенаты в Усть-Вымском районе.

Родители усинской гостьи познакомились и поженились на Печоре. Там оба учительствовали. Родились две дочки, которым отец дал красивые имена: Ангелина и Амалия. Но Ангелина вскоре умерла. В 30-е годы супруги часто не регистрировали брак. Мария Анисимовна и Анатолий Всеволодович расписались лишь в 1942 году, перед самой отправкой мужа на войну. Потеминский очень хотел, чтобы семья была скреплена общей фамилией.

Он храбро воевал. В одном из писем писал, что наградили орденом Красной Звезды. Несколько раз был ранен, контужен. Но несмотря ни на что, очень надеялся на долгожданную встречу с семьей и родными. Писал с фронта очень часто. Уже к концу войны, да и раньше, в скупые строчки солдатских посланий вкрапливались нотки грусти, какой-то обреченности. Анатолий Потеминский выжил на Западном фронте. Но горькие предчувствия его не обманули. Он погиб на Восточном фронте, в степях Маньчжурии.

Всю жизнь единственная дочь погибшего солдата мечтала съездить в те места, где он остался лежать. В 1980 году умерла мама. Эта утрата заставила приложить еще больше сил, чтобы узнать, уточнить место гибели отца. Полетели пись-

Семья священника Всеволода Потеминского. Справа от отца – сын Толя. Снимок сделан до 1917 года.

Анатолий Потеминский.

ма в разные военные ведомства. Кто-то не ответил, кто-то ограничился дежурными фразами. Но Амалии Анатольевне повезло. Подробное, обстоятельное письмо пришло из Пограничного райвоенкомата Приморского края. Райвоенком подполковник Набоков объяснил дочери погибшего воина, как доехать до станции Гродеково, где есть воинское захоронение и где, по сведениям из Центрального архива Министерства обороны России, похоронен Потеминский. Военком просмотрел все списки похороненных там. Но фамилию Потеминского не нашел. Извинялся, что списки эти не полные, многие погибшие туда не вошли. Просил приехать и обещал оказать всяческое содействие.

Перестройка и связанные с ней неурядицы и трудности отодвинули эту поездку. Большие изменения произошли и в жизни Амалии Анатольевны. Из-под Питера, где семья прожила 24 года, пришлось возвращаться в Коми. Муж умер. Трое сыновей выросли. Неожиданно для себя женщина оказалась в Харъяге. Стала работать горничной в гостинице вахтовиков. Пенсионерам не так просто кардинально менять свою жизнь. Но Амалия Потеминская ни о чем не жалеет: «Видели бы вы, какой здесь, на Севере, горизонт, какое небо, какие дали. Они прибавляют силы». И добавляет: «Все это любил и мой отец».

На прощание она призналась, что публикация в газете ей очень помогла в непростой жизненной ситуации. Перед уходом симпатичная, обаятельная женщина обняла меня. Было ощущение, что я встретилась с доброй родственницей, с которой давно не виделась.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

Потеминский – мой первый учитель

Анатолий Потеминский. Это имя присутствовало сразу в нескольких номерах «Дыма Отечества» последних месяцев. Сельский учитель, сын расстрелянного священника, недавно причисленного церковью к лику святых, защитник Отечества, сложивший голову в 1945 году. Имя и фамилия, случайно выплывшие из пучины времени, удивительным образом связали разных людей, потянули за собой шлейф встреч и открытий. Последняя такая встреча произошла совсем недавно – к нам в редакцию из Усинска приезжала дочь Потеминского – Амалия Анатольевна.

Рассказ об этой встрече, как нам казалось, стал завершением серии газетных публикаций про Анатолия Потеминского. Но оказалось, точку в судьбе героя наших публикаций ставить все еще рано. Подтверждение этому – пришедшее в редакцию письмо.

«Анатолий Всеволодович Потеминский – мой первый школьный учитель. Надо ли говорить, какой интерес вызвали материалы «Дыма Отечества», героем которых неожиданно для меня стал именно он.

Учил он нас в школе очень давно – в 1930-32 годы. Это было в удорской деревне Макарыб на берегу реки Мезени. Анатолий Всеволодович с первых же дней, проведенных в школе, стал самым любимым нашим учителем. Любили мы его, очень любил нас и он. На переменах Потеминский не считал зазорным играть с нами, забавлять нас. Весной и осенью Анатолий Всеволодович водил школьников на экскурсии в ближние леса, показывал красивые места, фотографировал на природе.

Первую в моей жизни фотокарточку, на которой осталась запечатленной и я, сделал тоже Потеминский. Нас, макарыбских школьников, учитель сфотографировал на лесной опушке. Головы многих украшают соломенные шляпки. Плести их тоже научил учитель. У одного из мальчиков на снимке – недоплетенная шляпка в руках. Сколько ни старался мальчишка – не успел доделать головной убор. Как и всякое дело, и это требовало сноровки, ловкости.

Недолгое пребывание Анатолия Всеволодовича в Макарыбе оставило заметный след. Тринадцать его учеников стали учителями, директорами школ. Двое – Надежда Политова и Михаил Обрезков – в разные годы возглавляли Удорский РОНО.

Из Макарыба Потеминский уехал неожиданно. Лишь став взрослыми, мы узнали, что он сын священника и, видимо, в этом кроется причина его скорого отъезда. И только теперь, десятки лет спустя, раскрылась вся нелегкая и короткая судьба нашего дорогого учителя.

Мне уже 82-й год. Живу в Сыктывкаре. Как и другие мои однокашники, я тоже стала учительницей. В годы войны работала первым секретарем райкома комсомола на Удоре. Затем была вторым секретарем обкома ВЛКСМ, инструктором обкома КПСС. Последние 18 лет работала директором сыктывкарской школы № 18. Многим в жизни и судьбе я обязана Анатолию Всеволодовичу Потеминскому, стоявшему у истоков моего образования. Царствие ему небесное!

Александра Ивановна ПУНЕГОВА (девичья фамилия Политова).

г.Сыктывкар»

(«Дым Отечества», 19 апреля 2003 г.)

Снимок А. Потеминского.

«Обнимаю. Целую. Лемешев»

Музей истории просвещения Коми края некоторые люди называют еще и Шаляпинским. Видимо, оттого, что в стенах музея прописалось Шаляпинское общество. Здесь часто звучит музыка, устраиваются концерты. А посетители приносят в дар музею патефоны, пластинки, афиши. Все то, что связано с музыкой, искусством.

Сергей Яковлевич Лемешев.

Директор музея истории просвещения Майя Бурлыкина получает большую почту. Но то письмо, пришедшее из Ухты, она вызубрила наизусть. Писал выпускник истфака СГУ Андрей Байбородин. Он сообщил, что у него на руках остались письма, которые он хотел бы передать в университетский музей. Достались они ему от пожилого ухтинца, которого уже нет в живых. Часть этих писем написана Сергеем Лемешевым.

Надо ли говорить, как такое известие может отозваться в душе музейного работника?

Мир един и очень тесен. Сергей Яковлевич Лемешев никогда не бывал на Коми земле. Но прославленный певец не только знал о нашем северном захолустье, но мысленно не раз приближался к нему, чтобы поддержать человека, за которого переживал, волновался, молился другой человек, очень близкий Лемешеву. Вот она, пожелтевшая связка писем и открыток, отголоски пронизавших мир невидимых печалей, радостей, слез.

«Обнимаю. Целую. Лемешев» – так заканчивается каждое послание великого тенора. Его почерк был далек от каллиграфического. Но вчитываясь в загогулины букв, открываешь неизвестного Лемешева, очень простого, доброжелательного, донельзя скромного. Именно таким он предстает и из воспоминаний, приложенных к письмам. Их оставила Нина Сергеевна Кутепова.

Нину Кутепову, коренную петербурженку, дворянку, выпускницу Смольного института благородных девиц и питерской консерватории, революцией занесло в Екатеринбург. Большую семью разбросало по стране, к счастью, все остались

Нина Сергеевна Кутепова.

живы. Молоденькая Нина, попав в уральскую столицу, думала, что задержится здесь не долго. Но оказалось, на всю жизнь.

Она, судя по письмам, никогда об этом не жалела. В Свердловске Нина Сергеевна обрела известность блистательной пианистки, тонкого знатока музыки, прекрасного педагога. Музыкальная жизнь здесь била ключом. В 1926 году в Свердловский оперный театр, слывший одним из лучших в стране, приехал работать Сергей Лемешев. Лишь за один сезон с большим успехом он спел здесь 12 партий. Поначалу были трудности с аккомпаниаторами. Но после знакомства с пианисткой Ниной Кутеповой все изменилось.

Один-единственный театральный сезон пианистка и певец работали рядом. Вскоре Лемешев распрощался со Свердловском, уехал с гастролями в Харбин, потом в Тбилиси, а затем надолго стал и «пленником», и украшением Большого театра. Но Нину Кутепову он не забыл. На десятилетия растянулась дружба и переписка. «Все как сейчас перед глазами, – в одном из писем к Нине Сергеевне, датированном 70-ми годами, признается Сергей Яковлевич. – Мы с вами начали заниматься три раза в неделю...» А Нина Сергеевна продолжила жить и работать в Свердловске. В прихожей ее квартиры возвышались две горки тапочек: «Это – для басов и баритонов, – говорила она непосвященным и указывала на стопку тапочек больших размеров. – А это для теноров», – и взгляд переводила к другой стопке, с тапками поменьше. За свою жизнь она выпестовала десятки певцов, аккомпанировала Петрусенко, Козловскому, Руслановой.

Еще одним человеком, с которым всю жизнь Нину Сергеевну связывала большая дружба, был ее брат Ростислав Сергеевич. Он тоже получил блестящее образование, окончил технологический институт, проектировал и строил военные и гражданские заводы. Из трех братьев Кутеповых он единственный остался в живых после Великой Отечественной войны. (Нина Сергеевна сохранила письма брата с фронта со множеством иносказаний, к которым не смогла придраться военная

цензура, но родственникам из них становилось все ясно. Эти письма теперь тоже в музее СГУ.)

Другая жизнь, наступившая после революции, по-своему воодушевляла, привлекала Кутеповых. Но каждый из них, несмотря ни на что, не утратил почтения к той жизни, в которой они жили, воспитывались в родительском доме. «Христос воскрес!» – этим приветствием в послепасхальные 40 дней начинаются все письма Нины Сергеевны и Ростислава Сергеевича друг к другу на протяжении долгих десятилетий. По признаниям Ростислава Кутепова, именно вера в Бога помогла ему выстоять, выжить и в лагерях.

Нина Кутепова.

Его арестовали в 1946-м. Сослуживцы донесли, что он дворянский отпрыск, а значит, почти враг. Арестованного инженера привезли в Ухту. Здесь люди с «головой» были в цене. Уже вскоре он получил работу по специальности. Но от несправедливости, свершившейся над ним, не находил себе места, захлестывали через край переживания. Главной утешительницей была сестра. Еще духовник – священник из центра России. Он несколько раз присылал в письмах на зону 40-й псалом, который Кутепов хотел иметь под рукой. Но каждый раз лагерное начальство молитву из писем изымало. Тогда духовный отец переписал ее на тонкую коленкоровую ткань, поместил между дощечками посылочного ящика и вместе со съестными припасами отправил в Ухту. Так Ростислав Сергеевич заимел нужную молитву и обрел силу духа.

После освобождения и реабилитации в 1956 году Ростислав Сергеевич судьбу искушать не стал, остался жить в Ухте. Тридцать пять лет проработал на предприятиях «Комиэнерго». В свободное время с удовольствием играл на кларнете. Несколько раз в гости к брату приезжала из Свердловска Нина Сергеевна. В один из своих приездов она привезла в Ухту и передала брату связку дорогих для нее писем от Сергея Лемешева.

Нины Сергеевны Кутеповой не стало в 1980 году. Ушел из жизни и Ростислав Сергеевич. Но осталась их жизнь. Не только в памяти тех, с кем она сводила, но и в пронзительных, удивительно человечных, проникнутых сопереживанием и заботой письмах.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 25 мая 2002 г.)

«Нога с резиной совсем ослабела...»

В письме бывшего солдата Советской армии, которое перед вами, я специально оставила некоторые грамматические и лексические огрехи. В детстве Михаилу Урнышеву проучиться удалось немного. В его неправильностях есть своя изюминка, свой колорит, которые придают документу достоверность, передают и черты характера автора письма.

Это письмо адресовано талантливому коми писателю Василию Васильевичу Юхнину – автору романов «Алая лента» и «Огни тундры», многих повестей, рассказов, очерков. В левом углу письма осталась надпись: «Ответ послан 16/VIII-60 г. В.Юхнин». Что ответил писатель на послание бывшего солдата, неизвестно. 23 ноября того же года Юхнина не стало.

Архив писателя его вдова Наталья Васильевна передала в Литературно-мемориальный музей И.А.Куратова. В 1974 году я заведовала музеем и описала архив писателя. В нем большое место занимала переписка: с издателями, редакциями, писателями и т.д. Из всего богатого наследия писателя больше других меня потряс этот документ. Оказалось, что Михаил Урнышев и есть прообраз героев, мастерски изображенных В.Юхниным в своих произведениях. Человек-труженик, честный, добросовестный, самоотверженный.

Его обращение к писателю за помощью – это не попрошайничество, а скорее желание успешнее трудиться, приносить больше пользы людям.

По рассказам Натальи Васильевны Юхниной, писатель не смог помочь Урнышеву. Собрат по перу и друг В.Юхнина Я.М.Рочев в своих воспоминаниях писал: «Василий Васильевич умудрялся жить скромно. Ему почти ежегодно приходилось лечиться от туберкулеза в Крыму, а это стоило немало денег. К тому же после издания романа «Алая лента» в 1959 г. на русском языке в Москве В.Юхнин надумал помочь своим землякам: купил на гонорар пилораму и подарил ее родному колхозу. А в Сыктывкаре из-за загруженности издательства лежали неизданными три книги писателя: «Том сьӧлӧмъяс» («Сердца молодых»), «Биа нюр» («Огненное болото»), «Очеркъяс да висьтъяс» («Очерки и рассказы»).

Последний раз В.Юхнин лечился в Крыму в марте-апреле 1960 г. Летом из последних сил работал над романом «Шувгӧны пожӧмъяс» («Сосны шумят»). А силы уже покидали его. Роман так и остался незавершенным.

Очень хотелось бы узнать о судьбе Михаила Урнышева. Я обращалась в Занульский сельсовет, чтобы сообщили адрес Урнышева. Ответа не последовало.

Жив ли теперь Михаил Александрович? Как сложилась судьба его детей, внуков? Буду рада, если его потомки откликнутся на эту публикацию.

Тамара ЧИСТАЛЕВА.

«Добрый день или вечер.

Здравствуй дядя Василий Васильевич Юхнин. С приветом к вам из Ношульского сельсовета дер. Малый Рудник от Урнышева Михаила Александровича. Но, дядя Вася, вы, наверно, меня не знаете никак, но а я вас знаю и слышу хорошо со всех сторон. Но может раньше ты знал, но все же забыл, когда еще ваш отец был жив и у меня отец был жив, то они крепко дружили, они родственники близкие через вашу мать, но ваша мать меня очень крепко знает, зачасто я бываю у нее. Но она уже старая стала и никуда не ходит.

А раньше, когда моложе была, шибко гостили друг у друга отцы. Но я свою историю вам, дядя Вася, хочу сообщить. У меня год рождения 1920, 20 июля. До армии работал в кадре лесопункта. Был в Советской армии с 1940 г. сентября месяца, в морфлоте служил до 1947 года. В Отечественной войне участвовал с начала и до конца войны. На фронте ранен был 4 раза: два раза легко и два раза тяжело. И в настоящее время ношу на ногах резину длиной 8 сантиметров. Вобщем на ногах далеко пешком никак не могу ходить.

И при Отечественной войне заслужил ордена-награды следующие.

1) Орден Красной звезды

2) Орден Красного знамени

3) Орден Славы II степени

4) Орден Славы III степени

5) Медали «За отвагу»,

«За взятие Киркинеса» (Норвегия),

«За взятие г. Берлина».

Раньше получал по указу деньги за ордена, но в 1947 г. этот указ отменили и теперь остался безо всего. И так же бесплатную проездную книжку получал по Советским Союзу. А по мобилизации домой из Советской армии получал благодарственные письма от генералиссимуса тов. Сталина, но он, Сталин, в последнее время ошибся глубоко политически. Закрытое письмо прочитали и узнали.

Василий Васильевич Юхнин.

Но, дядя Вася, как прибыл из армии домой, меня сразу же взяли из колхоза «Рудник» складовщиком. И складовщиком работал с 1947 по 1948 г. 1948 г. меня силком послал райком на курсы 2-годичной с/х школы в Нижний Чов. И учился 2 года. В 1950 г. меня назначили бригадиром в деревне Мишаково, от своей семьи за 7 километров. В дер. Мишаково работал бригадиром 2 года. С 1953 г. работаю бригадиром в своей деревне и все время являюсь членом правления к/за. А в 1953 г. выбрали депутатом с/совета.

Мне так уже работы хватает, никак не могу повернуться, хотя у нас бригада небольшая, 32 человека, но все же нужно над ними крепко работать. Утром наряд людям дам и сам вместе с бригадой выйду на работу и рядом с рядовыми колхозниками работаю до вечера и перед народом объявляю за вчерашнюю работу трудодни всем к/зницам и к/зникам. Так что работа у меня не легкая. А наша бригада счита-

ется комплексной, коров держим 68 голов и лошадей 14 голов, а председатель к/за тов. Захаров Григорий Петрович редко бывает в наших бригадах, от случая к случаю только.

Но, дядя Вася, я бы вас попросил помочь мне. Не знаю, как ваше мнение будет. Я бы хотел купить велосипед или мотоциклет хотя бы одноцилиндровый, который самый дешевый, или велосипед с мотором. Есть моторы для велосипедов, но никак не могу их купить, потому что хотя все время работаю к/зе, но денег никак не могу собрать на эти вещи. А нога, которая ранена и с резиной совсем ослабела, ходить совсем не стал. А ходить часто приходится, в к/зе заседание правления, а расстояние до него 7 километров. А то сессия с/сов. Или исполком. А до с/совета в Занулье – 90 километров.

Деньги, которые из к/за получаем, то все на продукты и на одежду расходуем. Семья большая. С женой и я сам – 7 человек. Самой большой дочке пошел 13 год. Еще принял в свою семью на иждивение своих тестя и тещу престарелых. У них уже 67-69-летний возраст, остались безпризорными, у меня и живут уже 6 год. Так что, трудоспособных из 9 человек всего двое, мы с женой. И тяжело стало мне в настоящее время жить, семерых кормить, а старым пособий никаких не выходит, неоткуда.

Но, дядя Вася, я писал было в мотоциклетный завод, а после этого писал в Минсобес. И все они мне отказывают. Но, дядя Василий Васильевич, постарайся мне как-нибудь, если возможность у вас есть, помочь. За это вас не забуду никогда.

До свидания, дядя Вася.

Постарайся быстрее мне дать ответ. Дядя Вася, я ваш адрес точно сейчас не знаю и матери забыл зайти спросить вашего адреса точного. Нахожусь на почте и телефонистка говорит, пиши так:

г. Сыктывкар, коми писателю Юхнину Василию Васильевичу. Я так и пишу ваш адрес, не знаю, до вас дойдет – нет.

С приветом, Миша Урнышев.

29/VII-60 г.»

(«Дым Отечества», 25 мая 2002 г.)

Весточка от отца

В прошлом выпуске «Дыма Отечества» был опубликован материал «Нога с резиной совсем ослабела...». Вынесенные в заголовок слова принадлежат автору помещенного на страницах газеты письма – фронтовику Михаилу Александровичу Урнышеву. Это письмо обнаружила в архивах известного коми писателя Василия Юхнина сыктывкарский историк и краевед Тамара Чисталева. Израненный солдат Великой Отечественной Урнышев обращался к Василию Васильевичу Юхнину с просьбой помочь приобрести велосипед. И описывал свою нелегкую послевоенную, сопряженную с работой, с многочисленными заботами жизнь. Письмо было датировано 1960 годом. Уже вскоре писателя не стало. О дальнейшей же судьбе его адресата до сих пор не было известно ничего.

Михаил Александрович Урнышев с дочерью.

На публикацию откликнулись дочери Михаила Александровича Урнышева – Екатерина Михайловна Попова и Надежда Михайловна Космортова. Женщины пришли в редакцию, чтобы сообщить, что автор этого письма – их отец. Они не скрывали слез от этой находки, от неожиданной встречи. До сих пор ни вдова Михаила Александровича – Ульяна Андреевна Урнышева, ни его пятеро детей не знали об этом обращении за помощью к известному писателю.

Михаил Александрович всю жизнь прожил в деревушке Малый Рудник, что в девяти километрах от прилузского села Занулье. Отсюда в 1939-м ушел в армию, сюда же в 1947 году вернулся, пройдя Отечественную войну и госпитали. Больше всего пострадала нога фронтовика, куда была вставлена резиновая трубка. Но он приноровился и к ней – ведь работы после войны было непочатый край, а он в родном Руднике оставался чуть ли не единственным мужчиной-работником. Но ни жена, ни дети, ни односельчане никогда не слышали от него никаких сетований на жизнь и здоровье. Письмо к Василию Юхнину – это крик души, когда силы дошли до предела.

Оказывается, его и инвалидом долго после войны не признавали. Лишь за десять лет до кончины кто-то надоумил пройти медицинскую комиссию, тогда перевели на III группу. Но это ничего не изменило в привычном распорядке жизни деревенского мужика. Он всю жизнь работал в колхозе, одновременно был в своей деревне и конюхом, и продавцом, и почтальоном. Сам держал большое хозяйство, подымал на ноги детей. «Всяко приходилось отцу в жизни, но ни разу от него мы не слышали ни одного грубого слова, – рассказывают дочери. – Веселым был, временами озорничал с нами. Вывернет шубу, напялит на себя и давай колядовать из дома в дом. А вместе с ним и мы. Мы в лапту играем – и он с нами. По праздникам брал в руки флаг, нацеплял гармошку, и начинался праздник».

Велосипед он все же купить смог. Очень он выручал его в бесчисленных хождениях от села к селу. Фронтовик берег его как зеницу ока, прочищал, смазывал. Его уже не было в живых, а велосипед оставался целехонек.

Ближе к 70-ти Михаил Александрович сильно занемог. Стал хлопотать о квартире в городе. Ему пошли навстречу. В военкомате сказали, что если к четырем боевым орденам прибавилась пятая, стал бы он Героем Советского Союза. Но и четыре ордена значили много. Квартиру он получил, но жить оставалось уже недолго. Михаила Александровича Урнышева не стало в 1980 году. Он умер в солнечный летний день – 18 июня.

Анна НИКОЛАЕВА.

(«Дым Отечества», 22 июня 2002 г.)

Французская родня коми семьи

В один из многоквартирных домов по сыктывкарской улице Куратова с недавних пор почтальон приносит голубые конверты со штемпелем Парижа. Эти письма получает Июлия Михайловна Власова. Сейчас она уже на пенсии, всю жизнь проработала врачом в Сыктывкаре. А на другом конце Европы живет другая женщина, почти ее ровесница. Ольга Трембач – коренная француженка, бухгалтер по специальности. Жизнь свела их совсем недавно. Хотя всю жизнь обе женщины мечтали завязать контакты. Француженка с русским именем Ольга и сыктывкарка со старинным именем Иулия, несколько видоизмененном при записи в ЗАГСе. Они близкие родственники – тетя и племянница.

Двадцатый век разворотил тысячи родовых гнездовий, разметал по миру тысячи семей. Многие до сих пор ищут своих потерявшихся в пучине событий и времени родных. Сколько таких историй о потерях и обретениях уже рассказано, показано, прочувствовано. Но каждая новая встреча заставляет снова и снова переживать, волноваться. Не только родственников, но всех, кто вникает в эти перипетии.

Июлия Михайловна Власова родилась в деревне Усть-Щугор. Еще в XIX веке обосновались там ее предки по материнской линии. Когда-то уже очень давно все они носили фамилию Поповы. Не зря: из века в век несли они службу в храмах Коми края. Но Поповых со временем стало так много, что церковные власти сами стали путаться в многочисленных представителях самой распространенной на севере фамилии. Тогда и было решено некоторым семьям духовного сословия дать фамилии по названию храмов. Так появились Богословские, Преображенские, Покровские... Из Покровских – бабушка Июлии Михайловны – Клавдия Кирилловна. Кстати, Покровские ведут свое родословие от Агриппины Куратовой, которая доводилась родной тетей Ивану Алексеевичу Куратову. Так, еще в XVIII веке, переплелись две родовые ветви – Куратовых и Покровских.

Дабы не запутать читателей в хитросплетениях двух родословных древ, опускаю и века, и события, и многие имена. 1919 год... В Усть-Щугоре, несмотря на отдаленность от всякой цивилизации, кипят вселенские страсти. Селеньице переходит то к красным, то к белым. Клавдия Кирилловна Покровская к тому времени уже замужем за Александром Мартюшевым. У них пятеро детей: четверо сыновей и дочка Аня. Муж и старший сын в Усть-Щугоре – люди не последние. Александр Макарович Мартюшев в свое время обучался в Усть-Сысольске, по приезде на родину открыл здесь первую школу, сам же и учил детишек. К нему в гости наведывались многочисленные друзья-приятели, среди которых был и Виктор Савин. Старший сын Александр служил волостным военкомом. Уже успел встать на ноги и средний Алексей, работал телеграфистом.

Симпатии Мартюшевых были на стороне красных. Они это и не скрывали. За

Улица Ивана Куратова в Сыктывкаре, на которой живет Июлия Михайловна Власова.

это же и поплатились. Нагрянувшие белые прямо во дворе дома Мартюшевых устроили над ними жестокую расправу. Прямо на глазах Клавдии Кирилловны расстреляли и мужа, и старшего сына. Алексея забрали с собой, потом дошли слухи, что его расстреляли в Троицко-Печорске.

Потрясение Клавдии Кирилловны от случившегося было столь велико, что от переживаний она захворала и вскоре умерла. Трое младших росли в доме Алексея Макаровича Мартюшева. Он был довольно известной, яркой личностью в Коми крае в первые послереволюционные годы. Именно Алексей Мартюшев стал в 1918 году первым председателем Усть-Сысольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Различные ответственные посты занимал он и в последующие годы перед репрессиями и заточением в лагеря. Не остался безучастным и к судьбам трех племянников, среди которых и была мама Июлии Михайловны Власовой – Анна Александровна.

Она стала учительницей, вышла замуж тоже за учителя – Киселева. Родились дети. Но мама не посвящала подрастающих дочерей и сына в свою историю. Потрясение, пережитое в детстве, не покидало ее всю жизнь. И всю жизнь она старалась оградить детей от того, что подчистую смела революция: от предков-священников, веры, своей родовитости. Лишь в старости иногда проговарива-

лась, что она не только из Покровских, но и из Прозоровских. А через князей Прозоровских состоит в родстве с самим графом Суворовым.

Анна Александровна Мартюшева (Киселева) не рассказывала детям и о других своих родственниках. Скорее всего, она и не знала ничего об их судьбах. Трое двоюродных братьев Анны Александровны до революции обучались в Ярославском кадетском корпусе. А потом исчезли, словно и не было их вовсе. По слухам, один из них – Стефан Покровский – сумел из революционной России выбраться. Предполагали, что обосновался он во Франции, так как еще в Ярославле женился на француженке мадемуазель Шансель.

Можно представить изумление, которое испытал оставшийся в живых брат Стефана Покровского – Прокопий, когда в 1961 году получил из Франции письмо. Предположение, что Стефан живет во Франции, подтвердилось. Исчезнувший брат воскрес! Письмо было большое и горькое. Стефан Дмитриевич писал, сколько трудностей пришлось преодолеть, прежде чем обосноваться в Париже. «Проболтаться столько лет за границей – это не шутка, один ужас!» – делился он с братом. Путь до Парижа лежал через Польшу, где он строил железнодорожную насыпь, работал землемером. В Германии прошел через тюрьму, здесь же удалось поучиться в техникуме, полученные навыки потом помогли устроиться во Франции на завод чертежником. В Париж приехал в 1923 году. Се-

Братья Покровские – Зосима, Михаил и Стефан во время учебы в кадетском корпусе г.Ярославля. 1914 г.

мейная жизнь не заладилась. Утешением остались дочки – Нина и Оля. Еще написал, что очень скучает по родине, читает книжки про Зырянский край, которые умудряется получать земляк Павел Мотохов...

И снова – молчание. Еще на сорок лет! Случайно у сыктывкарских родственников сохранился парижский адрес Стефана Покровского. Но разве кто-то сегодня откликнется?.. И все же желание хоть что-то разузнать о французской ветви рода Покровских пересилило все. И случилось чудо.

Адрес, хранившийся почти полвека, «заговорил». Родственникам, живущим в разных городах России, пришли письма. Они были написаны хорошим русским языком. А чуть позже на фотокарточках они увидели и свою французскую коми родственницу. «Ольга Трембач» – так она представилась в первом письме. Но родные величают ее на свой, русский лад – Ольга Стефановна. Родившаяся во Франции у матери-француженки и никогда не бывавшая в России, она – самая что ни на есть русская. Послепасхальные письма из Парижа начинаются традиционным возгласом «Христос воскресе!». Француженка Ольга русские имена дала двум своим сыновьям – их зовут Георгий и Данила, а также внукам – Ева, Соня, Алексей. Так же, как и отец, она прожила трудную жизнь, работала стенографисткой, секретаршей, затем выучилась на бухгалтера. Заслужила спокойную старость в своем доме с садиком на окраине Парижа. «На досуге читаю, вяжу, шью, занимаюсь лаком, пэчворком», – написала она в недавнем письме в Сыктывкар Июлии Михайловне Власовой.

Вся сыктывкарская родня жаждет увидеть Ольгу здесь, на родине отца. В своих письмах француженка очень сдержанна, чувствуется, что даже мысли о поездке на Север России причиняют ей волнение. И все же она тоже хочет этой встречи. «Я думаю сейчас о том, чтобы брать уроки русского языка и лучше разговаривать на нем», – это признание 74-летней женщины говорит о многом.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 19 июня 2002 г.)

Самое пострадавшее семейство

С интересом прочитал материал «Французская родня коми семьи». После знакомства с этой публикацией в своих архивах я обнаружил несколько выписок, которые относятся к семье Мартюшевых, о которых и рассказала газета.

Упомянутый в статье учитель Щугорского начального училища Александр Макарович Мартюшев в 1915 году возглавил единую для Подчерья и Щугора приходскую комиссию по оказанию благотворительной помощи нуждавшимся семьям призванных на войну. В масштабах страны эту работу направлял Комитет Великой княгини Елизаветы Федоровны.

Приходская комиссия по разрешению Синода проводила сбор средств в хра-

мах во время Великого поста для сирот погибших солдат. Подобные сборы проводились, в частности, в 1915-1917 годах. Кроме того, они распространяли отрывные календари, лотерейные билеты. Собранные средства на месте же передавали нуждавшимся, а перед вышестоящими органами аккуратно отчитывались о проделанной работе.

В годы Гражданской войны семью Мартюшевых постигло страшное несчастье, о котором еще раз поведала и газета. В Национальном архиве РК хранится прошение матери семейства, к тому времени вдовы Клавдии Кирилловны Мартюшевой в адрес Усть-Сысольского уездного отдела социального обеспечения. Вот этот текст: «В 1919 году во время белогвардейского восстания на Печоре мужа моего Александра Макаровича Мартюшева, прослужившего народным учителем в Усть-Сысольском уезде в течение 28 лет, и двух старших сыновей – Александра 22 лет, находившегося в должности волостного военного комиссара, и Алексея 19 лет, бывшего почтово-телеграфного надсмотрщика, белогвардейские разбойники расстреляли и наше имущество большей частью разграбили. Я осталась с тремя малолетними детьми (Анна – 12 лет, Михаил – 10 лет и Сергей – 5 лет) без всяких средств к существованию и за эти годы совершенно износилась. А потому прошу отдел социального обеспечения снабдить меня мануфактурой для белья из фонда, отпущенного пострадавшим от белогвардейского нашествия, принимая во внимание, что наиболее пострадавшее семейство, чем мое, трудно даже подыскать. И теперь, спасаясь от голодной смерти, я вынуждена была выехать из Печоры с семейством в г.Усть-Сысольск. Ни одного аршина мануфактуры мною до сих пор не получено».

Семье Мартюшевых отпустили 40 аршин мануфактуры. А уездный отдел социального обеспечения выдал К.К.Мартюшевой удостоверение, в котором предписывалось советским учреждениям оказывать ей содействие во время передвижения и в подаче подвод.

Такая нелегкая судьба выпала предкам сыктывкарской семьи, у которой недавно во Франции отыскались родственники.

Николай СУРКОВ, доцент КГПИ.
(«Дым Отечества», 20 июля 2002 г.)

Сокурсники

Сергей Довлатов и Адольф Туркин учились в одной группе

С Сергеем Довлатовым, всемирно известным писателем-диссидентом, коротко были знакомы, как минимум, двое наших земляков. О сыктывкарке Светлане Дмитриевне Меньшиковой, с которой писатель дружил и переписывался, еще будучи на службе в армии, «Республика» рассказывала в прошлом году. Был и второй наш земляк, который близко общался с Довлатовым. Это известный коми ученый, доктор филологических наук Адольф Иванович Туркин.

Сказать точнее, Туркин был первым знакомым Довлатова из Коми. Они познакомились за три года до того момента, когда Светлана Дмитриевна получила от будущего русско-американского писателя первое письмо (они, как следует из публикации в «Республике», встретились в 1963 году).

А в 1959 году айкинский паренек Адик (так Адольфа Туркина звали родные и друзья) стал студентом небольшой финской группы финно-угорского отделения филологического факультета Ленинградского университета. Адольф Иванович вспоминал: «Вместе со мной тогда поступали сюда финн-ингерманландец, русская (на 1-м курсе вышла замуж за немца и уехала в ГДР), русский (доучился до 3-го курса) и полуеврей-полуармянин. Его отчислили после второго курса. Позже все-таки он закончил университет, эмигрировал в США и стал известным писателем. Его имя – Сергей Довлатов».

Студенты жили в одном общежитии на Васильевском острове. Летом 1960 года вместе работали на строительстве пионерского лагеря в местечке Рощино, недалеко от Ленинграда. В своем рассказе «Креповые финские носки» С.Довлатов с большим чувством юмора вспоминает о студенческой жизни, своих авантюрах по добыче «легких» денег, перепродаже остро дефицитных тогда импортных товаров, драке в гостинице «Космос» из-за ящика американских сигарет, бегстве от милицейского наряда. Адольф Иванович, всецело устремленный в познание филологических премудростей, был, наоборот, практически идеальным студентом: за годы учебы не пропустил ни одного дня занятий (даже в ЗАГСе умудрился со своей будущей женой, тоже студенткой ЛГУ, эстонкой Элле-Май зарегистрироваться во время перерыва). Но тем не менее к своему сокурснику относился с большим интересом, заметив, скорее всего, за безалаберностью поведения человека неординарного и талантливого. Спустя несколько лет они встретились вновь: Адольф стал жить в Таллине, в пригороде которого родители жены имели собственный дом, и работать в Академии наук ЭССР. Сергей Довлатов в Таллине трудился в газете «Советская Эстония». Оба учреждения располагались в старой части города, встречи сокурсников были неизбежны.

Сергей Довлатов.

Супруги Туркины: Адольф и Элле-Май. 1969 г.

В 1978 году Сергей Довлатов эмигрировал в Америку. Адольф Туркин продолжал постоянно наблюдать за творческим ростом писателя, имел все его книги. Как вспоминает Элле-Май Эвальдовна, художественные произведения он читал редко, отдавая предпочтение специальной и мемуарной литературе. Однако к публикациям своего друга юности обращался довольно часто, особенно в последние годы жизни. Умер Адольф Иванович в 1996 году, на 6 лет позднее С.Довлатова.

Майя БУРЛЫКИНА,
директор Музея истории просвещения Коми края.
(«Дым Отечества», 19 октября 2002 г.)

«А может, все в природе обратимо...»

Киноактер Юрий Яковлев породнился с поэтом Иваном Куратовым

Собирая материалы о священниках Коми края, погибших в годы репрессий, я всегда думаю о том, как сложились судьбы их родных, близких, потомков. Сведения о них всплывают чаще всего неожиданно. Так неожиданно довелось мне познакомиться с правнуком усть-сысольского священника Михаила Земляницына.

О батюшке Михаиле узнала из архивных материалов. Родом Михаил Земляницын был из Устюжского уезда. Окончив в Вологде духовную семинарию, служил псаломщиком в Коквицкой Христорождественской церкви, затем диаконом в Окvадской Введенской церкви. В 1904 году его назначили первым диаконом Усть-Сысольского Троицкого собора. Одновременно с этим отец Михаил преподавал Закон Божий в Нижнеконецкой и Кочпонской церковно-приходских школах и в Читском земском училище. В начале 30-х годов состоял священником Кирульской Вознесенской церкви.

Первый раз кирульского батюшку арестовали в 1932 году и осудили на три года лишения свободы. После освобождения он вернулся в Сыктывкар. Но в 1937 году его арестовали вновь и приговорили к высшей мере наказания. Уже 25 августа 1937 года приговор был приведен в исполнение.

Эти сведения, собранные в архивах, несколько лет оставались невостребованными. А все мои попытки отыскать в Сыктывкаре след Земляницына были тщетны. Пока недавно я не встретилась с молодым человеком, которого в Сыктывкар привел поиск собственных корней. Это Кирилл Мозгалевский, москвич, режиссер. К сожалению, при встрече о собеседнике удалось узнать немного. Уже после отъезда его родные прислали сборник стихов Мозгалевского «Я без царства, или Семь диалогов с Дон-Жуаном». Оказалось, что настоящая фамилия Кирилла – Чажен-

Михаил Земляницын среди учителей Коми края.

гин, а зовут его Дмитрием. Кирилл Мозгалевский – псевдоним. Он не только поэт, но и автор-исполнитель рок-баллад. В книгу стихов включены некоторые песни и монологи из написанной им зонг-оперы «Дон-Жуан».

Из переписки с мамой Кирилла (Дмитрия), Ириной Борисовной, я узнала, что сын окончил технический вуз, но его увлекла творческая работа и сейчас он занимается съемками фильмов. Из письма я узнала также, что их семья породнилась с семьей известного актера Юрия Яковлева. Его дочь Елена, актриса театра сатиры, уже много лет назад стала женой Кирилла (Дмитрия).

А сама Ирина Борисовна родилась в Сыктывкаре. Ее мама – Елизавета Земляницына – была младшей дочерью священника Михаила Земляницына. К сожалению, про деда она помнит мало что. По рассказам мамы, дед на свои средства построил в Усть-Сысольске двухэтажный дервянный дом у самой реки, на улице Береговой, украсив его наличниками. Дом выглядел очень нарядным среди покосившихся невзрачных строений старого города. Заимел батюшка и свою лодку, на которой частенько переправлялся на другой берег Сысолы на рыбалку.

Около дома в саду росла высокая черемуха. Дед любил отдыхать под ней. Запомнился такой случай. Накануне его первого ареста вся семья сидела за столом, обедала. Вдруг внезапно поднялся ураган, и огромная ветка черемухи обломилась и стукнула в окно. Окно распахнулось, ветер ворвался в дом. Все были перепуганы. Неожиданно с другого берега отчетливо раздался голос кукушки. Все прислушались. Кукушка прокуковала три раза. Деда вскоре арестовали, присудив три года ссылки. Все вспомнили недавний ураган, кукушку, откуковавшую три раза, и восприняли это как знак, предсказавший судьбу хозяина дома.

Ссылку священник отбывал недалеко от Сыктывкара и частенько навещал родных. Старшая дочь Варвара была уже замужем за агрономом Варфоломеем Агапитовичем Иевлевым. Их единственный сын Олег погиб во время Отечественной войны. «Моя же мама, Елизавета, вышла замуж в 1934 году за ссыльного москвича инженера Елагина Бориса Николаевича. Я родилась в 1935 году, когда деда освободили и мы все вместе жили в его доме. В 1936 году летом к нам должна

Юрий Яковлев.

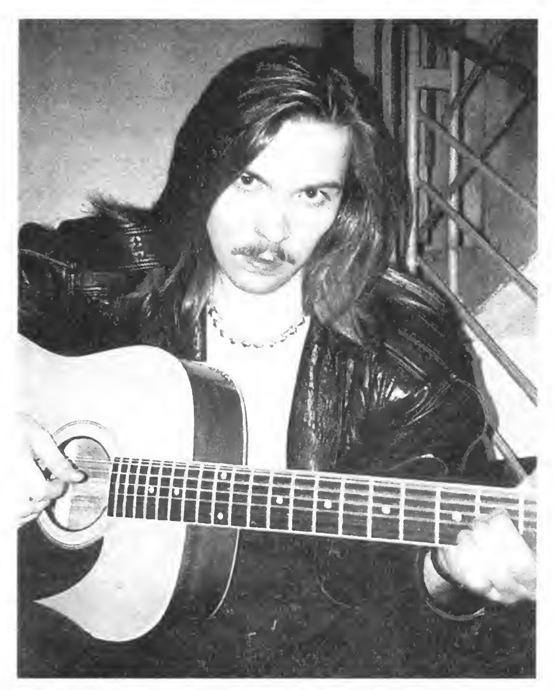
Иван Куратов.

была приехать моя бабушка со стороны отца, и мы всей семьей пошли ее встречать на пристань. Когда, встретив ее, вернулись домой, то дом полыхал огнем, все наше имущество сгорело в один миг на наших глазах. Ничего не осталось, ни одной фотографии, ни одного документа о прежней жизни. Бабушка, видя такое положение, взяла нас с мамой и увезла в Калугу, так мы оказались вдали от своих родных», – делилась в своем письме Ирина Борисовна.

А Михаила Земляницына после ареста в 1937-м больше никто не видел. Матушка, Павла Николаевна, поселилась у своей дочери Варвары и жила у нее до смерти. Уже через много лет муж Варвары – Варфоломей Агапитович Иевлев, возглавлявший в то время опытное хозяйство НКВД, под большим секретом рассказал, что один из сотрудников НКВД проговорился, что Михаила Земляницына расстреляли, но чтоб об этом он никому не говорил.

Ирина Борисовна после войны окончила школу в Сыктывкаре, затем в Москве закончила институт, работала библиотекарем. Вышла замуж за инженера Евгения Васильевича Чаженгина. В 1964 году у них родился единственный сын – Дмитрий. Оказывается, свой псевдоним правнук усть-сысольского священника взял не с потолка. Фамилию Мозгалевский носил один из декабристов, сосланных в Иркутстк. Он – родственник Чаженгиных по отцу Евгению Васильевичу.

Нынешний год для Кирилла (Дмитрия), судя по всему, был богат на впечатления и открытия. Он побывал в городе, где жили его предки. В этом же году он повенчался с Еленой Яковлевой. У них растет дочь Мария от первого брака Елены с Кириллом Козаковым – сыном известного артиста Михаила Козакова. Кирилл (Дмитрий) сейчас занят съемками фильма «Козленок в молоке» по сценарию Юрия Полякова.

Кирилл Мозгалевский.

Родственники Кирилла по деду – Елагины тоже пострадали в годы репрессий. Прабабушка погибла в тюрьме на Лубянке, прадед рано умер в ссылке. А еще один внук отца Михаила Земляницына – Николай – живет в Харькове.

Ко всем этим хитросплетениям судеб потомков Земляницыных следует добавить еще то, что мать Кирилла Мозгалевского приходится правнучатой племянницей основоположнику коми литературы Ивану Алексеевичу Куратову. Соответственно Кирилл – праправнучатый племянник первого коми поэта.

А может, все в природе обратимо,
И я вернусь в наш мир усталый вновь,
Чтоб стало все на свете повторимо –
Рождение, прозрение и кровь!..

Это строчки из баллады Кирилла Мозгалевского.

Анна МАЛЫХИНА,
руководитель родовой общины
потомков священнослужителей Коми края.
(«Дым Отечества», 19 октября 2002 г.)

Рожденная для счастья

Точкой отсчета в этой судьбе для меня стала фамилия. «Пропп, Пропп», – повторяла про себя, пытаясь вспомнить, с кем же конкретно ассоциируется эта довольно редкая фамилия. Наконец осенило: «Да это же известный фольклорист, автор многих трудов и учебников, которые мы, студенты университета, штудировали перед зачетами и экзаменами, Владимир Яковлевич Пропп». Эту же фамилию в девичестве носила и очутившаяся после войны в Сыктывкаре Альма Яковлевна Штрем (Пропп). Первоначально ничто не указывало на родственные связи между профессором Ленинградского университета и преподавателем немецкого языка в аспирантуре Коми филиала АН СССР. Думала, что они просто однофамильцы. Оказалось, брат и сестра.

Это выяснилось случайно. В Сыктывкаре осталось не так много людей, кто помнит Альму Яковлевну. Уже около 30 лет, как она ушла из жизни. И все же

отыскались те, для кого знакомство с ней, дружба, общение не стерлись из памяти.

Пропп – фамилия немецкая. Корни Альмы Яковлевны – в Поволжье. Двух сестер и брата жизнь разбросала. Владимир с головой окунулся в исследования фольклора, его альма-матер – Ленинградский университет. Сестра Альма закончила Одесский университет, стала специалистом по иностранным языкам. Вышла замуж за профессора Штрема. Супруги совместно работали над учебниками, другими пособиями по иностранным языкам.

Альма Яковлевна Штрем (Пропп).

Альма Штрем с юности отличалась своеобразной красотой. Большие, черные, пронзительные глаза. Стройная, грациозная, очень деятельная и энергичная, она привлекала к себе всеобщее внимание. Особенно неравнодушны были к ней мужчины. В поклонниках недостатка никогда не было. Но раннее замужество не оставляло шансов для многочисленных воздыхателей.

Размеренная жизнь профессорской семьи рухнула в одночасье. Его объявили «врагом народа». Выслали в Воркуту. Маленькая дочь Штремов умерла от дизентерии. Молодая женщина осталась одна, лишенная всякой поддержки и опоры.

Жизнь в 20-30-е годы делала подчас самые невероятные зигзаги и кульбиты. Неожиданно Альма Штрем очутилась в Саратове. А здесь жизнь свела ее еще с одним профессором. Виктор Вагнер был профессором математики. Он быстро оценил не только способности новой знакомой, но и ее редкую красоту. Стали жить вместе. Но «половинка» сына, свалившаяся как снег на голову, совсем не устраивала мать профессора. Альма вдоволь от нее натерпелась и приняла решение – ехать в Воркуту на розыски мужа.

Людей, которые бы надоумили ее воздержаться от этого рискованного шага, рядом не оказалось. А если бы даже они и были, то целеустремленная Альма их бы наверняка не послушала. Приехала в Воркуту. Там ей показали, как дойти до зоны. Когда она подошла к заветному окошечку и спросила о профессоре Штреме, ей ответили: «Он умер». Растерявшуюся от такого известия женщину тут же и «успокоили». Взяли под стражу. Не отпускать же восвояси прибывшую своим ходом жену «врага народа». Так Альма Штрем безо всякого суда и следствия стала заключенной.

Хрупкая, слабая с виду женщина, настоящая дама, попала на самые тяжелые

работы. Но выдержала недолго. Воспаление легких перешло в плеврит. В лазарете, где она лежала, уже решили, что дни ее сочтены. Из-под стражи освободили, взяв подписку о невыезде за пределы Коми. Ей удалось вырваться из стылой Воркуты. Очутилась в Сыктывкаре. А тут почти чудесным образом пришло исцеление.

В 40-е годы в Сыктывкаре можно было встретить людей самых разных сословий, фамилий, специальностей. Столица северной республики для них не была землей обетованной. Удаленный от центра, затерявшийся среди лесов город давал шанс затеряться, переждать, выжить. Освоившись на новом месте, многие из бывших заключенных и ссыльных стали работать по прежней специальности, обзавелись семьями, вспомнили старые привычки. Одним из колоритнейших фигур тех лет в Сыктывкаре был доктор Сапир. Его жена происходила из именитой дворянской семьи. Супруги быстро завоевали авторитет среди горожан. А их квартира сделалась своеобразным элитным клубом для интеллигенции города, быть приглашенным куда считалось за честь.

К доктору Сапиру кто-то и посоветовал обратиться Альму Штрем. На прием к нему она попала уже на исходе сил. Доктору стоило немалых трудов вернуть ее к жизни, вылечить. Он же устроил ее на работу. Изысканной «иностранке» работа подыскалась самая что ни на есть черновая – санитаркой в тубдиспансере. Но в то время и это было благом. Жить после выписки было негде. Тогда Сапир разрешил своей пациентке ночевать в ванной комнате тубдиспансера.

Войдя в орбиту знакомств доктора Сапира, Альма Яковлевна вскоре нашла и работу по душе. Ученым секретарем и заместителем председателя президиума Коми филиала АН СССР в то время был Петр Петрович Вавилов. Чуть позже Вавилов стал академиком ВАСХНИЛ, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Коллеги Петра Петровича всегда подчеркивали его человечность, умение поставить себя на место другого человека, понять его. Можно представить робость и смущение Альмы Яковлевны, когда она по совету новых друзей впервые переступила порог Коми филиала. Ей казалось, что шансов устроиться здесь на работу у нее нет. Но принявший ее Вавилов «черные пятна» в ее документах обернул в шутливые «запятые». И сказал, что эти «запятые» в биографии не помешают ей учить аспирантов. Так на несколько десятилетий определилась судьба «без вины виноватой».

Работа с аспирантами увлекла Альму Яковлевну. Вскоре ей предоставили и жилье. А с 1953 года разрешили выезд за пределы республики. Но воспользоваться этим она не пожелала. У родных своя жизнь, у нее – своя. С братом Владимиром долгое время все связи были вообще утеряны. Его адрес в Ленинграде она узнала, уже будучи в Сыктывкаре. Встреча родных людей, разъединенных временем и обстоятельствами, происходила совсем не так, как можно было ожидать. Брат и сестра не выражали ни бурных чувств, ни восторгов. Не расспрашивали друг друга и о выпавших на долю каждого испытаниях.

Жизнь налаживалась. Работа с молодежью, преподавание иностранных языков, круг общения, куда входили ученые, сотрудники Коми филиала, преподаватели… Не в правилах Альмы Яковлевны было обсуждать несбывшиеся надежды, желания, мечты. А они жили в ней, волновали, будоражили. Даже близких знакомых преподавателя немецкого удивило, что уже на склоне лет она отыскала в

Саратове Виктора Вагнера. Того самого профессора, с которым ненадолго сводила когда-то ее жизнь.

После первого же письма из Саратова Альма Яковлевна стала жить ожиданием встречи. Встречи не просто со знакомым, а близким человеком. «Я мужа отыскала, к мужу еду», – делилась она со своими знакомыми. Мужем саратовский профессор ей никогда не был. Но как же велико было желание обрести рядом сильного человека, мужчину, хоть ненадолго почувствовать себя слабой, женщиной...

Волнения от предстоящей встречи с профессором Вагнером на пользу не пошли. Альма Яковлевна занемогла. Но о том, чтобы отложить долгожданное свидание, не могло быть и речи. В начале 70-х она поехала в Саратов.

В поезде ей стало плохо. На перроне саратовского вокзала даже пришлось вызывать неотложку. Встречавший свою «жену» профессор был явно смущен. Он, похоже, не ожидал увидеть предмет своего давнишнего обожания и поклонения столь беспомощной, немощной. Виктор Вагнер сохранился куда лучше. Семьей он так и не обзавелся, слыл убежденным холостяком, работу в университете совмещал с отдыхом на курортах Вестфалии. Теперь их союзу вроде бы ничто не мешало. Мать свою он давно похоронил. Свободной была и Альма Штрем.

Но вместе пожить удалось совсем чуть-чуть. Через несколько дней после приезда, едва придя в себя, Альма Яковлевна затеяла в холостяцкой квартире уборку. Ей снова стало плохо. К приходу профессора она была мертва.

Похоронили ее в Саратове. В августе 1970 года не стало и Владимира Яковлевича Проппа.

Квартира в центре Сыктывкара, в которой много лет прожила Альма Яковлевна, какое-то время пустовала. Наведавшиеся как-то сюда соседи и после смерти хозяйки поражались чистоте и аккуратности, которыми она блистала. Все вещи лежали на своих, изначально отведенных для них местах. Переложить какую-нибудь вещь с места на место, что-то взять с собой не подымалась рука. Казалось, что все замерло в ожидании приезда хозяйки.

Можно представить шок, охвативший обитателей академического дома, когда однажды возле подъезда они увидели невообразимую картину. Горкой лежала сломанная и покалеченная мебель. Между ножками стульев и столов валялись стопки писем, когда-то перевязанные ажурными ленточками. Суровые мужчины в ватниках, сновавшие между улицей и подъездом, втаптывали в грязь ослепительно-белоснежное белье с аккуратной штопкой. «Что вы делаете?» – спросили ошеломленные соседи. Ответ обескуражил своей простотой: «А что? Освобождаем квартиру. Ведь никого не осталось».

Потом все пожитки погрузили на самосвал и увезли на свалку. Лишь ветер еще несколько дней разносил по двору обрывки писем и конвертов с убористыми почерками.

«Альму Яковлевну похоронили в Саратове. А в Сыктывкаре варварски зарыли в землю все свидетельства ее жизни. Но осталась память». Это слова бывших коллег Альмы Яковлевны, благодаря которым не ушла в небытие эта простая и волнующая история. Судьба одной из миллионов.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 22 марта 2003 г.)

Брат и сестра

В прошлом выпуске «Дыма Отечества» под рубрикой «Судьба человека» был помещен материал об Альме Яковлевне Штрем, удивительной женщине, человеке трагической судьбы, бывшем преподавателе немецкого языка в аспирантуре Коми научного центра, сестре знаменитого ученого-филолога Владимира Проппа. Публикации в «Дыме Отечества», как правило, не остаются незамеченными, на многие приходят отзывы, письма, не счесть телефонных звонков. Но материал «Рожденная для счастья» превзошел все опубликованные в последнее время. Так много людей проявило интерес к судьбе бывшей сыктывкарки Альмы Штрем.

Если разложить все отзывы по полочкам, то прояснятся три главные причины, которые не оставили читателей равнодушными. Конечно, это магическая фамилия – Пропп. По книгам Владимира Яковлевича Проппа училось не одно поколение гуманитариев нашей страны. Его работы, такие как «Морфология сказки», остаются классическими, непревзойденными образцами исследований русской старины, русского фольклора. А имя его автора стоит в одном ряду с такими выдающимися учеными, как Бахтин, Лотман, Бялый и др.

Альма Яковлевна Штрем (в девичестве Пропп) волею судьбы была разъединена с родными и близкими. На долгие годы ее родным городом стал Сыктывкар. Здесь она не просто жила, но много сил отдала обучению будущих ученых. Но оказывается, перипетии ее судьбы до сих пор оставались тайной за семью печатями. Лишь немногие, самые близкие друзья, были посвящены в трагические страницы ее биографии.

Многие старожилы Сыктывкара с интересом и благодарностью вспоминают и о чете Сапир. Вечеринки в семье Сапир, гости, присутствовавшие на них, были предметом повышенного интереса ученой части горожан. Альма Штрем постоянно участвовала в этих «междусобойчиках». Материал о семье Сапир увидит свет уже в ближайших номерах нашего приложения.

Еще один отзвук публикации о сестре ученого-фольклориста – новая книга о Проппе. Она

Владимир Яковлевич Пропп.

называется «Неизвестный В.Я.Пропп». Новинка в единственном экземпляре поступила в фонды Национальной библиотеки РК. Сотрудники библиотеки предоставили мне возможность едва ли не первой познакомиться с ней. (Огромная им за это благодарность.)

Если работы одного из классиков гуманитарной науки XX века сегодня известны во всем мире, то дневники, автобиография, переписка ученого стали достоянием гласности только благодаря этой книге. Материалы для нее собрали ученики Проппа, а выпуск книги приурочен к 300-летию Санкт-Петербурга, в котором много лет жил и трудился Владимир Яковлевич. Одна из частей книги включает его переписку с другом Виктором Шабуниным, военным врачом и художником.

Небольшие отрывки из этой переписки – перед вами. Они раскрывают многогранную личность ученого. Эти письма ценны и тем, что в них встречаются упоминания о сестрах Проппа, в том числе и об Альме Яковлевне, которая с 50-х годов много раз гостила у брата в Питере.

Анна СИВКОВА.

*Ленинград, **2 дек. 1953.** Дорогой мой! Не могу Тебе сказать, как Ты, меня обрадовал!*

...Да, мы и переменились, и нет. Я все так же люблю жизнь, но не люблю отвлеченностей, которым мы тогда предавались. Я стал любить все обыкновенное, самое обыкновенное и простое.

Про себя могу сказать, что в жизни я, вообще говоря, был счастлив. Я тоже женат вторично, у меня трое детей, которых я нежно люблю. Стершей дочери уже 29 лет, а мне 58. У меня был инфаркт, сердце надорвало, и я полуинвалид, но духом и умом пока бодр. Твой Воля.

***21 июня 1954.** ...Я хотя и экзаменатор, но глубоко сочувствую бедным экзаменуемым (точнее – истязаемым). Студенты меня одобряют, а администрация косится за либерализм. Но я знаю, что делаю, когда ставлю 5, 4, 3 и 2. В.Пропп.*

***20.I.55.** Мне не только на выставку, но даже побриться некогда. Я получил корректуру своей книги, причем всей сразу (555 страниц) с совершенно сумасшедшим графиком, невыполнение которого вызовет простой машины и соответствующие неустойки. Поэтому, когда я не экзаменую, я день и ночь правлю. Уже сделал половину, притом в срок. Кроме того, в начале февраля меня вынуждают выступить с докладом о 50-летии революции.*

В тот день, когда я Тебя звал, приехала неожиданно сестра Альма, которая Тебя хорошо помнит и кланяется Тебе.

***23.IV.56.** ...Я по-прежнему до пределов устаю, едва таскаю ноги. Работы даже не всегда бывает с избытком, но изнуряет то, что над душой всегда висит что-нибудь недоделанное.*

Теперь я думаю, что мне легче станет с 1 мая. За это Ты должен выпить одну рюмку водки.

Рецензию я читал еще до ее появления. За нее Ты должен выпить один бокал шампанского!

Пока можешь больше не пить, а возобновить это занятие с 1 мая. Крепко жму руку.

***13.VI.58.** ...У меня две радости, одна большая и одна маленькая. Большая радость состоит в том, что я купил пианино, продав стол, чтобы освободить место. Теперь я могу иногда играть... Другая радость, маленькая, состоит в том, что*

меня выдвигают в члены-корреспонденты Академии наук СССР. На две вакансии в Ленинграде выдвинуто 4 кандидата. Но радость эта весьма условна, потому что из ленинградских никто не пройдет, а пройдут московские, т.к. в них больше покорности и они близки к сферам, а мы на периферии вольнодумствуем.

20.VI.61. *...Смерти я не боюсь, я пожил достаточно, дети мои устроены. Она – закон природы.*

Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход.
(Пушкин).

Ленинград, ***14.VII.61.*** *...Приехала сестра Альма, но она пока в санатории. Приехал еще мой племянник со своим сыном. Ничего, как-нибудь устроимся. Кстати, Москва произвела на меня впечатление полнейшей, пронизывающей весь город безалаберщины. Там на моих глазах поезд с Ленинградского вокзала ушел на пять минут раньше срока, так что проводники бросались в поезд на ходу, а провожающие выскакивали. И так все. Так была организована защита. Так было и на банкете. Стульев и приборов было 10, а приглашенных было 16. Тем не менее все как-то устроилось, и все были веселы и напились. Вина и закусок тоже не хватало, так что хозяйка во время ужина бегала по магазинам. А пишу я это потому, что сейчас и мы не знаем, как мы расположимся, когда одновременно приедут все. Но как-нибудь обойдется.*

Ленинград, ***25.VII.61.*** *...Я часто вспоминаю о том, что Ты мне написал о своей бесполезности, но я Твоих мнений не разделаю. Ценность человека определяется не его делами, а тем, что он из себя представляет. Есть академики, которых я презираю, и есть обыкновенные люди, с которыми мне легко и хорошо, потому что это настоящие люди. Сам я себя к таким не причисляю, но мерило у меня очень точное и определенное.*

Репино, ***30.VII.62.*** *...Завтра мы едем в город. 2 августа приедет моя старшая сестра Эля. 3-го приедет Луиза, 5-го приедет младшая сестра Альма. Мои сестры уедут в Прибалтику.*

24.I.63. *...Недавно пришлось срочно заполнять анкету (не помню для чего, в университете), где между прочим спрашивалось, сколько трудов. Я наугад написал 50, а дома все сверил и подсчитал, и оказалось, что их ровно 80! Никогда не думал, что я так плодовит, а счастье все-таки не в этом. А в чем? Скажи! Подумай хорошенько и скажи.*

7.VIII.63. *...У меня гостят мои две сестры – Эля, которой 73 года, и Альма, которой 66. Эля на вид уже совсем ветхая старушка, но она очень бодрая, подвижная и разговорчивая. Сегодня они уезжают в Усть-Нарву (Гунгербург), где у них подруги и где они проведут конец лета. В конце августа опять будут у меня, где проведут два-три дня. Может быть, Ты их тут и увидишь.*

Ленинград, ***20.VII.64.*** *...В Репино имеется дом малютки, в котором содержат сирот. Их выводят гулять в поля, и там мы их иногда видим. Они имеют ужасный вид: грязные, бледные, малоподвижные. Одна из наших соседок по даче работала там няней и говорит, что там их кругом обворовывают, что эти дети не видят ни молока, ни яиц. Сопровождающие их барышни имеют, напротив, весьма благополучный вид, заботятся о своей красоте и загорают в кустах, пока малыши предоставлены сами себе. Эти дети немые, они не слышат человеческой речи, кроме команд и окриков, и между собой они не говорят. И вот один раз мы идем по тро-*

пинке, и вдруг ко мне подбегает мальчик лет двух-трех, из носу висит густая сопля до рта. Этот малыш охватывает мое колено, прикладывается к нему щекой и снизу смотрит мне в самые глаза своими совершенно голубыми глазами. Он замирает в этой позе и прижимается все крепче. Глаза сияют счастьем. Этих глаз никогда не забыть. При этом не издает ни звука. Так велика потребность ласки. Потом это повторялось еще раза два. Один из них шептал почти беззвучно «мама».

А у нас сейчас много пишут о чуткости, морали и пр. Пишут потому, что отсутствие этих качеств приобретает уже угрожающие размеры. Сестра Альма выписалась из больницы и пишет, что там можно было сделаться меланхоликом, оттого что все думают о себе и своем благополучии и больше ни о чем. Ухода никакого, сестры и сиделки просто не выходят на работу и пр. Из этого составляют исключение только врачи, которые действительно работают самоотверженно.

***10.IV.66.** ...Я живу надеждами. В начале мая уеду в Москву. Там у Элечки сперва отосплюсь, потом начну хождение: Кремль, Успенский собор, Архангельский собор (в нем музей), Третьяковка, музей Рублева, Загорск, Абрамцево, Владимир, Суздаль. Мне уже 70, но я все еще не осел и не оформился.*

Дыхание весны я чувствую сквозь мокрый снег, ветер и холод. Сегодня Пасха! Сколько поэзии было в этом когда-то! Я до студенческих лет часто ходил на заутрени: свечи, ризы, дым кадил, стройное ангельское пение, серьезные лица людей – все это отлагалось в душе, возвышало и облагораживало.

***3.VII.66.** ...Сегодня приехал в город специально, чтобы услышать «Волшебную флейту» Моцарта, о чем мечтаю уже много лет.*

***31.VII.67.** ...Ленинград красится и пудрится, но люди делаются хуже и хуже. Я отдаю в починку обувь и костюм. Стою в очереди. Каждая третья баба (есть и мужчины такие) привередничают по совершенным пустякам и устраивают грандиозные скандалы. Как много толстых женщин, которые в вагоне, сидя, широко расставляют колени, а на лице написано: ты только поговори со мной, я тебе покажу! Я всегда права!..*

Да, несмотря на всякие неладности, жить еще можно и жить стоит.

***29.VII.68.** ...При всем том я не скучаю. Я ничего не делаю и ничего делать не хочу и не могу. Читаю (очень медленно) Мамина-Сибиряка. Там, где он выдумывает любовные или семейные драмы, он скучен. Но там, где он описывает виденное и слышанное, он просто великолепен, первоклассен. Язык колоритнейший, объективность полная, он всех понимает и никого не осуждает... Книжку его избранных произведений (620 стр.) я купил у букиниста за 1 (один) рубль! Вот как его у нас ценят!*

***28.VII.70.** ...Больницу я вспоминаю, как какой-то кошмар. Врачи, правда, великолепные. Со мной возились много и успешно. Была одна добросовестная и расторопная нянюшка. Все остальные – молодые и ленивые практикантки, которым до больных не было никакого дела. Я лежал в палате на трех человек, лицом к окну, глядел на небо и верхушку березы, и это помогало мне жить.*

*Репино, **10.VIII.70.** ...Стоит мягкая, лирическая осень. На моей клумбе буйно цветут настурции, но я за цветами уже не ухаживаю – запрещено. Цветут и без ухода. Погода мягкая, но дня два был такой шторм, что валило деревья. Теперь опять тихо.*

Я часто думаю о Тебе, рад за Тебя, что Тебе работается. Скоро увидимся!

(Это последнее письмо В.Я.Проппа своему другу В.С.Шабунину.)

(«Дым Отечества», 19 апреля 2003 г.)

Пропп, Шабунин, Жаков...

Сводили вместе очень разных людей и судьба, и книги

«Рожденная для счастья» – так назывался материал об Альме Яковлевне Штрем (в девичестве Пропп), сестре знаменитого ученого-филолога Владимира Проппа, которая много лет жила и работала в Сыктывкаре. Следом увидела свет другая публикация – «Брат и сестра». В нее вошли отрывки из писем, адресованных Владимиром Яковлевичем Проппом своему другу юности Виктору Шабунину.

Сегодня еще один повод возвратиться к этим материалам. Дело в том, что ученый по фамилии Шабунин стал в 70-е годы прошлого века первым, кто после многолетнего умалчивания заново открыл имя Каллистрата Жакова.

Об этом рассказала профессор Лариса Рощевская. По словам Ларисы Павловны, Андрей Викторович Шабунин в 70-е годы опубликовал материал о Жакове в журнале «Даугава». В 80-е годы публикация за его подписью о нашем выдающемся земляке выходила и в «Литературной России». Профессор Рощевская одно время переписывалась с ним. Вполне вероятно, что он – сын того самого Виктора Шабунина, которого Владимир Пропп сделал поверенным во все тайны своей души. Это пока только предположение.

Все эти перипетии имен, судеб, открытий всплыли в связи с книжной новинкой. Лариса Павловна Рощевская много лет посвятила исследованию творческого наследия Каллистрата Жакова. Теперь плоды многолетних поисков изданы. Книга носит лаконичное название «Коми ученый К.Ф.Жаков». В нее вошли биографические данные об ученом, поколенная роспись рода Жаковых. В родовом древе среди множества имен упоминается наш современник, директор Печоро-Илычского заповедника О.К.Мегалинский. Оказывается, он состоит в родстве с «зырянским Фаустом»: его мать – родная сестра первой жены К.Ф.Жакова – Г.Н.Николаевской.

Самая большая ценность книги в богатейшей библиографии. Ларисе Павловне удалось выявить почти все издания произведений Жакова до наших дней во многих странах мира. А также обобщить все работы и публикации о жизни и творчестве Каллистрата Фалалеевича за сто лет (1901-2001 гг.). Кстати, в эту объемную копилку сведений вошли и материалы о Жакове, увидевшие свет в разные годы на страницах нашей газеты «Республика».

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 21 июня 2003 г.)

Два Учителя

Жизнь этому человеку, впрочем, как и всякому из его поколения, выпала не то что трудная, страшная. Но, даже рассказывая о самых жестоких часах, голос моего собеседника оставался ровным, спокойным. Лишь несколько раз за многочасовой монолог он вздрагивал. Мы сидели друг против друга, и от моего взгляда не укрылось, каких усилий стоило пожилому человеку продолжить разговор, не заплакать, не зарыдать. Пауза всегда наступала перед тем, когда он пытался найти слова благодарности людям, в самых трудных ситуациях не отвернувшихся от него – «врага народа». Он помнил всех, кто помог выжить. И произошла метаморфоза. Рассказ был о том, как человека обрекли на верную скорую гибель. Но от встречи с ним осталось ощущение человеческого тепла и великой доброты.

Мой собеседник – Василий Иванович Лох, заслуженный учитель России. Уже одно это звание, применительно к его судьбе, как бы вырастает в статусе. Признание российского масштаба получил не просто человек, а сын спецпереселенцев, оставшихся лежать на исчезнувших уже погостах лесных поселков, тюрем под открытым небом. Сам еще несмышленышем признанный советской властью врагом и отправленный туда, откуда не возвращаются.

Село Орловское в Саратовской области для Василия Ивановича видится словно сквозь плотно задернутые шторы. Детали расплываются, угадываются лишь контуры, очертания. Зноем пахнущая степь. Жирная, черная земля. Бескрайнее желтое море – самое большое богатство жителей этого края.

Семья Лох насчитывала вместе с женатыми сыновьями 25 человек. Вели общее хозяйство. Сообща выращивали и продавали хлеб. В урожайные годы выручка была неплохой. Жили хорошо. Еще около десяти лет после революции в немецких кантонах Поволжья царили труд и достаток. Казалось, ничто не может истребить в здешних поселянах въевшуюся в кровь и плоть привычку работать с утра до ночи, обихаживать свои дома, весь этот благодатный уголок земли.

Даже девятый вал налогов, обрушившийся на Поволжье в конце 20-х годов, осилили. Выплачивали. Тогда кто-то, изо всех сил желавший не блага, а погибели стране, задался целью истребить, выкорчевать крестьянские корни. И это ему удалось.

На сборы семье Лох дали один час. Приказали с собой ничего не брать, кроме трехмесячного запаса продуктов. Пригнали подводы. Последний раз мелькнули за околицей крыши родного села. Путались мысли, слезы застилали глаза. Вряд ли кто в тот день мог поверить, что никто из огромной семьи сюда больше не вернется. Никогда не вернется.

Хлесткий ветер заставлял кутаться в шали, в пальто. По дороге к железнодорожным путям в городе Энгельсе исступление достигло предела. Здесь семья Лох понесла первые потери. Погибли двое детей, двоюродные сестры одиннадцатилетнего Васи – Марта и Зельма. Он уцелел. Хотя ему было тяжелей, чем кому бы то ни было. У него уже давно умерла мать. Мальчика в кошмарной дороге некому было ни особо жалеть, ни согревать своим телом.

Двухнедельная тряска в телячьем вагоне. Выгрузили в Котласе. На постой

Василий Иванович Лох.

Афанасий Константинович Тарасов с дочерьми во время работы в «немецких» спецпоселках.

отправили в какие-то конюшни. Навоз в них не убирался годами, стоял выше колен. Немцы, голодные, изможденные, и в этой ситуации оставались сами собой. Прежде чем устроиться на ночлег, выгребли навоз, почистили все уголки. Не могли залатать лишь крышу. Ночью сквозь прорехи светили и мигали далекие звезды.

Баржа по Вычегде ползет все выше и выше. Все гуще леса и все тучнее полчища комаров. Немцам объясняют, что конечная точка их пути – Прилузье. Им это слово ни о чем не говорит. Им вообще уже все равно. Лишь бы приткнуться, лишь бы зацепиться за какой-нибудь клок земли.

Мужчин отправляют готовить площадку под будущий поселок. Вася с бабушкой и маленькой сестрой – дочерью одного из дядек – остаются в Верхолузье. Их очень жалеют местные жители, делятся последним. Хотя друг друга они совсем не понимают. Коми люди хотя и знают русский язык, но большинство немцев и его не понимает.

Однажды бабушку с детьми провожают до Лузы, сажают в лодку и отталкивают от берега. Никто из сидящих в лодке не знает ни слова по-русски. Им жестами объясняют, что надо сплавляться вниз. Потом чертят в воздухе какие-то прямоугольники. Путники с трудом соображают, что это притоки Лузы. На одном из них – реке Ула – им надо свернуть и снова сплавляться вниз.

После встречи с Василием Ивановичем много раз мысленно представляла это многокилометровое путешествие по северной реке бывших жителей Поволжья. У Лузы множество маленьких и больших притоков. Легко сбиться с пути, ошибиться и людям бывалым. Что же говорить о старухе с детьми, впервые севших в утлую лодочку. Наверное, во время этого плавания старой женщине не раз чудилась за деревьями тень с косой за плечами. Преодолеть путь помогли дети. Дорога отняла у нее уже четверых внуков. Вся надежда и все богатство лежало у нее на дне деревянного суденышка.

Лодка уткнулась в песок. А в лесной сторожке как-будто именно их ожидали хозяева – старик со старухой. «Они накормили нас, а на дорогу дали хлеба», – эти простые слова в устах Василия Ивановича звучат так же значительно, словно молитва.

Новая родина так и осталась безымянной. Ведь 8-й поселок – это не имя, а числительное. Названия придумывать было некогда. Людской вал, захлестнувший коми парму, все прибывал. Уже потом некоторые поселки по Лузе и ее притокам, в которых жили немцы, выделяли из других, называли «немецкими».

История каждого спецпоселка заслуживает отдельного исследования. Их рождение и судьба достойны увековечения в книгах, в фильмах, в памятных знаках. Сотни, тысячи поселков построили «враги народа», обжили в самых гиблых местах. Энтузиазма, любви к жизни у поселенцев поневоле было не меньше, чем у воспетых в романах и стихах комсомольцев, коммунистов. У них отсутствовало другое – одежда, обувь, еда. А главное – свобода.

Перед войной 8-й и другие поселки представляли собой настоящие оазисы посреди тайги. Всем, бывавшим здесь, наряду с добротностью особо бросались в глаза идеальная чистота, образцовый порядок. Десятки километров были отвоеваны у болот и лесов под поля и пашни. В 8-м поселке сажали все, что, как говорится, душе угодно. По склонам речушек росла клубника с величиной с кулак. Правда, лакомиться ею местные жители не могли, все отправляли в Сыктывкар.

В 1933 году густонаселенные поселки сильно поредели. Людей скосил голод. Но в этом же году в 8-м поселке открылась школа. Настоящий луч света в темном лесном царстве. Вася Лох только лишь взрослым по-настоящему понял, что означало для него и всех его сверстников открытие школы. Им очень повезло на учителя. Чего скрывать, преподаватели в школы спецпоселков попадали всякие. Некоторые, нисколько не смущаясь, говорили своим ученикам, что надеяться им не на что, их жизнь изначально перечеркнута. К счастью, большинство были другими.

Имя Афанасия Константиновича Тарасова Василий Иванович Лох называл несколько раз. И каждый раз у него дрожал голос. Редко когда увидишь в пожилом уже человеке такую безграничную, беспредельную благодарность к своему учителю. «Всем в жизни я обязан ему».

Афанасий Константинович не говорил высоких слов. Но внушил своим ученикам высокую мечту – выучиться, получить специальность. А значит, вырваться из тисков несправедливости. Трудно поверить, но в середине 30-х годов группа мальчишек из 8-го поселка очутилась в Вологде. Решили штурмовать ветеринарный техникум. Руководство техникума смелости детей спецпереселенцев поразилось. Но принять их не посмело.

Трудное возвращение домой. И снова учитель Тарасов пришел на подмогу. Помог устроиться Василию в Визингу на учительские курсы. Там – свои проблемы. Рядом с великовозрастными слушателями мальчишка поначалу растерялся, стушевался. Умненькая учительница, к которой потянулся мальчик, оказалась «троцкисткой». Его вслед за ней чуть не отчислили.

Наконец с заветной корочкой в кармане он едет в школу. Путь в обычные, «нормальные» школы спецпереселенцу-учителю заказан. Он едет туда же, в те же лесные поселки, откуда вышел сам. Веж, Вуктыль, Намск, Емельстан... В некоторых поселках школой назывались бараки с разрушенными печками, без парт и столов. Перед началом учебного года учитель на неделю вооружался топором и приводил «храм» знаний в божеский вид. Ему помогали дети. Уже во время ремонта начинался воспитательный процесс. Как когда-то учитель Тарасов, он внушал ребятам главную цель: выучиться, вырваться, обрести свободу.

Хотя сам всю жизнь ощущал на себе оковы неволи. Даже получив высшее обра-

зование, так никуда и не смог уехать из Корткеросского района. На всю жизнь остался здесь. Незадолго перед пенсией пришлось в очередной раз тронуться с насиженного было места, покинуть Намск, перебраться в Аджером, где его назначили директором вспомогательной школы.

В Аджероме мы и встретились. Светлый, небольшой домик на окраине поселка. Приветливые супруги. Оставляют нас пить чай. Нам же, как всегда, недосуг. Василий Иванович сокрушается, что гостей отпускает без угощения, что «накормил» лишь «баснями». Жаль старика. Но услышанное заставляет уединиться, чтобы вновь обдумать и прочувствовать все, о чем он рассказал.

Последнее, о чем спрашиваю: «Бывал ли он когда после отъезда на Лузе?» Оказалось, что всего несколько раз. Отпуск ему долго не полагался. А потом и посещать стало некого. Часть большой семьи осталась на кладбище 8-го поселка. Часть – разъехалась по стране. Не виделся он больше и с учителем Тарасовым. Это только в юности кажется, что жизнь долгая и ее на все хватит. Уже после сорока она летит как под откос. Даже в одном городе, в одной республике можно прожить жизнь и ни разу не встретиться с близким человеком.

Вскоре после встречи с Василием Ивановичем я поехала в Прилузский район. В селе Ношуль отыскала дом, в котором жил учитель Тарасов. Очень тепло, как родную, встретили меня две его дочери, тоже учителя. Они рассказали о своем отце, показали оставшийся от него богатейший архив. Самое потрясающее: Афанасий Константинович оставил после себя сотни фотографий, на которых запечатлены его ученики из немецких спецпоселков. Уникальное, не имеющее цены свидетельство жизни стертых с лица земли поселений.

На некоторых снимках 30-х годов рядом с учителем Тарасовым я узнала и Васю, Василия Ивановича Лоха. Продолжение этого рассказа – в следующем выпуске «Дыма Отечества».

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
Корткеросский – Прилузский районы
(«Дым Отечества», 16 августа 2003 г.)

Школа Тарасова

У каждого, кто выжил в нечеловеческих условиях сталинских лагерей, превозмог голод и холод в стылых спецпоселках, был свой сокровенный человек. Тот, кто в самый трудный момент протянул краюшку хлеба, поддержал добрым словом, просто погладил по голове или пожал руку. Мальчишке из немецкого невольничьего поселка Васе Лоху несказанно повезло. На краю земли, в медвежьем углу, в неволе лучом света для него стал учитель Афанасий Константинович Тарасов. Он не только помог вырваться ему на свободу, но и получить образование, выбиться в люди. «Два Учителя» – так назывался материал об учителе и его ученике, тоже ставшем учителем, в прошлом выпуске нашего приложения. После встречи с Василием Ивановичем Лохом очень захотелось побольше узнать и о его учителе. Это желание обернулось удивительным открытием.

Афанасий Константинович с супругой в последний год своей жизни.

Село Ношуль по нашим северным меркам довольно большое. Но прохожие без запинки называют здешних учителей, объясняют, как к кому пройти. Видно, что учителей здесь уважают, почитают. Нина Афанасьевна Тарасова уже на пенсии. Но половина села – ее ученики. И дом ее открыт для всех. Светлый, просторный, с веселыми голубыми наличниками.

В разгаре лето. В гости к Нине Афанасьевне приехала из Сыктывкара сестра Валентина Афанасьевна с детьми и внуками. Дети и взрослые гудят шумным, дружным ульем. Лишь только переступив порог дома, я здесь уже почти как своя. Дочери Афанасия Константиновича даже прослезились, узнав, что меня привело сюда. Правда, Василия Лоха они не помнили. Не счесть, сколько у отца было учеников. Много лет, как учителя Тарасова уже нет в живых. Но память о нем не угасла. Его ученики, уже сами немолодые люди, узнав или встретив его дочерей, всегда радуются, словно встретились с самим Афанасием Константиновичем.

Передо мной вырастают стопки разных документов. Удивительно, сколько всего ценного, любопытного сохранил учительский дом. На серых бумажках – вся жизнь учителя. Родился в 1899 году. В 1911-м поступил в Ношульское высшее начальное училище. Успел побывать и на фронтах империалистической войны. Был интернирован в Германию. После освобождения снова попал на войну – гражданскую. Воевал на Северном, Финском, Польском фронтах. Демобилизовался в 1922 году. Учился на педагогических курсах в Визинге. В 1932 году поступил в педагогический институт. Но заканчивать его пришлось заочно. Начал работать в

Ученики А.К.Тарасова из спецпоселков.

Школьники из спецпоселка.

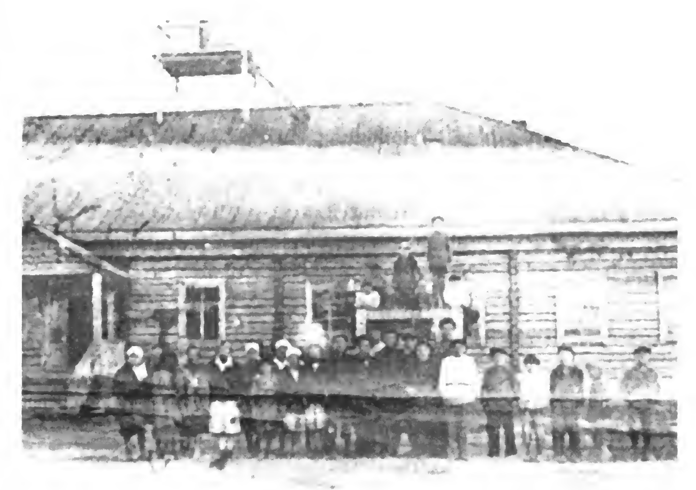
школах спецпоселков, в 30-е годы появившихся в Прилузье словно грибы после дождя.

Довоенная работа в школах в документах, оставшихся после Афанасия Константиновича, почему-то почти никак не отражена. Но не успеваю высказать сожалений по этому поводу, как откуда-то, из домашних закутков, дочери выносят коробки со старыми фотокарточками. Фотокарточек очень много, большие стопы. Все они сделаны Тарасовым. С фотоделом он познакомился рано, много лет не расставался с фотоаппаратом. А кого снимать учителю? Конечно же, своих учеников. Тарасов и фотографировал их: в исчезнувших уже с лица земли спецпоселках, возле наспех сколоченных школ, русских девочек, немецких мальчиков, в одночасье вырванных с родины и «пересаженных» на Север. Снимал Афанасий Константинович и своих коллег-учителей, тоже спецпереселенцев.

Уже после приезда в Сыктывкар все, кому я рассказывала об этом, удивлялись, изумлялись: неужели возможно, чтобы кто-то в то время рискнул запечатлеть на фотопленку жизнь спецпоселенцев? Такие факты в наших краях почти неизвестны. Находка в Ношуле – маленькое чудо. Фотоархив Афанасия Константиновича Тарасова достоин того, чтобы его полностью опубликовать, издать.

В 1941 году Афанасий Тарасов снова едет на войну. Юго-Западный фронт сменяет Третий Украинский, позже – Первый Украинский. Привычку к скрупулезности, внимание к мелочам в учителе не перечеркивает даже страшная война. Пройдя через многие круги ада, он сумел сохранить те немногие из документов, которые на фронте полагалось иметь солдату. В частности, солдатские книжки, по которым долгие пять лет он получал немудреное довольствие.

Война для Афанасия Константиновича закончилась 26 августа 1945 года. Вернулся домой. И сразу же в школу. Стал директором школы в Ношуле. Спустя шесть лет отпросился с хлопотной директорской должности, стал рядовым учителем. Со школой не расстался до самой смерти. А умер он рано, 63 лет от роду.

Так выглядела одна из школ, в которой трудился Тарасов.

Подопечные учителя Тарасова перед его фотообъективом.

В семье Тарасовых, по словам дочерей учителя, царил культ знаний и всякого рода новшеств. Все шестеро детей Афанасия Константиновича получили высшее образование. Немногие в те тяжелые довоенные, послевоенные годы могли похвастаться шестью вузовскими дипломами в одной семье.

Афанасий Константинович работу в школе, отцовские заботы совмещал с агрономическими. Он первым в селе стал выращивать огурцы, помидоры. Первые же урожаи поразили сельчан. Теплолюбивые овощи выросли не просто большими – огромными.

Сам смастерил в своем доме всю мебель. Как и всякий деревенский житель, находил время, чтобы посидеть с удочкой на речке. И стихи писал, и песни пел, и на гармошке играл. Улучив минутку, садился за стол, чтобы запечатлеть на бумаге и преданья прилузской старины. В семейном архиве Тарасовых сохранилась уникальная тетрадка. В нее Афанасий Константинович со слов старожилов записал весь ход старинной ношульской свадьбы.

Познания сельского учителя пригодились и ученым. Он переписывался с Прометеем Чисталевым, Анатолием Микушевым. Ученые мужи черпали от ношульского грамотея ценные сведения для своих научных работ.

В селе Ношуль немало делается для сохранения памяти об этом уголке Коми земли. В здешней школе создан один из лучших в республике школьных краеведческих музеев. Мемориальная доска украшает здание бывшего высшего начального училища. Жители села на свои средства поставили в центре Ношуля мраморный памятник своему земляку Герою Советского Союза Семену Сердитову.

Большой след в судьбе села, всего этого края оставил и Афанасий Константинович Тарасов. Учитель, наставник, подвижник. Его имя сегодня живет лишь в памяти. Хотя с полным правом его могла бы носить и одна из улиц этого большого старинного села.

Анна СИВКОВА.

Прилузский район

(«Дым Отечества», 20 сентября 2003 г.)

ДОСТОЙНЫ ЛЕГЕНД И ПЕСЕН

Корифей из Водного

Держу в руках старый общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек». Одна страница, заполнена официальными портретами. Это – лауреаты Сталинской премии, получившие самую высокую награду того времени в 1947 году.

Федор Александрович Торопов.

Фотографий – 28. Здесь сотрудники научно-исследовательского института, награжденные за разработку новых методов исследований в аналитической химии редких металлов; инженеры Ново-Краматорского машиностроительного завода, создавшие новые подъемные машины для глубоких шахт, конструкторы, усовершенствовавшие транспортеры и способы транспортировки угля в лавах и шахтах Донбасса. Среди лауреатов 1947 года и научные сотрудники Ухтинского комбината Ф.А.Торопов и М.Д.Крашенинников. Высокую награду они получили за разработку «нового метода получения химического продукта».

...Федор Александрович Торопов родился в 1884 году в Ярославской губернии. В 1912-м окончил Бернский университет в Швейцарии, защитил диссертацию о черном серебре, получил ученое звание «доктора философии с отличием». До Первой мировой войны он работал в Германии в институте физиологии Кильского университета. Одно из его первых научных исследований 1915 года вошло в довоенные немецкие и русские учебники.

В 1914 году Федор Александрович вернулся в Россию, перешел на работы прикладного характера и вел их до конца жизни. Вначале, как химик, занимался производством красок. В 1917-1923 годах был выборным директором, затем главным инженером Рубежанских химических заводов. Затем до 1929 года – главный инженер треста «Анилокрасочной промышленности» и треста «Химуголь», многое сделавший для восстановления и развития химической промышленности Украины.

В 1929 году ученого арестовали, осудили на десять лет лагерей, а в 1930-м доставили на Водный промысел в Коми АССР. Летом того же года на промысле построили химическую лабораторию, заведовать которой поставили Федора Александровича. Ее руководителем он оставался до 1947 года.

По воспоминаниям известного украинского писателя Остапа Вишни, «эта небольшая химическая лаборатория была первой новой постройкой будущего большого промысла, была среди леса первым по тому времени грандиозным, невиданным доселе здесь сооружением. Да, она, эта химическая лаборатория, скромненькая, да она маленькая, да она среди таежного леса, на сотни километров от железной дороги... Да, эта химлаборатория деревянненькая, да в ней стояли печурочки-времяночки и сточные воды после лабораторных опытов приходилось химикам выносить ведрами, но в этих комнатушках билась и бьется такая научная мысль, печками-времянками от таежного холода обогреваемая, что хватит этой мысли на высокие и широкие кабинеты больших и многоэтажных химических лабораторий... Имена первых работников этой таежной лаборатории, – продолжал Вишня, – химиков И.И.Гинсбурга, Л.Г.Хомякова, Ф.А.Торопова, перешагнув много и многокилометровые пространства из далекой Ухтинской тайги, займут заслуженные ими почетные места в списках обогативиших науку лучших специалистов... Химическая лаборатория разрешила вопрос о ценности этой горько-соленой воды. Научная мысль таежной химической лаборатории дала советской промышленности новый способ переработки концентратов на чистые соли радия, способ химиков Торопова и Сударикова».

В сентябре 1932 года начальник ГУЛАГа Берман после посещения Водного промысла подписал приказ о награждении нескольких работников Ухтпечлага, в том числе начальника химической лаборатории инженера-химика Ф.А.Торопова, двухмесячным окладом. Так ученый удостоился первого поощрения на Севере.

Уже в 1933 году под руководством Торопова и химика Сударикова на Водном промысле был разработан оригинальный способ переработки радиевых концентратов, а при химической лаборатории, воспетой Остапом Вишней, открылись курсы, где учились делать химические анализы. В первом номере ежемесячного производственно-технического журнала Ухто-Печорского треста «Недра Советского Севера» Торопов опубликовал свою научную работу «Геохимия Ухтинских радиевых вод». А еще через год на радиевом промысле был введен в

действие завод по переработке радиевых концентратов. Центральная химическая лаборатория, руководимая Тороповым, стала настоящим исследовательским институтом.

В 1936 году судимость с ученого сняли, но Федор Александрович остался в Ухте. Он с увлечением предавался науке. Еще одной вершиной стала для него разработка уникальной технологии извлечения радия из минеральных вод.

О громадном значении, которое придавали в то время в стране добыче радия на Ухте, говорит то, что в марте 1940 года Водный посетили такие крупные ученые страны, как академики А.Е.Ферсман, В.Г.Хлопин, в то время директор радиевого института, член-корреспондент АН ССР Н.Н.Славянов, профессора Д.С.Рождественский, И.Я.Башилов, Л.В.Комлев.

В 1940 году Торопов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора наук. Будущий академик Г.А.Разуваев, также репрессированный и отбывавший срок на Водном промысле, вспоминал: «Торопов сделал докторскую диссертацию тут же в Чибью по сланцам, и она была утверждена ВАКом без защиты. По сланцам можно было считать, сколько лет шло образование плиты, и отсюда – определить содержание бария и содержания радия». Г.А.Разуваев отметил также, что «для служебного пользования» они с Тороповым написали и монографию «Методы получения радия кристаллизацией, обогащение до чистого радия».

В войну – в октябре 1943 года – Ф.А.Торопов был награжден орденом В.И.Ленина. Именно к этому периоду относится портрет ученого, выполненный маслом одним из первых профессиональных живописцев Коми АССР художником Н.Л.Жилиным. За внешней сдержанностью угадывается сильная творческая натура ученого. Даже в минуты короткого отдыха его не покидают внутренняя собранность, дисциплина мысли. Цепкий, пристальный взгляд выдает в нем деятельного, энергичного человека. Портрет был впервые выставлен в октябре 1943 года на художественной выставке, посвященной 26-й годовщине Октябрьской революции в Сыктывкаре, а после выставки вошел в «Портретную галерею знатных людей Коми АССР», организованную в том же 1943 году.

К этому же времени относится и фотоснимок: главный технолог промысла Федор Александрович Торопов, награжденный орденом Ленина, проверяет результаты радиометрических измерений, сделанных сотрудницей центральной химической лаборатории.

Уже после войны, в августе 1946 года, Ф.А.Торопов получил почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР», а на следующий год стал лауреатом Сталинской премии второй степени.

«В этот период во всю ширь развернулся талант Федора Александровича, умеющего, благодаря исключительно глубокому пониманию сущности явления, найти наиболее простые и правильные решения. Широкий кругозор, разносторонняя эрудиция, исключительная творческая инициатива позволили ему вести работы самого различного профиля. За годы работы в лаборатории решен ряд крупных вопросов геохимического, физико-химического и технологического характера. Сделан ряд важных изобретений (только некоторые из них зафиксированы авторскими свидетельствами) и много рационализаторских предложений. Работал всегда с большим увлечением и, можно сказать, с азартом, просиживал ежедневно до глубокой ночи. Всякая свежая, творческая мысль находила у

него отклик. Он быстро находил самые короткие пути ее проверки и осуществления. Это привлекало к нему инициативную молодежь и создало вокруг него интенсивно работающий коллектив. В руководимом Федором Александровичем коллективе, спаянном напряженным творческим трудом и стремлением принести как можно больше пользы, были созданы глубоко человечные и полные истинной культуры отношения». Вот лишь несколько скупых характеристик этого выдающегося ученого.

Торопов стал лауреатом, он был известен в Москве и Ленинграде, его знала мировая наука. Но условия жизни в Водном, конечно, не соответствовали его славе. Я бывала в квартире, в которой некогда жил Ф.А.Торопов: деревянный двухэтажный дом, две комнатки, маленькая кухонька с печкой. Единственная отрада – центральное отопление и ванна. Материальное положение тоже, видимо, было не из лучших, приходилось подрабатывать. Одна из ветеранов поселка показала мне свой аттестат зрелости, полученный в 1944 году. Он подписан созвездием блестящих ученых страны. Председателем экзаменационной комиссии был Ф.А.Торопов, впоследствии лауреат Сталинской премии; учителем химии – будущий академик Г.А.Разуваев, учителем математики – начальник проектного отдела промысла С.И.Головинский, учителем физики – эвакуированный из Ленинграда инженер В.Гохман.

Эти люди «достойны не только воспоминаний, они достойны легенд и песен», – очень верно писал о них Остап Вишня.

Федор Александрович до 1953 года оставался в Коми. В том же году он выехал в Казань, где и скончался 21 декабря. Именем Торопова названа улица в Водном.

Лариса РОЩЕВСКАЯ,
профессор.
(«Дом Отечества», 19 октября 2002 г.)

«Жирный ряд» поселка Водный

Продолжаем знакомить наших читателей с лауреатами Сталинской премии. С нашими земляками, много сделавшими для развития республики, но запамятованными, забытыми. «Достойны легенд и песен» – так когда-то писал о сталинских лауреатах Остап Вишня. Эти слова в полной мере относятся и к Михаилу Дмитриевичу Крашенинникову.

В Водном праздновали 80-летие поселка. Мне показалось, что в центре внимания и притяжения на торжестве была симпатичная общительная пара. Среди гостей не нашлось таких, кто бы не подошел к ним, не пожал руки, не улыбнулся. Подошла и я. Разговорились. Оказалось, что это супруги Крашенинниковы. Тут же узнала, что Андрей Михайлович – сын знаменитого воднинца Михаила Крашенинникова, блестящего инженера, лауреата Сталинской премии.

В гостях у четы Крашенинниковых удалось поближе познакомиться с семейными корнями. Михаил Дмитриевич был родом из Боголюбской волости Владимирской губернии. В семье сохранились старые карточки, на которых запечатлен и крестьянский дом, и его домочадцы. Сохранились снимки отца Михаила Дмитриевича – Дмитрия Яковлевича – солидного, импозантного человека. Своему сыну Мише он смог дать хорошее образование. В 1925 году юноша окончил Московское высшее техническое училище. Получил диплом инженера. Работать начал на 1-й московской государственной электрической станции им.Р.Смидовича. Вскоре стал начальником ремонтно-монтажного цеха.

Отец и сын Крашенинниковы.
Старший – крестьянин Владимирской губернии.
Младший – блестящий инженер,
узник Ухтпечлага, лауреат Сталинской премии.

Но уже в 1933 году на блестящей карьере инженера был поставлен крест. Весной этого года Крашенинникова арестовали, осудили на пять лет с последующим поражением в правах и отправили этапом в Ухто-Печорский лагерь. Здесь определили на Водный промысел.

История поселка Водный связана с разработкой радиевого месторождения. Освоение стратегического промысла было поручено ГУЛАГу. На промысле, официально названном Водным, был создан уникальный комплекс по добыче, переработке и изготовлению радия. По сути, это первый в Коми крае завод, на котором производился полный цикл переработки сырья. Водный положил начало и химической промышленности в республике.

Еще до войны в Водном были построены три деревянных двухэтажных дома. В каж-

дом находилось восемь квартир. В этих домах жили семьи руководителей промысла. В квартирах имелись паровое отопление и даже невиданная для тех пор роскошь – ванны. К домам от заводоуправления вели замощенные дорожки. Жители Водного эти три дома называли «жирный ряд». В них жили и два лауреата Сталинской премии, вчерашние заключенные Федор Торопов и Михаил Крашенинников.

М.Д.Крашенинников.

Теперь, спустя более чем полвека, эти дома «жирными» никак не назовешь. На фоне кирпичных и панельных многоэтажек они выглядят более чем скромно. Но для старожилов Водного они олицетворяют не только прошлое. Здесь жили люди, положившие начало поселку, его слава и гордость. Не настало ли время отметить эти дома мемориальными досками?

...Михаил Крашенинников из-за колючей проволоки был освобожден в сентябре 1936 года. Но все пути отсюда для него оставались закрыты. Устроился по вольному найму на Водный промысел. Уже в этом же году руководством Ухтижемлага был поощрен грамотой и благодарностью. Вскоре к ним прибавился значок «Ударник-ухтинец».

До 1938 года Михаил Дмитриевич возглавлял энерго-механическую колонну. Затем стал главным инженером промысла. С 1936 по 1942 год под руководством Крашенинникова на Водном построены и расширены дизельные станции, освоено крупное компрессорное хозяйство. Добыча радиоактивной воды увеличилась вдвое. «В этой работе проявил инициативу и смелость инженера, внес многочисленные рацпредложения. В своей работе является примером исключительной работоспособности. По его инициативе ведется успешное бурение на газ, что дало возможность сэкономить значительное количество мазутного топлива котельных». Это строчки одной из характеристик тех лет.

В самое трудное время – в разгар Великой Отечественной войны – Михаила Дмитриевича награждают орденом «Знак Почета», ставят начальником Водного промысла и снимают судимость.

После войны он вновь главный инженер промысла. В 1947 году Ф.А.Торопов и

М.Д.Крашенинников за разработку нового метода получения химического продукта удостоены Сталинской премии.

Пятнадцать лет из 55 Михаил Дмитриевич прожил на Севере. Это были годы сверхнапряженной работы, гигантских усилий ума и мысли. Дом в «жирном ряду», в котором он жил, хотя и отличался от соседних элементами «роскоши», был, как и все, мал, тесен, непритязателен. Самое главное – он стоял в местах, где все было опутано и пронизано подневольным трудом и несвободой.

В самом расцвете лет Крашенинников заболел – перебои в сердце. Дали путевку в Кисловодск. В первый же день на курорте пошел на литературный вечер. В ночь после этого с ним случился сердечный приступ. «За ночь, когда мне не хватало воздуха, весь мир казался немилым. В мыслях мелькали и хорошее, и плохое, и даже хотелось конца. Теперь нет – напротив – хочется видеть вас скорей», – делился в письме из Кисловодска с близкими.

В другом письме пишет, что попросил знакомого купить и отослать посылкой в Водный печенье и чугунные сковородки. «Из Кисловодска 6 января отправил две посылки с мукой общим весом 14 кг», – пишет в другом письме. Специалист высочайшего класса, сталинский лауреат не только никогда не купался в роскоши, но, как и все, чувствовал постоянную нехватку даже самых необходимых вещей.

Знакомство с его сыном – Андреем Михайловичем, позволило прикоснуться к той стороне жизни Крашенинникова, которая продолжает оставаться лишь в семейных анналах.

Жена Клавдия Ивановна – в отъезде. Михаил Дмитриевич дает в письме хозяйственный отчет. «Заготовку ягод провели. Заготовлено: две бутылки трехлитровые со специальными маринадами брусники, одна бутыль, кажется, 13-литровая, брусники, залитой в специально приготовленной воде, большая бутыль, находящейся в сарае, клюквы… Нашли и высушили штук 25 белых грибов… Картошку собрали». В другом письме с гордостью сообщает: «С долгами со всеми здесь расплатился».

В начале 1952 года пишет из Водного жене и сыну: «Привези или организуй посылку с ванильными сухарями, сушкой, печеньем. Здесь этого ничего нет. Сахар бывает… Еще несколько просьб в другом письме: «Привези также хвойных лепешек для ванн, термометр для ванн в деревянной оправе, горчичники готовые, термометр комнатный».

На Водном до сих пор живут вещи, которые хранят тепло рук Михаила Дмитриевича. Платяной шкаф, зеркало, шкатулки, заказанные в мебельной мастерской 10 ОЛПа Ухтижемлага, в котором с 1944 года он был и главным инженером, и начальником. Хранятся и чехол от ружья, охотничий билет, патронташ…

Старые, ненужные вещи. Хотя с какой стороны посмотреть. Лауреатов Сталинской премии в огромной стране всего около 700! И когда-нибудь обязательно все они должны предстать вместе, в достойном их памяти музее. Тогда и простые вещи, сохранившиеся в Водном, из обычных предметов превратятся в реликвии, в достояние.

Михаил Дмитриевич Крашенинников «опытный инженер, хороший организатор производства» (это строчки из некролога), и умер скоропостижно. Это случилось в Водном в октябре 1953 года.

Лариса РОЩЕВСКАЯ,
профессор.
(«Дым Отечества», 28 декабря 2002 г.)

От батрака до лауреата

Георгий Дормидонтович Горбунков – один из немногих наших земляков, удостоенных Сталинской премии за выдающиеся успехи в угольной отрасли. Большинство лауреатов – представители других стратегических отраслей Коми: нефть, газ, радий...

Сведений о лауреате удалось собрать немного. Горбунков происходил из ростовского казачества. Родился в 1907 году в станице Каменской. Шахтером еще в начале прошлого века стал его отец. Благо, чтобы спуститься в забой, ехать далеко не требовалось. Шахты соседствовали со станицей. Мирный труд прервала Первая мировая война, куда мобилизовали Дормидонта Горбункова. Не успел перевести дух – как попал на фронта гражданской. Воевал на стороне красных. Погиб в марте 1918 года в бою с белоказаками.

Еще за два года до этого Георгий лишился матери. Путь для сироты был один – в батраки. В годы военного лихолетья на казачьих хуторах он пас стада. А после гражданской пополнил армию беспризорных.

Очутился в Тифлисе, где мальчика определили в детдом. Оттуда перевели на Кубань, в трудовую коммуну. Здесь Горбункову стукнуло 18 лет. И его отпустили на все четыре стороны.

Бродяжничать не стал, устроился работать. Опять сменяли друг друга города: Майкоп, Донецк... Взяли в армию. В саперном батальоне, куда он попал, на второй год службы приняли в партию.

После армии Горбунков оказался в Москве, поступил на курсы горновзрывных техников. С «корочкой» в руках поехал «покорять» Сибирь. В Чите, Улан-Уде работал инженером, начальником участка.

Работу в системе Союзвзрывпрома поменял в непростом 1937 году. Приехал в Москву, поступил в промышленную академию им.Сталина. Как раз накануне Великой Отечественной войны, в 1941-м, получил диплом горного инженера.

Месяц спустя после начала войны Горбунков получил назначение в Ухт-

Георгий Дормидонтович Горбунков.

ижемлаг. Прибыв сюда, поначалу возглавлял взрывные работы, но уже вскоре стал начальником воркутинской шахты № 6. Кадров не хватало катастрофически. Начальник по совместительству работал и главным инженером.

Шахта, которую возглавил Горбунков, строилась в чрезвычайных условиях войны, вечной мерзлоты, руками заключенных. Вскоре после сдачи ее в эксплуатацию она стала одной из лучших в отрасли. Уже к середине 40-х годов перекрыла проектную мощность. В 1943 году грудь начальника шахты украсил орден «Знак Почета», а в 1945 году к нему прибавился орден Ленина.

Уголь, добываемый на 6-й шахте, как почти весь воркутинский уголек, шел на берега Невы. Он помог ленинградцам выжить, встать на ноги. В 1947 году ленинградский горисполком, взявший шефство над шахтами комбината «Воркутауголь», присудил шахте № 6 переходящее Красное знамя.

Несмотря на чрезвычайные условия жизни и труда, на 6-й шахте бурлила инженерная мысль. Именно здесь, впервые в Воркуте, создали при шахте «кабинет технической мысли». Начальник шахты бывал здесь не только как гость, но и являлся полноправным членом коллектива мыслителей. Георгий Дормидонтович был автором изобретения, существенно облегчившего труд шахтеров. Изобрел углепогрузочную машину, которая уменьшила количество рабочих рук при погрузке угля из отвалов.

В конце 40-х годов шахта № 6 «по чистоте горных выработок и состоянию поверхности» была признана образцовым предприятием комбината. В эти же годы начальник шахты был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а 9 апреля 1949 года ему была присуждена Сталинская премия 2-й степени. Кстати, кроме морального поощрения, премия подразумевала и материальное вознаграждение. Так, премия 2-й степени «тянула» на 100 тысяч рублей.

В 1951 году Георгия Дормидонтовича Горбункова избрали депутатом Верховного Совета Коми АССР. К сожалению, на этом его следы теряются. Надеюсь, что, прочитав эти заметки, откликнутся воркутинцы, кто трудился рядом, знал Горбункова, помнит его.

Леонид КЫЗЪЮРОВ.

(«Дым Отечества», 25 января 2003 г.)

Лесной лауреат

Лауреатов Сталинской премии, живших и работавших в нашей республике, – более пятидесяти. Нефтяники, газовики, угольщики... Лишь один человек представляет лесную отрасль. В архиве общественно-политических движений и формирований (бывший партархив) сохранилась краткая биография Семена Николаевича Некрасова. Родился, учился, работал... Кстати, в Республике Коми он прожил немного – всего 15 лет. Уже в 1956 году, как зафиксировано в документах, он выехал на новую работу за пределы республики. Прочитав об этом, остается лишь развести руками: столько времени прошло, вряд ли удастся нащупать его след в нашей республике.

Семен Николаевич Некрасов.

Но жизнь и богаче, и щедрее архивных залежей. Оказалось, в Сыктывкаре до сих пор живут дочь и двое внуков Семена Николаевича. А второй родиной большой семьи Некрасовых, выходцев из села Верхокамское Кировской области, стал Койгородский район. Здесь похоронена мать Некрасова – Евдокия Михайловна. В Койгородском леспромхозе работали его сестры Клавдия и Любовь. Муж старшей дочери Галины – Арбузов – возглавлял после Семена Николаевича Койгородский леспромхоз. Сюда, в поселок Койдин, в 1949 году Некрасов привез и Людмилу Ивановну Харину, дочь своей сестры, оставшуюся в войну круглой сиротой. Она выросла в доме дяди, он ее выучил, привязал к лесу. Людмила Ивановна Вуйцик, уважаемый в Койгородском районе человек, живет здесь по сей день.

Самое удивительное: фамилия Некрасов до сих пор в леспромхозовских поселках на слуху. Словно и не минуло полстолетия. Долгая память о человеке говорит сама за себя. «Да как можно Семена Николаевича забыть, ведь он тут жизнь и работу наладил, до сих пор по проторенной им колее движемся», – говорит Анна Васильевна Костина, один из старожилов Койдина.

Анна Васильевна, сельский фельдшер, директора леспромхоза Некрасова знала лично. Ее муж Алексей Ильич работал с ним бок о бок, был начальником нижнего склада, узкоколейки. Сообща делали дело, вместе и отдыхали. Правда, отдых в то время подразумевал тоже труд. Семену Николаевичу, как директору леспромхоза, предоставили дом. Он и предложил Костину: «Давай стройся рядом!» Между делом и подняли дом. «Вот тут, рядом, почти впритык к нашему подворью, и жила семья Некрасовых», – опираясь на палочку, подходит к изгороди Анна Васильевна.

Семен Некрасов попал в эти места почти в самом начале Великой Отечественной войны. До этого успел закончить Ленинградскую лесотехническую академию, получил специальность инженера. Летом 1941 года его откомандировали в Коми с целью изыскания мест для прокладки узкоколейных железных дорог. А тут грянула война. Он хотел уехать, вырваться на фронт. Но грамотных специалистов на местах было мало, ему дали бронь, оставили на Кажимском чугуноплавильном заводе. После окончания войны инженер предпринял еще один шаг, чтобы уехать в более промышленно развитые районы, в частности, в Пермь. Но не вышло. По словам племянницы Людмилы Ивановны, дядю заставили вернуться силой, для острастки призвали даже милиционеров. К этому времени Семен Николаевич уже был членом партии. Пришлось смириться.

В 1947 году Некрасова назначили директором Койгородского леспромхоза. Леспромхоз, пожалуй, – это слишком громко сказано. Лесная отрасль после войны по всей республике «лежала на лопатках». Но худшего положения дел, чем в Койгородке, не было нигде. Планы по вывозке леса еле-еле выполнялись на 30 процентов. Да и кому их было выполнять, если в лесозаготовителях числились голые да босые. Анна Васильевна Костина не раз смахивала слезу, когда вспоминала евреев, поляков, украинцев, которых пригнали сюда в холщовых портках, в белых рубашках. Их в лес гонят, а им на ноги нечего надеть, голову нечем прикрыть. Умирали массово. На смену им привозили новых.

Чего стоило директору наладить в леспромхозе жизнь и работу, можно лишь догадываться. Но уже через год Койгородский леспромхоз стал лучшим в республике. За несколько лет лесной поселок преобразился. Выросло паровозное депо с ремонтными мастерскими, проложены десятки километров узкоколейки, заработал лесопильный завод, открылась школа ФЗО. Несколько лет спустя Койгородский леспромхоз стал опытно-показательной площадкой для лесных предприятий всей республики.

Из рассказа Л.И.Вуйцик: «Дядю Семена дома было не застать. Дневал и ночевал на работе. Конечно, было нелегко. Но работа увлекала его. Он не мыслил свою жизнь без леса. И очень хотел помочь людям, связанным с тяжелой работой. Еще в конце 40-х годов здесь для погрузки хлыстов придумали специальное приспособление из тросов. Первыми же наладили хлыстовую вывозку по узкоколейной железной дороге. Такая транспортировка, между прочим, до сих пор остается самой дешевой.

Передо мной не стоял выбор – куда пойти после семилетки. С сестрой Галей, дочерью Семена Николаевича от первого брака, поехали учиться в Тихвин, в лесотехнический техникум. Возвратились в Койгородок. В начале 50-х годов здесь стали осваивать Тямский массив. Богатейший лесной район. Места неописуемой красоты. Кругом сосны до неба».

Великолепный сосновый лес, о котором рассказывала Людмила Ивановна, сегодня, быть может, можно было бы отстоять, сделать заказником, объявить заповедной зоной. Но 50 лет назад, как и в последующие десятилетия, все подчинялось его величеству плану. Освоение Тямского массива растянулось на многие годы. Тысячи кубометров отличной древесины дал этот чудесный лес. А что сейчас на его месте? Оказалось, растет новый лес. Тоже сосновый. Посадили взамен вырубленного.

В Семене Николаевиче Некрасове успешно соединились два начала: производственник и ученый. Выполнение и перевыполнение планов – лишь вершина айсберга под названием леспромхоз. В 50-е годы редкое лесное предприятие могло похвастаться механизацией работ. В Койгородском леспромхозе уже в то время механизация коснулась всех операций. Здесь, впервые в республике, появилась мощная техника на лесных делянках. Рационализаторские предложения, в том числе от директора, сыпались как из рога изобилия. Некрасову не стоила больших усилий и защита кандидатской диссертации, которую он осуществил, уже будучи в Ленинграде.

«Строгий был. А добрый какой», – свела воедино два полюса в характере бывшего директора леспромхоза Анна Васильевна Костина. Наверное, так и есть. Время диктовало людям жесткие, порой жестокие требования. Но успех чаще всего приходил к тем, кто в любых условиях не терял человечности. Семена Николаевича уважали и местный, и приезжий, и подневольный люд. При нем поселок стал строиться, благоустраиваться. Он много сил положил на то, чтобы заработали магазины. К нему можно было запросто прийти и попросить деньги в долг. Если потом кто-то из должников заикался об этом, он махал рукой, мол, сгодилось – и хорошо. И просил забыть о должке.

В 1950 году, зимой, в пургу, в Койгородке приземлился самолет. Некрасова спешно вызвали в райком. Ненадолго заскочив домой переодеться, он уехал. Самолет прилетал специально за ним. По поселку пронеслась весть: Семен Николаевич едет в Москву за высокой наградой.

Александра Ивановна, супруга Некрасова, с ног сбилась, чтобы приготовить стол для друзей мужа, обещавших прийти обмывать награду. С мужем она познакомилась в одном из ленинградских ресторанов, где работала поваром. В Койдине официально нигде не работала, была домохозяйкой, растила дочь Ниночку. О ее поварских и кулинарных способностях ходили легенды. Когда супруг возвратился, собрались друзья. Обмыли Сталинскую премию. Думали, что денег хватит и на пир, и на последующую жизнь. Но Семен Николаевич протянул жене тоненькую стопочку купюр. Сталинской премии III степени удостоилась солидная группа лесозаготовителей. В их числе был и Некрасов. Премию разделили на всех. Вот и вышло: каждому – с гулькин нос.

Летом 1954 года Семена Николаевича взяли на повышение. Он стал главным инженером комбината «Комилес». Но в Сыктывкаре прожил чуть меньше двух лет. Пригласили в Ленинград. Здесь он работал в лесотехнической академии до выхода на пенсию. Работа со студентами, научные разработки, поездки по стране... Все это приносило ему истинное удовольствие. Радовала и дочь Нина, которая тоже пошла по его стопам, окончила лесотехническую академию, стала торить тропу в лесоведении.

Последний раз родных и близких Семен Николаевич Некрасов собрал вместе в 1987 году. В актовом зале лесотехнической академии было тесно от пришедших проститься со старейшим преподавателем вуза. Говорили о нем с большой теплотой и благодарностью.

Людмила Ивановна Вуйцик тогда сожалела, что никто, кроме родных, не приехал проститься с ним из Коми республики. Она до последнего времени была уверена, что власть предержащие о Некрасове напрочь забыли. Наш

приезд пожилую женщину взволновал, обрадовал. «Таких людей нельзя забывать. Если бы таких руководителей было сегодня больше, поди и жизнь не нависла бы над пропастью».

Анна СИВКОВА.
Койгородский район
(«Дым Отечества», 12 июля 2003 г.)

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО

Память о генерале Карбышеве

хранят в сыктывкарской семье Гановых

Кяхта – небольшой русский городок почти на границе с Монголией. Любые известия из центра страны и раньше, и сейчас сюда долетают долгим, протяжным эхом. В один из послевоенных годов большая забайкальская родня Карбышевых-Карбушевых узнала, что вышел указ о присвоении звания Героя Советского Союза самому известному человеку их рода-племени – генералу Дмитрию Михайловичу Карбышеву. Новость облетала забайкальские города и села. И откликалась вздохом облегчения у всех сородичей. Ведь до этого времени имя генерала, почти четыре года томившегося в фашистском плену, произносить вслух было небезопасно. Пленные солдаты и генералы советской пропагандой были заклеймены.

Генерал Дмитрий Михайлович Карбышев.

Сыктывкарка Галина Афанасьевна Ганова была тогда еще совсем девчонкой. Росла в городе Улан-Удэ. Сюда из-под Кяхты до войны переехали ее родители. Отец Афанасий Никифорович стал работать кузнецом-медником на механическо-литейном

заводе. Вскоре началась война. Завод, где трудился отец, перепрофилировали, стали выпускать морские мины. Кузнеца на фронт взяли. Семье пришлось несладко. Одно благо – рядом жило много родни, помогали чем могли.

Галина Афанасьевна сколько живет на свете, ни разу о других Карбышевых не слышала. Поэтому предполагает, что все они родом из-под Кяхты. И предка имеют общего. Правда, род их разросся, даже «сбой» в написании фамилии произошел. Одна часть так и осталась Карбышевыми. А в другую не шибко грамотный писарь внес «поправку». С его легкой руки отец Галины с братьями стали именоваться Карбушевыми.

Пересчитать Карбышевых-Карбушевых, как считает Галина Ганова, невозможно. Только у дедушки по отцу было 26 детей! Он несколько раз был женат, последняя из супружниц – бабушка Екатерина – прожила 94 года. Кое-кто из детей умер еще в младенчестве. Но многие выжили, выдюжили, выросли. А ведь это только одна веточка на фамильном древе! Из другой, тоже по отцовской линии, происходил и генерал Дмитрий Карбышев. Отцу Галины Афанасьевны он доводился дядей.

Биография знаменитого генерала изучена и описана в многочисленных статьях и книгах. Но почему-то всегда она начинается с 1880 года, когда родился Дмитрий Михайлович. Заглянуть глубже никто из исследователей до сих пор не удосужился. Никто из биографов военачальника не попытался выяснить, откуда попал в сибирский город Омск и его отец. А этот поиск непременно привел бы в Забайкалье, на самую границу с Монголией. И познакомил бы с большой родней генерала. Наверняка сам генерал Карбышев знался с ней. Хотя об этом в книгах тоже умолчали. Возможно, на родине предков Дмитрию Карбышеву бывать и не доводилось. Ведь всю жизнь он провел на бегу, в армии.

Дмитрий Михайлович Карбышев еще до революции окончил инженерную академию. Участвовал в Русско-японской войне, руководил строительством фортов знаменитой цитадели – Брестской крепости. В Первую мировую дослужился до подполковника. Принял революцию. Стал старшим инженером Коллегии по инженерной обороне государства. Руководил строительством Симбирского и Самарского укрепрайонов. С 1923 года Дмитрий Карбышев активно занимался преподавательской работой. Им опубликовано свыше 100 научных трудов по военной инженерии и истории.

Накануне Великой Отечественной он в ранге генерала инженерных войск, профессор, доктор военных наук. Война застала его на инспекторских работах под Гродно. Здесь Дмитрий Карбышев получил контузию, попал в окружение.

Сменяли друг друга фашистские коцлагеря: Флоссенбург, Майданек, Освенцим. Талант плененного генерала не давал фашистам покоя. Они не раз предлагали ему работать на них, сулили высокий чин в освободительной армии генерала Власова. За плечами генерала была большая жизнь. Вот-вот должно стукнуть 65. Но на все просьбы о сотрудничестве он неизменно отвечал отказом. В начале 1945 года его перевели в находящийся на территории Австрии концлагерь Маутхаузен. Еще одна попытка привлечь пленного генерала к работе на Германию. И снова отказ. Тогда Карбышева и других его сокамерников вывели на мороз и начали обливать ледяной водой…

До сибирских Карбышевых известия о пленении и смерти генерала-родственника просачивались сквозь плотную завесу молчания. Единственной ниточкой,

связывающей их, был Николай Алексеевич Карбышев, двоюродный брат Галины Афанасьевны. Во время учебы в Москве, еще до войны, Николай Алексеевич бывал у Дмитрия Михайловича, который проявлял живое участие в судьбе своего родича-сибиряка. Он не прогадал. Николай Карбышев тоже дослужился до генерала, правда, Ракетных войск. В один из приездов на родину он и привез весть о том, что дяде Дмитрию присвоено звание Героя.

Воевали и другие Карбышевы. Отец Галины Афанасьевны вернулся с войны с орденом Боевого Красного Знамени. Его брат Василий был танкистом, в 1945 году в танке же и сгорел. И погибшие, и уцелевшие Карбышевы остались жить на фотографиях, которые бережно хранят в сыктывкарской семье. Все они разные. Но и схожесть тоже налицо. Все – красивые, колоритные, самобытные люди.

Галина Афанасьевна рассталась с родным краем уже давно. У Карбышевых всегда в чести были не только труд, но и знания. Большинство из них – технари. Галина закончила технологический институт в Ленинграде, по распределению попала в Сыктывкар. Да так здесь и осталась. Много лет преподавала в торгово-экономическом колледже. Отсюда недавно ее и на пенсию проводили.

Прожитые годы оттеснили воспоминания детства, юности. А недавно снова вышли на первый план. В конкурсе «Семья года», уже несколько лет проводимом в Сыктывкаре, задумала поучаствовать семья сына Александра. Одно из конкурс-

Забайкальские Карбышевы. Улан-Удэ. 1966 г.

Галина Карбушева-Ганова со своей семьей.

Семья сына Александра.

ных заданий, предложенных участникам, заставило и мозгами пошевелить, и уже подзабытое вспомнить. При составлении родословного древа «ожили» все Карбышевы. Безвестные и знаменитые. Проступили и бесчисленные «белые» пятна. Ведь некоторые из ветвей своего родословия Галина Афанасьевна совсем не знает. Она надеется, что дело исправят дети и внуки. Обязательно побывают в тех краях, где пустило могучие корни древо Карбышевых.

Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 8 мая 2002 г.)

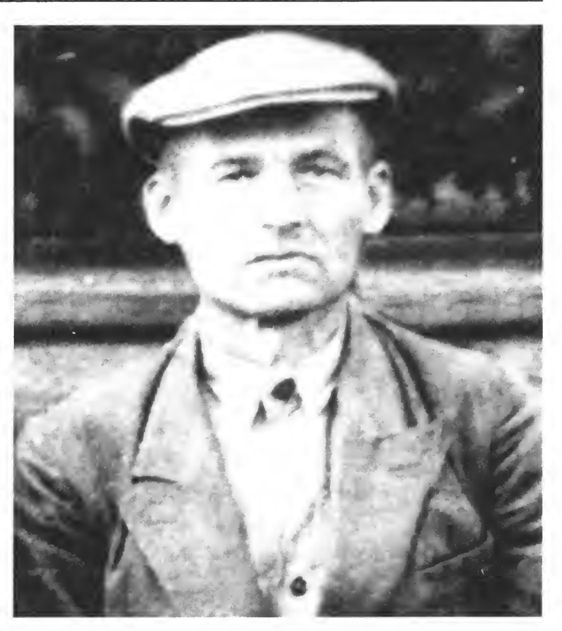
Первый спортсмен

Коми лыжник Павел Панюков прославился еще 90 лет назад

Под рубрикой «Знаменательные даты» в приложении «Дым Отечества» упоминаются различные события и люди. К сожалению, многие имена подавляющему большинству читателей ни о чем не говорят. Мало что сказало, видимо, и имя Павла Панюкова, 90 лет назад одержавшего победу в лыжных соревнованиях, в Беломорском военном округе. А ведь этот человек – один из первых коми спортсменов, проторивших дорогу нашим прославленным лыжникам к Олимпийским играм. Об армейском спортсмене нет никаких сведений ни в одном справочнике, ни в одной энциклопедии. Единственное, что зафиксировано, – он родом из села Небдино Корткеросского района.

В Небдино я и занялась поиском следов Павла Панюкова. Расспрашивая пожилых сельчан, узнала, что в начале века здесь жили два Павла Панюкова, а кто из тезок – спортсмен, никто не помнил. Выручила Евстолия Ивановна Савельева, пожилая учительница. Она подсказала, что когда-то, уже давно, ее коллега Мария Павловна Панюкова рассказывала, как, находясь на службе в армии, ее отец занял первое место в крупных лыжных соревнованиях.

Увы, Марии Павловны уже не было в живых. Все сомнения развеяла ее сестра Александра Павловна: «Спортсмен Панюков – наш отец, Павел Кузьмич».

Павел Кузьмич Панюков.

Родом Павел Панюков был из Паркероса – соседней с Небдино деревушки, расположенной на красивом возвышенном месте. В семье Кузьмы Егоровича росли трое детей, все, как и родители, скромные, работящие. Отец подрастающему сыну сам смастерил первые лыжи – лямпы. Уже сызмальства облазил на них Павел все ближние и дальние окрестности.

Никто не удивился, когда из армии Павел Панюков привез Георгиевский крест. Так командование отметило его быстроту, удаль, лыжные рекорды. Вскоре статный, видный парень женился. Жену себе выбрал под стать – по красивой Парасковье сохло не одно пылкое сердце.

Пятерых детей отец забавлял совсем не деревенской безделушкой – играл им на гитаре. Струны перебирал умело, с душой. Под звуки гитары дети зачастую засыпали.

Слыл Павел Кузьмич и на все руки мастером. Делал шкафы, стулья, диваны. Особо удавались ему рамки для фотографий. Освоил еще одно, совсем не крестьянское ремесло – снимал, делал фотокарточки. Первое радио в селе тоже появилось у Панюковых.

На свет в окошке в доме Панюковых всегда шли люди. Павел Кузьмич был

Служащие лесопункта. Крайний справа во втором ряду Павел Кузьмич Панюков. 1937-1938 гг.

сельским грамотеем и книгочеем. После службы в армии поставили его работать бухгалтером, он и в цифрах хорошо разбирался.

Дочь Александра жалеет лишь о том, что отец не дожил до тех лет, когда выучились его дети. Дочери стали учительницами. Многие годы механиком в сыктывкарском аэропорту работал сын Василий, слывший, как и отец, мастером на все руки. Не подкачал и родной брат Павла Кузьмича – Андрей. Он трудился ветврачом, его одним из первых в республике наградили орденом Ленина.

А жену Парасковью перед самой войной за хорошую работу премировали поездкой на ВДНХ. Но съездить туда ей помешала война. Все военные годы, уже одна, оставшись без мужа, она тянула семью, а также колхоз «Борец», куда ее назначили председателем. Жизнь в эти годы давалась с таким трудом, что пришлось пожертвовать даже реликвией, доставшейся в наследство от мужа. Георгиевский крест вдова сдала государству, а на гроши от него семья смогла какое-то время кормиться.

К счастью, отыскалась и фотография, на которой запечатлен знаменитый армейский лыжник. Этот снимок сделан в 1937-38 годах. На нем – лесопунктовские служащие. Крайний справа во втором ряду Павел Кузьмич Панюков. Старая фотография сохранилась в доме его внучатой племянницы Аиды Васильевны Панюковой.

Ольга МИШАРИНА.

с.Небдино,

Корткеросский район

(«Дым Отечества», 22 июня 2002 г.)

Последнее прости

сказала своему отцу, чей прах был перезахоронен этим летом, жительница поселка Седкыркещ Александра Сокольцева

В нынешнюю весну Александре Семеновне Сокольцевой во сне отец привиделся. Такой же, как в далеком детстве, – невысокого роста, темноволосый, добрый. Смотрел он на свою дочь и твердил одно: «Приходи. Приходи...» Очнувшись от сна, женщина места себе не находила. К чему бы такой сон? Не пора ли и ей вслед за отцом на тот свет отправляться? Все разрешилось несколько дней спустя. Позвонила троюродная сестра с родины, из Ленского района Архангельской области. Сказала, что об Александре из сельсовета справлялись. Велели передать, что отец нашелся. Вернее, его прах. Просят приехать на перезахоронение.

Александра Семеновна Сокольцева у гроба с останками отца.

Четыре дня после этого известия не могла прийти в себя от волнения пожилая женщина. Вместе с ней растревожилась вся семья. Позвонили в райцентр Яренск, в военкомат. Там подтвердили, что из Новгородской области пришло письмо. Следопыты обнаружили ров с останками солдат Великой Отечественной. Опознать удалось немногих. В их числе Иван Павлович Викторов.

Военкоматовские дали адрес новгородских добровольцев, чей поисковый отряд и отыскал безвестное захоронение. Связались с ними. Руководитель отряда Елена Тремерова очень обрадовалась, что нашлась дочь Ивана Викторова. Просила приехать. Когда же узнала, что Александре Семеновне вот-вот должно стукнуть 80, забеспокоилась: «Вы обязательно провожатого возьмите, одна не выезжайте». И добавила: «Мы тут вас встретим, все устроим».

Перезахоронение останков советских солдат было запланировано на 8 мая. Именно в победные майские дни в районном центре Парфино под Новгородом уже много лет подряд проходят схожие церемонии. Сюда стекается народ, выкапывается огромный ров, а над ним вырастают длинные ряды одинаковых гробов, увенчанных цветами и ржавыми касками. Так провожают в последний путь погибших на Новгородской земле безвестных защитников Родины. Сотни добровольцев из разных уголков России ежегодно устремляются в здешние леса и болота, чтобы отыскать и достойно предать земле прах незахороненных солдат. Ставят последние точки в далекой войне. Ведь по словам кого-то из великих, война кончается лишь тогда, когда захоронен последний павший на ней солдат.

За эти годы из болотной хляби и лесных буераков добровольцы вызволили останки сотен солдат. К сожалению, большинство из них остаются безымянными. Лишь у нескольких десятков отыскались медальоны или награды, по которым смогли установить их имена и фамилии.

В эту весну ребята снова работали в окрестностях Парфино. И на этот раз отыскались безвестные захоронения. Снова удалось установить некоторые имена. В одном из запаянных медальонов сохранилась почти целая бумажка с выцветшими данными. Расшифровав их, ребята послали письмо в деревню Лопатино Ленского района Архангельской области.

И дома, и в дороге, где застал Александру Семеновну Сокольцеву 80-летний юбилей, ее мысли кружили вокруг родной деревеньки. Большие деревянные избы, вольготно раскинувшиеся на берегу Северной Двины. Леса, обступающие их со всех сторон. Сбегающиеся к деревне тропинки. Опустела теперь родина. Две семьи и остались здесь жить. А когда-то, до войны, было тут весело и шумно. Насчитывалось 80 дворов. В каждом – орава детишек. В каждом – кряжистые, работящие, мастеровые мужики. Всех подчистую война скосила. Ни один из лопатинцев не вернулся домой.

«Да как вам объяснить, что он мне дороже отца родного. Хотя на самом деле и не родной. Вот и отчество ношу другое. Но все равно нет для меня дороже человека, чем он – Иван Павлович», – Александра Семеновна говорит это так горячо, искренне, что не верить ей нельзя. Хотя тут же признается, что отчима приняла не сразу. Дерзила ему по первости, перечила. Он же все придирки в шутку оборачивал. Старался угодить маленькой дочке. А валенки как подошьет – братьям и сестре на зависть.

Шура родного отца лишилась очень рано. Тот умер прямо в поле, когда стога метал. Мама осталась одна с маленькой дочкой. Тогда и сосватался к ней Иван Крюков. Расписались, и он взял фамилию жены, стал Викторовым. Викторовыми были и дети.

От натужных крестьянских работ в 1942 году забрали Ивана на работу смертельную. Всего несколько писем и успел он отправить с фронта. Потом сгинул. Даже похоронка не пришла. Хотя почему-то в послевоенных списках он значится умершим от ран и похороненным в Ленинградской области. Видимо, ошибка какая вышла, коли солдатский медальон отыскался в яме в новгородских лесах.

...Александра Семеновна не раздумывая приняла решение поехать попрощаться с отцом. Маршрут ей объяснили на месте, пообещали помощь. Все упиралось в деньги. Где их взять? Дорога неблизкая, через Москву, все дорого. Тогда она по-

шла в поселковую администрацию. Рассказала о своей радости, поделилась печалью. Ее выслушали. Пообещали помочь. И она стала ждать того дня, когда сможет поехать к отцу.

А к трудностям ей не привыкать. Познала их с детства. Каково пришлось в войну, никому не приведи Господи. Учиться довелось всего два класса. Потом подалась в Сыктывкар, взяли нянькой в хороший дом. Хозяева и надоумили ее ехать учиться на киномеханика в Горький. Город был наводнен госпиталями, студентки мыли полы, стирали бинты. Шуре скрести полы было не вновинку. А бинты стирать она так и не смогла, выворачивало наизнанку.

Возвратилась в Сыктывкар и получила направление – на Печору. Здесь четыре года с кинопередвижкой объезжала спецпоселки и лагеря. Насмотрелась всякого, намерзлась, намучилась. Кое-как отпросилась обратно. Потом на разных работах была: в столовой, бракером, телефонисткой. Замуж вышла, и прибило ее к Седкыркещу. Здесь и дети родились, и внуки, и правнуки. Сюда же и мама из деревни переехала, здесь же и похоронена.

...Помощь не заставила себя долго ждать. Пригласили Александру Семеновну в администрацию и вручили ей деньги на дорогу. Сказали, что выделил Председатель Госсовета Евгений Борисов. Теперь уже не было никаких преград. В Москве обещал встретить внук Роман. Так и стало. Вместе с Романом сели в поезд, идущий к Великому Новгороду.

В дороге Александра Семеновна про себя пересказывала отцу свою жизнь. А когда вспомнила сестру и братьев, не сдержала слез. Им бы жить да жить. Единственной сестры Нины не стало в 18 лет. На лодке перевозили проволоку для плотогонов. Были вдвоем с парнем, с которым вот-вот пожениться должны. Видно, перегрузили лодку, она перевернулась. Проволока зацепилась за Нинин платок, потянула ее ко дну. Прямо на глазах жениха. Он жив остался, но сошел с ума. Как увидит лужу после дождя, все Нину зовет.

Один братишка рано умер. А второй – Николай – на железной дороге работал. Что-то со стрелкой случилось, а поезда навстречу едут. Он из последних сил стрелки передвинул, а сам под поезд попал. Одна Шура, самая бедовая, и осталась. И живет за всех.

...К станции Парфино подъехали в кромешной мгле. Поезд остановился здесь всего на пару минут. Александра Семеновна с Романом были единственными пассажирами, кто сошел на этом полустанке. Сколько ни вглядывались они в ночную темень, так никого и не увидели. Уже отчаялись ждать, когда послышался шум машины. Из нее выскочила Елена Анатольевна Тремерова, руководитель поисковой группы. Извинилась, что заставила ждать. Оказалось, дежурили на месте будущего захоронения, где уже все готово для завтрашней церемонии.

Утро обрадовало солнечным светом и теплом. На машинах поехали из Парфино в сторону леса. Ехали долго. Все остальное Александра Семеновна помнит словно сквозь мокрую завесу. Длинный ряд одинаковых гробов. Ее подвели к одному из них. На нем лежали цветы. И был прикреплен лист бумаги с пятью фамилиями. Одной из них была фамилия ее отца.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 14 сентября 2002 г.)

Гипоциклоида мастеров Шеромовых

Незадолго до нашей встречи Алеше Шеромову приснился сон. Странный сон, тригонометрический. Ряды мелких цифр на глазах уменьшаются, дробятся. А потом куда-то исчезают. Остается единственная цифра, одна десятая доли. Лишь очнувшись от сна, парнишка понял, что сон в руку. Приснившуюся цифру тут же записал на белую пластину дерева. Затем взял в руку циклю – тонкий ножичек и провел им пару раз по деревянной поверхности. Толщиномером замерил дощечку. Инструмент зафиксировал ту самую, приснившуюся цифру. Это была победа. Алексей вывел, вычислил свою собственную гипоциклоиду.

«Что такое гипоциклоида?» – переспрашивает меня Алексей. Затем берет ручку и набрасывает контур, чем-то напоминающий лодку. «Да ты сильней, смелей, не штришками, а линией», – подбадривает его отец. Но все равно перо чуть прикасается к бумаге, оставляя за собой лишь размытые контуры, абрис. Эти усилия многое выдают. Если даже на бумагу так непросто нанести эту самую гипоциклоиду, как же трудно высчитать ее, вычислить. Притом не ошибиться, попасть в точку, в «золотое сечение».

Если сказать упрощенно, гипоциклоида – это форма скрипки. Но это та форма, которая определяет весь спектр звука, тона, тембра... Две выпуклые дощечки – деки, по периметру соединенные между собой вогнутыми полосками – обечайками. Эти выпуклости только с виду ничего не значат. Скрипичных дел мастера и музыканты по ним определяют и качество инструмента, и его цену, и происхождение. Две деки, прежде чем их отшлифуют и покроют лаком, бывают буквально испещрены цифрами. Каждый сантиметр верхней деки имеет разную толщину. Здесь недопустима ошибка даже на миллиметр. Изящный инструмент во время репетиций и концертов выдерживает поистине гигантские нагрузки – до 30 килограммов и более. При этом он и вида не должен показывать, как ему при этом тяжело, трудно.

Алеше Шеромову завидует даже отец. Конечно, по-хорошему. Да и как не позавидовать, если сын уже в неполные 18 лет вывел свою гипоциклоиду. Очень точную, удачную. Последним штрихом этой кропотливой, мучительной работы и стала приснившаяся цифра-подсказка. Отец Алексея – Георгий Шеромов – первую гипоциклоиду выводил долгий год. Это теперь ему ничего не стоит вычислить ее за несколько дней. Но проходит много недель и месяцев, прежде чем вся цифирь, гнездящаяся на изнанках дощечек и в голове, заиграет, запоет, очарует. Обернется скрипкой.

Отец и сын Шеромовы – Мастера с большой буквы. Ремесло, которым они владеют в совершенстве, уже вышло за рамки обыкновенного умения. Это настоящее искусство. Как и любой вид искусства, он сопряжен с поиском, трудом, потом. Это – как огниво. А кремень – талант. Они сообща и высекли увлечение, переросшее в настоящую страсть.

Георгий и Алексей Шеромовы.

Уникальна не только эта страсть – услышать и извлечь из дерева музыку. Уникальна и родословная мастеров. Гере Шеромову, можно сказать, на роду было написано чувствовать и понимать музыку. Его отчим – замечательный ученый и музыковед Прометей Чисталев – большую часть своей жизни посвятил собиранию и изучению коми народных инструментов. Многочисленные экспедиции в отдаленные коми села и деревеньки, впечатления от поездок, целая стена в квартире, отданная под сигудки, зиль-зели, чипсаны... Вот та атмосфера, в которой Гера рос. Но, по словам мамы, Тамары Алексеевны, оставался к музыке равнодушен.

Потом наступили дни, когда музыке пришлось покинуть этот музыкальный дом. Гера сильно заболел. Врачи поставили диагноз: остеомилелит. Диагноз звучал как приговор. Несколько лет вся семья упорно сопротивлялась болезни. Боролись за жизнь мальчика и врачи. Они сделали ему 30 операций. Мир для Геры на годы сузился до стен, потолков, тахты. Ноги отказывались слушаться. А голова и руки жаждали дела.

Он перепробовал десятки инструментов, докопался до «сердца» множества приборов, открыл для себя действия самых разных механизмов. Среди всевозможных предметов, случайно попавших в руки, очутилась и скрипка.

Увлечение, захватившее Геру: пилить, склеивать, собирать – удивляло Прометея Ионовича. Наблюдая, как пасынок бьется над своей первой скрипкой, с радостью делился с женой: «Из него выйдет толк, вот увидишь».

Прометей Ионович как в воду глядел. Он успел оценить и первые Герины скрипки. Жаль, не увидел его замечательные сигудки – символ коми народной музыки. Вскоре после смерти Чисталева его друг и коллега – Яков Перепелица – сказал Гере: «Сделай сигудэк. Лучшего памятника Прометею Ионовичу не будет». Слова стали пророческими. Гера сделал серию уникальных народных инструментов, когда-то открытых его отчимом.

Учился он большей частью на ощупь, по наитию, сверяясь лишь с самим собой. Старые мастера, делавшие музыкальные инструменты, давно умерли, а новых поблизости не было. Уже позже ему сказочно повезло, когда смог взять уроки у петербуржца Саши Крылова, скрипичного мастера, обучавшегося в международном институте скрипичного мастерства. Не было не только наставников, но и никаких пособий. Очень помогли книги, присланные из Англии Джоном Гордоном

Коутсом. Известный английский ученый, литературовед и финно-угровед два раза побывал в Коми. Гостил и у Прометея Чисталева. Был очень обрадован, что родич знаменитого коми композитора увлечен скрипками. Удивлялся, что он, не играя ни на одном инструменте, обладает безупречным тембровым слухом. Прислал целую посылку книг по изготовлению инструментов, которые очень помогли Гере.

Потом, когда уже встал на ноги и болезнь отступила, он тысячу раз мог поменять профессию. Он и менял ее неоднократно, пытался совместить работу с увлечением. Не получалось. Как делать что-то еще, когда в голове вызревает очередная гипоциклоида? Увлечение перетянуло к себе. Об этом Георгий совсем не жалеет. Только кто бы знал, в какие тиски зажало оно мастера!

И уж никак не мог Гера предугадать, что сын Алешка возьмет в руки цикли и не захочет с ними расстаться. Так сложилось, что в последние годы мальчик жил не рядом с отцом. Поэтому он и прочувствовать-то не успел вкус отцовского ремесла. Но гены – великая сила! Пристрастился к выпиливанию, к выжиганию. Такие безделушки из-под рук мальчика выходили – засмотришься. Приехал в Сыктывкар, пошел в училище искусств. Алешины шкатулки, досочки, сувенирчики шли нарасхват. А потом – как отрезало. Как и отец, «заболел» скрипками. Дней не хватало, стал просиживать над ними ночи. Из училища его попросили. Он и не сопротивлялся.

Никогда не думала, что заставят заслушаться рассказы 18-летнего паренька, совсем еще мальчишки. О скрипках и сигудках он может рассказывать часами. Как мать о своих детях. Они и есть дети – эти хрупкие инструменты, висящие на стенах, лежащие на столе их комнаты, которая и жилье, и мастерская одновременно. Оказывается, их и на улицу без «пеленок» нельзя вынести – простудятся, заболеют – выйдут из строя. Да и дерево на них не всякое пойдет. Только ели и клены. Георгий первую свою скрипку сделал из удорской ели, считает, что тамошние деревья особенные, звонкие. Алеша вторит отцу, рассказывает, что великий Страдивари свои знаменитые скрипки делал из карпатской ели. Определили это по зазубринке, дефекту на годовых кольцах, которые присутствуют на «теле» елочек, произрастающих лишь в Карпатах. А какое искусство требуется, чтобы покрыть лаком нежное дерево готовой скрипки. Называет десятки смол, лаков, клеев, самый экзотичный из которых сделан на основе пузыря осетровых рыб…

Не только сложно выполнить все эти условия, но и достать материалы для скрипки. Поэтому работа часто стопорится, стоит на месте. «Зачем такой штучный товар, если скрипки в магазине продаются, их на фабриках выпускают?» – спускаю собеседников на землю. Они сникают. Но ненадолго. Прини-

маются убеждать, что штучный товар, он и есть штучный. Сюда вложен не только труд, но и душа. «Но ведь никто не купит...»

Наступила-таки на ахиллесову пяту... Около пятнадцати инструментов за эти годы вышло из-под рук мастеров Шеромовых. Хотя могло быть намного больше. Но на что купить черное дерево для грифов и колок, которые стоят немалых денег и без которых скрипка не скрипка. В продаже в Сыктывкаре нет ничего из того, что придает инструменту «товарный вид». Надо ехать в Москву. На что? Все, что удалось за эти годы продать, потянуло на смехотворную сумму, на которую даже не прожить по-человечески. Георгию и Алексею удалось завязать контакты с организаторами Международного конкурса имени Чайковского в Москве. Мало кто знает, что здесь, наряду с конкурсом исполнителей, проходит и другой – конкурс скрипичных мастеров. Шеромовы очень надеялись в этом году поучаствовать в нем, чтобы завязать контакты, показать свои инструменты. И буквально пошли по миру, чтобы наскрести необходимую сумму. Не наскребли.

Они уже свыклись с мыслью, что в родной республике их ремесло не востребовано. Ладно бы скрипки, у нас не так много виртуозов-скрипачей. Но ведь Шеромовы – единственные, кто делает, и первоклассно делает, коми народные музыкальные инструменты. Но кто-нибудь видел, чтобы они звучали на сцене, на многочисленных праздниках, концертах фольклорных коллективов? Исключение – ансамбль «Зарни ань» Михаила Бурдина. Михаил Николаевич – один из немногих, кто вдохновенно играет на сигудке, знает толк в народной музыке, ценит мастерство самоучек Шеромовых. А что мешает делать концертные номера с сигудком в ансамбле «Асъя кыа»? Есть у нас коллектив, даже в названии которого зафиксировано имя уникального музыкального инструмента – «Сигудэк». Но там номеров с сигудком отродясь не бывало.

У других бы руки при таком отношении опустились... А Шеромовы взяли да воскресили еще один музыкальный инструмент, открытый в коми деревнях Прометеем Ионовичем Чисталевым. Он пузатый, немного смешной и звуки издает очень необычные, немного глуховатые. Так и называется – лагун-сигудэк. То есть сигудэк-бочка. Известен такой инструмент с давних пор, но ожил, обрел плоть и звук совсем недавно. Мастерам, как и все их творения, он стоил великих трудов. Хорошо, что этот труд хоть как-то оценили, купил «бочку» театр фольклора.

Они мечтают о лаборатории по изучению, сохранению, возрождению коми народной музыки. Считают, что это непаханое поле, простор для творчества. Есть идеи воскресить и другие инструменты, когда-то открытые Прометеем Чисталевым. У них огромная жажда пообщаться с коллегами. Вот отправили письмо в итальянский Кремон, где издавна существовала знаменитая школа скрипичных мастеров. Может, кто откликнется, заинтересуется их работами.

В последнюю нашу встречу в разговоре всплыло, что вновь за душой у мастеров ни копейки. И не предвидится. Георгия и Алешу знаю давно, поэтому и сказала по свойски: «Да что вы зациклились на музыкальных инструментах? Ведь можете делать все, что вздумается. Продавать и жить нормально. Может, найдете другое дело».

Георгий промолчал. За него сказал Алексей: «Этого не будет. Никогда. Инструменты – наша жизнь. Это наше все». Передо мной сидел мальчишка. А слова, которые он сказал, принадлежали мудрому человеку, настоящему мастеру.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
(«Дым Отечества», 17 июля 2002 г.)

Возвращение Питирима Сорокина

Большие дела, как правило, совершаются тихо, незаметно, не привлекая внимания. Вот еще одно подтверждение этой истины. Только что увидела свет книга, под обложкой которой собраны данные о всех работах нашего выдающегося земляка Питирима Сорокина. Сведена воедино библиография трудов ученого-социолога, а также исследований о его творчестве, вышедших как в России, так и в Америке. Более тысячи наименований! Такая масштабная и кропотливая работа по творческому наследию «отца» мировой социологии проведена впервые в России. А претворила в жизнь уже давно витавшую в воздухе идею библиотекарь из Сыктывкара, заведующая отделом литературы на иностранных языках Национальной библиотеки РК Леонора Давыдова.

В плеяде блестящих ученых и мыслителей, чье творчество долгие годы оставалось в Советском Союзе под запретом, Питирим Сорокин занимает особое место. Как по размаху и широте своих взглядов, так и по недоступности его работ. Доступ к трудам выдающегося ученого закрыла советская власть. Сегодня имя Сорокина у всех на устах. Но счет его книгам и статьям в российских библиотеках продолжает исчисляться единицами. Все наследие ученого остается на его второй родине – в Америке.

Леонора Васильевна Давыдова.

Добраться до знаменитого Гарварда, в стенах которого Питирим Сорокин создал свою школу социологии, где продолжают жить его идеи, книги, статьи, удается немногим.

«Соломинка», за которую ухватилась сыктывкарка Леонора Васильевна Давыдова и которая открыла для нее все двери Гарварда, называется «Фулбрайт».

«Фулбрайт» – одна из бесчисленного множества международных (и, к сожалению, неизвестных большинству россиян) программ по культурным и образовательным обменам. Своим названием она обязана американскому сенатору Уильяму Фулбрайту, который еще в 1946 году стал инициатором принятия закона, разрешившего использовать иностранную валюту, вырученную от

продажи остатков военного имущества, на финансирование обменных программ. Сейчас программу финансирует Конгресс США. Свой вклад в ее осуществление вносят и университеты Америки. С начала действия программы около 32 тысяч ученых из разных стран мира провели в США исследования. И лишь около 400 из них – ученые из России. А из Коми республики Леонора Васильевна Давыдова стала первой.

На эту программу, в которой могут принять участие специалисты по самым различным отраслям знаний, она вышла случайно. Надо ли говорить, что почти безо всякой надежды на успех. В 1999 году библиотекарь из Сыктывкара отправила американским экспертам свою заявку. Ее проект предполагал сбор материалов в США по наследию Питирима Сорокина. Леонора Васильевна была приятно удивлена, когда получила приглашение на участие во втором туре. Для этого ей предстояло ехать в Москву. Здесь состоялась защита проекта и собеседование с представителями программы «Фулбрайт». О Питириме Сорокине они были наслышаны, а идея собрать материалы о нем в США американцам показалась интересной и продуктивной. Так Леонора Давыдова стала одной из 40 счастливчиков, выехавших из России за океан.

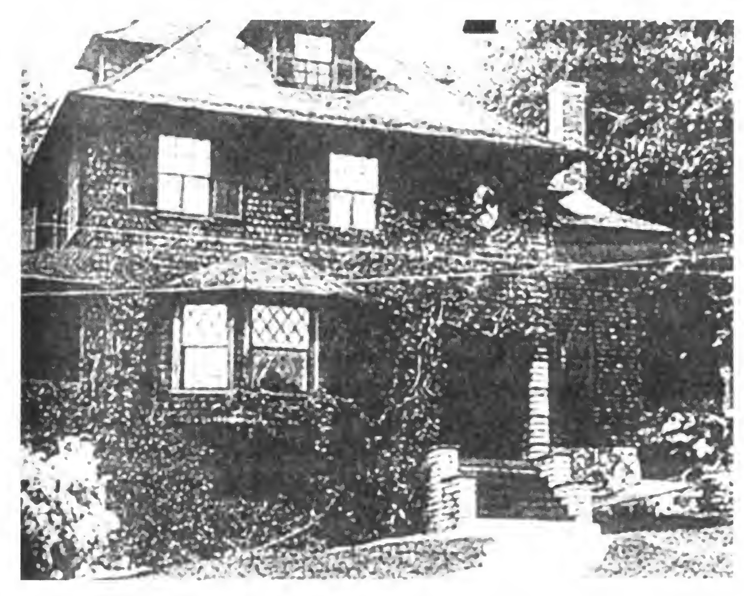
Американцы обеспечивают победителей конкурса ежемесячной стипендией, оформляют визы, страховку. Во всем остальном – нанять квартиру, открыть банковский счет, «пробиться» к интересующим сведениям – исследователи должны полагаться только на себя. Леонора Васильевна считает, что ей повезло изначально: в Бостоне ее встретил Антони Джоунс – профессор Северо-Восточного университета. Личность известная в ученом мире Коми. Именно он в 1999 году сопровождал сына Питирима Сорокина – Сергея Сорокина – в его поездке по Коми земле. Гостье с далекого Севера профессор Джоунс оказывал всяческое содействие. После знакомства с ним у Леоноры Васильевны и зародилась надежда здесь, в Америке, встретиться с сыном великого социолога.

Семья Питирима Сорокина.

К тому же он жил рядом с Бостоном, в пригороде Винчестер. Еще один пригород Бостона – знаменитый Кембридж. В Кембридже и находится Гарвардский университет. Леонора Васильевна к сокровищам его библиотек пробилась без особых усилий. Здесь ее обеспечили собственным офисом, компьютером. А компьютер открыл перед ней все фонды, включая самые редкие. К тому же, работая здесь, можно самой беспрепятственно попасть в любой отдел, снять с полки любую интересующую

книгу. Изо дня в день на столе исследователя появлялись все новые работы Питирима Сорокина. Она скрупулезно заносила все сведения о них в тетради и на дискеты.

Дом Питирима Сорокина.

Работа в библиотеке Гарварда значима сама по себе. Тем не менее в пятимесячной командировке в Америку самым значительным днем Леонора Васильевна считает тот, когда она воочию увидела дом Питирима Сорокина. И не просто увидела, а побывала там. Из земляков ученого до сих пор это удавалось немногим. (На память никто, кроме Павла Кротова, ученого-социолога из нашей республики, не приходит.)

Леонора Васильевна, наслышанная об уединенной, почти отшельнической жизни Сергея Сорокина, не очень-то надеялась на личную встречу. Но, к ее радости, сын Питирима Сорокина откликнулся на письмо. В Винчестер Леонора Давыдова поехала вместе с российским ученым Андреем Некрасовым из Ярославля, тоже попавшим в Америку по программе «Фулбрайт». Думали, что встреча займет всего пару часов, но она затянулась далеко за полночь.

Сергей Сорокин встретил гостей очень радушно. С особой теплотой вспоминал свою недавнюю поездку в Коми. Поездка на родину отца, судя по его замечаниям, остается одним из самых волнующих и приятных воспоминаний. Сергей Сорокин с огромной радостью принял в подарок кассету, переданную через Леонору Васильевну телерадиокомпанией «Коми гор». На пленке были запечатлены отрывки встреч Сергея Сорокина с земляками отца.

Гостям он показал свой большой деревянный дом, приобретенный еще отцом. Самое примечательное – дом со всех сторон окружают сосны, в то время как нигде в округе они больше не растут. Самобытно убранство этого американского дома. Здесь много русского: старый клавесин, самовар, балалайка... На стенах – картины русских художников, виды Петербурга и Москвы. Море пластинок. Большинство из них с музыкой русских композиторов. Все дышит ностальгией по родине.

Почти без изменений остался кабинет Питирима Сорокина. Он небольшой, одну из стен занимает камин, в центре – большой письменный стол, за которым ученый работал. На стене портреты хозяина кабинета, его жены Елены Баратынской. Кстати, во время работы в библиотеке Гарварда Леонору Васильевну ожидало еще одно приятное открытие. Она обнаружила статью Елены Баратынской «Моя жизнь с Питиримом», которая на русский язык переведена не была и в России

неизвестна. Сейчас Леонора Давыдова переводит ее с английского, а у земляков ученого появится возможность первыми в России прочитать эту интересную автобиографическую работу.

Встреча с Леонорой Давыдовой не прошла бесследно и для Сергея Сорокина. Уже после приезда в Сыктывкар она получила письмо, в котором он сообщил, что организовал серию лекций среди студентов-медиков. Их тема – рассказ о Коми земле, ее людях, конечно, об отце. Очень помог видеофильм, полученный им в подарок, который с удовольствием смотрят и студенты.

Особо Сергей Сорокин интересовался судьбой памятника отцу, который обещали поставить в Сыктывкаре. О нем много говорили, даже провели конкурс среди скульпторов. Но дело с мертвой точки так пока и не сдвинулось. Неизвестно и то, будет ли имя всемирно известного ученого присвоено Сыктывкарскому университету, о чем тоже шел оживленный разговор в дни пребывания здесь Сергея Сорокина.

Леонора Давыдова в Гарварде не могла не посетить и факультет социологии, родоначальником которого стал Питирим Сорокин. Недавно факультет поменял свое название – сейчас это факультет истории. Но памятника отцу-основателю здесь тоже нет. Лишь в холле факультетского корпуса входящих встречает портрет Питирима Сорокина. Не все гладко обстояло в Америке и с наследием ученого. После его кончины в 1968 году Елена Баратынская обращалась к руководству Гарварда принять на хранение обширный архив Сорокина. Но по каким-то причинам сделать это не удалось. Сейчас эти архивы, включающие в себя обширнейшую переписку ученого, находятся в библиотеке университета Саскатчеван в Канаде. И ждут своих исследователей, в том числе и из России.

Меньше года понадобилось Леоноре Васильевне, чтобы после приезда из Америки подготовить библиографический указатель с работами Питирима Сорокина и исследователей его творчества. Данными, почерпнутыми в Гарварде, она не ограничилась, снабдив свой справочник материалами по Сорокину из Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Государственной Российской библиотеки, ну и, конечно, своей родной Национальной библиотеки Республики Коми. Теперь готова и книга. Ее презентация пройдет в рамках торжеств, посвященных 100-летию нашего крупнейшего книгохра-

Фото на память с Сергеем Сорокиным.

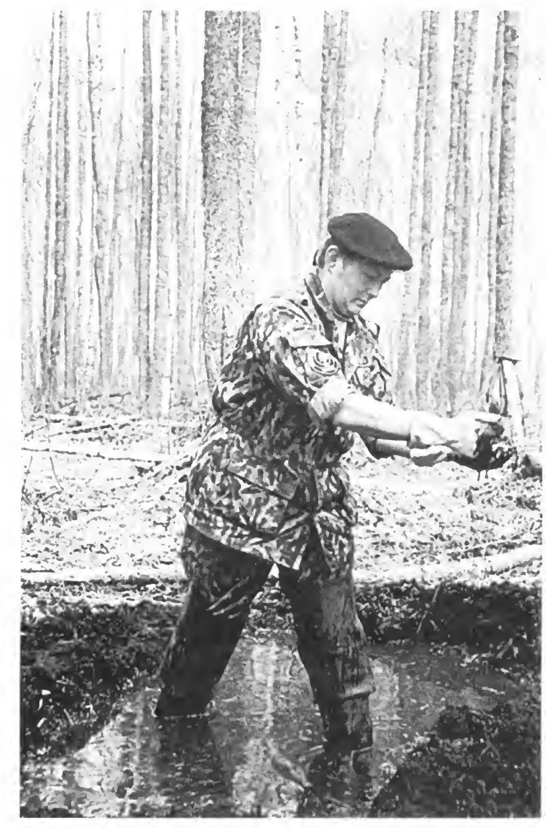
нилища – Национальной библиотеки РК. Можно без преувеличения сказать, что именно эта книга станет одним из самых дорогих и оригинальных подарков к юбилею. Не успев «родиться», она тут же станет и библиографической редкостью. Ведь тираж уникального издания – всего 200 экземпляров.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 27 февраля 2002 г.)

Трудная вахта «Северной звезды»

Все когда-то происходит впервые. В конце апреля 2003 года на поиски и перезахоронение останков солдат Великой Отечественной выезжали в Новгородскую область молодые ребята из отряда «Северная звезда». Этот отряд, не имеющий аналогов в нашей республике, создан в нынешнем году. Он стал одним из многих, уже действующих в России и объединяющих сотни ребят. Задачи, которые ставят эти отряды, благородные и очень трудные. Спустя почти 60 лет после войны они поднимают из болотной хляби и предают с почестями земле останки защитников Отечества. Делают это бескорыстно, безвозмездно. По сути, выполняют миссию государства. Наверное, уже самой первой поездке «Северной звезды» на места боев будут посвящены публикации, сделаны передачи. Сами ребята планируют создать музей. Еще перед поездкой мы попросили одного из членов отряда, аспирантку Коми научного центра Елену Боле, предоставить «Дыму Отечества» дневник похода, который она запланировала вести. Маленькая часть этих записей, сделанных по горячим следам, – перед вами. Они лучше всего передают суть двухнедельных напряженных и одновременно увлекательных будней бойцов отряда «Северная звезда».

23 апреля

День первый. На улице – минус 1 градус. Идет мокрый снег хлопьями. Говорят, непогода в дорогу – добрый знак.

Мы на перроне железнодорожного вокзала Сыктывкара. Отряд «Северная звезда». Двенадцать членов отряда. Командир – Алексей Юрьевич Логинов, старший преподаватель Коми филиала Кировской государственной медицинской академии, майор. Его заместитель – Сергей Викторович Таскаев, руководитель сыктывкарских скаутов. И молодежь: Игорь Обласов, Сергей Вилежанинов, Андрей Соловьев, Ирина Чувъюрова, Оля Шмидт, Александра Момина, Адександр Бобров, Артемий Коснырев. Все – студенты медакадемии. Александр Александров – врач-интерн. И я – Елена Боле.

Уже в конце нашего пути – в Новгороде – к нам присоединилась Эльза Степановна Бауэр. Бывшая ухтинка, учительница, много лет водившая своих ребят в походы. Сейчас она на пенсии, живет в Питере. Но, прознав о нашем походе, не могла усидеть на месте.

С нами едет телевизионная группа телеканала «Коми гор»: корреспондент Оля Ивашина и оператор Олег Шипицын.

В 7.30 – посадка на поезд Сыктывкар – Москва. А затем – «тюх-тюх»... Студенты вспоминают о количестве занятий, которые они пропустят, и очень переживают по этому поводу.

Говорим о разном. Что такое патриотизм? А любовь к Родине? Все сходятся во мнении, что Россия сейчас униженная и оскорбленная. Но непременно станет великой державой.

Ирина Чувъюрова принесла гитару. «Осень... Что же будет с Родиной и с нами?..»

24 апреля

День второй. В 9.30 прибыли в Москву. Полтора часа ушло на приобретение металлоискателя. Оля Шмидт рассказывала, что продавец в агентстве по продаже металлоискателей отрезала: «Сильверов» в продаже нет». «Сильвер» – это металлоискатель. Потом добавила, что привезут их завтра. Оформили на него документы, чтоб завтра зайти и забрать. Тут зазвонил телефон, приехал кто-то из сотрудников агентства. Продавщица спросила: «А что привезли?» Ответ: «Сильверы». Нам повезло. Ушли с покупкой.

В 19.55 отправляется поезд Москва – Псков. Наша станция – Старая Русса. Время стоянки – 5 минут. Сели в поезд. Нам достались боковушки. Спали без белья. Шутили, что это начало адаптации к полевым условиям.

25 апреля

День третий. Утро началось в 4.20. Темно, холодно. На улице кружит снег, на земле – иней.

Встретил нас один из руководителей поисковой экспедиции «Долина» по Старорусскому району Владимир Егоров. Погрузились в военно-полевую машину, спрятались под тент. Кто-то поет песни. Подъезжаем к конечному пункту нашего следования – к деревне Давыдово.

Поисковое движение на Новгородчине началось под Мясным Бором – небольшой деревушкой в 37 километрах от Новгорода. В июне 1942 года здесь трагедией для тысяч людей закончилась одна из малоизвестных операций Великой Отечественной. Операция, получившая название Любанской, удостоилась всего

нескольких строк в мемуарах и справочниках о войне. Солдаты и офицеры 2-й ударной, 52-й и 59-й армий Волховского фронта, погибшие здесь, большего почему-то не заслужили.

Старую Руссу немцы захватили уже 9 августа 1941 года. Захват этого населенного пункта для фашистов имел огромное значение. Во-первых, они захватили древнерусский город, стоящий на древнем пути «из варяг в греки». Во-вторых, Старая Русса имела репутацию прекрасного курорта, соперничавшего с самим Баден-Баденом. В-третьих, этот город находился поблизости от обеих столиц – Москвы и Ленинграда. До Москвы отсюда вообще рукой подать – 500 километров. Немцы планировали создать коридор, по которому без заминки можно добраться с севера до российской столицы и взять ее.

Стратегическое значение Старой Руссы понимали и наши. Бросили защищать Новгородчину десятки тысяч солдат Северо-Западного фронта. Долина противостояния стала Долиной смерти.

Противостояние завершилось ловушкой, которую русские устроили немцам. Ловушка получила название «Демьянский котел». Окружить-то врага окружили, но опыта уничтожения крупных сил противника, находящихся в ловушке, у советского командования в начале войны не было. Этим воспользовались фашистские соединения, пробившие у села Рамушево коридор шириной 8-13 километров. По нему они начали выводить из окружения свои части. Наши части пытались замкнуть ловушку. Бои не затихали полтора года, шли беспрерывно ночью и днем. Потери фашистской армии составили 90 тысяч человек. Русских полегло 120 тысяч.

Деревня Давыдово, к которой мы подъезжаем, входит в Рамушевский сельсовет. При въезде в нее застает рассвет. Красивое алое зарево.

Над палаточными городками Новгородского и Старорус-

ского отрядов развеваются флаги. Жаль, мы не захватили флаг Республики Коми.

Разбиваем свой лагерь. Пробуем металлоискатель. Он пиликает беспрерывно. Земля, по которой мы ходим, нашпигована осколками.

Наши первые находки: несколько осколков, гильзы от патронов, колючая проволока, каски...Чтобы их обнаружить, не понадобилось никаких раскопок. Во время первой же тренировки обнаружили настоящую противопехотную мину «МП-82-3943». Ее должны вывезти эмчеэсники. Мина лежала в земле в каких-то 500 метрах от лагеря.

Наши соседи-кировчане вчера работали первый день. И сразу же нашли медальон. Это большое событие для всех поисковиков. Медальон отправили на экспертизу.

Солдатский медальон как документ, удостоверяющий личность, был введен в РККА в 1925 году. Он был сделан из жести в виде плоской коробочки размером 50х33х4мм, с тесьмой. В него вкладывался специальный бланк, куда заносились сведения о бойце. В 1941 году ввели новые медальоны. Они были в форме пластмассового пенала. Вкладыши в них имелись в двух экземплярах. Один забирала похоронная команда. Другой вкладыш оставался в медальоне. В 1942 году ввели красноармейские книжки. Но они у погибших часто изымались. Если же нет, то от них ничего со временем не осталось. Вот почему сегодня невозможно установить личности большинства погибших.

Завтра – наш первый рабочий день на вахте. Что нас ждет?

26 апреля

День четвертый. Проснулись вовремя. Замерзли не все (шутка). На раскоп вышли позже, чем полагается. Был заморозок, даже щупы в землю не втыкались.

Подняли первого бойца. Вечером сидели у костра, вручили Ире «птичку» – она первая в нашем отряде обнаружила останки. «Птичка» – это нашивка на рукав парадной формы. Пели песни, играли на гитаре...

«Технология» нашего поиска такова. Нам отвели кусочек леса. Он вырос уже после войны. У каждого из нас в руках щуп – палка, на конце которой прикреплена прочная проволока. Мы втыкаем ее в землю. Пядь за пядью. Первые дни мы не знали, что она зацепила: осколок, камень, корни, кости... Но каждый предмет, погребенный в земле, имеет свой звук. Уже к концу экспедиции мы легко определяли, что под нами. У корней – звук приглушенный, а у костей – четкий. Корни цепляются за щуп, а от костей щуп отскакивает.

Нащупали. Встаем на колени. Ножичком вырезаем дерн. Делать это надо аккуратно. Здесь полно мин, гранат. Землю перебираем сантиметр за сантиметром. Раскоп должен иметь размер 2х4 метра. Если часть костей лежит под деревом, его нужно свалить.

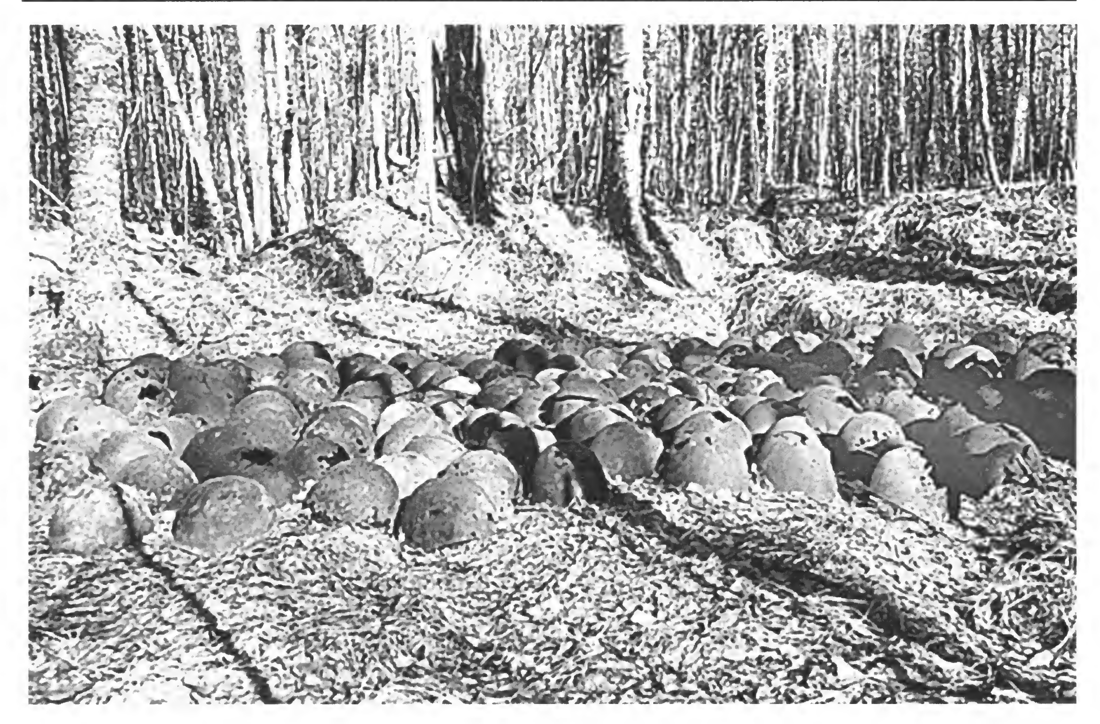
Поисковая экспедиция «Долина» – крупнейшая в нашей стране. Она объединяет 36 поисковых отрядов из всех уголков России. Лишь в прошлом году на территории Новгородской области найдено и захоронено более 8540 останков. Обнаружено 163 солдатских медальона. Удалось установить 66 имен.

С 1988 года поисковиками «Долины» перезахоронены останки 67785 советских солдат и офицеров. У более чем 14 тысяч установлены имена.

27 апреля

День пятый. До обеда обнаружили несколько предметов фронтового быта. Мы с Ирой извлекли гранату.

Вечером саперы разрешили посмотреть, как подрывают найденные поиско-

викaми боеприпасы. Все лежали на земле, за деревьями, в касках. Земля дрожала. На войне как на войне.

Вечером Саша и Сережа нашли бойца. У него была нержавеющая ложка. Увезем ее в наш будущий музей.

Еще нашли кружку, а саперы подарили корпуса от гранат и мины.

28 апреля

День шестой. Съездили на машине на линию немецкой обороны. Видели блиндаж, сложенный из кирпича. Внутри стояла печка. А сбоку висела шинель. Правда, без опознавательных знаков и пуговиц. Потрудились «черные» археологи. До погибших солдат им дела нет. Их интересует лишь то, что можно сбыть, продать: оружие, всякие вещи... Все вверх дном перевернут, все кости разбросают... Усложняют и без того трудную работу поисковиков.

Провели раскопки. Нашли кости, скорее всего, одного бойца. Саперы достали мину, убрали запал, подарили мину Сереже. У него сегодня день рождения – 20 лет.

Проводили наших телевизионщиков. Они обещали встретить нас в Сыктывкаре.

29 апреля

День седьмой. Первый раз лил дождь. Работали на ближних раскопах в пяти километрах от лагеря.

30 апреля

День восьмой. Съездили в Старую Руссу. Посетили музей Северо-Западного фронта. Наши ребята-медики помогли сотруднику записать правильно название одного из экспонатов – шина Дитерихса. Мальчишки сходили в краеведческий музей. Их пропустили бесплатно, так как они очень красивые в парадной форме. Приятно, что люди на улице оглядываются вслед.

1 мая

День девятый. На обед был борщ. С каждым днем учимся готовить на костре все разнообразнее. С утра полил дождь. Все промокли, простыли.

2 мая

День десятый. Подняли четырех бойцов. Нашли много интересных находок. Вечером Ирина заполнила протоколы эксгумации. Героем дня был Игорь – он нашел двух бойцов.

Воинские захоронения различаются по типам. Плановые воинские захоронения – это братские могилы, военные кладбища. О похороненных там можно найти материалы в архивах. А вот о боевых захоронениях никаких документов нет. Места для них выбирались в спешке, между боями. К боевым захоронениям относятся и останки солдат, оставшихся в блиндажах, дотах, на минных полях... Были еще санитарные захоронения. Это когда трупы погибших солдат спустя какое-то время после ведения боевых действий собирались и предавались земле. Делали это пленные или местные жители.

Солдат, которых ищем мы, вообще никто не хоронил. Это так называемые верховые захоронения. Они лишь засыпаны землей, илом, растительными отложениями. Самая большая глубина – 25 сантиметров. Кости складываем в полиэтиленовые пакеты. На пакетах крепим бирки с номером протокола эксгумации. После окончания работ вырытые ямки аккуратно засыпаем грунтом.

3 мая

День одиннадцатый. Многие простудились. С Темы сняли клеща. Он ездил в Старую Руссу, ему сделали укол.

Подняли шестерых бойцов. Герои дня – Алексей Логинов и Сергей Таскаев.

4 мая

День двенадцатый. Идет дождь. Работали на раскопе. Подняли шестерых.

5 мая

День тринадцатый. Накрапывает дождь. Подняли четверых. Наткнулись на отвалах на осколок от медальона. Другие отряды говорят, что это качественная работа.

Вечером было посвящение в поисковики. Днем сделали полосу препятствий. Поисковику-новичку предстоит проползти по-пластунски под ветками ели, колючей проволокой, метнуть гранату в цель... И еще много чего. Самое трудное – запрыгнув в холодную и грязную болотную воду, на корточках пройти по натянутым поверх воды пленочным коридорам. Все это проделать с каской на голове. Каски привязываем к голове кто во что горазд – бинтами, скотчем...

Я смотрела на первых смельчаков с ужасом. Но потом решила, что надо испытать и это. Была не была. Перед тем как прыгнуть в болото, перекрестилась. На обратном пути из воды один из кировчан прямо на бегу поцеловал мою руку. Видимо, за то, что не испугалась.

В конце посвящения все произносили хором клятву поисковика и поцеловали каску и щуп. Мы стали полноправными поисковиками.

6 мая

День четырнадцатый. Событием дня стало то, что мы нашли медальон. Тем самым нарушили примету, что в первую вахту медальоны не находят. Медальон нашел Андрюша Соловьев. Сначала он нашел пуговицу, стал копать дальше, думал, что нащупал вторую. А потом невозмутимо сказал: «А вот и медальон». Командир на весь лес закричал: «Медальон!!!» Все сбежались и стали кричать вместе. Такая у поисковиков традиция.

Но когда медальон вскрыли, там лежали лишь иголка с ниткой. Солдат был суеверным, не хотел умирать. И остался безымянным.

Подняли еще двух солдат.

На Волховском и Северо-Западном фронтах воевало много уроженцев Республики Коми. Отправляясь в те места, мы очень хотели найти кого-то из своих земляков. Несколько человек снабдили нас сведениями о своих родных, без ве-

сти пропавших в этом уголке. В осеннюю вахту памяти 2002 года поисковики из Казани нашли медальон и расшифровали его. Оказалось, что боец был призван из села Дон Усть-Куломского района Коми АССР. Звали его Ивлев Игорь Иванович. Они разыскали его родственников. Просили и нас помочь в этом деле.

7 мая

День пятнадцатый. Последний рабочий день в лесу. Подняли бойца. Это Саша Момина в последний день заслужила «птичку». За два часа свернули лагерь. Поехали в Старую Руссу. Мальчики ходили раскладывать останки воинов в гробы.

Гробов, рассказали, 120. В них разместили останки 1800 бойцов. Наш отряд поднял останков на полгроба. Это 21 боец.

Спали на полу школьного спортзала.

8 мая

День шестнадцатый. Ночью девчонки подшивали нашивки на парадную форму. Мальчишки провели «госприемку».

В 11 часов были на городском кладбище. Несколько рядов гробов у братских могил. Перед ними выстроились все поисковые отряды. Все очень торжественно.

Вонком Старорусского района говорил, что работы впереди очень много. Пригласил всех приехать сюда снова.

Выступала внучка одного из бойцов, чье имя удалось установить. Она приехала из Удмуртии.

Всем раздали свечи. Началось отпевание. После этого вереницу гробов медленно понесли к могилам. Почему-то сильно сжалось сердце, стало очень печально. Все стояли молча, многие плакали.

Гробы складывали в могилу в несколько рядов и в несколько ярусов. Каждый подходил и бросал на них горсть земли. Ветераны благодарили нас.

На вокзале все отряды сначала сидели поодаль. Потом соединились. Пели под гитару поисковые песни.

Мы с кировчанами уезжали последними. Уже наступило 9 мая. На перроне мы встали в круг, обняли друг друга за плечи и пели военные песни. По-особому, как никогда, звучали слова из песни о Победе:

«День Победы, как он был от нас далек...»

Елена БОЛЕ.
Старая Русса – Сыктывкар
(«Дым Отечества», 16 мая 2003 г.)

Дом с мезонином

Сыктывкарка Ольга Евгеньевна Габова приготовила для своего города необыкновенный подарок. Увы, оценить его, наверное, сможет не каждый. Чтобы понять и почувствовать его ценность, надо очень любить свой город. Его настоящее и прошлое. Ольга Евгеньевна открыла нам старый Усть-Сысольск. Она нашла заветный ключик, с помощью которого заговорили дома и улицы. Опираясь на архивные материалы, краевед подробно описала месторасположение и внешний облик каждого из городских домов, выяснила фамилии всех домовладельцев. Необычное путешествие по Усть-Сысольску конца XIX века ждет каждого, кто перелистает пухлый рукописный альбом Ольги Евгеньевны.

Ольга Евгеньевна Габова.

Ольга Евгеньевна удивляется сама себе. Она долго считала себя в Сыктывкаре залетной птицей. Пока кто-то на родине, в Вологодской области, случайно не обмолвился: «Ведь усть-сысольские мы». Эта фраза перевернула жизнь.

Родилась он в городе Соколе, на Вологодчине. Последние два класса в школе после войны сделали педагогическими. В них готовили учителей начальных классов для железнодорожных школ. Таких экспериментальных педклассов было по Союзу два – в Соколе и Одессе. Распределение Ольга получила на Печорскую железную дорогу. Переживала, что отправили в далекий, чужой край. Семь лет проработала в Микуни. Здесь вышла замуж. Родились дети. Вскоре семья переехала в Сыктывкар.

В столице Коми работы по специальности не нашлось. И Ольга Евгеньевна пошла на СМЗ. Была чертежником-копировщиком, техником-технологом. В последние перед пенсией годы трудилась в техническом архиве. Работа в архиве, как никакая другая, особо пришлась по душе. Старые бумаги вызывали уважение, трепет. Они же заставили задуматься о корнях.

От отца, Евгения Ивановича Попова, осталась в семье реликвия – футляр от полевого бинокля. Крепкий, из свиной кожи, футляр в двух местах пробит пулей. Светлая желтоватая кожа кое-где потемнела. Ольга знала, что это следы крови. Футляр спас отца от верной гибели. Неприятельскую пулю он получил в Галиции во время Первой мировой войны. В 1938 году службу Отечеству в царской армии поставили ему в вину. Вкупе с происхождением это потянуло на расстрельную статью.

Евгений Иванович после революции успел закончить несколько курсов юрфака Ленинградского университета. За его плечами была и дореволюционная гимназия. Грамотный, эрудированный человек успешно трудился на Сокольском лесоперерабатывающем комбинате. Отсюда его и забрали. Увезли в Кадников, в тюрьму. Там он умер. Позже, в архивах, Ольга Евгеньевна обнаружила запись, что заключенный Е.И.Попов из тюрьмы... исчез. Это его жене правдами и неправдами удалось забрать из тюрьмы труп мужа, похоронить его на городском кладбище.

Трехлетняя Оля осталась без отца. Семье пришлось несладко. Это не мешало чтить память о погибшем отце. Но вспоминать других предков остерегались. В том был свой резон. Многие из них, как оказалось, в царской России были на

Первый налоговый (податный) инспектор Усть-Сысольска Иван Максимович Попов на фоне уездного центра.

виду, занимали высокие чины и посты. Действительным статским советником, кавалером пяти российских орденов был и дед Ольги Евгеньевны – Иван Максимович Попов.

Сотрудники налоговой службы Республики Коми могут праздновать викторию. Не многие из нынешних организаций назовут пионеров, стоящих у истоков их ведомств. Первым податным (налоговым) инспектором в Усть-Сысольском и Яренском уездах в XIX веке и был Иван Максимович Попов. На службу в наши края его определили вскоре после введения в 1885 году в России должности податных инспекторов.

Служба в податном участке и не дала Ивану Максимовичу кануть в лету. После себя он оставил тысячи листов всевозможных отчетов о проделанной работе, в бесчисленных поездках по уездам. Почерк у податного инспектора был красивый, убористый, но, как у всех занятых людей, не очень разборчивый. Его внучке пришлось изрядно потрудиться, чтобы не только вникнуть в написанное, но и расшифровать все записи деда, переписать их для себя. Эта работа растянулась для Ольги Евгеньевны почти на десять лет.

Но она об этом совсем не жалеет. Познакомившись даже с частью материалов, оставшихся от Ивана Максимовича Попова, можно смело утверждать: они ждут своего часа быть опубликованными. Все до единой бумажки. Таких объемных, подробных, интересных материалов по социально-экономическому положению Коми края конца XIX века у нас больше нет. Не знаю, был ли еще в позапрошлом веке в Коми другой такой же мобильный человек, как податный инспектор Попов. За месяц он мог объехать весь Удорский край, а возвратившись в Усть-Сысольск, тут же отправиться и обойти все южные волости. Это по бездорожью, которое и сегодня делает подобные перемещения по республике проблематичными. «Всех разъездов в течение 1892 года произведено 6036 верст», – подобные записи венчают ежегодные отчеты податного инспектора.

Василий Евгеньевич Кичин. 1905 г.

Мария Васильевна Попова (Кичина). До 1917 г.

Его интересовало все. Хотя, конечно, главное – это сбор с населения причитающихся налогов. Бессчетное количество раз Попов обходит на вверенной территории лавки, ренские погреба, базары, ярмарки. Строго следит, чтобы у торговцев имелись патенты, марки, свидетельства на право торговли. Составляет акты о нарушениях. Но под одну гребенку всех не гребет. Хлопочет перед властями за крестьян, если у тех градобитие уничтожило хлеба на пашне, просит отсрочек по выплате налогов. Но от него достается власть предержащим. «Налоги не заплачены, например, самими должностными лицами, которые, конечно, состоятельны уже по одному тому, что за службу исправно получают жалованье», – сетует он после очередного возвращения из уездов.

На страницах обстоятельных отчетов – россыпи интересных деталей, подробностей. Податный инспектор вникает, какой оборот дает продажа вина и есть ли польза от общества трезвости, учрежденного в Койгородской волости. Сколько крестьян в зимние месяцы заняты заготовкой леса для архангельских купцов и сколько людей отправляются в Пермскую, Тобольскую, Вятскую губернии портняжить, катать обувь, коновалить. «Состояние населения удовлетворительное», – такое мнение он выносит из большинства поездок по волостям. Бедность некоторых селений объясняет обыкновенной ленью их жителей. А население одной из волостей, как пишет он, уходит зимой в Пермскую губернию не делом заниматься, а милостыню просить.

В Койгородской волости он становится свидетелем игры в карты на Кажимских рудниках. Проигрыши за одну ночь составляют 50 рублей. Огромные деньги по тем временам. При игре соблюдают неписаный закон – ни грамма водки, все играют трезвые. Если же деньги проиграны, в ход идут обыкновенные спички. Многие беседы с народом Иван Максимович заканчивает нравоучениями: « ... и прошу помнить всегда одно, что честные люди везде ценятся».

Евгений Иванович Попов.

В Усть-Сысольске верой и правдой Иван Максимович Попов прослужил около 20 лет. Здесь же нашел свою половинку. Женился, когда уже стукнуло 35. А женой податного инспектора стала восемнадцатилетняя Машенька Кичина.

Кичины тоже были вологжане и тоже по службе приехали в Усть-Сысольск. В середине XIX века штатным смотрителем усть-сысольских училищ стал Евгений Васильевич Кичин. Позже он сотрудничал в «Вологодских губернских ведомостях», оставил много исследований по истории Севера, в частности, описал обычаи зырян. Его сын – Василий Евгеньевич Кичин – много лет работал инспектором народных училищ Усть-Сысольского уезда. Его перу принадлежат не утратившие своей ценности по сей день этнографические и статистические материалы о жителях Вологодской губернии. Василий Евгеньевич – отец Машеньки Кичиной, отважившейся стать женой чрезвычайно занятого податного инспектора Ивана Попова, который был старше ее на целых 17 лет, и родившей ему четверых детей.

Надо ли объяснять, какой шквал чувств породили все эти открытия в душе их внучки, правнучки, праправнучки Ольги Евгеньевны. Кто-то ей подсказал, что в старом Усть-Сысольске был и дом Кичиных. Светлый, просторный, с красивым мезонином. Очень захотелось посмотреть на родное гнездо. Но разве мыслимо такое долгий век спустя?! Ведь Сыктывкар за это время изменился неузнаваемо.

Ольге Евгеньевне в прошлое заглянуть удалось. До 1917 года в Коми крае, как, впрочем, и сейчас, господствовала частная собственность. На страже личного имущества граждан стояло государство. Движимость и недвижимость жителей заносилась в реестры городской управы. Крупных имений и промышленных предприятий в Коми крае было мало. Главной ценностью для многих оставались дома.

В ведомостях городской управы в разные годы XIX века подробно описывались не только дома устьсысольцев, но и дворовые постройки, упоминались каретные, сады и даже мезонины. Сюда заносились и имена всех домовладельцев. Еще с екатерининских времен, когда Усть-Сысольск обрел статус города, был разработан генеральный план застройки столицы Зырянского края, город был разделен на кварталы. И надо же – такая неожиданность: дом №1 в первом квартале Усть-Сысольска, оказывается, принадлежал жене статского советника Анне Евгеньевне Кичиной. Прабабушке Ольги Евгеньевны Габовой.

Открытие породило ворох вопросов: кто были соседи Кичиных? Как выглядели дома по соседству и в других кварталах города? Кому они принадлежали? Ответы

отыскались и на эти вопросы. Все в тех же имущественных реестрах городской управы. Но сколько времени ушло на это! Какой ворох документов пришлось перелопатить!

Одновременно с этим продолжался и другой поиск – более далеких предков. И тут тоже поджидали удивительные открытия. Выяснилось, например, что с Усть-Сысольском были связаны не три, а по крайней мере четыре поколения предков Ольги Евгеньевны. Еще один прадед – Евгений Евграфович Волоцкой, дворянин Вологодской губернии, коллежский советник, кавалер многих орденов, служил в XIX веке в Усть-Сысольске уездным исправником. Корни его в Польше, предок пришел на Русь в годы правления великого князя Василия Ивановича, который и пожаловал ему поместья и вотчины в Вологодском уезде.

Итог десятилетних исследований Ольги Евгеньевны Габовой – не только уникальный альбом воссозданных улиц и домов старого Усть-Сысольска, но и раскидистое родословное древо, множество интереснейших материалов о прошлом Коми земли. Она признается, что увлечение, которое ее захватило на пороге старости, все эти годы помогало сохранять оптимизм, преодолевать недуги и проблемы. «Раньше нас учили жить с верой в будущее. Теперь если что и помогает, так только моя семья и мои предки. Опора в этой жизни».

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 22 ноября 2003 г.)

ЖИВАЯ СТАРИНА

Шанежки сладеньки, пироги славненьки

Дочери Марии Алексеевны Трегоевой – Нина и Валя, приезжая домой к маме погостить, по утрам встают ни свет ни заря. Мама жалеет их, обратно гонит в постель. Но какой сон, если с кухни плывут такие ароматы. Загудело пламя в русской печке – смолистым деревом запахло. Закипел чугунок с супом – поплыл сытный запах бульона из лесной дичи. Под самый конец утра в доме властвует хлебный дух. Деревянной лопатой из черного чрева печки-матушки хозяйка проворно вытаскивает на шесток румяные, солнечные квадратики и треугольники шанежек, мягкие, длинные «подошвы» пирогов, загогулины всевозможных калачей и пирожков. Тут уж и внуки проснулись. Никому не устоять, чтобы не отправить в рот бабушкины вкусности с пылу с жару. После ранней, шумной трапезы все наперебой благодарят бабушку Машу: «Ничего вкусней никогда не пробовали».

Мария Алексеевна, как и все деревенские хозяйки, встает очень рано. Утро для нее начинается еще ночью, когда многие видят самые крепкие сны. Она пристраивает возле печки свою помощницу – легкую лопатку с пучком лучины на конце. Чуть погодя этими лучинками подожжет сложенные в печке внахлест еще с вечера сухие дрова. Размешает квашню. Снимет с большого обеденного стола клеенку, вымоет столешницу. Насухо вытрет ее, обсыпет мукой. Затевает тесто. Начинает катать шарики. Вскоре перед стряпухой вырастает горка одинаковых, гладких ядрышек. Тогда хозяйка берет в руки скалку и начинает их быстро раскатывать. Тонко-тонко. И снова перед ней высится горка. На этот раз из сложенных друг на дружку почти невесомых круглых лепех.

Из печной трубы дым повалил. Закрутилась хозяйка, словно белка в колесе. Ждут, чтобы в печь отправиться, чугунки для супа и каши, кастрюлька для парного молока, латки с рыбой. А тут еще надо умудриться начинку для лепешек приготовить. Муку пшеничную, крупу ячневую, пшенную или манную, с вечера замоченную, с простоквашей развести да сбить. Одна часть выпечки у настоящей коми стряпухи всегда из пресного теста. А другая – пышная, сдобная, дрожжевая. Начинку на лепешки для пирогов и шанег надо так «размазать», чтобы в жаркой печ-

ке она не расползлась. А для этого по краям тесто общипать, загнуть, приподнять.

Настал самый ответственный момент в «священнодействии» у русской печки. На черном «своде» печи заиграли блики от горячих угольков. Откуда-то, из закутка, к шестку «выкатывается» ступа с сосновой метлой на длинном шесте. Просится в руки хозяйки. И вот она уже, как лесная баба-яга, принимается ловко орудовать ею. Чистит, метет, скоблит от пепла и золы печное днище. Ничто не должно прилипнуть к тонким корочкам, выпечка с черными пятнышками – позор для «шанежницы».

Теперь главное – не проворонить стряпню. Пироги да шаньги с обугленными да подгоревшими боками даже на шесток не выкладывают – сразу в ведерко для скотины бросают. Ну, тут уж и намокнет у хозяйки спина, пока лопаткой, на одном дыхании, весь хлеб из печки вытащит. Потом пристроит к печному «рту» дверцу. Все, «пом», завершилось утро.

Столько сил и трудов отняло одно-единственное утро. Но золотые, аппетитные шанежки и пироги покрасовались на столе недолго. Уже к вечеру растаяла гора. Готовьтесь, хозяйка да печка, к новому утречку.

Мария Алексеевна Трегоева.

...От встречи с малой родиной всегда радостно щемит сердце. Скрип половиц в старом доме, шелест рябин и черемух за окнами, банный пар, плавающий по улочкам в субботние дни... Не счесть сладких звуков и запахов родной стороны.

В каждом краю, в каждой области – своя особая кухня, свои блюда, свои запахи. Исстари с чем-то своим, аппетитным, славится и Север. На вес золота ценилось когда-то знаменитое вологодское масло. Архангелогородцев прозвали трескоедами. Поговорка «Трещечки не поешь – так и не пообедаешь» все еще бытует среди коренных поморов. А что у нас, на Коми земле, какие были и остались самобытные блюда? Специально расспросила с десяток людей, попросила назвать, что самое вкусное в коми кухне?

Мнения поначалу разошлись. Коми край огромен, безбрежен. Поэтому и в каждом из его уголков свое традиционное застолье. Для ижемцев-оленеводов самое изысканное лакомство – строганина, или по-коми айбарч. Для жителей печорских сел – рыба с «душком». В Прилузье заготавливают и заквашивают «аборигена» северных лугов – зонтичник, по-коми – гум. Говорят, замечательная начинка

для пирогов из него получается. Но почти все сошлись во мнении, что нет ничего вкуснее, сытнее, ароматнее коми выпечки. А если еще запить ее суром, то получится настоящий «праздник желудка».

Пироги, шаньги, рыбники тоже в каждом районе пекут на свой манер, со своей изюминкой. Самая вкусная стряпня для меня родом из Удоры. Горками свежеиспеченной снеди здесь встречают гостей. Обносят поезжан на свадьбах. Обкладывают столы на поминках. Набивают сумки и чемоданы уезжающих отпускников и студентов. Всю обратную дорогу с родных деревенек сопровождают пассажира сладкие запахи. Снова и снова мысленно возвращают назад.

Раньше в школьных учебниках жизнь в деревне до революции описывалась как беспросветная, черная. А в рассказах моей бабушки все обстояло иначе. Помню, садилась она сбивать венчиком в глиняной миске сметану на масло. А я, усаживалась рядышком, слушала ее. Она вспоминала праздники. Праздников было много. Пасха, Рождество, Крещение. Их праздновали всем миром. Кроме того, каждое село, каждая деревенька была одарена и своим праздником – престольным, в честь главной иконы в здешнем храме или часовенке. В нашей Пучкоме своих, кровных праздников, было два. И оба Петрова. Летний Петров день и зимний. Были и еще праздники: крестины, именины, рукобитье, свадьба…

К празднику готовились загодя. Припасы пополняли на Важгортской Крещенской ярмарке. За неделю начинали проращивать зернышки, чтобы получился солод для сура. Сур варили в каждом доме. И в каждом вся женская половина избы – иньпöв – была заставлена одинаковыми многоведерными деревянными треножниками, широкими карандысами-ушатами, снопами ржаной соломы, пестерями с мякиной… Не перечесть, сколько нужно компонентов, чтобы получился темный, густой, пенистый сур.

Предпраздничное утро начиналось с вечера. Девок сажали за скалки. Чуть ли не до мозолей натирали они руки. Ведь по сотне лепешек – по-коми их называют кöра – предстояло раскатать к утру. Готовили с десяток начинок. В печку друг за дружкой сажали сковородники, манники, житники, сочни, «дыш шаньги» – ленивые, из картошки. Заправляли рыбой, похожие на длинные лодки, курники. Варили, парили, пряжили…

Не успевали дух перевести, как звон колокольчиков на конских дугах возвещал о приезде гостей. Съезжались родственники со всей округи. За сдвинутые вместе столы садились по сорок и более человек. Плыла по кругу утица-братина с шипучим суром. Ломились столы от всяких яств.

Прясть, как и готовить, умела раньше каждая коми женщина. Но одни тянули льняные нити по нужде, чтоб одеться, а другие признанными мастерицами слыли. Удорские браные полотенца да скатерти в прошлом веке в Москве на всесоюзной выставке выставлялись, восторг вызывали. Кстати, на всевозможных днях культуры республики в Первопрестольную возили и блюда коми кухни. В первую очередь сур и шаньги.

Но кто сегодня может подсказать имя-отчество хоть одной знатной коми стряпухи? А ведь они были в каждом селе. В удорской Пучкоме самая пышная выпечка выходила из печки Варвары Ивановны Калининой. Давненько уже нет тети Варюхи в живых, царство ей небесное. Но многие еще помнят ее хлебосольный дом. Она рано осталась вдовой, шестерых ребятишек одна поднимала. Из жизни с горем пополам и черпала, видимо, она свои знаменитые плачи на все случаи жизни. Но

никогда не отчаивалась, в любую работу душу вкладывала. Из десятков пирогов сельчане всегда безошибочно выделяли Варварины пироги. Такие большие, пышные «лапоти», которые, казалось, вот-вот согнутся, переломаются надвое, не умудрялся испекать больше никто. А какой вкусной рыбой она потчевала свою детвору и гостей. Любая рыбешка, побывав в ее русской печи да потомившись в молочке с маслицем, становилась объеденьем.

«Высший пилотаж» пекарского искусства – пироги да шаньги Марии Алексеевны Трегоевой. Как и все женщины, секреты народной кулинарии она переняла у своей мамы. Но полакомиться мамиными шаньгами удалось недолго. Очень рано отправили ее на вольные хлеба – сплав, лесоповал. Там больше сухарями, смоченными в воде, приходилось довольствоваться. В войну дояркой стала. А после войны открыли в Пучкоме первые ясли. Разместили их в доме Трегоевых. Марии Алексеевне очень не хотелось в чужие руки отдавать домашние печи. Напросилась в истопники. А потом ее поваром поставили в яслях.

Она до сих пор помнит тот день, когда ей вложили в руки бумажку, на которой значилось не очень понятное слово «меню». Пробежалась глазами, что же ей предстоит приготовить на утро. Глаз зацепил – пельмени. Хотя и считаются пельмени коми национальным кушаньем, на Удоре их отродясь не готовили. «Пель» – ухо, «нянь» – хлеб – так переводится это слово с коми. Новоиспеченный повар долго вчитывалась в незнакомое слово, то и дело притрагиваясь зачем-то к своему уху. Но так и не поняла, из чего и как готовится это блюдо. Секрет приготовления хлебных ушек раскрыла повар сельской столовой. Оказалось, вылепить их не так и мудрено.

По 500 штук и более пельменей лепила за одно утро Мария Алексеевна для детсадовцев. За двадцать лет работы здесь постигла премудрости разных других неслыханных дотоле блюд: тефтелей, зраз, омлетов… А дома, у русской печки, колдовала над шаньгами, пирогами, курниками. До последнее времени она, уже единственная в селе, варила и настоящий коми сур.

В это не хочется верить, но суром сегодня в Пучкоме уже никто не угостит. Хлопотное это дело, неподъемное для пожилых женщин. Да и настоящие, тонкие, на корочке, пироги никто, кроме Марии Алексеевны, оказывается, в селе не печет. Вставать спозаранку, чтобы до боли ладоней раскатывать лепешки, никому неохота. Теперь, чтобы не возиться лепешками, тесто-начинку для пирогов кладут в специальные формы, изготовленные из больших жестяных банок. Мелочь, казалось бы. Но вкус да и вид таких «сковородных» пирогов уже совсем иной.

«Не знаю, нужен или нет кому-то сегодня навык стряпать шаньги да пироги, – разводит руками Мария Алексеевна. – А подучить кого-нибудь – это можно. Лишь бы желание у человека было».

Учиться, конечно, стоит. А то ведь как получается? Прочитаешь из справочников по Коми республике раздел о коми кухне и грустно становится. Все постно, сухо, пресно. Ничего общего с настоящей коми кухней не имеют и подаваемые в столовых коми шаньги и рыба «по-коми». Почему-то в общепите эти шаньги всегда с гулькин нос, темные, словно прокопченные, молоком и сметаной от них и не пахнет. Рыба же лежит на тарелках высохшая, скукоженная, несъедобная на вид. Такая еда может вызвать одно отвращение.

В других республиках и странах блюда национальной кухни давно подняты «на щит». Ими гордятся, в ресторанчики и кафе с национальной кухней с удоволь-

ствием ведут самых именитых гостей. В Коми республике на сегодня нет ни одного заведения, где могли бы предложить хоть небольшой выбор блюд из национальной коми кухни.

Главная причина такого положения дел – незнание самой кухни. Огромный пласт народной культуры до сих пор остается вне поля зрения ученых и исследователей, нет по ней ни одной монографии, ни одного красочного альбома, ни одной книги с рецептами. А какие замечательные, интересные, содержательные фильмы можно было бы снять! О премудростях приготовления сура. Или об утренних хлопотах Марии Алексеевны Трегоевой возле русской печи. Возможность такая сегодня еще есть. Но через несколько лет ее может уже не быть. И шаньги, и пироги, и сур перейдут в разряд преданий.

Анна СИВКОВА.
Удорский район
(«Дым Отечества», 23 марта 2002 г.)

Подари мне, матушка, шелковый платок...

«Подари мне, матушка, шелковый платок...» Примерно так можно перевести слова популярной коми песни. Это не просто красивые слова, рифмованная песенная строчка. В них заключен глубокий смысл. Женские платки на протяжении веков в нашем крае были неотъемлемой частью жизни, необходимым атрибутом многих обычаев, праздников, ритуалов. По сути, они – действующие лица нашей истории. Причем одни из самых притягательных и красивых. Но что мы сегодня знаем о платках – вечных спутниках женской судьбы, усладе женской души?

Школа наша маленькая. И село тоже небольшое. Говорят, что пока жива школа, не угаснет и деревенька. Мы, учителя Пучкомской школы, стараемся не только дать нашим юным землякам знания, но и познакомить их с нашей историей. Учебники здесь дело не решат. Нужно что-то другое? А что?

Размышления об этом вылились в создание при школе краеведческого музея. Но экспонаты на полках живут своей жизнью, а детвора – своей. А что, если воссоздать на уроках старые традиции? Пусть ребята, хоть на время, почувствуют себя в «шкуре» своих предков.

Сельские мальчишки и девчонки с воодушевлением окунулись в мир старых обычаев. От ячменного зернышка до чрева русской печи проследили путь хлебного каравая. А оделись в лузаны, разобрались с устройством старинных силков и рыболовных снастей, настоящими охотниками предстали.

Ближе к Новому году задумали претворить в жизнь что-нибудь, с праздниками связанное. Весь январь – вереница праздников. А что, если старинные платки из бабушкиных сундуков «проветрить»? Пусть увидят свет, увидят их люди. Красота-то сказочная.

Ученицы Пучкомской школы на параде платков.

Клич бросили сельчанам: «Принесите свои реликвии. Давайте выставим, чтоб все налюбовались». И потекли в школу разноцветные ручейки.

Для нынешних поколений платок – пустой звук. А для наших бабушек каждый плат имя свое имел. И предназначение. Не дай Бог, чтобы перепутать рабочий платок с праздничным, а дорожную шаль накинуть на плечи на посиделках. Стыда не оберешься.

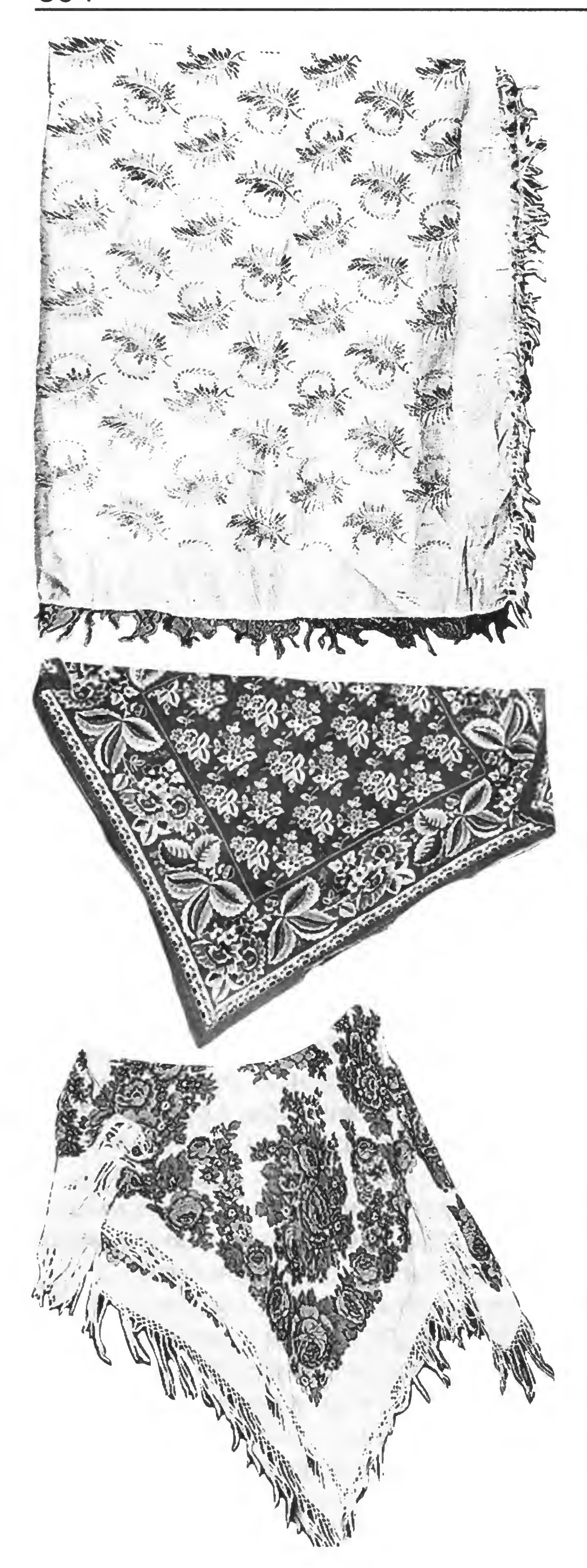
Только вчитайтесь в эти названия: лиловый, барсовый, англичкий (может, эти прекрасные шали с кистями родились в Англии?), шелковый, кашемировый...

Теперь вообразите все это богатство, собранное вместе. Было опасение, что уже невозможно увидеть некоторые из именитых платков. Такие лихолетья вынесли они вместе со своими хозяйками. В голодные годы, которых выпало немало, бесценные платы шли в обмен на горстку соли, четвертушку хлеба. А сколько переливающихся всеми цветами радуги полотнищ были разрезаны на «уголочки» и заношены до дыр дочками, внучками.

Слава Богу, не перевелись, не выносились. Даже в самые черные годы у многих баб так и не поднялась рука на сокровенное богатство. Перетерпели немыслимые трудности, а сберегли красоту. Спасибо вам, женщины родной Пучкомы!

Север не зря называют неброским, неярким. Только на пару коротких летних месяцев расцветает земля полевым разнотравьем. Да осенью в багрянец ненадолго оденется суровая парма. Северный человек скромен, непритязателен. Но и ему наскучит белое безмолвие. Пойдет в Важгорт на Крещенскую ярмарку, обойдет ряды заезжих купцов. Купит дочерям яркие шали да полушалки.

Принесет домой, накинут на плечо девки шелка да кашемиры. И уже дом крестьянский, как дворец. А там на праздник всей семьей соберутся. Говорят, праздников нынче много. Раньше их было куда больше. Церковные, храмовые, царс-

кие... В каждом соседнем селе – родня. Праздник собирал всех за одним столом. Молодежь за пирогами да за рыбниками не засиживается. Гурьбой идет на луг. Если праздник летом. А зимой в большой избе усядутся, яблоку негде упасть. Тесно и от людей, и от разноцветья.

Брат или муж со службы царской приедет, тоже платок сестрам да матушке привезет. Невеста в день свадьбы одарит платочками да шалями всю новую родню. Не было подарка краше и желанней, чем эти ласковые на ощупь четырехугольники.

Платки лежали в сундуках едва ли не у всех женщин. Но были и бедные невестушки. Раньше считалось незазорным делиться на праздниках своими красивыми платками с подружками, соседками.

Отправляясь на санях в неблизкий путь, удорские женщины укутывались в большие клетчатые шали. Эти шали были такие большие, что одной запросто могли укрыться двое. Большие, тяжелые головные покрывала были очень теплыми, уютными. С ними и любая дорога легче переносилась.

Неписаные правила были и для ездоков, отправляющихся на своих санях-кашовах на зимние праздники. Тут обычная шаль уже не годилась. На голову женщины накидывали шерстяные шали черемухового цвета. Каждая деревенская баба имела такую шаль. Их продавали в лавках, а некоторые заказывали из соседнего Лешуконья.

Долго не выходили из крестьянской моды простенькие клетчатые платки. Раньше простоволосая баба и шагу из дому ступить не смела. В лавку ли собиралась, к соседке ли – накинет клетчатый платок на голову, и соблюден этикет.

Еще один плат – тоже клетчатый, но только с кистями. С таким можно было

Мария Матева с шелковой шалью.

и к людям выйти, на веселье какое сходить посмотреть.

Самой высокой ступеньки в платочной иерархии удостоились шелковые шали и полушалки с кистями. Им и вправду цены нет. Невозможно передать словами гамму красок и цветов, перетекающих друг в друга по всей глади платочного поля. Даже кисти были пестрые, непередаваемо красивые. Очень ценились и шелковые шали с букетами цветов на концах. Черный фон и алые, зеленые, желтые цветы. Как живые.

Дюжина разноцветных платков получила название липовых. Липа, как известно, на Удоре не растет. Но здесь о вещах тонких, нежных говорят: «липа лис» – «липовый лист».

Почему другие платки получили название барсовых – неведомо. Они красные, с кистями, рассеченные полосками другого цвета.

Каждая девушка раньше была обладательницей алого платочка. Нежная ткань, наверное, запросто бы прошла даже через колечко. Завязывали его тоже по-своему, с рожками на лбу.

Упомянутый англичкий плат – тоже красный. Его края украшены полосками, на которых цветут большие цветы да райская трава-мурава. Тесно красоте на платочных краях – и цветочки упорхают на середину красного поля. Смотрите, дивитесь, носите.

...Слушали рассказы о платочном царстве школьники, затаив дыхание. А девчоночьи глаза «выдали» их самое большое желание – накинуть красоту на свои плечи. Легли бабушкины наряды на хрупкие плечи и преобразились девчонки.

Поплыли, словно павы. «Это даже больше, чем просто красота». Признание, которое стало самой большой оценкой и этого урока, и главных виновниц этого памятного дня.

Мария МАТЕВА,
директор Пучкомской общеобразовательной школы.
Удорский район
(«Дым Отечества», 25 января 2003 г.)

Волшебная дудочка

Человеку одинаково нужны и хлеб, и песня. Причем без разницы, где он живет. Трудно, натужно, с напрягом добывают свой хлеб насущный жители села Нижний Воч в Усть-Куломском районе. Но именно здесь живут люди, в чьих руках спорятся не только всевозможные крестьянские дела, но и рождается музыка. Один из них – Виталий Иванович Кочанов – слывет среди односельчан мастером-дудочником.

Дом Кочановых в Нижнем Воче открыт и простору, и солнцу, и всем ветрам. Пока мы поднимались на холм, где он стоит, все время в голове вертелось одно: как же сюда карабкаются снежной зимой, в весеннюю слякоть, в осеннюю грязь? Если даже сейчас, в сухую погоду, ноги то и дело съезжают вниз. Но вот живут же, переезжать вниз не собираются. Преодолевать крутые спуски, как оказалось, зимой помогает специальное приспособление, которое привязывают к саням и которым прокладывают тропки. А весной и летом призывают на помощь Бога, крепкое словцо да прибаутки, песни.

Хозяин небольшого дома-пятистенка только-только, перед нами, зашел домой. Плотничал у соседей. Чернобровый, подвижный, одет колоритно: ватные брюки, на ногах валенки, а из-под кургузого пиджачишки рубашка выглядывает – яркая, красная, алая. Она-то и выдает в Виталии Ивановиче не просто сельчанина, крестьянина, а артиста, чудака.

Гостей встречают приветливо. Но с порога побаловать нас музыкой Виталий Иванович не торопится. Какой мастер без куража!

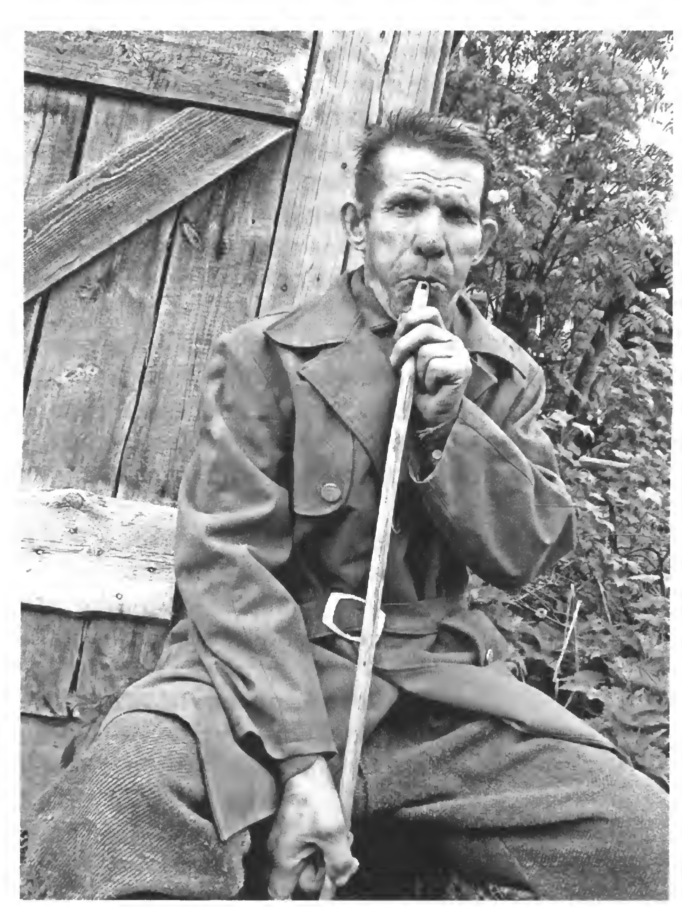
Принимаемся упрашивать. Жена мастера, Анастасия Григорьевна, с нами заодно: «Сыграй уж, сыграй, вон с какой дали за твоей музыкой приехали. Только одежду сперва смени да умойся».

Пока муж готовится к домашнему концерту, жена рассказывает, что и она когда-то была неравнодушна к дудочкам. Возвращаются бабы да девки с лугов, сорвут несколько стебельков придорожного дудника и тут же скрутят их в дудочки. Самыми популярными были «квайта пӧлян». Так по-коми называются шестиствольные дудочки. Дудки, между прочим, друг с другом ничем не скрепляли, удерживали при игре пальцами. Анастасия Григорьевна пытается продемонстрировать нам эту премудрость. Но ничего не выходит, руки не слушаются, дрожат. Говорит: «Коль не болезни, сыграла бы. Но теперь уж вряд ли. Жизнь не миловала. Всю жизнь работу колхозную да общественную доделать торопилась. Да семья. Двенадцать детей рожала. Одиннадцать на ноги подняла. Вот и без сил осталась».

Ее слова тонут в протяжных звуках. Это Виталий Иванович припал губами к длинной палочке с прорезью. Выдуваемая из трубочки мелодия – простая и щемящая, знакома до боли. Все замолкаем. Хочется просто сидеть, слушать и улыбаться друг другу.

Зарождение и развитие музыкальных инструментов – явление удивительное. Почти в одно и то же время, много веков назад, дворцы-крепости западноевропейской знати, хижины обитателей африканской савойи, избушки коми охотников огласились потоками чудных звуков. Мало чем у разных народов отличались предки современных кларнетов, флейт, скрипок. Разве что названиями. Шли век за веком. На Западе инструменты оттачивались, шлифовались, усовершенствовались. Их изготовление, впрочем, и исполнение на них стало подлинным искусством. Суровая жизнь и множество испытаний не позволили расцвести ремеслу безвестных мастеров, придумывающих звучащие предметы в глуши пармы. Но впечатляет одно то, сколько всего, попадающего в руки коми охотников и землепашцев, они «уговорили» спеть, обернуться наигрышем, зазвучать!

Сюмӧд киль – тонкая берестяная ленточка, обрамленная деревянной колодочкой, вторила пению птиц. Каля пӧлян – дудочка-чайка – забавляла малышей. Куима чипсан – одна из разновидностей многоствольных флейт. Всевозможные дудки. Сьӧла чипсан – рябчиковый свисток изготовлялся из пера крыла и даже из сучка еловой ветки. Сёй пӧлян – глиняная флейта-окарина – заставляла молодежь пускаться в пляс. Были в арсенале древних музыкантов берестяные рожки и издающие неповторимые звуки тростниковые стебли. Сюмӧд буксан – предок нынешних кларнетов – служил пастухам, переговаривавшимся с его помощью в лесу. Ну и знаменитый сигудӧк – трехструнный смычковый волосяной гудок, без которого не обходились ни одни посиделки.

Виталий Иванович Кочанов.

А потом о них надолго позабыли. Долгих полвека после Октябрьской революции богатейшая музыкальная культура народа коми покоилась под спудом. Все прошлое рисовалось черным, мрачным, беспросветным. Цель, как говорится, оправдывала средства. Если о чем-

то и упоминали, так только о тальянках, венках, хромках. Но ведь в коми парму гармошки пришли позже всех.

Нашелся-таки человек, который в 70-80 годы прошлого столетия по тоненьким, неясным звукам, доносящимся из глубины веков, сумел воссоздать, дать вторую жизнь зиль-зелям, брунганам, сярганам. Канувший в лету музыкальный пласт культуры открыл, собрал вместе, а затем многие годы исследовал ученый и композитор Прометей Чисталев.

«Знаете, кто слушать меня в Воч приезжал, – отложив на минутку поющую дудочку оживляется Виталий Иванович. – Сам Прометей Чисталев. Бывал здесь он не раз. Все обмеряет, запишет, выспросит. Потом приглашения посыпались. Не счесть, сколько раз в Сыктывкаре выступал. Соберутся дудочники со всей республики. Встанем, бывало, в ряд на сцене музыкального театра и давай переговариваться. Люди в зале хлопают нам не жалея ладоней».

Виталий Иванович настроил свою дудочку на мажорный лад. Играет веселое, подбирает мелодии знакомых песен. Вспомнит что-то важное, сложит на коленях свою чудо-трубочку, нам скажет.

«До Москвы с пöлянами путешествовал. Во всех ближних и дальних городах побывал. Жаль, до Перми не дошел», – говорит последнее с явным сожалением. Пермь в устах дудочника чуть ли самый главный город в России. Так и было. Не случайно раньше коми людей называли пермянами.

Полая невзрачная на вид трубочка полностью подчинила себе мастера. Не успев отдышаться, он заводит новый мотив. Словно спохватившись прерывает игру: «С мастером мне повезло. Звали его Егор Иванович. Он инвалидом был. Но дудочки делал отменные. К нему малышня все липла. И я тоже. Потом и печи класть, и плотничать – всему научился. Но пройдусь по деревне или мимо нее, везде дудник в небо смотрит. Сам не замечу, как вырву. А дома отстрогаю, поверчу в руках. Она и запоет. Летом приезжайте или осенью. Тогда свежие, большие, новые дудочки сделаю. Славный концерт устрою».

Виталий Иванович с дудочкой в руках провожает нас до крыльца. На его ступеньках сидит собачка. Подозрительно оглядывает нас. И весело машет хвостом, как только в дверях появляется хозяин. Тому не устоять перед верным другом. Садится на ступеньку и снова играть начинает. Собаке, по всему видать, игра хозяина доставляет не меньшую радость. Жмется, елозит. Раз – и лизнула Виталия Ивановича в лицо.

Спускаемся с высокого холма. Сзади нас все тише и тише доносятся звуки дудочки. Кажется, только что были на вершине, а уже внизу стоим. Даже не верится, что так быстро «скатились». Наверняка дудочка помогла. Жаль, мало такого рода волшебства осталось в нашей жизни. Древнего, красивого, светлого.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
с.Нижний Воч, Усть-Куломский район
(«Дым Отечества», 4 июля 2003 г.)

ПЕРВЫЕ ЛЕДИ

Май 1953 года. Снимок запечатлел отдых первых лиц республики. На скамейке в Кировском парке сидят (слева направо) П.С.Шарапов – министр финансов Коми АССР, А.С.Ваенский – председатель Сыктывкарского горисполкома с сыном, З.В.Панев – Председатель Совета Министров Коми АССР, Н.С.Ногинов – министр внутренних дел Коми АССР. Напротив стоят их жены. Отсутствует лишь одна – Екатерина Афанасьевна Панева. Кто она? Кто они, жены первых лиц нашей республики прошлых лет?

«Награждается жена Катюша...»

Успехи, достижения, политическая карьера мужчины зачастую зиждятся не только на его профессиональных, деловых качествах, но и надежных тылах. Под последним чаще всего подразумевается его половинка – жена. Лишь в последнее десятилетие жены высокопоставленных деятелей нашей страны стали выходить из тени, их часто показывают по телевидению, им посвящают книги и публикации. Что мы до сих пор знали, к примеру, о супругах бывших лидеров Коми республики, других высокопоставленных чиновников, промышленных генералов, министров. Почти ничего. Разве что слухи и домыслы, неминуемо витающие вокруг их имен.

«Да какие мы первые леди!» – почти в унисон восклицали в телефонную трубку Мария Григорьевна Морозова и Екатерина Афанасьевна Панева. Первая – жена бывшего партийного лидера республики, первого секретаря обкома КПСС Ивана Павловича Морозова. Другая – супруга бывшего Председателя Совета Министров

и Председателя Верховного Совета Коми АССР Зосимы Васильевича Панева.

Выбор на этих женщин пал не случайно. Вряд ли кто из деятелей политической элиты республики может посоперничать с их мужьями хотя бы по количеству лет, которые они оставались на политическом олимпе. Но жены (теперь, увы, уже вдовы) долго отнекивались, напрочь отметая свои «первые роли» в недавнем прошлом. Потом принялись «отфутболивать» меня друг к другу. «Конечно, вы должны начать с рассказа о Марии Григорьевне, – говорила Екатерина Афанасьевна. – Морозов – самая заметная фигура в республике в XX веке». Мария Григорьевна пальму первенства отдавала своей визави: «О Екатерине Афанасьевне никто никогда не писал. Она достойна самых высоких слов». На уговоры ушло больше года. Пока одна из потенциальных героинь наконец не «сдалась».

Заочный спор между двумя женщинами по-своему показателен. Он высвечивает главное качество обеих – скромность. Не показную, без лицемерия, фальши. Уже имея некоторое представление о многих из жен бывших первых лиц республики, могу сказать, что именно скромность – главное украшение большинства из них.

Не успела прийти со встречи с Екатериной Афанасьевной, как звонок. Звонили ее бывшие ученицы, уже сами пенсионерки. Слухом земля полнится. Каким-то образом женщины узнали о моем визите к Паневой. Очень этому обрадовались. А на следующий день нагрянули в редакцию. Восторженные, счастливые, с ворохом старых студенческих фотографий. Благодарили меня уже за одно желание написать об их любимом преподавателе. «Ведь о ней до сих пор в печати словом никто не обмолвился. А педагог она от Бога. Все для других. Она помнила дни рождения нас всех. И каждого в этот день ждал в общежитии небольшой подарок. У нее и второгодников никогда не бывало. Ее объяснения понимали абсолютно все», – говорили, перебивая друг друга, посетительницы. «А знаете, как мы ее в педучилище за глаза называли. Катенька золотая», – лица всех озарились улыбкой. Потом последовали звонки и от других бывших учениц.

Екатерина Афанасьевна Панева.

Мы с Екатериной Афанасьевной знакомы уже несколько лет. В этом году ей исполнилось 88.Последняя встреча, рассказы учениц и дочерей дополнили ее биографию новыми сведениями, деталями, высветили другие качества. Екатерина Афанасьевна – человек не из болтливых, немногословный. С ее уст никогда не сорвутся пустые слова, бессмысленные фразы. Все наполнено смыслом, несет ясную, исчерпывающую информацию. Просто и мудро. Наверное, трудно ожидать иного от супруги Зо-

симы Панева, одного из самых образованных, эрудированных, интеллигентных людей из партийно-советской номенклатурной обоймы.

Знакомство родителей, их первые робкие, нежные чувства для трех дочерей Паневых долгие годы оставались тайной. Лишь после смерти Зосимы Васильевича, перебирая оставшийся от отца огромный архив, Надежда Зосимовна Панева случайно наткнулась на листок с отцовским почерком. Вчитавшись в него, зарделась, разволновалась. Отец описывал свое состояние перед первым свиданием с будущей женой. «В самые страшные минуты своей жизни я так не волновался, как в тот день, – признавался отец. – Пришел, жду. Полчаса прошло – ее нет, прошел час – все еще нету. Наконец вижу: она спускается к камбаловским амбарам и идет своей легкой походкой...»

Эта встреча состоялась в начале 30-х годов в селе Усть-Вымь. Зосима Панев и Катя Щукина учились вместе в педучилище. Он уже давно приглядывался к сокурснице. Но боялся одной мысли – подойти к ней, преложить дружбу. Катя была гордостью класса, круглой отличницей, умницей, кумиром едва ли не всех ребят. Городская, из Яренска, русская... Это-то больше всего и отпугивало крестьянского паренька из многодетной крестьянской коми семьи: вдруг не то скажет, не так поймет.

Не знал тогда Зосима, какие трудности, испытания уже были за плечами всегда уравновешенной, приветливой девушки. В ее семье росли трое – две сестренки и младший братик. Однажды, как всегда, под конец недели мама вымыла детей в бане. Потом пришла домой, присела и... умерла. Взрослые говорили, что сердце больное. Через несколько дней бабушка, добрейшая Александра Николаевна, подвела семилетнюю Катю к корытцу, налила туда воды и сказала: «Отныне ты за маму. Я подсоблю по хозяйству. А стирай сама». К слову, уже став женой Зосимы Панева, проживая в «белом доме» по улице Кирова, Екатерина Афанасьевна продолжала обстирывать свое немалое семейство. Так ни разу за свою жизнь не обращалась к услугам прачечных.

Отец Кати – Афанасий Федорович – долго не мог прийти в себя от потери жены. Но надо было поднимать детей. Впрягся в работу, да так, что не оставалось ни дня отдыха. Слово дал детям, пока они не оперятся – не женится. Срок отмерил – десять лет. И слово свое сдержал.

Ох и трудно проходило полусиротское детство! Чай пили лишь морковный. Сахарок разламывали на четыре крохотных кусочка. Хотя чаще всего обходились и вовсе без него. Спасал огород. Несмотря ни на что, семья Щукиных слыла в Яренске справной. Подняла «реноме» еще мама, Александра Михайловна, она хорошо шила. А мамин отец был превосходным поваром. Его фамилия – Зюльковский. Поляк. Прибило его к Яренску во время военной службы. Не дала уехать отсюда симпатичная северяночка. От деда в семье оставалась мясорубка. Невиданное приспособление для Яренска тех лет. За ней приходили к Щукиным по очереди и ближние, и дальние соседи.

После окончания школы и поступления Кати в усть-вымское педучилище семья перебралась в Коми. Здесь, в Усть-Выми, и стали жить. Отец тогда же женился. Дети-сиротки к тому времени подросли. Сестра тоже стала учительницей. А брат выучился на летчика, поднимал в небо первые реактивные самолеты.

В последний год учебы в педучилище десять отличников отправили на экскурсию в Москву. Среди них были Щукина и Панев. В столице Зосима неожиданно

Супруги Паневы возле своего дома с дочкой Люсей. 1953 г.

осмелел. И подружился с Катей. На всю жизнь их любимой песней осталась знаменитая «Познакомила нас, подружила дорогая столица Москва...» Эта же песня, а не вальс Мендельсона, и скрепила их супружеский союз.

60 лет прожили вместе. И Екатерину Афанасьевну, и ее родных спрашивала, бывали ли у супругов размолвки, ссоры. Ведь без них в семейной жизни не обойтись. В хороших, крепких семьях они, подобно грозе, пророкотали и забылись. Но у Паневых и забывать было нечего. «Если и возникали какие-то недоразумения, – говорит Екатерина Афанасьевна, – то только не между нами с мужем. Изредка, бывало, поспорим о воспитании детей. Вот и все». Детьми Паневых Бог не обидел, четверых дал. Трех дочерей и сына. У каждого свой характер, свои проблемы. Кроме них в семье всегда кто-то жил из младших братьев и сестер Зосимы Васильевича. Попробуй приноровись ко всем!

Зосима Васильевич всю жизнь оставался очень занятым, загруженным ответственными государственными делами. Дом и заботы о детях большей частью лежали на жене. Но он все равно умудрялся улучить время, чтобы сводить ребенка к врачу, обсудить вместе с дочками прочитанные книги, посидеть возле кроватки простудившегося сына. Екатерина Афанасьевна, в свою очередь, тяжелую вахту хозяйки совмещала с педагогической работой. Ее трудовой стаж – 35 лет. Дом и работа были одинаково важны и дороги для обоих супругов. Они по-своему уравновешивали их. Наполненная до краев напряженная жизнь по большому счету не давала остыть друг к другу, поддерживала взаимный интерес, подпитывала чувства.

Зосима Васильевич Панев в 60-80-е годы слыл в Сыктывкаре одним из самых больших книгочеев, обладателем богатой, оригинальной домашней библиотеки. О его познаниях в различных областях знаний ходят легенды. Подруги и ученики Екатерины Афанасьевны пальму интеллектуального первенства, наоборот, отводят ей. Ее конек – литература, русская и зарубежная, которые она, казалось, знает досконально. А любимый писатель – тонкий, ироничный, непревзойденный мастер пера Чарльз Диккенс.

Общим увлечением супругов были вылазки на природу и дачные хлопоты. Но у каждого имелась и своя страсть, не совпадающая с увлечением половинки. Так, Зосима Васильевич любил песни, в компаниях затягивал мелодичные мотивы. А Екате-

рина Афанасьевна знала все тонкости игры в преферанс, до последнего времени легко обыгрывала друзей. Но даже увлекшись игрой, хозяйка гостеприимного дома никогда не забывала попотчевать гостей, накрыть для них стол. Главным украшением стола неизменно были фирменные паневские колобки: пышные, вкусные.

Многие из работавших рядом с Зосимой Паневым людей подчеркивают, как неприхотлив он был в еде. На домашнем столе пища тоже была простая: суп, каша. По праздникам и при застольях – горка хозяйкиной стряпни и котлеты. В гости в дом Паневых чаще всего собиралась многочисленная родня. Лучшими друзьями на всю жизнь оставались товарищи по учебе в усть-вымском педучилище. В год по нескольку раз они съезжались в Сыктывкар на встречу у Паневых.

С начала 50-х годов, после назначения Зосимы Васильевича Председателем Совмина, семья переехала в двухэтажный домик с окнами на Кировский парк, предназначенный для руководителей республики. Жизнь обитателей этого здания, огороженного высоким забором, многим горожанам рисовалась роскошной, шикарной. Конечно, Паневы не бедствовали. Но их быт был обставлен более чем скромно. Квартира в «белом доме» была по размерам, действительно, внушительная. Когда росли дети, самая большая комната была отведена под детскую. После капитального ремонта квартиру перепланировали. Теперь большую комнату отвели под библиотеку и архив. Ни шикарных вещей, ни дорогой мебели ни тогда, ни тем более теперь эта квартира не видела. Кстати, Паневы не заимели ни своей дачи, ни даже машины. А служебная машина и государственная дача служили семье, пока служил хозяин дома.

Цемент семейных уз обитателей престижного дома скрепили не материальные богатства, а множество испытаний и лишений. Совсем юной Екатерина стала женой, матерью. Насиженного угла у Паневых долго не было. Учительствовали в районах, снимали комнатки, углы. Муж пошел служить в армию, его призвали на Финскую войну. Там его часть попала в окружение. Несколько месяцев от Зосимы не было никаких вестей. Чудом он избежал репрессий. В 30-е годы пострадали и отец Зосимы Васильевича, и старший брат, который в лагере и погиб.

В годы войны не виделись месяцами. Панев, первый секретарь Сысольского райкома партии, пропадал в совхозах, лесопунктах. Его жена таскала с проруби воду, колола дрова, затаривалась единственным для нее доступным провиантом – капустой. Хлеба никогда не хватало. Правда, муж никогда не курил, менял причитавшуюся ему махорку на хлеб. Всегда до последней крошки отдавал ей и свою хлебную пайку – 600 граммов: «Я как-нибудь выдюжу. Ты детей береги».

А каким трудом давалась Екатерине учеба в пединституте, куда поступила, дав слово мужу обязательно получить высшее образование! На руках дети мал мала меньше. А у нее семинары, зачеты. Упорство, сила воли молодой женщины и в пединституте сделали ее любимицей. Теперь уже можно раскрыть и такую тайну. Некоторые оценки в зачетку Кати Паневой преподаватели ставили авансом. Потому что верили: способная ученица, как только выздоровеют дети, обязательно все наверстает и отлично сдаст.

Все знаки внимания, добрые порывы и поступки по отношению к себе Екатерина Афанасьевна сторицей возвращала людям. В педучилище и в школах она умела найти общий язык даже с самыми отчаянными сорвиголовами. Многим девчонкам помогла разминуться с отчаянием, безысходностью. Ученицы рассказывали об одной своей подружке, которой Екатерина Афанасьевна много лет помогала,

поддерживала и ее, и ее сына. И что же? Тот мальчишка вырос, выучился, стал хорошим человеком и… мужем внучки Паневой. Теперь они живут вместе, и Екатерина Афанасьевна не находит слов, чтобы отблагодарить за все Сереженьку.

Не проходит ни дня, чтобы маму не навещали заботливые дочери: Надежда, Альбина, Людмила. Все они живут в Сыктывкаре, состоялись как личности, профессионалы. Надежда Зосимовна Панева – журналист, много лет проработала на республиканском телевидении. Высококлассный специалист-химик – Альбина Зосимовна Панева. Самая младшая Люсенька – Людмила Зосимовна Сандригайло – профессор лесного института.

Гордость бабушки – пятеро внуков. Не нарадуется она и на самую маленькую, четвертую правнучку, которую еще не видела: она появилась на свет на другом континенте, в Канаде. О такой сплоченной семье только можно мечтать. Екатерина Афанасьевна эту семью вынянчила, выпестовала, вырастила. Семья – ее главная заслуга. И самая большая награда.

Атмосфера понимания, добра, взаимопомощи, поселившаяся в доме Паневых с самого первого дня, разгоняет все черные тучи. Она же помогла справиться с потерей самых дорогих людей – сына Лени и мужа Зосимы Васильевича.

В семейном архиве Паневых хранится документ, в котором Зосима Васильевич передал все свое восхищение женой. Это почетная грамота, в честь одного из юбилеев Екатерины Афанасьевны. В ней записано: «Награждается жена Катюша за верность, преданность, долготерпение, хорошее воспитание моих детей и моих внуков».

Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 21 июня 2003 г.)

Царственная особа

Литва, 1946 год. Как и по всей стране, в прибалтийской республике идет подготовка к первым послевоенным выборам в Верховный Совет СССР. В вильнюсский дом по улице Краковской приходит молодая русская девушка-агитатор. У хозяйки-литовки снимают квартиру два советских офицера. Один из них, что называется, с первого взгляда влюбляется в молоденькую агитаторшу. Ждет не дождется, когда она навестит их еще раз. Когда же терпение иссякает, он посылает в избирательный участок жалобу. Мол, ваш агитатор дом на Краковской обходит стороной. Обращение срабатывает моментально. Симпатичная девушка снова стоит на пороге. Чуть ли не в слезах: «Как вам, товарищи офицеры, не стыдно жаловаться. Ведь не с вами работать должна, а с коренным населением, литовцами». Они успокаивают ее, а один из них вскоре признается в своих чувствах. Проходит полгода. Офицер-кадровик ведет агитаторшу в загс. В ювелирном магазине на свое жалованье покупает невесте обручальное кольцо. Затем подговаривает случайного прохожего быть свидетелем на бракосочетании. И вот они – муж и жена.

Молодых людей, случайно встретившихся в послевоенной Литве и ставших здесь супругами, звали Зинаида Молохина и Виталий Путинцев. Виталий Васильевич Путинцев в особых представлениях не нуждается. Несколько десятков лет он трудился в республике на ответственных постах. Был первым заместителем Председателя Совета Министров Коми АССР, вторым секретарем Сыктывкарского горкома партии, восемь лет возглавлял столичный горисполком. Много лет, почти до самой кончины, Виталий Васильевич был председателем Республиканского совета ветеранов войны и труда. И все эти годы рядом с ним была его половинка – Зинаида Алексеевна Путинцева.

В 1997 году чета Путинцевых справляла золотую свадьбу. Виталий Васильевич сходил в ювелирный отдел магазина, купил наконец себе золотое кольцо. Первое и единственное за всю жизнь. На торжество пришли дети, внуки. Все прошло очень проникновенно, сердечно. Никто из близких в эти часы не подозревал, что в кармане пиджака хозяина дома лежит направление в онкодиспансер. Виталий Васильевич даже в эти непростые дни держал себя в руках. Его не стало спустя полгода. Зинаида Алексеевна пережила мужа на пять лет, ушла из жизни весной 2003 года.

В квартире Путинцевых в Сыктывкаре на Кирова, 20 все остается так, как при жизни хозяев: идеальная чистота, тесный от книг и бумаг кабинет Виталия Васильевича, на стенах дорогие для Зинаиды Алексеевны снимки с золотой свадьбы. С их детьми – Галиной Витальевной и Владимиром Витальевичем – мы сидим на кухне. Непросто даются воспоминания. Мои собеседники – взрослые люди, уже сами бабушки и дедушки. И одновременно – дети своих родителей. Как и для любых детей, папа и мама для них – самые-самые. Их судьба, взгляды, пристрастия, даже недостатки и заблуждения – все воспринимается через призму любви, уважения, благодарности.

Зинаида Алексеевна Путинцева.

Старшая дочь Путинцевых – Инна – появилась на свет в Кажиме Койгородского района. Сюда после демобилизации из армии как выпускника торгового техникума направили Виталия Васильевича налаживать работу леспромхозовского орса. Кстати, приехал он из Литвы один. Жену еще полгода не отпускали к мужу. Зинаида после окончания Ивантеевского трикотажного техникума работала в Вильнюсе в Министерстве легкой промышленности. В конце концов уволившись, поехала к мужу. Дорога до Сыктывкара растянулась аж на месяц. Железнодорожное сообщение было нерегулярным, из Котласа предстояло плыть на пароходе. И вот она на новом месте.

Детство двух других детей Путинцевых – Гали и Володи – прошло в деревянном двухэтажном доме на пересечении сыктывкарских улиц Кирова и Домны Каликовой. Небольшую двухкомнатную квартиру с печным отоплением дали отцу после перевода в столицу и назначения первым заместителем начальника УРС «Комилес». Дом специалистов, где обитали Путинцевы, запомнился и сам по себе, и окружавшими его постройками. Напротив дома располагалась городская тюрьма. Здесь спозаранку толпился народ. Зарешеченные окна тюрьмы выходили прямо на улицу, можно было запросто перекрикиваться с заключенными. Возле дома же стояли хозяйственные сараи. Вскоре к Путинцевым из Вотчи переехала жить бабушка, Мария Борисовна, мать Виталия Васильевича. Приехала в город не с пустыми руками, привезла с собой и корову.

Высокие каблуки и городской вид невестки поначалу деревенской свекрови пришлись не больно-то по душе. Но лед недоверия быстро растаял. Приехав на родину мужа, в село Вотча, Зинаида первым делом принялась наводить марафет в крестьянской избе. До блеска надраила некрашеные половицы. Не знавшие до этого занавесок окна вскоре вырядились в ситцевые одежки. Городская невестка ни минуты не сидела сложа руки, находила себе все новые дела. Иначе она не умела. Детство и юность в подмосковном селе Алешино выдались трудными, голодными. В семье, кроме Зины, росли еще семеро детей. Отец-сапожник с трудом зарабатывал на пропитание большой семьи. Дочкам пришлось рано уйти из дома зарабатывать себе на хлеб.

В Сыктывкаре к хрупким плечам Зинаиды словно «прилипло» коромысло. Водопровода еще не было. А воды требовалось немало: и семье, и скотине. Но она не жаловалась. Вообще, ни разу ни дети, ни муж не слышали от Зинаиды Алексеевны никаких сетований. Даже в преклонном возрасте, когда, как и всех, одолевали болячки, она находила силы превозмогать, не переводить разговоры на недуги. Ровная, спокойная, всегда внимательная – такой она запомнилась близким и знакомым.

Заместитель начальника УРС «Комилес», начальник УРС Коми Совнархоза, начальник УРС «Комилес», начальник Управления лесной промышленности по рабочему снабжению, директор Сыктывкарского торга, второй секретарь Сыктывкарского горкома партии... Это ступени служебной лестницы Виталия Путинцева за десять с небольшим лет. Дети вспоминают, что все эти годы отца видели дома крайне редко. Виталий Васильевич в своих рукописных мемуарах «Прошлого негромкие страницы» подтверждает их слова: «150 дней в году проводить в командировках в то время считалось нормой». На эти же годы пришлась и учеба Путинцева. Сначала на пятимесячных курсах начальников орсов в Московском институте повышения квалификации Минлеспрома СССР в городе Щелкове, затем в трехгодичной высшей торговой школе Министерства внешней и внутренней торговли СССР в Москве.

В своих воспоминаниях Путинцев делится, что в годы учебы семья если не бедствовала, то еле сводила концы с концами. О том, чтобы Зинаиде Алексеевне посвятить себя семье, не могло быть и речи. Тринадцать лет она проработала экономистом в Министерстве торговли, а затем почти двадцать лет главным товароведом в Росторгодежде. На ее плечах полностью лежали и все домашние дела. Брат и сестра вспомнили, как однажды отец выкроил время, чтобы научить их кататься на новеньком велосипеде. Но маленьких Путинцевых двухколесная машина слу-

Между этими снимками – 50 лет. Такими были Путинцевы в 1947 году в Литве. Второй снимок сделан в день их золотой свадьбы в Сыктывкаре в 1997 году.

шаться не хотела, а у отца иссякло терпение. Пришлось возвращаться домой. Виталия Васильевича выбивали из колеи и командировки жены, когда ему волей-неволей приходилось вставать у плиты. Возвращение хозяйки дома для всех превращалось в настоящий праздник.

Заботливая, хозяйственная, практичная. Все, кто знал эту женщину, утверждают, что ее мужу повезло. Зинаида Алексеевна была не только домохозяйкой, но и настоящим другом, мудрым советчиком.

Виталий Путинцев в воспоминаниях делится, как непросто ему приходилось в первые годы работы, сколько препонов и преград вырастало на пути. Иначе, наверное, и не могло быть, ведь ему много лет пришлось трудиться в торговле – специфической, непростой отрасли. В орсах Виталий Васильевич объявил войну растратчикам, нерадивым руководителям. Чем нажил себе много врагов. Не раз ему грозили арестом, другими неприятностями. Во время его учебы в Москве пытались отыграться на семье: конфисковали из квартиры всю нехитрую мебель, отобрали картофельный участок, хотели даже выселить. Слава Богу, все обошлось.

Виталий Васильевич был не робкого десятка. Мог сказать в глаза нелицеприятные слова, вспылить, хлопнуть дверью. В своих мемуарах он приводит случай, как однажды силой вытащил из КПЗ своего работника, по навету заключенного под стражу. Ему многое сходило с рук. Прямодушие, открытость, умение довести начатое дело до конца импонировали простым людям, за это же ценило Путинцева вышестоящее начальство, руководство республики. Не последнюю роль в его

политическом долголетии играли и большой жизненный опыт, участие в Великой Отечественной войне.

Во многих сложных, деликатных ситуациях на помощь мужу приходила Зинаида Алексеевна. Он не считал зазорным советоваться с ней, обсуждать вопросы, в которых сам был не особенно подкован. Супруге же первой зачитывал свои доклады, выступления. Только она могла подсказать, как смягчить углы, отчего следует отказаться, что высветить. Слабым местом Виталия Васильевича были отчества: он частенько в них ошибался. И снова на помощь приходила жена: обладая отличной памятью, она всегда безошибочно подсказывала отчества его многочисленных знакомых. Довольно забавно было слышать, как Путинцев просит жену подсказать подзабытое им слово на коми языке. Зинаида Алексеевна и здесь была на высоте: она выучила родной язык мужа и всегда выручала его.

Царственная особа. Такое мнение о Зинаиде Алексеевне, распространенное в Сыктывкаре, наверное, не было лишено основания. Стройная, подтянутая, со вкусом одетая. В то же время ей претило любое панибратство, она не выносила сплетен, пересудов, досужих разговоров. Можно сказать, что не имела подруг. На светские рауты ходила скорее по обязанности, чем по желанию. Всегда могла настоять на своем. Так, даже в те безбожные годы покрестила в церкви всех троих детей.

Дом и семья всю жизнь были для Зинаиды Алексеевны и ношей, и отдушиной одновременно. На пенсии границы дома раздвинулись. В Морово Путинцевы купили шесть соток земли. Домик за городом, огород, грядки не оставили равнодушным и Виталия Васильевича. Он с удовольствием составлял компанию жене, отправляясь с ней на рейсовом автобусе до дачи, а там, к удивлению близких, до самого вечера предавался уже подзабытому крестьянскому труду.

Жизнь Зинаиды Алексеевны подорвала, потрясла до основания смерть двух самых дорогих людей – сначала мужа, а затем старшей дочери Инны. Как и для любой матери, дети являлись главным стержнем ее бытия. Она гордилась тем, что все трое закончили пединститут, получили высшее образование и профессию на все времена – учитель. Не избалованная дорогими подарками, она считала, что сполна получила их. Ее сокровища – пять внуков, трое правнуков. Но старшая дочь для матери всегда немного больше, чем просто дочь.

...Свадьба Путинцевых в послевоенном Вильнюсе была очень скромной. Присутствовали лишь несколько однополчан Виталия и коллеги Зинаиды из Министерства легкой промышленности. Главный подарок, который они в тот день получили, был набор шоколадных конфет.

Много лет после этого судьба их в Вильнюс не забрасывала. Как-то в 70-е годы Виталия Васильевича уже в ранге заместителя Председателя Совета Министров Коми АССР пригласили в Литву принять участие в каком-то заседании. Поехали вдвоем с женой. В Вильнюсе Путинцев обмолвился кому-то, что в этом городе в 1946 году он познакомился с женой. Узнав о том, что супруга сыктывкарского гостя тоже в Литве, хозяева устроили для них настоящее торжество. За них поднимали тосты на официальном приеме в Вильнюсе, затем в мэрии Каунаса. Рабочая поездка обернулась праздником. Литва, даже оказавшись зарубежьем, всю жизнь оставалась для Путинцевых дорогим местом. Перекресток жизни, перекресток судьбы.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 18 октября 2003 г.)

Жена министра финансов

Супруги Шараповы многими из окружавших их людей воспринимались как две непохожие половинки. Петр Семенович – коренастый, чуть сутуловатый, спокойный, с неизменной улыбкой на лице. Его жена Нина Васильевна – стройная, с горделивой осанкой, боевая. Но эти различия не помешали супругам вместе прошагать по жизни 33 года, вместивших в себя большие и маленькие события, успехи, удачи, волнения, испытания. Все, что сопутствует любой судьбе. Только с тем отличием, что семья Шараповых все эти годы в Коми была на виду. Петр Семенович Шарапов до сих пор остается в республике непревзойденным «долгожителем» из обоймы политических и государственных деятелей: около 20 лет он возглавлял Министерство финансов Коми АССР.

Каким Петр Семенович был министром, лучше всех сказал «его» патрон Зосима Панев, бывший Председатель Совета Министров Коми АССР. В своих мемуарах «Вехи в пути» Зосима Васильевич в свойственном ему стиле – жестко, емко, точно, лаконично – характеризует всех, с кем довелось встречаться и работать бок о бок. Фамилий некоторых из окружавших его людей он даже не называет, считая их случайными на государственной службе. У многих из сподвижников подчеркивает как сильные, так и слабые стороны их личности. Но есть несколько человек, у которых, по мнению Панева, если и были недостатки, то такие пустяшные, о которых не стоит даже упоминать. Один из тех, кто в мемуарах предсовмина удостоен лишь превосходных эпитетов, – Петр Семенович Шарапов.

«Когда в октябре 1950 года я впервые увидел его вблизи, мне бросилась в глаза его внутренняя сосредоточенность, за которой угадывались ум и чувство человеческого достоинства. Потом я уже узнал, как он смел, работоспособен, как не любит пустых слов, как скромен и прост в обращении с людьми».

«Он не произносил с трибун пропагандистских речей, не провозглашал красивых лозунгов и не претендовал на истину в последней инстанции – он просто работал на благо народа. (Я не стесняюсь применить по отношению к нему эти высокие слова, так как они полностью соответствуют стилю его жизни и деятельности.) Однажды в присутствии всех членов правительства я назвал его «министром из министров». И никто мне не возразил».

«Как главный финансист республики, он обладал чувством перспективы, отличался завидной предприимчивостью и изобретательностью. Выходя, казалось бы, из самых тупиковых ситуаций, он умел находить ежегодно дополнительные источники для перевыполнения доходной части бюджета – причем находить их там, где никто не мог предположить. Многочисленные инструкции, которыми была опутана тогда как цепями исполнительная власть, не отгораживали его от живого, реального мира. Он ловко, умело пользовался ими, порой шел на нарушение,

Нина Васильевна Шарапова. 50-е годы.

если они явно противоречили здравому смыслу и мешали делу».

Историкам, исследующим достижения, перипетии, трагедии XX столетия, еще многое предстоит открыть и обмозговать. Взять судьбу того же Петра Семеновича Шарапова. Как сын крестьянина-бедняка из глухой коми деревушки Мырпонаыб смог получить высшее образование, стать главным финансовым «воротилой» в республике? Ясно одно, все это свершилось не по мановению волшебной палочки и не из-за исторического залпа «Авроры». Пареньку из койгородской деревушки все досталось трудом, потом, кровью. Но и в темечко, как говорится, Всевышний при рождении его тоже, по-видимому, поцеловал.

Где и когда Петр Шарапов познакомился с Ниной Володиной, история умалчивает. Нина родилась и выросла по соседству – в селе Ужга. У того и у другой в родительских домах было тесно от детей. Но Володиных рано настигло несчастье. Умерла хозяйка, мама двухлетней Ниночки. Вскоре отец, Василий Евграфович, привел в дом новую хозяйку. Мачеха полностью оправдывала свое неласковое звание. У Нины и ее старшей сестры Агнии появились еще несколько маленьких сестричек. А старшие падчерицы стали лишними.

В 17 лет Нина вышла замуж за Петра Шарапова. В стеснительном, но обстоятельном парне, который был старше ее на шесть лет, заводная, неунывающая девчонка разглядела что-то особенное, притягательное. Самое главное, Петр очень хотел учиться. А образование открывало горизонты, давало возможность покинуть свою глухомань. Вскоре после немудреной свадьбы молодые уехали в Архангельск. Шарапов поступил учиться в лесотехнический институт. Друг за другом родились Лия, Леня, Люда. Жилось очень трудно. Стипендии Петра не хватало семье даже на еду. Нина пошла убирать подъезды, мыть полы в учреждениях.

В 1938 году с дипломом инженера-экономиста Петр Семенович вернулся в Сыктывкар. Его поставили управляющим конторой Промбанка. Уже два года спустя мозговитого специалиста назначили министром финансов Коми АССР.

По воспоминаниям дочери Петра Семеновича и Нины Васильевны Шараповых – Людмилы Петровны Голдиной, с назначением отца на должность министра в их семье мало что изменилось. Разве лишь то, что поменяли квартиру в деревянном двухэтажном здании на жилплощадь в кирпичном трехэтажном доме по Кирова, 26. Здесь семье министра финансов предоставили три комнаты. По тем временам – роскошь. Но квартира министра гудела ульем, напоминала коммуналку. Не успели вселиться, приехала учиться в город одна из сестер Нины Васильевны, затем другая, потом третья. Все останавливались и подолгу жили у Шараповых. Не обходила стороной их дом и многочисленная родня Петра Семеновича. Ни о каких отдельных комнатах для детей министра не было и речи.

С началом Великой Отечественной войны в Сыктывкар из блокадного Ленинграда эвакуировались жена и сын старшего брата Петра Семеновича. А с ними еще одна знакомая женщина с ребенком. Всех приютили Шараповы и оставили у себя до снятия блокады.

Людмила Петровна говорит, что родителям и в голову не приходило отказать кому-либо. Они считали, что живут лучше других, лучше других питаются. Так оно и было. Министрам полагались спецпайки, которые очень выручали семью, особенно в военные годы. Макаронами, консервами, печеньем Людмила всегда делилась со своими одноклассниками, которые приходили в гости. Петр Семенович был неприхотлив в еде, мог ограничиться картошкой в мундире, самым простым деревенским супом. Не отличалась привередливостью и Нина Васильевна. Выходцы из деревни, супруги самым большим лакомством считали ягоды и грибы, которые сами и собирали.

Квартира министра финансов была обставлена скромно. Лишь самое необходимое, никаких излишеств. Единственным украшением служило рукоделие Нины Васильевны. Еще в юности она научилась отлично вышивать: окна украшали занавески, расшитые модными в то время узорами ришелье.

Но рукодельничать Нине Васильевне удалось недолго. Ее решительность, бившая через край энергия требовали другого выхода. В годы войны она пошла на курсы юристов. Успешно закончила их. После чего стала прокурором по гражданским делам. Но почему-то с юри-

Супруги Шараповы с внуком Сергеем. Начало 60-х годов.

дической стези быстро сошла. Пошла на другие курсы – медсестер, после окончания которых ее избрали председателем Общества Красного Креста. А еще через несколько лет она возглавила женсовет.

Бесконечные встречи, собрания, заседания Нину Васильевну не утомляли. Беспокойная работа была как раз по ней. Если в чем-то с мужем они и были два сапога пара, так это в работоспособности, не знающей границ. В годы войны и долгое время после ее окончания все государственные служащие жили по одному распорядку с «вождем всех народов». После окончания рабочего дня Шараповы приходили домой поужинать, а затем снова убегали на службу. Начиналась ночная вахта, которая заканчивалась лишь под утро. Привычка отводить минимум времени на сон сохранилась у Нины Васильевны на всю жизнь. Но этот бешеный, стремительный темп стал причиной раннего ухода из жизни Петра Семеновича.

Он буквально сгорел на работе, умер в возрасте 60 лет. Жена пережила его почти на 35 лет. Все эти годы для Нины Васильевны были наполнены заботами о женщинах, детях, стариках. В ее квартире всегда было многолюдно, трезвонил телефон. Она могла запросто снять трубку и позвонить высокопоставленному чиновнику, задать острые вопросы и пожурить за нерасторопность. Репутация бескомпромиссного, деятельного человека открывала перед ней все двери. Не считаться с такой женщиной было невозможно.

Но общественная жизнь не отдалила от внуков. Самым любимым для Нины Васильевны был Сереженька, старший сын дочери Лии. Выделяла его она еще и потому, что он стал первым внуком Шараповых, очень радовал Петра Семеновича, продлил его жизнь. Выросли, не потерялись в жизни дети Шараповых. Много лет медсестрой в детских учреждениях Сыктывкара трудилась старшая дочь Лия. Высококлассным инженером на ЛПК работал сын Леонид. Географический факультет Казанского университета закончила Людмила. А их дети, можно сказать, в чем-то даже превзошли родителей. Дочь Людмилы Петровны – Ольга Борисовна Котова стала доктором геолого-минералогических наук, она ученый секретарь Института геологии Коми научного центра. Хорошие профессии получили и другие внуки Нины Васильевны. Теперь у нее растут правнуки.

Нины Васильевны Шараповой не стало в 1996 году. «Всегда, наверное, так бывает: рядом с мамой думаешь, что она вечная. Вдруг – и ее не стало. За голову хватаешься – этого не знаешь, о том не спросила, – рассуждает Людмила Петровна. – Белых пятен в биографии нашей семьи много. Так, лишь из книги Зосимы Васильевича Панева я узнала о будничной работе папы на посту министра финансов. Откуда нам, его детям, было знать об этом? Папа о своей работе дома никогда ничего не рассказывал. А там такие дела вершились, особенно когда на московские «ковры» работников нашего Совмина вызывали. У папы же дома всегда было хорошее настроение. Даже громкого слова, не то что бранного, мы от него никогда не слышали. А мама очень хотела, чтобы я стала востоковедом. Откуда у нее эта мечта? А еще помню маму несколько смущенной, когда к ней подошла какая-то женщина, стала благодарить ее за кулек пряников. У женщины стояли слезы в глазах... Да, они были очень разные. Скромный, даже несколько стеснительный, очень добрый папа. И шумная, принципиальная, боевая мама. Но в памяти моей они – одно целое».

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 26 декабря 2003 г.)

В тени мужа

«Что обо мне писать? Ничего примечательного. Рядовая судьба. Вокруг столько замечательных, неординарных людей». Тамара Степановна Шергина долго и упорно отказывалась от встречи. Понадобилось немало усилий, прежде чем наше свидание состоялось, а жена министра согласилась хоть немного «расшифровать» свою рядовую судьбу. Познакомиться нам помогли люди, близко знавшие Тамару Степановну и ее мужа, бывшего министра просвещения Коми АССР Владимира Алексеевича Шергина. Отказ жены министра от общения с корреспондентом они расценили так: «В этом вся Тамара Степановна». Очень скромный человек, она никогда не выпячивала себя, не кичилась положением «первой леди», оставалась в тени мужа. Сегодня если что-то и сподвигает ее на воспоминания, это прежде всего память о нем.

Владимиру Алексеевичу Шергину отпущено судьбой было всего 53 года. Из них около 17 лет он стоял у руля образования Коми республики. Министром просвещения Коми АССР Шергин стал в 1962 году. Именно на 60-70-е годы пришлись многие кардинальные реформы в образовании. В то время начал осуществляться масштабный переход ко всеобщему среднему образованию. Впервые за все годы советской власти кардинальные сдвиги произошли в улучшении материально-технической базы школ. Особенно сельских. Министр Шергин стал одним из инициаторов 10-летнего плана, предусматривающего укрепление базы сельских школ. План включал строительство в республике более 100 новых школьных зданий почти на 35 тысяч ученических мест. Сегодня трудно в это поверить, но «планов громадье» претворилось в жизнь. Школы, построенные в 60-е годы, служат верой и правдой до сих пор.

Супруги Шергины.

Коллеги и сослуживцы Владимира Алексеевича в заслугу ему ставят многие другие достижения. Именно в его бытность министром значительно вырос образовательный уровень учителей. Меньше стало второгодников. В начале 60-х годов старожилы школьных «камчаток»

были настоящим бедствием. Примерно десятая часть учеников оставалась на второй год. Министру пришлось приложить немало усилий, чтобы учителя ориентировались не только на хорошистов, но и на отстающих. К концу 70-х годов в школах второгодников почти не осталось.

Надо ли говорить, что в такой непростой, консервативной сфере, как образование, каждое достижение давалось с большим трудом. Работоспособности министра мог позавидовать любой. Спозаранку он уже на рабочем месте. Спрессованная проблемами и поиском ответов на самые злободневные вопросы «пятиминутка». И закрутилось привычное колесо: утряски, встречи, совещания... А еще многочисленные поездки по республике. Знавшие Шергина люди рассказывают, что не было в республике города и района, сколько-нибудь крупной школы, которые бы не посетил министр. Он знал в лицо и по имени-отчеству директоров и завучей всех школ республики, многих ведущих учителей. Конечно, количество школ по сравнению с сегодняшним тогда было чуть меньше. Но ненамного.

Министр просвещения Шергин в работу был погружен настолько, что со стороны могло показаться: ничем, кроме работы, он не обременен. Близкие и друзья знали: энергией, работоспособностью Владимир Алексеевич заряжается дома. У него замечательная жена, обеспечивающая мужу прочный, надежный тыл. Тамара Степановна говорит, что муж не представлял своей жизни без большого, важного, поглощающего дела. В 60-е годы в стране началось активное освоение космоса. Первый полет космонавта потянул за собой шлейф всевозможных проектов и прожектов. Узнавая о них, Владимир Алексеевич не то в шутку, не то всерьез рассуждал, что если страна призовет его в космос, то он полетит не задумываясь. Даже в том случае, если возвращение на Землю не будет предусмотрено.

Их поколению в юности даже помечтать по-настоящему не довелось. Владимир был на три года старше Тамары. Последний школьный экзамен он сдал 20 июня 1941 года. На выпускном вечере вчерашние десятиклассники делились планами на будущее. Володя Шергин мечтал стать учителем математики. Друзья были уверены: он своего добьется. Но 22 июня 1941 года поколебало все мечты и планы.

На другой день после объявления войны ребята собрались в сыктывкарской школе № 2. Решили всем классом ехать на фронт. Написали коллективное заявление в военкомат. Но сразу на войну их не взяли, сказали, что надо подрасти. Осенью многие поступили учиться. Володя Шергин стал студентом пединститута. Только-только успел закончить первый курс, как из военкомата пришла долгожданная повестка, бесчисленные просьбы отправить на фронт увенчались «добром». И вот состав везет 18-летних пацанов на войну.

Четыре долгих военных года. Для сыктывкарского студента самой большой наградой за все выпавшие лишения стала жизнь. Он не был охоч на воспоминания, да и некогда было предаваться им. Лишь изредка, когда пошаливало здоровье, признавался жене, что это дают знать сотни тонн боеприпасов, перетасканных на себе. Войну Шергин прошел с минометным полком. Сколько залпов за войну выпустили «катюши» 26-го гвардейского минометного полка, в котором он служил, столько снарядов и прошло через руки.

Возвратившись в 1946 году в Сыктывкар, Владимир продолжил учебу на втором курсе физмата. Фронтовиков среди студентов пединститута в то время было немало. Ничем особенным от других они не отличались. Разве что ходили на заня-

тия в вылинявших гимнастерках да выглядели серьезнее, взрослее. Владимир Шергин выделялся активностью, желанием все и везде успеть. Вынужденный перерыв в учебе и испытания не охладили страсть к математике. Учился на «отлично», был сталинским стипендиатом.

Тамара Степановна Шергина.

Сыктывкарская школьница Тамара Попова к тому времени тоже стала студенткой пединститута. Училась на истфаке. Володю заприметила сразу. Скромный, серьезный парень располагал к себе надежностью, основательностью. Познакомились на танцах. Однажды, гуляя по городу, Володя предложил зайти в загс. Спутница не отказалась. Так они стали мужем и женой.

Владимир с отличием закончил пединститут. Работая в сыктывкарской школе № 14, мечтал об аспирантуре. Но с карьерой ученого разминулся. Его кандидатуру выдвинули на должность инструктора обкома партии. Послали учиться в Высшую партийную школу в Москву. Жена работала в школе. Растила дочь Ирину. В родительской квартире Шергиных молодой семье выделили небольшую комнатку. Самые счастливые мгновения супруги проводили на городском катке. Она – на «хагенах», он – на «ножах». Без устали кружили по широкому гладкому льду, иногда играя в «догонялки». Катались так изящно, легко, что посмотреть на них частенько на стадион приходили родители Владимира.

И муж, и жена очень любили и велосипед. Улучив свободные часы, выезжали за город, чтобы покрутить педали на свежем воздухе.

Как потом они ценили эти прекрасные мгновения и как их недоставало! Времени для отдыха и развлечений после назначения Владимира Алексеевича министром почти не оставалось. Правда, он старался улучить хоть полчасика, чтобы помочь жене, побыть с ней рядом. Радовал ее, колдуя возле плиты. Обзавелся двумя толстыми книгами по кулинарии, потчевал семью деликатесами. При этом оставался непритязательным и в еде, и в быту. После назначения министром Шергину выделили двухкомнатную, а чуть позже трехкомнатную квартиру в престижном в то время доме, где много лет располагался городской загс. Главное богатство в квартире составляли книги. Обзавестись шикарной мебелью, модно обставить интерьер – такое хозяевам и в голову не приходило. К тому же зарплата министра в то время была гораздо ниже, чем, скажем, у директоров школ и даже некоторых завучей.

Семье Шергиных вскоре стало вовсе не до излишеств. Родился сын Юра. Мате-

ри работу в школе пришлось оставить. Сначала – чтобы ухаживать за новорожденным. Затем – чтобы поддерживать здоровье сынишки. Родился он слабеньким. Врачи сказали, что в детском садике ему не место, нужен особый уход, щадящий режим. Семь лет Тамара Степановна прикладывала все силы, чтобы сын окреп. О работе пришлось забыть. Помощником и советчиком матери в первый год учебы сына стала его первая учительница Анна Георгиевна Захарова. Двум женщинам удалось невозможное: мальчик уже к концу первого класса чувствовал себя среди сверстников равным и учился на одни пятерки. Он закончил школу с золотой медалью.

Но радость от блестящего окончания сыном школы была омрачена. Не стало Владимира Алексеевича. Ему не суждено было даже подержать в руке золотую медаль сына.

Предшествовавшие годы тоже выдались для семьи министра нелегкими. Тамара Степановна снова стала работать учителем в школе. А мужу все чаще давали о себе знать фронтовые болячки. Он пересиливал боль, старался скрыть недуги, не обращать на них внимания. За здоровьем чаще всего отправлялся на лыжню. Тамара Степановна хорошо запомнила тот весенний день. На календаре «горела» красная цифра – 8 марта. Позвонил родственник, пригласил покататься на лыжах. Владимир Алексеевич отказывался: «Я всегда в этот день принадлежу жене». В конце концов позволил себя уговорить. «Круг сделаю и вернусь», – обещал жене. Ожидание растянулось допоздна. Потом позвонили из больницы. Сказали, что Шергин поступил с тяжелым переломом. Некоторое время его продержали в республиканской больнице. Затем на состоявшемся врачебном консилиуме приняли решение отвезти Владимира Алексеевича на операцию в Горький. Транспортировка больного была очень трудной. Операция. Пять часов после нее он не приходил в себя. Долгие мучительные месяцы на больничной койке. Первые неуверенные шаги. Сначала на костылях, затем опираясь на палочку. Год ушел на то, чтобы снова прийти в себя. Не только Владимиру Алексеевичу, но и его жене.

От тяжелой травмы министр так до конца и не оправился. Хотя палочку выбросил, ходил прихрамывая. Помогали, поддерживали Владимира Алексеевича коллеги из Министерства просвещения, бывшие сокурсники по пединституту. Теплые дружеские отношения сложились у министра с Александром Александровичем Католиковым, которого в директора агрошколы-интерната «сосватал» именно Шергин. По словам Тамары

Владимир Алексеевич и Тамара Степановна Шергины.

Степановны, это доброе, участливое отношение со всех сторон помогало семье выдюжить, вынести все испытания, самым оглушительным из которых стал уход Владимира Алексеевича из жизни. А ведь ему бы жить да жить!

Смыслом жизни после смерти мужа для Тамары Степановны стали дети и родственники. И дочь, и сын – математики. Ирина живет в Москве, она ведущий инженер в вычислительном центре. Юрий – кандидат физико-математических наук, работает в Сыктывкарском университете. Растут трое внуков. Тамару Степановну можно часто видеть в кругу многочисленных родственников, дружит она даже с подругами своей мамы, поддерживает их. Она искренне полагает, что, несмотря на все трудности, ее жизнь удалась. Самое главное, судьба подарила ей счастливое время пожить рядом с таким человеком, как Владимир Шергин. Хорошо, если она была полезной ему, могла в чем-то облегчить и скрасить его жизнь. Другого предназначения она для себя не мыслит.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 20 марта 2004 г.)

ЗА ДАЛЬЮ – ДАЛЬ

Худ пермяк, да два языка знат...

На чем основано утверждение П.Сорокина о высокой грамотности зырян?

Из уст ученых, писателей, общественных деятелей нередко доводится слышать утверждение, что коми народ до революции занимал третье место по грамотности среди других народов России. Профессиональный и просто человеческий интерес заставили меня проследить, откуда появилось это распространенное мнение и на каких материалах оно основано.

Семья коми-ижемцев. 1910-1915 гг.

Питирим Сорокин в 1911 году в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» опубликовал большую этнографическую работу «Современные зыряне». Здесь есть и такие строки: «Как бы ни казалось странным, но по грамотности зыряне стоят, действительно, очень высоко. Прежде всего необходимо отметить то, что всеобщее образование фактически теперь уже введено у зырян. Тут, как и во многом другом, заслуга принадлежит Яренскому и Устьсысольскому земству. В каждой деревне и в каждом селе теперь имеется земская школа, довольно богато обставленная книгами, картами, приборами и вообще учебными пособиями (особенно в Яренском уезде). В тех же селах, где земских школ нет, там имеются одновременно и земское или министерское двухклассное училище и церковно-приходская школа. В результате такой постановки дела получилось то, что молодое поколение зырян почти поголовно грамотно». (Такой оптимистической картине, нарисованной П.Сорокиным, вполне мог бы позавидовать ученик современной школы, так как во многих современных школах, особенно в сельских, очень сложно с пособиями и картами.)

Далее Питирим Сорокин в своей работе приводит таблицу, основываясь на статистическом обследовании Переселенческого управления, проведенном под руководством Л.Рума. Статистическое обследование Верхне-Вычегодских волостей было произведено в 1901-1902 годах. Согласно этим данным, процент учащихся и грамотных детей школьного возраста – мальчиков составлял 45,4 к общему числу мальчиков школьного возраста. Процент же учащихся девочек школьного возраста к общему числу девочек того же возраста составлял 8,6. Грамотность учащихся обоего пола (школьного возраста) равнялось 26,5 процентам от общего числа детей. А грамотность взрослого населения (старше 16 лет) выражалась в таких цифрах: грамотных мужчин 25,4, женщин – 2,2 процента от общего населения.

Процент грамотных среди других народностей России показывали такие цифры:

	Немцы	Евреи	Зыряне	Малорос.	Великорос.	Татары	Мордва
Мужчины	64,7	48,7	22,3	19,1	11,7	5,3	3,3
Женщины	60,1	7,6	2,8	1,2	1,1	3,4	0,2

Как видно отсюда, зыряне в исследованном районе, действительно, занимали по грамотности третье место среди народов России. Правда, тут же возникает вопрос: откуда взялась цифра в таблицах для мужчин 22,3, если грамотных мальчиков было 45,4 процента, а взрослых мужчин – 25,3?

Обратимся непосредственно к работе, на которую ссылается П.Сорокин. В этом отчете приведено много интересных этнографических и экономических данных. Есть здесь, конечно, и раздел, посвященный грамотности зырян. Л.Рума приводит такие данные по учащимся: мальчики – 45% грамотных, девочки – 8,6%, средняя величина – 26,5%. Грамотных мужчин на Верхней Вычегде – 22,3%, женщин – 2,8%. А, к примеру, по Вятской губернии Л.Рума собрал такие данные: грамотных мальчиков от 72 до 80,9%, девочек – от 17,8, до 30%. И все же эти сведения следует принимать с оговоркой. Так как данные, приведенные по дру-

гим губерниям, относятся к 1887 году, в то время как для Верхней Вычегды – к 1902 году.

На странице 213 Л.Рума, ссылаясь на цифры из работы Н.Рубакина, приводит ту же таблицу, которая была напечатана в работе П.Сорокина. При этом Л.Рума пишет: «Таким образом, Зыряне Верхне-Вычегодских волостей занимают по грамотности третье место в разноплеменном составе России. По личным наблюдениям всех исследователей Зырянского края, последние производят впечатление очень любознательного и способного народа, жадно пользующегося всякой возможностью получить хотя какие-нибудь знания».

Теперь обратимся к статье Н.Рубакина «Грамотность», в которой он рассматривает грамотность в России вообще и сравнивает ее с грамотностью населения других стран. (Желающих подробно ознакомиться с ситуацией с образованием в России в конце прошлого века отсылаю к этой работе, вошедшей в энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона.) Нас же интересует вышеприведенная таблица. Здесь не обойтись без выдержки из работы Н.Рубакина. Он, в частности, пишет: «...Вообще инородческий элемент понижает процент грамотности, а немецкий повышает его. Взяв данные о грамотности в уездах со смешанным по народностям населением (вся Саратовская губерния, Бугульминский уезд Самарской губернии, Малмыжский уезд Вятской губернии, Мариупольский уезд Екатеринославской губернии) и вычисляя процент грамотных для каждого пола, получаем:

	Немцы	Евреи	Малорос.	Великорос.	Татары	Мордва
Мужчины	64,7-66,6	48,7	19,1	11,7-15,1	5,3-15,7	3,3-7,3
Женщины	60,1-67,3	7,6	1,2	1,1-1,6	3,4-4	0,2-0,4

Рубакин здесь приводит данные не по всей России, а лишь по некоторым уездам и отнюдь не там, где грамотность находилась на более высоком уровне. Так, среди новобранцев в Саратовской губернии неграмотные составляли 81,12%, Самарской – 86,10%, и так далее. Вместе с тем в России были губернии, где уровень грамотности был довольно высок и где жили также инородцы, но эти губернии проанализированы в таблице Рубакина не были. Так, в Эстляндской губернии, где также проживали инородцы, неграмотных рекрутов числилось всего 4,85 процента, а в Дагестанской области – 42,5...

Таким образом, уровень образования зырян, вне всякого сомнения, для начала прошлого века был достаточно высоким. Гораздо выше, чем во многих губерниях, заселенных в основном русскими. Но обстоятельных исследований, направленных на обследование грамотности с учетом всех социально-экономических факторов на тот период в России, скорее всего, не было. А вышеприведенные выдержки работ, на основе которых был провозглашен тезис о грамотности зырян, показывают, что считать научно доказанным, будто бы зыряне были на третьем месте по грамотности в России, нельзя, как бы этого нам ни хотелось.

Владимир ИВАНОВ.
г.Сыктывкар
(«Дым Отечества», 16 февраля 2002 г.)

Зырянские «штудии»

Утверждение Питирима Сорокина о высокой грамотности зырян основано на реальных цифрах

В прошлом выпуске «Дыма Отечества» под рубрикой «Приглашение к разговору» была опубликована заметка «Худ пермяк, да два языка знат...». Ее автор попытался по различным изданиям проследить, на чем основано известное утверждение Питирима Сорокина о высокой грамотности коми-зырян. Первый отзыв на заметку пришел из сферы, которая на первый взгляд далека от исторических изысканий.

По профессии я – медик. В прошедшем феврале по делам службы довелось побывать в Москве и поработать в фундаментальной библиотеке московской Духовной академии, находящийся в стенах Троице-Сергиевой лавры. Еще до поездки в «Дыме Отечества» я познакомилась со статьей «Худ пермяк, да два языка знат...». В библиотеке лавры некоторым положениям из нее удалось найти неоспоримые подтверждения.

В библиотеке лавры хранятся «Вологодские епархиальные ведомости» за многие годы. В подшивке за 1893 год мое внимание привлек «Отчет о состоянии церковно-приходских школ Вологодской епархии за 1890-1891 гг.». Сюда вошли данные и о двух «коми уездах» – Усть-Сысольском и Яренском.

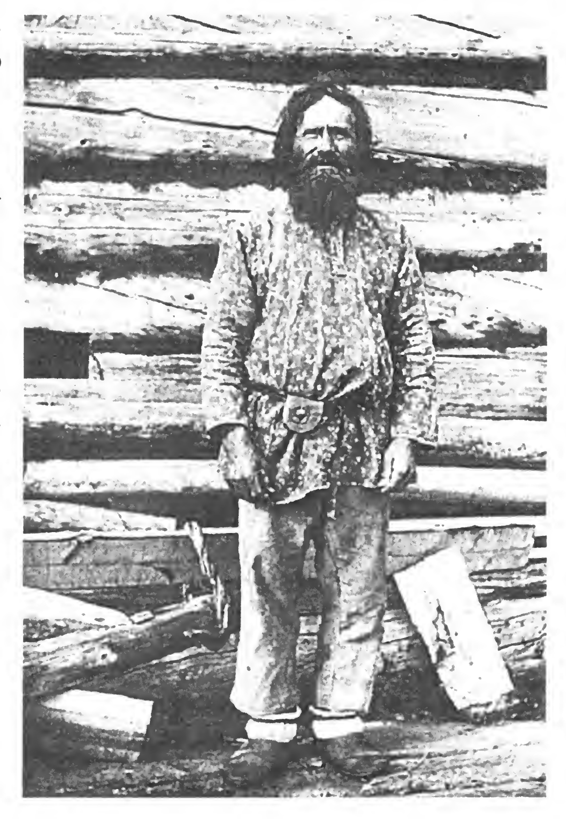
Из материалов явствует, что в отчетном году в Усть-Сысольском уезде работали двухклассная церковно-приходская школа, 27 одноклассных и 20 школ грамоты. Всего – 48 школ. Все одноклассные школы в уезде создавались в период с 1879 по 1889 год. Первыми среди них распахнули свои двери церковно-приходские школы в Зеленце и Деревянске.

Кроме того, в уезде действовали училище Министерства народного просвещения, городское приходское и земское училище.

Следует отметить, что уже в то время все школы в уезде были смешанные, то есть обучались в них вместе девочки и мальчики.

В отчете говорится и о том, что, несмотря на рост школьного образования, из 6841 человека детей школьно-

го возраста мужского пола без обучения все еще остается около 4 тысяч. По девочками эта цифра и того больше: из 7146 человек в школу не ходят около 6500.

В школах шло преподавание Закона Божьего, русского языка, церковнославянского чтения, арифметики, чистописания, пения. Как отмечается, затруднений в ходе обучения детей преподаватели не имеют.

Единственная двухклассная школа в Усть-Сысольском уезде была открыта в 1887 году. В ней преподавали священник Константин Головков, учителя Алексей Тропин и Стефан Клочков, «учительница-девица» Антонина Попова... Школа помещалась в собственном доме, построенном на средства Усть-Сысольского городского общества. Как отмечается здесь, на эти же средства построен и дом под квартиру заведующему учителю.

Из отчета Яренского уезда следует, что здесь на 34 прихода приходится 36, а с домашними школами – 41 школа. Двухклассная церковно-приходская образцовая школа находится в селе Усть-Вымь. Одноклассных церковно-приходских школ – 28. Наконец, семь школ грамоты.

В отчете названы и некоторые проблемы на ниве просвещения. Конечно, главные из них – огромные пространства и бездорожье. В Коми крае проживало и достаточно много раскольников-старообрядцев, которые не отдавали своих детей в церковно-приходские школы. Препятствием служило и то, что крестьянские дети сызмальства участвовали во всех работах по дому, каждая пара рук в хозяйстве была на вес золота. Поэтому и не хотели родители отправлять их в школу.

В отчете среди недочетов указаны также и «разность усердия учителей и их подготовленность к педагогическому труду».

И все же, несмотря на все трудности, земства и Церковь продолжали прилагать усилия по развитию образования в крае. Их усердием даже в самых небольших населенных пунктах были открыты школы. В Усть-Сысольском уезде в 1890-1891 гг. обучением были охвачены 42 процента мальчиков школьного возраста и 9 процентов девочек. Эти цифры по тем временам были достаточно высокими. И Питирим Сорокин, опиравшийся на них в своих работах, был прав, когда говорил о довольно высокой грамотности зырян в дореволюционной России.

Наталья МИНАЕВА,
доцент кафедры хирургических болезней Коми филиала Кировской государственной медицинской академии.
(«Дым Отечества», 23 марта 2002 г.)

Рассказ-быль

Как черви да Лизавета охотнику помогли

Когда мужики возвращались домой после долгой и многотрудной осенней или весенней охоты с верховьев Выми, пару-тройку дней, как обычно, «расслаблялись». Собирались у кого-нибудь на дому. Чаще всего – у знаменитого на Выми охотника-медвежатника силача Кон Педя. Иногда пир на весь мир собирал и крепкий хозяин Вань Петыр. Лилась рекой русская пшеничная водка. Ломился от рыбников, дичи и выпечки стол. Это были сугубо мужские праздники, вошедшие в традицию еще в стародавние времена и бытовавшие в Онежско-Турьинском крае до начала 30-х годов. Женщины на этих пиршествах лишь обносили мужиков блюдами.

Охотничьим рассказам со всевозможными приключениями, видениями не было конца. Повеселев, кто-то из молодых охотников приносил тальянку, и начинались задушевные песни про седую старину, про богатые охоты и военные походы, про удаль молодецкую. Вершиной веселья бывал искрометный русский пляс.

Кон Педь, как всегда, один выпивал четверть водки (бутыль в 3 литра). Вернее, не выпивал, а съедал ее. Он выливал четверть в эмалированный таз, крошил туда каравай свежего ржаного хлеба и большой деревянной ложкой хлебал, как суп, за два-три часа все это «варево».

Когда его спрашивали: «Федор Кондратьевич, а почему же ты ешь водку, а не пьешь?» – гогоча и фыркая, повеселевший, он отвечал: «А если я, как вы, буду пить – не опьянею совсем, буду трезв, как судья, да и зря такое добро – целую четверть – переведу. А вот съедая ее с хлебом, да не торопясь, как раз в меру мне».

И впрямь, через часок-другой Кон Педь со всеми начинал петь басом. Бывало, и приплясывал, сотрясая дом. Ненадолго соснув, он снова садился за стол. Мужики ставили ему литр водки на опохмелку.

На таких праздниках соблюдалось твердое правило: если человек падал после выпитой четверти – он оштрафовывался и должен был ставить мужикам две четверти водки.

Обычно праздник завершался на третий день. Мужики надолго забывали вкус водки и, словно устыдившись безделья, азартно брались за нелегкий крестьянский труд.

Но даже эти нечастые праздничные застолья казались некоторым женам пьянством. Каждая из них старалась всеми путями отвадить своего мужа от этих застолий. Особенно хотелось этого Пелагее, муж которой Вань Петыр изловчился скрывать от жены степень своего опьянения. Но Пелагея по цветовым оттенкам его носа – от красного до сизо-малинового – определяла объем выпитой водки с точностью до чекушки.

...Когда Вань Петыр был на весенней охоте в верховьях Выми, в деревню нагрянули цыгане. В добротный, просторный дом Вань Петыра вселились сразу три семьи. Без особых церемоний цыгане «обжили» дом, попарились в баньке. А потом подступились к хозяйке.

– Мы, сербиянки, – сказала старая цыганка, – можем тебя, Лизавета, научить чему хошь – хоть колдовству, хоть порче, хоть сглазу. И тут же, взяв за левую руку хозяйку, цыганка выпалила: – О-о, да сердце твое, Лизавета, волнуется, как на море волна. Есть у тебя на душе давнишняя затаенная думка...

И тут Петырихе пришли на ум мужские праздники. Давненько она мечтала отучить мужа от водки. Рассказала об этом и старой цыганке. «Считай, Лизавета, что муж не пьет».

С этими словами она подала Елизавете мешочек с каким-то порошком. И объяснила: «Это – сушеные и толченые дождевые черви. Ты купи четверть водки и насыпь туда стакан этого снадобья. Оно должно настояться в водке не менее 2-х недель до приезда мужа. Будете жить – поживать в любви да согласии».

Пока муж пропадал на охоте, Петыриха старательно выполнила наставления старой цыганки. Пока к вечеру Вербного воскресенья под окнами не заскрипели нарты, нагруженные добычей. Радостно екнуло сердце у Петырихи. Накинув на плечи овчину, она выбежала на улицу. По обычаю поклонилась мужу, обняла. Занесли вместе в сарай охотничий скарб.

На столе шипел медный самовар. Почетное место рядом с ним заняли две бутылки водки с «печатью».

У Вань Петыра от радости, от усердия и услужливости жены обмякло сердце. «Вот она, какая моя жена, не чета другим», – думал он про себя. Елизавета вертелась подле, то и дело жалея его и похваливая за тяжелый труд да за удачный промысел.

«Выпей, Петр Иванович, с дороги да с усталости водочки-то. Ведь целых девять недель не бывал дома. С зверями одними жил. Выпей на здоровье».

Вань Петыр поднес ко рту стакан, до краев наполненный водкой, сделал большой глоток.

Но что такое? Его тут же стало мутить. Да так, что чуть не вывернуло все кишки.

А жена рядом, обняла мужа да приговаривает: «Вот ведь, как ты устал, ослаб, коньӧрӧй, даже водочка с дороги не идет. Ну-ка, попробуй выпить, как бывало. И легче будет».

Вань Петыр кашлянул, набравшись духа, сделал два больших глотка. Но стало ему хуже прежнего.

«Убери, Лизавета, бутылки и стакан, не могу смотреть на них. Убери ради Христа», – взмолился он перед женой.

«Ай-ай-ай, Петрован, отвык, милый, отвык за долгое лесование-то», – щебетала не переставая Елизавета, беззвучно хихикая про себя.

После бани снова сели за стол. Напились чаю до седьмого пота. А Елизавета знай свое: «Выпей хоть стаканчик-то на здоровье после баньки…»

Не устоял Вань Петыр перед такими уговорами жены, взял стакан. Да вновь стакан с грохотом отпустил на стол. Тут уже и сама Петыриха испугалась за мужа – как бы не пересолить, а то совсем худо мужику будет.

… Весна брала своё. Позевывая и потягиваясь, природа пробуждалась после долгой и тяжелой зимней спячки. Прибавилось работы у крестьян. Прошла Пасха, а затем и престольный праздник – день Святого Афанасия. Хлебосольные и гостеприимные вымичи по традиции всей волостью весело отметили их.

Полно гостей было и в просторном доме Вань Петыра. Приехала вся родня из Онежья, Турьи, Кони. Заходили партиями близкие, знакомые вымичи из дальних деревень и сел, даже из Весляны. Гостеприимные хозяева угощали всех пенистым деревенским пивом. Вань Петыр сам подносил гостям огромную братину с пивом. Но как только жена ставила на стол бутылку горькой, он тотчас же уходил в другую комнату, изобразив на лице гримасу «острого поясничного прострела». Убедившись, что водка уже выпита и гости утоляют жажду лишь пивом, хозяин тотчас же возвращался.

Прошли и другие праздники. Но и они для Вань Петыра были «сухие».

Прошел год-другой. Вся родня, односельчане диву давались: что же стряслось с таким известным на Выми охотником и рыболовом. Словно подменили его.

Зато на седьмом небе была Петыриха.

Но радоваться в одиночку деревенские женки не привыкли. Вот и Петыриха на одной из посиделок «под строжайшим секретом» поведала соседкам свою тайну. Бабы есть бабы. Уже другой день «секрет» Петырихи дошел даже до слуха глухого и слепого деда Филиппа.

«Как же так, жена осмелилась унизить своего мужа», – скрипели зубами деревенские мужики. Многие из них после этого круто пристрастили своих жен. А Опонь Ӧльӧш, говорили, даже отстегал свою жену ремнем. Авансом, так сказать.

Вань Петыр тоже еле сдерживал себя. А его Елизавета на всякий случай на неделю поехала в Кони, к своим родным. А когда вернулась, весь гнев мужа уже рассеялся, разошелся.

Со временем все забылось. Разве что друзья-односельчане иногда подтрунивали над Вань Петырем: «Ну как, не собирается ли жена твоя повторить сеанс?»

Как бы там ни было, мужики с этого времени пить стали меньше. То ли смертельный страх подвергнуться «наркотерапии», то ли совесть перед женами-доброжелателями сыграли свое дело.

Не изменил своей традиции лишь Кон Педь. Хлебая из таза кашицу с водкой, гогоча и фыркая, подшучивал: «Кто не курит и не пьет – тот здоровеньким умрет».

Александр ЩАНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны и труда.
(«Дым Отечества», 20 апреля 2002 г.)

Винца – на полушку, а вина – на всю катушку

В Национальном архиве Республики Коми много документов, отражающих карательные меры царского правительства в борьбе с самогоноварением. Замечу, ни в одном из них речь не идет о мерах по искоренению пьянства, все они – о сохранении монополии государства на изготовление вина. Государство не только отстаивало свои интересы, но и довольно жестко наказывало тех, кто пытался избежать акцизных сборов, производил вино без приобретения патента.

В июне 1908 года была осуждена Булышева Анна, крестьянка деревни Лебяжской Усть-Немской волости. В присутствии акцизного надзирателя в ее доме уничтожили вещественные доказательства ее предосудительной деятельности – один бочонок с вином, одну четвертную бутыль и бутылку с ручкой. Этим не ограничились. 63-летняя крестьянка должна была уплатить в казну стоимость выкуренного спирта в размере 43 копеек, тройную цену патента – 48 рублей 60 копеек, подвергнуться тюремному заключению на два месяца, а также заплатить штраф в размере 500 рублей. В случае несостоятельности наказываемого эти 500 рублей заменялись тюремным заключением на шесть месяцев.

В сентябре 1912 года была осуждена крестьянка Напалкова Наталья 18 лет. У нее обнаружили вина 0,225 ведра крепостью 13,5 градуса. Ей также «прописали» все виды наказаний.

В январе 1915 года за «самокурение» осудили крестьян Верхолузской волости Павла Егоровича Кетова и его сына Алексея. У них обнаружили 0,04 вина крепостью 11,9 градуса и стоимостью 15 копеек. Через несколько месяцев Алексея мобилизовали на фронт, а отцу пришлось отсидеть в тюрьме обязательные два месяца.

В хозяйстве Кетовых имелось две лошади, три коровы, несколько овец и два поросенка. Хозяин занимался гоньбой лошадей, для которых имел излишки корма. Хозяйство признали зажиточным. Поэтому ему сразу определили уплатить 75 рублей. Остальную часть штрафа он платил вплоть до января 1917 года. Когда на войну призвали второго сына, Кетов обратился к вологодскому губернатору с просьбой об отмене денежного взыскания. На что губернатор 5 февраля 1917 года ответил: «Что касается взысканий акциза и патентного сбора, то таковые взыскания, как составляющие возмещение убытков, причиненных казне, прекращению властью губернатора не подлежат».

Поражает безжалостность преследования за самокурение крестьянки Воронцовой волости Анны Ивановны Горчаковой, 26 лет, у которой обнаружили вина всего на 9 копеек. Ее наказали также по всей форме: изъяли изготовленное вино, добавили двойную стоимость его (18 копеек), тройную цену патента – 150 рублей, плюс тюремное заключение на два месяца и пятьсот рублей или шесть месяцев тюрьмы. Дело происходило в феврале 1916 года. Анна Горчакова находилась на последнем месяце беременности. Даже пристав высказал опасение по поводу отправки ее этапом в Усть-Сысольскую тюрьму. В апреле 1916 года ее все же доставили по этапу из

Мыелдино в Усть-Сысольск с месячным грудным ребенком. Но она была крайне слаба от потери крови при родах, да и ребенок был нездоров. Усугублялось положение тем, что перед этим призвали на войну ее мужа. Но власти не оставили молодую мамашу в покое. К 1 января 1917 года она все же отсидела в тюрьме обязательные два месяца, при ней находился и ее шестимесячный ребенок. До марта 1917 года пытались взыскать с нее и 500 рублей, да тут случилась революция.

Правда, один факт, когда взыскание было снято, имеет место. В 1915 году подобному же наказанию подвергся крестьянин С.Семенчин. Ему надо было уплатить 150 рублей 13 копеек. Семенчин уплатил сразу же 12 рублей. Но в октябре 1916 года его освободили от наказания в ознаменование тезоименитства наследника престола цесаревича Алексея Николаевича. К этому времени Семенчин уже уплатил из указанной выше суммы 61 рубль 30 копеек.

Во время Первой мировой войны, когда объявили «сухой закон», наказания еще более ужесточили. Стали практиковать публикации об этом в печати. Например, Афанасия Максимовна Парфенова, 64 лет, в октябре 1916 года была ко всему прочему наказана публикацией о своих деяниях в прессе. Конечно, все эти публикации мало значили для крестьян. Куда как существеннее были для них материальные взыскания.

Для полноты картины приведу еще один примечательный факт. В октябре 1916 года подверглась наказанию крестьянка Николаевской волости Мария Алексеевна Шаньгина, 60 лет. 1 декабря 1916 года ее отправили в уездное полицейское управление для помещения в тюрьму. А 23 января 1917 года начальник уездной тюрьмы сообщил в полицейское управление: «...арестантка Мария Алексеевна Шаньгина умерла от порока сердца и погребена причтом местного Троицкого собора на городском кладбище 23 января».

Николай СУРКОВ, доцент пединститута.

(«Дым Отечества»,
20 апреля 2002 г.)

Благодетель Печорского края

Имя Александра Михайловича Сибирякова у нас принято называть в неразрывной связи с известным меценатом-золотопромышленником, исследователем Севера Михаилом Константиновичем Сидоровым. Их объединяла прежде всего идея создания транспортных связей между Европой и Сибирью. На востоке Республики Коми до сих пор заметны остатки Сибиряковского тракта – просека шириной в шесть метров, с широкой дорогой посередине, мощенной деревянной лежневкой. Дорога шла от Печоры к притоку Оби – реке Ляпина, от Усть-Щугора до Саранпауля, через Уральские горы. На тракте на средства Сибирякова было поставлено пять ямщицких станций. Весь 180-километровый путь содержался образцово.

Проблема объединения Севера Европы и Азии занимала умы многих ученых XIX века. Так, вопросами соединения Вычегды и Оби занимался выдающийся океанограф Юлий Михайлович Шокальский, побывавший в Зырянском крае в 1890 году.

В судьбе Александра Михайловича Сибирякова, как и многих исследователей нашего края, множество белых пятен. Известно, что он родился 26 сентября (8 октября) 1849 года в Иркутске, но в Большой советской энциклопедии, Советском энциклопедическом словаре указана неправильная дата смерти – 1893 год. Исследователю деятельности Сибирякова В.Балязину удалось установить, что Александр Михайлович умер 15 ноября (по другим данным, 2 ноября) 1933 года в Ницце (Франция), куда он перебрался еще до Октябрьской революции. Здесь он жил тихо и скромно, возможно, не проявляя себя из-за начавшихся репрессий на родине.

Александр Михайлович Сибиряков.

Сибиряков родился в семье богатого купца и золотопромышленника Михаила Александровича Сибирякова, который вел торговлю по всей Восточной Сибири, на Алеутских островах и в Северной Америке, а также являлся основателем крупнейшей в России золотопромышленной Прибрежно-Витимской компании. Отец Александра имел возможность дать сыну прекрасное образование, он окончил Иркутскую мужскую гимназию, затем продолжил учебу в престижной федеральной высшей политехнической школе в Цюрихе.

Возможно, уже там и завладела им идея воссоединения Европы с Сибирью. После возвращения в Россию он обратился в Русское географическое общество (создано в 1845 году) с предложением исследовать водные пути Сибири и внес на это дело семь тысяч рублей. Сибирякова интересовали многие науки: география, геология, минералогия, гидрография, ботаника, археология, этнография, поэтому он организовал немало экспедиций и сам нередко участвовал в них.

После завершения исследований на Ангаре и в Обско- Енисейском водоразделе Сибиряков финансировал полярные экспедиции своего будущего друга и единомышленника шведского исследователя Арктики (жившего на российской территории, в Гельсингфорсе) Нильса Адольфа Норденшельда.

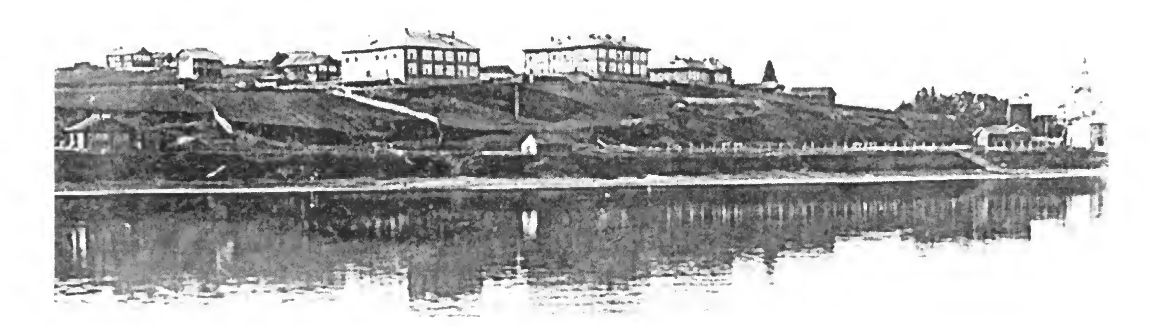
В честь своего друга Сибиряков назвал корабль, построенный по его заказу в Швеции, «Норденшельд». На нем Александр Михайлович совершил плавание от Архангельска до устья Печоры. Затем на речном пароходе спустился вниз по реке и потом перевалил через Урал на оленях. Именно по этому маршруту и пролегал знаменитый Сибиряковский тракт. По тракту были перевезены сотни тысяч пудов грузов в Печорский край, в Мезенский уезд, на Мурманский берег, в Северную Норвегию, Данию. Для печорцев эта дорога явилась спасением – благодаря ей обычно дорогой хлеб снизился в цене вдвое и даже втрое. Зырянский краевед Василий Прокопьевич Кунгин отмечал, что местные жители называли Сибирякова «благодетелем всего Печорского края».

В дореволюционном журнале «Нива» писали о промышленнике и меценате: «Сибиряков, оказавший свое щедрое и энергическое содействие успеху великого дела, имеет все права на признательность своих соотечественников. Его имя – достояние потомства».

Именем А.М.Сибирякова названы остров в Карском море, архипелаг, бухта в заливе Русская гавань. В Москве есть улица Сибирякова. «Александр Сибиряков» – так назывался ледокольный пароход (построенный в 1909 году, первоначальное название «Хорошая удача», в 1942 году во время боев был потоплен), совершивший в 1932 году беспримерный арктический переход по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово (в одну навигацию) и награжденный за это орденом Трудового Красного Знамени. Этой экспедицией руководил выдающийся ученый, директор Арктического института Отто Юльевич Шмидт.

О Сибирякове написан ряд статей. Возможно, скоро появится книга, которая прольет свет на многие интересные факты из жизни еще одного замечательного человека и исследователя Севера.

Майя БУРЛЫКИНА.
(«Дым Отечества», 21 июня 2003 г.)

Соль державы

Сереговский солеваренный завод стал в Коми крае первым промышленным предприятием. В течение нескольких веков он снабжал солью не только жителей Коми, но и многих соседей. Добыче сереговской соли в разные столетия пристальное внимание уделяли цари, знатные вельможи, известные промышленники. На уникальном месторождении под селом Серегово соль выпаривали до последнего времени. Теперь все работы свернуты. Глядя на царящее запустение вокруг промысла, трудно поверить, что Серегово вновь когда-нибудь станет соляной столицей Севера. Но надежда все-таки есть. Подпитывает ее работа Раисы Александровны Сажиной. Уроженка Серегово, преподаватель по профессии, она много лет отдала сбору материалов по истории родного села и здешней достопримечательности – солепромыслу. С работой Сажиной, будь она издана хорошим тиражом, с интересом бы познакомились многие жители нашей республики. Предлагаем вниманию читателей отрывки из этого исследования.

Соляное месторождение под Сереговой горой на реке Выми было известно издавна. В стародавнее время здешнюю каменную соль выпаривали примитивным способом: или сушили под навесом, или подбрасывали горячие камни в сосуд с рассолом.

Первое письменное упоминание о Серегово связано с известным родом солепромышленников Строгановых. Именно они еще в XIV веке обратились к царю Ивану IV с просьбой включить в свои владения отхожие земли Великой Перми. Строгановы уже в то время слыли северными соляными королями. В 1517 году они открыли соляные промыслы в Сольвычегодском и Устюжском уездах, а чуть позже по Каме, Вычегде, Чусовой, добрались до Сибири.

В 1582 году Афанасий Строганов добился жалованной грамоты Ивана IV, в которой говорилось: «Царь и великий князь Иван Васильевич пожаловал Офоньку Строганову на дикое место по Выми реке на 15 лет, чтоб он... рассольные места искал, и варницы ставил, и пашни распахивал, и лес расчищал».

Существует несколько версий происхождения названия «Серегово». Доктор

филологических наук В.И.Лыткин высказывал предположение, что оно связано с ненцами-оленеводами, которые кочевали по тундре и северной тайге и знали все соляные источники обширного края. Ученый считал, что «Серегово» происходит от ненецкого «сэр» (соль), коми суффикса «ог», который указывает на признак, присущий предмету или местности, и коми слова «ыб» (высокое место). Таким образом, Серегово – высокое место, имеющее соляные источники.

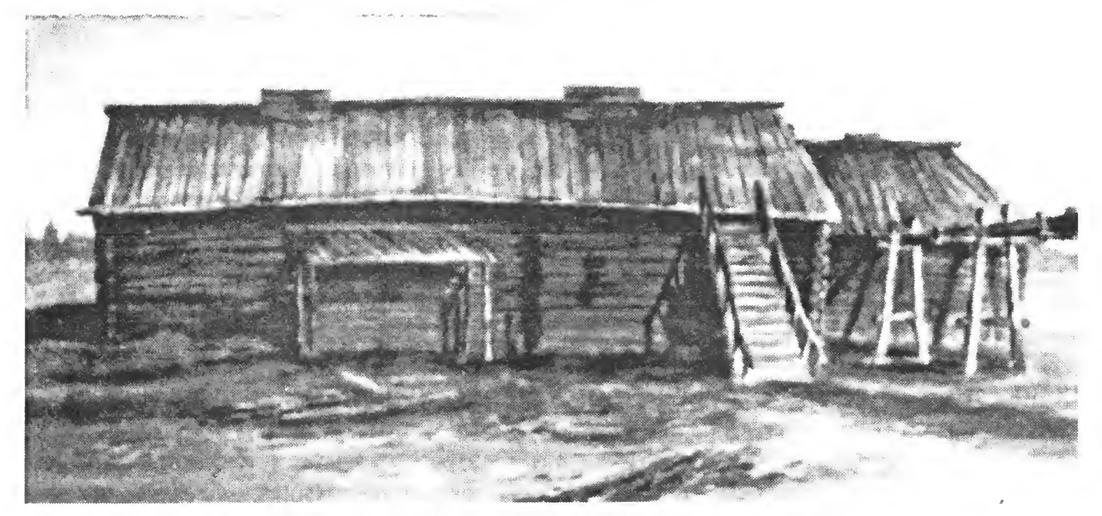
С первых шагов работа на сереговской варнице была сопряжена со всевозможными разбирательствами и скандалами. Строгановы в начале XVII века продали промысел крестьянам Княжпогостской волости Опариным, оставив за собой лишь пай. В 1637 году солеварню у них купил крупный торговец из Галича, дьяк Московского приказа Данило Панкратьев, который расширил промысел и довел число варниц до пяти. Строгановы, узнав о его успешной деятельности, поспешили заявить свои права на промысел. Одиннадцать лет длилась тяжба между новыми и бывшими владельцами. Дело разрешилось в пользу отца и сына Панкратьевых. Об этом уведомлялось в специальной «правой грамоте» царя Алексея Михайловича.

Во второй половине XVII века в Серегово было уже шесть варниц. Возле них располагались избы работных людей: трубников, солеваров, кузнецов. Многие из них были крепостными, а также военнопленными, осужденными. Кроме них на промысле работали местные крестьяне.

Расцвет Сереговского солепромысла пришелся на конец XVII века. В 1684-85 годах число варниц увеличилось до десяти, а в 1690 году их стало 13. Здесь ежегодно добывалось до 310 тысяч пудов соли. В 1698 году Сереговский солеваренный промысел стал крупнейшим сользаводом России.

В это же время на заводе началось строительство дощаников и мелких речных судов. До 700 человек были заняты доставкой сереговской соли на рынки Вологды.

Снова на сользаводе вспыхнула борьба между конкурентами. На этот раз между Панкратьевыми и наладившим поблизости с их промыслом свое небольшое производство Остапом Филатьевым. Соляная пядь привлекла внимание и других промышленников. Виды на сереговскую соль заимел Соловецкий монастырь, ко-

Варницы сользавода в позапрошлом веке.

Гаврила Романович Державин.

Царь Александр Первый.

торый здесь решил организовать свой солепромысел. Посланцы монастыря явились со стрельцами, учинили бойню, застрелили работника Панкратьевых Ивашку Якимова, несколько человек ранили.

На притязаниях конкурентов поставила крест принятая в России в 1705 году государственная монополия на соляную торговлю. Отныне солепромышленники должны были поставлять соль по определенным государственным ценам. Панкратьевы стали полновластными хозяевами промысла.

В XVIII веке, несмотря на все старания новых владельцев сользавода Рыбниковых, производительность промысла так и не достигла уровня конца предыдущего века. В конце XVIII века ежегодная выварка составляла около 160 тысяч пудов. От продажи сереговской соли казна получала в год свыше 40 тысяч рублей прибыли. Власти считали сереговский промысел лучшим в Вологодской губернии.

В 1780-х годах на заводе работало более 500 человек, не считая нанимаемых для сплава соляных караванов и заготовки дров. Условия жизни крепостных рабочих в Серегово были крайне тяжелыми. Приказчикам требовалось их «почаще ковать и постегивать». Самоуправству приказчиков не было предела. Они устроили заводскую тюрьму, в которую бросали рабочих за малейшую провинность.

Первый бунт работников Сереговского завода произошел в 1788 году. Причиной послужило избиение черемуховой тростью рабочего Степана Немчинова, которого после этого приказали заковать в цепи. Рабочие собрались на сходку, а позже обратились в суд. Но ничего не добились. В конце следствия 62 участника волнений были наказаны плетьми.

В 1795 году во главе завода оказался крупный вологодский купец Митрополов, который присваивал государственные средства, занимался подлогом, тайком вырубал казенные строевые леса. Дело о злоупотреблениях дошло до министерских кабинетов и сената. Вологодский прокурор Борноволоков, который вел дело, нашел поддержку у тогдашнего министра юстиции России Гаврилы Романовича Державина, известного русского поэта. А купец-казнокрад Митрополов заручился поддержкой российского министра коммерции Н.П.Румянцева. В конце концов было принято решение завод продать.

В борьбу за лакомый кусок ринулись вологодские купцы. Многие хотели взять сользавод в аренду. Документы о судьбе промысла долго сновали между Вологдой и Петербургом. Будущим Сереговского промысла занимались сенат, министр внутренних дел граф Кочубей, министр финансов Васильев. Но больше других в перипетии этого дела приходилось вникать министру юстиции Державину. К чести Гаврилы Романовича, он старался не идти на поводу у алчущих легкой наживы купцов, много сил отдал за принятие разумного решения по судьбе завода.

Наконец, Сереговским заводом занялся сам император Александр I. По его личному приказу дело было передано министрам, а те, в свою очередь, владельцем завода оставили 17-летнего отпрыска бывших владельцев Рыбниковых, сам же промысел в целях «поправления» было решено сдать в аренду одному из богатых промышленников. «Быть по сему» – высочайше вывел на этом решении Александр I.

В 1820 году завод перешел в руки вологодского купца Витушечникова. Но добыча соли не увеличивалась. Затем, в середине XIX века, промыслом стала владеть «Беломорская компания», одним из учредителей которой был архангельский купец Вильгельм Брандт. В это время заводчики стали заниматься захватом сельскохозяйственных угодий у крестьян близлежащих сел. Крестьяне подавали прошение об этом даже царю Николаю I. В 60-е годы XIX века борьбу крестьян за свои наделы в Вымском крае возглавил легендарный Дмитрий Балин, крестьянин из деревни Шежам. Более десяти раз он представал на судах, несколько лет провел в тюрьме. Но, несмотря на все выступления крестьян, захваченные у них земли неизменно оставались за владельцами завода.

После отмены крепостного права заводские крепостные рабочие получили свободу. Но они оставались зависимыми от завода, поскольку пользовались принадлежащими ему покосами и пашнями. Пойти искать счастья по миру заводчане не решались. К тому же по закону еще в течение двух лет после освобождения они обязаны были находиться «на прежнем положении как в отношении плат, работ и службы, так и отпуска провианта».

В конце XIX – начале XX века Сереговский завод переживал тяжелые времена. Оборудование и технология производства соли здесь устарели, не выдерживали конкуренции с идущими в ногу со временем пермскими заводами. Для Сереговского завода в год требовалось до десяти тысяч кубических сажен дров, их разрешалось рубить только в пределах казенной лесной дачи на Выми. Пуд соли обходился заводу в 22-26 копеек, в то время как на пермских заводах – лишь в 4-5 копеек. Гонка за прибылью заставляла руководство завода выжимать из рабочих все соки. Некоторые категории трудились беспрерывно до 26 часов.

Один из богатейших людей России, основатель Крестовоздвиженского женс-

кого монастыря архангельский купец I гильдии Афанасий Булычев, купивший завод в 1879 году, предпринял его некоторое техническое перевооружение. В 1880 году на одной из труб был установлен насос с конным приводом, а в 1890 году – паровая машина мощностью в шесть лошадиных сил.

В 1905 году на заводе произошла первая забастовка. В 1915 году с завода из-за непосильного труда ушла почти пятая часть рабочих, а в 1916 году завод покинули около 11 процентов работающих. Надежды на нормальную жизнь и человеческое обращение оставшиеся рабочие возлагали на заводской комитет, созданный в 1917 году. После этого в многовековой истории Сереговского сользавода наступила еще одна отдельная яркая страница.

Раиса САЖИНА.

(Текст исследования дается в обработке.)

(«Дым Отечества», 22 ноября 2003 г.)

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

Парень из нашего города

1942 год. Сыктывкар, как и вся страна, живет, согнувшись под бременем холода, голода, потерь. В марте город облетает печальная весть: на фронте погиб Николай Оплеснин, Герой Советского Союза, гордость и любимец всех сыктывкарцев. С тем трагическим днем – 19 марта – нас разделяет ровно 60 лет.

Хорошо зная Николая Оплеснина, я всегда мысленно представлял, что же он, будучи на фронте, хранил в своей памяти, о мирных годах, родном Сыктывкаре. Конечно, в первую очередь образ своей мамы Анны Ефимовны, жены Надежды, дочурки Инны. Закалку и тела, и характера, будущий Герой получил еще мальчишкой в стенах родного дома. Мама спозаранку будила сына и каждое утро заставляла обливаться холодной водой, делать зарядку. Вода была колодезная, холодная, «колючая». Но Коля с таким наслаждением опрокидывал на себя ведро, словно там плескалась тепленькая водица.

Николай Оплеснин (в центре) с друзьями. 1935 год.

Чуть подрос, и его поглотили спортивные состязания. Он не отдавал предпочтения какому-то одному виду спорта. Лыжи, легкая атлетика, велосипед, плавание – он везде завоевывал призовые места и награды. В составе сборных города и республики ездил на соревнова-

ния в другие области. Оплеснин же стал капитаном команды, совершившей знаменитый до войны лыжный пробег Сыктывкар – Москва. Кстати, с лыжами он не расстался и в армии, куда его призвали в 1936 году. Сам маршал Буденный наградил спортсмена-бойца именными часами за победу в армейских лыжных соревнованиях.

Спорт помогал пережить и разлуку с любимой девушкой. Летом 1935 года Коля Оплеснин и его неразлучный друг Вася Коковкин (в будущем он стал главным инженером «Комигражданпроекта») прогуливались в городском саду. Навстречу им попались две молоденькие девушки. Ребята их остановили, слово за слово, познакомились. Потом Коля проводил Надю Лыткину до Парижа, где она жила. Повестка в армию молодых разлучила. 1939-м Оплеснин возвратился из армии и первым делом в Париж, к Наде. На этот раз судьбу искушать не стали: поженились. В 1940 году дочь Инна родилась. Как радовался малышке отец! Но подержать ее на руках суждено было совсем недолго.

С 1930 года Оплеснины проживали в довольно просторном деревянном доме в центре Сыктывкара. (Жаль, что дом не так давно снесли. Многие горожане знали его и по привычке называли – дом Оплеснина.) Половина дома принадлежала деду Николая – Ефиму. В другой жила семья его дочери. Из больших окон открывались ближний и дальний уголки столицы. Просматривался Театральный переулок – так меж собой называли дорогу к драмтеатру. Деревянные мостовые петляли между грязными лужами. Осенью и весной они превращались в непреодолимые препятствия для пешеходов. Главным транспортным средством оставались лошади. На «козлах» громыхающих тарантасов гордо восседали китайцы и корейцы – городские «золотари».

Самым притягательным местом, как и сейчас, оставался рынок. Базарные ряды и ларьки тянулись на месте нынешнего стадиона. А за рынком, на пустыре, высилась парашютная вышка. Своим появлением она была обязана Коле Оплеснину. Строительство этой диковинки ему поручили на бюро Коми обкома комсомола. Сначала он опешил от такого предложения: навыков сооружения подобных конструкций не было никаких. Согласился из принципа: просто не умел отступать.

Стройка поглотила юношу. Примерно в это же время он лишился близких людей: расстреляли деда, затем мужа тети Лены... Лавиной накрывали события: непонятные, шокирующие, страшные. Самым оглушительным в этом ряду стало известие о начале войны.

В конце февраля 1942 года Николай Васильевич последний раз увидел родной город. Приехал в отпуск подтянутый, уверенный, с звездой Героя на груди. Казалось, даже город в эти дни расцвел, заулыбался, приосанился. Его наперебой приглашали выступать на предприятия и в учебные заведения. Устроили прием в горисполкоме. Тогдашний председатель сыктывкарского горисполкома Константин Федорович Ранинин выпытывал у Героя сведения о истинном положении дел на фронте. Николай не скрывал, что там очень тяжело.

Он не мог долго оставаться дома. При расставании пытался шутить, приободрить загрустивших родных. Уехал. И погиб. В первом же бою после возвращения в родную дивизию.

В 1970 году не стало матери Героя. Еще 12 лет спустя умерла его жена. А в 1998 году покинула мир дочь Оплеснина – Инна. Но живут в Сыктывкаре его внуки – Николай и Алексей. А в названии городской улицы живет и он сам – Герой Советского Союза Николай Оплеснин.

Сергей КОЧЕВ,
двоюродный брат Николая Оплеснина, ветеран войны и труда.
(«Дым Отечества», 16 февраля 2002 г.)

Боец Лиза Можегова

История появления этого снимка такова. Разгар войны. Две фронтовые подруги Лиза Можегова и Валя Старикович зашли на ближнее болото, вокруг которого их часть держала оборону. Провизию не подвозили уже много дней, от голода сводило животы. На кочках стелились свежие стебельки, попадались и перезимовавшие ягоды. Все это девушки собирали в горсточку, а затем отправляли в рот. И не заметили, как перед ними, словно из-под земли, вырос паренек. В его руках что-то поблескивало. От неожиданности и испуга девушки отшатнулись. «Не бойтесь, я не буду стрелять, давайте я вас сфотографирую», – сказал он дружелюбно. Вскоре молодой фотограф уже колдовал над ракурсом: посадил Валю на пенек, а Лизу рядом пристроил. Отошел, приказав не жмуриться. Щелчок. На следующее утро девушки держали в руках по два свежих снимка. Валя отдала пареньку-волшебнику свою пайку хлеба, а Лизин разделили на три кусочка и вместе съели.

Бои, наступления, окопная жизнь, кровь, пыль, гарь еще долго сопровождали двух фронтовичек-медичек. Все это отражалось и на снимках, хранящихся в карманах гимнастерок. Фотографии желтели, линяли, блекли. А после одного из бесчисленных боев Вали Старикович не стало. Осталась одна Лиза. Теперь Елизавета Ивановна Можегова живет в деревне Якутинская, в Прилузье. Эта фотография, осколки, застрявшие в теле, да медали на парадном жакете – вот и все реликвии той далекой уже войны.

Елизавета Ивановна просит называть себя тетей Лизой. Так, мол, проще, привычней, удобней. «Мне ведь уже 80 скоро, не до церемоний», – говорит улыбаясь. А через несколько минут добрые глаза становятся влажными. Непросто выдавливать из себя старой женщине воспоминания. Больно от них до слез.

Двадцать второго июня 1941 года Лиза Можегова вместе с однокашниками

работала на лугу. Сюда и долетела до них весть о начале войны. Поредели за летние месяцы ряды односельчан. В сентябре, как обычно, сели за парты. Уроки начались. Но не было на привычном месте у доски Ивана Ювенальевича Сергиевского, учителя немецкого языка. Сказали, что на войну забрали. Лиза нет-нет да и задумывалась: почему эта война, зачем, как могут остановить жестокого врага простой учитель, деревенские мальчишки, кряжистые мужики-землепашцы? А война требовала все новых солдат. Настала очередь баб.

Пятого июля 1942 года прямо на сенокосе Лизе вручили казенную бумажку. Семнадцатилетняя девчонка долго вертела ее в руках и отказывалась верить написанному. Черным по белому значилось, что Елизавету забирают на ту далекую, страшную войну.

Сто с гаком верст на лошадях добиралась новобранка до станции Мураши. И снова всю дорогу одолевали мысли и страхи. Лишь много позже, после войны, разрешились некоторые сомнения. Лиза узнала, что на фронт ее, подростка, отправили вместо другой женщины. Та работала счетоводом в колхозе и сумела отвертеться от призыва – дала военкому деньги. Она же и указала на 17-летнюю Лизу. Военком заменил фамилии, а докапываться до сути и заступиться за девчонку было некому. Горше же всего Елизавете Ивановне было от ахов-охов счетовода, когда уже после войны та, нисколько не стыдясь, с завистью приговаривала ей: «Пошла бы на войну, как и ты, почет заслужила, за ветерана бы почитали». Можегова эти реплики всегда оставляла без ответа. От них ком застревал в горле.

Новобранцев из Прилузья довезли до Карелии. Здесь шло распределение по фронтам. Слабенькую Лизу дорога вымотала, она затемпературила. Но разве принимала война в расчет воспаленное тело, жар или слабые ноги? Так бы и бросили юного бойца в пекло, если б неожиданный заступник. «Эту детсадницу никому не отдам, ее надо лечить», – услышала Лиза твердый голос. Перед ней предстал офицер медицинской службы. Тут же и познакомились. Тихон Николаевич Яковлев был врачом 71-й стрелковой дивизии. Он стал для Лизы на фронте и наставником, и учителем, и отцом. Называл ее всегда одинаково – «дочка». О себе говорил мало, сестрички знали лишь, что всю семью доктора убили немцы.

Лиза Можегова стала санитаркой санроты, а затем присвоили ей звание ефрейтора и выдали погоны. Ни эти погоны, ни медаль «За боевые заслуги» сестричка на свою гимнастерку почти никогда не цепляла. Разве что на построении перед начальством. Все эти годы боец санроты большую часть времени «пропахала» по-пластунски. А рядом, прижавшись к ее плечу и груди, всегда был другой человек, раненый, которого она тащила на себе. И погоны, и медаль могли зацепить раненого, причинить еще большую боль, поэтому сестричка раз и навсегда отказалась от них.

А сил дотащить здоровых мужиков до санчасти часто не хватало. Тогда ей в помощь присылали собак. Специально обученные четвероногие друзья ловко и скоро перетаскивали плащ-палатки с грузом на безопасное место. Поражали Лизу и тем, что всегда безошибочно указывали, в каком кармане окровавленной гимнастерки или шинели находятся у раненого документы. Иногда вместе с другими трофеями в части оказывались и немецкие собаки-санитары. С ними приходилось повозиться, чтобы научить командам на русском языке. Но поняв, что к чему, немецкие собаки начинали верно служить своим недавним противникам.

Кроме участливого отношения Тихона Николаевича, Лизу спасали письма из

дома. Писали родители, подружки, одноклассники, соседи. Иногда треугольничков было так много, а времени свободного оставалось так мало, что она раздавала свои письма раненым. Сама ходит между ними, перевязывает руки, ноги, а больные ее письма вслух читают.

Но радость от писем из дому удерживалась недолго. Бомбежки, море крови, изуродованные тела сжимали все нутро. Ужасы войны сопровождали каждый день и превращали окружающую жизнь в кошмар. Видеть все это не всегда под силу было даже матерым мужикам. Что ж говорить о девчонке. В первые полгода Лиза чуть не лишилась дара речи. Совсем перестала говорить. На вопросы докторов и сестричек отвечала односложно: да, нет, хорошо. Иногда сил не хватало даже на это. Тогда просто кивала головой или разводила руками. Улучив минутку, к Лизе подбегала доктор Валентина Старикович. Тихонько погладит по плечу, а на ушко шепнет ласково: «Ничего, сестричка, не пропадем». Потом стали с Валентиной не разлей вода. Тогда же и узнала Лиза, что семерых сестер Старикович и ее маму фашисты расстреляли в Белоруссии.

Собирая с поля боя раненых, Лиза накапливала и свои раны. Пуля задела плечо, а осколок – предплечье. Чудом уцелела, получив ранение в позвоночник. Спас доктор Яковлев, сделал сложную операцию. Он же сказал откровенно выздоравливающей дочке, что она уже не сможет выносить и родить ребенка. После войны у Елизаветы появились поклонники, не было недостатка и от желающих пойти с ней в загс. Она всем отвечала отказом. «Какой отец не хочет наследника? – рассуждала она. – Зачем лишать человека самого большого счастья». Так на всю жизнь осталась одна.

Потом вдруг и притупился страх. «Убьют, так и пусть, – призналась Тихону Николаевичу, – не меня лишь убьют, вон их сколько погибло». Доктор посмотрел на нее испытывающе и сказал неожиданно: «Так легче. Ты, Лиза, стала военным человеком».

Под Ленинградом сполна испытала, что такое голод. Болотная вода, настоянная на травах, зачастую оставалась единственным блюдом на весь день. «Лакомились» берестой. Тихон Николаевич ругал Лизу за это лакомство, говорил, что есть кору нельзя, желудок испортится. «Теперь каждый день те слова доктора вспоминаю, да поздно», – вздыхает Елизавета Ивановна.

После освобождения Ленинграда фронтовые дороги пролегли по Прибалтике, Украине, Белоруссии, Польше... Вот бы сейчас тете Лизе увидеть все исхоженные когда-то ею страны. Не узнала бы ничего, точно. Ведь даже уцелевших зданий для лазарета отыскать тогда было трудно. Палатки с красным крестом ставили в оврагах, лесах. От дождей и ветров укрывались под корневищами деревьев... Одно небо, наверное, прежним и осталось.

Запомнилась белокаменная церковь с пятью куполами посреди искореженного поля где-то в Польше. Лиза с бойцом Грицко решили посмотреть с колокольни окрестности. Вошли в храм, ахнули: на всю стену золотой иконостас. И ни одной царапинки. Наверху – пять огромных колоколов и множество маленьких. Но все «языки» повязаны веревками. Не стали распутывать, хотя еле сдержались, чтобы не позвонить.

Но даже эта чудесная картина, выплывшая из бездны войны, тонет для Елизаветы Ивановны во мраке. Не успели оставить окрестности каменной церкви, как с тыла ударили немцы. Перевязывая раненых, Лиза Можегова не сразу поняла, что и сама ранена. Осколок попал в бедро. Наскоро перевязали. Все ринулись к оставленному

храму. А там подвалы, где, как оказалось, и укрывались фашисты. С ними заложники, русские пленные. Многие были убиты. Доктор Яковлев подозвал Лизу, указал на раскрытый документ: «Твой земляк, из Коми». Медсестра узнала в убитом Михаила Вахнина. Их дома в деревне стояли совсем недалеко. Похоронили земляка тут же, возле красавицы церкви, в братской могиле. Уже после войны она узнала, что еще в 1941 году на Вахнина в Якутинскую приходила «похоронка» – пропал без вести. Елизавета Ивановна уточнила родным земляка время и место его гибели.

Даже все перевидев и испытав, боец Лиза Можегова ни с чем не может сравнить бои за Кенигсберг. Это был настоящий ад. «Обойти горы трупов было нельзя, по ним и ходили», – говорит она. Сникшим, тихим голосом рассказывает, что, хотя лазарет работал круглосуточно, а спали стоя, спасти в том пекле смогли немногих. Раненых пленных было приказано уничтожать. Здесь же, в Кенигсберге, подорвалась на мине и подруга Лизы доктор Валентина Старикович. Когда город стал нашим, плакали все. И женщины, и мужчины. Не скрывал слез даже уравновешенный и невозмутимый Тихон Николаевич.

В начале мая 1945 года бойцам лазарета дали двухнедельный отпуск. Пошли искупаться. Лиза боялась соленого моря и осталась на берегу. Вдруг – гул над головой. Побежала к своим. И тут же очутилась в кромешной тьме. Оказалось, ее погребла под собой рухнувшая стена. Ее долго искали. Тихон Николаевич бегал вокруг руин, говорил, что Лиза далеко уйти не могла, где-то тут находится. Откопали. «В рубашке родилась», – накладывая повязки, радовался за дочку доктор. На этот раз пострадал лоб. Вытащили оттуда две «фасолинки». А мелкая дробь песчинок да галек выходит через глаза Елизаветы Ивановны всю жизнь.

«Не волнуйся, мы не потеряемся, все будем на военном учете», – напутствовал летом 1945 года ефрейтора Можегову доктор Яковлев. Они всю жизнь переписывались, два раза встречались. «Я хоть стар, мне уже 83 года, но все хожу врачей учить. Молодые преподаватели есть, но старый обычай нужно знать», – делился в письмах Лизавете ее фронтовой заступник. После войны он создал новую семью, росли две дочери. А в 1998 году в Якутинскую пришла телеграмма: «Ушел из жизни твой начальник...»

«Добрые люди в пустоту не уходят», – с этими словами Елизавета Ивановна подходит к шкафчику, заставленному бутылками и банками с настойками из трав. Все чудодейственные рецепты тоже родом с военной поры, научил их делать Тихон Николаевич. «Не люблю больницы, – отрезает старая женщина, – там очереди не убывают. А мне уже и сидеть тяжело. Говорят, фронтовикам можно и без очереди к врачу зайти. Но я не могу. Здоровый человек на прием не придет, а как вместо кого-то зайти, если все там больные. Своими травками и лечусь, как могу».

Домой с войны Лиза Можегова добиралась 27 дней. Дорогой мечтала напиться чистой воды из Лузы и выспаться. Первую ночь по привычке под шинелькой и спала. Сходила к речке, умылась, напилась водицы вдоволь. На этом отдых закончился.

До самой пенсии Елизавета Ивановна Можегова работала бухгалтером в леспромхозе. Дела по дому, беды и проблемы односельчан, родных, не дают сидеть сложа руки до сих пор. «Все это нисколько не трудно, коли здоровье есть, – считает фронтовичка. – Не приведи Господи только войну пройти, на войне работать».

Елена БОЛЕ.

д. Якутинская, Прилузский район

(«Дым Отечества», 22 июня 2002 г.)

Война и мир Клавдии Луценко

К 80-летию Республики Коми на страницах «Дыма Отечества» вышла серия публикаций под рубрикой «Ими гордилась страна». Мы рассказали о наших земляках, чьи фотографии в разное время были напечатаны во всесоюзной прессе. Конечно, это была лишь малая часть тех, кто удостоился чести попасть на страницы центральных газет и журналов. Таких людей у нас гораздо больше. Одна из них – Клавдия Александровна Луценко. «Наполовину – сыктывкарка, наполовину – печорянка», – так она говорит о себе. Ее фотография была помещена в газете «Комсомольская правда» в самый разгар Великой Отечественной войны. В майском выпуске нашего приложения рассказать о ней, как говорится, сам Бог велел.

Себя на страницах популярной газеты Клава Лыткина увидела лишь после войны. Фронт уже вовсю катил на Запад, почта не поспевала за наступающими войсками. А в Сыктывкаре, где Клаву ждала мама, многие узнали землячку на газетной странице. Подпись под снимком гласила, что отважный командир взвода санитаров-носильщиков вынесла с поля боя 600 раненых солдат и офицеров. Несколько экземпляров свежих газет знакомые принесли Марии Ефимовне: «Дочка твоя – героиня!» Мама героини вытирала набежавшие слезы и складывала газетные вырезки в шкаф. Приедет дочь с фронта, посмотрит на себя.

Клавдия Лыткина на фронте.

Мария Ефимовна прожила нелегкую жизнь. Видела всякое. И даже живого Ленина. Муж служил в Петрограде. И она, как ниточка за иголкой, к нему отправилась. Устроилась работать на оружейный завод. Тут революция. Работницам выдали красные косынки. Однажды все куда-то побежали. И Мария вместе со всеми. Во дворе соорудили трибуну. Оттуда говорил какой-то человек. Все перешептывались: «Ленин, Ленин!»

Мужа забрали на войну. Одна из химических атак чуть не лишила его жизни. Вернулись на родину. Родились восемь детей. На крестьянские доходы кормиться стало невмоготу. Из местечка Дав перебрались в Усть-Сысольск. Всю семью прибило к больничному городку. Здесь располагалась фельдшерско-акушерская школа. Марию Ефиомвну поставили комендантом и завхозом общежития. Александр Осипович стал служить санитаром. Это определило и профессию дочерей. Все стали медиками.

Когда старшая Клава сказала матери, что отнесла заявление в военкомат, она разрыдалась: «Да знаешь ли ты, доченька, что такое война? Ведь там убивают». «Но, мама, кто же пойдет, если не я – фельдшерица, комсомолка, спортсменка».

Уже в июле 1941 года курсирующий по Сысоле пароход «Сыктывкар» увозил Клаву в Архангельск. Недолгая учеба. Ей дали звание младшего лейтенанта. А в придачу взвод мужчин – санитаров-носильщиков.

Повезли на Карельский фронт. В тряской теплушке Клава представляла первый бой, первых раненых. Война прервала раздумья. Не успел состав домчаться до цели, как все стали выпрыгивать из вагонов. Послышались крики: «Санитара…». И вот уже Клава по-пластунски добирается до залитого кровью человека. Только-только успела вытащить его, как надо ползти за другим. Здесь картина еще страшнее. Осколок угодил солдату в живот. Прижавшись к груди раненого, младший лейтенант слышит последние стуки сердца. Ее помощь здесь уже не нужна.

«В 20 лет – и таких страхов натерпеться… Четыре года крови, ужасов и перенапряжения. Как все превозмогли?» – то и дело прерываю рассказ Клавдии Александровны. «А фельдшерско-акушерская школа на что? Когда училась – ключи от анатомического кабинета мне доверяли. Другие боятся, а я сразу страх пересилила. Кровь медику не должна застить глаза».

Клава Лыткина еще задолго до войны стала в Коми крае символом ловкости, сноровки, выносливости. Ей не было равных на лыжных трассах. Она великолепно играла в волейбол. Проделывала различные кульбиты на гимнастических снарядах. Самое поразительное для девушки тех лет – отлично водила мотоцикл. Вместе с Николаем Оплесниным, с братьями Париловыми, с Германом Кулаковым защищала честь республики на всесоюзных соревнованиях. Однажды с Германом поспорили, сможет ли Клава угнаться за ним на мотоцикле. Померяться силами решили по дороге в Нювчим. Не ожидал лихой парень, что Клава решится последовать на ревущем звере за ним. А она не только согласилась, но пришла к цели одновременно с Кулаковым.

Все это помогло и на фронте. В остальном, видимо, заступался за нее Всевышний, которому молилась мама. Самую большую опасность для санитаров-носильщиков представляли даже не бомбы и снаряды, а снайперы. Они таились везде. С каждого дерева, из-за каждого куста грозила смерть. Многих боевых друзей недосчиталась Клава. Она, как челнок, дни, недели, месяцы сновала между жизнью и

смертью. Между полем боя и временными укрытиями для раненых. Навьюченная санитарной сумкой, в которой находилось сто санпакетов, носилками, личным оружием... Сколько тонн груза перетаскала за войну! Все выдюжила.

Потом ее «сосватали» в разведку. Там женщин не было совсем. Война войной. Но и жизнь жизнью. Многие пытались ухаживать за отважной девушкой. А она ни в какую. Отшучивалась: «Вот победим, тогда и кружите мне голову». Лишь однажды в Кеми пошла танцевать под гармошку с симпатичным солдатом. Тот одинаково хорошо отплясывал и гопак, и водил ее в вальсе. Встретились раз, другой. А на третий Владимир сказал, что его посылают учиться. Напросился писать. Клава дала адрес мамы. Уж она-то в Сыктывкаре точнее всех будет знать, где искать ее дочь.

Мужская работа в разведке для Клавдии закончилась в 1943 году. Ход войны был предрешен. Командование приняло решение – женщин с передовой вывести. Снова медсанчасть. Правда, от передовой ее отделяло лишь несколько километров. Операции – круглые сутки. До упаду, до кругов перед глазами. Пожалеть бы себя... Но скажут, что кровь нужна, не раздумывая протянет свои руки. «Она у меня универсальная, первая группа, всем подходит», – как о чем-то обыденном, самом простом говорит Клавдия Александровна.

Уже за границей ей пришлось переквалифицироваться в связистки. Их полк обеспечивал связью войска Белорусского фронта со ставкой верховного главнокомандующего. В 119-м особом полку связи в городе Шенау встретила Клавдия Победу.

Владимир и Клавдия Луценко – молодожены. 19 декабря 1946 года.

А связной между ею и солдатом, обещавшим еще в начале войны писать ей, оставалась мама. Владимир Луценко слова на ветер не бросил. Регулярно писал в город, даже название которого произносил не всегда верно. А когда узнал, что на попечении Марии Ефимовны большая семья, муж умер в 1943-м, стал присылать ей свой воинский аттестат. Другими словами, причитающуюся зарплату. Чужим людям высылать деньги не полагалось. Тогда он назвал незнакомую женщину тещей. Предрек свою судьбу.

День Победы в череде напряженных буден был, пожалуй, единственным днем полного отдыха. Четыре года войны никто в расчет не брал. Снова приказ: ехать в Белоруссию, помогать налаживать мирную жизнь. И вот уже Клавдия Лыткина служит в Боровичах. Лечит раненых, принимает роды, оказывает помощь военнопленным немцам.

Как-то заскакивает в санчасть знакомый, рассказывает, что ехал вместе с военным. Он разыскивает Клаву Лыткину. Говорит, мол, он ее муж. А через несколько часов этот самый муж собственной персоной заходит к ней. Владимир Луценко. «Ну что, поехали домой», – стоит, улыбается, словно и не было четырех лет войны.

Перечить командиру артиллерийского дивизиона не стали, отпустили его половинку. На прощание выдали Клавдии отрез ткани, чтобы сшила на гражданке платье на свадьбу. И вот пять лет спустя знакомый пароход причалил к сыктывкарской набережной. Чемоданы сложили на подвернувшуюся телегу. Зашагали в сторону больничного городка. На полпути видят: женщина навстречу бежит. Клавдия сразу узнала в ней маму. Встретились, обнялись. Мария Ефимовна тотчас узнала

9 мая 1975 года. Парад ветеранов Великой Отечественной войны на Юбилейной площади Сыктывкара. Вторая слева в первом ряду – Клавдия Александровна Луценко.

и Владимира. Он ей в ответ: «Здравствуй, мама».

40 лет прожили как один день. Поехали было под Семипалатинск, к родным Владимира Ефимовича. Но заскучала там Клавдия, все леса да луга снились, а ягод так захотелось, никакими фруктами не заглушить. Вернулись на Север. Муж получил направление в Печору. «Была не была, – сказал жене. – Через войну прошли, так неужто морозов испугаемся».

Печора стала родным местом для их троих детей. Владимир Ефимович трудился в сберкассе, затем в горфинотделе. Клавдия Александровна всю жизнь лечила людей. Операционный стол, волейбольная площадка, хор ветеранов... День вбирал столько событий, что теперь самой себе удивляется. В 60 лет капитаном волейбольной команды выступала! В кругу семьи брала в руки балалайку. Не могла, не умела, не хотела даже на часок присесть, сложив руки.

Наполненную до краев жизнь Клавдия Александровна объясняет прошедшей через нее войной. Высоких слов она не говорит. И философия ее простая, заземленная, понятная. Осталась жива. Значит, на земле оставались важные дела. И люди, которым могла помочь. Перевязать, подбодрить, сыграть, спеть... Слава спортсменки Лыткиной ушла в тень. На смену пришла другая. Вся Печора, многие люди в республике узнали другую Клавдию. Теперь уже Луценко.

Многие завидовали ее всегдашней активности, задору, хорошему настроению. Она похоронила друг за другом самых дорогих людей – мужа и сына. Но расслабиться, пожаловаться на жизнь ей и в голову не приходило.

Через 10-15 лет после войны одна за другой нашлись несколько фронтовых подруг Клавдии Александровны. А потом из Свердловска в Печору приехал знаменитый в республике до войны спортсмен, чемпион на 30- и 50-километровых лыжных трассах Герман Кулаков. Тот самый, с которым на спор Клава добиралась на мотоцикле до Нювчима. Как разыскал Клавдию, так сразу и нагрянул к Луценко в гости. «Да ты ничуть не изменилась. Все такая же отчаянная», – сказал на прощание немногословный спортсмен. «Еще бы здоровья, и все замечательно», – продолжает то, многолетней давности, напутствие своего гостя Клавдия Александровна.

Анна СИВКОВА.

(«Дом Отечества», 24 мая 2003 г.)

РАКУРС

Возвращение Ненилы

Немного найдется людей, кто не видел хотя бы в репродукции картину художника Аркадия Рылова «В голубом просторе». Об авторе этого полотна народный художник России, график А.Остроухова-Лебедева писала: «От его картин и этюдов веет бодростью и свежестью живого чувства. Его искусство полно правды, гармонии и спокойствия. Его большое сердце было полно любви ко всему вокруг него... Но больше всего он любил природу во всем ее бесконечном разнообразии. Любил ее так, как благодарный сын любит свою мать, безгранично, преданно и благоговейно».

Другие биографы художника дополняют Остроухову-Лебедеву. Отмечают удивительный талант Рылова видеть, чувствовать, запечатлевать. Бесконечное трудолюбие. И везение на учителей. В Петербургской Академии художеств студент Рылов учился у самого Куинджи.

До недавних пор имя признанного мастера кисти с землей Коми никак не связывалось. О том, что Аркадий Александрович Рылов всю свою жизнь пронес благодарное чувство к нашему северному краю, известно было лишь узкому кругу искусствоведов и музейных работников. Доказательством этого стали три картины, еще в 30-е годы появившиеся в фондах Коми краеведческого музея и хранящиеся теперь в Национальной галерее РК.

В 1935 году с Аркадием Рыловым

Карандашный портрет Ненилы Кузьпелевой.

встречался директор краеведческого музея Георгий Афанасьевич Старцев. Можно с уверенностью предположить, что их знакомство вылилось в теплую, задушевную встречу. Завершилась она обещаем художника прислать в дар музею в Сыктывкаре несколько своих полотен с персональной выставки в Ленинграде.

Обещание Аркадий Рылов выполнил. 5 июля 1935 года он пишет Георгию Старцеву: «Я очень рад, что посылку с этюдами Вы получили и что Вы и Ваши сотрудники их одобрили. Мне особенно приятно, что мои работы находятся в области Коми. К этой национальности я питаю с детства самую теплую симпатию».

В посылке, которую незадолго перед получением этого письма распаковали сотрудники музея, находились два этюда – «Челнок» и «Крутой берег». И карандашный портрет пожилой женщины с открытым добрым лицом. Внизу, справа под портретом, художник сделал надпись: «Ненила Ивановна Куспелева в 1900 г. Коми, из Сысолы, моя кормилица».

Эта запись примечательна уже сама по себе. К счастью, есть возможность узнать о героине портрета более подробно. Аркадий Рылов оставил после себя не только живописное наследие, но и воспоминания. Самые трепетные страницы его мемуаров связаны с родиной, с Вятским краем.

«В этом городе (имеется в виду Вятка. – **В.П.**) протекала моя детская пора. Когда мне было пять лет, отец заболел и мать увезла его на лечение в Казань. Дома осталась бабушка – Афанасия Ионовна Рукавишникова и нас четверо детей

Аркадий Александрович Рылов (родился в 1870 году) – классик русской советской живописи. Одно из первых больших полотен художника – «С берегов Вятки» (1901 г.). Своей известностью выпускник Академии художеств обязан картине «Зеленый шум». Беспокойное, драматическое ощущение мира после Октябрьской революции художник выразил в серии живописных полотен. Особым настроением, особым духом проникнут известный шедевр Рылова – «В голубом просторе». Впечатления от наслаждения прелестью природы легли в основу множества картин, вышедших из-под кисти мастера в 20-е годы. Они хранятся сегодня как в самых крупных хранилищах картин – Русском музее, Третьяковской галерее, так и во многих провинциальных музеях. Аркадий Рылов также является создателем известной картины «Ленин в Разливе» (1934 г.). К этому же времени относится и «индустриальный» период в его творчестве (картина «Трактор на лесных работах»). Умер художник в 1939 году.

с кормилицей, зырянкой Ненилой. Ненила выкормила меня и брата Александра. Она необыкновенно привязалась к нам – к своим питомцам и ко всей семье до самой своей смерти. Прожила у нас лет двенадцать, потом вышла замуж за столяра. А на скопленные деньги купила на окраине города дом и хотела было завещать его и все свои сбережения мне, но я, к ее огорчению, отказался. Восьми лет меня отдали в приготовительный класс гимназии. Сонного Ненила одевала меня, закутывала башлыком, и я с огромным ранцем за плечами тихонько шел по морозу в гимназию».

Повальное «отходничество» молодых девушек-зырянок в XIX – в начале XX столетия в няньки еще ждет своего пытливого исследователя. Ждут на этом пути и новые открытия. К примеру, не так давно стало известно, что молодая коми женщина Александра Омелина с усть-сысольской окраины Давпон пестовала-нянчила маленького Дмитрия Шостаковича. Семья будущего композитора сохранила о ней самые теплые воспоминания. То тут, то там встречаются и другие свидетельства добросердечности северных нянюшек, их честности, опрятности. Маленькие зырянки долгие десятилетия в северных губерниях были, что называется, нарасхват.

Одна из них – Ненила Кузьпелева. Имено так, скорее всего, пишется фамилия няньки Аркадия Рылова. Фамилия в Коми крае довольно распространенная. Признанный знаток коми старины Федор Васильевич Плесовский родиной Кузьпелевых называет село Выльгорт. Еще в начале XVIII века здесь проживал Федор Федоров сын Кузьпелев. Правда, чем Федор заслужил от односельчан такое прозванье – «кузь пель» с коми переводится как «длинноухий», – ученый объяснить не смог. Добавил лишь, что, возможно, Федор носил шапку с длинными ушами.

Вполне вероятно, что именно этому Федору Кузьпелеву доводилась родней нянька Ненила. Как и десяткам сверстниц, ей рано суждено было расстаться с родиной. Но Аркадий Александрович Рылов не дал кануть в небытие своей помощнице. Искренней благодарностью к Нениле пронизаны все страницы его воспоминаний о детстве и юности. «Муж моей кормилицы Ненилы столяр Матвей Князев, лысый, с большой черной бородой, был сторожем в городском училище и жил в казенной квартире. Мы любили с братом по вечерам заходить к ним в жарко натопленную большую комнату, где пахло свежими стружками и клеем, где кипел самовар, напевающий песенку «к морозу». Ненила наливала нам чай с густыми сливками, угощала вкусными сушками. Матвей строгал фуганкой или пилил «шпажкой», полировал вкусно пахнущим лаком. Он делал нам весла, фанерки для выпиливания и прочее. У этих простых и добрых людей любили собираться и подолгу засиживаться заказчики, особенно интеллигентная молодежь. На улице мороз трещит, а здесь от железной печки пышет жаром. Ненила рассказывает про свою сторону, про Зырянский край, про Сысолу-реку. Дочь зверолова, она вспоминает о встречах с медведями, волками, произнося слова с забавным зырянским акцентом».

Посылку с подарками на Коми землю Аркадий Рылов снабдил словами: «На родину моей милой няни».

Владимир ПАРШУКОВ,
сотрудник Национального музея РК.
(«Дым Отечества», 26 января 2002 г.)

Подарок от генсека

Проблема жилья стояла остро во все времена. На что только не шли сообразительные граждане, чтобы обзавестись крышей над головой. В 70-е годы в Сыктывкаре бурно обсуждали подарок одной молодой паре от генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Молодожены отправили Леониду Ильичу телеграмму, пригласили его на свою свадьбу. Глава государства на бракосочетание не приехал. Но приглашение, судя по всему, его растрогало. И он сделал сыктывкарской семье воистину царский подарок – преподнес квартиру. Вернее, ключи от жилья в новой многоэтажке, которые чуть ли не через день после свадьбы вручили изумленным молодоженам городские начальники. Увы, разыскать «осчастливленную» генсеком семью не удалось. Зато нашлась другая семья, которая получила квартиру от преемника Леонида Брежнева – Константина Черненко.

Времянка, в которую еще в 1955-м году въехала мать сыктывкарки Стефании Никандровой, в конце 70-х пришла в полную негодность. Это было одноэтажное сборно-щитовое барачного типа здание на столичной улице Энгельса. Штукатурка между стен обсыпалась, полы прогнили, изо всех щелей сифонил ветер. Чтобы не замерзнуть в январские морозы, всю ночь просиживали вокруг печки, жадно поглощающей запасы дров.

Терпению Никандровых наступил предел, когда в аварийном доме они остались одни. Все сумели перебраться в благоустроенные дома. Но место пусто, как говорится, не бывает. Опустевшие квартиры облюбовали бичи. Разжигали костры прямо на полу и коротали вокруг них ночи. Стефания Юрьевна потеряла покой и сон, разгоняя непрошеных соседей. Те уходили, чтобы под покровом ночи возвратиться вновь.

Еще задолго до этого хозяйка «забытого» властями дома принялась обивать пороги. Побывала у градоначальников всех рангов. «Триста ответов собрала», – подсчитала свои «хождения по мукам» Стефания Юрьевна. Походы по этажам власти действия не возымели. Тогда кто-то надоумил женщину обратиться в прессу. Она до сих помнит, как написала первое письмо. Адресовала его в журнал «Чушканзі». Потом даже до центрального «Крокодила» дошла с призывом о помощи. Но все попытки вырваться из ветхого дома оставались тщетны.

Когда твое положение из ряда вон – тогда и ушки на макушке «вырастают». Ловишь каждый намек, каждый совет. Одна женщина обронила при Стефании, мол, вот бы до Кремля добраться. За Кремлевской стеной есть один-единственный почтовый ящик, откуда письма попадают прямо на стол генсека. «Ну, я туда не доберусь», – подумала про себя отчаявшаяся женщина. Но уже через некоторое время встретилась с московской подругой. А у той муж работал в Кремле. Так появился шанс достучаться до «небес».

Стефания Никандрова не мешкая написала письмо. Муж подруги бросил его в «почтовый ящик» для писем трудящихся для генерального секретаря. Стояло лето 1985 года. Ждать ответа пришлось недолго. Пару недель спустя в захудалый до-

мик на окраине Сыктывкара пришло письмо с золочеными буквами. Хозяйка не могла поверить глазам. Ее приглашали в Кремль для личной встречи с генеральным секретарем ЦК КПСС Константином Устиновичем Черненко.

К.У. Черненко.

Стефания Юрьевна верила и не верила, что едет в Москву. В назначенный час шагнула за Кремлевские ворота. Пропуском послужило письмо с гербовой печатью. В Кремлевских лабиринтах выписали настоящий пропуск. Зажав его в руке, сыктывкарка шла по гулким коридорам. Ее сопровождали глазами застывшие возле стен охранники.

Наконец, «предбанник» генсека. Здесь собрались и другие счастливчики – около десятка мужчин и женщин. Сдержанный мужчина в строгом темном костюме провел инструктаж. Сказал, что каждый войдет на прием отдельно. Никаких вопросов генеральному секретарю задавать не надо. Он обо всем уведомлен.

«Никандрова». Вслед за произнесенной фамилией перед Стефанией Юрьевной распахнулась дверь. За столом стояли двое мужчин. Одного из них она знала, видела портреты в газетах и журналах. Черненко был в отличном костюме. Но при ближайшем рассмотрении оказался гораздо старее своих портретных «двойников». Он поздоровался с посетительницей. Сказал, что знает о ее проблемах. Потом добавил: «Спокойно езжайте домой, все решится». Аудиенция закончилась. Но только очутившись на улице, Никандрова осознала, что все произошло именно с ней.

Домой прилетела как на крыльях. А в ноябре на улицу Энгельса нагрянула солидная комиссия. Она привезла Никандровым заветную бумажку – ордер на новую двухкомнатную квартиру. Радости не было предела. Дом по улице Карла Маркса еще не был сдан в эксплуатацию. Но Стефания Юрьевна каждый раз, проходя мимо, заглядывала в свою новую квартиру. Ей все здесь нравилось. «Неужели теперь это все мое?» – никак не верилось, что сбылась мечта.

Прошло совсем немного времени и из Москвы пришли газеты с черными траурными рамками. Генсек Черненко умер. Эта весть расстроила Стефанию Юрьевну до глубины души. Нет-нет да и всплывал из памяти образ невысокого человека с седой головой в строгом черном костюме. А в ушах звучали его слова: «Спокойно езжайте домой, все решится».

Дом, в котором Стефании Никандровой предоставили квартиру.

Несколько лет спустя она поехала отдыхать к родственникам в Курскую область. В ожидании поезда гуляла по Москве, завернула на Красную площадь. У самой Кремлевской стены застыли бюсты выдающихся деятелей страны. Последним в длинном ряду стоял памятный знак на месте захоронения Константина Черненко. Стефания Никандрова купила в цветочном киоске неподалеку большой букет цветов. И положила его поверх других букетов, лежавших на могиле генсека.

Анастасия КУДИНОВА.

(«Дым Отечества», 16 февраля 2002 г.)

С царем в голове, без царя на стене

Не так давно печатные СМИ республики облетела фотография, на которой запечатлен Председатель Госсовета РК Евгений Борисов. Фотографий Борисова на страницах печати и до этого появлялось немало. Эта по-своему примечательна тем, что была сделана в день, когда спикер отметил 100 дней после вступления в новую должность и по этому случаю провел пресс-конференцию. Другая особенность снимка – руководитель законодательного органа республики снят рядом с большим портретом Президента России Владимира Путина, находящимся в его рабочем кабинете. На пресс-конференции Евгений Борисов поделился, что портретов главы государства в его кабинете даже два. Возможно, многие читатели это упоминание о портретах пропустили мимо ушей, ничего особенного не сказал и снимок с живым Борисовым и портретным Путиным. Между тем наличие портретов первых лиц государства, впрочем, как и все убранство государственных учреждений, уходит корнями в глубь истории, имеет свои традиции, претерпело величие и падение.

К сожалению, специального уложения по оформлению присутственных мест в России отыскать не удалось. Но все, кто занимался изучением деятельности государственных учреждений, заявляют, что, несомненно в царской России регламентировалось и это. Возможно, в каком-то музее сейчас даже воссоздан кабинет чиновника прошлого: с массивным столом, с балдахинами, с другими непременными атрибутами времени. Этот кабинет обязательно венчивал портрет государя императора.

Долгие года и века на безбрежном пространстве Коми края оставался один-единственный город – Усть-Сысольск. Был еще и Яренск, куда входили несколько уездов с коми населением. Городки были небольшие, уездные, но именно в них и сосредотачивалась вся власть. Городская дума, управы – городская и земская, городничий, капитан-исправник в разные годы осуществляли правление на вверенной территории.

Попытки отыскать хотя бы упоминание об обустройстве присутственных мест Усть-Сысольска успехом тоже не увенчались. Как не удалось найти и хотя бы один из уцелевших портретов высочайших особ, когда-то висевших на их стенах. Объяснение простое: в маленьком Усть-Сысольске госучреждений было немного. Но несмотря на отдаленность от цивилизаций, Октябрьская революция и Гражданская война проходили в наших краях бурно, кроваво. Нетрудно представить, как новая власть расправлялась с символами царизма, не пощадив ничего, даже портреты.

Историк Михаил Рогачев в архивах встречал любопытный документ о пожаре, случившемся в городской думе Усть-Сысольска. После пожара подсчитали убытки. Списали столы, стулья, какие-то кадушки, корытца... А также слизанный огнем портрет государя.

И все же в сегодняшнем Сыктывкаре есть место, где можно увидеть целую коллекцию портретов царей и их фаворитов, украшавших до революции вельможные дворцы и присутственные места в Питере, в Москве, возможно, и в других городах центра России. Часть этого уникального собрания выставлена в одном из залов Национальной галереи РК. Попали к нам они, можно

сказать, случайно. После революции в Москве скопилось великое множество картин, других произведений искусства из разграбленных и уничтоженных дворцов и усадеб. Часть этих сокровищ переправили в провинциальные музеи. Нам очень повезло, что нашелся человек, взявшийся за хлопоты по передаче и перевозке уникальных предметов искусства в далекий Коми край. Этим энтузиастом стал ученый Даниил Янович. Благодаря его стараниям Коми краеведческий музей стал обладателем уникальной коллекции картин, предметов декоративно-прикладного искусства, составляющих гордость нынешней Национальной галереи РК.

По словам заместителя директора Национальной галереи по науке Натальи Плаксиной, за портретами царских особ примерно до 60-х годов особой ценности не признавали. Теперь налицо переоценка многих ценностей. Пример этому и почти целый зал на втором этаже, отведенный под парадные портреты русских царей. Иоанн V, Алексей Михайлович, Павел I, Петр III... Большинство из представленных картин датированы XIX веком, но есть и XVII, XVIII столетий. Авторство их сегодня установить сложно, портреты не подписаны. Искусствоведы могут определить лишь время написания и то, к какому кругу мастеров принадлежал автор. Почти все они – копии известных полотен. Но и портретных копий членов царствующей семьи в предшествовавшие века имелось немного. Некоторые из царей продержаться на троне смогли всего чуть-чуть, а после опалы или смерти их уже не рисовали. Так, уникальным можно считать изображение Петра III, хранящееся в Национальной галерее РК – копии с этой картины отыщутся лишь в нескольких музеях страны.

Портреты молчат, если ты с ними один на один. В обществе искусствоведа даже самая незначительная деталь, изображенная на картине, вырастает до символа, раскрывает неведомые глубины. Портреты царствующих особ в русском обществе всегда вызывали пиитет. Пренебрежение к ним сурово каралось. Сохранилось свидетельство о живописце оружейной палаты Иване Безмине, который был не только отстранен от работы, но и выслан в 1686 году из Москвы лишь за то, что «оскорбил» портрет члена государевой семьи, пристроив его во время работы в чулан.

Неписаные правила регламентировали каждый штрих на одежде потретируемого, поворот головы, расположение рук... Долгие годы на групповых и парных портретах женщин всегда изображали по левую руку от мужчины. С разворотом влево чаще всего изображали мужчин на одиночных портретах. Хрестоматийным стал факт об избитом плетьми новгородском колоколе с вырванным «языком». В XVII веке за человека могло поплатиться и его изображение. В царствование Екатерины суровой кары через повешение были подвергнуты портреты известных в то время фальшивомонетчиков братьев Зановичей.

Лишь на рубеже XVIII-XIX веков под портретами царствующих особ разрешили сидеть. Видимо, с того времени и стали помещать их в присутственных местах, в рабочих кабинетах губернаторов и градоначальников. В богатых домах и дворцах непременным атрибутом сделались залы с галереями влиятельных особ. Картины вывешивались не абы как, а с учетом тысячи нюансов, соблюдать которые повелевал этикет. Под картины оборудовали плафоны потолков, обивали стены, вывешивали балдахины и портьеры...

Культура оформления парадных залов и кабинетов ушла в небытие после Октябрьской революции. Стол под красным или зеленым сукном, трибуна для оратора, плакаты и портреты вождя... Все это хорошо знакомо людям старшего поколения. Но какой бы аскетичной ни была кабинетная обстановка партийных и советских руководителей, портрет на стене присутствовал непременно.

На долгие десятилетия на многих, если не на всех стенах, прописался Ленин. Если живописные и графические портреты вождя пролетариата с началом перестройки из больших кабинетов перебрались в кладовки, в закутки, а то и пошли в утиль, то более монументальные произведения оставались в некоторых присутственных местах и в годы перестройки. Пример тому – фигура Ленина в зале заседаний Госсовета РК, которая свое привычное место покинула лишь недавно. Вождю стоит посочувствовать. Тысячи, миллионы его изображений были растиражи-

рованы в годы советской власти. Сотни тысяч из них погибли или погибают на глазах. Даже оставаясь на постаментах в центре городов и сел, они разрушаются, гибнут. А ведь кроме больших скульптурных изображений вождя было отлито гигантское количество гипсовых фигур, мелкой пластики. Свою лепту в пропаганду образа вождя внес даже Нювчимский чугунолитейный завод. Теперь интерес к сакральной в недавнем прошлом фигуре потеряли едва ли не все. Коллекционерам они пока неинтересны. Большую коллекцию разнофактурного Ленина собрал Национальный музей РК. Можно было бы собирать и еще, но нет места да и зачем?

Коллекцией работ, изображающих Ленина и Сталина, обладает и Национальная галерея РК. Все они представляют не только историческую, но и художественную ценность, вышли из-под кисти известных художников. Кстати, если копировать Ленина в годы советской власти разрешалось лишь с известных полотен, то Сталин мог предстать и в интерьере, придуманном художником. Знатоки живописи знают, что «вождь всех времен и народов» запечатлен даже на берегу Вычегды. Эта картина художника Постникова хранится в Национальной галерее РК. Ее, а также другие произведения искусства 30-50-х годов, можно будет увидеть на выставке «Эпоха большой мечты», подготовка к которой сейчас идет в Национальной галерее.

Новое время по-своему отразилось на оформлении высоких кабинетов. Их неотъемлемой частью стали евроремонт, кондиционеры, роскошные люстры и подсветка. Все это присутствует и в новом кабинете спикера Коми парламента Евгения Борисова. Не только он, но многие руководители республики и муниципальных образований обзавелись и фотопортретами Владимира Путина. В роскошной раме фотография Президента России висит на стене рабочего кабинета Главы Республики Коми Владимира Торлопова. А вот новый сыктывкарский градоначальник Сергей Катинун такого настенного портрета, оказывается, не имеет. Мэр довольствуется другими изображениями. Стены его кабинета украшают пор-

треты трех наших лыжников-олимпийцев, а также изображение храма Стефана Пермского, воздвигнутого в Сыктывкаре.

Между тем возвращается забытая традиция обустройства в государственных зданиях портретных галерей. Начало положили в Госсовете РК, заказав у известных художников и поместив на стенах зала заседаний портреты всех бывших председателей Верховного Совета республики. Новация особых споров не вызвала, хотя, конечно, здесь не все однозначно. Желает лучшего расположение портретов, оформление галереи. Но в нынешнем зале заседаний вряд ли удастся добиться лучшего, ведь здание строилось еще в то время, когда ни о каких галереях не мечтали. Своей портретной галереей, возможно, уже в недалеком будущем обзаведется и сыктывкарская мэрия. Здесь, в фойе на третьем этажа, планируется разместить живописные портреты всех бывших градоначальников. Давно забытое старое обретает черты нового.

Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 22 июня 2002 г.)

Вольдинские грамотеи

Серый серпантин дороги обогнул зеленую рощу и выскочил на приволье. Этот кусочек земли так и называется – Вольдино. По обе стороны – дома, заглядевшиеся окнами на простор. Под наличники заглядывает яркое солнце. Кругом ни души. Но «мертвый сезон» здесь только с виду. На пойменных лугах блестят косы и спины косарей. Кто-то уже пришел с ночного покоса. Возле одного из вольдинских домов – загорелые молодые люди. Ба, да тут же Олег Уляшев, ученый, этнограф и фольклорист. По какому случаю, какими судьбами?

Встреча и впрямь неожиданная. С Олегом куда как привычнее сталкиваться в центре Сыктывкара, когда он спешит на работу в Коми научный центр. Правда, была еще одна встреча, тоже из разряда неожиданных. В позапрошлом году. И не где-то, а на улицах Хельсинки. Мы туда прибыли на финно-угорский конгресс. Направляясь ко дворцу «Финляндия», столкнулись с ученым из Сыктывкара. Оказалось, что он здесь в командировке по приглашению финской Академии наук.

Тут – совершенно иной колер. Босые ноги, брюки закатаны до колен, бронзовый загар... «Всю ночь всей семьей косили, даже выспаться как следует не успели», – говорит за детей мама Полина Алексеевна. Приглашает в дом. После залитой солнцем улицы в комнатах – сумерки. Разговор вертится вокруг главного – сенокоса. Какие уродились травы. Где подточить косы-горбуши. Как подгадать с погодой.

Слово за слово... Не прохшло и несколько минут, как Полина Алексеевна сняла с книжной полки том «Коми мифологии» – подарок сына Олега. И вот уже разговор перетекает в совсем иное русло. «Рулит» Полина Алексеевна. Рассказывает, что родом она с Удоры. Приехала в Вольдино после педучилища да так и осталась

здесь. «Это только на первый взгляд до Удоры отсюда далеко. Раньше лесные тракты да тропы связывали все уголки безбрежного края. Вы думаете, кто первым обживал вольдинское приволье? Удоряне. Тамошние Ульяновы лесные угодья здесь заимели, а затем и жить сюда перебрались. Уляшевыми стали».

Нет, наверное, ничего такого, о чем бы Полина Алексеевна мнения своего не имела или не знала. «В школе лишь физику да химию не преподавала, а все остальное осилила», – смеется она. Что же касается истории родных мест, то эти знания черпала не столько из книг, сколько из жизни. Бог наградил любопытством. Да и в Вольдино попала не в простой дом, а особенный. Уляшевы слыли знатоками здешней старины. Отец мужа Ивана Никитича знал тысячи историй из разного времени. Уляшевы подмечали и помнили особинки здешних жителей, любили посмеяться над разными курьезами. Светлая голова и превосходная память тети Ивана Никитича – Натальи Ильиничны – воскрешали тысячу подзабытых деталей из прошлого. Жаль, никому тогда не приходило на ум записывать живую старину.

Этнограф Олег Уляшев.

В таком доме и появились на свет пятеро маленьких Уляшевых. Удивительно: поначалу никто из них «не заболел» стариной. Литература, история, песни и сказки всегда жили рядом, бок о бок. Поэтому и притягивало другое, незнакомое, необычное, над чем можно было голову поломать, силенки попробовать. Все четыре брата и сестра души не чаяли в математике, участвовали и побеждали на всевозможных олимпиадах. Но точных наук вдруг оказалось мало. Потянуло на творчество. Где-то в классе шестом Олег Уляшев, на удивление родичей, написал басню. Его мама до сих пор помнит ее название – «Кошка, охраняющая колбасу».

Видимо, эта проба пера – точка отсчета Олега-писателя. Прошли годы, и одна за другой вышли пять пьес Уляшева-драматурга, теперь уже поставленные на сценах и получивших признание. Кроме этого Олег – очень тонкий, самобытный поэт, писатель. Но это так, досуг, хобби. Главное для него – наука, этнография, фольклористика. В свои тридцать с «хвостиком» он уже успел оставить свой след в исследовании истории Коми края. Защитил диссертацию по необычной теме об иерархии цветовой символики в устной поэзии зырян. Он же один из авторов уникального исследования по мифологии коми. Кстати, выпуск серии книг по мифологии финно-угорских народов – международный проект. Наша республика стала первой, где вышел уникальный фолиант. Блин комом не получился. Теперь

готовятся его варианты на английском и в электронном виде. Эту работу координируют финские ученые. Поэтому же в последние годы и стал Олег частым гостем в стране Суоми.

Родительский дом, чьи окна загляделись на приволье и синь, подсказали дело жизни и другому Уляшеву – Игорю. Он тоже ученый, литературовед, защитил диссертацию. И его интересы многогранны, необычны. Он исследует творчество коми писателей и одновременно фольклор, ищет в них точки соприкосновения, свои особенности.

А брат Олега и Игоря – Василий – стал математиком. Он живет в Сыктывкаре. И сестра Женя окончила университет. Но она приехала в Вольдино, преподает математику в школе. Лишь Гриша не обрел университетской «корочки». Хотя, по словам мамы, это для него труда бы тоже не составило. Но отец еще был живой, воспротивился отъезду последнего сына в город: «Что ж это, вы все в город лыжи навострили, кто работать на покосах да пожнях останется»? Остался сын дома, шофером стал.

Подсобить, подставить плечо брату съезжаются летом все Уляшевы. После Иванова дня из закутков выносят на солнце косы. Гурьбой отправляются на покосы. Купаются косы в зеленой траве. Мокнут спины косарей. Тяжестью наливаются руки и ноги. Но после вечерней баньки за разговорами за большим столом уходит прочь вся усталость.

Семья Уляшевых вместе.

Даже в разгар сенокоса, в самую страду, большой крестьянский дом в центре Вольдино остается своего рода филиалом научного центра. К Уляшевым съезжаются ученые, студенты. «До двадцати человек ученого люда за лето привечаем», – говорит Полина Алексеевна. Только-только перед нашим приездом, и уже не первый раз, здесь гостила финский профессор Анна-Леена Сиикала. Собирала фольклор, изучала обычаи. До поздней ночи вели разговоры с Полиной Алексеевной, с настоящей «ходячей энциклопедией». Финский ученый не скрывала восхищения от увиденного и услышанного, несколько раз откладывала свой отъезд. Нам тоже очень хотелось задержаться в этом доме, где столько переплелось. Старое и новое, сельское и городское, ушедшее и вечное... И все это нанизано на живую нить – память его хозяев.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
Усть-Куломский район
(«Дым Отечества», 17 августа 2002 г.)

Пропавший обелиск

Похоронная коммерция для семей ветеранов войны оборачивается обидой, слезами, болью

Сегодня нас уже ничем не удивишь. Обыденной реальностью стало даже святотатство – осквернение захоронений и кладбищ. И все же жителей Усть-Куломского района повергло в шок недавние известие о том, что в селе Пожег пропал обелиск с могилы ветерана Великой Отечественной войны. В письме жителей Пожега в редакцию усть-куломской районной газеты «Парма гор» сообщалось, что акт вандализма совершил сын покойного фронтовика. «По факту надругательства на кладбище, информировала газета, правоохранительными органами проведено расследование».

Неравенство на погосте

С этими событиями совпало письмо в нашу редакцию жительницы Корткеросского района. Пожилая женщина писала, что никогда за долгую жизнь в газеты не обращалась. Взяться за перо заставили обида и боль. За себя, своих близких, отца-солдата.

Их семье здорово повезло – после войны отец вернулся домой. Как и многие фронтовики, без здоровья, искалеченный, но живой. Как радовались ему дети, жена, мать. Но радость была недолгой. Всего несколько лет и прожил фронтовик после войны. Похоронили

его на сельском погосте безо всяких почестей. Не до церемоний было тогда. Да и после этого жилось на селе не сладко. Дети разъехались. Могила отца, увенчанная красной звездочкой, разрушалась. На достойный памятник денег так и не наскребли. Сейчас остался от нее лишь холмик, увенчанный колышком, который и навещает в поминальные дни единственная оставшаяся в живых пожилая дочь.

«Летом, слава Богу, снова свиделась с отцом, – продолжала женщина свой рассказ. – Побывала на родном кладбище. Все тут мне знакомо, кругом свои, односельчане лежат. И вдруг вижу, на двух холмиках, словно по волшебству, мраморные памятники встали. Как две капли воды одинаковые. Только инициалы, золотыми буквами выведенные, разнятся. Подумала, дети почивших постарались. Но тут же, на кладбище, узнала, что дети ни при чем. Это государство бесплатно такие памятники ставит бывшим защитникам Отечества. Я встрепенулась: «Тогда почему не всем? По каким заслугам? Ведь эти ветераны умерли совсем недавно».

Остальная часть письма читалась с трудом. Размытые буквы... Неровные строчки... Женщина расплакалась.

Читая это письмо и узнав о случившемся в селе Пожег, я поначалу даже не могла предположить, что оба адреса имеют один «корень». Впрочем, не могла предвидеть и то, в какие дебри при этом расследовании придется углубиться.

Что скрывает «мемориал»?

Тем временем одно за другим на редакционный стол легли еще несколько сообщений, как оказалось, связанных между собой.

Сыктывкарка Вера Сергеевна Пигулина просила через газету поблагодарить некую организацию «Мемориал», со всеми почестями и при этом совсем бесплатно похоронившую ее отца, ветерана Великой Отечественной войны Сергея Алексеевича Пигулина. В той же усть-куломской районке «Парма гор» было опубликовано письмо еще одной дочери фронтовика Раисы Шаховой. Она, как и жительница Корткеросского района, чье письмо было процитировано выше, с болью и недоумением спрашивала: «Почему на могилах одних ветеранов стали появляться шикарные обелиски, в то время как могилы ее отца и других ветеранов остаются забытыми».

Командировки в районы прибавили других фактов. Оказалось, эта тема сегодня в селах и деревнях районов – одна из самых обсуждаемых. Об этом говорят на улицах, в магазинах, а на кладбищах даже вспыхивают ссоры. И везде всплывает в разговоре некий «Мемориал».

«Мемориал», как известно, у нас один. Так называется общественная организация, созданная больше десяти лет назад и помогающая восстанавливать историческую справедливость по отношению к бывшим репрессированным. Как я и предполагала, никакого отношения к ритуальным услугам она не имеет. А вскоре удалось выйти на истинного «возмутителя спокойствия» степенных сельчан.

Вернее, открывать «возмутителя спокойствия» пришлось дважды. Оказалось, что в Коми две структуры, два «Мемориала». Отличить несведущему человеку одну фирму от другой действительно сложно. Ведь даже называются они почти одинаково: сыктывкарский филиал Военно-мемориальной компании и общество с ограниченной ответственностью «Сыктывкарский военно-мемориальный комплекс». И та, и другая фирма имеют одинаковую аббревиатуру – ВМК. А в просторечье обе называют «мемориалом».

Близнецы, но не братья

Местонахождение одной из этих фирм оказалось под боком, в нашпигованном всевозможными организациями здании, где располагается и наша редакция.

ООО «Сыктывкарский военно-мемориальный комплекс» возглавляет Александр Павлов. Его заместитель Александр Низовцев встретил радушно, но в ответ на большинство вопросов разводил руками. Мол, работает здесь недавно, только вникает в суть проблем. Единственное, в чем он уверен и что горячо доказывал, – дело, которым занимается ООО, нужное, важное, востребованное.

Как раз ООО «Сыктывкарский военно-мемориальный комплекс» и устанавливает в близлежащих районах мраморные обелиски, по поводу которых разгорается сыр-бор. Занимается оно установкой памятников не так давно, около двух лет. Но уже многое сделано. На сельских погостах за это время появилось около 350 новых памятников ветеранам Великой Отечественной войны.

Страсти, разгорающиеся вокруг благородного дела, для заместителя директора ООО стали неожиданностью. К чести Александра Низовцева, он от них не отмахнулся, попытался вникнуть в суть, разобраться. Еще одним позитивным моментом явилось то, что он встретился с теми, кто стоит за другой фирмой, почти близнецом – сыктывкарским филиалом Военно-мемориальной компании. До сих пор, занимаясь одним и тем же делом, они друг друга, как говорится, знать не знали.

Место пусто...

Чтобы не запутать читателей, начнем с того, кто и когда дал «зеленый свет» этим фирмам.

Все могло бы начаться еще в 1993 году. Именно тогда последовали постановление Правительства Российской Федерации и приказ № 144 Министерства обороны РФ, в которых регламентировались погребение погибших (умерших) военнослужащих и ветеранов войны.

Георгий Васильевич Турьев, много лет возглавлявший республиканский военкомат, сейчас председатель Коми республиканского совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов, признался, что узнал о существовании Военно-мемориальной компании случайно. Приехал знакомый из Краснодарского края и с восхищением рассказал, с какими почестями и бесплатно для родственников похоронили там ветерана войны. Собеседник упомянул ВМК.

Бывший военком говорит, что в военкоматы поступает такой поток заявлений о помощи в погребении бывших военнослужащих и ветеранов, что хоть бросай всю остальную работу и занимайся лишь этим. А вот раньше в военкоматы обращались не многие, хлопоты и расходы по погребению именитых ветеранов брали на себя партийные и советские органы. Большинство же фронтовиков предавали земле, не ожидая ниоткуда никакой помощи.

Весть о том, что создана специальная государственная структура, которой вменено в обязанность достойно провожать в последний путь защитников Родины, подстегнула к созданию ее подразделения и в Коми. Ветеранская организация заручилась поддержкой тогдашнего Главы республики Юрия Спиридонова и военного комиссара РК Венера Насырова. Съездили в соседний Киров, где уже вовсю работал филиал ВМК. Кстати, на начало 2000 года такие филиалы были созданы более чем в 60 регионах страны.

В 2001 году появился филиал и в Сыктывкаре. Его возглавил Ашот Айрапетов. Прошлым летом филиал вплотную приступил к работе. Было установлено около 120 памятников в ближайших к столице районах и в Сыктывкаре. Кроме того, филиал ВМК взял на себя расходы по погребению городских ветеранов, которые уходят из жизни в последние годы.

О том, что в республике есть еще одна ВМК, сотрудники филиала узнали случайно. Это их удивило и насторожило.

Когда деревья лес заслоняют

Первый и, пожалуй, главный вопрос, которым задались «мемориальцы» из филиала: кто финансирует и координирует деятельность их «соратников» из общества с ограниченной ответственностью? Контроль за их собственной работой по изготовлению и установке надгробий, как и других ритуальных услуг, осуществлял военный комиссариат РК.

Из множества проблем остановлюсь на двух. Сыктывкарский филиал ВМК считает себя правопреемником Военно-мемориальной компании, которая выиграла открытый конкурс Министерства обороны РФ на право изготавливать и устанавливать памятники погибшим воинам. Но генеральный директор ООО «Сыктывкарский ВМК» попытался оспорить его единоличное право в сфере ритуальных услуг для военных.

А.Павлов и возглавляемая им фирма получили поддержку из Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства (МАП). Ссылаясь на нормативно-правовые акты Министерства обороны РФ, указы и распоряжения Президента, постановления правительства, МАП России в своем престранном письме подытоживал: «... действия военных комиссариатов, выразившееся в отказе возмещать расходы по изготовлению и установке надгробных памятников, как территориального органа Министерства обо-

роны РФ, создают благоприятствующие условия деятельности Военно-мемориальной компании, которые имеют или могут иметь своим результатом ограничение прав организаций либо лиц, взявших на себя расходы по изготовлению и установке надгробных памятников, а также ущемление интересов других хозяйствующих субъектов, оказывающих услуги по изготовлению и установке надгробных памятников».

Коротко это можно перевести так: монопольное право ВМК в сфере ритуальных услуг незаконно.

Еще один вопрос, который вызвал недоумение у сыктывкарского филиала ВМК: почему не его, а другую фирму взяло под свое крыло Министерство по социальным вопросам Республики Коми? Тогда как в регионы поступило письмо, подписанное заместителем начальника Генштаба Вооруженных сил РФ генерал-полковником В.Путилиным, в котором предлагается филиалам ВМК «организовывать взаимодействие с территориальными органами соцзащиты...».

А тем временем районные управления по соцвопросам Республики Коми получили письма из родного министерства, в котором им рекомендовалось оказывать содействие в сборе документов для установки памятников... ООО ВМК. Почему так получилось? Одна из руководителей райуправления по соцвопросам объяснила это просто: «Наверное, потому, что ООО было порасторопнее».

Далеко от Москвы

Упомянутые проблемы – лишь видимая часть айсберга. В этом уверяют и центральные газеты, в поле зрения которых деятельность Военно-мемориальной компании попала едва ли не с того самого дня, когда она родилась. (В частности, расследованием этих перипетий занималась ставшая в последнее время очень известной журналистка из «Новой газеты» Анна Политковская.)

Создание Министерством обороны РФ закрытого акционерного общества «Военно-мемориальная компания» центральные издания считают успешным коммерческим проектом высшего военного руководства страны. И связывают это с двумя чеченскими войнами. Именно они с середины 90-х годов стали «поставлять» работу для этой структуры. С этим нетрудно согласиться. К рубежу веков большая часть ветеранов Великой Отечественной войны уже ушла из жизни. К примеру, в Усть-Куломском районе, с которого и начиналась эта публикация, сегодня в живых осталось всего 120 ветеранов Великой Отечественной. Не так много по сравнению с предыдущими десятилетиями уходило их из жизни и начиная с 1993 года. Тогда почему именно этот год стал точкой отсчета для деятельности ВМК? Настораживают и цифры, просочившиеся в печать. Так, сумма на изготовление надгробных памятников, предусмотренная ВМК на 1999 год, почти втрое превышала средства, выделенные на эти же цели в 1998-м году.

А ведь в закрытом акционерном обществе «крутятся» бюджетные средства. Именно «крутятся». Установка памятников растягивается на годы, не оказанные вовремя услуги приносят дивиденды ЗАО. По Московскому военному округу процент от бюджетных средств лишь за один год оказался равен 35.

Не углубляясь в другие детали, стоит отметить, что те функции, которые взяла на себя ВМК, выполнялись и раньше. В частности, Военно-историческим центром Вооруженных сил РФ, где имеется отдел по координации за организацией

ритуально-похоронного обеспечения в вооруженных силах. Но это государственная организация и все ее счета прозрачны и открыты.

В московских лабиринтах искать правду немыслимо. Впрочем, как и в наших «трясинах». Но в этой истории есть то, что лежит на поверхности. И мимо чего тоже невозможно пройти.

...Под занавес осени надгробные памятники ветеранам Великой Отечественной войны ООО «ВМК» установило в селе Небдино Корткеросского района. Загодя собрали документы у родственников. Для многих известие о том, что деревянные кресты заменят на мраморные обелиски, стало приятной неожиданностью. О таких памятниках здесь никто и не мечтал. Ведь «тянут» они почти на фантастическую для сельчан сумму – свыше 12 тысяч рублей.

Памятники привезли, установили. Но, по словам сотрудников сельской администрации, на душе осталась оскомина. Никто, кроме близких, и не знал, когда состоится такая замена. В стороне от этого остались не только администрация, но и совет ветеранов. Хотя можно было сделать все по-другому, по-человечески, по деревенскому обычаю. Собрать людей, ветеранов, вспомнить фронтовиков добрым словом, цветы на их могилу положить. А получилось мимоходом, слишком буднично, без души...

Справедливость по Шахову

В Пожеге к семье Шаховых отношение неоднозначное. В отцовском доме живут сейчас брат и сестра – Надежда и Василий. Но, по рассказам сельчан, родные люди так и не приноровились друг к другу, живут каждый сам по себе. Хотя об их отце Николае Васильевиче никто слова худого здесь не скажет. Был он мастеровитым, добрым человеком. Воевал на флоте, после войны до самой смерти (в 1993 году) жил в родном селе, троих детей поднял на ноги.

Можно понять изумление пожегодских жителей, когда одна из односельчанок, обходя кладбище, неожиданно обнаружила пропажу мраморного памятника с могилы Шахова. Все знали, что совсем недавно могилы двух односельчан – Мартюшева и Шахова – обновили. Перед этим приезжали в сельсовет представители из Сыктывкара, приглашали родственников умерших фронтовиков, просили собрать документы, чтобы установить на могилах новые памятники. В Пожегодский сельсовет входят больше десятка населенных пунктов. Десять семей согласились обменять кресты на мрамор. Еще пятеро отказались. Кто уже сам успел поставить, а кто не захотел ворошить могилу.

Надежда Николаевна Шахова дала согласие и собрала ворох документов. Но не поставила в известность об этом брата. О том, что на отцовской могиле стоит мраморный обелиск, Василий Николаевич узнал от людей.

Человек, поднявший руку на надгробный памятник, наверное, любому представляется неуравновешенным, озлобленным, страшным. Василий Николаевич Шахов оказался покладистым, даже несколько застенчивым. Говорил с нами ровно, спокойно, сдержанно. Показалось, что о случившемся он много думал.

По словам сына фронтовика, он три раза ходил на могилу отца в «обновленном варианте». Конечно, мраморный памятник смотрелся богато. Даже слишком богато в окружении деревянных крестов и жестяных столбов. В селе – все на виду, пересуды обойдут все уши. Не минули они и Василия. Многие сетовали, почему не поставили памятники тем фронтовикам, кто ушел из жизни раньше. Так было бы справедливее.

Еще Василия смутила неправильная дата на обелиске. Не понравилось и то, что надмогильный цветник был слишком короток: обычно холмики делают по росту почившего. И главное: разворошили, перемешали надмогильную землю. А ведь она отпета, намолена. Это священная земля.

Последнее, по признанию Василия Шахова, и переполнило чашу терпения. Он снял мемориальный памятник, отнес его за ограду кладбища, затем выровнял могилу, сделал такой, какой она была раньше. После этого приснился отец. Как всегда, заботливый, добрый. Случившееся на нем никак не отразилось. Сын воспринял это однозначно – он поступил правильно.

Не все потеряно

Из всего рассказанного напрашиваются выводы, которые звучат как вопросы. Почему Министерство обороны обошло стороной основной костяк ветеранов Великой Отечественной, умерших в 40-е, в 50-е, в 60-е, в 70-е, в 80-е годы? Неужели никто из принимавших приказ по достойному погребению защитников Отечества не подумал, каким шквалом обид и слез обернется благое дело? Кто теперь даст гарантию, что не вспыхнет «война» даже в самых тихих гаванях, какими остаются кладбища?

Похоже, высокое военное начальство это не смущает. Но в нашей республике избежать недоразумений и обид можно. Так же, как и последствий, подобных случившемуся в Пожеге. Это понимают и сотрудники обоих «мемориалов». На своей первой встрече они пришли к единому мнению: сфера, в которой они занимаются, как никакая другая требует чуткости, деликатности, осторожности.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
г. Сыктывкар – Корткеросский – Усть-Куломский районы
(«Дым Отечества», 2 ноября 2002 г.)

Остров любви

Деревня Тарачево не отмечена на большинстве из существующих карт. В ней прописаны лишь три человека. Правда, летом к ним присоединяются дачники из Объячево. Несмотря на малолюдность деревушки, о ней знают далеко за пределами Прилузья. В Тарачево есть своя достопримечательность. Она называется Остров любви.

Тарачево мы чуть было не проскочили. А проскочить совсем несложно. Мелькнул на обочине указатель с обозначением деревни, парочка крыш... И все. Снова лес кругом. Но даже за секунды взгляд успел зацепить то, что заставило возвратиться назад. Каменная изгородь. В длинный ряд сложены не просто камни, а настоящие валуны. Откуда они взялись здесь, на равнинной лесистой местности?

За валунами, в тени больших деревьев, прячется другая невидаль. На шестах хохочут лесные чудища. С постаментов вглядываются в лесную даль деревянные персонажи. «А там что? Сюда идите!» – с фотокором Георгием Лисецким перебегаем от одной диковинки к другой. Тут нас окликает молодой еще человек. Пред-

ставляется: «Сергей Хотемов». Хозяин рукотворного парка. И одновременно его создатель.

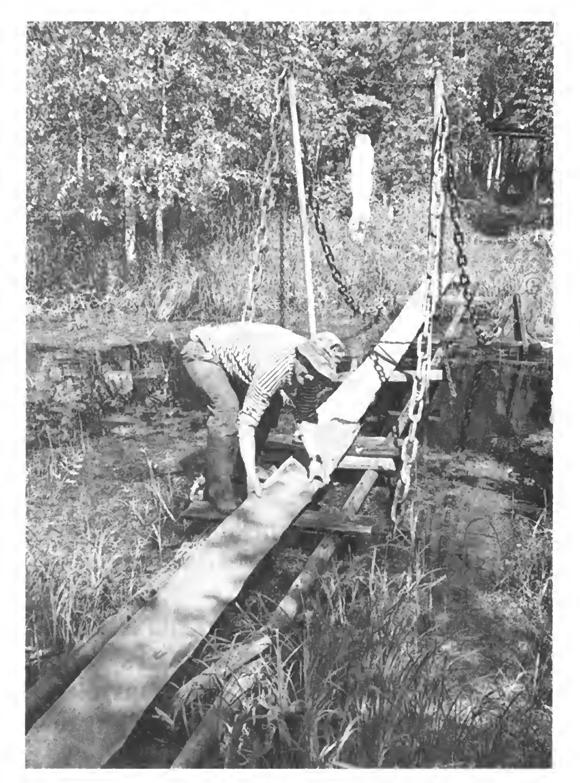
Перед приходом Сергея Васильевича мы как раз добрались до моста, перекинутого через чернеющий омут. Как и все здесь, мост тоже не простой. Железный, с толстыми морскими цепями. В конструкции не достает лишь главного – настила. Хозяин без слов понимает наше желание перебраться, посмотреть островок. Тут же притаскивает длинные, сучковатые доски, вылавливает из омута плавающие жердочки. Мост готов.

Если сказать, что мы пошли по острову, значит погрешить против истины. Остров так мал, что по нему не разгуляться. Постаралось и дождливое лето: островок покрыт водяными зеркальцами. Суши – всего пятачок. Но он столько вместил!

Беседка под островерхой аркой. Памятник Петру I. Вырезанные из дерева и жести и скрывающиеся в кущах огромных деревьев герои былин и сказок. Большой деревянный храм. Памятная плита, на которой выведено: «Граф Бевзушенко».

Плита с надписью – почти в самом центре острова. Она же, видимо, незримый стержень всех здешних творений. Одновременно и тайна, и разгадка того, как и почему в коми парме появился такой необычный уголок. «Остров любви», – уточняет название острова хозяин и наш гид. Его голос звучит значительно, показалось, даже торжественно.

В этой лесной глуши увидели мы и особый палисадничек возле дома, и необычный деревянный дом. Возле крыльца цветут ирисы. Цветочную зону окаймляют бордюры из цепей. Большая гора разноцветных камней – разобранный фонтан. Хозяин решил построить новый, более усовершенство-

Сергей Васильевич Хотемов.

ванный. В двух комнатах – множество репродукций картин старых мастеров. На видном месте – фотокарточки. «Это мой отец, – говорит Сергей, указывая на седовласого, красивого человека. – Василий Сергеевич Бевзушенко... Скоро десять лет, как его нет».

Человек предполагает, а Бог располагает... Думал ли, гадал ли человек с редкой украинской фамилией, что жизнь закинет его в деревушку, затерявшуюся в листве да в хвое, там и оставит навсегда. А потом его фамилия станет чем-то сродни легенде? Но стало именно так.

Василий Бевзушенко родился в Умани, на Украине. Места, где проходило его детство, черноземные, блаженные, злачные в прямом смысле слова. Про украинские земли говорят: воткни оглоблю – она зацветет. Надо было сильно постараться властям, чтобы здесь на много лет воцарился голод. Семья Бевзушенко перебивалась корочками. Впрочем, как и все соседи. В конце 30-х по Умани слух прошел, что самый хлебный город – Ленинград. Мол, хлеб там даже на улицах валяется. Старший Бевзушенко взял с собой сына Васю и уехал от бескормицы. Конечно, хлеб по берегам Невы не валялся. Но, устроившись на работу в какую-то контору, располагавшуюся в Исаакиевском соборе, он мог обеспечить подраставшего сына куском хлеба.

В 1941 году возвратились домой. На родине на смену голоду пришла война. Умань очутилась под оккупацией очень скоро. Быстро пришла в дом Бевзушенко и разнарядка: одному из сыновей ехать работать в Германию. Василий был старше. Он и вызвался отбыть в неволю. Было ему 17 лет.

Почти четыре года в лагерях, на шахтах, в каменоломнях... Он не любил вспоминать об этом. Сын Сергей запомнил, что отец не жаловал баню. Не то чтобы не любил, а как-то вздрагивал, пугался, когда его звали мыться. Бросал: «Намылся я в лагерях, напарился». Лишь однажды рассказал подросшему сыну, что после забоя их, черномазых, не отпускали на нары без душа. Душ всегда был холодный, обжигающий тело. Полагался и огрызок мыла, которым юные арбайтеры ни разу не воспользовались. Старались его спрятать, а затем продать. Есть хотелось так, что утолить голод сгодилось бы даже мыло.

Лагерные карточки Василия Бевзушенко.

Четыре года – это почти вся юность. Парнишкам хотелось не только есть, но и дурачиться, проказничать. Но самое главное желание – вдохнуть воли. Чтобы выбраться из-за колючей проволоки, они столько раз рисковали жизнью. Многие так и простились с ней. Однажды Василий с приятелем умудрились выбраться из лагеря, залезли под какой-то состав с оружием. И очутились на берегу... Мертвого моря. Заморыши, возникшие из-под железных сцеплений, произвели нешуточный переполох. Их там никто не понимал. Пока не нашли какого-то поляка, с помощью которого и была решена участь беглецов.

Германию сменила Бельгия. Потом – Франция. Здесь и освободили союзники. Передали советским войскам. Возвращение на родину. Снова, как и по дороге в Германию, небо в клеточку. Поместили в фильтрационный лагерь. Василий сумел как-то передать весточку домой. Отец тут же поспешил на выручку. Он знал верный способ, как задобрить любое начальство. Прихватил с собой большой штоф с самогоном, затолкал в баул домашнюю колбасу. Как в воду глядел. У лагерного начальства при виде богатых припасов аж дух захватило. Отпустили парнишку восвояси.

В Умани Василий устроился на моторемонтный завод. Женился. Но и после войны жизнь в этом благодатном краю не радовала. Украинцы целыми селами и районами вербовались в поисках заработков на Север. Так Василий Бевзушенко очутился в Коми.

На 50-60-е годы в нашей республике пришелся подъем лесной отрасли. Рождались лесные поселки, как никогда остро требовалась рабочая сила. Бевзушенко знал толк в технике. В его руках спорилось и любое плотницкое, столярное дело. Он успел поработать во многих поселках Прилузья: в Кыддзявидзе, Ношуле, Векшоре. Потом возвел в Тарачево домик-игрушечку, сам смастерил в нем всю мебель. «Привязала» к этому месту вторая жена Василиса Михайловна Хотемова, тарачевская жительница. Она и родила сына Сергея.

Трудно теперь узнать, чем, кроме работы и домашних забот, были наполнены дни и годы Василия Бевзушенко. Можно лишь гадать. Человек немногословный, он никогда не клял свою жизнь, не жаловался, ничего ни у кого не просил. Казалось, что и по своей родной Украине не скучает, смирился, свыкся с новым местом, с новой родиной. Двадцать пять лет... Столько времени не бывал в Умани.

И вдруг собрался. Поддался на уговоры сына Сергея, который очень хотел увидеть родину отца. Границ с Украиной тогда еще не было, отец с сыном без всяких хлопот доехали до Умани. Вышли на перрон. Василий Сергеевич стоит и озирается: «Вроде Умань, а вроде и нет. Откуда здесь столько домов? Раньше росли лишь деревья». Сергей смотрит на отца и посмеивается: «Так Умань это, пап, или другой город?»

Язык довел до городской окраины, на которой все еще стоял дом Бевзушенко. Сестра Василия Сергеевича прошла было мимо гостей. Пришлось брату окликнуть ее. Но даже после этого она отказывалась верить, что перед ней Васька. Лишь украинская мова растопила недоверие.

На следующий день Василий Сергеевич повел сына показывать самое красивое место Умани. Прекрасный парк Софиевка ничем не уступает знаменитым садам и паркам Петергофа. Уйма фонтанов, кущи экзотических деревьев, монплезиры, каньоны... Тут, посреди этого великолепия, и услышал Сережа о том, что владельцами Софиевки когда-то были Бевзушенки. Но тот дальний предок, с титулом графа, проигрался в карты. И продал свои права на владение этим чудесным уголком.

Еще не раз отец с сыном заглядывали в Софиевку. Поражались, восхищались. Правда, делали это про себя, молча. Лишь по глазам, выражению лица Сергей догадывался, как дорого отцу его прошлое, эта далекая солнечная сторона.

После возвращения в Коми и родилась идея создать свою Софиевку. Благо остров, со всех сторон окруженный водой, находился под боком, под самым домом. Василия Сергеевича замысел Сергея очень обрадовал. Дружно взялись за дело.

Заготовили лес для храма. Сделали большое распятье для царских врат. Из жести и дерева вырезали русалок, леших. Чтобы все было так же, как там, в Умани. В это время рядом с Тарачево начали строить дорогу. Откуда-то из земли дорожники вынули огромные красивые валуны, без которых любой парк не парк. «Сами пришли», – отшучивался Сергей на расспросы любопытствующих соседей, каким образом за одну ночь во дворе выросла гора камней. «Камень любви», «Камень смерти» – назвали земляных великанов, памятуя имена седых валунов из парка Софиевка.

Сергею никогда ничто не доставляло такого удовольствия, как обустройство клочка земли рядом с домом. Только теперь, по прошествии лет, понял: работа спорилась еще и потому, что приносила радость отцу.

Сколько они хотели сделать еще! Фонтаны, беседки, мостки... Не успели. С уходом из жизни Василия Сергеевича стало не до новых идей. «Сохранить бы то, что есть, – говорит Сергей Васильевич. – Стараюсь, но не всегда получается».

Железный мост без мосточков, как оказалось, это своеобразное ухищрение перед вандалами. Молодежь близлежащих сел и поселков сюда валом валит. Свадебные «поезда» тоже не проезжают мимо Тарачево. Остров любви прозвали даже Поляной невест. Ладно бы приходили свежим воздухом подышать, насладиться

рукотворной красотой. Но нет: бьют, ломают, мусорят. Вот и убрал Сергей мосточки. Как говорится, от греха подальше.

Вторая беда: деревянные конструкции и строения за прошедшие годы сильно обветшали. Вот-вот рухнет крыльцо деревянного храма. Достать пиломатериалы для Сергея – недосягаемая мечта. Он безработный. Лишь летом может покалымить в хозяйствах наезжающих сюда дачников. С женой Людмилой перебиваются как могут. Бросать же дом, подворье, остров не собираются.

Сергей Хотемов.

В администрации села Читаево, куда входит и Тарачево, Сергею ничего не обещают. Хотя он просит немногого. Утвердить его если не смотрителем, то хотя бы сторожем чудо-острова. Да немного помочь с материалами, чтобы подновить парк. Ведь он нужен не только ему.

Говорят, что мужчина за свою жизнь должен обязательно сделать три самых важных дела. Вырастить сына, построить дом, посадить деревья. В роду Бевзушенко этому следовали из века в век. Василий Сергеевич оставил после себя еще и остров. У его сына Сергея еще многое впереди. А одна из главных задач в жизни – этот остров сохранить. Остров любви. Остров Памяти.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
д.Тарачево, Прилузский район
(«Дым Отечества», 11 июля 2003 г.)

Быт и бытие семьи Быковых,

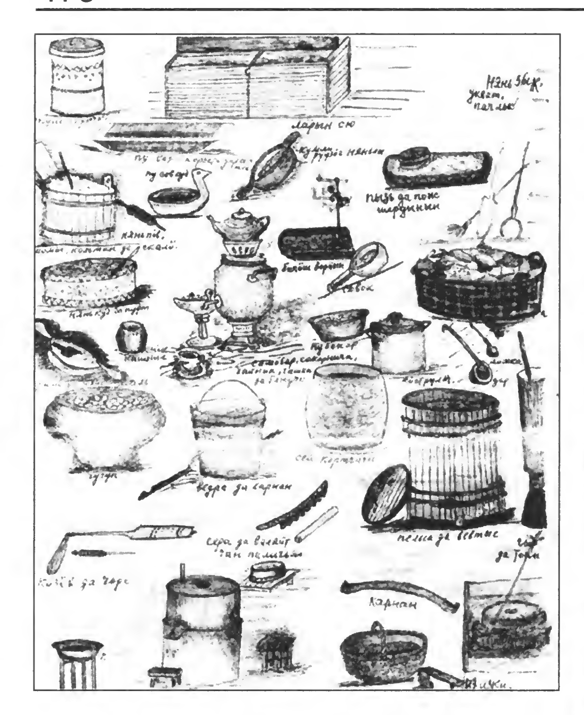
нарисованные Христиной Михайловной

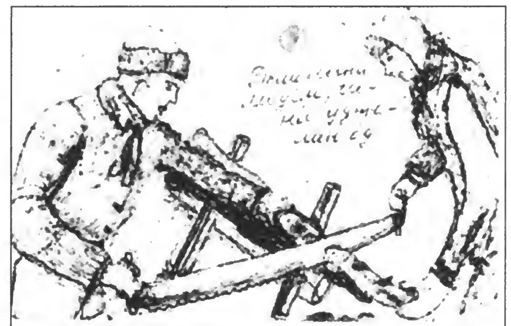
Перед вами удивительный, уникальный документ человеческой памяти. Это страницы из рукописной книги воспоминаний. Но они заполнены не привычными буквами и абзацами, а рисунками, картинами. Из кусочков, осколков, сюжетов, воскрешенных в памяти и переданных на бумаге, и сложились необыкновенные, проникновенные, этнографически выверенные мемуары. Иллюстрированная энциклопедия жизни крестьянской семьи Быковых, рассказанная их сестрой и дочкой, простой коми женщиной, бывшей учительницей, а ныне пенсионеркой Христиной Михайловной Быковой.

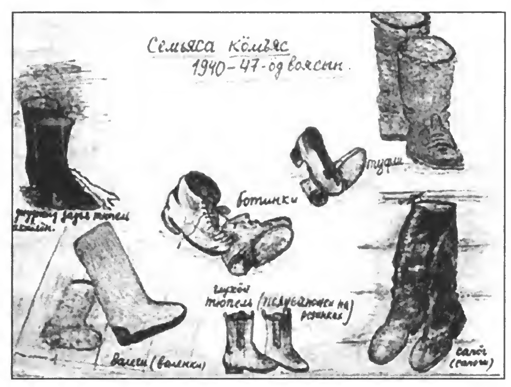

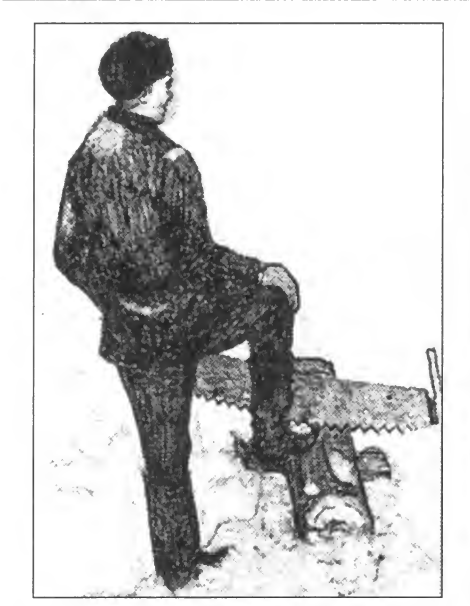

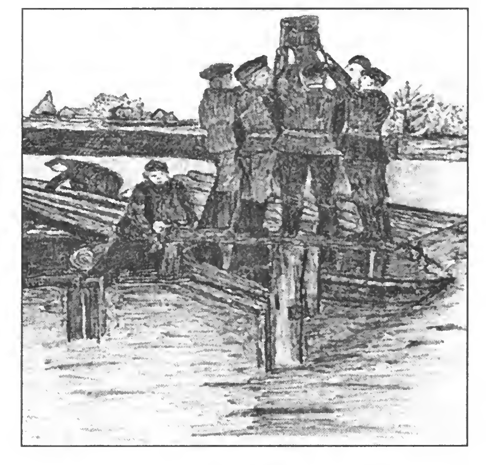

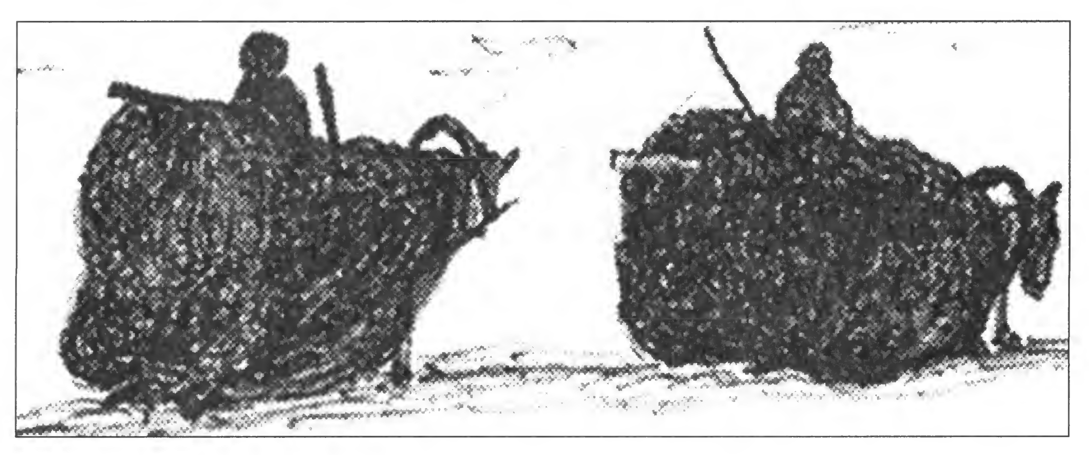

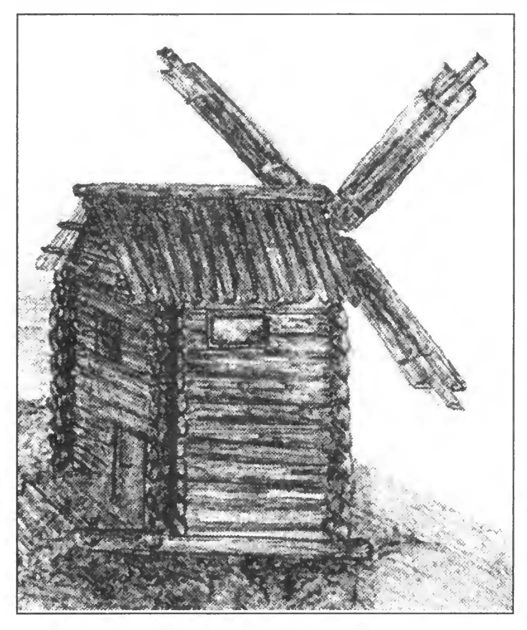

Семьяса кӧмъяс
1940–47-од воясын.
ботинки
туфли

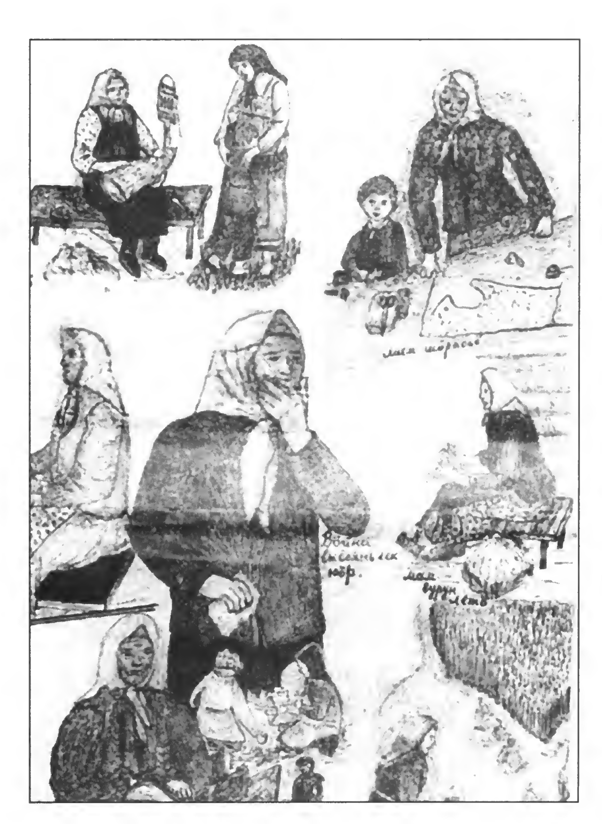

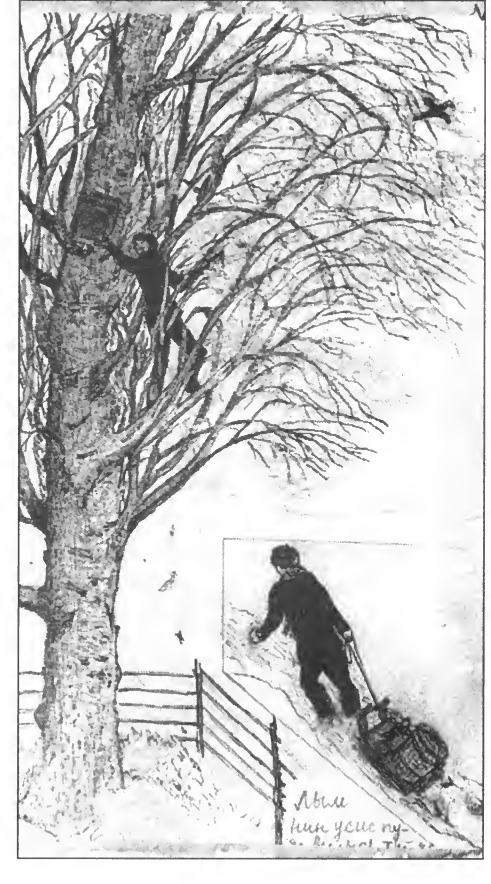

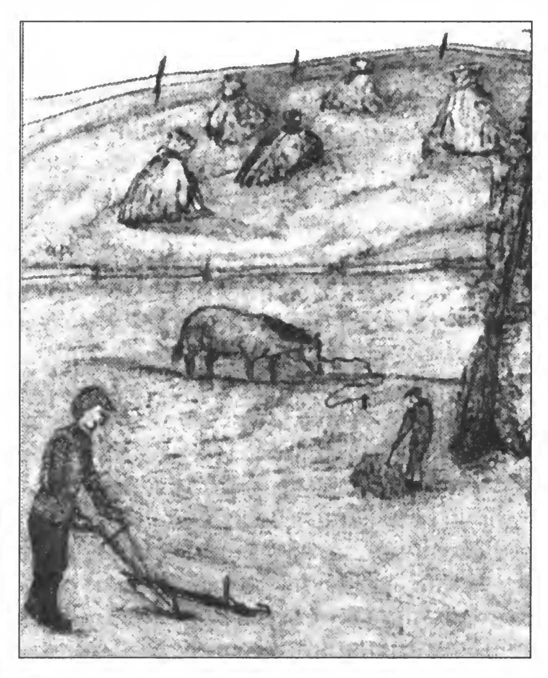

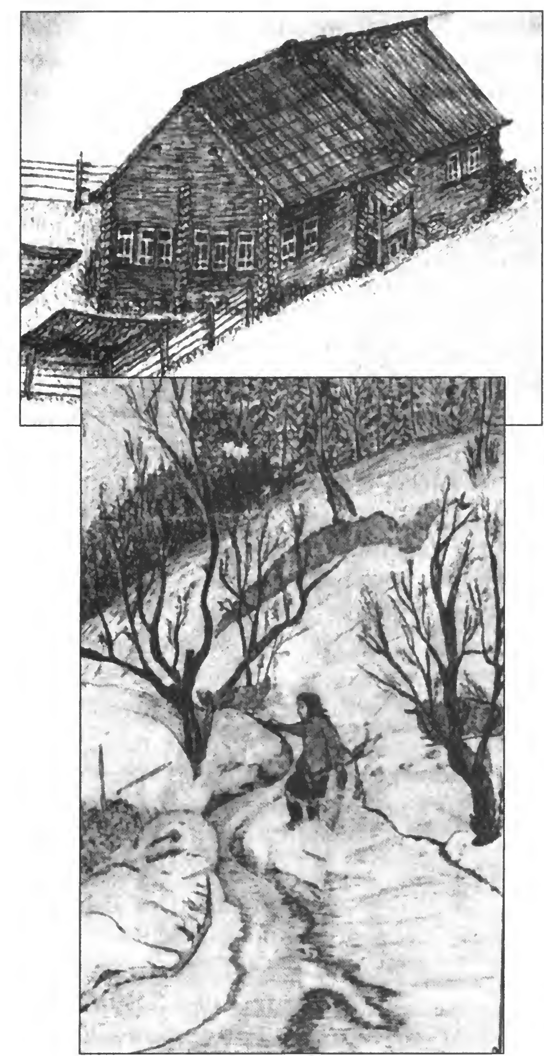

ык вок вочаисисны Август 1937 восын
Вадорысь. Ворыс

Лым
нин усис пу-

Сегодня, к сожалению, уже не спросишь у автора, как, когда, почему в толстом самоклейном альбоме появился ее первый рисунок: Христина Михайловна тяжело больна. Впрочем, едва перелистнешь несколько страниц необычной семейной летописи, вопросы сами собой отпадают. Каждый сюжет, запечатливший будь то просторный деревянный дом, нехитрые забавы деревенской детворы или ряды простой крестьянской утвари, пронизан любовью. Она водила карандашом и пером пожилой женщины. Смею предположить, что, взявшись рассказать историю своей жизни, она даже не предполагала, что из-под ее пальцев выпорхнет целая галерея картин.

Несколько поколений Быковых проживали в деревне Быков Ыб, что в Усть-Вымском районе. Здесь же родилась и Христина Михайловна. В общих тетрадях, исписанных ровным бисерным почерком, она подробно перечислила предков, чьи имена остались в памяти... В деталях, мелочах описала знакомый с детства крестьянский быт. Стержнем, ядром сельской жизни долгие столетия оставался труд. А душа и тело отдыхали на раскинувшемся вокруг приволье. Сердце то замирало, то таяло в долгие зимние вечера, когда сказки сменяли предания и былины.

Семья Быковых была рядовая, крестьянская. Но при этом имя матери Христины Михайловны – Ирины Федоровны, попало в различные справочники и энциклопедии. Это не случайно. Простая крестьянка в своей памяти сохранила множество народных песен и сказаний, внесла большую лепту в воссоздание и возрождение коми народного эпоса.

Быков Ыб – маленькая, отдаленная, глухая деревушка. В воспоминаниях и на картинах Христины Михайловны она пронизана каким-то особенным светом. В самом слове «ыб», что на коми языке означает «возвышенность», «простор», уже подразумевается свет. Светлые здесь и люди. Рядом с Христиной растут четверо братьев и сестра. На дворе – трудные 30-е годы. Поразительно, но при этом крестьянские дети живут большой мечтой – учиться, получить образование. Родители же, которым в колхозе не перепадает подчас и гроша, подкрепляют желание своих чад похвалой, добрым словом. Братья Христины едут учиться. Борис – на летчика, Саша – на учителя, Коля – на финансиста. Христина, как и еще 30(!) быковских ребят и девчат, становится учительницей. И учит детей в родной деревне до закрытия здесь школы.

Великая Отечественная война, отняв добрую половину мужиков, перегнула, переломила хребет Быков Ыба. С этого времени деревня, впрочем, как и тысячи таких же весей по всей России, так и не ожила, не воспряла.

Война не возвратила Христине Михайловне двух братьев. В ее альбоме есть удивительные рисунки. В них она пытается представить последний бой, в котором погибли Борис и Саша. Профессионал наверняка подметит немало погрешностей, недостатков в этих картинках из альбома. Но все недочеты меркнут, уходят в тень, когда ты знаешь, что эти картины подсмотрела у войны сестра погибших солдат. «Почему?», «Не верю», «Прощайте...» – как-то сами собой рождаются и названия к ним.

Все, кто перелистывал альбом Христины Михайловны Быковой, единодушны: он должен быть издан. Такой оригинальной книги в нашей республике еще не выходило. Художница из исчезнувшей деревушки Быков Ыб право на самобытность заслужила.

Анна СИВКОВА.
(«Дым Отечества», 18 октября 2003 г.)

В Германии хорошо, а в Тимшере лучше

«Видели, когда ехали к нам, какие боры до Тимшера тянутся? Не леса, а настоящий парк, – замечает Арнольд Данилович. – Краше этих мест нет нигде». В устах моего собеседника это не просто красивое словцо. Уж он-то видел мир. В Германии пожил, по шенгенской визе пол-Европы объехал. Даже обосновался было жить недалеко от Магдебурга. Но все блага и красоты мира пересилила тоска по «медвежьему» уголку под названием Тимшер. И он вернулся.

Редкий случай, чтобы наш земляк, выехав на постоянное жительство в Германию, возвратился обратно на Север. Стоит ли удивляться, что в Тимшере Арнольд Данилович Кирст стал сродни местной знаменитости. В этом мы убедились, подрулив к зданию Тимшерской администрации. Не успели выйти из машины, как нас обступили: «К Кирсту, небось, приехали?» Тут же объяснили, как его найти: «Зеленый дом увидите, а за ним еще один домик, тоже зелененький, совсем новый».

Арнольд Данилович Кирст в Германии...

Хозяин зеленого дома с новенькой летней кухней, похожей на игрушечку, встретил нас у калитки. Высокий, подтянутый, бодрый. Не поверишь, что за его плечами уже почти 84 года. Повел в дом. Кругом идеальная чистота. Божница в красном углу. Белоснежными полотенцами прикрыты банки со свежим молоком. Нас сразу же усадили пить кофе.

Хозяин уютного, гостеприимного дома, похоже, ничуть не удивлен нашему появлению. Слово за слово и становится понятно, что свой поступок он вовсе не считает «из ряда вон». Рассказывает, что поддался на уговоры сыновей. Правда, на эти уговоры ушло несколько лет. В конце концов решился. Но от той решительности сейчас одно сожаление. Разве мыслимо человеку начинать заново жить в преклонные годы? Да еще на чужой земле, в другой стране? «У меня тут мать похоронена, жена со старшим сыном лежат на тимшерс-

...и в Тимшере.

ком погосте. Как представил, что один буду вдали от них умирать, страшно стало. Тут, в Тимшере, все родное – природа, люди, кладбища. И, – Арнольд Данилович замолкает, подбирая точное слово, – все какое-то теплое».

Тимшер рождался и рос на глазах Арнольда Кирста. Поселок, расположенный в прекрасных живописных местах, стал в 30-е годы одним из мест заключения и ссылки людей разных национальностей. Семья Кирстов сюда попала в начале 40-х, уже пройдя через многие круги ада. С хутора под Киевом их выселили еще в 20-е годы. Кирсты перебрались в Житомир. Здесь перебивались с хлеба на воду. У евреев маленький Арнольд пилил дрова, полол огороды. Здесь же, в Житомире, ему удалось два года в школу походить.

Потом семью погрузили в зарешеченные вагоны и привезли на Беломорканал. Высадили на 24-м разъезде, не доезжая до Мурманска. Кругом болота. На кочковатых гребнях – полуразрушенные бараки.

Арнольду дали лошадь – возить дрова в бараки. Через год их семью перевели в спецпереселенческий поселок. Там застала Финская война. Послали на строительство оборонных объектов в Петрозаводск. Город бомбили. Но страшнее бомбежек были голод и холод. Долбили землю, таскали бревна на строительство казарм. Силы таяли. А полотняные портки и куцая тужурка не спасали от мороза. Арнольд убежал домой, в спецпоселок.

Обошлось без последствий. В спецпоселке к тому времени организовали колхоз. Сделался Кирсенок – так ласково называли Арнольда старшие – конюхом. Но в колхозе продержался недолго. Снова война. И снова отправили в Петрозаводск. Строить убежища, другие оборонные объекты.

Но спохватились, как же так, немец среди своих... И изолировали. Погрузили в теплушку. А в Котласе пересадили на баржу. Тут же он увиделся с родными. Вместе прибыли на край земли – в Тимшер.

Здесь семью Кирстов ждали самые страшные испытания. Словно по какому-то злому умыслу этот чудный сосновый беломошный край был опутан рядами колючей проволоки. С корабельными мачтами сосен соперничали вышки охранников да островерхие заборы многочисленных зон.

В 1942 году арестовали отца Арнольда и младшего брата Виктора. В чем заключалась вина невольников, день и ночь вкалывавших на лесоповале, Арнольд Данилович так и не узнал. Родных куда-то увезли. По слухам, в Верхний Чов. Там и расстреляли.

В 1943 году умерла мать. Сын с матерью в то время находились в разных лагпунктах. Арнольду дали два часа, чтобы он успел проститься с матерью. Женщину положили в гроб из неструганых досок. Как опускали мать в могилу – сын не дождался. У него истекало отпущенное время.

«Девятнадцать лет невольником был», – Арнольд Данилович подводит черту под самой трудной частью своей жизни. И скинув оцепенение, переходит к другой. Как нашел здесь свою половинку, тоже ссыльную немку. Трое сыновей родились. Его из лесорубов посадили на трактор. Руки, привыкшие к топору да к пиле, приноровились и к технике. Прошло время, сам мог собирать механизмы и даже трактора. Сжился с этим краем. Ведь близких нигде не осталось. А тут, считай, полжизни прошло.

Желание взрослых уже сыновей – Роберта и Гарри – перебраться жить в Германию стало для отца полной неожиданностью. Поначалу он принял это в штыки. Но на дворе стояло трудное время – середина 90-х. Лесорубы по полгода не получали зарплату. Роптали жены. Семьи перебивались с хлеба на картошку. В конце концов Арнольд Данилович дал себя уговорить.

Теперь он немного корит себя за эту слабость. Земля обетованная оказалась поначалу не такой уж и приветливой. Место, куда приехали русские немцы, Арнольд Данилович называет «фильтрационным лагерем». Здесь его долго расспрашивали о всех подзабытых корнях, выведали всю подноготную его собственной судьбы. Хорошо хоть, что не заставляли, как сыновей, учить немецкий. Язык родителей он помнил хорошо.

Большой семье Кирстов разрешили обосноваться в Германии. Сыновья привезли семьи. А отец затосковал. Кругом безукоризненная чистота, великолепные парки, газоны, цветники. Но чего-то важного не хватало. Арнольд Данилович об этом говорит: «Гуляешь по парку, смотришь, тропинки гравием обсыпаны. Да таким чистым, словно его только что помыли. Но зайти за газон нельзя. Там трава зеленеет. Другое дело в Тимшере – ходи, где вздумается. Летом без лукошка грибов или брусники не возвращаешься. А в Германии все за тебя предусмотрели. Иди в магазин, дары леса, в целлофан обернутые, лежат».

К такому сервису старики из России, наверное, никогда не привыкнут. Пока могут – все сами делают. А работа на грядках, походы в лес – нашим старикам сродни глотку воздуха.

На вынужденное безделье Арнольда Даниловича наложились и проблемы, с которым сталкивались сыновья. В первую очередь языковой барьер. Если старший Роберт научился изъясняться по-немецки, то младшему Гарри язык предков давался труднее. Сыновья уже сами деды. А таким в Германии работу подыскать очень трудно. Гарри до сих пор остается безработным. Хотя в Германии и безработным платят прилично, угнетают безделье, невостребованность. Шестеро внуков и правнуков теперь в Германии. Внукам удалось заиметь рабочие профессии. Но у них свои проблемы. Вблизи дома работы нет. Главное условие, с которым берут в другие фирмы, – наличие своей машины. Каждый день приходится преодолевать большие расстояния.

Русаков – так называет Арнольд Данилович немцев, приехавших жить из России, – в Германии очень много. «Их сразу узнаешь в любом городе, – говорит он. – Со многими разговаривал. Тех, кто всем доволен, мало, особенно среди пожилых. Единственное утешение для многих, что рядом дети и внуки».

Арнольд Данилович Кирст: «За северную глухую сторону!»

Но много и таких, кто уезжает. Недавно родственники написали, что более 400 немцев обратно возвратились в Свердловск. Квартиры у них были уже проданы. Но губернатор Россель пошел навстречу. Отвел участок земли. Теперь все заново отстроились. В Челябинск тоже возвращаются бывшие эмигранты.

Да что далеко ходить. В Тимшер недавно вернулся насовсем Максим Винокуров. Молодой тимшерец был женат на немке. Ее семья снялась с насиженных мест. И зять вместе со всеми. Но в Германии прожил недолго. «Не понравилось, – отвечает он на все расспросы. – Здесь лучше». Другие молодые тимшерцы, уехавшие в Германию, навещают родной поселок летом. Уже подсчитано, что от границ Германии до Тимшера ровно 40 часов езды на автомашине. Правда, многие предпочитают добираться сюда на поезде и автобусе. Но есть и лихачи. Один из них – внук тимшерских старожилов Клиншпонов. Рассказывают, что в последний раз он приехал на отличной машине со всякими никелированными прибамбасами. В первую же ночь весь никель с машины сняли. Но молодой человек с потерями смирился. Главное, что на родине побывал.

«Жаль, что столько людей уехало. Ведь сколько пользы бы от них в России было. Хорошо, что сейчас можно иметь двойное гражданство – российское и немецкое», – рассуждает Арнольд Данилович. Сам же, несмотря на возраст, показывает пример немецкого отношения к делу. Квартиру Кирстов после их отъезда в Германию заняла другая здешняя семья. Ее хозяйка Анастасия Александровна Паршукова осталась одна, муж умер. Решили жить с Арнольдом Даниловичем вместе. «Ладим, уважаем друг друга», – говорит Кирст. Без дела не сидят. На дворе трактор стоит. Под одной крышей – вереница сараев и хлевов. И в каждом – живность. Держат двух коров, телят, свиней. Про таких, наверное, и говорят: дом – полная чаша.

«А в Германию буду ездить на месяц-другой. Вишни в саду сыновей нарву. С внуками потолкую. Правнука Арнольда покачаю», – говорит, прощаясь, Арнольд Данилович. И добавляет: «А о том, что возвратился, совсем не жалею».

Анна СИВКОВА.

Усть-Куломский район

(«Дым Отечества», 31 октября 2003 г.)

Свое сердце актер Леонид Быков оставил в Инте

«Ими гордилась страна». Так называлась одна из рубрик «Дыма Отечества» прошлых лет. В ней мы рассказывали о наших земляках, чьи фотографии в разные годы появлялись на страницах центральной прессы. Эта тема не так давно получила неожиданное продолжение. Одна из читательниц нашей газеты принесла в редакцию экземпляр журнала «Работница» за 1972 год. Ее внимание привлек материал «Четыре тома благодарностей». Вот текст этой публикации.

В.М.Церен-Сон.

О.З.Дятковская.

«В северном городе Инте гостиница маленькая, а славе ее мог бы позавидовать иной столичный отель. Четыре объемистых книги отзывов полны признательности за ту заботливость, с которой встречает людей гостиница комбината «Интауголь» или, справедливее сказать, две ее хозяйки – В.М.Церен-Сон и О.З.Дятковская.

На улице морозище, метель, а в деревянном гостиничном домике тепло и уютно. Двери комнат выходят в зал с камином, здесь много зелени, ковры, картины. Посередине – огромный стол, где вечером гости собираются за чашкой чая.

«Мы много гуляем по белу свету, – пишет в книге отзывов актер театра имени Вахтангова В.Шалевич. – И найти дом, настоящий дом в его первозданном смысле, – это счастливая неожиданность».

Популярный киноактер Л.Быков шутливо просит хозяек гостиницы: «Убирая наши комнаты, пожалуйста, не раздавите наши сердца – они остались здесь».

«Спасибо за доброту, внимание, искренность», – пишут шахтеры Лашаков и Новиков из Воркуты.

А вот что написал московский профессор Б.Савельев: «Мне кажется, что Вера Михайловна и Ольга Захаровна могут служить всесоюзным эталоном для работников гостиниц».

Н.КУРОЧКИН.

г.Инта.

«Домик Халеева» в Инте.

Что это за гостиница? Сохранились ли те четыре тома благодарностей от постояльцев этого уютного гнездышка в Инте? Живы ли В.М.Церен-Сон и О.З.Дятковская, которым в благодарность гости северного города оставляли свои сердца?

На некоторые из этих вопросов помогла ответить постоянный автор «Дыма Отечества» краевед Любовь Малофеевская. Любовь Никитична много лет прожила в Инте, работала там директором краеведческого музея. Она сразу же узнала, о какой гостинице идет речь: «Это домик Халеева». Оказалось, интинцы до сих пор так называют гостиницу комбината «Интауголь». А своим появлением и именем она обязана полковнику Халееву, который возглавлял комбинат с 1944 по 1954 год и построил этот особняк для себя. Позже особняк был переоборудован под гостиницу.

Побывав недавно в Инте, Любовь Малофеевская попросила своих коллег из здешнего краеведческого музея узнать о судьбе четырех уникальных книг с автографами известных в стране людей. Увы, эти тома благодарностей не сохранились. Правда, одна книга отзывов и пожеланий в гостинице нашлась. Среди тех, чьи подписи значатся на пожелтевших от времени страницах, – писатель Алим Кешоков, актер Евгений Леонов, певец Вилли Токарев. В своей стихотворной благодарности побывавший в Инте доцент Пермского политехнического института В.Старцев упомянул и других знаменитостей – постояльцев «домика Халеева».

О сколько, сколько здесь поклонов...
И Ляля Черная, Леонов...
В.Бунчиков и В.Нечаев
Тепло, уют здесь отмечали...

К сожалению, завязать контакты с Верой Михайловной Церен-Сон и Ольгой Захаровной Дятковской не удалось. Пусть эта публикация станет для них маленьким новогодним сюрпризом, воскресит в памяти минувшие дни и людей, бесконечно им благодарных. Будем рады, если этот номер газеты попадет в руки бывших хозяек «домика Халеева» или их близких.

Анна НИКОЛАЕВА.

(«Дым Отечества», 26 декабря 2003 г.)

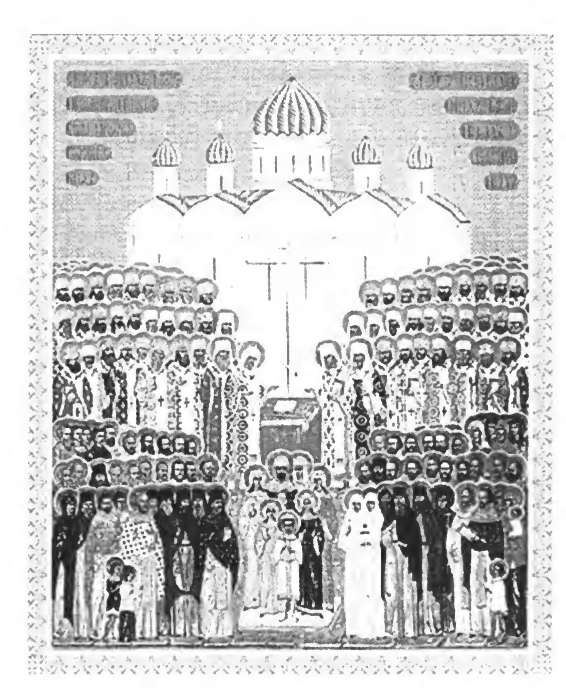
ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

На иконах и в жизни

Еще двое наших земляков, пострадавших в годы репрессий, причисленны Церковью к лику святых

В минувшее воскресенье в кафедральном соборе Сыктывкара прошла торжественная литургия по двум священнослужителям Коми края, причисленным в конце 2001 года Русской православной церковью к лику святых.

Екатерина Валентиновна Парнева живет в удорском селе Чупрово, работает библиотекарем. Каждое утро она начинает с просмотра свежих газет и журналов. На этот раз при знакомстве с прессой ее ожидало открытие. Одна из республиканских газет сообщала, что новомучеников и исповедников Коми края прибавилось. Священный Синод причислил к лику святых расстрелянных в 1937 году священников Михаила Ерогодского и Павла Малиновского. Екатерина Валентиновна удивляется сама себе: как в этот момент удалось совладать с обрушившимися волнениями. Ведь святой Михаил Ерогодский доводится ей близким родственником, родным братом бабушки Марии. Сколько себя помнила Екатерина, деда Мишу всегда окутывала тайна, пробиться через которую, казалось, было невозможно. И вот теперь он – святой.

Икона новомучеников и исповедников Российских.

Бабушкина девичья фамилия – Ерогодская – необычная, неместная, стала путеводной нитью в многолетнем поиске. В Удорском районе проживала лишь дочь расстрелянного батюшки – Елизавета. Всех многочисленных родственников после революции разметало по стране. По скупым рассказам бабушки и отца Екатерина знала, что Ерогодские

живут и под Ярославлем, и в Питере, и в Мурманске. Но все связи были «прочно» утеряны.

Однажды в какой-то газете она вычитала о человеке с родной фамилией. Отправила ему письмо. Получила ответ. Оказалось, родственники, хотя друг о друге никогда ничего не слышали. В другой раз зацепилась за фамилию женщины-секретаря участковой избирательной комиссии. Незнакомая Ерогодская жила в Емве. Екатерина Валентиновна отыскала ее адрес. Получила письмо. Интуиция не подвела: снова родственников нашла.

Михаил Ерогодский.

По рассказам уцелевших близких, корни Ерогодских – в Польше. Но Михаил Петрович уже родился на Удоре, в селе Важгорт в 1878 году. Псаломщиком здешней Воскресенской церкви служил его отец. И священники, и псаломщики были до революции сословием наследственным, дети перенимали и службу, и образ жизни родителей. Но Михаила Ерогодского в 1899 году взяли на военную службу. Прослужил он три года рядовым. Выйдя в запас, возвратился на родину, закончил духовное училище в Усть-Сысольске. Начал в храме отцу помогать. Еще год спустя получил благословение на ношение стихаря. И, как отец, стал псаломщиком.

В 1914 году рядовому запаса пришла повестка. Михаил Ерогодский едет на фронт, служит писарем в обозном батальоне. Вдали от родных мест и застает его известие о революции. После приезда домой он берется за привычное дело: помогает отцу вести службы, отпевать покойников, венчать новобрачных. А новая власть «точит зубы» на церковников. Подбирается исподволь. Михаила Ерогодского два раза отдают под суд за невыплату налогов. Год отбывает в тюрьме. После этого берут на заметку каждое невзначай брошенное слово. «Не заражайте детей коммунией», – говорит псаломщик кому-то из сельчан. И уже готово новое обвинение: «Проводит контрреволюционную агитацию».

Чашу терпения власть предержащих переполнили события 1937 года. В разгар лета, когда на пашнях уже налились соком колосья, налетел сильный град. Погиб весь урожай. Как это стихийное бедствие своей пастве мог объяснить человек в рясе? Конечно, лишь божьей карой, наказанием за людские грехи. Михаил Ерогодский добавлял к этому лишь то, что нельзя работать православному люду в дни больших праздников, почитать Бога надо. Последними стали эти слова.

Десятого августа 1937 года важгортского псаломщика арестовали. А уже 29-го его расстреляли.

На четыре года старше своего собрата по вере был другой пострадавший в

годы гонений священник, теперь святой – Павел Малиновский. Свою жизнь на этой земле он закончил тоже в недобром августе 1937 года: его расстреляли 23-го числа.

Священник Павел Малиновский с семьей.

Много схожего и в их судьбах. Павел Васильевич родился в северном селе Шелота. Малиновские – тоже потомственные священнослужители. Павлу повезло больше других: его назначали служить в бывший владычный град Коми края – в село Усть-Вымь. К XX столетию о былом величии городка уже почти ничто не напоминало. В Усть-Выми, как и во всех коми селах, народ крестьянствовал. Священнослужители – тоже. В семье Малиновских держали двух коров, лошадь, трех овец. Но вся живность, как и дом, и амбар, ушли в счет уплаты непомерных налогов.

Тучи над усть-вымским священником сгустились еще в 1921 году. Тогда он грудью встал на защиту церковного имущества, которое новые власти хотели изъять. Но силы были неравными. Храм опечатали, семью протоиерея пустили по миру.

Прибило к селу Ыб. Дети опального священника к тому времени были уже на своих хлебах, кто где: в Сыктывкаре, в Ленинграде, в Архангельске. Конечно, они догадывались, что их отца не оставят в покое, но помочь ничем не могли.

«Доброжелатели» не скупились на доносы. Мать умершего коммуниста за крестиком для сына сходила к попу. Сельские бабы просят священника провести службу в престольный праздник... Слово за слово – и дотянули до «смертной» статьи.

...Екатерина Валентиновна Парнева проплакала всю службу в кафедральном соборе. В конце литургии торжественно вынесли икону с ликами новомучеников. Она прижалась губами к теплой доске. На мгновение ожил дед Миша, как будто защекотала лицо племянницы его густая борода...

В прошедшем декабре точно так же на торжественной службе в кафедральном соборе на праздничной иконе с нимбом на голове внуки и правнуки увидели своего деда – расстрелянного священика Дмитрия Спасского. Мученическую смерть батюшка из Усть-Нема принял еще в 1918 году от рук «красного» бандита Мандельбаума. Родные всегда помнили и чтили своего деда. В начале 90-х годов стараниями двух родственников – Феликса Григорьевича Карманова и Юрия Алексеевича Спиридонова на месте гибели священника был установлен памятный крест.

После волнующих событий, связанных с причислением Дмитрия Спасского к лику святых, родственники решили заказать икону в его честь. Попросили написать ее Николая Мальцева. Николай Васильевич – художник-самоучка, много лет проработал учителем в Усть-Немской школе, глубоко верующий человек. Он и выполнил заказ. Родным святого икона пришлась по душе.

Теперь она уже освящена. А в конце февраля все сыктывкарские родственники Дмитрия Спасского собираются навестить село Усть-Нем. Они искренне желают видеть только что вышедшую из-под кисти фамильную икону в иконостасе Усть-Немского храма. Храм не так давно начал действовать вновь. А последним священником до его закрытия был здесь когда-то Дмитрий Спасский. Теперь – святой, небесный заступник этого края.

Вера ЮРЬЕВА.
(«Дым Отечества», 16 февраля 2002 г.)

Очарованный стариной

Николай Евгеньевич Ончуков.

3 марта 2002 года исполняется 130 лет со дня рождения известного русского фольклориста Николая Евгеньевича Ончукова. Он известен как открыватель и первый исследователь печорских былин – замечательных образцов устного народного творчества.

Родом Ончуков из вятичей. В вятском городе Сарапуль в купеческой семье он в 1872 году появился на свет. Сразу же после рождения окунулся в безбрежную стихию русской речи, сказок, прибауток. Но к исследованию их пришел окольными путями. Сначала закончил школу лекарских помощников в Казани. Затем несколько лет работал в Пермской губернии. В эти же годы стал печататься в местных и столичных газетах и журналах. Любознательного вятича приметили в Русском географическом обществе. Оно же в 1900 году снарядило Ончукова в экспедицию в Северное Приуралье.

Этот безбрежный край в то время был полон тайн и загадок. Николай Ончуков посетил Кожву, Вишеру, верховья Печоры. Наряду с

географическими особенностями этих мест молодой исследователь описывал быт и нравы местных жителей. По Вишере, как и по многим северным рекам, обитали староверы. Ончуков не обошел суровых бородачей, а вник в различия между группами, рассказал об их расхождениях.

Верхняя Печора, по которой пролегал маршрут путешествия, была малонаселенной. «Гаревка – 5 дворов, Собинцы – 5 дворов, Шайтановка – 3 двора...» – сообщал Ончуков. Завораживали открывавшиеся взору великолепные пейзажи. Выше Собинцев исследователь осмотрел карстовую пещеру, в которой находилось брошенное вогулами капище с огромным количеством черепов от принесенных в жертву животных.

«Печорская деревня не представляет ничего особенного, – писал он, – те же дома с поветями сзади, как на Колве и Вишере, те же наружные, иногда со старинной резьбой, крылечки... Полное отсутствие какой-нибудь планомерности в постройках и обилие собак в деревне: в доме, где я остановился, три собаки были привязаны под окном у амбарчика, да одна ходила на свободе. При моей попытке пройти по деревне, собаки подняли такой концерт, что оставшиеся домовничать старики и старухи до половины высовывались с крылечек и с удивлением на меня смотрели...»

За эту первую свою поездку в малоизученные края Николай Ончуков получил первую награду – малую серебряную медаль Русского географического общества.

В следующем, в 1901 году Ончукова вновь приманила к себе Печора. А все невзгоды, выпавшие на долю путешественника, с лихвой окупились открытием. Николаю Евгеньевичу удалось записать семь былин. По приезде на «материк», исследователь опубликовал былины в «Известиях отделения Русского языка и словесности императорской Академии наук». Успех печорской «старины» превзошел все ожидания. На следующий год Ончуков вновь собрался на Печору. А Географическое общество выделило средства специально для записей былин.

Исследователь знал, что самое свободное для печорских крестьян время – от Пасхи до Петрова дня. Мужики возвращаются с рыбных промыслов и охоты, а распутица делает непроходимыми и без того худые дороги. Все печорцы дома, молодые приглядываются друг к другу, сватаются, свадьбы играют. Вот где простор для этнографа, вот где рекой льется старина!

Ончуков как раз накануне Пасхи добрался до Усть-Цильмы. И принялся за работу. «Всю пасхальную неделю я записывал былины, и к концу ее, когда старинщики отчасти истощились, а отчасти поутомились, 21 апреля я выехал в селения на р.Пижме». Ончуков не только обходил печорские и пижемские деревни, но ездил с мужиками на промыслы. «...Условия работы на тонях крайне неблагоприятны, можно сказать, невозможны, – оставляет он «зарубки» для себя. – Записывал былины я, например, у костра между двух лодок: если сидеть близко у костра – тепло, но дым невозможно ест глаза; сесть от костра дальше, нет дыма, но руки коченеют от пронизывающего с океана ветра. Ветер рвет листы бумаги, валит чернильницу...»

Очарованный печорской стариной, путешественник «закрывает глаза» на эпическое наследие соседей устьцилемов – зырян-ижемцев. Ошибочно считает, что своей поэзии у них нет вовсе. Скорее всего, убеждения Ончукова вытекали из теории, выдвинутой еще в середине XIX века исследователем Печорского края

А.Шренком, утверждавшем об отсутствии эпической поэзии у зырян. К сожалению, такое мнение продержалось долго, почти целый век. И лишь во второй половине XX столетия ученые открыли богатство коми фольклора.

Впечатляют итоги лишь одной поездки Ончукова на Печору. За 1902 год им было записано от 25 сказителей 101 эпическое произведение. «Старинщики пользуются на Низовой Печоре уважением, – писал он. – Их считают особенно развитыми, наделенными какой-то особенной способностью, даром, которым, пожалуй, можно и гордиться. И фраза «О, он сказитель!» служит большой похвалой».

В 1904 году Николай Евгеньевич Ончуков за сборник «Печорские былины» был удостоен новой награды Географического общества – малой золотой медали.

А еще через несколько лет ему была присуждена высшая награда Географического общества – большая золотая медаль. Так оценили новую работу исследователя – сборник «Северные сказки», составленный по результатам поездок в Поморье, в Архангельскую и Олонецкую губернии.

В неспокойное революционное время путешественник на месте не усидел. Ездил по Чердынскому краю, Украине, преподавал в Перми, в Ленинграде, в Пензе. Но кипучая, плодотворная деятельность на благо великого русского языка наград и поощрений уже не удостаивалась. Более того, Ончуков был безвинно осужден. Умер Николай Евгеньевич в 1942 году в Пензе и лишь после смерти реабилитирован.

Владимир СИЛИН,
доцент пединститута.
(«Дым Отечества», 16 февраля 2002 г.)

Ставенки скрипнули, словно окликнули...

На прошлой неделе в Литературно-театральном музее им. Н.М. Дьяконова в Эжвинском районе Сыктывкара как-то очень тихо, почти незаметно прошло событие, значение которого трудно переоценить. Здесь почтили память Марии Степановны Дьяконовой. Замечательной женщины, актрисы, деятеля культуры. Еще преданной, верной, деятельной жены. Благодаря ее стараниям Эжва в 1989 году обзавелась своим единственным музеем, который носит имя писателя и драматурга Николая Михайловича Дьяконова, мужа Марии Степановны.

Не будь Марии Степановны, город-спутник столицы до сего дня, быть может, оставался бы без островка памяти, каким стал за эти годы литературно-театральный музей. Здесь все время многолюдно, проходят различные встречи, сменяют друг друга интереснейшие выставки. Скромный цокольный этаж обычной пятиэтажки стал одним из центров притяжения интеллектуалов Эжвы. Здесь очень тесно, не слишком удобно, негде по-настоящему развернуться. Но ведь могло не быть даже и этого крохотного музея!

Эжве несказанно повезло уже тогда, когда сюда в 70-е годы переехала жить из Сыктывкара чета Дьяконовых. На вечере памяти вспоминали, как сконфуженные супруги остановились перед типовой эжвинской пятиэтажкой по улице Менделеева, куда им предстояло вселиться. В донельзя скромные комнаты они с трудом втискивали габаритную мебель из своей бывшей квартиры. Знакомые Дьяконовых в один голос отговаривали их от неравноценного обмена. Как не отговаривать, если жили они в самом центре Сыктывкара, рядом с Домом печати, в престижной «хрущевке» с высоченными потолками. Не устроила супругов самая малость – неполадки с водоснабжением. А у них сынишка родился. Николай Михайлович просить и кланяться не хотел, не умел. Кто-то подсказал, что в Эжве можно устроиться с водой, вот и вывез туда свое семейство.

Мария Степановна Дьяконова.

К тому времени едва ли кто в республике мог «потягаться» с ним по признанию, авторитету. За свою знаменитую пьесу «Свадьба с приданым» Дьяконов был удостоен высшей в стране Государственной, тогда еще Сталинской премии. (Кстати, ни один писатель из нашей республики ни до ни после Николая Михайловича такой награды больше не удостаивался.) Он один был дважды награжден орденом «Знак Почета», удостаивался других высоких наград. После знаменитой постановки «Свадьбы с приданым» в 1950 году в московском Театре сатиры спектакль поставили десятки театров страны. По пьесе сняли фильм. Слава драматурга из Коми гремела на всю Россию.

Обратная сторона этого признания – дом в Сыктывкаре, построенный Дьяконовыми. Конечно, он не чета коттеджам нынешних сыктывкарских нуворишей. Но в то время деревянный дом под железной крышей впечатлял своими размерами. На его постройку ушла почти вся высокая премия драматурга. Он не жалел потраченных средств. Дом с утра до ночи был открыт для многочисленных друзей-литераторов, родных и знакомых. Обживая смолистые просторные стены, Дьяконовы и думать не могли, что уже вскоре от дома не останется и следа. По состоянию здоровья Николаю Михайловичу пришлось выехать в Ялту. Пока семья отсутствовала, кто-то поджег дом. Хозяевам после приезда восстановить его оказалось не под силу. Они подарили его Министерству культуры республики. Но оно недолго пользовалось домом драматурга. Его снесли. (Почти в одно время с памятным для многих сыктывкарцев домом Оплеснина, другими крепкими еще строениями в центре города.)

В конце концов у четы Дьяконовых осталась единственная собственность и недвижимость – маленький домик в деревушке Сейты под Сыктывкаром. Правда, «недвижимостью» застекленный сарайчик назвать трудно. Хотя бы потому, что он стоял на специальных полозьях и по желанию хозяев мог кочевать по деревне, от берега реки к родительскому дому Марии Степановны. Родина жены стала для Николая Дьяконова отдушиной от всевозможных передряг, выпавших на его долю. Здесь он оставался с ранней весны до поздней осени. Отдыхал, мастерил берестяные безделушки, писал. Правда, уже с конца 50-х годов звезда драматурга стала затухать. Его пьесы все реже гостили на театральных подмостках. Быть может, они уже и не дотягивали до уровня «Свадьбы с приданым». Но, по словам знающих драматурга людей, причина, скорее всего, крылась в нем самом, в его неуступчивом, гордом характере.

Трудно сказать, чем мог обернуться для драматурга такой зигзаг судьбы. Чего скрывать, одно время он крепко пристрастился к горькому зелью. Очутился почти у края обрыва. И в этот раз, как и много раз до и после, Николая Михайловича спасала жена.

Она боготворила, любила его, жила ради него и их единственного сына Павла. Николай Дьяконов и Мария Елфимова встретились уже зрелыми людьми. За ее плечами была огромная жизнь с печалями и радостями. Девчонка из большой крестьянской семьи сумела выучиться на актрису, закончить ГИТИС. Вышла замуж за актера. Родила ребенка. Муж умер трагически: замерз, возвращаясь с гастролей. Несколько месяцев спустя она похоронила и своего первенца. На сцене оставалась недолго, перешла работать в радиокомитет, потом в Министерстве культуры трудилась. Но вся деятельность Марии Степановны как бы уходила в тень перед заботами о семье, о муже.

После его смерти в 1982 году Мария Степановна принялась хлопотать об открытии в Эжве музея. Не счесть, сколько порогов обила, сколько ходатайств составила. В отличие от многих просителей и ходоков от нее не отмахивались. Милая темноглазая женщина к каждому умела найти подход. Ее даже немножко побаивались: за брошенное на ветер слово или «дырявую» память она могла и отчитать. Всех покоряла и ее безукоризненно правильная, красивая речь.

Самый большой подарок для себя Мария Степановна сделала сама. Им стал музей имени мужа. Она не просто добивалась этого названия, а сделала все, чтобы музей стал мостиком между театром и литературой. Сама передала сюда около 600 экспонатов. После открытия музея на протяжении пяти с лишним лет она оставалась его ангелом-хранителем. Не проходило года, чтобы здесь не отмечали день памяти Николая Михайловича. Для почитателей драматурга вдова всегда накрывала стол с домашними разносолами. В кругу близких людей делилась, что вот бы еще достойный памятник на могиле Николая Михайловича поставить…

Сделать это так и не успела. Скончалась в 1995 году.

Вечер памяти Марии Степановны Дьяконовой получился на редкость трогательным. Особую душевность ему придали песни в исполнении эжвинского хора ветеранов. «Ставенки скрипнули, словно окликнули, где ж ты, родной…» Слова песни сами собой напрашивались в эпиграф вечера. Хотя его проведение и даже оформление небольшой выставки, рассказывающей о Марии Степановне, до последних дней стояли под вопросом. Никаких средств на проведение подобных этому мероприятий в музеях не предусмотрено. Эжвинские музейщики выход нашли по прин-

ципу «голь на выдумку хитра». С недавних пор один из музейных закутков занимает магазин, который кроме арендной платы ежемесячно отчисляет тысячу рублей на благотворительность. Эти крохи тратятся по прямому назначению. Идут на то, чтобы сохранить память о людях, которым многим обязана наша культура.

Анна СИВКОВА.

(«Дым Отечества», 20 апреля 2002 г.)

Вячеслав Малышев – усть-сысольский гимназист

В конце 2002 года исполнилось 100 лет со дня рождения нашего выдающегося земляка Вячеслава Александровича Малышева, министра тяжелого машиностроения СССР, единственного выходца из Коми края, похороненного у Кремлевской стены.

Юбилей – прекрасный повод вспомнить человека, сделанное им. Вячеслав Малышев заслужил эту память. За короткую жизнь успел сделать столько, сколько с лихвой хватило бы на несколько жизней.

Вячеславу Александровичу посвящена книга в серии «Жизнь замечательных людей». Но вызывает сожаление то, что в Коми никто не занимается его биографией. А тут непаханое поле для деятельности. Многие факты, связанные с усть-сысольским детством Малышева, вообще не соответствуют действительности.

Учащиеся Усть-Сысольской мужской гимназии. 1916 г. Второй слева в третьем ряду предположительно В.Малышев.

Так, в одной из юбилейных публикаций я прочитала, что Усть-Сысольск будущий нарком покинул в раннем детстве. Это утверждение легко опровергает эта фотография. Под снимком значится – 1916 год. Здесь запечатлены учащиеся усть-сысольской мужской гимназии. Второй слева в третьем ряду – гимназист Вячеслав Малышев.

Эту фотографию передала мне в Петербурге дочь одного из запечатленных на снимке гимназистов Людмила Владимировна Петроканская. Мальчик в белой косоворотке, рядом с Малышевым, Владимир Петроканский, ее отец. А по левую руку от Малышева стоит еще один известный в будущем человек – Владимир Старовский, выросший до начальника ЦСУ СССР.

Троица мальчиков, по воспоминаниям Людмилы Владимировны, была неразлучной не только во время учебы. Они встречались и став взрослыми, собирались вместе в Москве. Зачинщиком этих «мальчишников» чаще всего был загруженный донельзя работой Вячеслав Малышев. На этих встречах нарком с неизменной теплотой вспоминал родной край, живо интересовался судьбой своих товарищей по гимназии.

Анна МАЛЫХИНА,
краевед.
г. Сыктывкар
(«Дым Отечества», 25 января 2003 г.)

Звенящая лестница

Семьдесят один год назад, 20 мая 1932 года, по постановлению Президиума Коми облисполкома «О ликвидации молитвенного здания, так называемого Троицкого собора» был закрыт, а в 1938 году разрушен один из интереснейших архитектурных ансамблей Усть-Сысольска.

Церковь Живоначальной Троицы впервые упоминается в Усть-Сысольске в 1746 году. Это же название носил и приход. Однако Троицкая церковь не самая первая в погосте на Сысоле. Первое упоминание о храме на Усть-Сысоле относится к 1586 году. Уже тогда здесь стояла церковь во имя святого великомученика Георгия, перестроенная в 1662 году по просьбе прихожан Троицкого прихода в новую деревянную церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. К 1740 году стараниями купцов Сухановых ее перестроили, на сей раз в теплую каменную. Она имела два придела – во имя пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна и великомученика Георгия.

Деревянная Троицкая церковь со временем обветшала, и в 1753 году было принято решение заменить ее на каменный соборный храм, который освятили в 1768 году. Храм имел престол Живоначальной Троицы и два придела: святых верховных апостолов Петра и Павла по правую руку и трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста – по левую.

В восьмидесятые годы XVIII века была также заменена на каменную и деревянная колокольня собора. Она стала самым высоким в то время строением в городе.

Так, перестраиваясь и дополняясь в течение двух веков, образовался комплекс Усть-Сысольского Троицкого собора.

Купола его были видны приезжающим в город по реке Сысоле издали, а колокольный звон разливался по всему городу. Именно этот звон возвестил о рожде-

Ансамбль Троицкого собора в Усть-Сысольске.

нии в 1780 году нового города Усть-Сысольска. В стенах Троицкого собора с 1822 года размещалось первое в уезде духовно-приходское училище. В нем в шестидесятые годы XIX века преподавал И.А.Куратов.

Из-за того, что соборный комплекс располагался на мягком грунте прибрежной полосы, к середине XIX века стены зданий потрескались, храмы понемногу стали сползать вниз к реке. Прихожане их ремонтировали, укрепляли путем забивания свай и берег. Одной из причин закрытия собора в 1932 году как раз и значилось аварийное состояние зданий.

Сегодня на месте величественного Троицкого собора раскинулся Кировский парк. Спускаясь в парк по улице Орджоникидзе, остановимся на минутку на ступеньках парковой лестницы. Прислушаемся к колокольному перезвону из прошлых веков и представим перед глазами открытые настежь ворота Покровской церкви. Ворота выходили прямо на нынешнюю улицу Орджоникидзе, носившую до 1918 года название Покровской.

Ирина БУКИНА,
заведующая отделом публикаций Национального архива РК.
(«Дым Отечества», 20 сентября 2003 г.)

И милость к падшим проявлять...

Сегодня многие наши сограждане не без основания бьют тревогу по поводу падения нравственности. Между тем еще в 40-е годы XIX века царское правительство России обращало особое внимание на проблемы нравственности и, в частности, на искоренение проституции. Эта проблема не миновала и Коми край.

Случаи «купли-продажи женского тела, имевшие место при кабаках, корчмах, банях», жестоко карались. В XVI и XVII веках публичных девок и сводню наказывали кнутами на площадях. Но несмотря ни на какие кары, проституцию искоренить не удалось.

Приток в Россию иностранцев повлек за собой расширение тайных домов наподобие западных борделей. В конце XVII века на окраинах Петербурга были специальные кварталы для таких тайных встреч, в организацию которых большую лепту внесли приехавшие в город на Неве немки и голландки.

Противодействовать расширению проституции были призваны учрежденные в 1843 году в Москве и Петербурге врачебно-полицейские комитеты. В других российских городах надзор за проституцией возлагался на местную полицию. Женщинам легкого поведения предписывалось проходить медицинское освидетельствование у городских врачей. Врачебно-полицейские комитеты появились в губернских и даже уездных городах. В их состав вошли полицейские чины, доктора, депутаты и делопроизводители.

Основной задачей этих комитетов был розыск и привлечение к ответственности так называемых тайных проституток, содержателей притонов, а также всех, кто способствовал разврату. После выявления женщин легкого поведения предписывалось отдавать их на поруки, а беременных, больных и несовершеннолетних устраивать в больницы и дома призрения.

В документах XIX века особый упор делается на предотвращение распространения венерических, или, как тогда называли, прилипчивых заболеваний. Бить в набат требовало чрезвычайное положение. Распространение сифилиса докатилось до отдаленных северных окраин. Так, врачебное отделение Вологодского губернского правления в октябре 1876 года распространило по уездам циркуляр, в котором прямо говорилось о повсеместном «развитии сифилиса, обратившегося во многих местностях уже в наследственную болезнь».

Проституция не обошла стороной и захолустный Усть-Сысольск. В декабре 1881 года уездный земский врач Доброхотов обратился в полицейское управление с просьбой предоставить сведения о женщинах легкого поведения, коих ему требовалось взять на медицинский учет. Вскоре такой список был предоставлен.

В небольшом Усть-Сысольске с населением чуть больше четырех тысяч человек в это время насчитывалось 15 проституток. Для сравнения: в губернском цен-

тре Вологде «ночных бабочек» было 35. Из полутора десятков женщин легкого поведения лишь две значились как мещанки, уроженки Усть-Сысольска. Остальные в уездный центр приехали из разных волостей, в том числе из Яренского уезда.

Кстати, в целом по России в то время 40-50 процентов жриц любви составляли деревенские девушки, съезжавшиеся в губернские города и столицы в поисках куска хлеба, но вынужденные пойти на панель. Возраст этих женщин колебался от 20 до 34 лет. По подсчетам русского доктора Т.Е.Обозненко, около 40 процентов женщин шли на панель из-за нужды, 18 – делали это по собственному желанию, а полпроцента занимались проституцией по принуждению. Еще одна любопытная цифра, характеризующая конец XIX века: около четырех процентов жриц любви в России составляли женщины дворянского происхождения.

Вернемся к Усть-Сысольску. Две из 15 падших женщин имели детей. У других дети умерли. Три из них болели сифилисом и прошли лечение в больнице. Треть женщин проживала в слободе Кируль. «В доме солдата Чисталева», «у мещанской вдовы Меланьи Посниковой» – квартирные адреса некоторых из них.

Пелагея И. была родом из крестьянской семьи Богородской волости (ныне Корткеросский район). Три ее сестры вышли замуж, создали семьи. У нее же что-то не заладилось в семейной жизни. Один за другим умерли двое детей. С 17 лет пошла по рукам. В описываемое время она квартировала у крестьянина Семена Куратова и зарабатывала на жизнь древнейшим на земле ремеслом. Добавлю, что посещение одинокой проститутки, живущей на квартире, обходилось клиенту в 30-50 копеек.

В слободе Кируль, в доме мещанской девицы Елены Шляпниковой, квартировали сразу три проститутки. Одна из них, Авдотья П., имела самый большой «послужной» список в Усть-Сысольске – своим ремеслом занималась 18 лет. К описываемому времени ей было 33 года, значит, на панель пошла с 15 лет. Родилась она в Сереговской волости, но родных лишилась, умерла и ее единственная дочь Анна.

А вот у выльгортской крестьянской дочери Натальи С. на иждивении находилось двое детей – четырех лет и годовалый. Квартиру она снимала в том же доме, что и Авдотья П. Так же как и товарка, с 15 лет стала зарабатывать на жизнь продажей своего тела. Родных у нее не было.

В официальных бумагах XIX века многократно подчеркивалось, что по отношению к падшим женщинам должны главенствовать не полицейская, а «санитарная часть». Власти не рекомендовали сводить все меры к полицейскому надзору, так как это могло привести к усилению тайной проституции. Строго запрещалось проводить облавы на проституток, а обходиться с ними требовалось по-человечески, осторожно, так как среди них «много несчастных, случайно падших».

Николай СУРКОВ,
доцент пединститута.
(«Дым Отечества», 22 ноября 2003 г.)

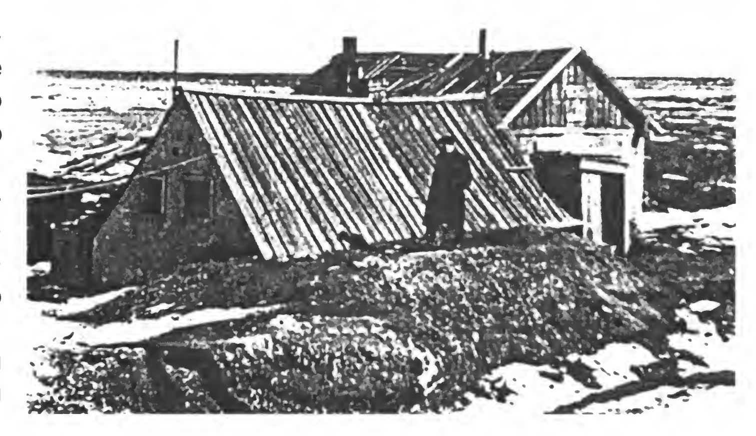
ТОЧКА НА КАРТЕ

Так начиналась Инта

25 ноября 2002 года Инта отметит свое 60-летие. Нынешний юбилей приполярного города пришелся на непростое время. Многочисленные трудности и проблемы, обрушившиеся на шахтерский городок, поставили вопрос о будущем Инты. Впрочем, город этот знавал и куда более тяжелые времена. Чтобы понять это, стоит оглянуться назад. И даже не в 60-летнюю даль, а чуть-чуть подальше. Ведь шесть десятков лет назад Инта уже была рабочим поселком. А за десять лет до этого на месте будущего города свила гнездо первая гулаговская командировка. Если вести отсчет биографии Инты с этого времени – ей уже будет чуть больше 70-ти. Уникальные материалы о первостроителях Инты, первых шагах на пути к подземных кладовым сурового Севера сегодня собраны воедино. Автор этого интересного исследования Любовь Малофеевская для интинцев в представлениях не нуждается. Она много лет прожила в этом городе, работала в комсомоле, в школах, возглавляла краеведческий музей. Сейчас Любовь Никитична живет в Сыктывкаре.

«До сих пор в Инте бытует мнение, будто первая постоянная геолого-разведочная организация – «бурколонна» – прибыла на реку Большая Инта **в конце лета 1931 г.** Документы из архива говорят о другом. 17 мая в перспективном плане геолого-разведочных работ Усинской группы в сезон 1931 г. впервые были заложены работы по реке Большая Инта: а) определение места для структурных скважин в целях связи месторождения с районом Кожыма; б) разведка легкими горными выработками по простиранию пластов к югу от реки Большая Инта. До глубокой осени Усинскому отделению не удалось не только приступить к реализации намеченных планов, но даже снарядить для этого геологическую партию. И только 26-28 сентября, когда в Адзьвавом приехал начальник Ухтпечлага Я.М.Мороз, на совещании «О ходе реализации программы 1931 г.», проведенном им, было решено: «Предложить производственно-технической части немедленно организовать геолого-разведочную партию на реку Большая Инта».

В конце октября небольшая партия заключенных с одним охранником тоже из зеков из Адзьвавома этапом вышла на реку Большая Инта. Необходимое продовольствие на зиму, инструменты и простейшее оборудование взяли с собой. Если

учесть груз, зимнее бездорожье и расстояние до Инты по рекам, то прибыли они на место где-то к концу ноября».

«История не сохранила подробностей о первой партии первостроителей. Известен только один человек, заключенный Василий Николаевич Нашивочников, горный техник по образованию, участник первого отряда на Усу, а позднее, **в августе 1931 г.**, – на Нечу, человек с пытливым умом и творческой жилкой. Это он в условиях отсутствия всякого транспорта предложил идею сплава леса вверх по течению реки Усы и претворил ее в жизнь. А на Нече без гвоздей и досок крыли крыши немудреного жилища из полотен бересты, тоже по его предложению. Этот способ применялся и в Инте».

«Перезимовав в чуме, с наступлением теплых дней первые интинцы пытались врыться в землю. Стали строить жилье, как и повсеместно в Усинском отделении, земляночного типа. Так на берегу реки Большая Инта при впадении в нее ручья Угольного возникла командировка Большая Инта Усинского отделения Ухтпечлага».

«Согласно документам дислокации лагнаселения на **1 октября 1932 г.**, командировка Большая Инта впервые указана в перечне населенных пунктов Усинского угольного района среди восьми геолого-разведочных партий. Здесь числилось 30 заключенных при одном охраннике-зеке и одном вольнонаемном руководителе работ. Это начальник партии Виктор Григорьевич Петров, гидрогеолог по специальности. Он приехал из Елецкой партии для укрепления кадров Усинского отделения».

«Разведка **1932 года** обнаружила два новых пласта на реке Большая Инта. Хорошие показатели качества интинского угля заставили усилить разведку при помощи механического бурения. В 1932 году значительно продвинулось изучение геологического строения как отдельных месторождений, так и всего Усинского бассейна».

«Механическое бурение на Большой Инте ведется с **января 1933 года** одним станком «Крелиус». Но и оно поставило в условиях полярной зимы две проблемы:

создание достаточно утепленной вышки и снабжение скважины водой для промывки. Первая проблема была разрешена постройкой вышки, состоявшей из легкого каркаса, с закладкой пролетов между каркасными стройками щитами из двух слоев тонких досок, имеющих внутреннюю прокладку из опилок или смеси глины с песком. Все это скреплялось болтами, а в дальнейшем было усовершенствовано и скреплялось деревянными шпонками. Сама вышка представляла треногу, причем ноги состояли из длинных бревен или сращивались из отдельных кусков. Эти вышки позволяли быстро разбирать их, перевозить с места на место и начинать новую установку. Операция переноса буровой на расстояние 1-1,5 километра занимала двое суток перехода, в некоторых случаях до 20-26 часов».

«Работы **1933 года** дали такие результаты. Разведанная мощность угленосной толщи – 370 метров, из общей предлагаемой мощности – 850 метров. В разведанной толще встречено девять пластов, из них семь пластов рабочих».

«Валенки в большинстве своем были присланы маломерки, армейские ботинки столь низкого качества, что средняя продолжительность их носки составляла 10 дней, а такие крайне необходимые предметы в условиях Приполярья, как полушубки, плащи, совершенно не присылались. Снабжение продовольствием заключенных не соответствовало даже самым минимальным требованиям».

«**1937 год.** Недостаток и плохое качество горючего для моторов. В результате 40 процентов метража пройдено ручным бурением, а механическое бурение шло с большими перебоями. Завезенный в навигацию 1936 г. запас нефти был полностью исчерпан к апрелю. Хранение нефти в земляном амбаре, наспех вырытом на берегу реки Косью, значительно засорило нефть и вызывало перебои работы мотора на бурении скважины К-14. С апреля по июнь бурение шло исключительно вручную. В июле удалось забросить на Инту солярное масло и мазут. В ноябре запас горючего стал подходить к концу и использовался только для бурения глубокой скважины, второй станок был переведен на ручное бурение».

«Обращает на себя внимание ничтожный расход горючего для освещения буровых. Керосина израсходовано всего 134 кг за весь год. Фактически буровые освещались самодельными карбидовыми фонарями, а по недостатку карбида кальция работали без освещения».

«Чрезвычайно характерный факт: скорость бурения вручную оказалась почти на 40 процентов выше скорости механического бурения. Это лишний раз подчеркивает полную необеспеченность материальной базы бурения, а во-вторых, свидетельствует об исключительной добросовестности буровиков Инты. Особо выдающимися работниками на отдельных буровых являются стахановцы сменные мастера з/к Щедрин и Труспалов, давшие проходку за отдельные смены до 200 процентов нормы, бурмастер Данилов и старший бурмастер з/к Михайлов, весьма опытные и энергичные руководители бурения. Большую помощь буровикам оказала кустарная мехмастерская командировки, организованная и фактически ведущая одним механиком з/к Крупским».

«В **1937 году** произошла реорганизация. Ухтпечлаг стал именоваться Управлением Ухто-Печорскими лагерями. Геологоразведочная командировка Большая Инта, население которой на 11 августа составило 162 человека, вошла в состав Воркутинского районного лагеря».

«Несмотря на малочисленность лагнаселения Инты, и его не обошел грозный приказ № 266 Я.М.Мороза «О зонировании лагподразделений и усилении режима в

борьбе с побегами заключенных». На крутом берегу реки Большая Инта был создан лагпункт с охранной зоной 250х100 метров и 700 погонных метров по периметру колючей проволоки с четырьмя охранными вышками, общей стоимостью 1717 руб.».

«**1938 год.** На реке Большая Инта разведано десять угольных пластов мощностью от 0,8 до 2,5 метра. Геологические запасы угля определяются в 290-300 млн. тонн. Пока на Инте ведется только разведка, так как вывоз угля и доставка грузов сопряжены с большими трудностями».

«Основной фигурой на командировке был геолог, – вспоминает А.А.Невский. – В первые годы моего пребывания на Инте геологом был заключенный Федор Антонович Крачино. Крачино, белорус по национальности, сидел в лагере по оригинальной статье – «ПШ» (подозрение в шпионаже). Он относился к своим обязанностям чрезвычайно щепетильно и требовал точности и аккуратности при документации буровых скважин. За это его считали придирой и недолюбливали. Пласты угля на буровых проходили только в его присутствии».

«С прибытием нового этапа в январе 1938 года население бурового поселка увеличилось примерно до 120 человек. Вольнонаемниками были только начальник П.А.Малков, одинокий; прораб буровых работ, из освободившихся, с женой и детьми; стрелок-охранник с женой. Всего с детьми 7 человек вольнонаемных».

«Контингент заключенных состоял в основном из «политических», попавших в лагерь во время репрессий. Уголовных было много меньше (главным образом попавшие в заключение по бытовым статьям). Что касается рецидивистов («урок»), то их вовсе не было».

«Все здания: квартиры начальника, прораба и охранника, два общежития для заключенных и одно строящееся, каптерка и вещевой склад, комендатура и пожарное депо, культчасть и медпункт, бухгалтерия, кухня, пекарня, баня-землянка, карцер-землянка и кузница были одноэтажные и построены из елового, не всегда окоренного леса. Они в основном явились переделанными из бывших буровых домиков над скважинами. Домики как бы слепливались друг с другом, образуя многокамерное жилье барачного типа. Так выглядела Инта в 1938-39 годах».

«В июле **1940 г.** Воркутстрою вменялось в обязанность произвести закладку трех шахт на Инте».

«**1940 год.** Установлены генератор, распределительная система, смонтированы наружная воздушная проводка и внутренняя осветительная сеть 23 помещений. 26 декабря впервые на Большой Инте вспыхнула электрическая лампочка».

«Акт **1940 г. июня 1-го дня**, рудник Большая Инта. Мы, нижеподписавшиеся, подвергнули испытанию после пройденного курса бригадного ученичества заключенного Дрыгина Якова Васильевича на предмет установления ему звания коллектора буровой. Рядом вопросов, заданных з/к Дрыгину членами комиссии, установлено, что таковой имеет достаточно удовлетворительные знания на то, чтобы работать самостоятельно коллектором при буровой, а посему комиссия постановила: испытание на звание коллектора после пройденного курса бригадного ученичества з/к Дрыгиным Я.В. считать сданными вполне удовлетворительно и допустить его для самостоятельной работы коллектором на буровую».

«**В январе 1941 года** стройка шахт была обеспечена рабсилой на 39,5%. В феврале вместо 147 человек работает 100, из них 12 человек болеют. Вместо 10 лошадей работает шесть. Технадзор шахты совершенно неквалифицирован, большинство из них не знакомы с проходкой и вообще с горным делом. В распоряжении рабочих

всего 13 кайл, не хватает обушков, ломов и даже лопат», – из выступления на партсобрании Н.П.Лунина, начальника шахт №№ 1, 2, 3».

«Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР от **25 ноября 1942 года** населенный пункт Инта Косьявомского сельсовета Кожвинского района, бывшая лагерная командировка, которую теперь именовали рудником, отнесена к категории рабочих поселков».

«В поселке Большая Инта имеются электростанция, радиоузел, почтовое отделение, неполная средняя школа, детские ясли, строится здание средней школы на 160 мест и больница. На железнодорожной станции Инта имеются электростанция, пункты технического осмотра вагонов и экипировки паровозов и базы Интастроя. Интинское месторождение каменного угля имеет богатейшие перспективы. На 1 октября 1942 г. строятся 9 шахт. Добычу угля предполагается довести в ближайшие годы до нескольких миллионов тонн».

Любовь МАЛОФЕЕВСКАЯ.
(«Дым Отечества», 23 ноября 2002 г.)

За поворотом – Анюша

Анюша... Это ласковое женское имя носит вымская деревенька. Много раз проезжала мимо, и каждый раз хотелось заехать, посмотреть на анюшинское житье-бытье. Мысленно представляла и здешних Анюш. Все, как на подбор, ладные, статные, румяные. Наконец настал день, когда я не проехала мимо. Наверное, не случайно это произошло на пороге весны, в канун женского праздника.

В Анюшу приехали вместе с главой Шошкинской администрации Галиной Ивановной Пудовой. Милая, проворная женщина сразу же согласилась быть нашим провожатым по здешним деревням. Разбросаны они от Шошки по правую и левую руку на десятки верст. У сельсовета своего транспорта нет. Вот и рады любому попутчику. Прежде чем отправиться в Анюшу, Галина Ивановна заскочила в магазин, целую охапку конфет да печенья накупила: «Там у меня женщины золотые, надо перед праздником гостинцы привезти».

Галина Ивановна Пудова.

Дорожный указатель слился с лазурным небосводом. А белые буквы «Анюша» словно из снега. Куда ни кинешь взор – всюду белое с голубым. Лишь на самом краю крутого вымского берега сбились в стайку дома. На подступах к ним и дорога кончилась. Приехали.

По деревенской улице лишь тропка вытоптана. Да санный след рядом. Некому очищать улочку от снежных завалов. Вольготно здесь строились, на века. Правда, многие дома уже обветшали, стены некоторых подпирают саженные бревна.

Рядом со старыми хороминами – дома новоселов-дачников. Маленькие, как спичечные коробки. Не для жилья, для отдыха.

Под лай деревенских собак попадаем на самую околицу. Возле крыльца крепкого еще дома жмурим глаза. Сколько солнца и неба! Услышав голоса, выходит навстречу хозяйка. Обнимает Галину Ивановну. И нас заодно.

Мария Ивановна Заманкова – душа и сердце Анюши. Уже с порога «пытаем» старую женщину, почему деревенька женское имя получила. Но хозяйка дома разводит руками: «Да кто знает. Бабушки рассказывали в детстве, что в семье первых поселенцев женщины были славные. Одна из них якобы Анисьей звалась. С нее и Анюша началась».

Анюша всю жизнь держалась на женских плечах. Всю жизнь отдала ей и Мария Ивановна. Не перечесть, сколько работы провернула, перелопатила: косила, жала, бригадирствовала. Была и трактористкой.

Из старого шифоньера Мария Ивановна достает награды. Почетные грамоты, медали. Раскладывает на столе, гладит шершавыми натруженными руками. И улыбается: «Ни о чем не жалею. Хоть и трудно жизнь прожила. А как же без труда? Девятый десяток разменяла, а огород свой никому сажать не передоверила. Труд и держит на земле». Переводит взгляд на окно, и снова улыбка трогает изборожденное морщинами лицо: «Благодать-то кругом какая. Есть ли где лучше?»

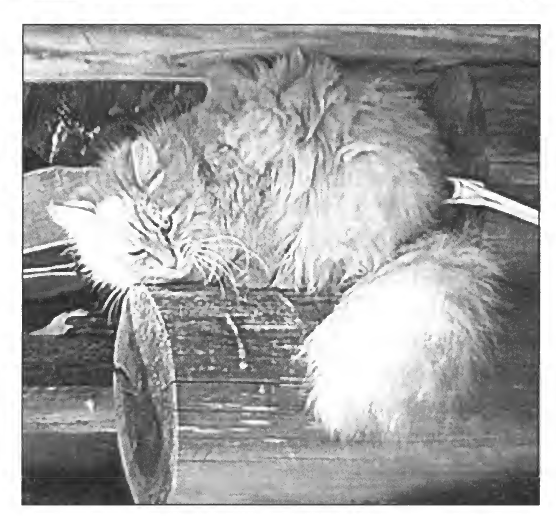
За окнами чирикают воробьи. Слетелись птички к кормушке бабы Маши. На дощечках, прикрепленных веревками к оконным наличникам, насыпано пшено. Хозяйка говорит: «Дети разъехались. Двоих уже похоронила. Радуюсь, когда рядом живое существо обживается. Вот собачку подкармливаю. Да пташек небесных. Спасение им небольшое даю».

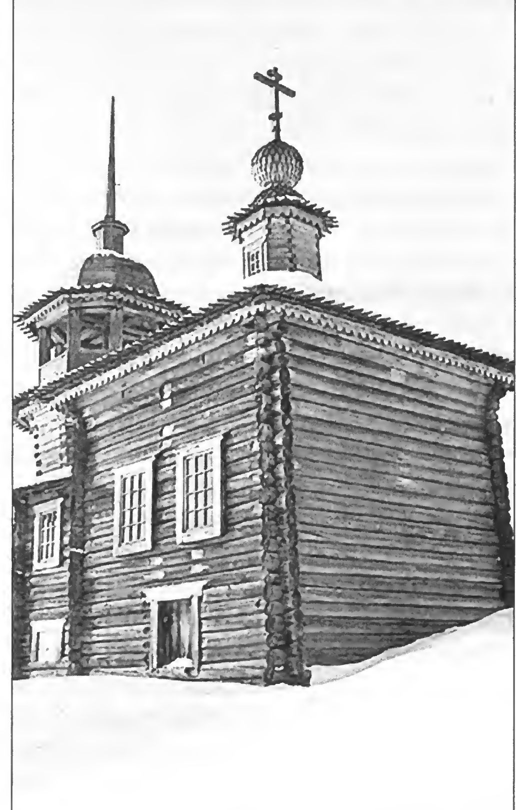
Слова Марии Ивановны просты. Но в каждом – глубокий смысл и выстраданная правда. В них же спрятаны и ответы на вопросы, почему угасает жизнь в Анюше. Хотя еще после войны здесь она вовсю кипела. Стояло более сорока домов, было немерено лугов и пашен. Теперь осталось двадцать жителей. Дачники – они не в счет. Приехали и уехали. Связь с внешним миром анюшинцы поддерживают благодаря семье односельчан-фермеров. Они и продукты подвозят. Костяк нынешних жителей – безработные мужики.

Мария Акимовна Горбунова тоже из когорты великих тружениц военных и послевоенных лет. В 14 лет ее отправили на сплав. Потом всю жизнь доила коров, возила молоко, ходила за лошадьми. В череде тяжелых будней настоящим праздником был стол на самодельной сцене, который накрывали для стахановок. Хорошая еда раз в сутки и была наградой за каторжный труд. А потом родились друг за дружкой дети. Восемь их у Марии Акимовны. Стало не до обедов на сцене. Улучит минутку свободную, домой бежит. Но много ли свободных минут выпало колхознице? Выросли дети, как трава в поле. Сил и энергии от отца-фронтовика и

матери-колхозницы никто не перенял, в люди никто не выбился. А кто уже и покинул этот свет.

Разговорчивую женщину покидаем с тяжелым чувством. Ей бы ухода, внимания да заботы. Заслужила ведь. Но уезжать из Анюши не собирается. Свыклась и с долей своей, и со своим домом, под своды которого и заходить опасно, настолько он стар.

Заснеженная тропка, петляя между домами, выводит на большак. «Поехали в Средную Отлу, – предлагает Галина Ивановна Пудова. – Еще одна деревенька с женским именем. И славными женщинами не обделена».

Всего несколько километров от Анюши. А картина, открывавшаяся взору, совсем иная. Избы такие же широкие, просторные, прокопченные временем да ветрами. Но нигде и следа запустения. Кругом порядок и покой.

Ими же веет от большого деревенского дома Подоровых. Галина Степановна, хозяйка ухоженного подворья, несколько дней назад отметила свое 70-летие. Цветы на комоде да открытки, воткнутые под притолокой, напоминают о недавнем приезде домой шумной ватаги – детей и внуков. Здесь они частые гости. Сено помогают летом ставить для многочисленной живности. Недавно в хозяйстве появилась еще и лошадь. Правда, справили конягу не одни. На пять семей приобрели, на целую общину.

Галина Степановна и Александр Николаевич подняли пятерых детей. Для нынешних времен и это труд немалый. Они же всю жизнь делили дом с производством. Сорок лет крутил баранку хозяин. А хозяйка уже с девяти лет узнала вкус соленого пота. Долгие годы трудилась дояркой. Не будь рядом с нами главы сельской администрации, и не узнали бы, что Галина Степановна в 60-е годы была депутатом Верховного Совета РСФСР, награждена орденом Трудового Красного Знамени.

От этих объяснений Галина Степановна смутилась, разволновалась. Только и сказала, что и без почета да наград трудилась бы. Без работы не прожить. А плохо делать – стыдно.

Потом хозяева закатили для нас пир. Из русской печки прошествовали на стол большая миска горячего супа, сковорода рассыпчатой вкуснейшей каши на топленом масле. Из подпола достали банки с соленьями. Устроили для нас настоящий праздник. Впрочем, как и для всех гостей, случайно или по делу заезжающих сюда.

«Какие люди! Какие люди! – на обратной дороге до Шошки восклицала Галина Ивановна Пудова. – Нет им цены. Но кто и когда оценит сделанное ими для этой земли. Можете не поверить, но к концу 80-х годов к каждой деревенской ферме в нашем районе вела асфальтовая дорога. Люди строились. Село вовсю расправляло плечи. Но за десяток лет все пришло в упадок. Кто ответит за это?»

Яркое солнце осветило округу. Леса, перелески, серпантин реки, пригоршни домов по обеим берегам... Казалось, сама природа подтверждала, что эти места созданы для того, чтобы жить, трудиться и радоваться.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
Княжпогостский район
(«Дым Отечества», 7 марта 2003 г.)

ЖИВАЯ ПРИРОДА

На небе – астероид, во дворе – метеорит

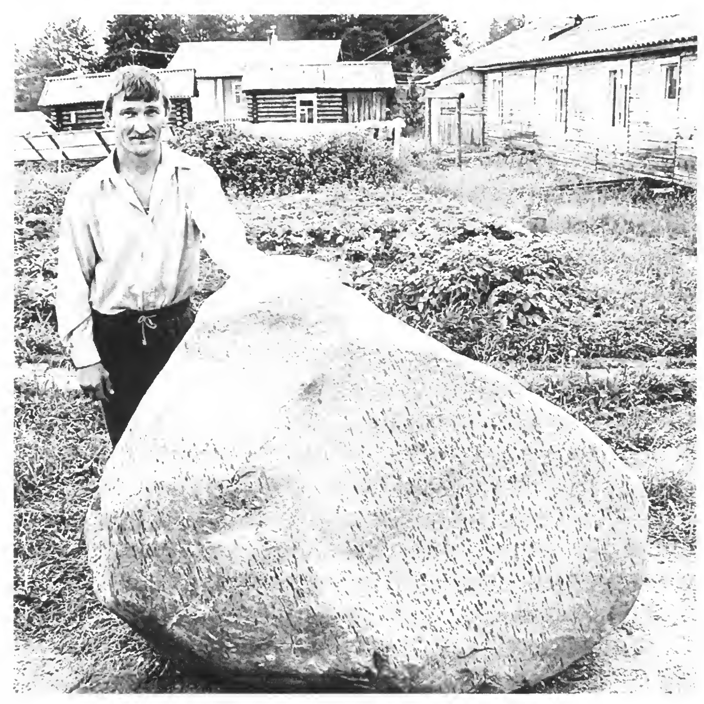
Космическое увлечение помоздинского жителя Владимира Карманова

В обрушивающейся ежедневно информационной лавине самые сенсационные и оглушительные новости преподносит небо. Миллионы землян держали в напряжении первые шаги освоения человеком космического пространства. В последние годы не проходит и месяца, когда бы мир не замер от очередной жуткой авиакатастрофы. На этом фоне происходят другие явления, быть может, не столь впечатляющие. К примеру, падают звезды. Так образно говорят о падающих и оставляющих след на небесном своде метеоритах. Метеориты сегодня вновь в центре внимания. Всех взбудоражило известие астрономов о гигантском астероиде, находящемся совсем близко от Земли. Просчитываются его скорость, параметры, орбита вращения... Кто-то высказывает реальную угрозу для Земли, а кто-то мечтает получить еще один кусочек небесного «пришельца», чтобы пополнить свои знания о далеких мирах. К последним относится и Владимир Карманов.

Слухом земля полнится. О том, что в Усть-Куломской глубинке, в селе Помоздино, живет человек, чьей страстью уже много лет остаются метеориты, мы прознали случайно. Любое увлечение, будь-то коллекционирование бабочек или предметов старины, словно огонек, заманивает к себе. А тут человек собирает космических «пришельцев». Такое не даст усидеть.

На подъезде к Помоздино зарядил дождь. А Владимир Иванович Карманов, показалось, и не замечал падающих капель. Встретил нас у калитки своего дома. И не распаляя нашего любопытства, тут же повел показывать сокровище. Во дворе под дождем мокла техника. А что-то большое, одиноко возвышающееся на лужайке, было заботливо прикрыто брезентовым полотнищем. Хозяин аккуратно размотал ее. Перед глазами предстал кусок серого камня.

Людям неискушенным он не говорил ни о чем. Серый валун, да и только. Но глаза Владимира сияли: «Вы только посмотрите, какая махина, какой красавец. Все на месте, и кора плавления вот тут, сбоку, четко обозначена. Такое не каждый найдет».

Владимир Карманов со своей находкой.

Заботливо укутав камень брезентом, хозяин повел в дом. Начал рассказывать о своем необычном пристрастии. Говорит, что камнями «заболел», как себя помнит. В это поверить легко. Места у нас равнинные, луговые, лесные. Лишь по берегам таежных речушек галька разбросана. А камушки настоящие встретить удается редко. Когда северяне едут к морю или в другие места, богатые камнями, не могут скрыть удивления. Привозят камушки домой, хранят, как сувениры.

Так же и Владимир. С детства охотился. Охотничьи тропы уводили на десятки километров в тайгу, туда, где чувствовалось дыхание седого Урала. На берегах бурных речушек глазам открывались целые залежи камней. Попадались очень занятные экземпляры. Одни удивляли необычной формой, другие горели, от третьих в сложенной из них каменке в лесной баньке пахло горечью.

Но прошло еще много времени, прежде чем Владимир Иванович определился, какие камни нужно искать. С детства он слышал о падающих камнях, метеоритах. Почему-то облюбовали они окрестности Помоздино. Тут многие еще помнят и сами были очевидцам удивительного небесного камнепада, случившегося лет тридцать назад. После этого сюда приезжали ученые с экспедициями. Один попавший им в руки метеорит увезли с собой в Москву. А назвали его «Помоздин», поскольку обычно всем небесным «пришельцам» присваивают имена по месту их находки.

Самый маленький камешек из коллекции Карманова нашелся на огороде. Мать вскапывала грядки и наткнулась на что-то твердое. Хотела выбросить. Но сын не дал. Сразу же определил, что непростой он, с точечками и вмятинками. По ним же определяют происхождение небесных камней ученые.

Что же это за явление – метеориты? Вот самые сжатые сведения. В межпланетном пространстве кроме девяти больших планет вокруг Солнца «путешествуют» еще и множество малых планет – астероидов. Объем некоторых из них исчисляется сотнями километров. У каждого – своя орбита. Но, бывает, что орбиты крупных планет и астероидов пересекаются. (Видимо, этим же объясняется приближение к Земле большего астероида под номером 2002NT7, о котором недавно известили мир астрономы.) Метеорные тела в межпланетном пространстве двигаются с огромной, поистине космической скоростью. А влетая в атмосферу, испытывают

сопротивление, нагреваются до нескольких тысяч градусов, начинаются светиться. В этот момент и появляется на небе огненный шар – болид.

Земли достигают, как правило, лишь крохотные кусочки астероидов. Тем не менее в минералогическом музее Академии наук в Москве, в других музеях мира хранятся и довольно солидные осколки небесных тел. Один из самых крупных метеоритов, найденных в нашей стране, известен под именем «Сихотэ-Алинский» и весит около двух тонн. А самый крупный метеорит найден в 1920 году в Западной Африке. Он весит около 60 тонн.

Кстати, пальма первенства в открытии небесных тел на поверхности Земли принадлежит российским ученым. В 1749 году в Сибири кузнец Медведев обратил внимание на необычный камень, который двадцать семь лет спустя после находки был привезен в Петербург. Необычный груз был доставлен в город на Неве и очутился под прицелом науки благодаря академику П.С.Палласу, за что и получил название «Палласово железо». За изучение железной глыбы взялся известный русский ученый, член-корреспондент Российской академии наук Э.Ф.Хладный. Результаты своих исследований он опубликовал в книге, в которой первым доказал неземное происхождение сибирской находки. Но на Западе россиянина подняли чуть ли не на смех. Падающие с неба камни европейские ученые считали выдумкой. Однако спустя десятилетия после выхода в свет книги Хладного множество европейцев стали очевидцами уникального небесного камнепада. В 1803 году близ французского города Лэгль выпал метеоритный дождь, после чего было собрано около трех тысяч камней.

За два века земляне стали очевидцами множества падений метеоритов. По подсчетам ученых, за год Земли достигают около тысячи вестников Вселенной. Десятки тысяч небесных осколков собраны, изучаются учеными. Но за прошедшее время интерес к ним не поубавился. Поиски небесных пришельцев Владимиром Кармановым – еще одно тому подтверждение.

Второй метеорит он нашел возле своей лесной избушки. Около ручья выбирал камни для печки. И тут взгляд зацепил камень с обгоревшим боком. Обсмотрев и общупав его со всех сторон, отбросил все сомнения: это был метеорит. Привез домой, взвесил, камень потянул на 14 килограммов 800 граммов.

Небесные сюрпризы бывают не только самой разнообразной, порой причудливой формы, но и отличаются цветом. Встречаются среди них и серые, и светлые, и белые, и даже бесцветные. Не одинаковы они и по составу. Есть железные, каменные, железокаменные. Каменных больше остальных, а железные падают редко. Осколки, собранные Владимиром, практически гладкие. Но большинство метеоритов имеют на своей поверхности ямки, напоминающие следы от пальцев. Это отпечатки газовых струй при движении в атмосфере.

Не зря говорят, кто ищет – тот всегда найдет. В прошлом году Владимиру Ивановичу улыбнулось настоящее искательское счастье. В его руки попал тот самый метеорит, который сейчас заботливо запеленован во дворе его дома. Попал в руки – это, конечно, сильно сказано. На самом деле, было как в той поговорке – видит око, да зуб неймет. Разглядел он серый камень в заболоченной хляби. Только вершинка и торчала над кочками. К слову, большинство метеоритов падают в недоступных, в непроходимых местах и остаются неизвестными для науки.

Этот Владимир решил вызволить любым путем. Теперь все этапы обретения небесного тела зафиксированы не только в памяти, но и на видеокассете. Увлекательный фильм получился. Из озера Пузлавад серый валун доставали чокерным трактором. А тащили по лесным дорогам на щите мощного трелевочника. Повозиться пришлось. Ведь великан весит целую тонну.

«А что дальше?» – спрашиваю у Владимира Ивановича. Наверное, есть свой колорит в том, чтобы иметь под окнами кусочек небесного тела. Но не в этом, по большому счету, предназначение этих осколков. Космические пришельцы до сих пор остаются самым доступным материалом для изучения других планет, Вселенной. Интересно: химические анализы метеоритов подтвердили, что Земля и небесные тела Солнечной системы состоят из одних и тех же химических элементов. Редких, неизвестных землянам соединений в них ничтожно мало. И все же ученые не теряют надежды сделать новые открытия.

Владимир Иванович в ответ показывает обращение из научного журнала. Ученые просят сообщать о находках в Комитет по метеоритам Российской академии наук. Помоздинский следопыт не делает тайны из своего увлечения. Единственное, чего хочет, – чтобы его камни не ушли с концами в воду. Ведь столько трудов потрачено, чтобы их найти. «Они для меня на вес золота», – искренне говорит Владимир Карманов.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
Усть-Куломский район
(«Дым Отечества», 17 августа 2002 г.)

«Мутные места» парка «Югыд ва»

В 2001 году в нашей республике появилось великолепное издание «Атлас Республики Коми». На его страницах мое внимание привлекли две статьи, тесно связанные между собой. Это – «Национальный парк «Югыд ва» и «Загрязненность поверхностных вод». Они же вызвали у меня серьезные возражения и побудили написать об этом в газету.

Автор первой статьи – В.И.Пономарев, судя по написанному, не имеет ни малейшего понятия об истории создания Национального парка в Республике Коми. Так, по его данным, «Национальный парк имеет недолгую, но насыщенную биогра-

фию» и что идея организации на Урале природного парка родилась в Коми филиале АН СССР почти два с половиной десятилетия назад и только в 1990 году воплотилась в жизнь. Это в корне не соответствует действительности.

Идея создания Национального парка на западных склонах Северного и Приполярного Урала была предложена в 1968 году председателем комиссии по охране природы при Президиуме Коми филиала АН СССР (такая комиссия существовала до 1975 г.). В то время эту должность занимал автор статьи. Идея многими была принята скептически, так как ничего подобного в стране в то время не осуществлялось. Ученые из московского института заповедного дела и охраны природы посчитали, что создавать такой парк в Республике Коми нецелесообразно. А если нужно его создавать, то в первую очередь на уже освоенных территориях, чтобы сохранять остатки ненарушенной природы.

Создание Национального парка в Коми поддержал председатель Президиума Коми филиала АН СССР Владислав Павлович Подоплелов. Так в плане работы комиссии по охране природы появилась тема «Научные основы использования природных ресурсов Северного и Приполярного Урала для рекреационных целей». Работы по теме проводили штатные сотрудники комиссии: научный сотрудник Владимир Петрович Гладков, лаборант Владимир Петрович Балибасов, а также нештатные члены комиссии: научные сотрудники Института биологии Ариадна Николаевна Лащенкова и Наталья Ивановна Непомилуева, Института геологии – Владимир Алексеевич Чермных и отдела экономики – Виктор Александрович Старцев. В 1971 году исследования были завершены, и на их основе была подготовлена докладная записка Президиума Коми филиала АН СССР за подписью В.П.Подоплелова, направленная в Коми обком КПСС и в Совет Министров Коми АССР.

Считаю, что Коми республике повезло, что в то время секретарем Коми обкома КПСС был истинный патриот земли Коми Иван Павлович Морозов. Он как руководитель ясно представлял последствия агрессивного наступления человека на природу нашего края, а также то, что если не принять срочных мер, то от живописной природы «Печорских Альп», как называл этот район А.В.Журавский, не останется ничего.

28 мая 1971 года было принято совместное постановление бюро Коми обкома КПСС и Совета Министров Коми АССР о создании на западных склонах Урала Национального парка Коми АССР. Таким образом, уже 32 года тому назад в нашей республике был создан первый в стране Национальный парк.

Принятие этого постановления, против которого активно выступали многие чиновники Совета Министров РСФСР, позволило навсегда исключить из традиционной хозяйственной деятельности около двух миллионов гектаров уникальных девственных лесов, сберечь чистоту горных рек и живописность горных склонов и скал.

Удалось сохранить природу Северного и Приполярного Урала в неприкосновенном, девственном состоянии. Поэтому когда сегодня звучат вопросы, кто же стоял у истоков Национального парка РК, следует назвать прежде две фамилии – И.П.Морозова и П.А.Безносова, подписавших это историческое решение.

Наши соседи – ученые из Перми, помню, страшно завидовали нам. Они, а также наши коллеги из других регионов, обращались в исполкомы Тюменской, Свердловской, Пермской областей с просьбами о создании на Урале хотя бы сети памятников природы, но положительных результатов не добились.

К сожалению, с созданием Национального парка Коми АССР не смирилось

Правительство РСФСР. Оно так и не признало его федеральный статус, без которого не могла быть создана администрация парка и начато его обустройство.

Ученые Коми филиала АН СССР продолжали пропагандировать Национальный парк в прессе. В 1977 в Коми книжном издательстве вышла книга «Природный парк Коми АССР». Это стало стимулом для организации национальных парков в других регионах страны.

В последующие годы Правительство Коми АССР продолжало добиваться от российского правительства согласия на организацию парка. В 80-е годы по заказу Совета Министров Коми АССР в проектном институте «Союзгипролесхоз» в Москве был составлен проект Национального парка «Югыд ва». Правительство нашей республики в конце 90-х годов повторно приняло постановление «О создании государственного природного Национального парка в Коми АССР».

Однако понадобилось еще четыре года, прежде чем Правительство Российской Федерации, теперь уже самостоятельного государства, издало Постановление «О создании в Республике Коми Национального природного парка «Югыд ва». В декабре 1995 года парк получил международное признание, вместе с Печоро-Илычским заповедником он был включен в список всемирного наследия природы ЮНЕСКО под названием «Девственные леса Коми».

К сожалению, Национальный парк до сего времени не стал Меккой для туристов, хотя его местоположение и живописность природы и вправду не уступают альпийским. Для этого необходима прежде всего хорошая, активная реклама. А что происходит на самом деле? В таком авторитетном издании, как «Атлас Республики Коми», в разделе «Государственные доклады о состоянии окружающей среды Республики Коми» сообщается, что река Печора и ее притоки относятся к «весьма загрязненным» и даже «весьма грязным», а самые чистые реки Национального парка отнесены к «условно чистым». Кто же после этого поедет сюда отдыхать, наслаждаться природой?

Самое интересное заключается в том, что эти выводы не соответствуют истине. Известно, что Печора – одна из самых чистых рек Европы такого размера, а ее правые притоки, стекающие с Урала, уникальны по своей чистоте. Не случайно Национальный парк получил и свое название – «Югыд ва», что переводится с коми как «чистая вода».

Приводимую выше оценку качества воды в р.Печора и ее горных притоках опровергают биологические тесты. Благодаря высокому качеству воды в парке обильно представлены разнообразные водные растения, в реках водятся 21 вид рыб, среди которых семга, хариус, голец, пелядь и другие обитатели лишь очень чистых водоемов.

Встречи с туристами на Щугоре, Илыче указывают, что многие из них – из Москвы, Ленинграда и других мест – ежегодно приезжают сюда лишь для того, чтобы попить чистейшую уральскую воду. Они даже не кипятят чай, чтобы не нарушать природные качества здешней воды.

Причина неправильной оценки качества воды в р.Печоре и ее притоков связана с тем, что природные воды Севера изначально имеют повышенные концентрации таких веществ, как соединения железа, меди, цинка, фенолов. Однако за многовековую эволюцию живые организмы речных экосистем приспособились к этим условиям и не испытывают какого-либо угнетения.

Адольф БРАТЦЕВ,
кандидат географических наук, заслуженный деятель науки РК.
(«Дым Отечества», 7 марта 2003 г.)

Камни не молчат

Лето хорошо уже тем, что можно разглядеть любой листик, травинку, каждый камушек на земле. А интерес к живой природе может обернуться открытием. Или даст повод для размышлений, гипотез. Причем таких, которые взбудоражат весь научный мир. В последнее время на книжных полках появилась уйма различных справочников, энциклопедий, другой популярной литературы. Многие рассказывают о загадках и тайнах природы, непознанных явлениях, космосе, небесных телах, в частности, метеоритах. Больше всего в этих книгах говорится о знаменитом Тунгусском метеорите. Но, похоже, «тунгусский феномен» помаленьку уступает место другому. Все чаще на страницах популярной литературы пальму первенства самого редкого метеорита авторы отдают найденному в 1976 году странному обломку. Он получил название по месту находки – «Вашка».

Свидетельство

Вот как он описан в книге «1000 необъясненных загадок», вышедшей в Москве, в издательстве «Астрель» в 2002 году.

«Самый редкий метеорит найден на реке Вашка в Коми. В 1976 году там был обнаружен странный обломок величиной с кулак. Анализ показал, что в нем содержатся редкоземельные элементы, которые в земельных породах встречаются в очень небольшом количестве, а в подобном сочетании в природе – никогда. Поэтому ученые пришли к выводу, что обломок – искусственного, возможно, и внеземного происхождения».

Гипотеза

Хотя «странный обломок» был найден еще в середине 70-х годов, достоянием гласности находка стала лишь 10 лет спустя. В 1985 году в газете «Социалистическая индустрия» вышел материал под названием «Загадочная находка», который произвел настоящую сенсацию. С этой публикацией, наверное, было бы интересно познакомиться и нашим читателям. К сожалению, все попытки обнаружить экземпляр газеты с любопытным материалом в наших библиотеках и хранилищах закончились неудачей. Поэтому мы вынуждены привести здесь лишь его краткий пересказ.

Автор материала «Загадочная находка» спецкор «Социндустрии» И.Мосин обратился к члену комиссии по редким явлениям В.Фоменко. Такая комиссия была создана при государственном комитете по окружающей природе. Именно там к тому времени заканчивались исследования образца, получившего название «Вашкинская находка».

Летом 1976 года несколько рабочих из удорского села Ёртом пошли на рыбалку. На берегу они случайно увидели необычный, величиной с кулак, камень, который привлекал их внимание белым свечением. Принялись рассматривать его. Один из мужчин вдруг уронил его. К удивлению всех, камень, ударившись о другие, высек

сноп ярких искр. Находку прихватили с собой. А в селе попытались разделить на части. Но ножовка, прикоснувшись к поверхности камня, высекла струи огня.

Обо всем этом местные жители рассказали сотрудникам Института геологии Коми филиала АН СССР, которые приехали в Ёртом. Их тоже заинтересовала находка. Уже первые анализы показали наличие любопытных свойств. Камень разделили на части и отправили в различные организации и институты, которые осуществляют сложные исследования: во Всесоюзный научно-исследовательский институт ядерной геофизики и геохимии, в Институт физических проблем им.С.И.Вавилова АН СССР, в Институт геохимии и аналитической химии им.В.И.Вернадского, в московский институт стали и сплавов. Что же удалось узнать ученым?

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте ядерной геофизики и геохимии для анализа находки были использованы прецизиозные гамма-спектрометрические методы. С помощью них, не разламывая образец, можно узнать процентное содержание 30-40 элементов, входящих в него. Результаты исследований показали, что найденный обломок является сплавом редкоземельных элементов. Так, в нем содержалось 67,2 процента церия, 10,9 – лантана, 8,78 – неодима. Присутствовали железо и магний, уран и молибден.

Ученые пришли к выводу, что этот обломок – рукотворный. Церий, лантан, неодим в земных породах встречаются очень редко. В удорской же находке их содержание было чересчур велико.

Неожиданности принесли и исследования на радиоактивность. В горных породах уран в среднем встречается в пропорции 1 грамм на 1 тонну. В найденном же осколке его содержание превышало эти пропорции в 140 раз. В то же время здесь не были обнаружены продукты распада урана. Другими словами, у камушка наблюдалась своя радиоактивность. Это свидетельство того, что находка сделана руками человека.

Исследования в других институтах тоже принесли неожиданные результаты. В любом обычном сплаве редкоземельных металлов есть частицы таких широко распространенных элементов, как кальций или натрий. В вашкинской находке их обнаружить не удалось. Хотя специалисты утверждают, что с помощью обычных технологий никакой сплав без их присутствия создать невозможно.

Каким образом можно получить такой сплав? Только при атмосферном давлении в несколько десятков тысяч, методом холодного прессования. При этом надо иметь в виду, что у земной техники возможности ограничены. При изучении находки ученые пришли к выводу, что обломок – часть круга, цилиндра или сферы диаметром в 1,2 метра. В то же время специалисты утверждают, что оборудования, которое могло бы запрессовать такую объемную деталь под давлением в несколько десятков тысяч атмосфер, пока нет.

Кому и для чего понадобилась такая деталь? Ученые выдвигали различные предположения, в том числе о посланцах других цивилизаций. Добавляли, что этот сплав мог родиться как на планетах Солнечной системы, так и на Земле. На это указывает изотопный состав сплава, который у находки идентичен с земным.

В ходе анализов высказывались два кардинально разных предположения о возрасте находки. Одни ученые считают, что ей около 100 тысяч лет. Другие – всего 30 с небольшим.

Комментарий

В середине 80-х годов комментарии по поводу загадочной находки в Удорском районе давал и известный в Республике Коми ученый, академик, директор Института геологии КНЦ УрО РАН Николай Павлович Юшкин. Мы снова обратились к нему: что же скрывается за камушком с берегов Вашки, чем завершилось его исследование?

Николай Павлович хорошо помнит и необычную находку, и то, какую она подняла волну в прессе, а также среди всех, кого привлекают всякого рода аномальные явления. После первых же исследований необычного обломка директор Института геологии твердо встал на позиции тех из коллег, которые ни с какими внеземными цивилизациями его появление не связывали. В середине 70-х годов очень активно шло освоение космических пространств. Один из советских космодромов – Плесецк – находится поблизости от Республики Коми. Траектория запусков ракет с космодрома проходила над нашей территорией, в частности, над Удорским районом. Многие его уголки с этого времени и стали кладбищами для ракетно-космического хлама, отработанных ступеней, других деталей.

На космическое предназначение горючего искрящегося обломка указывало и то, что в воздухе он быстро покрылся ржавчиной, окислился, раскрошился. К примеру, распиливать его для рассылки в различные научные институты пришлось, погрузив в воду.

По словам Николая Павловича, всевозможные интересные камушки в Институт геологии приносят часто. Но многих посетителей, бывает, затем трудно разуверить, что найденный ими сколочек вовсе не метеорит. Настоящие метеориты среди всевозможных окаменелостей попадаются редко. На сегодня широко известен лишь один, получивший название по месту его находки – «Помоздино». Есть сведения, что метеоритный дождь в свое время выпал поблизости от вымской деревни Кони. В существование же метеорита под названием «Вашка» Николай Юшкин не верит. Считает, что это всего лишь миф.

Загадка

На этом снимке – еще один необычный камень. Назвать его метеоритом смогут, наверное, лишь ученые после необходимых исследований. Но он необычен уже тем, что обнаружен на... вершине большого дерева. Нашли его монтеры, прокладывающие линию связи. С высокого столба один из них присмотрел что-то белое в стволе дерева с рухнувшей вершиной. Не поленился, вскарабкался на то дерево и вынул застрявший в нем камень. Было это около 30 лет назад. Кстати, тоже в Удорском районе, и тоже на берегу реки Вашки.

Анна СИВКОВА.

Сыктывкар – Удорский район

(«Дым Отечества», 11 июня 2003 г.)

Дорога на Звонкую сечу

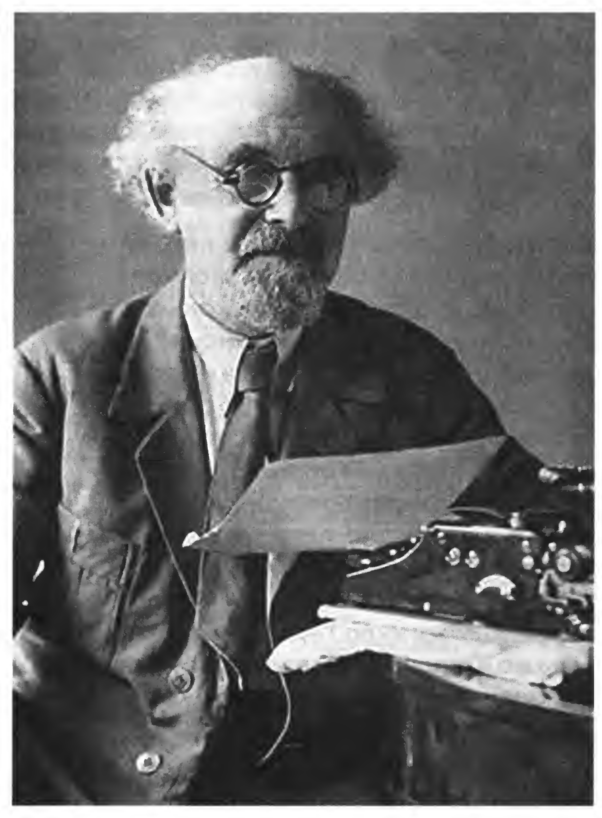
Мало кто знает, что удорские леса стали прообразом знаменитой Корабельной чащи, воспетой в повести замечательного русского писателя Михаила Михайловича Пришвина. Это открытие несколько лет назад сделала ученый, доктор филологических наук Таисия Гринфельд. Таисия Яковлевна для интеллигенции Сыктывкара и республики в особых представлениях не нуждается. В 1975-1995 годах она заведовала кафедрой русской литературы филологического факультета Сыктывкарского университета. В стенах СГУ прошло ее становление как интересного ученого, исследующего поэтику прозы. В 1989 году Гринфельд издала монографию «Природа в художественном мире М.М.Пришвина», а в 1992 году защитила докторскую диссертацию «Чувство природы в творчестве М.М.Пришвина». Изучение наследия талантливого писателя и подстегнуло Таисию Яковлевну задаться еще одним вопросом: где же находился замечательный лес, описанный в самом известном произведении Пришвина?

Географическим прототипом заглавного образа повести Михаила Пришвина «Корабельная чаща», увидевшей свет в 1953 году, стал северный лес на границе Коми с Архангельской областью.

В 1935 году Наркомат лесной промышленности предложил писателю взяться за лесную тему, чтобы привлечь внимание общественности к нуждам лесного хозяйства страны. Пришвин, любознательный очеркист, уже имел в эту пору немалый опыт освоения новых городов и весей. В 1906-1907 годах он побывал на Ладоге, Онеге, в Лапландии. Автора «Края непуганых птиц» и определили как художника, интересующегося историческим, философским, поэтическим содержанием «чувства природы» северян.

30-е годы стали своеобразной полосой активных и дальних творческих командировок писателей. Уже в немолодом возрасте, на седьмом десятке, Пришвин вышел в дорогу, отправился в трудное по тем временам путешествие. Он проехал от Вологды до Верхней Тоймы, от Верхней Тоймы до Пинеги, добрался до последней излучины реки Коды, перевалил через водораздел, отделяющий Северную Двину от Мезени, прошел по границе Архангельской и Коми областей. И увидел то, к чему стремился, – прототип своей будущей «Корабельной чащи», двухсот- и трехсотлетние сосны на трех холмах.

По материалам, собранным в этот раз, была написана книга очерков «Северный лес» (1935 год), а много позже – лирико-романтическая повесть «Корабельная чаща». Ни в том, ни в другом жанре Пришвин не прибегал к вымыслу. Приведены точные названия сел, деревень, речек, указаны примерные или точные расстояния. География и передвижение путников (Пришвин был с сыном, биологом по образованию, в особо глухих сурадьях – с проводниками) почти накладываются на названия и направления в «Корабельной чаще».

Михаил Михайлович Пришвин.

Пришвин всю жизнь в любых условиях вел дневники. Вероятно, они и помогли ему через 18 лет восстановить события, связанных с северным путешествием.

Михаил Михайлович не был бы художником, если бы реальная действительность в «Северном лесе» и «Корабельной чаще» не возвысилась под его пером до уровня поэтического образа. Однако специфика его образа такова, что «низкий» план фактов подготавливает условия для возвышенного, романтического. «Подсечка на смерть» дерева, картины его неритмичного сплава по рекам, заломы, ночные плоты, ночевки «на сендухе», оставленный лес, неубранные гибнущие «отходы», погорелые места, пила только-только вытеснила топор, есть места, где колесо впервые пробивает себе дорогу... Девяносто лесобаз на Пинеге, а план таков, что надо вести третью, выборочную рубку, и за лесом высокого качества бонитеры охотятся, как за редким зверем. У мудрых лесных людей совесть болит от беспорядков. На этом фоне реальностей могучая Корабельная чаща в дальних местах, как жар-птица, с которой людям, размышляет автор, скоро придется, вероятно, расстаться. Чаща – символ природной мощи, пример содружества и единства для человека, место мирного пересечения троп разных народов. «Деревья там стоят одно к одному, как громадные свечи». Корабельную чащу в очерках и повести Пришвина спасают добрые люди, но надолго ли, и что человечество посадит на местах всех корабельных лесов, если изведет их? По таким заповедным лесам надо учиться выращивать новые – это голос автора.

Проблема, поднятая в «Северном лесе», вышла далеко за рамки поручения наркомата. Пришвин задолго до появления романа Л.Леонова «Русский лес» заявил в литературе о тревожных издержках лесопользования, о низкой технизации труда, о необходимости видеть в лесе не только «круглый», «распиловочный» материал, но и неустанного производителя кислорода, устроителя погоды, родного дома для всякой живности и, наконец, источник духовной энергии, здоровья народа.

В «Северном лесе» все-таки не совсем ясно, о какой конкретно чаще ведет речь писатель: расположена она в самом юго-восточном «углу» Архангельской области или на территории Коми. В очерках, в главе «Живые помощи», автор пишет, что дошли они до речки Коды, повернули и дальше двигались «по самой границе

области Коми, налево, на нашей стороне просеки, лес был разделен кварталами. На правой стороне, в области Коми, лес был немереный, и цепь землемера там еще не была».

По какую же сторону расположена чаща, пересекли ли путники границу области или нет, в книге не уточняется. В повести «Корабельная чаща» речь ведется о тех же «немереных» лесах Коми. Сюжет движется таким же путем, но точнее сообщается о «белом столбе» на границе: «В пятистах шагах отсюда на общей тропе стоит белый столб, и черным по белому на нем начертан крест. Это означает, что с этого места начинается область Коми... и все реки отсюда текут не в Двину, а в Мезень». Затем путники пришли к зарубке на дереве – Воронья пята, услышали «голос речки Порбыш». Далее поднялись на три речные террасы, где «на свободных ветрах» выросла неслыханной мощи Корабельная чаща. Три террасы – это три горы: Теплая, Глухая и Третья.

О реальном прототипе повести Пришвина, так же как и о реальной цели его очерков, возможно, мы позабыли бы, если б не усилия журналиста О.Ларина. В 1971 году он побывал на Пинеге, где услышал рассказ о Корабельной чаще и путешествии М.Пришвина. Тогда же он познакомился с проводником писателя в его поездке 1935 года Александром Осиповичем Губиным.

Проводник хорошо помнил подробности 36-летней давности. В повести Пришвина он был выведен как полесник с севера Мануйло. В 1986 году, когда Губина уже не было в живых, О.Ларин снова отправился на Пинегу, на разведку подходов к Корабельной чаще. От специалистов, инженера Выйского леспромхоза Николая Ивановича Шарапова и директора Ертомского лесхоза Николая Васильевича Коврижных, он узнал дополнительные сведения. Стало понятно, что этот лес не пинежский, он входит в сырьевую базу Коми. Из поселка Благоево О.Ларин вместе с Н.Коврижных отправились по маршруту Вашка – Пинебаза – лес Пришвина. Для этого понадобились вертолет и физическая выносливость.

Через полвека впечатления от древнего могучего леса, который стал художественным персонажем, были такими же внушительными. «Я вырос среди сосновых лесов, – писал О.Ларин, – но такого леса никогда не видал». Сосны вверху смыкались, как тоннель, деревья «обросли седыми космами, заплелись общими корнями, обнялись ветками и все вместе представляли собой одно нерасторжимое богатство... Стволы были без единой извилины и необхватных размеров... Мы смотрели наверх, ухватившись за чешуйчатую кору, чтобы не упасть, и поражались силе земного естества, исторгнувшего из себя этих гигантов».

Особая тема – ореол давней заповедности чащи. «Так повелось в области Коми, что кто-нибудь очень пожилой, потерявший силу... уходил на Звонкую сечу и там жил» – это из «Корабельной чащи». «Эту сосновую чащу немереных лесов мы и таим, и весь наш народ таит. Мы в Коми с этой тайной все растем», – это голос проводника в повести. Через 50 лет после Пришвина О.Ларин говорит о лесной, «антропогенной», по видимости, поляне на вершине холма посреди чащи, порождающей мысль о древнем языческом капище зырян. Так или иначе М.М.Пришвин был прав, когда утверждал, что природные достопримечательности, известные в народе веками, есть та же культура, громадная, неоценимая, но разрушающаяся, как и прекрасные замки Европы.

В 90-е годы территория чащи правительством Коми была объявлена постоянным лесным заказником. Со временем, может быть, появятся там и доходные

туристские тропы, и лесные избушки «на курьих ножках», где вспомнят и имя добросовестного защитника северных лесов, художника, пришедшего в чащу на склоне лет, чтобы увидеть прекрасное в природе и убедиться, что оно живо.

Таисия ГРИНФЕЛЬД,
доктор филологических наук.
г.Санкт-Петербург
(«Дым Отечества», 12 июля 2003 г.)

На память людям

В Центральном государственном архиве Республики Коми находится фонд инспектора народных училищ Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. За 1911 год в фонде отложились любопытные документы об устройстве экскурсий в лес и праздников древонасаждений.

«Его Высокородию инспектору народных училищ Вологодской губернии. Честь имею донести Вашему высокородию, что согласно Вашего предложения нами была устроена в день роспуска (11 мая) на летние каникулы экскурсия в лес, на речку и луг, сопровождавшаяся пением песен, чтением стихотворений и беседой о пользе леса, птичек и т.п. 1910 года мая 14 дня. Учитель Помоздинского начального училища В.Чисталев».

В.Чисталев – один из основоположников коми литературы, писатель Вениамин Тимофеевич Чисталев (Тима Вень). А свое сообщение он адресует Михаилу Павловичу Успасскому, бывшему в те годы инспектором народных училищ.

Вениамин Чисталев – не единственный, кто уже в те годы активно старался привить своим питомцам любовь к лесу, интерес к живой природе. Об экскурсиях с детьми в лес докладывала и Александра Ватаманова, учительница из села Кужбы. Кстати, в будущем – жена Вениамина Тимофеевича. О прогулках в лес, о посадках деревьев в ограде местной часовни, об экскурсиях на поля для знакомства с травами, хлебными злаками уведомлял и вольдинский учитель Алексей Шомысов. После Октябрьской революции Алексей Иванович стал одним из организаторов советской власти в селах Помоздино и Скородум. В 1919 году в Помоздино он был расстрелян белогвардейцами.

Учителям отдаленных коми сел вторит Мария Барштак, заведующая Усть-Сысольским городским мужским приходским училищем. *«Праздник древонасаждения в училище состоялся 14 сентября. Деревья садили в училищной ограде и на местном кладбище. После уроков дети запаслись заступами, топорами и вместе с преподавателями пошли на кладбище, где приготовили ямы для посадки деревьев. При этом многие из учеников изъявили желание посадить деревья на могилах родных и у себя дома. Затем дети собрались в училище и с пением подходящих песен отправились в лес за деревьями. Деревья (сосны, березы, елки) были выкопаны самими учениками и доставлены к месту посадки на тележках, маленькие деревья дети несли на руках. По окончании посадки деревьев дети вернулись в училище, где им были розданы гостинцы. Праздником все очень остались довольны».*

Свято-Вознесенская церковь в местечке Кируль в Усть-Сысольске.

Вишерская учительница А.Шешукова в своем отчете подметила, как местные мужики удивились инициативе учащихся озеленить село. Они стояли за оградой и, видя, с каким удовольствием дети сажают деревья, одобряли их. А в селе Небдино учащиеся земского училища за красивыми деревьями переправлялись даже на другой берег Вычегды.

Нынешним школьникам стоит возродить праздники древонасаждений. Почему бы в программы внеклассных занятий не включить такое полезное дело?

Тамара ЧИСТАЛЕВА.

(«Дым Отечества», 16 августа 2003 г.)

О чем плачут тополя?

Долго не решалась написать, да и дети отговаривали: мама, зачем, все это бесполезно. Но часто хожу мимо искалеченных берез, и сердце сжимается. Считаю себя виноватой перед ними. Березы, березы, символ нашей Родины! Сколько стихов и песен о вас сложено. А ведь не жалеем вас, не любим, ломаем и калечим.

Знающие люди говорят, что в каждом дереве спрятана душа. Обрубая вершки и ветки, мы губим и душу дерева. Сейчас пошла мода лишать сучьев и вершин тополя. Находят сотни причин для того, чтобы изуродовать их. Мол, мешают линиям электропередачи, от тополиного пуха – аллергия у детей. Но все эти объяснения притянуты за уши. Исстари тополя являются подлинным и живым украшением населенных пунктов.

Память уносит на 30-40 лет назад. У моей бабушки в Сыктывкаре прекрасный небольшой сад: черемуха, рябины, смородина, сирень. Такие же зеленые оазисы внутри города и возле многих других домов. В нашем дворе деревья посадил мой дядя Пантелеймон Александрович Попов. Был он землеустроителем. Уходя на фронт, утешал бабушку, свою маму: не плачь, скоро вернусь. А вместо меня остается с тобой мой сад.

Не осталось ни сада, ни могилы дяди, погибшего на войне. Война, катаклизмы, человеческое бездушие страшным катком прошлись по нашей жизни. А что же осталось? В 70-е годы из Москвы приезжали к нам родные. Восхищались зеленым и чистым городом. К счастью, сейчас не приезжают: что бы они увидели? Ветер развевает мусор, деревья искорежены, а то и вовсе снесены.

В юности мы часто ходили сажать деревья. В походах в лес за деревцами участвовали и школьники, и взрослые. Многие из нас до сих пор помнят свои деревья. Мы и воспитаны были на прекрасной русской литературе, где лес – действующее лицо, главный герой, самый могучий и прекрасный. Сегодня такое ощущение, что многие ничего, кроме надписей на заборах и объявлений на остановках, не читают. Ничто не заставляет задуматься об окружающей нас природе и с экранов телевизоров. «Возьми от жизни все» – вот девиз подавляющего большинства телепередач.

Перед глазами умирающий сад, посаженный дядей. Деревья медленно затоплялись вонючими сточными водами. Бабушка говорила, что с гибелью деревьев возле дома она второй раз пережила смерть своего сына.

А я каждый раз испытываю шок, когда вижу, как калечат дерево. Недавно девчушка лет шести прямо передо мной стала срывать ветки акации. «Зачем ты это делаешь?» – подошла я к ней. Она стала оправдываться, что, мол, пьяная тетя тоже недавно срывала. Что и говорить: лес рубят – щепки летят.

Ия ПОДОЛЬСКАЯ.

г.Сыктывкар

(«Дым Отечества», 16 августа 2003 г.)

СУДЬБА В КОНВЕРТЕ

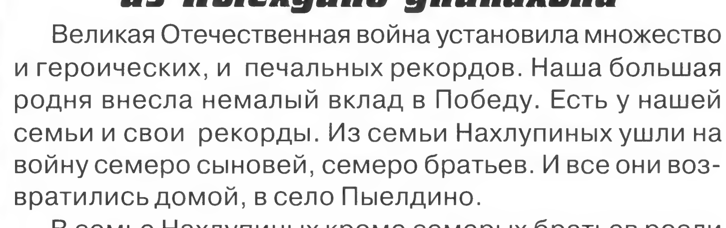
В папке с материалами для «Дыма Отечества» всегда много писем, рассказывающих о людях, их судьбах, работе на благо республики. На первый взгляд в них нет ничего захватывающего, оригинального, необычного. Но рука не поднимается списать эти письма в архив. Каждое пронизано неподдельным уважением, долгой памятью, благодарностью. В каждом письме – желание и надежда – не запамятовать бы этих людей.

Семеро ушли, и вернулись семеро

Фронтовая судьба братьев Нахлупиных из Пыелдино уникальна

Великая Отечественная война установила множество и героических, и печальных рекордов. Наша большая родня внесла немалый вклад в Победу. Есть у нашей семьи и свои рекорды. Из семьи Нахлупиных ушли на войну семеро сыновей, семеро братьев. И все они возвратились домой, в село Пыелдино.

В семье Нахлупиных кроме семерых братьев росли еще две сестры. Они и оставались все военные годы дома, став утешением для родителей. Отправляя один за другим на фронт сыновей, родители мысленно прощались с ними навсегда. Надежда увидеть их снова живыми была мала. Но она не обманула.

В 1941 году взяли на фронт Михаила Нахлупина. Он нес службу в батальоне связи, был телефонистом. Награжден орденом Красной Звезды, многими медалями. После войны судьба забросила его в Минусинск. Там родились дети, внуки. Умер Михаил Николаевич в 1991 году.

Почти все остальные братья распрощались с родным домом в 1942 году. В феврале пришла повестка

Александру. Вернулся он домой лишь в августе 1945 года. Весь израненный, но живой. Пожить Александру Николаевичу удалось недолго, уже в 1956 году его не стало.

Чуть раньше брата ушел на войну Иван Нахлупин. Воевать ему пришлось совсем недолго, спустя несколько месяцев вернулся на костылях домой. Был разведчиком, в разведке и настигла его вражеская пуля. Раны не давали солдату покоя, одна заживала, другая нарывала. Помощи ждать было неоткуда. В 1943 году он умер. Было ему всего 25 лет.

Павел Нахлупин – майор, военный прокурор. Кавалер двух боевых наград – орденов Красной Звезды и Отечественной войны. После войны жил в Кемерово, там же и похоронен.

Орденом Красной Звезды был награжден и Алексей Нахлупин. Он освобождал Киев, Варшаву, Прагу, дошел до Берлина. После войны обосновался в Кемерово, там же и скончался.

Валентин Нахлупин в мае 1944 года совершенно случайно встретил на фронтовых дорогах своего брата Павла. От той встречи осталась фотокарточка, ставшая семейной реликвией. Валентин Николаевич закончил войну на Дальнем Востоке. Демобилизовался в 1946 году. До конца жизни работал в Кемерово.

Боевым офицером, командиром роты разведки стал на фронте Николай Нахлупин. Его грудь в День Победы украшали ордена Славы, Красного Знамени, Красной Звезды. Он вырастил двух сыновей, оставил о себе хорошую память.

В тылу ковали Победу не только родители и сестры солдат-победителей, но и старший сын Валентина Николаевича – Володя. Он закончил школу ФЗО и уже в 15 лет встал у заводского станка, делал снаряды. До своего рабочего места он не доставал и ему подставляли под ноги ящичек. Владимир Валентинович награжден орденом Трудового Красного Знамени.

К великому сожалению, большая семья Нахлупиных разбрелась по стране, связи между родными потерялись. Очень надеемся, что, прочитав это письмо, откликнутся наши родственники, проживающие в Республике Коми.

Майя СИВАЧЕНКО (Нахлупина).
г.Луганск, Украина
Альбина ПЫСТИНА (Нахлупина).
г.Сыктывкар
(«Дым Отечества», 22 июня 2002 г.)

Химик, педагог, отец

Десятого июля 2002 года исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Степановича Сивкова, педагога, доцента Коми пединститута. Александр Степанович – мой отец.

Родом он из пригородной деревни Граддор. Еще до революции поступил учиться в Усть-Сысольское духовное училище, куда его отец нанялся ночным сторожем-истопником и конюхом. Жила семья при училище, в баньке. Желание дать сыну образование было столь велико, что граддорский крестьянин все бытовые лишения терпел молча, безропотно.

Александр Степанович Сивков.

После революции училище закрыли, и Александр стал учиться в школе II ступени. Радовался отец, когда сын окончил педагогические курсы, а затем и педтехникум повышенного типа.

Трудовая жизнь Александра началась в ижемском селе Мохча в 1925 году. А уже в 1929-м он поступил во 2-й Московский госуниверситет сначала на биологическое отделение, а затем перевелся на химическое. Учиться бы ему да учиться, но суровое время оставило свою печать. По состоянию здоровья пришлось возвратиться в Сыктывкар.

И тут судьба его вновь сводит с альма-матер – двухэтажным каменным зданием с окнами на Сысолу. Здесь до революции и располагалось духовное училище, в котором Александр начал грызть гранит науки. Теперь тут свил гнездо Коми пединститут.

Александр Степанович с головой окунулся в создание при пединституте первого химического кабинета, первой химической лаборатории. Позже писал в своих воспоминаниях, что вся химия в институте размещалась в одном шкафу. Для проведения опытов недоставало даже посуды. Чтобы восполнить этот недостаток, в первое время преподавателю приходилось пользоваться бутылками из-под вина и водки, ходить по городским парикмахерским и просить склянки из-под одеколона.

Но это полбеды. Гораздо сложнее было приобрести реактивы, химическое стекло. За ними приходилось выезжать в другие города, собирать по крохам.

Другие, не менее важные задачи приходилось решать, когда он возглавил кафедру химии. Остро не хватало квалифицированных кадров. Специалисты «со стороны» долго не задерживались, уезжали обратно, на факультете «оголялись» ключевые звенья. Александр Степанович сделал выбор: готовить свои кадры через целевую аспирантуру. На его призыв откликнулись известные столичные светила – член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии, видный ученый-химик Дмитрий Курсаков и член-корреспондент АПН СССР, лауреат Государственной премии, крупнейший педагог-методист Леонид Цветков. Они и «благословили» первых пединститутовских химиков-аспирантов. К началу 70-х годов кафедра химии по праву считалась самой обеспеченной дипломированными сотрудниками.

Другая сторона преподавательской деятельности – учителя, школьники, студенты. Курсы по повышению квалификации учителей, семинары, олимпиады юных химиков не оставляли места для отдыха в наполненной, насыщенной жизни. Удивительно, как Александр Степанович сумел найти еще и время для собственных научных исследований, работе над кандидатской диссертацией.

А.С.Сивков с коллегами на первомайской демонстрации. 1952 г.

«Спасибо Вам за все то хорошее, что Вы в нас заложили. Вы всегда будете для меня первым, Главным учителем», – писала в одном из писем его ученица О.Парилова. Эти простые слова дороже многих почестей.

Александра Степановича Сивкова не стало 29 июля 1977 года.

Галина МАРКОВА.

г.Сыктывкар

(«Дым Отечества», 17 августа 2002 г.)

Большая жизнь маленькой Нины

Я хочу рассказать об уважаемом в селе Приуральское человеке – Нине Александровне Шахтаровой. Родилась она в Визябоже Корткеросского района. Отец ее, Старцев Александр Иосифович, участник Первой мировой войны, слыл прекрасным плотником-столяром. Мать – Евдокия Ивановна – простая крестьянка, уроженка Корткероса. В семье росло восемь детей. Троих унесла скарлатина. Много невзгод выпало на долю этой семьи. В годы Гражданской войны отец прятал свою семью в подвале: по селу проходила линия обороны. Помнит Нина Александровна и то, как раскулачивали их семью. Александр Иосифович наотрез отказался вступить в колхоз. В отместку за это председатель сельсовета объявил его кулаком. Часть большого дома родители отдали под начальную школу. Но этого оказалось мало. В доме была добротная мебель, изготовленная руками хозяина. Всю ее заставили перевезти в помещение сельсовета. От ареста Александра Иосифовича спасло то, что он в это время находился на заработках в Сыктывкаре. А семью тем временем выселили в старую половину дома.

Нашелся-таки добрый человек, который взялся им помочь. Это был сосед Евдокии Ивановны по Корткеросу Михаил Николаевич Лебедев. Коми писатель, в то время уже довольно известный. Он написал своим красивым почерком грамотное прошение и отправил его в Сыктывкар. Туда же поехала искать правду и Евдокия Ивановна. Целый месяц ходила она по разным инстанциям, искала в архивах нужные документы. И добилась своего. Через месяц сняли с семьи Старцевых клеймо кулаков. Вернули дом. Правда, в колхоз вступить им пришлось.

Нина Александровна с иронией говорит, что она целый месяц считалась дочерью кулака. Самым трудным для первой помощницы родителей был месяц, когда мама за правдой в Сыктывкар ходила. Пятнадцатилетнего старшего брата отправили на лесоповал. Отец тоже на работе пропадал. А на ее попечении оставались восьмилетний братик и годовалая сестренка.

Как бы ни было тяжело, родители отправили Нину учиться в семилетку в Корткерос. Ждала с нетерпением каникул, чтобы приехать домой и помочь родителям по хозяйству. Лучше любого мальчишки она возила на лошади снопы.

В Корткеросе же стала бывать у писателя Лебедева. Михаил Николаевич работал секретарем в народном суде. Книги свои он писал по вечерам и ночью. Лебедевы очень по-доброму относились к маленькой соседке. Может, потому, что своих детей у них не было. Они часто приглашали Нину к себе. У Михаила Николаевича было много книг, и он разрешал девочке брать их читать. Нина с удовольствием читала. Лебедевы часто уходили по вечерам в гости и домовничать оставляли девочку-соседку. Оставляли ей разной вкусной еды. Но самым большим лакомством были конфеты. До этих пор она их никогда не пробовала.

После окончания семилетки Нину, как и всех ее сверстниц, направили «на штурм леса». Легко одетая, в туфельках, очутилась она в местечке Лемью. Работать было очень тяжело. Кормили неважно. Трудились в две смены по 12 часов – «от восхода до заката». Целый день стояли в воде. Невысокой Нине вода доходила по грудь. Толкали бревна тяжелыми баграми.

Наступила осень. По совету отца Нина решила выбраться из леса. Послала документы в медтехникум в Сыктывкар. Но учиться пошла не туда, а на шестимесячные курсы медсестер. Надо было думать о том, чтобы младших поднимать.

Молоденькая шестнадцатилетняя девушка открывала первый медпункт в местечке Слобода (сейчас это Эжвинский район столицы). Нина Александровна рассказывает, что работник местного сельсовета Анна Михайловна очень сокрушалась, что прислали такую маленькую да молоденькую. Год она работала одна. Жители ее звали «доктор Ниночка». Медпункт находился в частном доме. Дочь хозяев дома была на два года младше медсестры, она работала санитаркой. Нина Александровна со смехом вспоминает: «Когда не было больных, мы с санитаркой играли в чехарду, баловались». Затем приехал новый фельдшер – пожилой человек Василий Трофимович.

В 1937 году Нина поступила в Сыктывкарскую вечернюю школу для взрослых. Окончила 9 классов, после чего в 1939-м стала учиться на географо-биологическом факультете учительского института. Но началась война… Снова наступили тяжелые годы. Всех парней из института забрали на фронт. Во всем институте остался лишь один-единственный парень. Его не взяли на войну из-за плохого зрения.

В аудиториях было холодно. Кормили студентов лишь раз после 14 часов. Давали суп, кашу, иногда рыбу. Чай давали в глиняных стаканах. Дрова для общежития готовили сами. Девушки вывозили заготовленные возле берега дрова на больших санках. Студентов каждое лето отправляли на лесосплав. Отказываться никто не имел права. Однажды, когда одна студентка самовольно покинула работу, ее посадили в тюрьму. Кормили на лесосплаве два раза – утром и вечером.

Пролетели еще три года. Получила Нина Старцева диплом преподавателя биологии, и направили ее в Печорский край. В трудовой книжке у Нины Александровны всего три записи. Первая: «19 ноября 1942 года назначена преподавателем биологии V-VII классов Конецборской НСШ». В этой школе учились дети из разных сел. Специального школьного здания не было. Классы располагались в трех частных домах. Условия работы были очень сложные. Шла война. Летом помогали колхозу. Осенью убирали урожай картофеля. После занятий в школе учителя со старшеклассниками заготавливали дрова.

Однажды во время работы в лесу произошел трагический случай. Весной в очень ветреную погоду шесть женщин-учителей валили лес между деревнями Аранец и Конецбор. Работа была небезопасная, и учеников с собой не взяли. Нина, девушка из крестьянской семьи, не раз уже занимавшаяся этим дома, знала некоторые премудро-

сти в тяжелом мужском деле. Дерево подпиливалось ручной пилой не до конца, затем, отойдя, надо было толкнуть его в нужном направлении. Но среди женщин-учителей были и неопытные вальщики. Нина работала на пару с молодой учительницей математики Раей. Вдруг они услышали крики. Оглянувшись, девушки увидели, что в их сторону падает огромное дерево. Все отбежали. А напарница Нины в растерянности побежала к падающей сосне. Толстый сук упал на голову девушке. Рая погибла. Пытаясь вытащить учительницу, женщины даже не смогли сдвинуть дерево. Пришлось распилить его в нескольких местах. Переживали все, но тяжелее перенесла смерть подруги Нина.

В этот же год постигло Нину еще одно горе – умер отец. Выехать на похороны она не смогла. Не на чем, и денег у нее не было. В те годы учителям выдавали зарплату по 20-30 рублей. Сколько слез пролила Нина Александровна в эти дни на хозяйской печи. Но жизнь, хоть и трудная, продолжалась.

Еще одно событие произошло в жизни молодой учительницы в деревне Конецбор. Вернулся с фронта в родное село Иван Петрович Шахтаров. Вся грудь в наградах. Познакомились, целый год дружили и поженились в 1947 году. В 1950 году по ходатайству колхозников школу из Конецбора перевели в деревню Республика (ныне село Приуральское). Переехали сюда и Шахтаровы. В трудовой книжке появилась вторая запись: «20.08.50 г. переведена в Ворошиловскую семилетнюю школу преподавателем биологии и географии» (тогда так именовалась Приуральская школа). Молодым здесь понравилось. Сначала жили на частной квартире. Затем дали комнату в общежитии.

«Как сделать, чтобы школьники с удовольствием изучали биологию?» – часто задавала себе вопрос учительница. Она считала, что недостаточно только дать ученику материал для усвоения. Надо, чтобы сам ученик стремился узнать что-то новое и интересное. На всю школу был один микроскоп, который увеличивал лишь в шесть раз (он хранится в школьном музее), несколько пробирок и кое-какие реактивы по химии. Не было наглядных пособий. Нина Александровна делала сама гербарии и таблицы. Юннатовцы выпускали стенные газеты по естествознанию.

Ученики тех лет вспоминают о школьном живом уголке. Это было их любимое место. Жили там белка, горностай, бурундук, заяц, лесная сова, ворона с вороном, даже летучие мыши. Бурундук жил в классе между рамами. А белка устроила себе уютное гнездышко за портретом Ленина. Хозяином белки был Валерий Канев. Приносили в школу зверушек и птиц сами дети. Они же добросовестно ухаживали за ними.

Школа имела свой земельный участок. Нина Александровна вместе с учащимися выращивали непривычные по тем временам для деревенских жителей редис, редьку, салаты, укроп, петрушку, свеклу. Многие ходили к учительнице за советом. Юннаты любили ставить опыты по выращиванию новых необычных культур. Они доказали, что даже здесь вызревают огурцы. Пробовали выращивать гречиху, но она доходила только до цветения. В течение пяти лет районировали ветвистую пшеницу. Вывели такую, у которой на одном стебле располагалось 15 колосков и примерно 2600 штук зерен. Вырастила Нина Александровна и кукурузу. Она вымахала до 1 метра 80 сантиметров.

Семь лет Нина Александровна с мужем ждали своих детей. Сказывалась непосильная работа на лесоповале. В 1954 году родился долгожданный первенец.

Когда же успевала все маленькая хрупкая учительница?! Она признается, что редко дома бывала и в отпусках толком не отдыхала. 26 лет проработала Нина Александровна с детьми. В трудовой книжке третья, последняя запись: «01.07.1969 г. Выход на пенсию».

Сейчас Нина Александровна живет в своем доме, который построили еще в 1957 году. Сокрушается пожилая женщина, что ветшает дом. А ведь был он раньше одним из самых больших, самых красивых в селе. Видимо, таким же, как когда-то отцовский дом, где она выросла. К сожалению, нет в живых уже ее мужа, с которым прожили вместе в любви и согласии 48 лет, делили все печали и радости. Участник войны, имевший больше всех наград в селе, умер в 1995 году. Нина Александровна родила и воспитала троих детей. Они подарили ей троих внуков и трех внучек. Мечтает бабушка о правнуках. Старший сын Валерий живет в родном селе. Он имеет две специальности – кинотехника и телемастера. Младший сын Анатолий – в Сыктывкаре, работает шофером. Семья дочери Любови Галабурда обосновалась в родительском доме. Любовь Ивановну знают в республике как художника-прикладника, она – член Союза мастеров.

Нина Александровна считает, что старость у нее счастливая, так как ее окружают, заботятся о ней любимые дети, внуки. История ее жизни – это история нашего края.

Надежда ЧАПИНА,
библиотекарь.
с.Приуральское, Печорский район
(«Дым Отечества», 17 августа 2002 г.)

Победа в окошке

За свою жизнь мне довелось объехать весь Союз, всю Европу. Но никогда ничего меня не трогало так, как встреча с родной Республикой Коми.

Село Айкино. Родина моего деда Кызродева Евлампия Ивановича, моей мамы Нахлупиной Агнии Евлампиевны. Здесь прошло мое военное босоногое детство. Здесь, в Айкинской средней школе, я начинала свою трудовую деятельность.

Уже будучи на пенсии, я вновь посетила этот самый дорогой уголок моего сердца.

Пассажирский поезд «Санкт-Петербург – Воркута» везет меня в родные края: «Все гляжу, все гляжу я в окошко вагонное, наглядеться никак не могу». Станция Межог... Матушка Вычегда... Сердце стучит, разрывается от волнения. Вспомнилось, как в годы войны ловили рыбу на Вычегде удочками и сушили ее на зиму. Зимними вечерами 1943-1945 годов вязали носки и перчатки с указательным пальцем для солдат на фронт. Летом работали на сенокосе, пели песни «В бой за Родину», «Артиллеристы», «Варяг»... Запевалой был Борис Исаков.

Вот я уже и возле родной школы. Теперь от нее остался один фундамент. А в далеком 1943 году на ее пороге встретила нас первая учительница Екатерина Дмитриевна Волкова. Это с ней мы писали письма на фронт и отправляли посылки солдатам. А сколько было радости у ребятишек, когда получали ответные треугольники с благодарностью! В 1946 году Екатерину Дмитриевну наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Как мы тогда гордились нашей учительницей!

9 мая 1945 года, 6 часов утра, как обычно заговорило радио – черная тарелка на стене. Раздался бой кремлевских курантов. Я проснулась, а мама стоит у окна, плачет. Я испугалась, спрашиваю: «Мама, что похоронка пришла?» «Нет, доченька, – ответила мама, – Победа!» «Ура!» – закричала я, вскочила и побежала к окну,

чтобы увидеть Победу в окошке. У колодца собрались женщины с ведрами. Все плачут и обнимаются.

А до этого чуть ли не полдеревни получили похоронки. Майские дни 1945-го для нас, детей войны, стали беспокойными. С утра и до вечера мы встречали поезда и пароходы. Поезд в Айкино приходил в 12 часов дня. В школе – большая перемена. Все бежали встречать фронтовиков-победителей. Пароходы же ходили без расписания, и их мы встречали круглосуточно. Днем – дети, ночью – взрослые. В июне 1945 года в 3 часа ночи прибыл с войны Маслов Михаил Степанович, отец Эли Масловой. А Тоня Кызродева была в лесу, когда ее отец Кызродев Григорий Иванович с фронта вернулся.

Мы с Володей Одинцовым тоже не раз бегали встречать отцов, но так и не встретили. Зато я встретила папиных братьев: Ивана Николаевича и Михаила Николаевича. Встретила я и дядю Сашу – мужа маминой сестры Александра Васильевича Попова. Он мне в подарок привез общую тетрадь в клеточку. Такое богатство не многие имели из нас. Писать учились на газетах. Утюгом гладили любую бумагу, какая попадалась, и шили из нее тетрадки. На груди у дяди Саши было три ордена Славы и медаль «За отвагу».

Вскоре в школу пришел новый учитель русского языка и литературы Николай Андреевич Исаков. В хромовых сапогах, в гимнастерке, офицер Великой Отечественной. Нам он казался самым красивым, самым умным, самым добрым учителем. Это он рассказал нам, как будет построен новый университет на Ленинских горах в Москве и, возможно, кто-то из нас будет в нем учиться. Его предсказания сбылись. Леонора Маслова закончила школу с серебряной медалью и поехала учиться в МГУ. Окончила университет, защитила диссертацию, стала кандидатом математических наук, преподает в Московском энергетическом институте.

Через многие годы я встретилась со своими однокашниками, с которыми пошла в школу в первый класс в военном 1943 году. Тоня Кызродева – учитель англий-

Учительский коллектив Айкинской средней школы. Январь 1945 г.

ского языка, работала на севере республики, теперь пенсионерка. Лиза Волкова объездила весь Советский Союз и вернулась в Айкино, врач районной больницы. Дина Торлопова – учитель биологии, пенсионерка, работает в совете ветеранов района, отличник народного образования. Женя Исаков – полковник в отставке, вся грудь в наградах, «афганец». Фридрих Жеребцов – летчик, отлетал свои часы и километры – на заслуженном отдыхе. Всех под старость потянуло в родные края.

Вот быстрой походкой бежит мне навстречу Антонина Ильинична Маслова, мать Леоноры Масловой. У них была большая, дружная и гостеприимная семья. Антонина Ильинична и Михаил Степанович вырастили трех замечательных дочерей и троих замечательных сыновей, всем дали высшее образование. Во время войны Антонина Ильинична работала секретарем айкинского сельсовета, награждена медалями «Материнская слава» и «Ветеран труда».

Кто учился на физико-математическом факультете Коми пединститута, хорошо помнит нашего земляка и моего родственника Геннадия Петровича Балина – профессора Сыктывкарского государственного университета. Его хорошо помнит и Эмилия Федоровна Смирнова (Несина), которая у него училась в Коми пединституте, учитель физики, директор Айкинской средней школы, заслуженный учитель Республики Коми.

Большая дружная семья Балиных тоже вырастила четырех сыновей и трех дочерей. Александра Балина – еще одна медалистка Айкинской средней школы, окончила Ленинградский энергетический институт, работает в Сыктывкаре.

На Айкинской горе выросли все мы. Куда ни гляну – везде родственники, друзья. Горжусь вами, мои дорогие земляки!

Когда уезжала из родных краев, родилось это напутствие новому поколению: «Любите эту землю, преумножайте человеческое богатство! Гордитесь своими дедами и прадедами, отцами и матерями, берите с них пример и будьте счастливы. Не бойтесь работы, и ваша жизнь всегда будет радостной и счастливой».

С уважением и любовью,
Маиса Валентиновна СИВАЧЕНКО,
ветеран педагогического труда, корреспондент газеты «XXI век».
г.Луганск, Украина
(«Дым Отечества», 14 сентября 2002 г.)

Обид на родину не бывает

Какая трагедия постигла в 1941 году нашу страну, уже несколько поколений россиян знают лишь из книг да телевизора. Я и мои родные имели возможность узнать о войне от близкого человека, пережившего это страшное время. Примечательно, бесценно то, что рассказы о войне мы слышали не от мужчины, защитника, солдата, а от хрупкой женщины, вся натура которой, казалось, отвергала любое насилие и жестокость. Но, как говорится, слов из песен не выкинешь. Наша бабушка Елена Федоровна Югова испила из той горькой чаши сполна.

Елена Федоровна – уроженка села Слудка. В девичестве Москвина. В ноябре 1942 года в дом постучал почтальон. В избе были двое – Лена и ее больная мать. Почталь-

он вручил девчонке казенную бумажку. Она сразу поняла, что ее забирают на войну.

Нам сейчас кажется иногда, что можно разминуться с войной, собрать справки, отгородиться от нее обстоятельствами, слабым здоровьем, призвать на помощь знакомых, наделенных властными полномочиями. Но тогда все было по-иному. Хотя говорят, что и на ту великую войну можно было схлопотать отсрочку, бронь. Как была она бы тогда кстати нашей бабушке, которой только-только стукнуло 18 лет. Но ей сказали – надо, и она пошла. Пошла на войну.

Елена Федоровна Югова.

Определили ее в пулеметчицы. Что значит пулеметчица на войне? Передовой край, постоянные сырость и холод, страх и жестокость...Что оставалось девушке-бойцу? Сражаться и терпеть. Терпеть и сражаться. К этому времени за плечами Елены было уже столько тяжелого, немилосердного, что другим и не снилось. Она успела поработать в Якуньельском лесопункте. Пережила полусиротское детство. Родителей раскулачили. Семье пришлось поменять родные края на Сибирь. Чужбина не стала второй родиной. Семилетняя девочка с больной матерью возвратились в Коми. В Архангельске, куда Елена попала перед фронтом в «учебку», получила от отца Федора Федоровича последнее письмо. Письмо было из ссылки, куда крестьянин-труженик попал безо всякой вины. Думаете, он сетовал на судьбу, бесправное положение своей семьи, на страну, где срубили крестьян под корень? Нет, ни слова в том письме не было о выпавших на его долю муках. Лишь наказ юной, еще неокрепшей дочери: «Воюй добросовестно, слушайся командиров».

Елена воевала на совесть. Из последних сил долбила каменную от мороза землю. Тонула в белорусских болотах. Сливалась с полынью и бурьяном под градом сыплющихся с неба бомб. Снова и снова заряжала свой пулемет, чтобы отразить атаки врага.

Получила ранение. Но свои болячки меркли перед ужасами, открывающимися взору. После форсирования Днепра река была красной от крови. В Люблине пришлось вытаскивать из газовых камер полуобгоревшие трупы и хоронить их в братских могилах.

В августе 1945 года сержант Елена Москвина подошла к родному дому. Но никто не вышел встречать девушку-фронтовичку. Некому из родных было обрадоваться ее возвращению, вместе всплакнуть.

Засучив рукава, она впряглась в мирную работу. До 65 лет не покладая рук трудилась для семьи и страны. Четверых детей подняла, девятерых внуков выпестовала, не нарадуется трем правнукам.

Низкий тебе поклон, русская женщина, солдатка и крестьянка, самый родной наш человек, мама и бабушка Елена Федоровна Югова!

Надежда ИВАНОВА.

с. Мутница, Прилузский район

(«Дым Отечества», 24 мая 2003 г.)

ЗНАК ВОПРОСА

Кто вы, господин Дюпарк?

Коми край всегда привлекал к себе внимание путешественников, исследователей, ученых. Не только российских, но и зарубежных. Имена большинства из них сегодня внесены в книги, справочники, энциклопедии. Но, оказывается, далеко не все.

В фондах Национального архива РК хранится любопытный документ. Вот его текст: *«Предписание по канцелярии Вологодского губернатора от 15 июня 1905 года усть-сысольскому уездному исправнику. Швейцарское Генеральное консульство в Санкт-Петербурге обратилось в Министерство иностранных дел с просьбой об оказании содействия профессору минералогии Женевского университета г. Луи Дюпарк, предполагающему совершить этим летом путешествие с научной целью по Северному Уралу в сопровождении своего ассистента г. Франсиса Пирса. Об этом согласно сообщению Департамента полиции от 5 сего июня поставляю Ваше высокоблагородие в известность для оказания означенным лицам законного содействия»*. Текст венчает подпись губернатора.

Кто же он, Луи Дюпарк, предпринявший в начале века путешествие на север?

Луи-Клод Дюпарк – минералог и петрограф, судя по всему, успешно совмещал членство в двух всемирно известных научных учреждениях – в Женевском университете и Санкт-Петербургской академии наук. В последней он проходил по разряду физического и физико-математического отделения. Основные интересы ученого затрагивали две точки мира, достаточно далеко расположенные друг от друга. Это горные массивы Монблана и Северного Урала.

Луи Дюпарк.

Две книги Луи Дюпарка хранятся в библиотеке Коми научного центра УрО РАН. Одна подробно освещает месторождение железных, а вторая – медных руд на Урале. Первая работа увидела свет в 1904 году, вторая – в 1914-м. Судя по этим датам, женевский ученый неоднократно предпринимал поездки на Урал. И они были весьма продуктивны.

Умер Луи Дюпарк в Женеве 10 октября 1932 года.

Владимир ПАРШУКОВ.

(«Дым Отечества», 15 февраля 2003 г.)

Не до мертвых, когда до живых дела нет

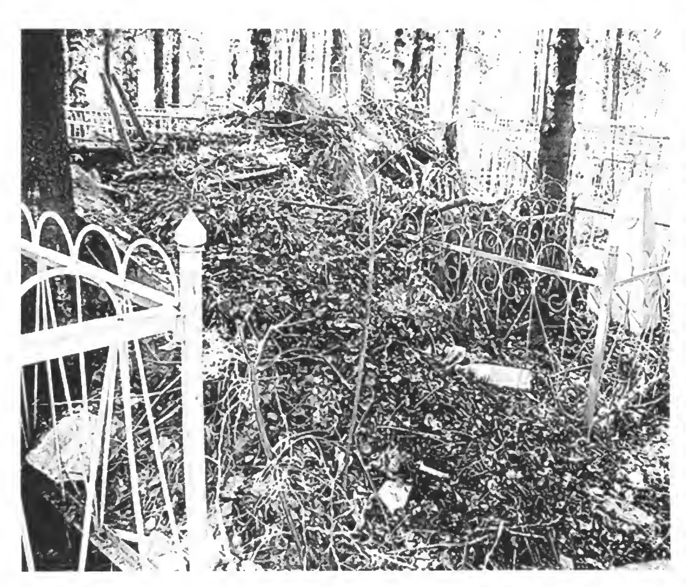
Стыдно. Это одно из самых мягких слов, которыми можно охарактеризовать свои чувства после посещения городского кладбища в Сыктывкаре.

«Последний приют» – так называлась публикация в «Республике» о состоянии могил известных в республике людей. Материал имел большой резонанс. На редакцию обрушился шквал звонков и писем. Все были единодушны во мнении: надо благоустроить последний приют выдающихся земляков, обратить на них внимание властей. Прошло три года. И мы вновь на городском кладбище.

Центральная аллея городского погоста стала еще уже. Хоронят уже на самой аллее. Своеобразным центром кладбища остается пятачок, где покоятся руководители республики, партийные и советские работники, деятели науки и искусства. На дворе – середина мая. Время между Радоницей и Троицей. Именно в эти дни принято посещать могилы. Живые цветы, веточки вербы в изголовьях надгробий. Многие из горожан уже успели побывать на кладбище, посетить могилы близких.

Но ни один знак внимания не венчает могилы двух выдающихся деятелей коми культуры – Каллистрата Жакова и Василия Лыткина. Лишь ветер разносит кусочки почерневших листьев, сор. Разросшийся кустарник да прелая листва возле гранитного монумента на могиле известного геолога Александра Александровича Чернова. Заросла народная тропа и к могиле «выдающегося государственного деятеля в годы становления Советской власти в Коми крае» Василия Сорвачева. Уже еле-еле читается надпись на памятнике, вокруг – мусорные кучки.

По правую сторону центральной аллеи, как раз напротив пятачка, где похоро-

нены бывшие первые лица республики, расположен актерский некрополь. Здесь нашли последний приют несколько поколений выдающихся мастеров сцены. Люди блиставшие при жизни на подмостках, окруженные славой, дарившие поклонникам радость и вдохновение... Увы, почти все они забыты потомками.

Уже в прошлое посещение кладбища гранитный обелиск на могиле заслуженной артистки России Анны Русиной был накренен. А сама могила сровнялась с землей. Чуда не произошло, никто не потрудился над тем, чтобы привести захоронение в божеский вид.

Другой актрисе – народной артистке Коми АССР Тамаре Дальской – повезло еще меньше. Памятник на ее могиле разрушился. Ничего не осталось и от фотографии. Кто-то прикрепил над могилой кусок плиты с торчащей во все стороны арматурой.

О том, что здесь нашла последний приют заслуженная артистка России и народная артистка Республики Коми Юлия Ивановна Трошева, наверное, известно немногим. Могилу звезды национальной сцены венчает невзрачный обелиск. Но нет на нем ни фамилии прославленной актрисы, ни дат жизни и смерти.

За последнее время в этом уголке кладбища стало тесно от могил. Многие огорожены. Да так, что не пройти к соседним могилам. То и дело попадаешь в тупики. Преграды создают и рухнувшие за зиму деревья. А также возвышающиеся вокруг горы мусора, из-за которых не видно ни крестов, ни памятников. Кто-то на одно из дере-

вьев прикрепил плакат с написанным от руки призывом: «Не бросайте мусор». Рядом впору вывесить другой: «Вывезите отсюда годами накопившийся хлам».

Народная артистка Коми АССР Надежда Суркова, заслуженный артист России, народный артист Республики Коми Николай Шамраев, заслуженный деятель искусств Коми АССР Николай Массальский, заслуженный работник культуры Коми АССР Наталья Генчель, выдающийся дирижер Владимир Каплун-Владимирский, актриса Лидия Дуван… Каждый из них оставил огромный след в культуре нашего края, многие имена сродни легенде. Но все заслуги, видимо, забыты, коль в таком плачевном состоянии находится последний приют.

Заботиться о могилах близких прежде всего должны родные. Но у многих их нет. А если есть, то эти люди сами неимущие или престарелые. Конечно, родственники посещают могилы, ухаживают за ними как могут. Но им не по плечу ни поправить надгробия, ни облагородить могилы. Для этого нужны средства и силы. Чтобы поднять актерский некрополь из запустения, требуется целевая программа. Вопрос: кто осознает важность этого, кто возьмется выбить на это средства? Может, Министерство культуры РК?

Пожилая женщина, сгребающая граблями старую листву в одной из оградок, посочувствовала нам: «Вы хотите, чтобы мертвым помогали, когда власти о живых забывают…»

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
(«Дым Отечества», 21 мая 2003 г.)

Без пристанища

В руки сыктывкарского коллекционера Алексея Архипова только за последний год попали несколько уникальных документов, которые могли бы стать изюминкой, украшением любых музейных и архивных коллекций. Судите сами.

Одна из этих находок – грамота, датированная 1702 годом, продиктованная государем-императором Петром I и адресованная архиепископу Холмогорскому Афанасию, известному церковному деятелю XVIII века.

Вторая – пьеска, написанная одним из жителей Усть-Сысольска в середине XIX века.

Наконец, последняя находка: дневниковые записи бывшего писаря Мишина из села Серегово, охватывающие период с конца XIX по 30-е годы XX века.

Специалисты знают, как мало документальных памятников перечисленных эпох сохранилось в наших краях. А значит, знают и красную цену каждого из них. Но парадокс: выплывшие из бездны времени документы, скорее всего, больше никто не увидит…

От монеты до колокола

Алексей Архипов.

В одну из последних встреч с Алексеем Архиповым я призналась ему: «Наверно, так и не напишу о вашей коллекции. Что ни день, то находка. Одна интереснее другой. Вдруг, думаю, позвоните назавтра и сообщите, что нашли нечто совсем необыкновенное». Коллекционер в ответ только отшутился.

И в день знакомства, и в последующие встречи рядом с Алексеем я имела редкую возможность окунуться в стихию, которая называется коллекционированием. Алексей Архипов – собиратель, можно сказать, публичный, открытый. Он дает объявления в газеты, его координаты известны всем, кто хранит или находит старинные предметы. В его квартире телефон звонит беспрерывно. Пока мы разговаривали, раздалось до десятка телефонных звонков. С некоторыми из позвонивших коллекционер тут же назначал встречу и извинившись убегал. А возвратившись, рассказывал о предлагаемых предметах. Это и наган, выкопанный из земли, и часы времен Второй мировой войны, и многое другое. «Ничего оригинального, – меж тем бросал он. – Все это встречается довольно часто».

Алексей – коллекционер широкого профиля. Начинал как нумизмат и фалерист. Со значков перешел на различные знаки отличия, награды. Так получилось, что чаще других в его руки попадали награды польского происхождения. Их и стал собирать. «Много ли у маленькой Польши знаков национальной доблести», – подумает неосведомленный в польской истории человек. На самом деле по количеству знаков отличия Польша если и уступает гигантской России, то совсем немного. А почему польские награды достаточно легко найти в России, думаю, ясно. Польша долгое время находилась под властью великого соседа, а большинство поляков хоть раз пересекали границы с Россией: кто по своей воле, а кто в телячьих вагонах.

Увлечение Архипова соседствовало с другим – небом. Он, можно сказать, потомственный авиационный штурман. Штурманом летал его отец Борис Аркадьевич. Последним местом службы Архипова-старшего стала Республика Коми. Здесь он и вышел в отставку. А вот его сыну, выпускнику Челябинского высшего военного училища штурманов, полетать удалось всего чуть-чуть. Военная авиация в Коми приказала долго жить. «Пришлось переквалифицироваться в управдомы» – так Алексей Борисович говорит о своем новом месте работы – инженера ГО и ЧС на «Водоканале».

Оседлая жизнь оставляла больше времени для общения с другими коллекционерами. Расширились контакты и интересы. Да и времена настали другие. Мыслимо ли было лет эдак двадцать назад свободно покупать и продавать иконы, цер-

ковную утварь, те же награды. За такое несложно было и за решетку угодить. Теперь все «шлюзы» открылись. На руку коллекционерам сыграло нищенское существование огромного количества людей. На продажу понесли все, что залежалось в домах и квартирах, на антресолях и чердаках.

Даже одно перечисление предметов антиквариата, собранных Алексеем Архиповым, заняло бы немало места. За несколько встреч я не успела даже толком рассмотреть малую часть того, что у него скопилось. Иконы, старинные часы, черного цвета прекрасной работы буфет, изящные вещицы так называемой «мелкой пластики», самовары, книги… Каждая вещь – со своей особинкой, историей. На фарфоровой кружке выгравировано: «Память от Общества офицеров лейб-гвардии Волынского полка»… Колокол, который весит 5,5 пуда, увенчан клеймом знаменитой до революции на весь мир колокололитейной фабрики Оловянишниковых. Любопытна символика на морском кортике. Такие граненые кортики в России были в ходу лишь до 1917 года. В советский период эти морские атрибуты уже имели два лезвия. Кортик в коллекции Архипова, по всему видать, времен царской России. А символика на нем – советская. Видимо, двуглавого орла вырубили, а с вещью расстаться не захотели.

Надо ли говорить, как интересно рассматривать эти осколки прошлого и слушать человека, который о каждом из них может рассказывать бесконечно. «Жаль, что почти никто не увидит все это, – делилась я с Алексеем. – А столько любопытного, необычного…» Архипов соглашался. Кстати, он как раз не из тех, кто «сидит» на своих находках, как собака на сене. Алексей уже устраивал выставку из предметов своей коллекции. А некоторые свои приобретения отдавал и на другие выставки.

Громкое имя, да карман пустой

Но чем больше мы общались с Алексеем Архиповым, тем чаще вставал вопрос: «Почему вся эта старина разминулась с музеями? Ведь место многим из них – именно там». Взять те же иконы. Среди попавших в руки коллекционеров есть необычные, редкие, местного письма. Некоторые, попади они в руки специалистов, наверняка обернулись бы открытиями в иконописи. Но…

Заместитель директора Национальной галереи РК Наталья Плаксина показала иконы, каждая из которых имеет огромную художественную ценность. Но их придется вернуть хозяевам. У галереи средств на покупку икон практически нет. Уже несколько лет висит долг в 200 тысяч рублей – не могут рассчитаться за художественные произведения, уже переданные в галерею. Нет средств и на приобретение полотен современных мастеров. Вот и уходит все ценное в частные руки, за границу. При таком положении недалеко время, когда для того, чтобы увидеть родное искусство, придется ездить за рубеж.

А ведь было и так, когда количество экспонатов, поступавших в фонды Национального музея РК, лишь за один год доходило до пяти тысяч. Для сравнения: в 2002 году музейщики смогли приобрести 1497 предметов. 78 из них – за деньги. Слава Богу, многие жители республики еще продолжают делать дары музеям. Но с каждым годом число дарителей сокращается. И дело здесь не только в оскудении душевных качеств. Продавать реликвии заставляет нищенская жизнь.

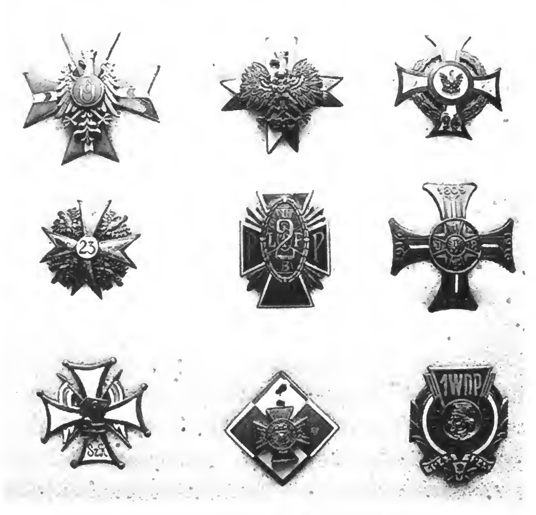
Музей как учреждение государственное, например, не может приобретать те же самые награды, которых на рынке сейчас – пруд пруди. Чтобы они попали в

музейные хранилища, требуются специальные решения правительства, Минкультуры, а также согласие ветеранов войны и труда или их родственников. Формальностей много, и это отпугивает людей. Правда, государственные награды Российской Федерации не имеют права приобретать и коллекционеры. Но они в их руки, конечно же, попадают. Причем без соблюдения обременительных формальностей.

У Национального музея РК лишь громкое название. Его карманы почти пусты. В прошлом году на покупку нескольких частных коллекций музей наскреб около пяти тысяч рублей. По словам директора музея Валентины Михайловны Стрекаловой, сердце разрывается, когда приходится отказывать посетителям, пришедшим продать свои ценности. Сейчас Национальный музей РК подготовил документы в Минкультуры РК, чтобы приобрести две по-настоящему уникальные коллекции. Одна включает архив и предметы быта, оставшиеся от известного ученого, военного историка А.Н.Александрова. Вторая – документальное наследие замечательного мастера М.С.Кочева. Но найдутся ли у республики средства на их приобретение, сказать пока сложно.

Сдал предков. В магазин

Магазин «Коллекционер» недалеко от сыктывкарского аэропорта можно перепутать с музеем. В маленькой комнатке тесно от всякой всячины. Одна стена отведена под иконы. Писаные маслом, меднолитые, одна – в жемчужном окладе... В витринах – книги, посуда, монеты, значки. Мое внимание привлекли фотокарточки и солдатский треугольник. «Неужели даже это сдают?» – спросила у владельца магазина Константина Удоратина. Он подтвердил и тут же стал перечислять цены: «Фотографии царственных особ – полторы тысячи долларов, чуть меньше стоят лица княжеского зва-

Часть коллекций А.Архипова.

ния, затем по убывающей – снимки царских генералов, епископов...»

В коллекции карточек, сданных в магазин, есть снимок какого-то епископа в полном праздничном облачении. Хотя в наших краях фотокарточки влиятельных особ – редкость. Сдают же большей частью снимки, запечатлевшие крестьян да мещан. Есть фотографии 30-х и даже 60-х годов. Самое удивительное, на нескольких снимках, сданных в магазин, я обнаружила знакомых мне людей. Как-то не по себе стало, что их изображения пылятся в магазинной витрине. Купила эти снимки, «вызволила» из плена.

В магазине много людей. Приходят, смотрят, спрашивают, предлагают. Наш разговор с Константином Удоратиным вертится вокруг главного. Это в Европе каждая вещичка, перешедшая от предков, превращается в фамильную редкость, в семейную реликвию. Нам до этого – как до неба. Для многих в прошлом нет ничего святого. Все несут на продажу. Хотя старые вещи могут стать настоящим украшением любой, даже самой суперсовременной квартиры. Не говоря о том, что само их присутствие в доме несет нравственный заряд. И чем больше будет таких пристанищ для старины, тем лучше.

Перед моими глазами – дом известной сыктывкарки, тренера по художественной гимнастике, замечательной мастерицы Татьяны Тюпенко. Татьяна Ивановна не только сумела сохранить всю обстановку деревянного дома своих предков посреди столицы, но на видное место поместила старые вещи. Они приводят в удивление и восторг всех многочисленных гостей этого дома. Особенно иностранцев, которые с удовольствием посещают этот своеобразный дом-музей. Как не удивиться, если рядом с крестьянской утварью соседствуют настоящая рогатина, с которой дед Татьяны Ивановны ходил на медведя. Дед в этом доме и жил, а в двух шагах от крыльца шумел лес. Жить в своем родовом доме, знать его историю, прикасаться к вещам, которые отполировали руки предков – об этом можно лишь мечтать.

Но кто привьет это чувство молодежи? Кто расскажет им, что негоже сдавать фотографии дедов и иконы бабушек в магазин? Как сделать так, чтобы нынешнее поколение не стало Иванами не помнящими родства? Вопросы без ответа...

Реформы без культуры

В конце концов можно смириться с тем, что реликвии попадают в руки коллекционеров. Хорошо, что у нас есть свои, местные собиратели. Ведь ни для кого сегодня не секрет, сколько предметов старины вывозится за пределы республики, неведомо куда, бесследно. Сомнительные личности уже несколько лет прочесывают печорские села и деревни. В Удорский район по зимнику приезжают на самосвалах. За бутылку «Трои» покупают все, что поддается перевозке: сани, лошадиную упряжь, кадушки, памятные кресты...

Государственные хранилища меж тем рискуют остаться ни с чем. Только-только подписан Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», в котором предусмотрены меры по защите национального достояния. Конечно, в первую очередь внимание будет обращено на величайшие памятники истории и культуры: дворцы, ансамбли, монастыри... На Севере таких объектов немного. В Коми их можно сосчитать на пальцах одной руки. Но у нас свои памятники, свой неповторимый колорит, уникальная самобытная культура. Кто и когда снизойдет до них?

Уже несколько лет существует территориальное управление Министерства культуры РФ по сохранению культурных ценностей. Центром этой структуры для нашей республики, а также соседних с нами областей является Архангельск. Со следующего года управление намеревается осуществить паспортизацию некоторых храмов Республики Коми. Деньги выделены из федерального бюджета. Цель благая, но тоже очень долговременная.

А почему бы Республике Коми не проявить в этом благородном деле инициативу? Ежегодно, как говорится, отдельной строкой, выделять средства, пусть хоть по минимуму(!), на приобретение музеями памятников истории и культуры. Это сделало бы честь нынешнему руководству республики, правительству, Госсовету. Но у нас, похоже, культура мало кого сегодня волнует.

Анна СИВКОВА.
Фото Георгия ЛИСЕЦКОГО.
(«Дым Отечества», 30 мая 2003 г.)

ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ РЕСПУБЛИКИ

Главная площадь республики

В разные годы центральная площадь Сыктывкара называлась по-разному. Красная, Юбилейная... Теперь она носит название Стефановской. Здесь, в центре города, всегда бывало многолюдно. Именно здесь происходили важнейшие для республики и города события. Наверное, нет семьи, где в альбомах не сохранились фотографии с этой площади: во время парадов, шествий, демонстраций, возле новогодней елки, просто в будничный день... Давайте сообща воссоздадим исторический портрет Стефановской площади.

Этот снимок хранится в нашем семейном альбоме уже более 30 лет. Сделан он в Сыктывкаре на Юбилейной площади 1 января 1966 года. Маленькая девочка, рядом с ледяным Дедом Морозом – моя старшая сестра Ирина. Слева – наша мама. Сделал снимок папа.

Екатерина ЕЛИЗАРОВА.
г. Сыктывкар

Это был первый день 1970 года. В том году отмечали столетие вождя мирового пролетариата В.И.Ленина. Большое событие случилось и в моей жизни – у меня родился второй сын.

На новогодней елке 1 января людей было немного – все отдыхали от праздничных торжеств.

Над Юбилейной площадью возвышался каркас огромного строящегося здания. Возводился Совмин. Главная площадь столицы приобретала современный вид.

Николай СУРКОВ.

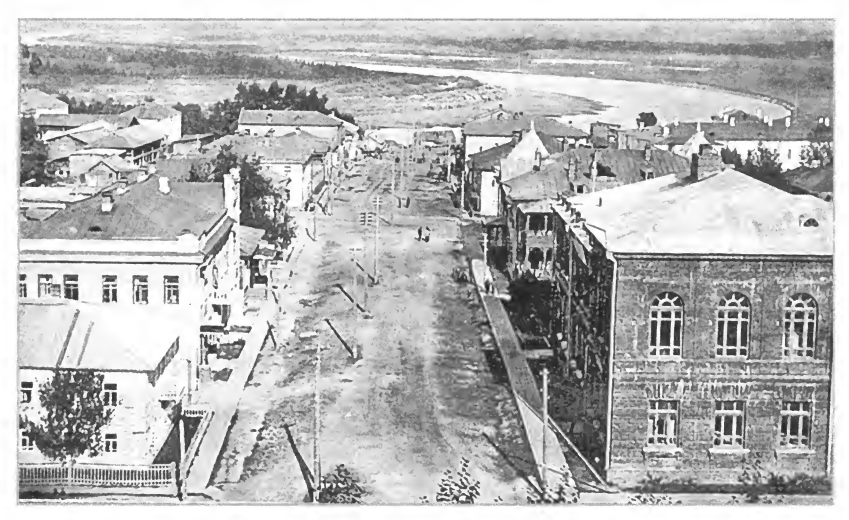
г.Сыктывкар

На этом снимке мы с папой. Снимок сделан на площади в Сыктывкаре в декабре 1957 года. За нами и снежными сугробами видно здание Главпочтамта. Оно еще деревянное. Сбоку на здании висят часы. Это самое многолюдное и оживленное место столицы 50-х годов.

Вера ДАНЬЩИКОВА.

г.Сыктывкар

В конце XIX – начале XX века в Усть-Сысольске жила семья Городецких. Мужчины из этой семьи занимали довольно высокие посты в городских службах. Женщины вели домашнее хозяйство, были талантливыми рукодельницами и художницами. Славный род замкнулся на Всеволоде Городецком. Талантливый юноша в 30-е годы был необоснованно арестован, отправлен в Воркуту. Суровые условия жизни отняли силы и здоровье, вскоре после освобождения из лагеря он умер.

Остался альбом с фотографиями, сделанными Всеволодом. Многие снимки из этого альбома уникальны. Часть из них отражает жизнь Стефановской площади в 20-30-е годы. На этих снимках – самая главная достопримечательность площади – Стефановский сбор. С колокольни собора сделан другой снимок – с панорамой сбегающей к реке улицы, с Сысолой, с заречными далями.

Еще на одной фотокарточке – бурные 30-е годы. На площади бушует демонстрация. Трибуны, транспаранты... Участь красавца собора уже предрешена...

Анна МАЛЫХИНА.
г.Сыктывкар

Первомайская демонстрация 1986 года. Быть может, кто-то на этом снимке узнает себя и своих близких. А кто-то назовет героев транспарантов в руках демонстрантов. Правда, сделать это будет непросто: фамилии членов политбюро канули в Лету.

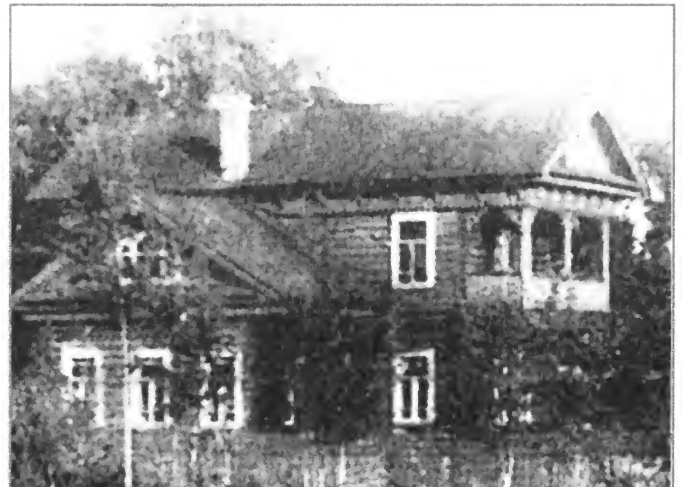

Григорий МИШАРИН.
г.Сыктывкар

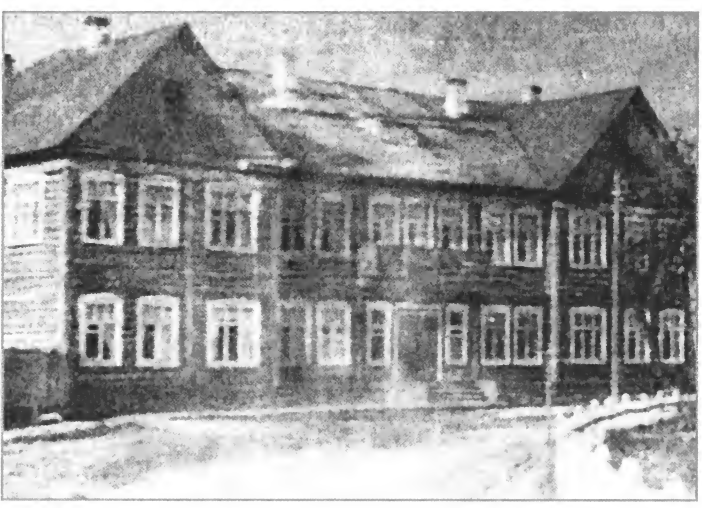
Этот снимок сделан на Юбилейной площади 9 мая 1974 года. Юный воин с автоматом со штыком и в каске – мой брат Василий Попов. Рядом стоит наш родственник Алексей Иванович Желудев, который перед торжественным парадом и экипировал юного родича. Сейчас Василий работает мастером на фанкомбинате в Эжве. Вырос по службе и Алексей Иванович.

Людмила КЕЛЬИНА.

Так выглядела сыктывкарская Красная площадь в 50-е годы. Каменное здание справа занимал обком партии. Здесь теперь располагается Национальный музей.

С левой стороны от площади, при спуске к реке, стояло здание горздравотдела.

На месте же нынешнего обкома партии возвышался деревянный сельхозтехникум. До конца 40-х годов он назывался строительным. На этой фотографии – учащиеся сельхозтехникума в 1953 году.

Напротив сельхозтехникума, на углу площади и улицы Ленина, стоял один из самых оригинальных деревянных домов Сыктывкара. Его все называли «дом с мезонином». Владельцем примечательного здания в 40-50-е годы был П.П.Попов.

С.ЖЕРЕБЦОВА.

Этот снимок я храню как память о своих воспитанницах из сыктывкарского детского сада № 31, где я проработала много лет. Справа стоят Наташа Шаня с сестренкой, а слева – Валя Жиделева. Сфотографировались девочки в январе 1956 года на Красной площади Сыктывкара. Имя Валентины Жиделевой сейчас хорошо известно в столице, она преподаватель СГУ, проректор университета. А вот Наташу Шаня я давно не встречала, ничего о ее судьбе не знаю. Если вдруг этот снимок она увидит, пусть откликнется.

Альбина Александровна ПЫСТИНА.

Один из парадов в начале 90-х годов. Сейчас шествие духового оркестра по улицам Сыктывкара увидишь не часто. Да и парадов не стало.

Сергей ГАВРИЛЕНКО.

1960 год. Неизвестный фотограф запечатлел завершающий этап строительства областного комитета партии на Красной площади Сыктывкара. В 1961 году, к юбилею Республики Коми, здание было введено в эксплуатацию. Ранее такое же здание было построено в Ульяновске. Архитектор И.М.Кусков, проектировавший «желтый дом», немного изменил ульяновский проект: слегка развернул его и перенес арку в правое крыло здания.

А.БОБРАКОВА.

Снимок сделан на фоне сельхозтехникума зимой 1950-51 годов. Красная площадь готовится к встрече нового года. На переднем плане – Алик Малышин и Володя Ларуков. Володя – сын известного в Сыктывкаре мастера на все руки Панкратия Васильевича Ларукова. Долгие годы он трудился в комбинате бытового обслуживания, умел ремонтировать все, начиная от часов и фотоаппаратов, заканчивая пишущими машинками.

Р.ЛАРУКОВА.

1. На этом снимке мой отец Степан Егорович Осипов. Эта фотография сродни почетной грамоте. Права запечатлеться в своей машине на Красной площади шофер Осипов удостоился после того, как в условиях нелетной погоды доставил материалы первых выборов в Верховный Совет СССР из Кирова в Сыктывкар. Отец прекрасно справился с поставленной задачей. Много лет он трудился в транспортной конторе Управления связи Коми АССР. Снимок сделан в 1938 году.

2. Мы с женой на площади в день 9 мая 1962 года. Памятника Ленину еще нет. Вместо него высится трибуна для торжественных мероприятий.

С 1947 года на площади в канун нового года стали наряжать елку. Чуть позже начали возводить из снега и льда разные фигуры, в том числе и цифры, обозначающие новый год.

3-5. Демонстрация, приуроченная к очередной годовщине Великого Октября. 1964 год. Обязательные атрибуты демонстраций тех лет налицо: военная техника, колонны авиаторов и детей.

Владимир ОСИПОВ.

г. Сыктывкар

7 ноября 1922 года. В углу Красной площади открыт памятник на братской могиле 14 красноармейцев, погибших от рук белых в Гражданскую войну. Автором памятника был скульптор Е.Майхель. Памятник оставался здесь до 50-х годов.

По правую сторону от памятника стоят секретарь обкома Чирков, автор памятника Майхель, С.Рочев, Я.Потапов, В.Савин. По левую сторону – Михайлов, Калашников (в военной форме), Сорвачев, Е.Мишарин.

В здании, где сейчас располагается администрация Главы республики, много лет до этого размещался обком партии. В моем семейном архиве сохранился снимок аппарата обкома партии в 1923 году.

Сидят (средний ряд, слева направо): А.Бызов, Я.Потапов, О.Родева, Чирков, Юркин, Михайлов, Липовский. Стоят: Майхель, А.Иевлев, А.Нестеров, А.Липин, Кулаков, В.Савин, Леканов. Задний ряд: В.Нестеров, Урнышев, И.Вежев, неустановленное лицо, М.Переботинский, Карманов, А.Чеусов, А.Выборова, Н.Артеев, неустановленное лицо, Л.Прокопьева, Е.Одинцова, Ляпунов... Сидят: К.Улитина, П.Изъюров, Зайцева, неустановленное лицо, В.Попов, Н.Ускарева, К.Харапова, Демина. Последние в этом ряду М.Пролетарский, В.Лыткин.

Елизавета Павловна ПРОЛЕТАРСКАЯ.
г.Сыктывкар

Юбилейная площадь. 10 ноября 1980 года. Принятие присяги сотрудниками пожарной охраны МВД Коми АССР. Торжественная минута – равнение на знамя. Третий слева в строю – я.

9 мая 1995 года. На Юбилейной площади проходит парад в честь 50-летия Победы. Мой отец не дожил до этой даты. Я подготовил и принес в этот день на площадь небольшую планшетку, рассказывающую об отце. Думал, может, откликнется кто-нибудь из его однополчан. Но никто не подошел.

Михаил МИКУШЕВ.
г.Сыктывкар

Наша семья Балашовых много лет жила в доме, расположенном по соседству со Стефановской площадью. Это был дом специалистов связи. В связи долгие годы работал мой отец Лавр Иванович Балашов. Он был начальником радиомастерской дирекции радиотрансляционных сетей Коми АССР. Эта служба, как и все службы связи, тоже располагалась рядом с площадью. Снимок сделан в марте 1945 года. Мой отец – в третьем ряду третий слева в кругу коллег.

В нашем доме по улице Ленина, 56 проживали семьи Томовых, Осиповых, Слепчиных, Попукаловых, Шергиных, Исаковых, Юферовых. А это мой брат Валентин во дворе нашего дома «примеряет» средство передвижения своих юных друзей.

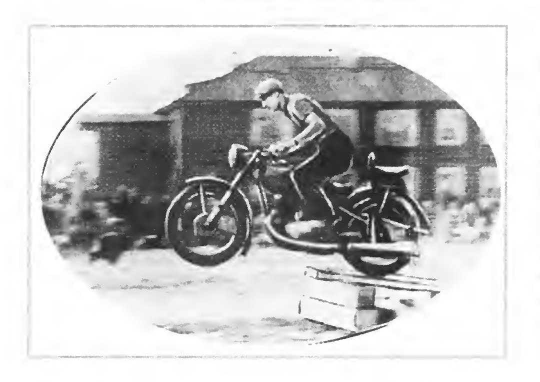

На снимке запечатлен один из стартов мотоциклетных гонок. Валентин Балашов у своего «коня». Старт соревнованиям давали на площади.

Редкий кадр. Мотоцикл Валентина Балашова пролетает вдоль фасада нашего дома. Это происходило в дни спортивного праздника в Сыктывкаре. Август 1956 года.

Ольга БАЛАШОВА.

г. Сыктывкар

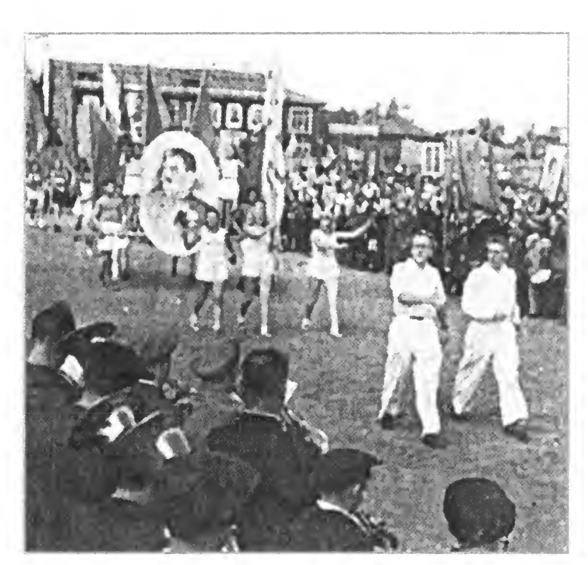

В 1950-1954 годы я училась в сельхозтехникуме Сыктывкара. Любимым местом отдыха в студенческие годы была у нас Красная площадь. Вокруг площади росло много деревьев, были даже яблони с маленькими плодами. В этих кущах мы часто занимались.

На одном снимке – мои подруги Г.Федосеева, Н.Торлопова, А.Политова, Р.Надуткина и мы с сестрой. На другом – я, моя сестра Зоя Плесовская и мой будущий муж Володя Рыдзевский. 32 года я проработала ветеринарным врачом. С мужем прожили вместе 45 лет.

Роза РЫДЗЕВСКАЯ.
г.Ухта

Торжества на Красной площади в Сыктывкаре. На фотокарточке запечатлено празднование 25-летия Октября.

К.С.МОИСЕЕВА.
г.Сыктывкар

Мой отец Илья Нефедов всегда с большим удовольствием отправлялся на Юбилейную площадь на почитаемые сыктывкарцами народные праздники. Он неизменно брал с собой старенький, видавший виды фотоаппарат «ФЭД» в потертом коричневом футляре.

А вечером, когда над городом спускались густые сумерки, заносил он в ванную громоздкий фотоувеличитель, ванночки, красный фонарь и другие необходимые причиндалы и долго, почти до полуночи, колдовал над фотоснимками. Днем сушил фотографии на глянцевателе, а потом тщательно их раскрашивал разноцветной тушью во все цвета радуги, создавая живописность фотографического произведения – так он выражался.

Удивительный был человек – самобытный фотограф-художник.

Как мне помнится, он всю жизнь фотографировал. А заболел этой страстью, по его словам, еще в молодости, в 30-е годы, работая избачом в селе Айкино Усть-Вымского района Коми АССР.

Может, к этому искусству подтолкнула страстная любовь, ухаживал он в то время за Марией Кызродевой, студен-

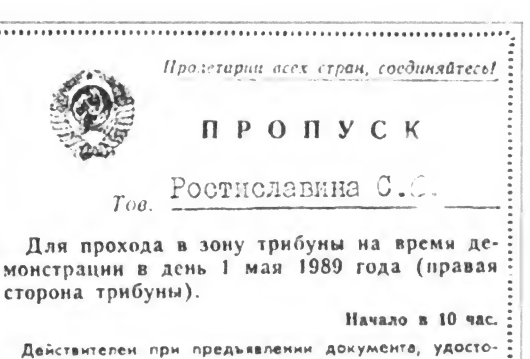
ткой Айкинских учительских курсов, сельской красавицей, моей будущей мамой.

А начал он фиксировать действительность и печатать снимки на камере «Фотокор» с треногой, которой его премировали как одного из образцовых комсомольцев ячейки ликбеза села Айкино.

На этом снимке – митинг на Юбилейной площади в честь 40-летия Коми автономной социалистической республики 22 августа 1961 года. Второй снимок датирован январем 1962 года. Советский человек недавно побывал в космосе.

Владимир НЕФЕДОВ.
г. Сыктывкар

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОПУСК

Тов. Ростиславина С.С.

Для прохода в зону трибуны на время демонстрации в день 1 мая 1989 года (правая сторона трибуны).

Начало в 10 час.

Действителен при предъявлении документа, удостоверяющего личность.

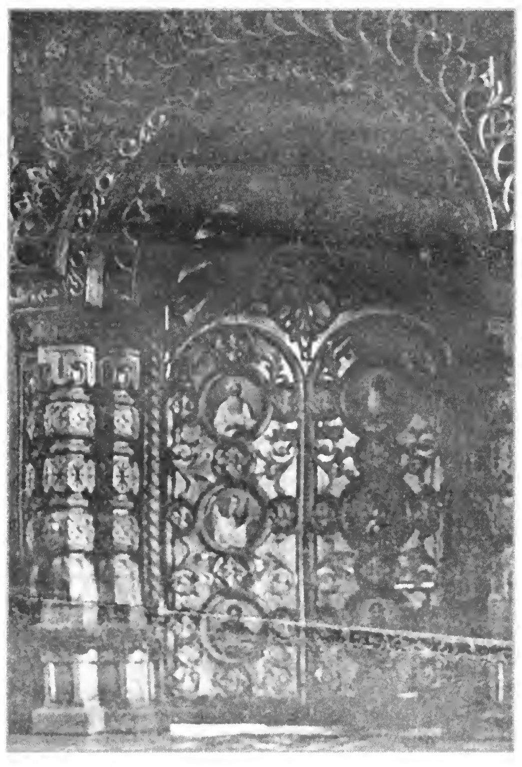
В своих бумагах случайно обнаружила эту карточку. Хотя и не старый снимок, но тоже по-своему примечательный документ. Такие пропуска выдавали тем, кто во время праздничных демонстраций на Юбилейной площади приглашался на трибуну. Этой чести я была удостоена 1 мая 1989 года.

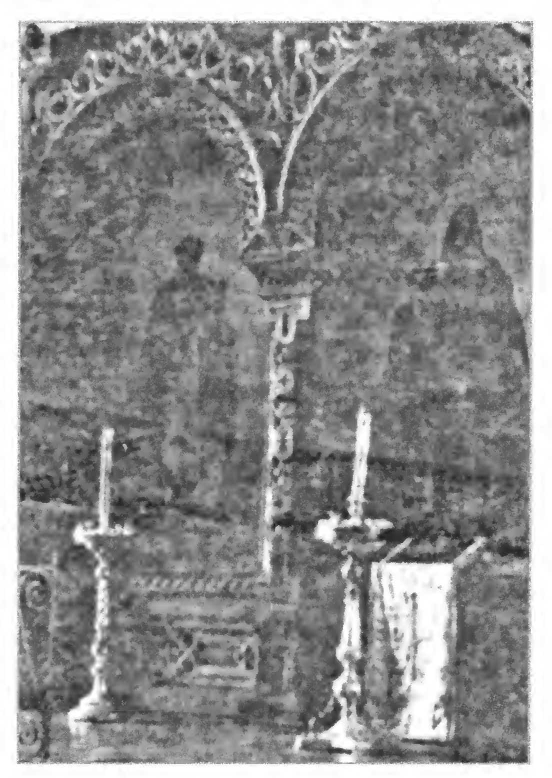
Софья Сергеевна
РОСТИСЛАВИНА.
г. Сыктывкар

1984 год. Только что закончился парад на Юбилейной площади столицы, посвященный Дню Победы – 9 мая. Из колонны выбежали два школьника – Костя и Наташа – и поспешили к возвышению, где их ждал дедушка Петр Георгиевич Костюхин. Ребята знали: День Победы – его любимый праздник.

Петр Георгиевич с группой фронтовиков и именитых людей республики принимал парад у трибуны. К ним подошел фотограф А.А.Кичигин. На память остался этот снимок двух поколений.

Ксения ПОПОВА.
г.Сыктывкар

Самым красивым строением Стефановской площади за все время ее существования, несомненно, был Стефановский собор. Величие, неповторимый архитектурный облик главного храма Коми края донесли до нас немногочисленные фотографии.

Еще меньше снимков, на которых запечатлено пышное, красивое убранство интерьера Стефановского собора. Такие снимки уникальны. В моем архиве хранятся две фотокарточки, сделанные внутри собора еще до революции. Они принадлежали семье Городецких.

Анна МАЛЫХИНА.
г. Сыктывкар

На снимке девчонки из моей комнаты. Годы были трудные, не было хорошей одежды, недоедали. Но посмотрите, какие веселые воробушки. И снежные скульптуры тоже тогда делали смешные, было много сюжетов из русских сказок.

Моих однокурсниц со снимка зовут Надя Осипова, Люба Варцова, Валя Коротких, Настя Дуркина, сестра Нади, Алла Шаповалова, Неля Ярошенко. Все разлетелись по городам и весям. Сама я после КГПИ 39 лет проработала в школе учителем английского языка.

Мы, студентки пединститута, на фоне памятника Ленину в ноябре 1958 года. Первый памятник вождю стоял по улице Коммунистической слева, при подъеме на Красную площадь. Затем его убрали, возвели нынешний памятник работы скульптора Кербеля.

Елена Федоровна ШУЛЕПОВА.

с.Ношуль, Прилузский район

1. В 1957 году я поступила в педучилище. Снимок сделан 7 ноября 1957 года. Какие мы, студенточки, были молодые, счастливые в годы учебы! Я, Коняева Рита, крайняя справа.

2. Мы, три подруги, на фоне сыктывкарской достопримечательности – здания главпочтамта. Слева направо: Галина Петровна Кочанова, Александра Ивановна Салтыкова-Уляшова и я, Маргарита Степановна Лызлова. Все – работницы детского сада № 22. Лето 1966 года.

3. А этот снимок я храню как память о своих воспитанниках из детского сада №47.

Тогда садик принадлежал Коми филиалу Академии наук СССР. Здесь я проработала 25 лет. 22 апреля 1970 года, в день рождения В.И.Ленина, мы ходили к памятнику вождю возлагать цветы. Многих из своих питомцев с этого снимка я помню: Оля Забоева, Люда Давыдова, Аня Пучкова, Вася Елисеев... Буду очень рада, если кто откликнется.

Маргарита Степановна ЛЫЗЛОВА.
г.Сыктывкар

Эту панораму главной площади Сыктывкара сделал мой дед Прокопий Дмитриевич Покровский в 1962 году. Мальчик с велосипедом на переднем плане – это я.

Сергей ПОКРОВСКИЙ.

г.Сыктывкар

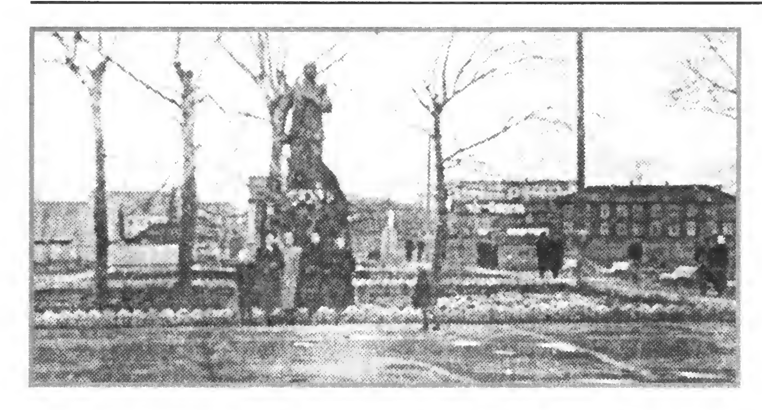
Несколько лет моей жизни связаны с ансамблем профтехобразования «Сигудэк». Мы, артисты «Сигудка», часто бывали на Юбилейной площади, давали здесь концерты. В моем фотоальбоме хранятся несколько дорогих снимков, на которых запечатлены я и мои друзья по ансамблю.

Петр ВАСИЛЬЕВ.

г.Сыктывкар

Такой Стефановская площадь была в 1958 году. В центре – памятник В.И.Ленину, предшественник нынешнего памятника вождю пролетариата. Крайняя слева – я, мне 12 лет.

Валентина Михайловна БЫЗОВА.
г.Санкт-Петербург

(«Дым Отечества», 21 января, 15 февраля, 22 марта, 19 апреля, 24 мая, 21 июня, 12 июля, 20 сентября 2003 г.)

Эхо публикаций

Звонок из Москвы, привет из Канады

Этот снимок был опубликован в прошлом выпуске «Дыма Отечества» в рубрике «Семейный альбом». Сыктывкарка, в прошлом воспитатель детского сада, Альбина Александровна Пыстина принесла в редакцию фотографию, на которой были запечатлены ее воспитанницы. О судьбе сестер Шаня – Наташи и Гали, запечатленных на Красной площади Сыктывкара, она ничего не знала. И попросила откликнуться их.

Пару недель спустя после выхода «Дыма Отечества» – звонок из Москвы. Звонила Наташа Шаня, Наталья Ивановна Шулева. Взволнованным голосом она рассказала, что газету ей привезли из Сыктывкара. Она была очень удивлена, увидев старый снимок в газете. Она уже давно москвичка. Окончила Ленинградский технологический институт. Двадцать лет проработала в НИИ.

Наталья Ивановна о сюрпризе в «Дыме Отечества» рассказала по те-

лефону и сестре Галине, которая теперь живет в Канаде. «Галя даже больше меня обрадовалась этой новости, – сказала она. – Мы очень благодарны вам и нашей воспитательнице Альбине Александровне за добрую память».

Дозвонились сестры и до А.А.Пыстиной. Радовались, что вновь услышали родной голос, и благодарили, благодарили…

(«Дым Отечества», 19 апреля 2003 г.)

А позади уже полвека...

В мартовском выпуске «Дыма Отечества» был опубликован снимок маленьких девочек возле новогодней елки на Красной площади в Сыктывкаре. Любительскую фотокарточку передала на конкурс «Главная площадь республики» жительница столицы, бывшая воспитательница детского сада Альбина Александровна Пыстина. Она очень хотела, чтобы ее бывшие воспитанницы, запечатленные на снимке, откликнулись.

В течение последующего месяца один за другим пришли отклики от всех трех девочек, теперь уже взрослых. Сначала из Сыктывкара, затем из Москвы, потом из... Канады. А еще некоторое время спустя состоялась теплая и трогательная встреча. Вот как рассказала о ней в своем письме в редакцию Альбина Александровна.

«Как давно это было... А кажется, совсем недавно. Середина 50-х годов. Работаю в детском садике №31, что в районе СМЗ. Я еще совсем молоденькая. А у меня уже питомцы, целая группа. За 30 с лишним лет работы в садике перед глазами прошли сотни ребят. Но почему-то больше всего запомнились первые воспитанники. В той, самой первой группе были Валя Жиделева и Наташа Шаня.

За полвека жизнь разбросала нас. В память о девочках осталась лишь фотокарточка. Думала ли я, что именно она сведет нас снова вместе. Но случилось чудо.

Альбина Александровна Пыстина (в центре) со своими бывшими воспитанницами.

Первой откликнулась Валентина Васильевна Жиделева. Потом из Москвы дала о себе знать Наталья Ивановна Шулева (Шаня). Из далекой Канады привет послала и ее младшая сестра, которая тоже есть на старом снимке.

Наконец, встреча. Сначала в Сыктывкарском университете, где работает Валентина Васильевна. А потом у нее дома. Специально на эту встречу приехала из Москвы Наталья Ивановна. Нет конца воспоминаниям... Всплывают в памяти незначительные детали, которые по прошествии лет стали большими, значительными. С особой теплотой мои девочки вспоминают аэропортовский дом, в котором жили. Отец Наташи – Иван Шаня – был в свое время известным летчиком. В аэропорту работал и отец Вали.

Обе мои воспитанницы состоялись как личности. Валентина Васильевна – проректор Сыктывкарского университета по учебно-воспитательной работе. Инженером в медицинском вузе в Москве работает Наталья Ивановна.

Спасибо «Дыму Отечества», что снова свел нас.

Альбина ПЫСТИНА.

г. Сыктывкар»

(«Дым Отечества», 26 декабря 2003 г.)

Свято место

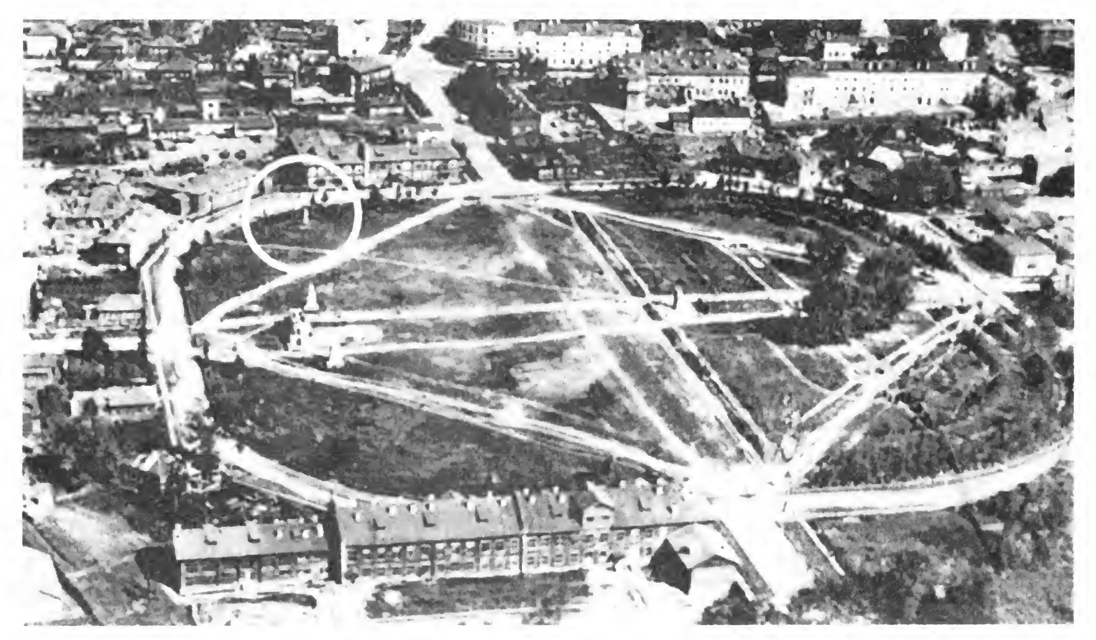
Среди десятков уникальных, интереснейших фотографий, представленных на конкурс, был снимок, сделанный на Красной площади Усть-Сысольска 7 ноября 1922 года. В этот день здесь состоялось торжественное открытие памятника на могиле 14 красноармейцев, погибших в Гражданскую войну. Уникальный снимок предоставила сыктывкарка Елизавета Павловна Пролетарская. Публикуя его, мы не предполагали, что потянули за ниточку, которая приведет к ошеломляющему, сенсационному открытию.

Справка

Осенью 1919 г. действия белогвардейцев в Коми крае активизировались, и к 14 ноября ими был захвачен г.Усть-Сысольск. Возникла прямая угроза тылу Северодвинского участка фронта Красной Армии и железнодорожной ветке Вятка – Котлас. В связи с этим командование 6-й армии укрепило военные силы на Яренском и Усть-Сысольском направлениях. На Усть-Сысольском направлении были сосредоточены воинские части, посланные Вятским губвоенкоматом, соединившиеся с местными отрядами под командованием уездного военкома В.П.Юркина. Общее командование отрядами, численность которых превышала тысячу человек, осуществлял В.Б.Контрым – военный комендант г.Вятки.

В боях между Усть-Сысольском и Вомыном в декабре 1919 года погибло много красноармейцев из отряда Контрыма. Тела 14 красноармейцев были доставлены в г.Усть-Сысольск и во время торжественного митинга 13 декабря 1919 г. похоронены на Красной (ныне Стефановской) площади.

Фамилии всех похороненных красноармейцев из-за отсутствия документов установить не удалось. Вероятно, это были красноармейцы, прибывшие с отрядом Контрыма из Вятки. Известны лишь фамилии двух местных красноармейцев,

Так выглядела Стефановская площадь в середине прошлого века. В углу площади значком отмечен обелиск, под которым покоились останки 14 красноармейцев.

захороненных в братской могиле, уроженцев с.Щельяюр Красноборской волости – Семена Ивановича Беляева и Арсения Ивановича Сметанина.

В 1920 г. на могиле был установлен временный деревянный памятник, замененный в 1922 году, во время празднования 5-й годовщины Октябрьской революции, на бетонный, сооруженный на народные средства по проекту Е.О.Майхеля.

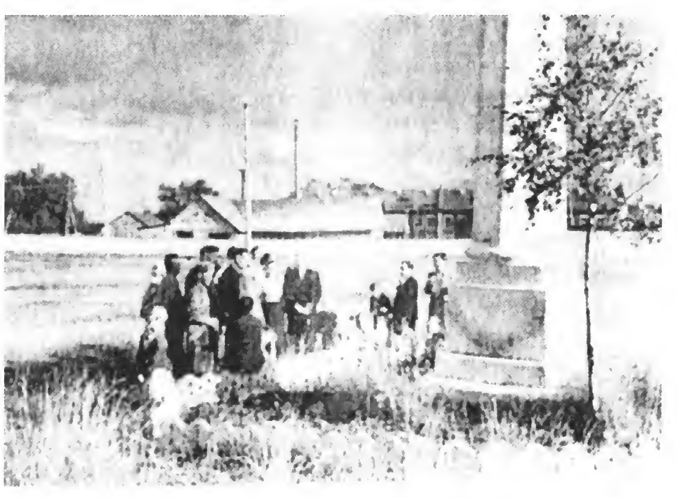
В 1956 г. вместо него был установлен каменный четырехугольный обелиск.

5 марта 1963 г. в связи с планируемой застройкой Красной площади на месте перезахоронения была установлена бетонная стела, реконструированная по предложению градостроительного совета в 1987 г. Авторы проекта реконструкции: архитекторы В.Сенькин, А.Ракин, П.Резников, скульптор В.Рохин.

(«Дым Отечества», 24 ноября 2004 г.)

Мертвые сраму не имут

В фондах Коми республиканского государственного архива общественно-политических движений и формирований (бывший партархив) хранится тоненькое дело. Называется оно «Материалы о перезахоронении останков участников Гражданской войны в Коми крае». На четырех из пяти пронумерованных в деле листах содержится план мероприятий и порядок перезахоронения останков погибших в боях за освобождение Усть-Сысольска красноармейцев. План предусматривал торжественное перезахоронение, приуроченное к 5 марта 1963 года.

Обелиск в центре площади.

На пятой же, последней странице дела содержатся факты, которые свидетельствуют о кощунстве, а не торжественном акте перезахоронения.

Акт

«14 февраля 1963 года. Мы, нижеподписавшиеся члены комиссии горисполкома по перезахоронению останков из братской могилы, участники Гражданской войны в Коми крае товарищи Суханов Иван Алексеевич, майор медицинской службы в отставке, Правдин Григорий Семенович, подполковник в отставке, Харапов Михаил Николаевич, составили настоящий Акт о нижеследующем:

1. В 1961 году при благоустройстве Юбилейной площади был разрушен на братской могиле обелиск с надписями на обеих сторонах: на лицевой – «Слава героям, павшим в боях за освобождение Усть-Сысольска от белогвардейских банд. 1.12.1919 г.», надпись на обратной стороне подлежит уточнению (этот обелиск – на снимке).

В то время останки 14 воинов, захороненных в братской могиле, не были извлечены.

Контуры места нахождения братской могилы были ликвидированы.

2. Район нахождения братской могилы отведен горисполкомом под строительство дома связи, но меры по извлечению останков опять не были приняты.

3. На территории, в которую вошла братская могила, экскаватором (1963 г. – ***Ред.****) произведена выемка грунта под котлован строящегося дома связи на глубину, захватывающую братскую могилу до основания, и снова без извлечения из нее останков.*

4. В незатронутом грунте в западной стене котлована сохранился юго-западный уголок могилы, где обнаружены концы двух гробов, разбитых экскаватором, из которых извлечены останки (отдельные кости трупов и обломки гробов).

5. Специальная бригада рабочих на месте братской могилы на дне котлована произвела раскопки, но останков там не оказалось.

Среди разбитого экскаватором грунта, находящегося на дне и по краям котлована, собраны отдельные части останков (кости) и разбитые куски гробов.

Все, что было возможно, извлечено.

6. Грунт из вырытого котлована, перемешанный с останками погребенных в братской могиле работой экскаватора, на самосвалах вывезен на обваловку очистных сооружений городской канализации.

При осмотре этой стройки обнаружены куски гробов, что подтверждает факт вывозки останков, перемещенных с грунтом на указанное строительство, но извлечение их оттуда невозможно.

Строители дома связи – экскаваторщик т. Поскребышев и начальник Первого строительного управления «Комистроя» т. Артемьев сообщили, что имелась еще возможность полного извлечения останков из обнаруженной братской могилы и в процессе выемки грунта из котлована.

Тов. Поскребышев сообщил, что как только экскаватором был задет первый гроб, он работу остановил и сообщил о случившемся начальнику участка тов. Воронову и начальнику строительного управления т. Артемьеву.

По распоряжению последнего экскаватор был переведен на место, удаленное от могилы.

Тов. Артемьев сообщил, что он немедленно уведомил об обнаружении могилы заказчика – начальника управления связи тов. Колмакова, который обещал выяснить, что делать, одновременно тов. Артемьев уведомил об обнаружении и председателя горисполкома тов. Елизарова, который ответил: «Разберусь».

На следующий день, часов в 10 утра, зам. Председателя горисполкома тов. Сергеев, прибывший на место, где производилась выемка грунта из котлована, распорядился поставить экскаватор на прежнее место и продолжать выемку грунта, не обращая внимания на обнаруженные гробы.

Таким образом, была исключена последняя возможность надлежащего извлечения останков из братской могилы.

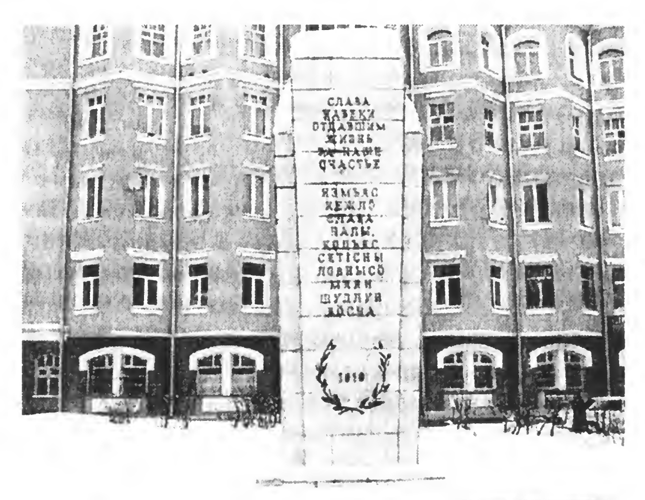
Настоящий акт составлен в четырех экземплярах для предоставления комиссии по перенесению останков из братской могилы Коми обкома, Сыктывкарского горкома и Совета Министров Коми АССР.

Члены комиссии: И.А.Суханов, Г.С.Правдин, М.Н.Харапов».

Первая мысль после прочитанного: такого не могло быть. Чтобы власть таким образом обошлась с останками героев, перед которыми преклонялись, на примере которых воспитывались новые поколения. Тогда что же торжественно перезахоронили 5 марта 1963 года? Оказалось, что до этого перезахоронения было еще одно – тайное...

Координаты Ивана Николаевича Козлова, бывшего инженера горкомхоза, мне подсказал Николай Леонтьевич Жеребцов, который давно и плодотворно исследует историю развития строительства в нашей республике. Из рассказа Ивана Николаевича и стали известны новые факты кощунственного отношения к захоронению.

Летом 1961 года тогдашний первый секретарь обкома партии А.Дмитрин распорядился приступить к благоустройству Красной площади. На ней перед этим возвели здание обкома КПСС. В то время площадь еще была покрыта травой, на ней ребята играли в футбол.

Так символическое место захоронения красноармейцев выглядит в наши дни.

Работы по благоустройству

площади поручили только что созданному Дорожно-строительному управлению при Министерстве коммунального хозяйства Коми АССР. Была разработана новая планировка площади, куда памятник жертвам революции почему-то не вписался. Памятник под покровом ночи снесли. Но вскрылись могилы. Утром возле изуродованного захоронения собралась возмущенная толпа горожан. Потом, в следующую ночь, привезли два гроба, куда сложили разбросанные кости. Гробы закопали на углу площади, чуть поодаль от здания обкома партии. Тогда, в 1961 году, судя по всему, потревожили лишь часть захоронения. А уже позже, при рытье котлована под дом связи, были задеты и другие останки на месте первого памятника.

И когда в 1963 году было решено провести торжественное перезахоронение оскверненных останков красноармейцев в центре Сыктывкара, по всей видимости, власти пытались загладить свою вину за нелицеприятные действия по отношению к памяти жертв революции.

Анатолий ПОПОВ.
(«Дым Отечества», 24 января 2004 г.)

Идеология выше морали?

Уважаемая редакция! Всегда с удовольствием читаю приложение «Дым Отечества» от начала до конца. Но последний выпуск впервые меня не порадовал. Я обнаружила нарушение принципов историзма, научной объективности и комплексного подхода к изучению явлений прошлого в подборке материалов под названием «Мертвые сраму не имут». Остановлюсь только на том, что считаю главным.

С исторической точки зрения научно обоснованное объяснение случившемуся возможно лишь в рамках реконструкции коммунистической идеологии и взглядов представителей городской и областной партийной элиты. В данном случае такой подход обязателен, ибо опубликованный документ является источником, требующим исследования в рамках интеллектуальной истории.

В связи с этим следует вспомнить, что с позиции коммунистической идеологии материалистическое видение мира СССР породило специфическое отношение к праху людей. Так, например, солдаты Великой Отечественной войны до сих пор не все преданы земле. А затонувшую подводную лодку «Комсомолец» до недавнего времени поднимать никто и не думал.

Кроме того, необходимо было выяснить специфику сохранности праха именно в указанное в источнике время – в феврале 1963 года и на указанной территории – Юбилейной площади. Поскольку это сделано не было, предполагаю, что, возможно, через сорок лет после захоронения остались лишь черепа, которые после обнаружения могли поместиться всего в несколько гробов.

Всем известно, каким подсудным делом не только для чиновников исполнительной власти, но и для идеологов того времени было чревато невыполнение экономических планов. А застройка города считалась не только экономическим, но и делом политической важности. Как исследователь я не имею права отвечать за

действия всех чиновников, чьи фамилии упомянуты в акте. Но думаю, что мои предположения в какой-то мере верны, ибо я внучка Елизарова Григория Георгиевича, бывшего руководителя Сыктывкара. Основываясь на его воспоминаниях, могу утверждать, что интересы партии для него были всегда очень важны, первостепенны. Мой дедушка – градоначальник, ничего не делал без ведома соответствующих партийных органов. А значит, все описанное в материале вершилось, скорее всего, по указанию партии. С точки зрения того времени акт о кощунственном отношении к захоронению, возможно, посчитали слишком эмоциональным. Ведь если бы общественность стала свидетельницей тяжкого с идеологической точки зрения того времени нарушения, тем более на месте строительства главной площади столицы, выговоры по партийной линии и увольнения действующим лицам были бы обеспечены. А может, они есть, и такие доказательства стоит поискать.

Но даже если они найдутся, то и тогда останется возможность доказать, что человек честный и неподкупный (одно из подтверждений этому – воспоминания жителей Прилузья, которые в селе Летка назвали улицу именем Елизарова), градоначальник оказался жертвой кадровых интриг первого секретаря Сыктывкарского горкома партии или кого-нибудь еще из власть предержащих.

Прежде чем называть происшедшее преступлением и плохо говорить об ушедших из жизни заслуженных людях, упомянутых в акте, надо разобраться. Вполне может быть, что документ авторами публикации неверно понят и субъективное отношение к случившемуся не совпадает с истинным положением дел. Сегодня в исторической науке не должно быть места для судилища. Нужна реконструкция прошлого без обвинений, а с глубоким пониманием исторических процессов.

С уважением,
Екатерина Юрьевна ЕЛИЗАРОВА,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Сыктывкарского университета.
(«Дым Отечества», 21 февраля 2004 г.)

Факел горел и угас

В музее МВД РК не так давно появилась коллекция материалов о первом народном комиссаре внутренних дел автономной области Коми – Александре Игнатьевиче Михайлове.

Это документы, уцелевшие в семье его сына, несколько фотографий. Позднее удалось сделать копии документов из уголовных дел заключенного Михайлова, осужденного особым совещанием НКВД СССР «за контрреволюционную троцкистскую деятельность», и копию свидетельства о его смерти. Последняя гласит, что Михайлов умер 5 марта 1940 года от рака желудка. На самом деле наркома расстреляли в 1938 году.

Когда на страницах «Дыма Отечества» появилась уникальная фотография, на которой среди участников митинга на Красной площади есть и А.И.Михайлов, первым желанием было заполучить оригинал снимка для нашего музея.

Нашли информацию об открытии этого памятника. В эмоциональной заметке

в газете «Югыд туй» за 7 ноября 1922 года «Спите, орлы боевые» есть такие слова: «О Вас, погибших борцах за свободу, Революция скорбит, как мать. И не может не скорбеть. Но она же, как чуткая, любящая мать, благословляет Вашу жертву и целует прах Ваш, впитавший святую жертвенную кровь. Пусть урна покоится над Вашими телами, и траурная мантия на них пусть накинута, но факел, зажженный отважными бойцами, горит и не угасает...»

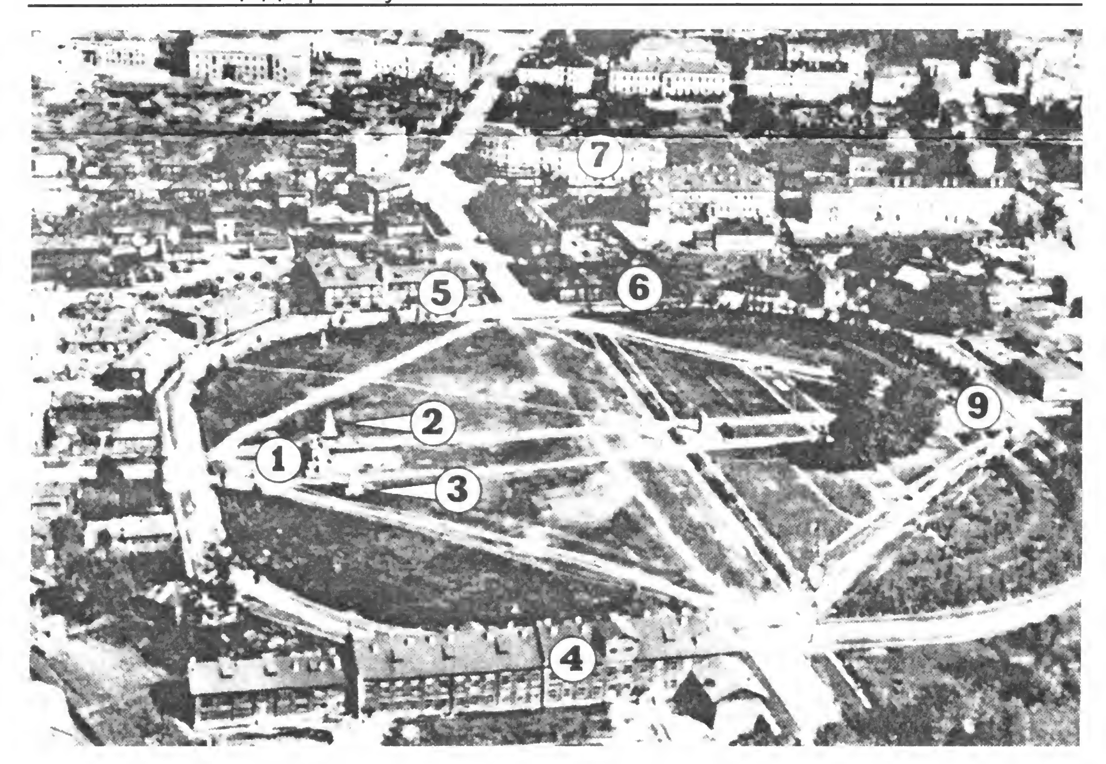
Оригинал фотографии, оказалось, хранится в фондах Национального музея РК. Его передала в музей Пелагея Васильевна Изъюрова – вдова одного из первых комсомольцев и коммунистов Коми края Максима Васильевича Пролетарского. В фонды музея снимок попал благодаря научному сотруднику музея Надежде Алексеевне Митюшевой. Ею же в свое время была проведена огромная поисковая работа по установлению фамилий всех запечатленных на фото людей. Надежде Алексеевне удалось встретиться и с женой скульптора Е.О.Майхеля, которая позировала мужу для памятника. Встречалась она и с женой А.И.Михайлова, которая умерла, так и не узнав правду о его смерти. К сожалению, сведения, обнаруженные Надеждой Алексеевной, оказались забыты.

Параллельно с моими поисками историей памятника занимался краевед Анатолий Александрович Попов. Историю, которую ему удалось проследить, можно назвать историей преступления.

Ольга НИГМАТУЛИНА,
директор музея МВД РК.
(«Дым Отечества», 24 января 2004 г.)

Красная площадь: взгляд сквозь годы

Сыктывкар – маленький деревянный городишко, заброшенный в тайгу и бездорожье, будучи столицей республики, не мог не иметь центральной площади. И хотя она называлась Юбилейной, все население городка именовало ее по старинке Красной. «Столица европейского масштаба», свой Париж, своя Красная площадь. «Сыктывкар, Сыктывкар, маленькие домики...» В этом Сыктывкаре прошло мое детство. Мне в этом году исполняется 58 лет. И когда, очень редко, бываю в родном городе, то кажется, что вот сейчас услышу знакомый свист отчаянной ватаги пацанов с Советской, подтяну всегда падающие портки и рвану со всеми по единственной мощенной булыжником Коммунистической улице на речку. Туда, где вода, пароходы и вольница с дымным костром и гусиной кожей от холодной воды. Теперь все в прошлом. Нет и старого кирпичного купеческого магазина с толстенными стенами на углу Кирова и Коммунистической – вместо него стилизованная новостройка. Убрали и старую мостовую из обломков могильных плит, на которых можно было ясно прочитать «Раб божій...» или «1872-18...».

На реке, в прибрежной гальке, часто попадались медные монеты XIX века, вымытые весенними потоками в реку с крутого размытого обрыва Кировского парка. Когда-то здесь на горе стояла церковь, было кладбище. Церковь снесли, кладбище разровняли под стадион, кручу стало размывать, и старые могилы осыпались под обрыв, разбрасывая кости, черепа и медяки, что бросали в могилы, когда еще наши деды не родились. Черепа сначала пугали, но потом мы к ним привыкли. По дороге домой можно было из рогатки пульнуть в бюст Бабушкина на высоком пьедестале. И он мелодично звенел орденами героя, обещая надрать нам уши. И было за что. Но ребячество – это еще не кощунство. Кому-то взбрело в голову убрать высокий постамент из-под памятника Герою, самого Бабушкина засунуть в незаметный закуток за автобусной остановкой, а на месте монумента построить ужасную лестницу в умирающий парк. Бюст сохранился, а вот куда делась огромная, величественная чугунная доска с пьедестала памятника на коми языке? Может быть, она коробила чей-то руководящий глаз? Это и есть кощунство, надругательство над прошлым, над поколением, что ушло из моего деревянного городка на войну.

Площадь была совсем рядом с нашими домами. Она казалась огромной. Когда-то здесь стоял величественный собор, потом его взорвали. Пустырь украшала трибуна **(1)**, установленная на каких-то сказочных столбах. По бокам трибуны стояли на постаментах товарищи Ленин и Сталин **(2, 3)**. Самыми большими зданиями были сельхозтехникум **(4)** и почта **(5)**. Так «Дым Отечества» вернул меня фотографией на первой странице в босоногое детство.

Снимок площади сделан в 1951-53 годах. В это время были уже построены большой дом **(7)** на углу улиц Ленина и Бабушкина, больше известный как «пятидесятый» магазин, Дворец пионеров, облпрофсоюз и библиотека (ее чуть видно

в правом верхнем углу **(8)**). Напротив «пятидесятого» магазина – роддом из красного кирпича. О! Это было замечательное здание. Первый его этаж построили пленные немцы в I мировую войну. Пленных немцев хватало в сыктывкарских лагерях и во Вторую мировую.

В кружке на снимке – памятник. Деревянный обелиск со щелями между досок, покрашенный белой известкой. Посмотрите кладку всех старых зданий в Сыктывкаре, а их по пальцам можно сосчитать. Кладка вся на извести. Единственным материалом, из которого мог быть изготовлен памятник в 1922 году, – гипс, материал очень недолговечный для Севера.

Сколько было захоронений красноармейцев? Почему могила оказалась именно в углу площади? Не потому ли, что она находилась на территории соборного кладбища? Состоятельные покойники, как и в наше время, не хоронились на каком-то окраинном кладбище, а только на центральном. Старое кладбище было снесено вместе с церковью. Возможно, вместе с ним исчез и памятник 1922 года. Исчезли и могилы на соборном кладбище, кроме одной, братской. И она оказалась вроде бы не на месте. Припоминаю, как в начале 1963 года город был взбудоражен новостью: строители вскрыли могилу, а гробы целые, у одного бойца в шинели даже спички нашли. Закопаны они были в глину и сохранились. Хотели на новом месте памятник поставить, а тут надо по новой хоронить. Вопрос: чьи кости отвезли с грунтом на самосвалах, если на этом месте располагалось старое кладбище?

Снимок, по-видимому, сделан до 1954 года. В доме **(6)** в мансарде жила семья моего школьного товарища Вити Ставицкого. Отец его был выслан после войны в Сыктывкар из Литвы. Этот дом сгорел зимой 1954 года, а Ставицкие в 1956 году уехали на родину.

Скульптуру Сталина в 1956 году заколотили в ящик и поставили за забором во дворе старого обкома партии. Вождь внимательно следил за тем, что делается на площади, через проем на уровне лица – кто-то специально отодрал доску. Памятник Ленину перенесли ближе к старому обкому **(9)**. Из серебряного он стал бронзовым. Здание обкома партии строилось очень долго. Под фундаментом оказался плывун. Злые языки говорили, что это кара божья большевикам за уничтоженный Стефановский собор.

Постепенно площадь приобретала современный вид. Но моему сердцу дорог тот, ушедший в прошлое город моего детства. «Сыктывкар, Сыктывкар, маленькие домики…»

Владимир МИТИН.
г. Ухта
(«Дым Отечества», 24 января 2004 г.)

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

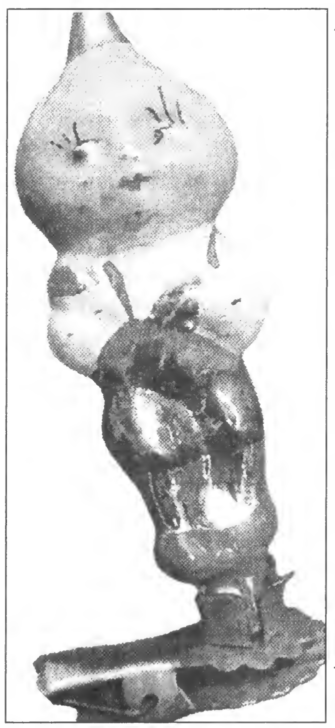
Елка в стиле ретро

В сентябрьском выпуске «Дыма Отечества» вышла последняя подборка фотографий, присланных на конкурс «Главная площадь республики». Тогда же мы обещали читателям познакомить их с условиями нового конкурса.

Конкурс «Старый новый год» – тематическое продолжение «Главной площади республики». За прошедшие десять месяцев от читателей из разных городов и районов республики мы получили несколько десятков интереснейших снимков, сделанных в разные годы XX века на Красной, Юбилейной, Стефановской площади Сыктывкара. Большинство из них были напечатаны в газете. Читатели наверняка заметили, что на многих люди сфотографированы на площади под новогодней елкой. Елка и подсказала тему нового конкурса.

Давайте сообща украсим к Новому году елку. Из коробок, антресолей, чердаков и шкафов достанем старые елочные игрушки. Покажем их, расскажем, когда они пришли в ваши дома, какие вехи в истории нашей страны эти разноцветные, блестящие безделушки знаменуют. На конкурс можно предложить все, что связано со встречей Нового года: открытки прошлых лет, элементы украшения залов и комнат, старые костюмы... Словом, все, что сопутствовало главному зимнему праздник в ушедших десятилетиях.

Елочные украшения и другие атрибуты новогоднего праздника можно принести в нашу редакцию.

Переданные на конкурс коллекции елочных игрушек лежать мертвым грузом не станут. Они украсят необычную новогоднюю елку. В преддверии нового 2004 года в Музее истории просвещения Коми края при Сыктывкарском университете откроется выставка «Старый Новый год». В залах музея в эти дни можно будет увидеть и снимки главной площади Сыктывкара. На открытии этого вернисажа и пройдет награждение победителей и участников обоих конкурсов «Дыма Отечества» за этот год.

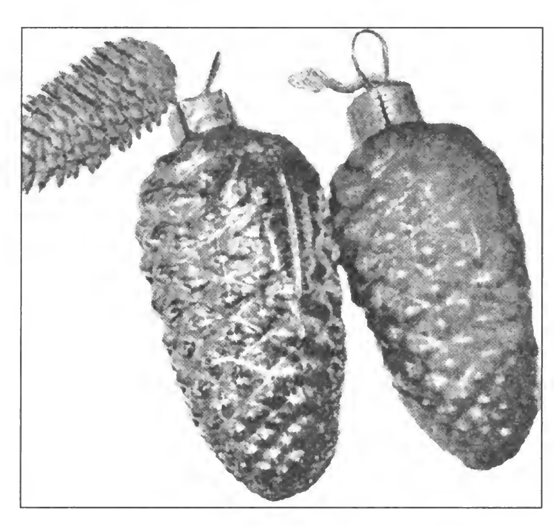
Старожилы в нашей домашней коллекции елочных игрушек родились еще в 60-е годы XX века. Шары, льдинки, миндальный орех, улыбающийся месяц в еловой шишке. В 1967 году в нашей стране пышно, с размахом отмечалось пятидесятилетие советской власти. В это же время вышла серия игрушек с советской атрибутикой. Одна такая игрушка – маленький буденновец.

Царица полей – кукуруза – тоже заимела своего двойника на новогодней елке. Именно на 60-е годы пришлось принятие государственной программы по обеспечению граждан отдельным жильем. Тогда же начали предоставлять желающим пять соток земли под дачи. Это тоже нашло отражение в игрушках. Появилась серия блестя-

щих невесомых елочных домиков. Очень маленьких, как и квартиры, предоставляемые тогда гражданам.

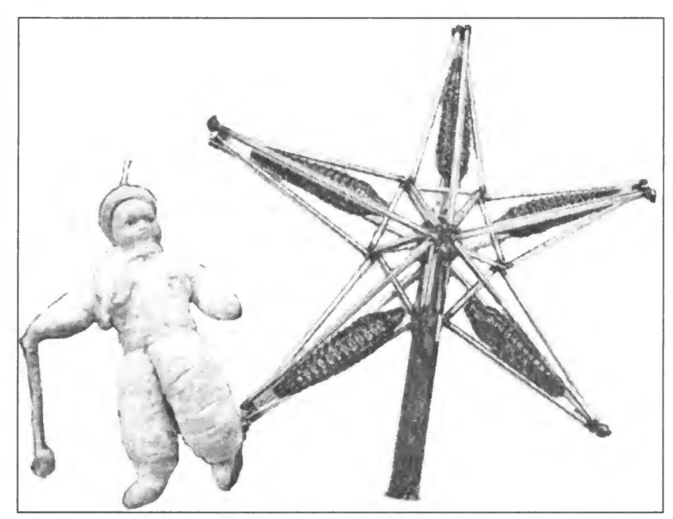
В 60-е годы был очень популярен детский стишок Джанни Родари. Помните: «Я веселый Чиполлино, вырос я в Италии, там, где зреют апельсины, фиги и так далее». А игрушка Чиполлино вскоре «заскочила» на елку.

Николай СУРКОВ.
г.Сыктывкар

В 60-е годы на прилавках промтоварных магазинов стали появляться елочные игрушки-гиганты. В моей домашней коллекции игрушек несколько огромных шишек и виноградная лоза. Некоторые горожане такие игрушки покупали из экономии средств: повесишь пару-тройку больших блестящих шишек на елку – и она уже нарядная. Между тем елочные дары лесов и полей по-своему отражали политику партии и правительства. Страна мечтала о коммунизме, когда все будет в избытке, в изобилии.

Софья Сергеевна РОСТИСЛАВИНА.
г.Сыктывкар

Как и многие семьи, наша после Великой Отечественной войны много кочевала по разным уголкам Севера. После фронта отца послали служить в Севжелдорлаг. Княжпогост сменили Усть-Уса, Печора. И все это время с нами колесила коробка с хрупкими безделушками – елочными украшениями.

Самой большой ценностью в этой коробке была большая пятиконечная звезда, украшенная со всех сторон цепочками стеклярусов. Это навершие папа приобрел, работая в Княжпогосте. Время было непростое, кругом зоны, вышки, колючая проволока. Но как бы то ни было, наступал Новый год, и в дом приходили праздник, елка.

Игрушек долгое время было мало. Одни из самых первых – куколки, сделанные из ваты и клея. Чудом сохранилась одна из них.

Вера ДАНЬЩИКОВА.
г.Сыктывкар

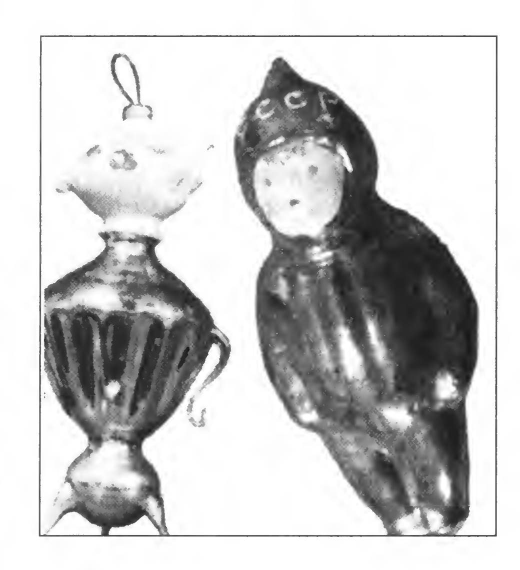
Время появления самой дорогой для меня игрушки – 1947 год. Год моего рождения. Этот чайничек, обвязанный ажурной проволокой, купил мой папа. Он же придумал для меня новогоднюю сказку, которую рассказывал, когда я подросла. В этом чайничке было спрятано чудо. В новогоднюю ночь требовалось загадать желание и заткнуть носик крошечной крышечкой. Если это удавалось (а носик меньше даже самой маленькой капельки), то желание обязательно сбывалось.

В 12 часов ночи чайник начинал шипеть. Это шипение, конечно, папа устраивал для меня. Но я верила в чудо. А потом раз – и пумпочка с носика вылетала. Мое детское сердечко трепетало. Начинался Новый год.

Нет уже в живых папы. С каждым пришедшим новым годом тончает, угасает и надежда на чудо, такая яркая и близкая в далеком детстве. Лишь в маленькой коробочке лежит елочная игрушка в потемневшей от времени проволочной оболочке. Семейная реликвия.

Любовь Николаевна БЕЛЯЕВА.
г.Сыктывкар

Новый год на протяжении десятков лет мы, несколько сыктывкарских семей, встречали вместе у кого-нибудь на квартире. В новогоднюю ночь на видном месте вывешивалась праздничная стенгазета. Несколько таких газет, оформленных на больших листах ватмана, уцелели, и я с удовольствием предоставляю их на этот удивительный конкурс.

Какой Новый год без елки? Елочные украшения по-своему отражают эпоху. Волшебная лампа Аладдина, поблескивающая в еловой хвое, десятки лет одаривала надеждой на чудо в новом году. Фигурка космонавта безошибочно указывала дату своего появления – начало 60-х годов. Символы советской власти – звезда, серп и молот – на елках тех далеких лет смотрелись так же гармонично, как шары и гирлянды.

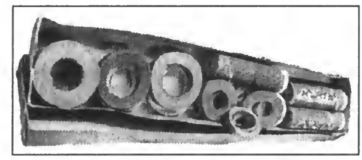
А.А.ПЫСТИНА.
г.Сыктывкар

Какая елка без Деда Мороза! Вот такого – важного, солидного, сделанного из ваты. Сколько наш семейный Дедушка Мороз увидел за десятки прожитых с нами лет семейных застолий, сколько январей «вдыхал» сказочный запах лесной красавицы елочки.

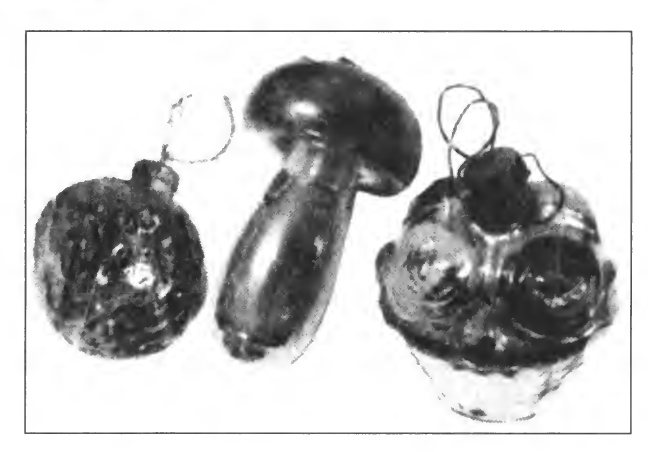
На антресолях остались жить и другие спутники Деда Мороза прошлых лет: хлопушки, пачки бенгальских свечей, конфетти. На хлопушках указана цена – 30 копеек. А одна штука бенгальских огней стоила – не поверите(!) – 1 копейку.

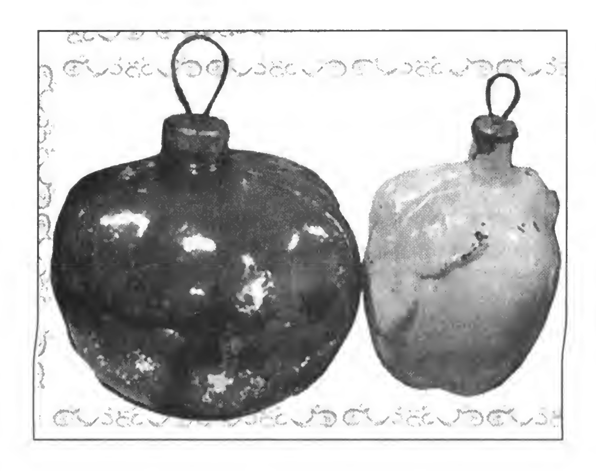
Юрий Алексеевич ЮРАНЕВ.
г.Сыктывкар

Эти елочные игрушки – из 50-60-х годов. В нашей семье особенно любили украшения, символизирующие дары земли, огорода, сада. Мои предки – южане. А на севере такая длинная зима. Вот и старались, глядя на елочные игрушки, представить лето.

Т.Г.ГУРМИЗОВА.
г.Сыктывкар

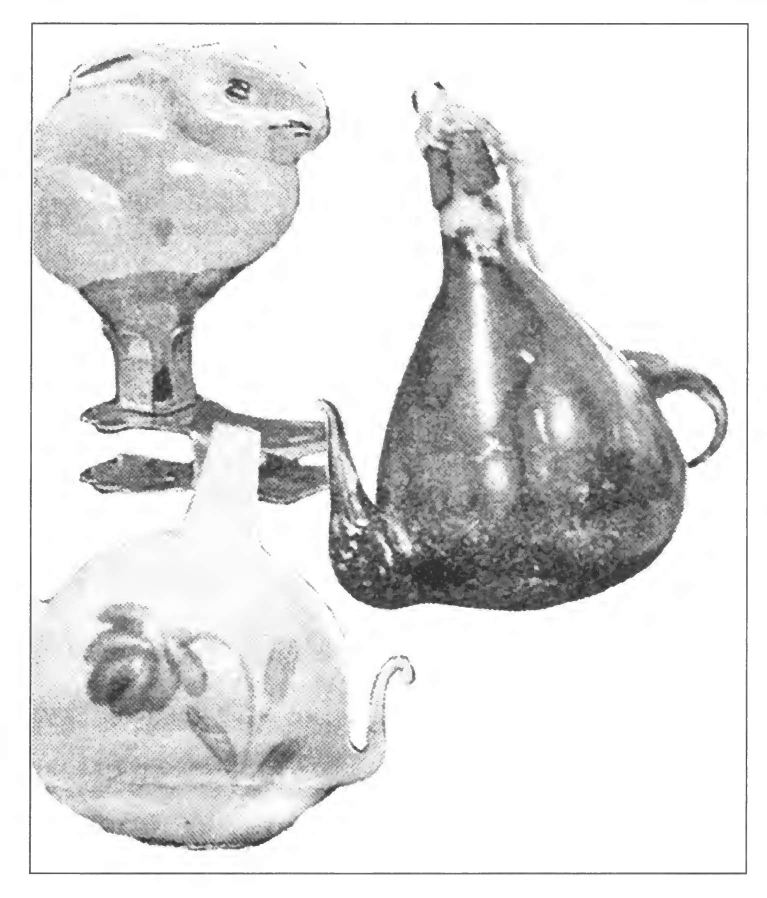

Поздравляю всех с Новым 2004 годом! Посылаю вам старожилов нашей домашней новогодней елки. Милые маленькие безделушки моя мама покупала в магазине сельпо села Объячево. И сохранила их до наших дней. А маме моей 91 год.

Игрушки-гиганты подарила мне Наташа Соболева, начальник нашей почты. Эти украшения ей перешли от мамы, Зинаиды Николаевны. Она жила в поселке Велдоръя. Папа Наташи попал в наши края не по своей воле. В поселок Велдоръя их семью сослали.

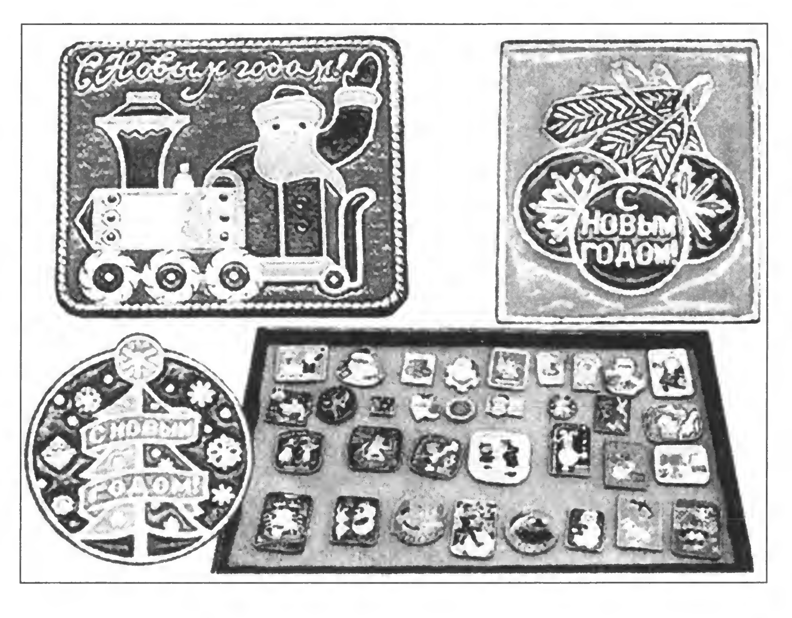
Елена Федоровна ШУЛЕПОВА.
с.Ношуль, Прилузский район

Собираю чайники. Один из самых любимых в моей коллекции – маленький чайник на блестящем самоваре. Елочная игрушка.

В коробке с елочными украшениями лежит и космонавт, на шлеме которого четыре буквы: «СССР». Эта игрушка мне особенно дорога, так как в год полета первого человека в космос родилась старшая дочь.

Маргарита Степановна ЩЕРБИНИНА.
г. Сыктывкар

Новый год нашел отражение в целой серии значков, которые раньше выпускались к празднику. Несколько десятков новогодних значков есть и в моей коллекции. Главное действующее лицо на них – Дед Мороз.

Михаил Георгиевич МИКУШЕВ.
г. Сыктывкар
(«Дым Отечества», 18 октября, 22 ноября, 26 декабря 2003 г.)

Открытие выставки «Старый новый год» в Музее истории просвещения Коми края

Открытие выставки «Старый новый год» в Музее истории просвещения Коми края

ДОКУМЕНТ
БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Документы из фондов КРГАОПДиФ представляет Леонид Кызъюров

В нашем приложении появляется новая рубрика – «Документ без комментариев». Перед глазами наших читателей предстанут документы, долгие годы пролежавшие под спудом в бывшем партархиве обкома партии (ныне – Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований). Подбирать документы для публикации согласился директор архива Леонид Кызъюров. Мы решили воздержаться от комментариев к этим свидетельствам недавнего прошлого. Составить мнение об ушедшем времени, анализировать, делать выводы предоставим возможность самим читателям.

Из двухнедельной информационной сводки Коми областной чрезвычайной комиссии за период с 15 декабря 1921 по 1 января 1922 г.

1. Политическое состояние области.

На арену дня одна за другой выплывают разные кампании, которые требуют срочного проведения в жизнь с участием всей широкой массы...: а) сбор продналога; б) помощь голодающим; в) самообложение граждан дровами для обеспечения школ, детских учреждений и больниц; г) самообложение на организацию фонда денег и продуктов комитетам крестьянской общественной взаимопомощи; д) самообложение на организацию кооперативных фондов; е) неделя достояния красноармейца и другие.

Все выше указанные кампании, выдвинутые самой жизнью по своей срочности, почти одновременно проводятся по всей области с участием всех широких масс населения с полным сознанием и самодеятельностью.

Но кампании все эти по характеру новые, суть их без идейной работы понятна ограниченному кругу людей, вследствие отсталости зырянского населения в культурном и политическом отношении. Благодаря такому естественному фактору массы на все кампании относятся пассивно, а в иных случаях даже враждебно... Крестьянам надоели все сборы и кампании...

3. Продовольственное состояние.

Всего заготовлено путем товарообмена пищевых продуктов для Обпродкома:

рожь 3037 пудов, ячменя 1046 пудов, овса 248 пудов, пшеницы 33 пуда, муки ржаной 12 пудов, масла 236 пудов, мяса 22 пуда, картофеля 7510 пудов, луку 487 пудов, грибов сухих 1981 пуд, грибов соленых 208 пудов, клюквы 150 пудов, рыбы соленой 15 пудов.

Пушнины для Наркомпрода и Внешторга заготовлено: белок разных сортов 32722 штуки, выдры 3 штуки, горностаев 680 штук, зайцев 3863 штуки, куниц 8 штук, лисиц 68 штук, медведей 2 штуки, норок 86 штук.

8. Самокурение (самогоноварение).

Развитие самокурения стихийным действием охватывает все больше и больше территории области. Имеются сведения из частных слухов и бывших командированных работников, что в волостях гонят самогонку совершенно вольно и спокойно в любое время дня и ночи... Со стороны Облчека были даны ряд категорических предписаний Облмилиции по борьбе с самокурением, но оказывается, эти меры до сих пор еще недостаточны, ибо волостные милиционеры сами пьют и производят в пьяном виде превышение власти, вводят граждан в смуту и тем самым подрывают авторитет Соввласти и в частности органов милиции.

10. Бандитизм.

В районе Печоры и в верховьях Вычегды есть единоличные бандиты – остаток авантюры 1919 года. Скрываются в лесу. Вооружение плохое, большинство дробовиками. От населения поддержки не встречается. Бандиты из местного населения и поддержка встречается только со стороны родных. В районе Уса с притоком Косья есть бандиты, но плохо организованы, численностью 11 человек, внутренняя спайка организации также слабая. Классовый состав бандитов – крупные оленеводы-кулачество. Выступают и нападают на население с целью грабежа. Передвижение совершают на оленях. Во главе банды Рочев Меркурий. Снабжаются бандиты зажиточными оленеводами. В Печорском уезде отношение населения к бандитам недружелюбное, население же в тундре относится хорошо... Из банд, находящихся в Ухтинском районе, прибыл в Ухту один бандит Хатанзейский, из местных буржуев, он направляется по требованию в Усть-Цильму. Он освобожден, что служило бы примером для других. Есть сведения, что и остальные бандиты готовы явиться.

11. Общие сведения.

Экспедиция по выяснению первой партии изыскания Ухта – Индига во главе с инженером Павловским работу проводит удовлетворительно, лишь встречается некоторый тормоз в том, что не хватает рабсилы и продовольствия. Политическая окраска экспедиции выяснена: начальник экспедиции Павловский – колеблющийся человек, к существующей власти относится безразлично и при удобном случае готов примкнуть к контрреволюции. Помощники же его – идейно защищают Соввласть и одобряют политику последней. Отношение к населению хорошее.

Письмо партруководства Коми АО в ЦК РКП(б) о службе в армии коми-зырян (от 3 июля 1925 г.)

В дореволюционное время, призывая для отбывания воинской повинности, царское правительство молодых людей-зырян стремилось рассовывать по отдельным городам и местечкам для того, чтобы из них выковывать послушных рабов, могущих служить темным орудием против трудящихся. Но зырянин, по сво-

ей природе будучи свободно мыслящим, не поддавался влиянию царской политики, а наоборот в них углублялось чувство ненависти к тому строю и чувство национальной гордости. В результате такого воспитания зыряне, находясь в частях войск Красной Армии, проявили полную самоотверженность и геройство. Подвиги зырян отмечались в рядах Красной Армии, где они были объединены компактно и имели возможность получить в достаточной степени, даже в боевой обстановке, политическую подготовку, имея среди них товарищей, владеющих родным языком, знающих быт, условия и проч.

Имея в виду, что в настоящее время в армии должны выковываться не только бойцы, а главным образом будущие строители социализма и руководители массой, несомненно должно быть учтено психологическое состояние Зырян, находящихся в данное время в рядах Красной Армии.

Из получаемых нами писем от красноармейцев-зырян усматривается следующее обстоятельство: в отдельных войсковых частях, главным образом в Ленинградском округе, сосредоточено несколько сот зырян, в большинстве они находятся во внестроевых частях. По мнению пишущих письма красноармейцев-зырян, в данное время Советское правительство стремится их также распылять, как это было до революции, назначая их в частях войск хлебопекома, кучерами и прочими, но только не стрелками, а о политподготовке говорят так: что эта подготовка ведется на непонятном для них языке и никакой цели не достигает.

Учитывая, что зырянин есть охотник прежде всего, а потому отрыв его от стрелкового дела сам по себе ненормален, а самое главное, подготовка зырян должна вестись на их родном языке, Обком полагает, что следует обратить внимание высшего командования на это, и в будущем, при призывах в армию зырян не распылять по нестроевым частям, чтобы политруки из зырян имели возможность руководить и подготовлять их на родном языке.

Секретарь ОК РКП(б) Селиванов.

Из протокола организационного собрания Коми литературных работников от 12 марта 1926 года

Присутствуют: В.А.Савин, Е.Колегов, Н.П.Попов, А.Н.Надеев, Н.А.Соснин, М.А.Молодцова, А.А.Чеусов, Д.А.Батиев, И.Г.Коюшев, А.Н.Чеусов, Мишин, П.И.Попов, Шадрин, Чупров и др.

Повестка дня: 1. Цели и задачи организации литературных работников. 2. Расмотрение устава. 3. Выборы Правления организации.

1. Цели и задачи организации литературных работников.

Докладчик т.Надеев освещает роль и значение литературы вообще, в частности в нашу эпоху (с маркс. точки зрения) и особо отмечает важную роль и значение коми литературы и ее развития в связи с зырянизацией. Историю коми литературы он разбивает на два периода: дореволюционный период – неблагоприятный для развития коми литературы и послереволюционный – благоприятный период. За последние 7-8 лет выявлены сотни национальных поэтов и писателей разных видов и калибров. Коми издательство – это детище возрождающейся коми литературы и ее передовых отрядов – ... успело до настоящего времени зарегистрировать в разное время до 200 авторов. Успело издать 12 учебников, 30 бро-

шюр, 32 художественных произведения. В рукописях у Коми издательства находится до 36 брошюр, 193 рассказов и пьес, 174 стихов и малых сборников…

Попытки в организации коми литературных сил были еще на учительских съездах в 1918 и в следующие годы… затем Коми лит. издательство (в разные годы носило разные названия) служило все время организующим центром коми литературных сил, даже состоялась летом 1923 года конференция коми литературных работников, существует литературная секция Общества изучения Коми края. Но все они не смогли и не могут выполнить те задачи, какие стоят перед массовой, современной, живой, боевой организацией литературных работников. Необходимо изжить стихийность, неопределенность и разброд во всех отношениях: в идеологическом, в отношении форм, направления, темпа, задач, качества и т.д.

У нас коми литература нигде не печатается, за исключением нескольких брошюр в год – необходим литературный орган (журнал) для коми литературных сил. Часто нас не признают, часто с нами не считаются, а это иногда равносильно тому, что не признают, не считаются с коми литературой. Необходимо с этим бороться – для всего этого коми литературным работникам необходимо организоваться.

Исходя из целей и задач современной литературы наша организация должна называться пролетарской. Необходимо нам здесь положить начало Коми ассоциации пролетарских писателей.

Прения.

Тов. Чеусов соглашается с фактом распыления литературных работников, отмечает недостатки переводной литературы, считая необходимым, чтобы переводная литература падала преимущественно на научную литературу, а не на художественную. По вопросу об организации литературных работников находит, что эта новая организация будет являться параллельной организацией с секцией литературных работников Общества изучения Коми края, а посему считает ненужной новую организацию литературных сил…

Тов. Батиев считает необходимой организацию… без чего силы у нас слабы. Необходимо составить план работы и в первую очередь художественную литературу и публицистику… Мне пришлось быть делегатом на Всесоюзной конференции пролетарских писателей. Там, на конференции, возник вопрос – может ли быть пролетарская литература. Вопрос решен в положительном смысле… На конференции национальные писатели относились к попутчикам. В чем будет выражаться работа пролетарских писателей? Они будут отображать крестьянскую жизнь, задача художественной литературы – отображать крестьянскую психологию и переделывать ее… Литература должна быть районная. Мы не должны во всем подражать другим и переносить организационные формы целиком. Иметь эту новую организацию литературных работников мы должны. Задачи здесь такие: секция литературных работников при Обществе… будет вести работу собирательскую, а новая организация будет изучать материал.

Чеусов, не соглашаясь с Батиевым по вопросу целей новой организации литературных работников, говорит, позиция Батиева неправильна, Общество изучения Коми края не может давать материалы для организации. Возражая Коюшеву относительно понимания «пролетарские писатели», говорит, что пролетарской литературы нет и не будет…

Тов. Чупров находит, что роль художественной литературы – влияние на чувства людей. Нужно выяснить цель и задачи работы писателей. Объединение писателей нужно назвать пролетарским.

После окончания прений собрание принимает следующее постановление:

1. Организация Коми писателей необходима.

2. Организацию Коми писателей назвать «Коми ассоциация пролетарских писателей» (т.т. Батиев и Чеусов по этому вопросу остаются при особом мнении).

3. Необходимо иметь этой ассоциации печатный орган.

3. Выборы правления.

Большинством голосов членами правления избираются: т.т. Коюшев, Надеев, Савин, кандидатами: Попов Н.П. и Соснин.

Из спецсводки Коми отдела ОГПУ от 25 ноября 1929 года «О праздновании 12-й годовщины Октябрьской революции»

В Нювчимском заводе была устроена демонстрация, народу на демонстрации было очень мало, рабочие вместо того, чтобы идти на демонстрацию, пьянствовали. Вечером было открытие нового клуба, участники были в большинстве – молодежь.

В с.Межадор была демонстрация, в которой участвовало до 400 человек, большинство из них члены коммуны и колхозов, члены коллективов явились со своим флагами организованно, после демонстрации была манифестация по селу, где принимало участие до 300 человек крестьян. Во время шествия были случаи, когда крестьяне молились, думали, что крестный ход.

В с.Помоздино крестьянская масса в Октябрьских торжествах участия не принимала. Одна из местных учительниц по поводу праздника говорила: «Что нам эти праздники, когда даже нет белого хлеба».

В с.Сторожевск в народном доме было устроено торжественное заседание, присутствовало около 150 человек крестьян. Докладчик по вопросу о международном положении, секретарь обкома ВКП(б), не являлся очень долго (около двух часов ждали), и присутствовавшие нервничали и говорили, что крестьянам ждать не привыкать. После торжественного заседания было платное кино, но крестьянская масса, недовольная платным кино, разошлась по домам. Культурные работники (учителя) вместо того, чтобы участвовать в празднестве, сидели дома и играли в карты…

В Усть-Выми 7 ноября крестьяне не работали, на демонстрации народу было много, вечером ходило много пьяных крестьян.

В Подъельске… 7 ноября с 9 часов утра слушали радио. Вечером было устроено торжественное заседание. Присутствовало народу около 150 человек. На заседании единогласно был принят социалистический договор следующего содержания:

1) Выполнить задание по лесозаготовке на 150%…

4) Вовлечение в колхоз 30 хозяйств…

6) В целях поднятия культурного уровня населения поставить в двух деревнях радио и поставить задачу в ближайшие годы приобрести киноаппарат…

7) …Обязуемся не праздновать храмовый праздник «Михайлов день»…

После торжественного заседания был дан спектакль на злобу дня – Коми пьеска. После пьески слушали радио до 12 часов ночи. Общее настроение присутствовавших было удовлетворительное…

В с.Вомын... 8 ноября были устроены торжественные проводы бригад лесорубов, где рабочие отвечали готовностью работать не жалея сил, призывали всех последовать их примеру, а для тех, кто может и не хочет идти и не пойдет на лесозаготовки, требовали не выдавать из потребобщества товары. При ходе вербовки бригад антисоветские элементы, пользуясь хорошим настроением массы, пытались попасть в бригаду. Например, дочь попа – Попова – по недосмотру вербовщика была записана в бригаду, но впоследствии была вычеркнута. Некоторые кулаки... в день Октября, чтобы доказать и выразить лояльность к советской власти, вывешивали флаги...

Из письма секретаря Удорского укома ВКП(б) А.А.Донцова в Коми обком партии от 2 февраля 1928 г.

Сов. секретно

Секретарю Обкома ВКП(б)

По Удорскому району познакомился с общим настроением крестьянства. Письменные сообщения партячеек положение дела рисуют более мрачно, чем есть на самом деле. Это возможно потому, что плановой, хорошо подработанной опоры в лице деревенского актива и бедноты ячейки еще не имели... Само направление курса партии на бедноту и создает перебойные настроения в более крепкой по мощности части середнячества и зажиточной части деревни. Порывы к протесту на решение ячеек и бедняцких собраний, иногда доходящих до резкости, ячейками оценивались как факторы контрреволюционных выступлений. Создавалась известная боязнь. Беднота, встречая в своей самостоятельной работе такой протест со стороны зажиточных, будучи экономически от нее зависима, остерегается в посещении бедняцких собраний.

Развивающееся пьянство на местах, в связи с началом торговли п/о вином, порождает и хулиганство. Недовольная чем-нибудь часть населения в пьяном виде свое недовольство открыто высказывает, не останавливаясь перед употреблением в своем обороте речи нецензурных слов, направляемых в любой адрес без разбора...

Зажиточная часть курсом партии на бедноту недовольна, противодействует, но особой опасности все-таки это противодействие не представляет. Гораздо опаснее рост пьянства и хулиганства. Ведь настроение – «к собранию специально выпиваем, чтоб быть смелее» – говорит о том, что малейший нажим со стороны ячейки или волисполкома, неудовлетворение требований... вызывает бурное возмущение. В пьяном виде все недовольство выливается наружу...

Политнастроение крестьянства в общем спокойно. В деревнях с зажиточно-кулацким засильем очень сильны разговоры и споры вокруг войны, создается даже паника – д.Чернутьево, Селиб – «война идет, уже коммунисты из Селиба разбегаются». Когда специально член ячейки приезжает для докладов по международному положению, крестьяне в недоумении: «А как же нам говорили, что уже война?.. Значит нет ничего, все спокойно...»

Специальной директивой мной дано разъяснение секретарям ячеек Удоры, чтоб раз в месяц обязательно каждый населенный пункт имел доклад по международному положению. Это основа, чтобы рассеять вздорные слухи. А затем наблюдение и выявление лиц, рассеивающих смуту...

Теперь о торговле. Все торговые организации уезда имеют недостаток в мануфактуре. Главный спрос населения обращается на нее. Важгортская – Крещенская ярмарка очень слабо была обеспечена товарами государственных торговых организаций. Недовольство населения было довольно сильное. В уезде недостаток керосина, этой основной необходимости. На осветительный сезон не хватит. Просчет, наверное, Облторга и Обсоюза. Необходимо куда следует нажать, чтоб уезд был обеспечен керосином. Железо-скобяных товаров не хватает. Белой муки нет. Круп нет. Во многих волостях не хватает посуды. На носу Устьвымская – Герасимовская ярмарка – 9/11 – торговым организациям выступать не с чем (сообщение зав. райконторами), возможно давление на ярмарке частника, если он наедет на ярмарку. Это надо ожидать в связи с недостатком товаров. Деньги у населения есть, сильно желание их реализовать – товаров нет. Необходимо запасы Обсоюза и Госторга направить на ярмарку в Устьвымь. Следует Обрайторгу с его крестьянскими товарами приехать на ярмарку…

Вот пока общее положение. Детали по отдельным местам в следующий раз.

С ком. приветом
Донцов.

Письмо секретаря Коми ОК ВКП(б) Козлова секретарю Сысольского укома ВКП(б) Горчакову от 3 февраля 1928 г.

Секретно – Лично

Тов. Горчаков!

Только что ознакомился с вашим секретным «указанием № 2» для партячеек. Считаю необходимым, по-товарищески, сделать несколько замечаний. По пункту первому, где вы даете такую директиву, чтобы перед перевыборными собраниями Бюро и секретарей ячеек, ячейками, как правило, устраивались бы закрытые собрания для выявления всевозможных болезненных явлений… В целесообразности я сомневаюсь. Мне кажется, эту борьбу с болезненными явлениями нужно вести постоянно, а не потом выявлять, когда на носу перевыборы.

Последующие пункты об этом и говорят, против чего возражать нечего. Они правильны.

По пункту 8 – по установлению партийной общественности. Приведу этот пункт целиком, он характерен тем, что дает своеобразное понимание партийной общественности – «1) держать индивидуально-групповую связь между партийцами, 2) устраивать разные совещания с отдаленными партийцами, 3) практиковать общественно-семейные вечера, 4) устраивать вечера воспоминаний по юбилейным праздникам, 5) практиковать индивидуальные и групповые семейные вечера партийцев с комсомольцами».

Вот новый пятипунктовый катехизис. По-моему, он страдает большими недостатками:

1. Партийцы замыкаются в свой узкий круг, в касту, изолируя себя от масс, видя партийную общественность только в семейных вечерах.

2. Не ясно, что вы понимаете под индивидуально-групповой связью между партийцами? В наших условиях это повод к оформлению групп по личным свя-

зям, по родне, по выпивке, с тем, чтобы они еще держали связь через кого-то, выделенного другой, подобной же группой. К чему все это приведет? К чему угодно, но не к товарищеской партийной спайке, а к свалке. Интересно, тут даже почему-то выкинуто совершенно общепринятое правило в партии, это держать тесную связь партмассы с парторганом и наоборот; в данном случае с секретарем ячейки или укомом и собрания ячейки, на которых партийцы выковывают партийную спайку и волю к победе.

3. Вы рекомендуете как можно больше устраивать общественно-семейных вечеров (это в деревне-то?). Конечно, это практикуется, но опыт вечеров в Устьсысольске учит, чтобы их устраивали поменьше, потому что они превращаются в сплошные выпивки и безобразия. Политическое же и культурное воспитание отсутствует, а как раз с этой целью и следует их устраивать. Надо нажим сделать на обслуживание крестьянских сходов, индивидуальных и групповых бесед с гражданами, собрания по участкам…

4. «Воспоминания по юбилейным вечерам». И здесь почему-то эти вечера только в партийной среде. Их можно и нужно устраивать общими, с членами профсоюзов, с гражданами деревни, на открытых партсобраниях.

5. И наконец, семейные вечера партийцев и комсомольцев. В принципе против них возражать нельзя, но о содержании их следует крепко задуматься. Если они будут устраиваться в деревне часто, да еще с выпивками для веселья, как обычно практикуется, то вряд ли ячейка сумеет завоевать симпатии крестьян. Получится наоборот, они будут указывать пальцами на партийцев, как разгульную кампанию.

Почему-то в этом катехизисе как развитие общественности выкинуты совершенно политшкола, политкружок, сельхозкружок, кружок безбожника, беседы в избе-читальне, красном уголке, в клубе, разумные развлечения в них, игры, музыка, пение и прочее, а все дело свелось к замкнутости партийцев, к обывательской общественности.

Подумайте серьезнее, как бы ваши указания не принесли больше вреда, нежели пользы. Как бы они совсем не разложили нашу партобщественность.

С товарищеским приветом
Секретарь ОК ВКП(б) Козлов.

Из письма секретаря Ижмо-Печорского укома ВКП(б) Иевлева в Коми обком ВКП(б) от 26 апреля 1928 г.

Другим крупным вопросом, который в последнее время занимает нас, является вопрос о работе в тундре и ея судьбах. Этим вопросом мы номинально занимаемся сравнительно давно, но, к сожалению, до сих пор толком, сколько-нибудь обстоятельно тундры не знаем. Мы даже не знаем, сколько самоедского населения проживает на нашей территории и сколько в Архангельской губернии, не говоря уже о том, что мы не знаем настроения самоедов в вопросе их административного устройства. И это в то время, когда архангельцы в борьбе за тундру опираются на утверждение, что самоедов в их губернии больше, нежели в Коми и Уральской области и как будто бы большинство самоедов высказалось в пользу Архангельского «протектората». Лично я всесторонне сомневаюсь в верности их

сведений… Надо нам, и Обкому и Укому, что-то срочно теперь же предпринять, чтобы не допустить неправильного разрешения вопроса в виде выделения особой тундровой территории с подчинением Архангельску. В первую очередь нам надо послать на работу в тундровых советах и самоедском РИК-е сильных людей, которые помимо собираний необходимых для нас сведений могли бы кое-что делать по линии торгово-хозяйственной работы и разъяснения нашей линии в разрешении вопроса об административном устройстве самоедов…

Я считаю целесообразным и необходимым присоединение самоедов к нашей области по соображениям общей экономической и политической целесообразности. Я глубоко убежден, что хозяйственной общности, на чем главным образом выезжают в своей аргументации архангельцы, у тундры с Архангельской губернией меньше, нежели с нашим уездом. Помимо всего прочего на стороне наших предложений и национальная политика партии: очень значительная часть оленеводов, кочующих по нашей тундре, перепадает на долю ижемцев… Если мы, несмотря на все благоприятствующие объективные данные, все же вопрос о тундре «провалим» – это произойдет исключительно из-за нашего неумения отстаивать и проводить вопросы. Архангельцы бесспорно бойчее нас. Они, конечно, кое-что в тундре делают, но не так много, как они представляют в газетных сообщениях. Они умеют делать большой газетный и общественный шум на всяком пустяке из того, что они предпринимают по тундре. У посторонних людей, особенно в центре, получается впечатление, что они действительно много делают, что они, пожалуй, единственные, кто заботится о самоедах по-настоящему. Судя по «Правдистским» отчетам, такие представления преобладали на последнем, кажется, январском пленуме Комитета Севера. Мы ведь тоже кое-что делаем среди самоедов, но к очень большому сожалению ничего об этом не пишем, не только в «Правде» и в «Известиях», но и даже в своих газетах. У нас установилось печальное обыкновение хранить по этому поводу гробовое молчание, как по секретной болезни… Надо бы кого-то, желательно конечно газетных работников, заставить заговорить об этих вопросах в центральных газетах. Я со своей стороны предприму все, чтобы сломить «печать молчания» по самоедскому вопросу в нашей ижемской газете «Красная Печора»…

Мы с усть-цилемцами части одной и той же партии, казалось бы между нами должны были бы быть самые добрососедские отношения. На самом деле во многом мы с ними во враждебных отношениях. На первых порах меня это коробило. Сейчас начинаю привыкать… Как глупо и партийно вредно местничество, можно познать, только побыв в таких местах, как Ижма и Усть-Цильма. Я стараюсь всячески ослабить враждебное и недоверчивое отношение к Усть-Цильме среди части наших работников. Но это сделать нелегко, так как такие настроения создавались годами взаимного неумного соперничества и вражды.

В заключение я хотел бы остановить ваше внимание на «территориально-административных» настроениях некоторых здешних работников. Официально, для внешнего употребления все мыслят Коми Областью и за Коми Область, но про себя кое-кто (конечно, не все и не большинство) мыслят по направлению от Коми Области. Такие настроения тщательно держатся под спудом, а наружу они прорываются случайно и вопреки желанию их носителей. Эти настроения проявляются в противопостановлении Печоры остальной Коми Области: «Это у нас в Ижмо-Печорском уезде, а это там в Коми Области». Влюбленность у некоторых ижемских

работников во все ижемское – самая неумеренная, пылкая и горячая. Они считают и даже открыто говорят, что Ижма кормит остальную Область. К большому несчастью такими «нациссовскими» настроениями поражены не только уездные работники, но и все население. Чувство ижемского достоинства и гордости здесь развиты сильнее нормального. Пока есть сдерживающие формальные партийные установки, эти настроения по отношению к Области непосредственно не опасны, но если бы их не было, Ижма бы непременно превратилась бы... в совершенно самостоятельное и самодовлеющее административно-хозяйственное целое. Такую опасность надо, конечно, иметь в виду, хотя сейчас она ни в коей мере не актуальна...

Из доклада о работе по краеведению в Коми области (зачитан зам. председателя Областного бюро краеведения Д.А.Батиевым на заседании коллегии агитпропа Коми обкома ВКП(б) 1 марта 1926 г.)

Организационная работа по изучению Коми края началась только с момента великой русской революции. Эта работа самым тесным образом оказалась связанной с осуществлением автономных начал, обуславливающих нормальное прогрессирование Коми народа, поэтому главная работа первоначальных краеведческих организаций протекала под лозунгом «за автономию»...

Появились краеведческие организации «Коми котыр» в гор.Яренске, «Коми автономист чукор» в с.Небдино, периодические комиссии в г.Усть-Сысольске и районах.

Первым конкретным достижением в области обеспечения условий культурной и краеведческой работы было открытие в 1918 году двух национальных учительских семинарий в с.Усть-Вымь и в г.Усть-Сысольске, где происходила подготовка национальных краевых школьных работников при интенсивном изучении местного края и культуры.

В дальнейшем, с потерей для зырян в 1919 году усть-вымской национальной семинарии, захваченной русскими и переведенной в русскую местность с соответствующим переобразованием, встал вопрос об обеспечении безопасности культурной краеведческой работы. При новом подъеме горстки культурных сил коми народа было достигнуто открытие Института народного образования в г.Усть-Сысольске... Многие преподаватели, а также и слушатели являлись в то же время литераторами, создававшими национальную литературу, как оригинальную, так и переводную.

В 1922 году 22 мая было организовано общество изучения Коми края. Первоочередной задачей общество поставило пропагандирование идей краеведения... В 1922-1923 годах было 12 собраний общества, на которых заслушано 11 научных докладов... из которых необходимо отметить следующие: Пальэтнография Коми по финской Калевале, Хотографические названия Палевицкой волости, попытки статистического обследования психологических мотивов образования и др.

Было организовано экономическое отделение в составе секций: промышленной, лесной, кооперативной, агрокультуры и юридической. Культотделение рабо-

тало в составе секций: исторической, этнографической, литературной и лингвистической. При обществе были организованы археологическая и антропологическая комиссии... В числе других работ археологическая комиссия провела через Обисполком обязательное постановление об охране памятников старины, антропологическая комиссия собрала по области призывные списки (копии отправлены в Академию наук).

Одним из главных достижений является организация областного экономического краеведческого журнала «Коми му», издающегося обществом совместно с областным исполнительным комитетом...

Другим более значительным достижением общества является организация и постройка опорной метеорологической станции. При станции ведется текущая, а также научная работа по изучению метеорологических явлений...

При обществе создается краевой национальный музей с общим количеством экспонатов 3000 названий.

Члены общества ежегодно совершали краеведческие поездки по области, часто на свои личные средства или при небольшой субсидии от учреждений. Так профессор Грен в 1924 году производил со слушателями педтехникума археологические раскопки доисторической стоянки в Усть-Выми, а также древностей чудьских (в виде городищ и могильников) в разных местах области. Н.А.Соснин в том же году производил экономическое обследование оленеводства в Ижем-Печорском крае. Студент Лыткин в 1923 году производил лингвистическое исследование в Прилузском районе, а также в русских волостях по нижней Вычегде с точки зрения взаимоотношений русского и коми языков. Наконец, А.С.Сидоров в течение 6 лет, начиная с 1919 года, ежегодно в летнее время производил поездки с преследованием целого ряда краеведческих задач, как-то: этнографических, археологических, архивных, а также организационных. По проселочным дорогам им пройдено разными способами, часто пешком, 5950 верст...

Разными членами общества собрано более 1000 текстов коми фольклора, составлено и издано Коми издательством 64 книги и брошюры для школьной и просветительной работы на коми языке. Создана театральная литература. Краеведческий кружок московских студентов Коми составляет библиографию по области, пока имеется 1500 карточек.

Для популяризации краеведения ставятся доклады на общегородских собраниях членов общества. С 1 октября по 1 марта были следующие доклады: Полезные ископаемые в бассейне р.Илыч – проф. Варсонофьева (посетителей полный театр), там же и тогда же заслушан доклад ботанико-сотрудника профессора Варсонофьевой; доклад Мишарина Е.М. – задачи краеведения; доклад Бабина, б.ученый секретарь ЦИГИ при ВЦСПС, на тему – психотехника и ее применение в промышленности и педагогике; доклад Налимова В.Н. – проблемы тундры; доклад этнографа Д.Т.Яновича о культбазе для самоедов. В ближайшее время намечено почтить память К.Ф.Жакова по случаю его смерти 20 января 1926 года (ему же будет посвящен краеведческий отдел первого номера «Коми му»)...

Приступлено к составлению карты Коми области...

Средств у общества нет, и все планы проводятся через ОБИК, который всегда идет навстречу, лишь некоторые члены ОБИК, зарывшись в свои канцелярии и чиновничество, не понимая методов поднятия коми культуры и всей краеведческой работы, идут против мероприятий общества... Условия работ общества очень

тяжелые, средств нет, компенсировать труд работников нечем, и даже подчас нет бумаги и карандаша, следовательно, никто не имеет морального права требовать большего от общества, ибо все работники работают безвозмездно, к тому же вместо помощи и согласованной работы Обплан всегда старается тормозить... Мы уже видим, как обществу отпущено по смете 1800 рублей, эта сумма захвачена культурной секцией Обплана, зима проходит, подготовку работ нужно вести зимой, денег нет – топчемся на месте в ведомственной игре, и мы вынуждены официально отказаться от этих средств.

Циркулярное письмо агитационно-пропагандистского отдела Коми обкома ВКП(б) от апреля 1929 года:

Строго – Секретно

ВСЕМ УКОМАМ ВКП(б) И УСТЬ-СЫСОЛЬСКОМУ РАЙКОМУ.

В текущем году парткомам и ячейкам необходимо сосредоточить внимание всей общественности вокруг набора детей школьного возраста в школы 1-й ступени. В низшие школы Соцвоса необходимо допускать всех детей школьного возраста независимо от их социального положения, ибо наличие сети этих школ способно охватить всех детей школьного возраста.

Но особое внимание органов отделов народного образования, партячеек и всех общественных организаций должно быть обращено на вовлечение в школы 1-й ступени детей рабочих, батраков и бедняков, ибо этот слой населения, в силу недостаточной материальной обеспеченности, в меньшей степени стремится отдавать детей в школу, и известное количество батрацко-бедняцких детей остается вне школы. В силу этого за последние два года в школах 1-й ступени наблюдалось падение процента детей батрацко-бедняцкого слоя.

В текущем году необходимо поставить задачей вовлечение в низшие школы всех детей рабоче-батрацко-бедняцкого слоя населения и эту задачу выполнить полностью. Для этой цели по линии органов Народного Образования и всех общественных организаций необходимо провести ряд организационных мероприятий. Эти мероприятия конкретно будут указаны в разработанной и рассылаемой по линии Обоно инструкции. В частности, необходимо провести на местах следующие мероприятия.

Учет детей, достигших школьного возраста, с разбивкой на социальные группы и выявление конкретно рабоче-батрацко-бедняцких детей еще до наступления учебного года.

Проведение индивидуальных бесед с родителями-батраками и бедняками с целью побуждения их отправить детей в школы (практиковать даже обход по дворам).

Проведение бедняцких собраний с обсуждением конкретных мероприятий по обеспечению условий, дающих возможность беднякам обучать в школе своих детей (в частности, материальное обеспечение в порядке самодеятельности населения в дополнение к отпущенным бюджетным средствам).

Создание фонда помощи беднякам-учащимся, обсудив на культсекциях волисполкомов пути создания этих фондов.

Наряду с общими мероприятиями надо принять особые меры по вовлечению в

школы девочек, в особенности из батраков и бедняков, ибо больше всего они остаются неохваченными школой.

Также необходимо со стороны парткомов и ячеек обратить внимание на предупреждение отсева и нормальное продвижение батрацко-бедняцких детей в процессе учебы. Для этого нужно добиться, чтобы была обеспечена особая заботливость со стороны школьных советов, заведующих школ и всех учителей, всех школьных организаций, волисполкомов и т.д. в отношении обучающихся детей батраков и бедняков (специальные меры по подтягиванию отстающих в учебе бедняков, не допускать увольнение детей батраков и бедняков по неуспеваемости, организация ночлежек, снабжение обувью и одеждой наиболее нуждающихся батраков и бедняков, наметить кандидатов из последней старшей группы для направления в другие школы в первую очередь из числа батраков и бедняков и т.д.).

В подтверждение ранее данных директив напоминаем, что чистки социального состава школ 1-й и 2-й ступеней не допускать. По социальным признакам исключение можно допускать только в отношении переростков, лично лишенных избирательных прав по тем или иным причинам. Последний абзац настоящего письма (о чистке) ячейкам не сообщайте, как материал, имеющий строго секретный характер.

Зав. агитпромом Коми ОК ВКП(б)
А.Иевлев.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВСЕСОЮЗНОГО ЦК ВКП(Б) Т.СТАЛИНУ

Предыдущим письмом я сообщал вам о тормозе обмена имеющегося у меня сортового ячменя «Червонец» секретарем Айкинской ячейки ВКП Исаковым, который, узнавши, что я написал на ваше имя жалобу на него, 31 января 30 сего года перед сельской налоговой комиссией настоял, чтобы мое культурно-опытное хозяйство зачислить к кулацкому (пашни 2 десятины, сенокоса 1,75 десятины). Причина зачисления – будто бы применение мною наемного труда, дообложили в индивидуальном порядке с увеличением дохода на 75% начисления сельхозналога в сумме 78 руб. 75 коп. Осенняя налоговая комиссия, если сопоставить с комиссией 31 января, определяла заработки: извоз 150 руб., отхожие 25 руб. и разные подсобные работы 100 руб., поэтому из этого видно, могло ли нуждаться мое хозяйство в наемном труде, раз оно или члены его сами занимались поденным заработком, да и вообще, при наличии пашни 2 дес. и сенокоса 1,75 дес. при четырех трудоспособных работниках в моем хозяйстве мы не нуждались в наемной силе, а наоборот, сами во время сезонной работы имели возможность ходить на поденщину, что первая комиссия, хотя и с преувеличением, выставила поденную заработную плату в налог. Не распространяясь в подробности, нужно сказать, что руководящим властью партийцам не следует заниматься провокацией и ложными выдумками про применение наемного труда, дабы этим мстить неугодным лицам, я о себе не буду хлопотать, пусть ликвидируют мое хозяйство, но, выставляя мое хозяйство, только что бывшее культурно-опытным, каковое ставилось при приведениях посевкомпании к кулацкому – это даст повод думать всему населению по сельсовету, а не подделаны ли и по другим районам и все другие кулацкие хозяйства. Не одно мое хозяйство секретарь ячейки Исаков причислил к кулацкому, после и многих соседей-середняков дообложил в индивидуальном порядке, и теперь по сельсовету идет молва, что не стоит работать, раз руко-

водящие лица занимаются провокацией и середняцкие хозяйства зачисляют к кулацким, нанося этим вред всей Коммунистической партии.

Из написанного вам будет видно и какие меры теперь вы, т.Сталин, примете, но повторяю, что не ликвидация меня смущает, но то нарекание, какое вызвало действие Исакова на партию вообще. Со своей стороны я пишу, что мы не нуждались и не нуждаемся в наемной силе, а это только предлог, дабы поставить по диктатуре Исакова распоряжение РИКа об обмене сортовых семян и отобрать у меня конфискацией, что уже и произведена опись имущества. О своей личности и прокормлении – я как культурник-практик и теоретик со знанием агромероприятий по льноводству, луговодству и животноводству найду себе место при совхозах, которые в таких работниках, я думаю, нуждаются, и этим найду себя, опять-таки взяться за применение массовых опытов.

Надеюсь, что генеральный секретарь примет меры против действий Исаковых, зачисляющих по своей инициативе середняков к кулакам.

Ваш слуга, гражданин Айкинского сельсовета Усть-Вымского района Коми Области Федор Дмитриевич Малафиев.

Февраля 4 дня 1930 г.

(По сообщению секретаря Усть-Вымского райкома ВКП(б) в Обком партии от 5 марта 1930 г., гражданин Малафиев Ф.Д. вторично арестован органами ОГПУ.)

ПРОТОКОЛ № 3 КУЛЬТПРОП СОВЕЩАНИЯ ПРИ ОК ВКП(Б), 25 ЯНВАРЯ 1931 Г.

Присутствуют: Захаров, Савин, Ходырев, Захаров, Жданов, Нечаев, Рочев и 5 членов коми театральной группы.

Порядок дня:

1. Доклад тов. Савина В.А. о работе Коми театральной труппы в Устькуломском и Сторожевском районах.

2. Разное.

Слушали: Доклад тов. Савина В.А о поездке Коми театральной труппы в Устькуломский и Сторожевский районы.

Выказываются: Ходырев, Захаров, Захаров.

Постановили:

1) Считать, что Коми театральная труппа проделала огромную работу по обслуживанию художественной постановкой лесорубческой массы, по развертыванию культурно-массовой работы и внедрению ее в гущу лесорубов (всего сделано 36 постановок, в том числе... объездили большинство участков Устькуломского и часть Сторожевского районов).

2) Вместе с этим совещание отмечает абсолютно недостаточную связь художественной постановки труппы с местным материалом, ограничившись только тем репертуаром, с которым уехали из Сыктывкара. В результате получилось гастролирование труппы по лесным делянкам, не отражающее совсем в постановке героическую борьбу батраков, бедняков и колхозников за выполнение плана лесозаготовок, борьбу с кулаком и его агентами, быт лесорубов в лесу и работу общественных организаций, а также недочеты в работе по лесозаготовкам.

3) Совещание отмечает также недостаточность пьес и репертуара вообще на коми языке, особенно классово выдержанных и годных для массовой постановки в лесу, на сплаве и деревнях. Поэтому поставить перед КАПП (Коми ассоциация пролетарских писателей) первоочередной задачей создание политически выдержанных, современных пьес малой формы, чтобы ликвидировать прорыв на фронте искусства.

4) Констатируя, что состав Коми театральной труппы в отношении политической подготовленности стоит на очень низком уровне, вследствие чего имел место некоторый разлад в труппе, а также отсутствие творческой деятельности труппы (кроме руководителя т.Савина), предложить ОК ВЛКСМ вместе с коми труппой срочно подыскать соответствующих товарищей комсомольцев для вливания их в эту труппу. Предложить руководителю т.Савину и труппе в целом обратить особое внимание на политподготовку членов труппы через кружковую систему путем самообразования.

5) Поставить в труппе твердую производственную дисциплину, а также улучшить быт работающих в труппе.

6) Считать необходимым труппе выехать в один из районов для массовой культурной и художественной работы в лесу. При этом, устраняя указанные недочеты, необходимо включать в программу труппы каждый раз местный материал. Вся художественная работа труппы должна служить выполнению основных хоз-политических задач Области и района (лесозаготовка, колхозное строительство и т.д.), решительной беспощадной борьбе с кулачеством и его агентами, с правым оппортунизмом и «левыми» загибами, показывая примеры кулацкой работы и ее тактики.

7) Товарищу Савину предложить срочно написать соответствующие художественные произведения к сплавной и весенней посевной кампаниям. Труппу послать под руководством тов.Игошина.

Зам. зав. Культпроп ОК Захаров».

Закрытое письмо Коми обкома ВКП(б) и Обисполкома

Председателям сельсоветов, парторгам ВКП(б) и председателям колхозов.

Вернуть обратно в Обком к 15 июня 1934 года.

За последние 1933-1934 гг. в нашей Коми области было немало случаев, когда крестьяне-единоличники и отдельные колхозники под влиянием агитации кулаков, ведущих борьбу против колхозного строительства, распродавали свое имущество и выезжали на переселение как внутри, так и за пределы Области (Сибирь).

Кулацкая агитация не одно хозяйство свела на нет. Поддавшиеся этой агитации крестьяне-переселенцы с семьями на своем опыте испытали ее результаты. Они вынуждены были возвращаться домой, потратив буквально все свое имущество и сбережения во время переездов. Приводим пример подобных переселенцев.

Попов Егор Михайлович, гражданин Летского сельсовета, выезжавший вне пределов области, без паспорта и без документов, рассказывает: «Сельсоветы

дольше трех дней проживать не разрешают, поэтому я с семьей кочевал с места на место, и это продолжалось до тех пор, пока хватало домашних запасов, после, как запасы вышли, вынужден вернуться домой».

Возьмем гражданина Верхолузского сельсовета, выезжавшего в Сибирь. Он пишет: «Кто в Сибири не бывал, тот горя не видал». Просит совета у своих родственников, что ему делать, как быть. Письмо заканчивается словами: «С открытием навигации приложу все силы, а домой приеду».

Эту новую форму классовой борьбы кулака многие еще не понимают, тем временем кулак с ожесточенностью ведет борьбу, чтобы как можно более ухудшить положение отдельных колхозников и единоличников.

Приводим пример: кулак-спекулянт Верхолузского сельсовета Кетов Ф.П. рассказывает, что он якобы ездил в Сибирь, тонко агитируя среди колхозников и крестьян-единоличников, что в Сибири примут в любой колхоз, там же принимают на фабрики, на заводы, нужно отсюда (из области) выехать. Агитация достигает цели, находятся переселенцы. Кетов покупает у переселяющихся за бесценок скот, имущество. У него насчитывалось до 20 коров и 50 овец, которых перепродавал спекулируя.

Обком ВКП(б) и Обисполком предлагают:

Во-первых, широко обсудить данное письмо среди колхозников и единоличников. На примере вернувшихся переселенцев-неудачников рассказывать трудящимся, как, почему переселенцы под влиянием кулацкой агитации дошли до такого тяжелого состояния полного разорения.

Во-вторых, ни от сельсовета, ни от колхоза не выдавать никаких документов на предмет переселения. Разъяснять трудящимся, что в Советском Союзе неплановое, стихийное, самовольное переселение никому не разрешается. Документы выдавать только для организованного набора рабочей силы по нарядам Облплана и Райпланов. Обком и Обисполком строжайше запретили городским, хозяйственным, торговым и др. организациям Области принимать рабочую силу, если они прибыли без разрешения сельсоветов, без договора с колхозом...

В-пятых, организовать по согласованию с районом на пароходных пристанях, если они в районе сельсовета, общественные посты, привлекать для этого коммунистов, комсомольцев, передовых колхозников и здесь вести разъяснительную работу с переселенцами – узнать, куда и зачем они выезжают, на примерах, приведенных в данном письме, разъяснять, к чему приводит переселение-бродяжничество.

Эту новую форму классовой борьбы кулаков против колхозников и трудящихся единоличников можем ликвидировать, когда сельские коммунисты, комсомольцы с широким обхватом колхозников, ударников лесного фронта дадут жестокий отпор кулакам и их агентуре... а также если председатели сельсоветов, колхозов, коммунисты, комсомольцы и честные беспартийные будут бороться за укрепление колхозов, выгонять оттуда забравшихся кулаков, будут действительно осуществлять указания тов. Сталина о превращении колхозов в большевистские и всех колхозников в зажиточных...

М.Коюшев, Семичев.

(Публикуется в сокращении.)

Из справки Коми облотдела ОГПУ от 20 ноября 1932 года «О состоянии Коми пединститута»

Коми пединститут организован и впервые приступил к работе в январе этого года. Вначале до октября месяца функционировали первый и второй курсы с количеством учащихся 140 человек и педсостав 7 человек. На первый курс был произведен набор на месте за счет вновь принятых, а на второй курс были переведены коми студенты из вузов города Москвы, Вологды и Ленинграда. В настоящее время открыт третий курс с количеством учащихся 60 человек, исключительно принятых в осенний набор.

Педсостав значительно увеличен, но по подготовке по практической, педагогической работе и соцположению не совсем может отвечать требованиям института: профессоров – 1, доцентов – 4, ассистентов – 8, преподавателей – 5. По соцпроисхождению: из крестьян – 7, из служащих – 6, из служ. культа и б. чинов полиции – 2, из дворян – 2, из рабочих – 1. По партийности: членов и кандидатов ВКП(б) – 3, членов ВЛКСМ – 1, беспартийных – 15.

С первых же дней его организации наблюдались ряд случаев недовольства на организационные неполадки и плохую материальную заинтересованность профессорско-педагогического персонала и особенно студентов...

На производственных совещаниях института как профессорско-преподавательским персоналом, так же и студентами не раз высказывались опасения о возможности полного провала учебной работы в институте. Мотивами к этим опасениям служат совершенно недостаточное оборудование кабинетов, отсутствие учебных пособий и отсутствие достаточного соответствующего профессорско-преподавательского персонала...

Студентка Поповцева, выступая на одном из совещаний, говорила: «Будешь учиться, когда у нас учеба обставлена, как в школе 1-й ступени, а не в высшем учебном заведении, просто не хочется и заходить в институт».

Студент Попов говорил: «За немарксисткое освещение предмета химии приват-доцента Розанова уволили, а теперь дали такого преподавателя по химии, что и сама-то по химии ничего не знает. Курс ничего не усвоил и в целом требуется снова начать прорабатывать программу...»

4 ноября с.г. на уроке педологии во время разбора режима школ в беседе со студентами профессор Пипуныров говорил: «Снабжение наших учебных заведений в Коми области поставлено как нельзя хуже. Возьмем хотя бы нас, ведь нас сюда перебросили из центральных ВУЗов без нашего согласия, а теперь дела до нас нет никому. Нас снабжают хуже всех, хотя мы и считаемся научными работниками».

Студенты сочувственно отнеслись к этим словам Пипуныров, заговорили между собой о том, что ведь у нас доцентов и профессоров из Коми всего 5-7 человек и никому из них не дают хороших условий работы. Кормят плохо, квартира для семейных одна комнатушка и совершенно негде работать, какой-нибудь несчастный техник в гораздо лучших условиях живет, чем профессор. Далее Пипуныров говорит: «Студенты бегут, преподаватели бегут, работать условий нет, и, если ОБНО и ОИК не примет срочных мер, то ВУЗ развалится. Я тоже жду отпуска, а потом уеду и уже не вернусь сюда».

Бытовые условия как профессорско-преподавательского состава, так и студентов действительно весьма скверные. Значительная часть профессорско-преподавательского состава, даже семейные, занимают по одной комнатушке. Студенты живут в общежитиях без всякого оборудования, без свету, спать им приходится на голых досках, потому что не только матрасов, но и соломы достать студенты нигде не могут. На улучшение бытовых условий студентов было отпущено 15 тысяч рублей, но они лежали неиспользованными... Насколько скверно обстоит дело с бытовыми условиями, особенно с питанием, заставляет бить тревогу тот факт, что из литературного отделения от истощенности легли в больницу три студента.

В результате всего этого из института с начала его организации выбыло 35 человек, причем выбывшие являются по соцсоставу относительно более ценным контингентом студенчества: рабочих – 1, из крестьян: колхозников – 15, бедняков – 10, середняков – 6, служащих – 3. Кроме этих выбывших, было подано заявлений об уходе из института еще довольно порядочное количество, но после уговоров администрации и воздействия партийной и комсомольской ячеек, последние обратно взяли свои заявления. Студенты между собой говорят: «Зимой многие собираются в Москву и Ленинград и обратно не думают вернуться. Кто же будет учиться тут, когда многие студенты снабжаются так плохо, норму выдают хлеб 500 г на сутки, сахару 500 г на месяц, а больше почти ничего не дают. Столовая работает плохо, обеды плохие и дорогие. Студентам стипендию выдают 45 руб. на месяц, а в столовой одни обеды стоят 70-75 рублей....»

В отношении предусмотренного нового строительства дело обстоит так же плохо. Кроме некоторого ремонта старых помещений, пока ничего не делается, и предназначенная ссуда для этой цели не отпускается...

Профессор Пипуныров в разговоре о хозяйственной и культурной жизни Коми области говорил: «Когда я жил в стороне, о Коми области имел лучшее представление, а сейчас разочарован. Причины, думаю, общие, с одной стороны, высокая и пустая самоуверенность людей, находящихся у власти, а с другой – их беспомощность по более или менее крупным организационным вопросам. В партийной среде все это семейственно прикрывают. Ну и черт с ними, у меня сейчас только одна забота, скорее вырваться отсюда и заняться научной работой».

Студент Тарабукин говорил: «Разницы между крепостным крестьянином и теперешним (при Соввласти) никакой нет. Советская власть для крестьянина ничего не сделала, а в Коми области раньше лучше жилось, привел для примера Прокопьевский сельсовет, где раньше был фельдшер, а теперь его нет, школ осталось столько же, сколько было и раньше, ни одной не прибавилось».

Студент Леканов в группе студентов, где присутствовали и комсомольцы, говорил по делу Сагайдачного: «Везде ограничения, суд, милиция, расстрелы, приговоры и т.д., что за жизнь такая стала? Расстреливают человека из-за каких-то 200 рублей». Некоторые комсомольцы добавляли: «Да, если тебя будут морить голодом, то и ты не дашь промаху, украдешь. Пожалуй, живя в таких условиях, скоро все заворуем и будем расстреляны...»

Коли со стороны областной организации ВКП(б) не будут приняты срочные и весьма существенные меры, то институт, переживая большие трудности и весьма тяжелое положение во всех отношениях, может окончательно развалиться.

Начальник Коми областного отдела ОГПУ
Павлов.

Из письма писателя М.Доронина в бюро Коми обкома ВКП(б) от 27 октября 1935 г.

...Нет необходимости доказывать общеизвестные истины о том, что художественная литература является величайшим орудием перевоспитания людей, формирования активного и сознательного работника социалистического общества. Также нет надобности... доказывать, что в национальных условиях, как наша Коми Область, роль национальной по форме, социалистической по содержанию литературы огромна...

Мы имеем громадный спрос на художественную литературу. Дети требуют, и вполне законно, детскую литературу. Драмкружки – репертуар, школы – учебники по литературе, серьезную критическую, литературоведческую работы, не говоря уже об огромной тяге к художественной литературе всей массы молодежи... Все это нужно уже сейчас, сегодня...

Что мы имеем сейчас?

В Союзе советских писателей к данному времени имеем 6 членов и 6 кандидатов. Это люди выявившиеся, в основном проверенные на протяжении десятка лет... Это, если можно так выразиться, «золотой фонд» коми художественной литературы... Имеется правление Союза... Имеется литературно-художественный журнал, планы издания художественной литературы в Коми ГИЗе. Наконец, имеется тяга молодежи к творчеству. Как будто есть все для того, чтобы наша литература процветала. Чем же тогда объясняется наше отставание?

Объясняется это, видимо, тем, что, кроме потенциальных возможностей, нужны конкретные люди, кадры и реальные условия работы для этих кадров. Есть ли они у нас? Со всей ответственностью нужно сказать, что нет у нас этих условий...

В правлении практически никого нет, хотя было выбрано семь человек.

Вот кадры писательские:

Председатель правления – Попов Николай Павлович, видный драматург, первый организатор литературного движения в Коми Области, член партии. За последние годы художественной литературой непосредственно не занимался. Редактор газеты, секретарь райкома, зав. культпромом Обкома – все это очень важные дела, которые поглощали у него весь бюджет времени.

Ответственный секретарь – Доронин Михаил Павлович, практически в правлении работал единственным человеком, но кроме этого было полдесятка обязанностей. В прошлом году почти один заполнял полосу в газете «Вӧрлэдзысь», летом был на Пленуме, Съезде писателей, по приезду сюда сразу посадили гл. редактором отдела художественной литературы Коми ГИЗа, с апреля с.г. в Обкоме. Он же – ответственный редактор журнала, уполномоченный литфонда и фактический бухгалтер и кассир в правлении писателей и литфонде. Он же – в авторской бригаде по Истории Коми Парторганизации.

Шеболкин Павел Андреевич – поэт, но поэзией с начала 1934 года фактически не занимался. Будучи разъездным корреспондентом газеты «Вӧрлэдзысь», в течение 1935 г. в Сыктывкаре почти не бывал. Год провел на лесозаготовках, сплаве. Слов нет, он делал полезное и весьма нужное дело. Но не этим определяется

работа поэта. Нельзя приписать ему в актив поэзии газетные заметки. Мало того, что в течение 1935 года он не дал поэтическую продукцию, но за все это время он переквалифицировался на газетный стиль, отошел от поэзии...

Савин Виктор Алексеевич – личность известная Обкому. Работать он может и должен. Но для этого надо с ним работать, подталкивать его, втянуть в работу. И не от случая к случаю, а систематически, изо дня в день.

Лебедев Михаил Николаевич – пишет 35 лет. Сатирик. Работать желает, может. Но вместо отдания всей энергии и остаток своей жизни литературе, вынужден сидеть секретарем Нарсуда...

Чисталев Вениамин Тимофеевич – живет в основном на пенсии 175 рублей. Пять человек семейства. Сам больной. Но если бы создали ему условия, работали с ним, повышали его дух и волю, он бы мог еще дать не одну «Индустриану».

Федоров Геннадий Александрович – весьма способный прозаик. Но литературой занимается как любитель, т.е. так же, как и все наши коми советские писатели. Работает урывками, между делами. В основном бюджет времени исчерпывается редактированием учебников, переводом.

И.В.Изъюров, Г.А.Шахов, И.Н.Симаков, И.И.Оботуров, И.А.Осипов – редактора, преподаватели – иначе служащие, между делом занимающиеся литературой.

Вот тот «золотой фонд» коми литературы, члены и кандидаты Союза. Спрашивается – смогут ли они при таком положении создать литературу, покрыть растущие культурные потребности масс?.. Ясно, что, оставаясь при таком положении, мы литературу не создадим, не обеспечим драмкружки и национальный театр репертуаром, не дадим жизнерадостной и здоровой молодежи веселых песен, не покажем рост социалистической коми деревни, переделку человека...

Литературные кружки не работают. Инструктор правления т.Симаков работает с марта с.г., но примерно около двух месяцев был на сплаве. Да и что он один может сделать... Кустарщина и полумеры не спасут. Вопрос упирается в основной кадр литераторов. Пока они вместо литературы занимаются чем угодно, всякие разговоры о перестройке остаются пустым звуком...

Вопрос таким образом сводится к тому, чтобы писатель имел время для работы. Но чтобы работать, он должен чем-то жить и кормить свою семью. При таком положении, когда в Коми ГИЗе нищенские ставки гонорара (за перевод платят 120 руб. с печатного листа, а за оригинальное произведение максимум 200 руб.), когда редакция газеты за подвал платит 15 руб., когда в журнале платят 30 коп. за стихотворную строку... (не редки случаи, когда выплата гонораров задерживается на годы), писатель существовать не может. Если к этому добавить то, что рукописи в папках Коми ГИЗа лежат годами (пример со 2-м томом Тима Веня), будет ясно, в каких материальных условиях приходится создавать литературу.

Следовательно, вторым вопросом стоит – это обеспечить материально писателей. И третье – писатель должен расти. Нужно организовать учебу, серьезную консультацию для начинающих.

Лично я прошу освободить меня от работы в Обкоме и дать возможность работать на литературном фронте... или освободить от работы в Союзе писателей и редактора журнала. Я буду работать там, куда поставит меня партия,

но так, чтобы работу я мог выполнять, чтобы мог сосредоточиться на определенной работе, повышать свои знания и свою квалификацию, а не так – «делать все и ничего не делать». Лично я считаю, что больше пользы для партии принесу на литературном фронте, ибо есть желание, кое-какое умение работать и знание литературы.

Член ВКП(б), ответственный секретарь Правления ССП – М.Доронин.

(«Дым Отечества», 26 января, 16 февраля, 23 марта, 25 мая, 17 августа, 14 сентября, 23 ноября 2002 г.; 25 января, 22 марта, 19 апреля, 21 июня, 16 августа, 18 октября 2003 г.)

(Сохранены стиль и орфография того времени.)

КТО ЕСТЬ КТО?

Герои снимков – неизвестны

Фонды Национального музея Республики Коми насчитывают десятки тысяч экспонатов. На тысячи идет счет документальным материалам, в том числе фотографиям. К сожалению, многие снимки, хранящиеся в музее, неатрибутированы. Герои снимков неизвестны. Надписи, сделанные на обороте некоторых карточек, вызывают сомнения или недостоверны. Сегодня у музея нет возможности ни узнать сведения об этих людях, ни уточнить сомнительные данные.

Заведующая фондами Национального музея РК Надежда Титова предложила такие снимки поместить на страницах «Дыма Отечества». У нашего приложения – широкая читательская аудитория. Вдруг кто подскажет имена и фамилии людей, запечатленных на фотографиях разных лет.

На снимке *(верхний левый угол, стр. 611)* – капитан с медалью, с гвардейским значком и тремя боевыми орденами на груди. Подпись на обороте снимка отсутствует.

Сомнения вызывает подпись на обороте другого снимка *(правый верхний угол, стр.611)*. Она гласит: «Соколов Аполлон. 1910-1941». В первом томе Книги Памяти Республики Коми есть сведения об уроженце поселка Нювчим Аполлоне Александровиче Соколове. Но он родился в 1916 году, а в 1944 году пропал без вести. Это один и тот же человек? А может, нет?

На этом снимке есть надпись: «На добрую память от А.Грибанова. 2 февраля 19 г.».

Резонанс

Дорогая редакция!

Пишу вам под впечатлениями от увиденной на первой полосе «Республики» за 22 ноября 2003 года фотокарточки. На снимке изображены двое – мужчина и женщина. Редакция газеты и Национальный музей, в котором хранится этот снимок, просили откликнуться тех, кто что-нибудь знает о героях снимка.

Женщина на снимке – моя тетя – Кочева Елена Ефимовна. Рядом с ней ее муж – Воронков Александр Михайлович. О судьбе выльгортской семьи Кочевых я в свое время рассказывал на страницах «Республики». Напомню, что Елена Ефимовна родилась в 1892 году. Ее отец – Кочев Ефим Петрович – в начале 30-х годов был избран прихожанами старостой Выльгортской Сретенской церкви. В 1937 году он боролся за сохранение церкви, собирал для этого подписи прихожан. Органы НКВД в августе 1937 года посадили его в тюрьму. А в сентябре того же года расстреляли. Ефим Петрович был простым крестьянином, сеял, пахал, столярничал. Он имел большую силу воли и духа, которые помогли ему до конца своих дней сохранить свои убеждения, веру.

На обороте этой фотокарточки сохранилось несколько строк, сделанных карандашом: «Тетя Лена, дядя Шура. Культ личности. Расстреляны. Воронковы».

В декабре 2002 года Ефим Кочев Русской православной церковью причислен к лику святых. Останься жив дедушка Ефим Петрович, он очень бы гордился тем, что его внук Николай Васильевич Оплеснин (сын дочери Анны) стал в годы Великой Отечественной войны Героем Советского Союза.

Дочь новомученика Ефима Кочева – Елена Ефимовна – незадолго до начала Первой мировой войны поехала в Киев. Она была первоклассной портнихой. В Киеве вышла замуж за Евгения Евгеньевича Чекорского. С началом Гражданской войны, после окончания Чекорским курсов агитаторов, супруги попали на Север. Тетя Лена – в Усть-Сысольск, а ее муж – на Северный фронт. Там он был схвачен белыми и расстрелян.

Убитая горем, Елена Ефимовна нашла в себе силы принимать активное участие в установлении советской власти в Коми. Вскоре она попросилась на фронт. Попала на Польский фронт. В полку, куда ее определили, комиссаром был Александр Михайлович Воронков.

В своих воспоминаниях Александр Михайлович писал: «У меня в отряде был молодой боец очень приятной наружности. Однажды, когда боец зашел ко мне

Елена Кочева с первым мужем Евгением Чекорским.

с докладом, я сказал: «Почему-то, когда я вас вижу, меня охватывает волнение, как будто вы не мужчина». Боец сильно смутился, покраснел и признался, что она Лена». Это знакомство переросло в дружбу, а затем в любовь. Когда Елена забеременела, Александр отослал ее к своим родителям в деревню Подгорье Архангельской области.

В апреле 1938 года Воронкова арестовали как «врага народа» и по решению Верховного суда СССР расстреляли.

Елена Ефимовна пошла в Управление НКВД Вологодской области, скорее всего, для того, чтобы доказать невиновность мужа. Но ее тут же арестовали.

Как члена семьи «врага народа» особое совещание НКВД СССР 28 мая 1938 года осудило ее на восемь лет лагерей. Год с лишним спустя, 9 августа 1939 года, она умерла от паралича дыхательного центра в Акмолинском лагере «жен изменников родины». Этот печально знаменитый лагерь многим известен под именем АЛЖИР.

Первого мужа тети Лены убили белые, а второго – красные. Сама она устанавливала советскую власть, и эта же власть жестоко расправилась с ней. Такова судьба героини снимка. Мы, родственники, узнали обо всем лишь в конце минувшего столетия. В 1990 году Воронковы были реабилитированы.

Сергей Михайлович КОЧЕВ,
племянник Елены Чекорской-Воронковой.
г.Сыктывкар
(«Дым Отечества», 24 мая, 21 июня, 16 августа, 22 ноября, 26 ноября 2003 г.)

Именной указатель

Н

У

Ф

Указатель географических названий

Л

Т

У

Содержание

Открывая заново

Живая старина

Первые леди

За далью – даль

О доблестях, о подвигах, о славе

Ракурс

Далекое – близкое

Точка на карте

Живая природа

Судьба в конверте

Знак вопроса

Главная площадь республики

Старый новый год

Документ без комментариев

Кто есть кто?

Документально-художественное издание

Анна Николаевна Сивкова

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА. 2002-2003 годы

Редактор – *А.Н.Сивкова*
Компьютерная верстка – *Т.В.Новгородцева, Т.А.Мяндин*

Подписано в печать 12.10.2009 г. Формат 70x100 $^1/_{16}$
Бумага офсетная. Гарнитута «PragmaticaC». Печать офсетная. Усл.п.л.53,3
Тираж 500 экз. Заказ 6298

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»
с готовых дискет заказчика в полном соответствии с качеством
г.Сыктывкар, ул.Савина, 81, тел. (8212) 28-46-71.
E-mail: op2@komitip.ru

ISBN 978-5-7934-0298-9

9 785793 402989

280

